Б. А. Шрамко

Древности Северского Донца

Издательство Харьковского университета

Б. А. ШРАМКО

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. А. М. ГОРЬКОГО

Харьков 1962

Книга посвящена исторической судьбе народов, населявших в древности берега Северского Донца, а также территорию ряда смежных современных областей РСФСР и УССР. В общедоступной форме она знакомит читателей с хозяйством, общественным строем, бытом и культурой местных жителей, начиная от каменного века и кончая эпохой Дневнерусского государства IX—XIII веков. Значительное количество археологических памятников, исследованных автором в результате разведок и раскопок, публикуется впервые. Богатый историко-археологический материал поможет краеведам ориентироваться в местных памятниках древности, может использоваться учителями с целью оживления уроков истории, для разнообразных лекций на исторические темы и в работе краеведческих кружков. Даны методические указания начинающим археологам.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в основном учителей, студентов, работников историко-краеведческих музеев и краеведов-любителей. Специалист-археолог найдет здесь целый ряд новых материалов и наблюдений.

Ответственный редактор проф. К. Э. Гриневич

О ЧЕМ МОЛЧАТ ЛЕТОПИСИ

(Вместо предисловия)

Неисчерпаемо богата наша Родина различными историческими памятниками, в том числе и такими, возникновение которых относится к очень отдаленным эпохам. Немало древностей можно встретить и на берегах Северского Донца[1], несущего свои воды среди разнообразного ландшафта нескольких областей РСФСР и Украинской ССР. Нередко на полях здесь можно увидеть то очень небольшие, то довольно высокие могильные насыпи — курганы. На вершине древнего кургана, словно безмолвный страж, возвышается иногда сглаженная ветрами и дождями, поросшая мхом каменная статуя. В некоторых местах на высоких берегах рек, причудливо изрезанных оврагами, можно заметить земляные валы и рвы, ограждающие остатки древнего поселения.

Кто же и когда здесь жил? Каковы были хозяйство, общественный строй, быт и культура местных племен и народностей? С какими событиями в истории нашей Родины связаны эти памятники седой старины? В каких древних документах сохранились сведения о жизни людей на той территории, где расположено современное село или город?

Такие или подобные вопросы возникают у людей разного возраста и самых различных профессий, которые интересуются краеведением, работают в исторических кружках, составляют маршрут туристского похода, собирают материал для школьного исторического музея, кабинета или, наконец, просто желают получить историческую справку.

Эти вопросы вполне закономерны. В наше время трудно найти такого культурного человека, который, независимо от его профессии, обладал бы настолько ограниченным кругозором, что совершенно не интересовался бы историей челове-

[1] Довольно часто употребляют ошибочное название «Северный Донец», возникшее в результате неправильной расшифровки сокращения «Сев. Донец». На самом деле исторически правильное название реки — Северский Донец. Такое название она получила от имени славянского племени северян, территория которого охватывала и часть бассейна этой реки.

чества, историей того, как возникло и постепенно изменялось общество, как развивалась и совершенствовалась его культура. Человек не может не интересоваться своей собственной историей, биографией своих предков.

Мы не люди без роду и племени, не имеющие своих исторических традиций, не знающие своего прошлого. У советских людей широкий кругозор и большое стремление к глубоким знаниям истории своей Родины. Народы нашего социалистического государства по праву гордятся теми достижениями, тем крупным вкладом, который внесли в общую сокровищницу культуры их далекие предки.

На заре человеческой истории, в эпоху первобытного общества были созданы первые орудия производства, человек овладевает огнем, изобретает первые формы одежды и жилищ. К этим же временам относится появление гончарства и металлургии, скотоводства и земледелия, начало изобразительного искусства, музыки и других достижений человеческой культуры. Древнейшая история наглядно показывает, как человек благодаря труду, путем огромных усилий добивается первых, решающих успехов в борьбе со стихийными силами природы. Без этих скромных начальных шагов не было бы и достижений современной химии и физики, автоматики, атомной энергетики, космических ракет и многого другого.

К изучению далекого прошлого влечет наших людей не только простое любопытство, но и желание лучше осмыслить исторический процесс, глубже понять основные закономерности развития человеческого общества, которые раскрывает исторический материализм — марксистско-ленинское учение, дающее ответ на коренные теоретические и методологические вопросы истории общества.

Законы исторического материализма необходимо изучать на основе критического анализа конкретных исторических фактов из истории различных общественно-экономических формаций. Еще в 1920 г. в своей речи на III Всероссийском съезде комсомола В. И. Ленин, предостерегая молодежь против формального заучивания готовых выводов и лозунгов, говорил: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»[1]. История нашей Родины с древнейших времен как раз и дает большое количество ярких и убедительных фактов, которые помогают лучше и глубже понять законы исторического материализма.

Древнейшая история для нас — советских историков не является какой-то абстрактной, далекой от жизни наукой. Напротив, объективное изучение далекого прошлого сочетается в ней с сугубой партийностью, с реальной непримиримост

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 262.

борьбой против буржуазных фальсификаторов истории, в частности, против таких американских и английских социологов, как, например, Д. Дьюи, Э. Богардус, К. Федерн и др., которые отрицают объективную закономерность исторического процесса и объявляют историю скоплением случайных, единичных событий.

На основе точно установленных наукой фактов история, изучающая древнейшие общественно-экономические формации, показывает, что было время, когда еще не существовало частной собственности, классов и государства. Этим она опровергает утверждение целого ряда реакционных историков, которые не видят принципиального отличия первобытно-общинного строя от классового общества, которые пытаются доказать вечность и незыблемость эксплуататорского общества, вечность существования эксплуатации человека человеком.

Без знания древнейших этапов развития общества нам было бы непонятно многое в дальнейшей истории человечества, так как между различными общественными явлениями существует тесная взаимосвязь. «Да кто же не знает,— говорил В. И. Ленин,— что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?» [1].

На богатейшем материале история разоблачает всяческие религиозные легенды, которыми служители церкви и их защитники пытаются подменить подлинную историю человечества. Библейская сказка, повествующая о сотворении человека богом, о райской жизни первых людей, о всемирном потопе и других чудесах, не выдерживает никакой критики при сопоставлении ее с яркими и убедительными фактами материалистической истории человеческого общества. Невозможно опровергнуть реальные находки остатков самых древних людей, которые жили задолго до мифического сотворения их богом, согласно учению церкви. Невозможно отрицать реально существующие находки примитивных каменных орудий, которые показывают, что древнейший человек вел не беспечную райскую жизнь, а вынужден был с большими усилиями добывать себе средства для существования.

Короче говоря, история первобытного общества дает первоклассный, очень доходчивый и убедительный материал для антирелигиозной пропаганды и помогает нам бороться с одним из наиболее устойчивых пережитков в сознании людей. Это сильное идеологическое оружие мы обязаны широко и всесторонне использовать. «Мы требуем полного отделения церкви от государства,— говорил В. И. Ленин,— чтобы бо-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 162.

роться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом»[1].

Можно было бы привести еще целый ряд аналогичных примеров, но и того, что уже сказано, вполне достаточно чтобы стала ясна важность изучения древнейших этапов истории человечества. Это изучение не только расширяет кругозор, не только помогает лучше осмыслить весь исторический процесс, но и дает сильное идеологическое оружие, которое мы обязаны использовать в современной борьбе з построение коммунистического общества.

Следует иметь в виду, что изучение далекого прошлого связано с некоторыми трудностями, которые объясняются прежде всего своеобразием источников.

Если речь идет о событиях, происходивших на нашей территории полторы-две тысячи или несколько сотен лет тому назад, то некоторые сведения о них иногда можно получить в архивных документах, летописях, в сочинениях древних путешественников, писателей, историков и в других письменных источниках. Но как узнать о событиях, о людях, живших много тысячелетий тому назад? В таком случае даже неполные ответы на целый ряд вопросов трудно, а подчас и вовсе невозможно найти в летописях или в трудах древних ученых

Человек, судя по известным нам в настоящее время находкам, появился на земле приблизительно 500 тысяч лет тому назад, а первые памятники письменности, рассказывающие о некоторых событиях из истории человечества, появились гораздо позже, в эпоху возникновения в странах древнего Востока (в IV—III тысячелетиях до н. э.) первых рабовладельческих государств. До этого люди вообще не знали еще настоящей письменности. Следовательно, письменные источники могут, да и то недостаточно полно, осветить лишь одну сотую часть времени существования человеческого общества. И вот там, где молчат письменные источники, берет слово археология.

А р х е о л о г и я[2] — это историческая наука, изучающая историю человечества по вещественным источникам. К таким источникам относятся всевозможные остатки жизни и деятельности людей, сохранившиеся в той или иной мере от далекого прошлого: древние орудия производства, оружие посуда, украшения, остатки пищи, монеты, предметы культа и т. п.

Археологические остатки являются более точными, более достоверными источниками, чем письменные. Это объясняет

---

[1] В. И. Л е н и н. Соч., т. 10, стр. 67—68.

[2] Само слово «археология», т. е. «наука о древностях» происходит от двух греческих слов: archaios — древний и logos — слово, понятие рассказ.

ся тем, что археологические памятники были непосредственно связаны с жизнью людей, использовались ими в хозяйстве, в быту и т. д. Этих немых свидетелей прошлого, правда, нелегко заставить «говорить». Иногда бывает трудно объяснить значение той или иной археологической находки. Однако тщательное, часто сложное и очень кропотливое изучение этих памятников дает возможность восстановить в основных чертах, а иногда даже и в некоторых деталях, жизнь людей в отдаленные времена.

Письменные же источники рассказывают нам об определенных событиях так, как эти события отражались в сознании людей. К тому же авторы нередко весьма односторонне или тенденциозно освещают факты, искажают их. Буквальный смысл письменных источников обычно сравнительно легко понять, но они нуждаются еще в тщательной критической проверке с целью выяснения степени их достоверности.

Большое значение имеет и то, что количество очень древних письменных источников (летописей, юридических документов, трудов древних ученых, писем и т. п.) весьма ограничено. Подавляющее большинство их детально изучено, а новые письменные источники если и появляются, то уже с помощью археологических изысканий. Количество же археологических источников так велико, что практически они неисчерпаемы. Везде, где жил и трудился человек, он оставил какие-то следы, которые улавливаются путем археологических исследований.

Вещественные остатки, изучаемые археологами, находят преимущественно на местах древних поселений, мастерских, рудников, культовых сооружений или в могилах. Встречаются также клады древних вещей, различные изображения и отдельные находки.

Среди древних поселений различают стоянки, селища и городища. Стоянкой археологи называют остатки временного или постоянного неукрепленного поселения людей каменного, медного или бронзового века. Остатки укрепленных поселений, которые на нашей территории появляются обычно уже в железном веке, называют городищами, независимо от характера оборонительных сооружений. Временные или постоянные неукрепленные поселения, существовавшие одновременно с городищами, называют селищами. На поселениях любого типа археологи тщательно исследуют прежде всего культурный слой, т. е. такой слой почвы, который образуется из органических и неорганических остатков в результате жизни и деятельности человека. Именно в культурном слое залегает основная масса вещественных находок (обломки керамики, кости употреблявшихся в пищу животных, птиц, рыб, случайно потерянные или выброшен-

ные как негодные для дальнейшего употребления изделия из камня, металла, рога и проч.).

Для исследования производственных процессов очень важную роль играют древние *рудники* и *мастерские*. Последними называют места, на которых вырабатывались различные орудия, оружие, бытовая утварь и другие вещи, независимо от того, были ли для этого сооружены какие-либо постройки или здесь имелся просто удобный участок. Изучение древних рудников дает возможность выяснить, какими способами человек добывал руду, какие орудия он применял в древнейших горных разработках. Химический анализ руды, плавильных шлаков и готовых изделий позволяет установить места древних центров добычи и обработки металла, проследить торговые связи.

Культовые места — это участки или специальные сооружения, предназначенные для совершения различных религиозных обрядов. Эти места имеют большое значение не только для изучения древних религиозных представлений, но и для характеристики других сторон жизни людей. Так, например, здесь иногда находят изображения животных, на которых охотился человек, или изображения вещей, которые очень плохо сохраняются либо совершенно не сохраняются в земле. Среди жертвоприношений встречаются подлинные вещи, употреблявшиеся людьми того времени, или их миниатюрные копии, изготовленные специально для культовых целей. Это помогает получить важные сведения о хозяйственной деятельности человека.

Ценными археологическими источниками являются древние *погребения*. Возникнув еще в каменном веке, обряд погребения покойников принял у различных племен и народностей своеобразные формы. Поэтому уже сам обряд погребения служит важным этнографическим признаком. Археологи встречают самые разнообразные типы погребальных сооружений — от простой ямы до сложных каменных гробниц и огромных курганных насыпей. Под одной и той же насыпью кургана можно встретить иногда не одно, а несколько разновременных погребений. При этом оказывается, что и насыпь кургана постепенно изменялась: перерезалась, досыпалась и т. п. Проследить эти изменения очень важно, так как они дают возможность установить последовательность захоронений. Самое древнее погребение, над которым была сооружена первоначальная насыпь кургана, называется *основным*, а более поздние погребения этого же кургана называются *впускными*.

Вера людей в загробную жизнь приводила к тому, что очень часто в могилу вместе с покойником клали пищу и различные вещи, которые якобы должны были употреблять-

ся в потустороннем мире. Найденные в древних погребениях предметы археологи называют **могильным инвентарем**. Если погребение не подвергалось ограблению, то само расположение вещей в могиле дает возможность выяснить их назначение, остающееся иногда неясным при находке случайно потерянной или брошенной на поселении вещи. Кроме того, на поселениях мы имеем обычно дело с обломками, а в могилы клали, как правило, вещи хорошей сохранности.

Своеобразие источников ведет к тому, что исследовательские приемы археологов значительно отличаются от приемов работы других историков. Древние вещественные остатки иногда попадаются на современной поверхности почвы. Такой **подъемный материал** уже дает возможность предварительно ознакомиться с археологическим памятником. Однако чаще древние остатки сохраняются в земле под позднейшими наслоениями почвы, под развалинами построек, в древних могилах и т. д. Поэтому прежде чем приступить к непосредственному исследованию вещественных источников, археолог должен произвести **разведки** и найти то место, где скрыты памятники старины, затем, с соблюдением особых правил и предосторожностей, **выкопать** их из земли. В связи с этим советский ученый А. В. Арциховский очень удачно сказал, что «археология есть история, вооруженная лопатой».

Найденные вещи археолог обязан так обработать, чтобы предохранить их от дальнейшего разрушения, а если нужно, то реставрировать эти вещи, т. е. придать им по возможности тот вид, который они имели в далеком прошлом.

Для научного использования вещественных памятников в качестве исторического источника необходимо еще установить их абсолютную или относительную хронологию, т. е. определить последовательность их существования во времени. Исторический памятник или событие, не приуроченные, хотя бы приблизительно, к определенному моменту истории общества, бесполезны для науки. Археологи используют как абсолютную, так и относительную хронологию.

При установлении **абсолютной хронологии** определяется точная или приблизительная дата существования какого-либо предмета или явления. Даты исчисляются в различных единицах времени (день, год, столетие, тысячелетие и т. п.) от какого-то определенного момента, который называется эрой [1]. Такой эрой может быть, например, сегод-

[1] В древности часто за начало летоисчисления брали год вступления на престол царя или год начала правления определенного магистрата. Слово «эра» (от латинского aera) возникло, по-видимому, вследствие сокращения до начальных букв фразы «ab exordio regni Augusti» («от начала царствования Августа»).

няшний день. Тогда, указывая на какое-нибудь событие, мы можем сказать, что оно произошло, скажем, 700 лет тому назад (от сегодняшнего дня).

В настоящее время у нас и во многих других странах летоисчисление ведется от мифического «рождества Христова». Понимая, что никакого научного обоснования это летоисчисление не имеет, его именуют летоисчислением от «нашей эры» или «новой эры» (сокращенно: н. э.). Эра эта искусственно создана в IV веке римским монахом Дионисием Малым, уроженцем Северного Причерноморья. До этого в течение более пяти веков существования христианской религии ее приверженцы пользовались разнообразными системами летоисчисления, но не употребляли эры от «рождества Христова». Более того, точной даты мифического рождения Иисуса Христа даже сами церковники не могут назвать. Делались попытки вычислить дату его рождения, исходя из библейского рассказа о сотворении мира. При этом подсчеты расходились на 1525 лет. Представители католической церкви считали, что Христос родился в 3983 году после сотворения мира, а православные священники утверждали, что он родился лишь спустя 5508 лет после сотворения мира.

Дионисий, конечно, тоже не имел никаких определенных данных, но поступил весьма решительно. В его время на территории бывшей Римской империи было распространено установленное еще в III веке летоисчисление по эре Диоклетиана, т. е. вели счет лет, начиная с первого года правления императора Диоклетиана (с 284 года н. э.). Дионисий на место 248 года эры Диоклетиана поставил 532 год «после рождества Христова» и таким образом установил новую эру летоисчисления. Цифру 532 он взял из чисто практических соображений — для удобства вычисления дней празднования пасхи, которая через каждые 532 года вновь приходится на одно и то же число по юлианскому календарю.

Летоисчисление от «рождества Христова» далеко не сразу получило широкое распространение. Только в XVI в. оно было введено в Германии и Франции, а с XVIII в.— в Англии. В России Петр I ввел это летоисчисление с 1700 г.

Обычно возникает вопрос о том, как археологи устанавливают даты существования древних поселений, даты погребений или отдельных вещей. Абсолютные даты археологических памятников иногда дают возможность установить краткие упоминания в произведениях древних авторов, находки древних монет и надписей, находки характерных вещей, которые изготавливались и применялись лишь в течение известного промежутка времени.

В последнее время разработан метод датировки органических остатков по степени распада радиоактивного углерода

Известно, что в молекулах живых организмов наряду с другими атомами содержатся и атомы различных изотопов углерода, в том числе в очень небольшом количестве имеется радиоактивный углерод с атомным весом 14. При этом в живом организме, благодаря непрерывному обмену с окружающей средой, поддерживается определенное соотношение между простым и радиоактивным углеродом С-14. После гибели растения или животного возобновление радиоактивного углерода прекращается, а самопроизвольный распад неустойчивых ядер С-14 ведет к уменьшению его в остатках органического вещества. Через 5568 лет остается лишь половина первоначального количества радиоактивного углерода. Зная это, можно путем специальных исследований датировать скелеты людей и животных, а также изделия из кости и дерева, уголь из древних очагов и т. п.

Существуют и другие способы определения абсолютных дат (фторовый метод, коллагеновый метод, дендрохронологический метод, археомагнитный метод и др.). Однако в настоящее время еще далеко не всегда удается установить абсолютную хронологию археологических памятников и поэтому при исследовании древнейших исторических эпох ученые широко используют также относительную хронологию.

При установлении относительной хронологии не измеряют время теми или иными единицами, а лишь определяют соотношение между событиями во времени. Иначе говоря, относительная хронология показывает, что какое-то событие произошло раньше или позже другого, но не говорит, на сколько раньше или позже. Археологи используют как геологическую, так и собственно археологическую систему относительной хронологии.

Геологическая относительная хронология основана на изучении последовательности возникновения напластований земной коры. Общий возраст земли по некоторым подсчетам определяется примерно в 2—3 миллиарда лет, а возраст земной коры (литосферы) равен 1,4—1,6 миллиарда лет. В течение этого огромного промежутка времени земная кора претерпевала значительные изменения. История земной коры хронологически делится на пять геологических эр: архейскую (начальную), археозойскую (начальной жизни), палеозойскую (древней жизни), мезозойскую (средней жизни) и кайнозойскую (новой жизни). Начавшаяся примерно 50 миллионов лет тому назад кайнозойская эра продолжается и сейчас. Она подразделяется на два периода: третичный и четвертичный. Последний некоторые исследователи называют еще антропоген, т. е. период возникновения и жизни человека. Четвертичный период состоит из двух геологических эпох: плейстоцен

(ледниковая эпоха) и голоцен (современная геологическая эпоха).

Отложения, образовавшиеся в течение каждой геологической эры, периода и эпохи, соответственно называются группа, система и ярус. В этих отложениях находят различные остатки животных и растений (например, раковины моллюсков, окаменевшие остатки скелетов рыб и наземных животных, отпечатки растений и т. п.), которые существовали лишь определенный промежуток времени. Эти остатки помогают устанавливать последовательность напластований (стратиграфию) земной коры.

Археологическая относительная хронология охватывает только четвертичный период (антропоген) и основана главным образом на изучении и классификации орудий производства по форме, материалу и технике их изготовления. В настоящее время археологи установили следующую систему относительной хронологии:

I. Эолит (заря каменного века).

II. Палеолит (древний каменный век).

1. Ранний палеолит.
   - а) Шелльская эпоха.
   - б) Ашельская эпоха.
   - в) Мустьерская эпоха.
2. Поздний палеолит.
   - а) Ориньяко-солютрейская эпоха.
   - б) Мадленская эпоха.

III. Мезолит (средний каменный век).

IV. Неолит (новокаменный век).

V. Энеолит (медно-каменный век).

VI. Бронзовый век.

VII. Железный век.

Подробно останавливаться на описании этих веков и эпох мы здесь не будем, так как характеристика их дается в соответствующих разделах книги.

Из вышесказанного видно, что только после длительной, иногда очень сложной предварительной работы археолог получает возможность использовать памятники древней материальной культуры в качестве полноценного исторического источника.

Но зато какие большие перспективы раскрываются перед историком, который может заставить говорить немых свидетелей угасшей жизни! Добывая и исследуя древние орудия производства, остатки костей домашних или добытых на охоте животных, остатки жилищ, детали одежды и т. п., а также используя данные антропологии [1], советские археологи делают

[1] Антропология (от греч. anthropos — человек и logos — слово) — наука, изучающая происхождение и развитие физического строения человека и его рас.

выводы о производственном опыте людей, об их трудовых навыках, о развитии техники производства, т. е. получают данные, характеризующие производительные силы общества. Вместе с тем один из законов исторического материализма гласит, что определенному уровню развития производительных сил в основном соответствуют и определенные производственные отношения. Следовательно, изучая по памятникам материальной культуры различные элементы производительных сил общества, сопоставляя полученные таким путем выводы с данными других исторических наук, особенно этнографии[1], археологи могут получить определенное представление о базисе, о совокупности производственных отношений общества.

Пусть сегодня для характеристики некоторых очень отдаленных эпох мы имеем еще недостаточно материалов и при освещении ряда вопросов вынуждены ограничиваться лишь более или менее убедительными гипотезами, но исследования продолжаются, накапливаются новые факты и постепенно наука все увереннее рассеивает тот густой туман, который закрывает от нашего взора истоки истории человечества.

Главное внимание при изучении памятников материальной культуры археологи уделяют орудиям производства, т. е. наиболее подвижной, наиболее характерной части производительных сил любого человеческого общества. На большое значение изучения орудий производства для понимания уровня экономического развития указывал в свое время К. Маркс: «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средства труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций»[2]. Одновременно нельзя, конечно, допускать упрощенчества, схематизма и, исследуя одну группу памятников (даже такую важную, как орудия производства), игнорировать остальные источники. Только изучение всей совокупности фактов — археологических, антропологических, лингвистических, этнографических, палеонтологических и других, с привлечением письменных источников,— позволяет постепенно восстанавливать картину жизни человечества в далеком прошлом.

В этой книге автор, опираясь главным образом на материалы, полученные в результате археологических исследований, делает попытку познакомить читателей с основными

---

[1] Этнография (от греч. ethnos — народ и grapho — пишу) — историческая наука, изучающая происхождение, состав, расселение, особенности материальной и духовной культуры различных народов мира, а также их культурно-исторические взаимоотношения.

[2] К. Маркс. Капитал, т. 1, 1953, стр. 187.

фактами истории тех племен и народностей, которые жили на берегах рек бассейна Северского Донца с древнейших времен до XIII—XIV вв. н. э. Территория, о которой здесь идет речь, довольно велика. Истоки такого крупного притока Донца, как Оскол, расположены в Курской области, а верховья самого Северского Донца находятся в Белгородской области РСФСР; отсюда река направляется на юг и в пределах УССР пересекает Харьковскую, Донецкую и Луганскую области, а затем уже на территории РСФСР впадает в Дон.

В книге используются в основном материалы, добытые различными исследователями в бассейне Северского Донца и его притоков. Но для полноты исторической картины привлекаются часто и другие источники. Это оказывается совершенно необходимым при описании жизни людей в очень отдаленные времена, тем более, что вещественных остатков тех эпох вообще сохранилось мало, а локальные различия в культуре населения различных территорий были невелики. Это расширение источников целесообразно также для характеристики тех более поздних культур, общая территория распространения которых выходила за рамки бассейна Северского Донца. Наконец, история народов, живших на любой территории, не может вообще рассматриваться изолированно. Поэтому в начале каждого раздела книги дается краткая общая характеристика эпохи, а затем уже излагаются факты местной истории.

Для того, чтобы облегчить читателю отыскание сведений о различных археологических памятниках и об интересующих его географических пунктах, в конце книги прилагаются соответствующие указатели. Греческие слова даны везде в латинской транскрипции. Для того, чтобы устранить повторения и сделать менее громоздким ссылочный аппарат, в подстрочных сносках приводятся только труды классиков марксизма-ленинизма и основные письменные источники. Остальные работы, как правило, указаны лишь в библиографическом списке.

Библиографический список не претендует на исчерпывающую полноту. В него вошли лишь наиболее важные работы, в которых опубликованы или исследованы археологические памятники, найденные в бассейне Северского Донца и его притоков. Однако в ряде случаев в список внесены общие работы и работы, посвященные археологическому изучению соседних территорий, даже если в этих трудах донецкие памятники упоминаются бегло или совсем не упоминаются. К этим исследованиям читатель может обратиться для того, чтобы изучить тот или иной вопрос глубже и в более широком плане.

Археология — молодая наука. Огромное количество древних памятников еще совершенно не исследовано и даже неизвестно археологам. Поэтому, несмотря на то, что автор пы-

тался использовать большое количество источников и что ряд материалов публикуется здесь впервые, все же книга не может дать полного и окончательного решения всех исторических проблем, даже если они касаются лишь древнейшей истории населения, жившего на территории, охватываемой только бассейном Северского Донца. Но тот, кто интересуется древнейшей историей нашей Родины, может сам принять непосредственное участие в дальнейшем археологическом изучении ее. О том, в какой форме это возможно даже без длительной специальной подготовки, сказано в последнем разделе.

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность члену-корреспонденту АН УССР С. Н. Бибикову, докторам исторических наук Б. Н. Гракову и К. Э. Гриневичу, кандидатам исторических наук Н. Я. Мерперту, К. Ф. Смирнову и Д. Я. Телегину, археологу В. И. Кадееву, которые прочитали всю работу или часть ее в рукописи и дали ряд ценных советов. Автор весьма признателен дирекции Гос. исторического музея в Москве, Гос. Эрмитажа, Харьковского исторического музея, Донецкого областного краеведческого музея и Изюмского краеведческого музея за предоставленную ему возможность обстоятельно ознакомиться с фондами этих музеев и использовать в своей работе некоторые неопубликованные материалы.

Автор будет очень благодарен также всем читателям, которые сообщат ему о новых находках каких-либо древних памятников, а также свои пожелания и отзывы об этой книге [1].

---

[1] Данная книга была полностью сверстана еще в 1960 г., но по независящим от автора техническим причинам ее выход в свет сильно задержался. В готовый текст автор, разумеется, уже не мог вносить значительных дополнений.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

ГЛАВА I

ПАЛЕОЛИТ

«Первая предпосылка всякой человеческой истории, это, конечно, существование живых человеческих личностей. Поэтому первый подлежащий установлению конкретный факт — телесная организация этих личностей и ею обусловленное отношение их к остальной природе».

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 10).

Начало истории человеческого общества относится к очень отдаленным временам. Изучение находимых в земле костных остатков ископаемых человекообразных обезьян и остатков древнейших людей показывает, что человек появился на земле в начале четвертичного периода кайнозойской эры, несколько сот тысяч лет тому назад.

Территория, на которой происходил процесс превращения обезьяны в человека, охватывала довольно значительную часть тропической и субтропической зоны Старого света (Европы, Азии и Африки). Некоторые находки позволяют предполагать, что в зону, где совершалось очеловечивание обезьян, входили и южные районы СССР, в частности Украины. Здесь в конце третичного и в начале четвертичного периода были благоприятные природные условия и водились человекообразные обезьяны. Это подтверждается находкой 1939 г. в местности Удабно на территории восточной Грузии двух зубов и обломка верхней челюсти ископаемой человекообразной обезьяны удабнопитека (Udabnopithecus garedziensis). Остатки другой ископаемой обезьяны — мезопитека (Mesopithecus pentelicus) — обнаружены на юге Украины.

Процесс превращения обезьяны в человека был очень длительным. «Наверное, — говорит Ф. Энгельс, — протекли сотни тысяч лет,— в истории земли имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека,— прежде чем из стада лазящих по деревьям обезьян возникло человеческое общество» [1].

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1948, стр. 138

Многочисленные находки и исследования показывают, что в конце третичного периода на земле появились уже высокоразвитые человекообразные обезьяны (типа австралопитека, плезиантропа и др.)[1], у которых в результате приспособления к изменяющимся условиям существования выработались некоторые новые важные признаки. Они постепенно начали ходить на двух нижних конечностях, стали питаться не только растительной, но и мясной пищей. Когда обезьяны стали передвигаться преимущественно на двух нижних конечностях, их верхние конечности освободились для других функций. Лапы обезьян постепенно приспосабливались для различных целенаправленных действий с предметами, находимыми в окружающей природе (камни, палки). Эти предметы они употребляли для защиты от врагов и для нападения на мелких животных, которых можно было съесть. Таким образом, у высших обезьян выработались предпосылки, способствовавшие превращению их в людей. Однако это еще не были люди.

Ф. Энгельс, тщательно исследовавший эту проблему в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», впервые научно, с материалистической точки зрения доказал, что процесс происхождения человека нельзя рассматривать только с биологической точки зрения как простое накопление новых признаков в ходе естественного отбора. Здесь мы сталкиваемся с таким явлением, когда биологическое качество переходит в общественное — обезьянье стадо превращается в человеческий коллектив. И это превращение произошло благодаря труду, который начинается с изготовления орудий производства. Труд есть «...первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»[2].

Трудовая деятельность играла и играет в жизни человека огромную роль. Под влиянием изготовления и использования орудий производства совершенствуется человеческая рука, развивается мозг. Одновременно у человека вырабатывается и необходимое для жизни в обществе средство общения — членораздельная звуковая речь.

То обстоятельство, что важнейшим признаком, отличающим даже самого примитивного человека от самой высокоразвитой обезьяны, является труд, имеет огромное значение для современных исследователей. Труд начинается с изготовления и употребления орудий производства. Следовательно, найти древнейшие орудия, выяснить их форму, назначение, время и технику изготовления — это значит разыскать ту путеводную нить, которая поможет продвигаться в деле изучения первых страниц истории человеческого общества. Ибо

[1] Остатки этих обезьян были найдены в Южной Африке.

[2] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 134.

только человек сознательно изготовляет и применяет орудия производства, в отличие от него, «ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа»[1]. Древнейшая эпоха, от которой до нас дошли вполне достоверные каменные орудия человека, носит в археологии название древне-каменного века или палеолита (от греческих слов palaios — древний и lithos — камень).

РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ (500—30 ТЫС. ЛЕТ ТОМУ НАЗАД)

Шелльская и ашельская эпохи

Природные условия и внешний облик юга Восточной Европы, в частности территории, по которой ныне протекает Северский Донец со своими притоками, в древности значительно отличались от современных.

В начале плейстоцена большая область между Днестром и Волгой представляла собой равнину, по которой текли полноводные и широкие, но сравнительно неглубокие реки. Слабая расчлененность рельефа не благоприятствовала стоку вод и поэтому значительные пространства были покрыты озерами и болотами. На территории нынешнего Донбасса происходили медленные, но значительные по размерам колебания земли, выражавшиеся преимущественно в поднятии почвы.

Климат был влажный и более теплый, чем сейчас, близкий к субтропическому. Небольшие оледенения в самом начале четвертичного периода не оказали значительного влияния на климат этой территории. Исследователи считают, что температура даже в холодное время года не опускалась ниже +8° С.

Обилие влаги и тепла способствовало развитию пышной луговой и лесной растительности. Вечнозеленый лавр, самшит, бук, смоковница и другие растения, которые ныне встречаются лишь на юге, произрастали даже в лесах севера современной Украины. Далее на севере Русской равнины простиралась полоса смешанных хвойно-широколиственных лесов. В целом господствующим ландшафтом была лесостепь.

Фауна начала плейстоцена характеризуется наличием вымерших в настоящее время теплолюбивых животных (южный слон и трогонтериевый слон, носорог Мерка, гиппопотам, саблезубый тигр, эласмотерий) наряду с такими животными, как олень, бык, лошадь, медведь, волк и т. д., которые в несколько видоизмененных формах живут и сейчас.

Следы древнейших стоянок первобытного человека, на которых находят каменные орудия, относящиеся к раннему палеолиту, встречаются сравнительно редко. Плотность населения была тогда очень небольшой, и люди выбирали для жиз-

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 135.

ни самые удобные места. Кроме того, незначительные сами по себе остатки многих древнейших поселений могли быть уничтожены в процессе грандиозных геологических изменений, которые переживала Европа в эпоху плейстоцена.

Неудивительно поэтому, что до недавнего времени на территории СССР не было известно остатков жизни людей шелльской эпохи, и лишь в небольшом количестве были зафиксированы памятники ашельской эпохи. Однако благодаря тщательным розыскам советским ученым все же удалось доказать, что юг Восточной Европы был заселен человеком еще в самом начале раннего палеолита.

В 1946—1948 гг. археологи С. А. Сардарьян, М. З. Паничкина и С. Н. Замятнин исследовали на холме Сатани-Дар («Бугор сатаны») в Армении местонахождение позднешелльского времени, где были собраны грубые отщепы и примитивные орудия из обсидиана в виде ручных рубил.

Первое и пока единственное шелльское местонахождение на Украине было открыто в 1946 г. С. Н. Бибиковым и П. И. Борисковским на левом берегу Днестра у с. Лука-Врублевецкая (в 20 *км* от Каменец-Подольского). Исследовавший это местонахождение в 1946—1947 гг. П. И. Борисковский обнаружил здесь массивные отщепы и три типичных ручных рубила из кремня (рис. 1). Такие древние памятники больше нигде на территории СССР пока не обнаружены. Однако вполне вероятно, что дальнейшие исследования дадут возможность найти шелльские орудия и в других местах юга Восточной Европы, в частности, в бассейне Северского Донца, где на протяжении всего плейстоцена были довольно благоприятные для жизни человека природные условия.

Пока же самыми древними[1] в бассейне Северского Донца являются каменные изделия, найденные Г. И. Горецким и А. Д. Столяром в 1950 г. у хутора Хрящи. Они приурочены к третьей надпойменной террасе левого берега Донца в его низовьях. К сожалению, здесь собрано несколько кремневых отщепов и лишь одно орудие типа скребла неправильно-прямоугольной формы из светло-серого кварцита (рис. 2,1). Часть изделий была собрана на бечевнике среди материалов, вымытых водой, а два отщепа были обнаружены при раскопках непосредственно в нижнем горизонте аллювия и, судя по стратиграфии, относятся к ашельской эпохе, к миндель-рисскому времени.

Эти находки свидетельствуют о том, что низовья Северского Донца были заселены человеком уже в раннем палео-

[1] Если не считать краткого сообщения о находках Н. В. Сибилевым шелльских и ашельских орудий на берегах Сев. Донца, у с. Яремовки, ниже Изюма. П. И. Борисковский в своей обобщающей работе «Палеолит Украины» упоминает об этих находках, не отрицая и не подтверждая их достоверности, но не включает их в карту палеолита.

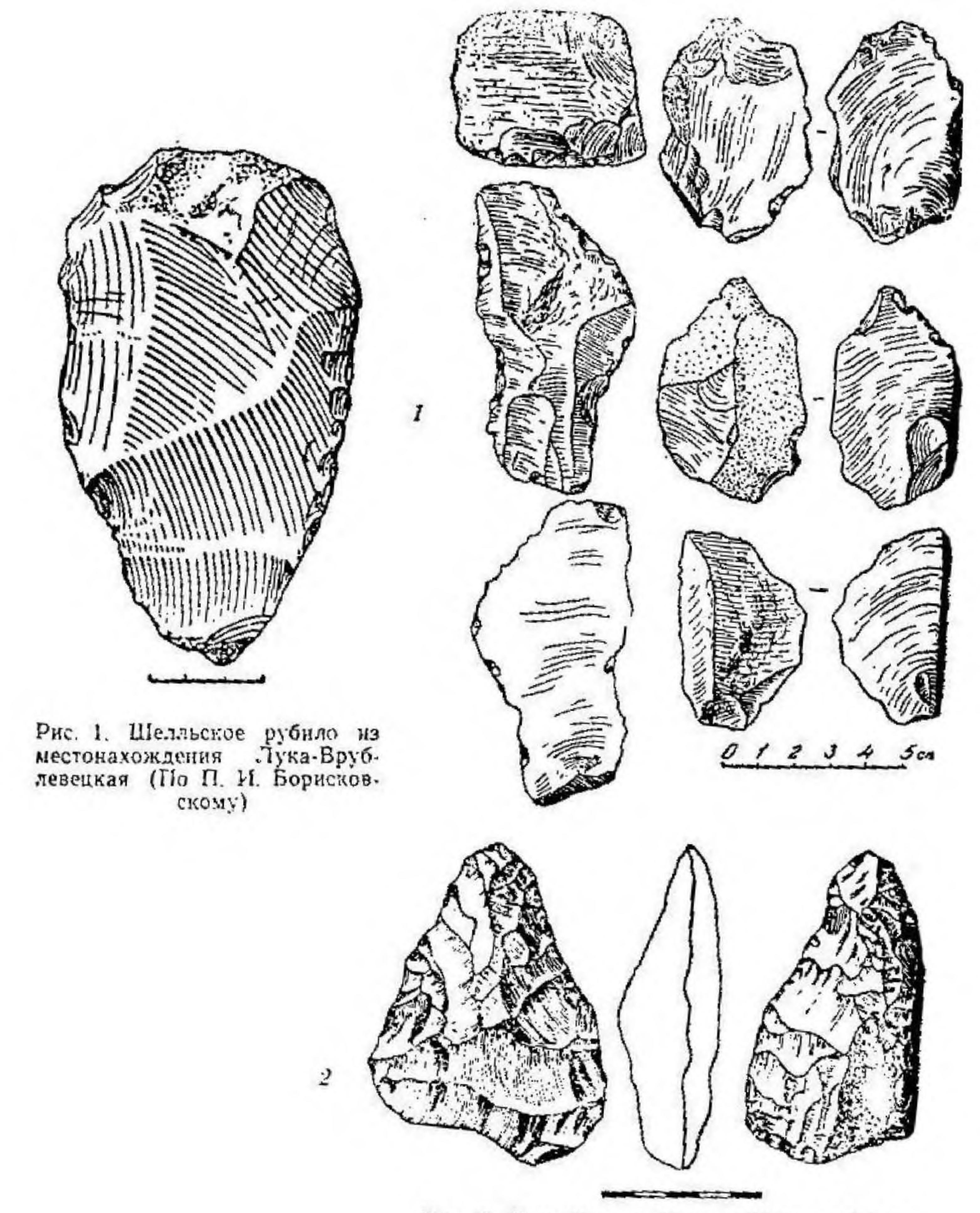

Рис. 1. Шелльское рубило из местонахождения Лука-Врублевецкая (По П. И. Борисковскому)

Рис. 2. Каменные орудия раннего палеоли найденные на территории бассейна Донц и в Приазовье:
1 — находки у хутора Хрящи (по Г. И. рецкому); 2 — ашельское рубило из Амврс евки (по С. Н. Замятнину)

лите. Подтверждением такого вывода может служить и находка типичного ашельского ручного рубила (рис. 2, 3) в непосредственной близости к Сев. Донцу, на территории Приазовья, около ст. Амвросиевка (на правом берегу р. Крынки).

Находки древнейших орудий производства, сопровождающих их иногда костных остатков и других предметов дают возможность выяснить основные черты и особенности жизни первобытных людей. Для получения более или менее цельной картины приходится использовать материалы не одной какой-либо сравнительно небольшой территории, а всю совокупность находок шелльской и ашельской эпохи. Этому, впрочем, благоприятствует то, что формы материальной культуры древнейших людей довольно однообразны во всех местах земного шара — и в Европе, и в Азии, и в Африке. Наблюдающиеся различия крайне невелики.

Выделившийся в начале четвертичного периода из животного мира человек имел очень примитивные орудия производства из камня, главным образом из кремня. Кремню отдавалось предпочтение по ряду причин. Этот материал скрытокристаллического строения, состоящий в основном из кремнезема, встречается в природе довольно часто (в известняках, мергелях, в меловых и других отложениях) в виде различных неправильной формы желваков. Для первобытного человека было очень важно то, что в кремне сочетаются такие свойства, как твердость, способность раскалываться в любом направлении и давать тонкие, но прочные пластины с острыми режущими краями. Только там, где кремень не встречается или имеется в небольшом количестве, первобытный человек заменял его другими породами камня, например, такими, как кварцит, обсидиан (вулканическое стекло), роговик, диорит.

Техника изготовления каменных орудий очень долго сводилась к простому раскалыванию камня и к грубой оббивке его. Такая обработка кремневого желвака давала множество бесформенных осколков и лишь некоторое количество массивных о т щ е п о в самых разнообразных, случайных форм с очень грубо оббитой рабочей частью, которые могли применяться в качестве режущих и рубящих орудий или инструментов для скобления. Однако устойчивых серий похожих друг на друга орудий эти отщепы не давали.

Лишь постепенно, после многочисленных попыток, в процессе которых накапливался опыт, закреплялись трудовые навыки и рука приобретала бо́льшую гибкость, выработалась определенная, устойчивая форма достаточно целесообразного для примитивного первобытного хозяйства орудия в виде р у ч н о г о р у б и л а. Для шелльской и ашельской эпох рубило — это основная, руководящая форма каменного орудия, хотя везде наряду с ним встречаются и отщепы.

Рубило представляло собой массивный желвак, симметрично оббитый с двух сторон. Нижняя часть его заострялась, а в верхней оставлялся обычно гладкий участок валунной корки (пятка) для упора в ладонь. Наиболее распространена была миндалевидная форма рубила, но встречаются и другие. При использовании рубила его держали прямо в руке, без всякой рукоятки. Средние размеры рубил 12—15 *см*.

Шелльское ручное рубило, как и отщепы, не имело узкоспециализированного назначения. Оно предназначалось для грубого резания, скобления и для нанесения удара заостренным концом. При помощи такого орудия можно было грубо заострить палку для выкапывания из земли съедобных корней и клубней; сделать зарубки на стволе, чтобы удобней было взобраться на дерево; убить какое-либо мелкое или слабое животное, расчленить на части его тушу и т. п. Короче говоря, рубило было орудием универсального назначения. Оно очень характерно для начальной эпохи человеческой истории. «Орудия дикаря,— говорит Ф. Энгельс,— обусловливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество»[1].

Действительно, применение всеми членами первобытного коллектива одного основного каменного орудия устойчивого типа в виде универсального ручного рубила свидетельствует о том, что у древнейших людей еще не существовало никакого разделения труда. Трудовая деятельность и орудия производства были еще настолько просты, что никакой специализации отдельных людей не было, все взрослые занимались одной и той же деятельностью.

По той же самой причине ясно, что основным занятием людей шелльской эпохи было собирательство, дополняемое лишь в определенной мере охотой. Специально охотничьего оружия еще не было, а при наличии только рубила, отщепов и палок охота не могла давать большого эффекта. Даже защищаться от хищников было очень трудно. Изредка древнейший человек использовал для своих нужд, в частности, для защиты от хищников, огонь. Однако это не было массовым явлением[2], так как люди могли лишь случайно сохранять и поддерживать огонь, возникший естественным путем (например, от лесного пожара), но добывать огонь они еще, очевидно, не умели.

При таких условиях первобытный человек не мог жить и трудиться в одиночку, вне коллектива, хотя бы и очень примитивного. Этот древнейший человеческий коллектив принято обычно обозначать термином «первобытное стадо».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 391.

[2] Кострища были обнаружены вместе с остатками древнейших людей и их орудий в Китае в пещере у деревни Чжоу Коу-Дянь. Следы использования огня имеются также в европейских стоянках Бурбах и Шпихерн в Эльзасе

Ф. Энгельс в одном из своих писем к русскому писателю П. Лаврову указывал: «По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было» [1]. В. И. Ленин также употреблял термин «первобытное стадо», противопоставляя древнейшую форму общества более поздней родовой организации [2].

Первобытное стадо было очень примитивной формой общества, но оно уже отличалось от стада животных тем, что людей в этом коллективе связывали, объединяли не только чисто биологические потребности, но и коллективный труд. Первобытное стадо представляло собой группу древнейших людей, объединенную коллективным трудом по изготовлению орудий производства, добыванию пищи и совместной защитой от опасностей. Распределение добытых продуктов могло быть только коллективное, уравнительное. Первобытные стада древнейших людей мало соприкасались друг с другом, так как свободных территорий было много и обычно не было поводов для нарушения этой замкнутости. Не существовало ни мирного обмена, ни военных захватов по той простой причине, что в условиях примитивного хозяйства первобытного стада не накапливалось никаких излишков продуктов, которые можно было бы обменять или захватить. Нет абсолютно никаких данных, которые позволяли бы говорить о наличии у человека этой эпохи даже примитивных религиозных верований.

Неразвитому человеческому обществу в виде первобытного стада, очевидно, соответствовала и примитивная, неупорядоченная форма брачных отношений — промискуитет [3]. Неупорядоченная «постольку, поскольку еще не существовало ограничений, установленных впоследствии обычаем» [4].

Костные остатки людей, живших в начале раннего палеолита, встречаются еще реже, чем хорошо противостоящие воздействию времени каменные орудия. На земном шаре известно всего несколько пунктов, в которых обнаружены остатки древнейших людей.

Первая находка была сделана в 1891 г. голландским ученым Евгением Дюбуа на о. Ява в Индонезии. Он производил здесь раскопки в местности Триниль на берегу р. Бенгаван и на глубине 12—15 м, в слоях, относящихся к началу плейстоцена, обнаружил много костей различных ископаемых животных (слонов, носорогов, гиппопотамов и др.), а также череп-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма. Госполитиздат, 1953, стр. 307.

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 93.

[3] От лат. promiscuus — смешанный, общий.

[4] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 35.

ную крышку, бедренную кость и три зуба существа, которое занимало промежуточное положение между самыми высокоразвитыми человекообразными обезьянами и человеком современного физического типа. Дюбуа назвал его обезьяночеловеком прямоходящим (Pithecanthropus erectus). Впослед-

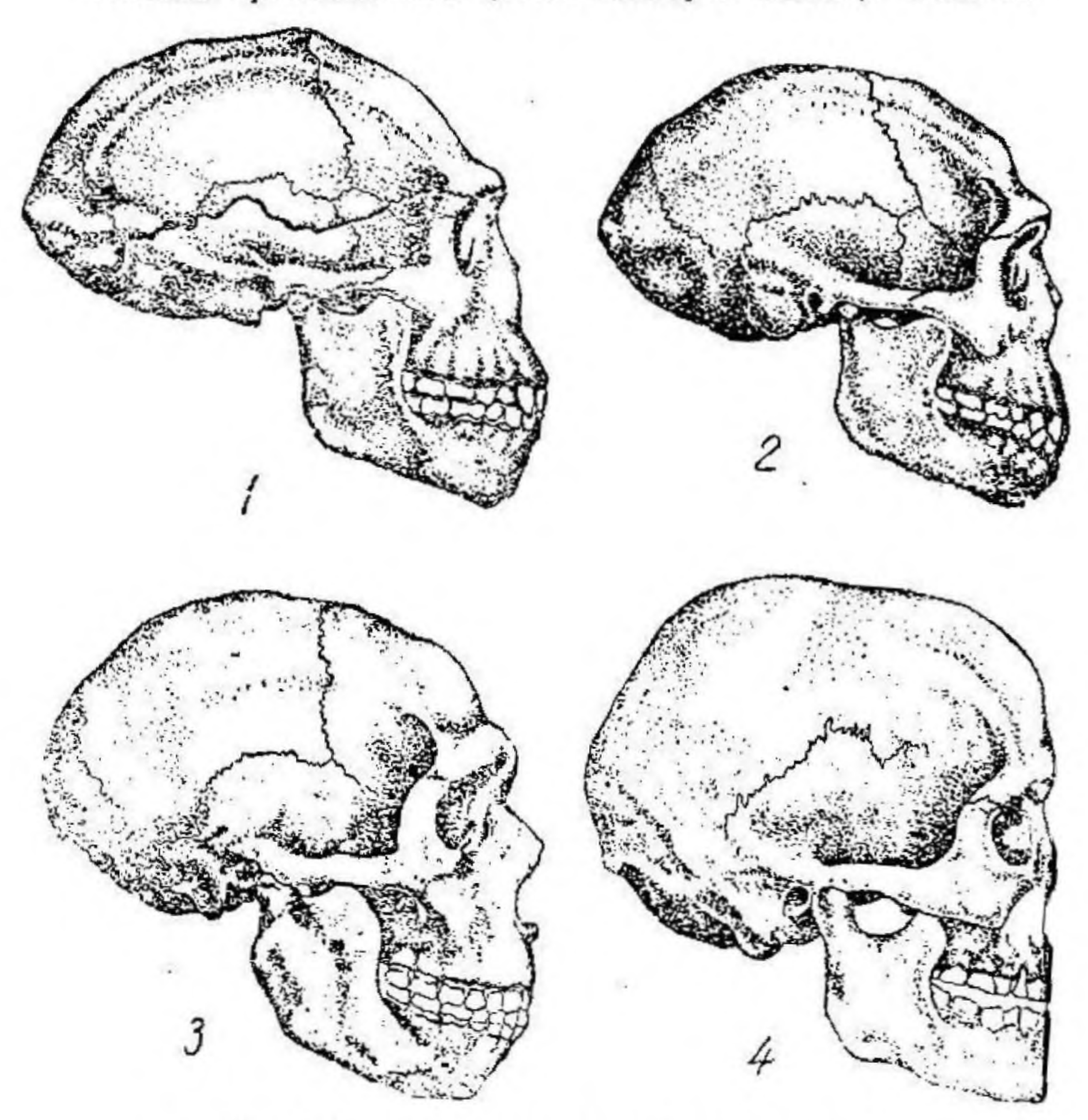

Рис. 3. Черепа ископаемых людей (реконструкция):
1 — питекантроп; *2* — синантроп; *3* — неандерталец; *4* — кроманьонец (по Л. Ш. Давиташвили).

ствии на о. Ява были найдены кости еще нескольких особей питекантропа.

Судя по всем этим находкам, питекантроп имел довольно крупный рост, передвигался на двух нижних конечностях, хотя и несколько согнутых. Череп его имел еще ряд примитив-

ных черт: уплощенный черепной свод, огромные надбровные дуги (рис. 3,1). Подбородочного выступа на нижней челюсти не было. Объем черепа достигал 900 $см^3$, т. е. был гораздо больше, чем у любой человекообразной обезьяны, но меньше, чем у современного человека.

Питекантроп — это уже не обезьяна, а древнейший человек. На этом же острове, близ села Патжитана, в слоях, близких к тем, в которых найдены были кости питекантропа, обнаружены каменные орудия из кварцита и среди них отщепы, пластины и ручные рубила. Подобные, а может быть и еще более примитивные орудия из камня, по-видимому, имелись и у питекантропа.

Остатки древнейших людей, близких к питекантропу, но живших несколько позже его, были найдены в Китае, в пещере близ деревни Чжоу Коу-Дянь, в 50 *км* к юго-западу от Пекина (рис. 3,2). Первый хорошо сохранившийся череп такого человека обнаружил в 1929 г. китайский археолог Пэй Вень-чжун. В настоящее время в этой местности найдено уже большое количество различных костей древнейшего человека, который получил название синантроп (китайский человек). Средний объем черепа у синантропов — 1043 $см^3$. Кроме того, у синантропов отмечается уже и такой, сближающий их с современным человеком, признак, как преимущественное развитие правой руки. Вместе с остатками синантропа найдено много костей ископаемых животных начала четвертичного периода и грубо сделанные орудия из кварца, гранита, песчаника и других пород камня.

В последнее время появились сообщения о находках костных остатков древнейших людей в Африке. На юге Африки в 1949 и 1950 гг., в пещере Сворткранс, ученым Д. Робинзоном были найдены обломки челюсти телантропа[1]. В 1954 г. на севере Африки, в Алжире, были обнаружены обломки двух челюстей атлантропа.

На территории Европы в начале плейстоцена также жили люди, близкие к питекантропу и синантропу. Остатки этих людей представлены пока лишь одной нижней челюстью, найденной в 1907 г. в древних отложениях на берегу р. Неккер, близ города Гейдельберга.

Люди типа питекантропа, синантропа, гейдельбержца жили в шелльскую и ашельскую эпохи раннего палеолита, все они относятся к древнейшей стадии формирования физического типа человека. Поэтому в целом их принято называть древнейшими людьми, или обезьянолюдьми.

В ашельскую эпоху происходит хотя и медленное, но заметное развитие орудий производства и хозяйственной жизни

[1] В 1939 г. в Южной Африке был найден еще зуб африкантропа. Однако вопрос о том, к кому ближе стоит этот ископаемый человек — к синантропу или к неандертальцу — является спорным.

древнейших людей. Основной устойчивой формой орудия все еще остается ручное рубило, изготовленное путём двухсторонней оббивки камня. Но техника эта совершенствуется. Вся поверхность камня оббивается более тщательно, и орудия получаются более тонкие, с более острым рабочим краем. Разнообразней становятся и формы рубил. Пятки из валунной корки на них уже нет, так как ашельские рубила при работе зажимались между пальцами без упора в ладонь. Использовались они в основном уже не как ударные, а как режущие орудия — ножи. По-прежнему используются в качестве орудий и разнообразные отщепы.

Усовершенствование орудий дало возможность первобытному человеку этой эпохи сделать охоту более эффективной. Об этом свидетельствует увеличение количества костей крупных животных, которые находят на ашельских стоянках. Охотничья добыча стала существенно дополнять продукцию собирательства, а это имело огромное значение в связи с постепенным изменением условий жизни человека во второй половине ашельской эпохи.

Это был период днепровского (рисского) оледенения. Из трех оледенений, которые, по мнению большинства исследователей, имели место на территории Европы в эпоху плейстоцена, днепровское оледенение было самым большим. Центром его была, по-видимому, Гренландия, но захватило оно даже территорию современной Украины. Южная граница ледника проходила на территории СССР приблизительно по линии Львов—Ковель—Сарны—Житомир, далее узким языком опускалась по долине Днепра до устья Ворсклы и затем поднималась к северу, немного западнее Полтавы и Сум, примерно до Орла. Отсюда вторым узким языком ледник спускался по долине Дона до устья Хопра и здесь поворачивал на северо-восток.

В эпоху максимального оледенения климат в Европе был более холодным, чем в настоящее время. Однако суровость климата даже в зоне распространения ледника не следует преувеличивать. Для того, чтобы создавались условия, способствовавшие накоплению и превращению в лед огромного количества снеговых осадков, температура зимы не должна была быть чрезмерно холодной [1]. Лето было коротким и не жарким. Это приводило к тому, что выпавший зимой снег не успевал растаять, постепенно накапливался и превращался в лед.

На территории, непосредственно примыкавшей к леднику была скудная тундровая растительность. Летом эти мест обильно заливались талыми водами и заболачивались. Южне

[1] При очень низких температурах (ниже —20°С) снег вообще выпадает.

господствовала травянистая степь с небольшими участками леса из сосны, березы и лиственницы.

Животный мир вполне соответствовал этим природным условиям. Теплолюбивые животные вымерли, а распространи-

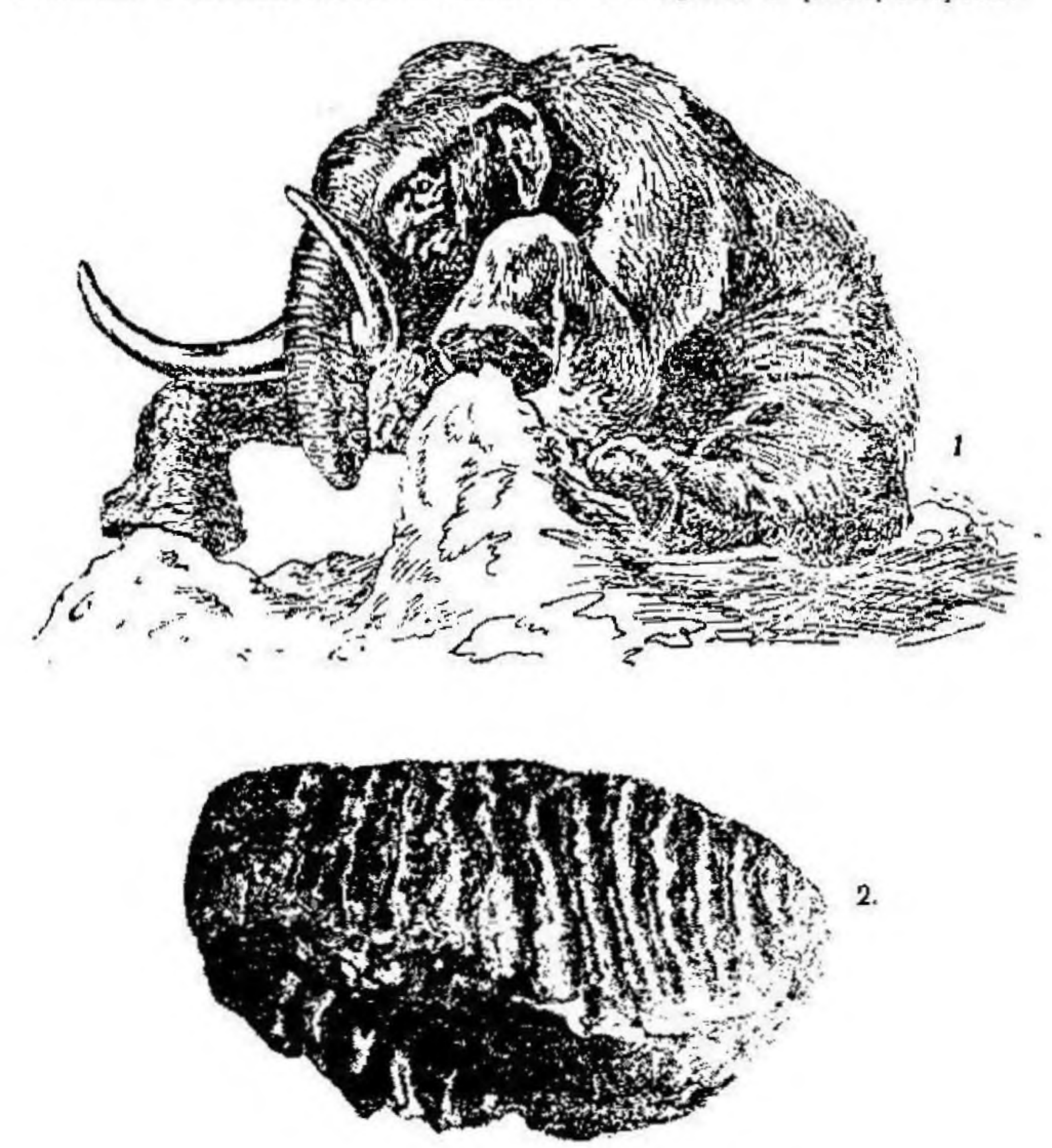

Рис. 4.
1 — мамонт (чучело, сделанное на основе находки замерзшего трупа мамонта в 1901 г. на р. Березовке — правый приток Колымы); *2* — зуб мамонта, найденный в 1953 г. в окрестностях г. Купянска.

лись такие, как покрытый длинной шерстью мамонт, сибирский носорог, пещерный медведь, пещерный лев, первобытный бык, дикая лошадь, северный олень, песец и др., приспособленные к холодному климату.

Бассейн Северского Донца непосредственно не затрагивался даже максимальным днепровским ледником, но боль

шая часть его, охватываемая с запада, севера и востока языками ледника, представляла собой малопривлекательную тундру. Лишь в самой южной части бассейна господствовала травянистая растительность степного типа.

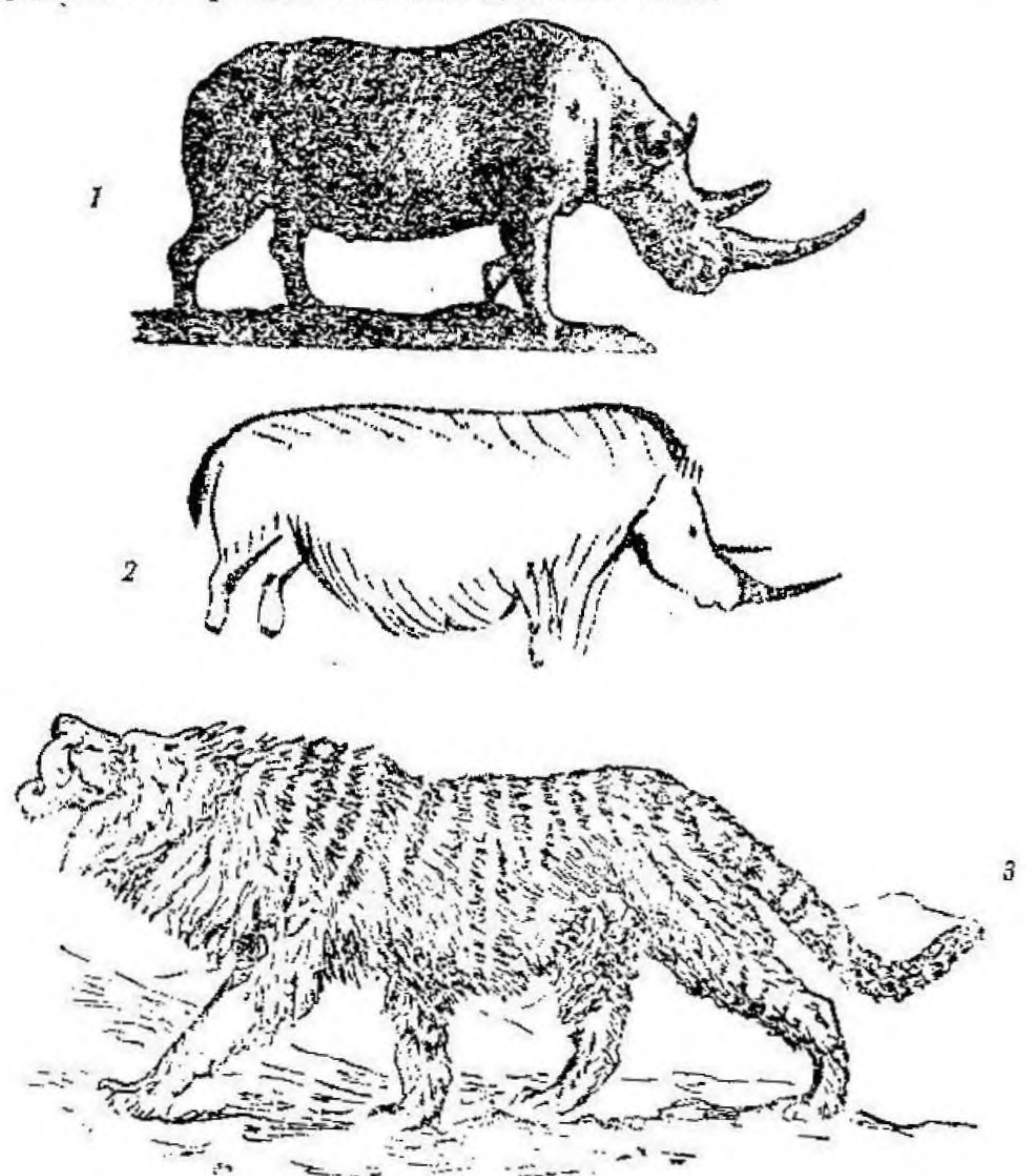

Рис. 5. 1 — сибирский носорог (чучело, сделаное на основе остатков этого животного, сохранившихся в озокерите близ Старуни, Станиславской области Украинской ССР); 2 — рисунок сибирского носорога, сделанный человеком ориньякской эпохи палеолита; 3 — пещерный лев (реконструкция В. Н. Громова и Б. Н. Флерова).

Несмотря на суровые условия максимального оледенения человек благодаря труду не только выжил, но и продолжа в рамках того же первобытного стада совершенствовать сво хозяйство. Возможности собирательства в условиях тундр вой и степной растительности уменьшились, но возросш эффективность охоты позволяла удовлетворять самые нео

ходимые потребности питания за счет увеличения мясной пищи.

Кроме того, в ашельскую эпоху для обогревания и защиты от хищников стали широко использовать огонь, о чем свидетельствуют часто находимые на стоянках остатки кострищ. При помощи огня удобней было и организовать охоту с массовым загоном животных в ловчие ямы или к людям, спрятавшимся в засаде. Возможно, в процессе изготовления каменных орудий человек уже в эту эпоху научился добывать огонь путем высекания его ударами кремня о кремень. В условиях ледникового климата человек не мог обходиться и без одежды. Остатки ее до нашего времени, конечно, нигде не сохранились, но можно полагать, что это была очень простая одежда из шкур животных.

МУСТЬЕРСКАЯ ЭПОХА

Природные условия в мустьерскую эпоху мало отличались от тех, которые сложились еще в конце ашельской эпохи. Продолжался период максимального днепровского оледенения. Но в жизни первобытного человека наблюдаются значительные изменения.

Антропологические находки свидетельствуют о появлении в мустьерскую эпоху нового физического типа человека, который известен в науке под названием неандертальского (Homo neanderthalensis) или древнего человека (рис. 3,3). Череп древнего человека был впервые найден в 1848 г. в каменоломне на склонах Гибралтарской скалы. Однако бо́льшую известность получила находка, сделанная в 1856 г. в Германии, близ Дюссельдорфа. Здесь, в долине Неандерталь, из пещеры Фельдгофер были извлечены костные остатки человека, который сохраняет еще много сходства с питекантропом и синантропом, но в целом по своему развитию стоит уже выше древнейших людей.

Надбровные дуги у неандертальца еще велики, ясно выраженного подбородочного выступа обычно нет, но средний объем мозга равен уже 1400 $см^3$. Руки у него были несколько длиннее, ноги короче, чем у современного человека, а ходил он слегка согнувшись, что придавало некоторую неуклюжесть всей его фигуре.

Костные остатки древнейших людей имеются и в других местах Европы, а также в Африке и в Азии. Остатки древних людей (неандертальцев) были обнаружены и на территории СССР.

В 1924 г. советский исследователь Г. А. Бонч-Осмоловский в пещере Киик-Коба в Крыму нашел плохо сохранившиеся скелет ребенка и взрослого неандертальца. От скелета взрослого удалось собрать остатки костей ног, рук и зуб. Тщатель-

ное исследование этих остатков дало весьма интересные результаты. Так, изучение кисти показало, что кисть неандертальца была шире и мощнее, чем у современного человека, но вместе с тем не имела достаточной гибкости. Неандерталец, следовательно, не мог производить трудовые операции так же ловко, как современный человек.

В 1938 г. советский археолог А. Н. Окладников обнаружил остатки скелета мальчика-неандертальца в прекрасно датированном различными орудиями мустьерском слое пещеры Тешик-Таш в Узбекистане. Наконец, недавно, в 1953 г., археолог А. А. Формозов нашел в пещере Староселье близ Бахчисарая в Крыму остатки скелета ребенка-неандертальца, у которого имеются уже черты, сближающие его с ископаемыми людьми современного физического типа. Судя по обнаруженным здесь же каменным орудиям, эта находка относится к концу мустьерской эпохи.

Исследование орудий, найденных на различных поселениях неандертальцев, показывает, что в мустьерскую эпоху значительно совершенствуется техника обработки камня. Вырабатываются и распространяются новые приемы, которые в археологии называются техникой скола. Сущность ее заключается в том, что сначала из кремневого желвака при помощи простой оббивки делалась заготовка — нуклеус. Для получения нуклеуса с кремневого желвака грубыми ударами удалялась сначала естественная корка, а затем отбивалась верхушка так, чтобы получилась более или менее горизонтальная поверхность — ударная площадка. Ударами по краю площадки от нуклеуса откалывались тонкие пластины, которые шли для выработки орудий.

Для мустьерской эпохи характерны дисковидные нуклеусы (рис. 6,1). Откалываемые от такого нуклеуса пластинки имеют обычно форму, близкую к треугольнику или овалу и тонкий режущий край. Однако при использовании таких пластинок их тонкие края быстро обламывались, тупились. Поэтому рабочий край орудий подвергался дополнительной обработке — ретуши, т. е. оббивке путем ряда легких ударов небольшим каменным отбойничком — ретуширом. При этом край получался не такой тонкий, но достаточно острый и прочный. При помощи ретуши с кремня удалялись также лишние выступы, и орудию придавалась наиболее целесообразная форма.

Два основных типа орудий были распространены в мустьерскую эпоху: остроконечник и скребло. Остроконечник — это кремневый нож в виде треугольной пластины с более или менее массивным основанием. Некоторые виды остроконечников могли применяться и в качестве наконечников копий. Один или оба края ножа заострены при помощи ретуши. Скребло обычно имеет форму овальной пластинки с одним

ретушированным краем. При помощи такого орудия удобно содрать с животного шкуру, очистить ее от мездры, кроить одежду, ремни и т. п.

Реже в мустьерских стоянках встречаются другие типы орудий, например, скобель — кремневая пластинка с дугообразной выемкой, предназначенная для сдирания коры и при-

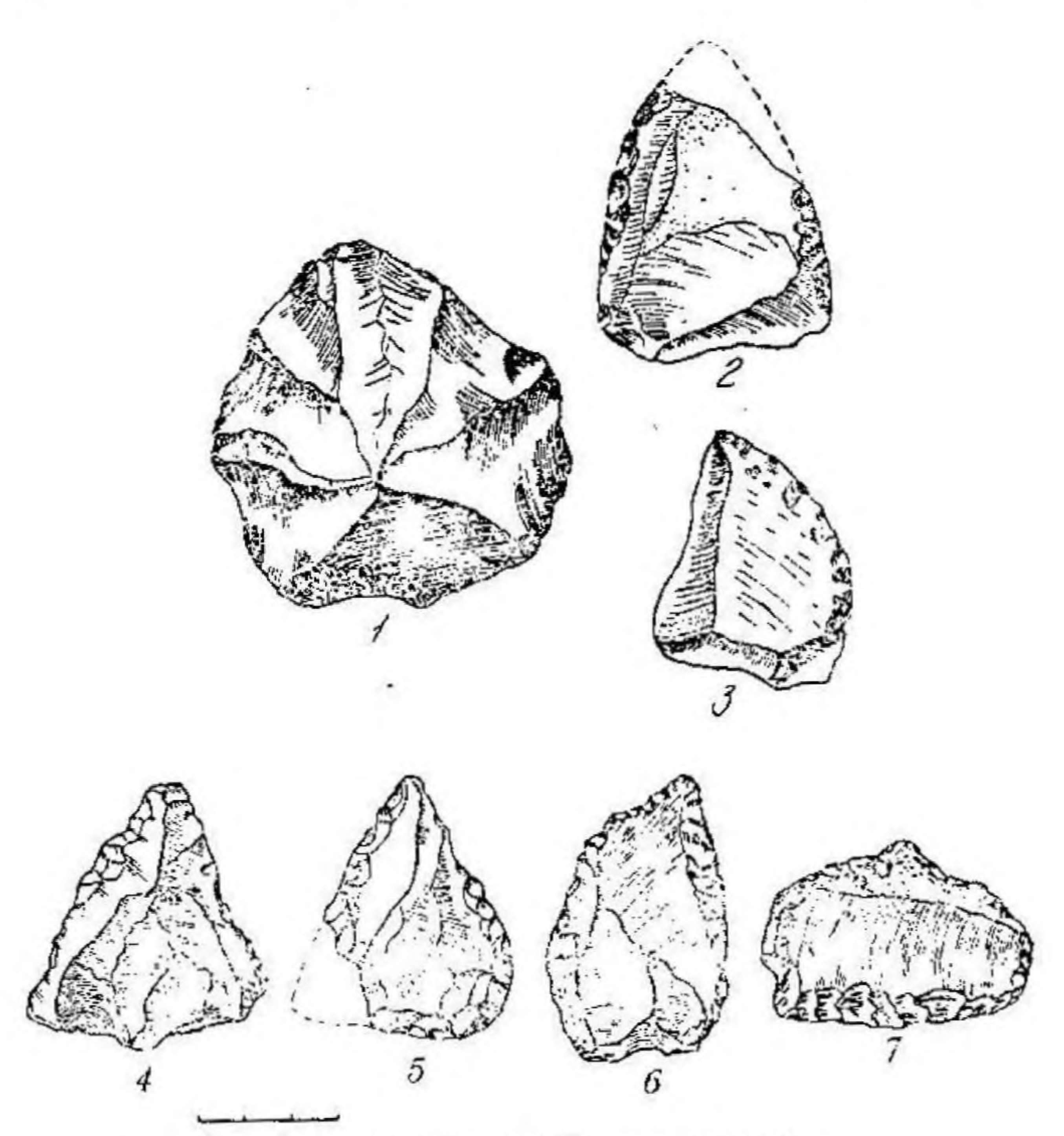

Рис. 6. Орудия мустьерской эпохи палеолита.
1 — дисковидный нуклеус; 2 — остроконечник; 3 — скребло 1—3 из стоянки Деркул; 4, 5, 6, 7 — кремневые изделия из местонахождения у с. Красный Яр (по П. П. Ефименко и С. Н. Замятнину).

митивного строгания палок, которые употреблялись для копий и других деревянных орудий.

Усложнение техники обработки камня, а также появление и широкое распространение в мустьерскую эпоху двух основных видов орудий производства — остроконечника и скребла—

свидетельствуют о том, что у неандертальцев возникает уже первоначальное, естественное разделение труда.

Очевидно, часть членов первобытного коллектива занималась главным образом охотой на крупных животных. Это требовало от людей, вооруженных такими примитивными орудиями, как кремневый нож-остроконечник, деревянное копье, рогатина и т. п., помимо большой физической силы, ловкости и выдержки, также хорошего знания различных охотничьих приемов. При этих условиях человек мог успешно охотиться даже на таких крупных животных, как мамонт. Например, пигмеи в экваториальной Африке до сих пор охотятся на слонов очень простым, но требующим хорошего знания повадок животного способом. Они выслеживают слона и стараются осторожно подобраться к нему в то время, когда он спит. Если это удается, то охотники перерезают у животного главное сухожилие под коленом задней ноги. Раненый, охромевший слон не может достаточно быстро преследовать людей и ищет спасения в бегстве. Охотники непрерывно нападают на слабеющее от боли и потери крови животное, наносят ему новые раны и стараются перерезать ему сухожилие второй задней ноги, чтобы совершенно лишить его возможности двигаться. Когда это удается, слону разрезают хобот, от чего он в течение нескольких минут истекает кровью. Этот этнографический пример наглядно показывает важность овладения различными охотничьими навыками.

Другая часть первобытного коллектива, состоявшая, по-видимому, из стариков, детей и подростков обоего пола, не играла основной роли в охоте на крупных животных. Они помогали охотникам загонять животных в сторону засады, занимались собирательством, строили временные убежища или приспосабливали для жилья естественные укрытия, делали одежду и т. д. В их деятельности основным орудием было скребло. Старики, которые не могли достаточно ловко действовать на охоте, занимались также изготовлением каменных орудий. Довольно сложная техника скола и ретуши требовала большого опыта и навыков, которые приобретались только со временем.

Развивающиеся производительные силы неминуемо должны были вступить в противоречие со старыми производственными отношениями, требовали создания более гибкого и вместе с тем более сплоченного коллектива, чем первобытное стадо. Разделение труда, связанное с дальнейшим развитием хозяйства и специализацией, приводило к усложнению структуры первобытного стада и к зарождению еще в мустьерскую эпоху первоначального рода с групповым браком, который приходит на смену промискуитету. При групповом браке определенная группа мужчин имеет право всту-

пать в брачные связи только с определенной группой женщин. Это значительно ограничило кровосмешение, а следовательно, устранило вредные последствия браков между близкими родственниками и способствовало более быстрому развитию физического типа человека.

Не следует, однако, преувеличивать успехи древнего человека в конце раннего палеолита. Жизнь его еще была очень тяжела, и это вело к большой смертности неандертальцев в раннем возрасте. Исследования костных остатков неандертальцев антропологами показывают, что 55% из них умирало, не дожив до 20-летнего возраста, и почти никто не жил больше 50 лет. Только благодаря упорному труду и сплоченности первобытных коллективов они развивали свое хозяйство и выходили победителями в борьбе с суровой природой.

Если вопрос о шелльских и ашельских стоянках в бассейне Северского Донца остается пока еще открытым, то несомненные следы обитания здесь древних людей в мустьерскую эпоху уже обнаружены.

В 1924 г. П. П. Ефименко впервые открыл и исследовал местонахождение Деркул. Оно расположено у хут. Колесников Станично-Луганского района Луганской области, на правом берегу р. Деркул, недалеко от впадения последней в Северский Донец.

В основании берегового обрыва здесь находится мел, перекрытый слоем мергеля. Над мергелем залегает песок косослоистой структуры. Каменные орудия были обнаружены в слое галечника на размытой поверхности этих древних песчаных наносов, перекрытых в свою очередь более поздними отложениями кварцевого песка. Жившие здесь первобытные люди использовали для изготовления орудий преимущественно кварцит, так как хорошего кремня в ближайших окрестностях нет. Из кварцита были сделаны и найденные орудия: большой дисковидный нуклеус, несколько скребел, остроконечник и ряд пластин. Кремневые орудия представлены лишь одним характерным мустьерским остроконечником (рис. 6, 1—3).

Из костных остатков удалось найти только обломок трубчатой кости большого млекопитающего — слона или носорога.

Отсутствие значительного количества остатков, связанных с жизнью первобытного человека, П. П. Ефименко объясняет тем, что здесь был временный лагерь мустьерских охотников[1].

---

[1] Некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения. Так, С. Н. Замятнин считает, что здесь имеется несколько различных комплексов и часть каменных изделий следует отнести к раннему неолиту.

Другое мустьерское местонахождение было обнаружено у с. Красный Яр Ново-Светловского района Луганской области, примерно в 10 *км* к северо-востоку от г. Луганска. Первые находки здесь сделал сотрудник Луганского музея А. С. Альбрехт еще в 1925 году, но мустьерский возраст местонахождения был установлен лишь после исследования С. Н. Замятнина в 1933 году.

Каменные орудия и несколько сильно минерализованных костей ископаемых животных были найдены на небольшой отмели в русле Донца, отделенной узким протоком от правого берега. Отмель состоит из песка и кремневой щебенки, и найденные здесь несколько десятков орудий сделаны почти исключительно из кремня. Среди них имеются различные виды скребел, типичные мустьерские остроконечники, нуклеусы и отщепы подтреугольных форм, сколотые с дисковидного нуклеуса (рис. 6, 4—7). Характерно крупное орудие в виде рубильца, сделанное из уплощенной кремневой гальки, отесанной с двух сторон. Такое орудие могло применяться и как остроконечник и как скребло. Произведенное В. И. Зубаревой (Бибиковой) исследование костных остатков, найденных на отмели, показало, что тут имеются зуб шерстистого носорога, два зуба дикой лошади и несколько обломков трубчатых костей какого-то крупного млекопитающего.

Еще одно мустьерское местонахождение было обнаружено у города Каменска в Ростовской области в 1927 г. Наблюдавший за работами в карьере на левом берегу Донца краевед Л. А. Абаза собрал в течение нескольких лет значительную коллекцию костей ископаемых животных, среди которых оказались зубы и различные части скелета мамонта, первобытного быка и ископаемой лошади. Во время исследования карьера С. Н. Замятниным здесь был найден и очень характерный для мустьерской эпохи дисковидный нуклеус из кварцита. Наконец, имеются сведения о находке отщепа из отложений мустьерского времени в низовьях Донца у хут. Хрящи.

Таким образом, археологические и палеонтологические находки показывают, что по крайней мере бассейн среднего и нижнего течения Северского Донца в конце раннего палеолита был заселен первобытными людьми. Костные остатки животных этого времени встречаются и на более северной территории.

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ (30—15 ТЫС. ЛЕТ ТОМУ НАЗАД)
Ориньяко-солютрейская и мадленская эпохи

В эпоху днепровско-валдайского (рисс-вюрмского) межледниковья произошло некоторое потепление, шире распространилась лесная растительность, но состав флоры и фау-

ны Восточной Европы почти не изменился. По мере развития последнего, валдайского (вюрмского), оледенения климат значительно ухудшился. Понижение средней температуры было незначительным, но оно сочеталось с засушливостью и континентальностью климата. Ледник был меньшим, чем в период днепровского оледенения. Он захватывал своей южной оконечностью лишь верховья бассейна Днепра и Волги, доходя до Валдайской возвышенности. Однако очертания морей и суши в связи с рядом сложных геологических явлений выглядели на юге Восточной Европы не так, как сейчас. Каспийское море (Хвалынский бассейн), уровень которого был гораздо выше современного, соединялось узким проливом с Азовским и Черным морями (Ново-Эвксинский бассейн). Донец, по-видимому, не был в это время притоком Дона, а самостоятельно впадал в этот пролив.

В северных, расположенных близко к леднику, районах преобладала скудная тундровая растительность, южнее лежала полоса лесостепи, захватывавшая верховья Донца, а далее простирались степи.

В фауне этой эпохи еще сохранялись мамонт и шерстистый носорог, дожившие в некоторых местах до голоцена. Считают, что эти крупные животные вымерли не по естественным причинам, а были истреблены человеком, который усиленно охотился на них. Наряду с мамонтом и носорогом для фауны позднего палеолита характерны такие полярные животные, как северный олень, мускусный овцебык, песец и такие степные, как антилопа-сайга, бизон, суслик и др.

В позднем палеолите на основе дальнейшего развития древних людей (неандертальцев) появляется человек современного физического типа (Homo sapiens)[1]. Впервые костные остатки ископаемого человека современного физического типа были найдены в 1823 г. на территории Англии в пещере Павиланд. Однако здесь был обнаружен лишь скелет без черепа. Более удачной была находка археолога Ларте в 1868 г. на берегу р. Везер во Франции, в пещере Кроманьон. В этой пещере оказались кости пяти людей вместе с типичными орудиями ориньякской эпохи. Исследование этих и подобных им остатков дало возможность выяснить основные черты, характерные для так называемого кроманьонского типа человека, как одного из представителей Homo sapiens fossilis, распространенного в палеолите, мезолите и даже в более поздние эпохи (рис. 3, 4).

---

[1] Среди людей современного физического типа различают ныне живущих и тех, которые жили в древности и известны нам лишь по костным остаткам. Последних обозначают термином Homo sapiens fossilis (ископаемый разумный человек).

Кроманьонцы представляли собой рослых, широкоплечих людей с хорошо развитым черепом, объем которого уже вполне соответствовал объему черепов современных людей. Для лицевой части черепа кроманьонца характерны прямой и широкий лоб, узкий нос, хорошо сформированный, резко выступающий подбородок, небольшие размеры глазных орбит и некоторые другие признаки.

Остатки людей кроманьонского типа имеются и на территории СССР. Например, несколько погребений таких людей эпохи верхнего палеолита были обнаружены во время раскопок под руководством П. И. Борисковского и А. Н. Рогачева в 1952—1953 гг. в стоянках у с. Костенки под Воронежем. Еще больше находок относится к эпохе мезолита (погребения из раскопок С. Н. Бибикова и С. А. Трусовой в пещерах Фатьма-Коба и Мурзак-Коба в Крыму и др.).

Некоторые особенности строения черепа кроманьонцев (узкий и резко выступающий нос, широкий лоб, не выступающая вперед верхняя челюсть и др.) сближают их с представителями современной европеоидной расы.

Однако в эпоху палеолита не все население принадлежало к кроманьонскому, европеоидному типу людей. Археологические находки и антропологические исследования показали, что физический тип ископаемого Homo sapiens представлен уже несколькими разновидностями или расами, которые близки к расам, обитающим на земле в настоящее время.

Так, во Франции (Шанселад), в Восточной Азии (Китай) и в Сибири (Афонтова гора) были найдены костные остатки ископаемых людей современного физического типа с признаками монголоидной расы. В Африке (Асселяр), Италии (Гримальди), Чехии (Пшедмост) и на территории европейской части СССР (Маркина гора близ Воронежа, с. Волошское около Днепропетровска) найдены скелеты ископаемых людей современного физического типа, близких к современной негроидной расе. Следовательно, начиная с эпохи позднего палеолита, на земле существовало уже несколько рас (подразделений) одного и того же вида человека (Homo sapiens).

Следует учитывать, что расовые признаки людей касаются только телесных, естественно-биологических особенностей человека, имеющих в его жизни второстепенное значение. Нет абсолютно никакой связи между наследственными расовыми признаками людей (цвет кожи, цвет и форма волос, особенности черт лица и т. п.) и их умственными способностями или способностями к развитию хозяйства и культуры. Не существует «высших» или «низших» рас, как утверждают реакционные буржуазные ученые. Расовые признаки появились у людей лишь тогда, когда физический тип современно-

го человека уже совсем сформировался. Все человеческие расы относятся к одному биологическому виду и одинаково совершенны. Определяющую роль в развитии человеческого общества играют не такие второстепенные биологические признаки, как цвет волос или форма глаз, а трудовая деятельность людей и другие социальные факторы. Кроме того, следует помнить, что на земле вообще не существует чистых рас, так как представители различных рас издавна смешивались между собой.

Судя по вещественным остаткам, которые дошли до нас от конца плейстоцена, первобытный человек в ориньяко-солютрейскую и мадленскую эпохи позднего палеолита улучшал и разнообразил свои орудия производства, совершенствовал хозяйство и обеспечивал себе лучшие, чем раньше, условия существования, несмотря на суровую природную обстановку.

При этом формы хозяйства, быта и идеологических представлений у родовых общин, живших в разные эпохи позднего палеолита на территории Восточно-Европейской равнины, как показывают исследования археолога П. И. Борисковского, были очень близки. Различие наблюдается главным образом лишь в формах кремневых орудий. Учитывая к тому же небольшое количество известных в настоящее время в бассейне Северского Донца позднепалеолитических памятников, целесообразно здесь дать общую характеристику позднего палеолита без разделения его на отдельные эпохи.

Важным техническим достижением первобытного человека периода верхнего палеолита было появление и широкое распространение отжимной техники обработки кремня. Раньше при изготовлении орудий производства человек довольствовался сравнительно грубыми пластинами преимущественно треугольной формы, которые откалывались от дисковидного нуклеуса. Постепенно, в поисках наиболее целесообразной формы нуклеуса, люди научились делать довольно правильно ограненный призматический нуклеус. От него при помощи особой костяной или деревянной палочки (отжимник) можно было отжимать длинные, узкие и тонкие ножевидные пластинки, служившие прекрасным материалом для изготовления разнообразных орудий. Края этих пластинок обрабатывались ретушью, т. е. в нужных местах от них откалывались или отжимались тонкие чешуйки кремня, и пластинки приобретали форму ножа, скребка, резца, наконечника для копья или дротика, проколки и т. п. (рис. 7). В некоторых случаях в позднем палеолите отжимной ретушью обрабатывались не только края, но и вся поверхность орудия (наконечники солютрейского типа).

Расширялся круг материалов, которые человек употреблял для выработки орудий и других предметов. Наряду с камнем и деревом широко применялись кость и рог. Чаще

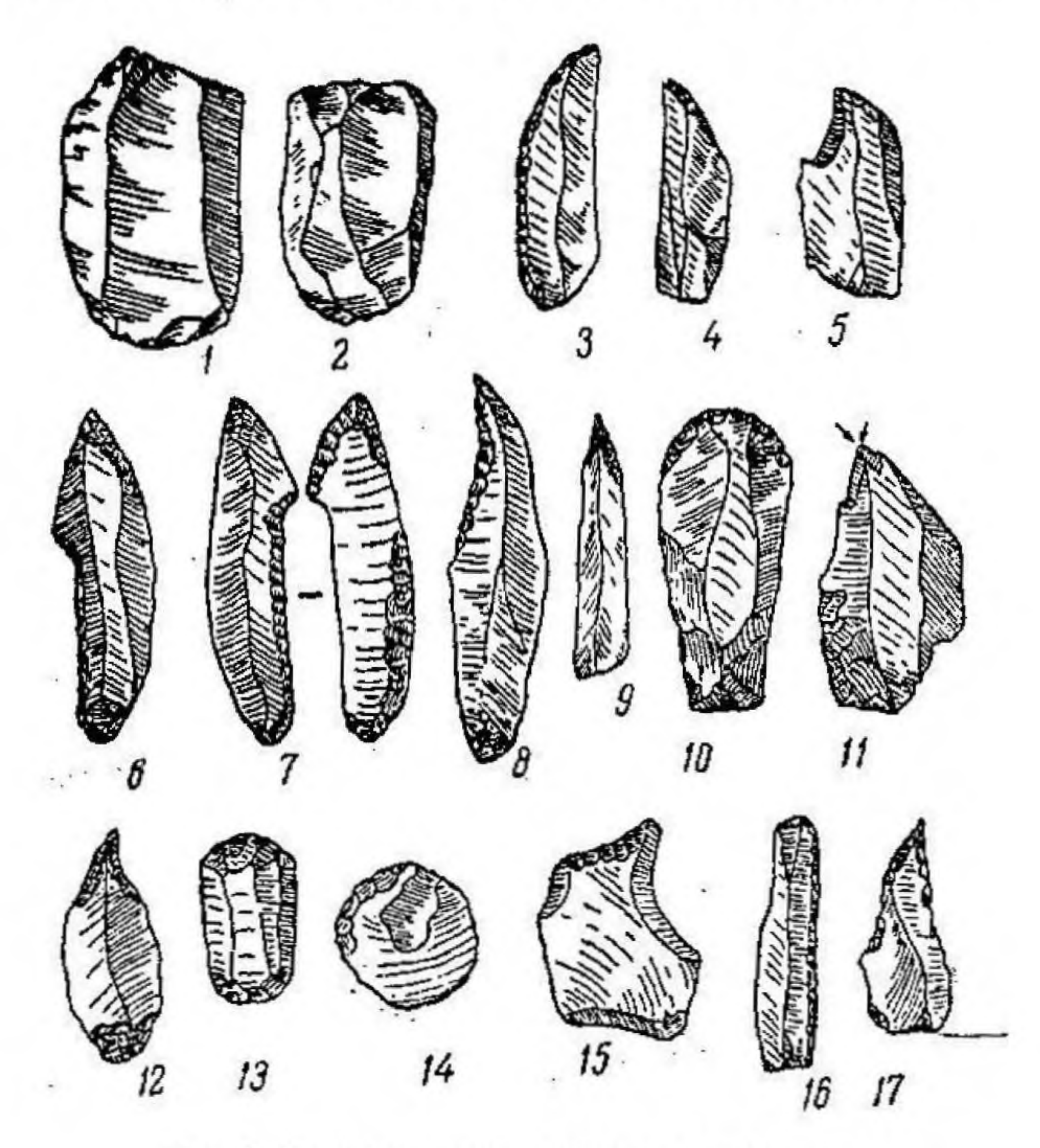

Рис. 7. Кремневые орудия позднего палеолита:
1, 2 — призматические нуклеусы, характерные для позднего палеолита; *3, 4* — острия типа Шательперрон, Ориньяк; *5* — резец, Ориньяк; *6, 7* — наконечники с выемкой, Солютре; *8—9* — проколки. Солютре; *10* — Концевой скребок. Солютре; *11* — резец. Солютре; *12, 17* — проколки, Мадлен. *13 — 14* — скребки, Мадлен; *15* — резец, Мадлен; *16* — ножевидная пластинка, Мадлен. Найдены в следующих стоянках: 1, 2 — Пушкари; 3, 4, 5, 15 — Боршево; 6, 7, 8, 11 — Костенки; 9, 10, 12. 13 — Гагарино; 14, 16, 17 — Супонево (по В. И. Громову).

всего палеолитические люди использовали рога северного оленя и бивни мамонта, которые имели достаточную прочность, упругость и вместе с тем хорошо поддавались обработке кремневыми резцами и скребками.

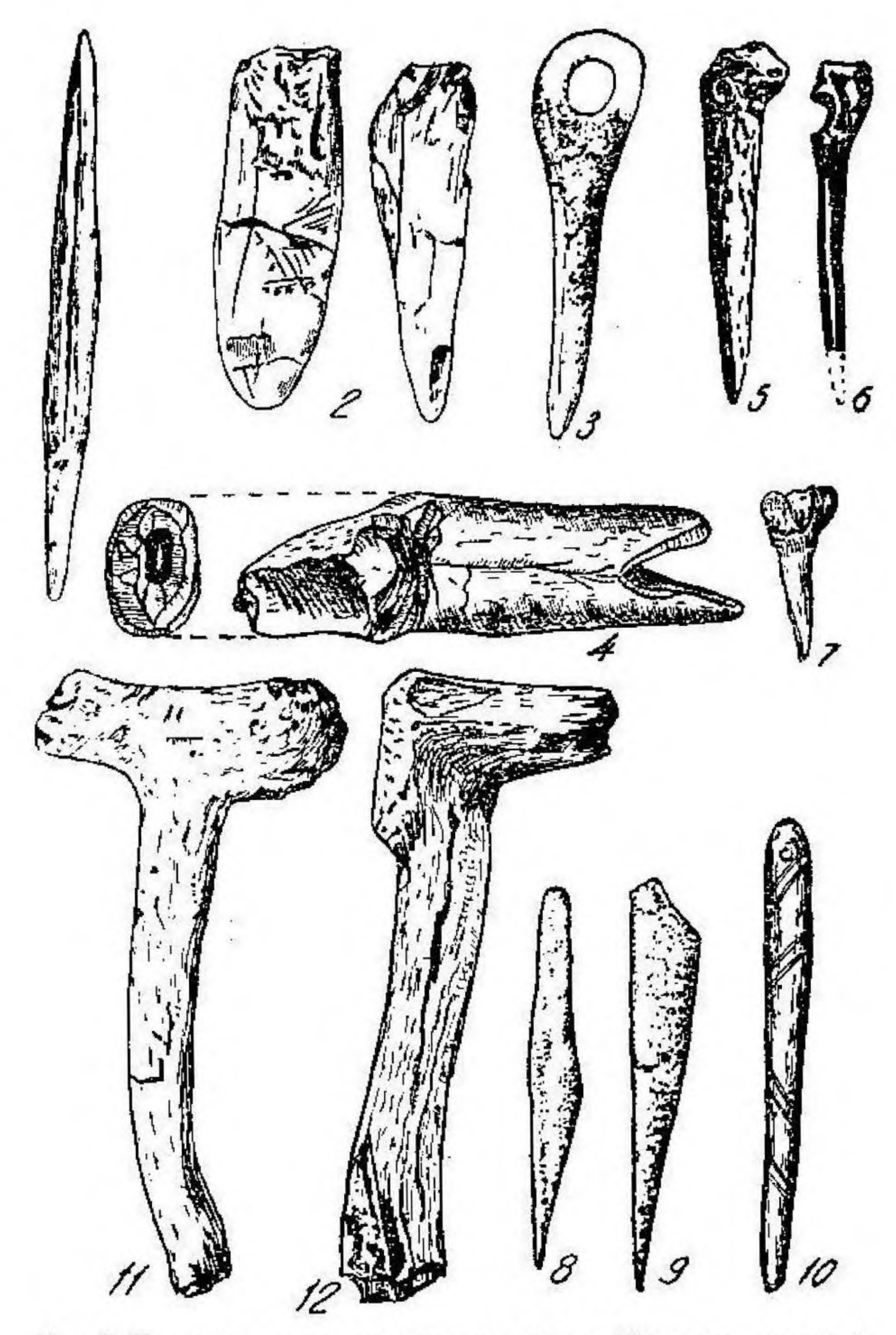

Рис. 8. Костяные орудия позднего палеолита (Мезинская стоянка): *1* — наконечник копья; *2* — наконечник кайла; *3* — «жезл» с просверленным отверстием; *4* — рукоятка; *5—9* — шилья и острия; *10* — игла; *11 — 12* — орудия типа молотка.

Из кости и рога делались наконечники дротиков, иглы для шитья одежды, костяные рукоятки для кремневых орудий, выпрямители древков копий и дротиков, мотыги для выкапывания ловчих ям и землянок, гарпуны и даже рыболовные крючки.

Рис. 9. Костяная мотыга из стоянки Пушкари.

Очень важным изобретением этого периода была копьеметалка. Это простое приспособление в виде костяной или деревянной палочки с упором для древка копья или дротика позволяло бросать последние на большое расстояние и, следовательно, значительно увеличивало эффективность метательного оружия.

Применение новых типов орудий производства и оружия давало возможность первобытным коллективам получать минимум необходимых продуктов собирательства, охоты и рыбной ловли на сравнительно небольшой территории. Поэтому в эпоху позднего палеолита появилась оседлость населения, хотя еще и не прочная. О том, что люди подолгу жили в некоторых местах, свидетельствуют мощные культурные слои ряда стоянок и появление довольно сложных для того времени постоянных жилых сооружений (рис. 10).

Такие искусственные жилища были впервые обнаружены и исследованы советскими археологами С. Н. Замятниным, В. А. Городцовым, П. П. Ефименко и др. Оказалось, что формы палеолитических жилищ были довольно разнообразны. Встречаются землянки и наземные постройки в виде шалаша, у которого пол лишь немного углублен в почву. Основание жилищ иногда укреплено каменными плитами и крупными костями мамонта. Раскопки А. П. Окладникова на стоянке Буреть около Иркутска и раскопки И. Г. Шовкопляса на Мезинской стоянке в Черниговской области свидетельствуют о том, что бивни мамонта и большие рога северного оленя использовались наряду с деревом для сооружения основы перекрытия жилища.

Весьма показательны данные о размерах палеолитических жилищ. Так, в Пушкаревской стоянке в Черниговской области жилище достигало в длину 12, а в ширину 4 *м* и состояло из трех соединенных между собой помещений с тре-

мя очагами. Это свидетельствует о том, что здесь жил большой родовой коллектив.

В период позднего палеолита в первобытном обществе

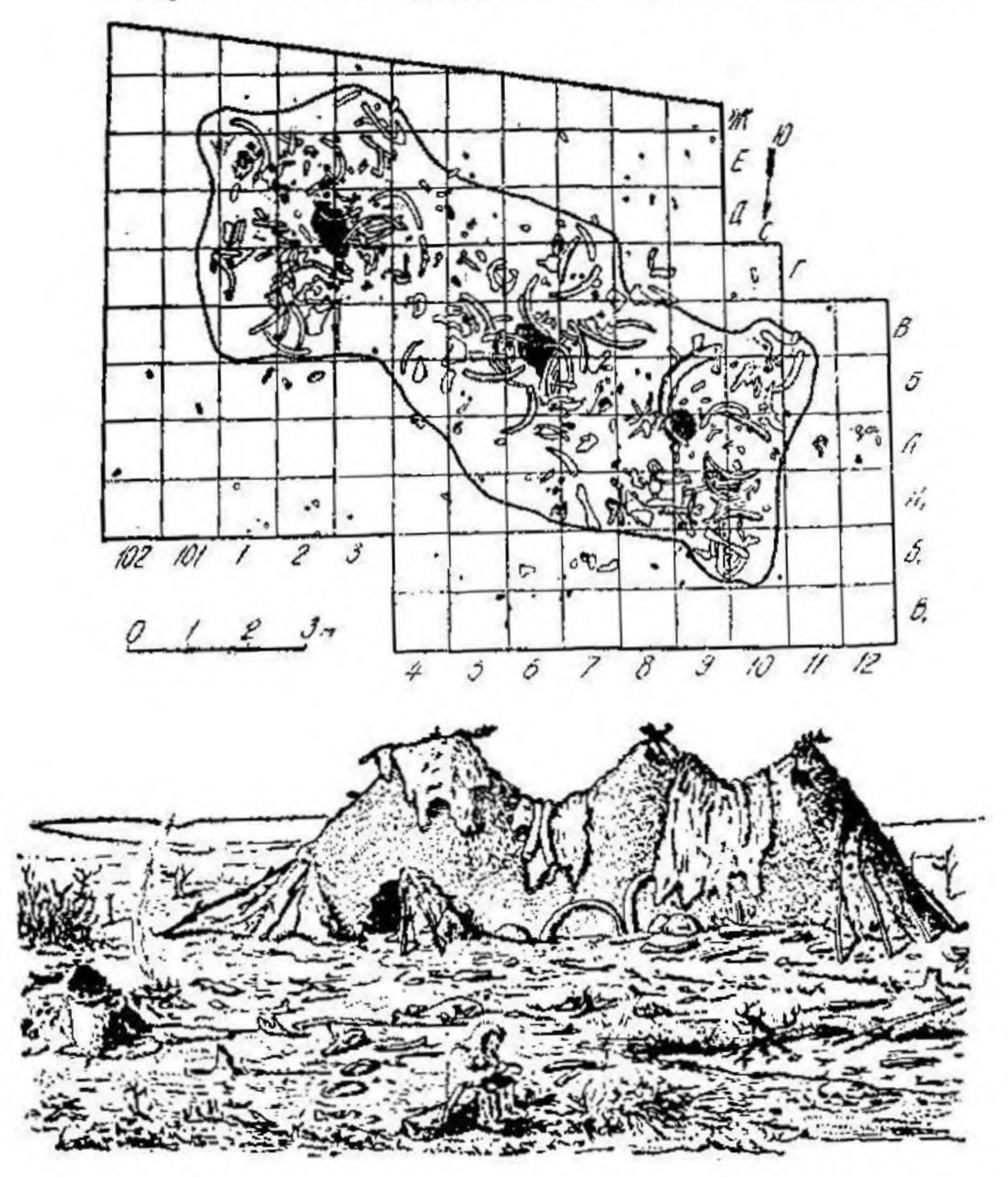

Рис. 10. Позднепалеолитическое жилище с тремя очагами на стоянке Пушкари:
а — план раскопок; б — реконструкция жилища (рис. реконструкции В. Д. Запорожской).

окончательно оформляется родо-племенная организация. Род представляет собой хозяйственное, общественное и идеологическое объединение кровных родственников, ведущих свое происхождение от одного общего предка. Брачные отноше-

ния между людьми регулировались в позднем палеолите еще при помощи различных форм группового брака. Родственные связи же при групповом браке, когда достоверно не известен отец ребенка, можно было определить лишь по материнской линии. Кроме того, женщина играла большую роль в хозяйстве палеолитического первобытного общества. Поэтому род оформляется как материнский.

Сплоченность родового коллектива, общий труд, новые орудия и усовершенствование производственных навыков обеспечили первобытному человеку лучшие, чем раньше, условия существования. Это видно хотя бы из того, что значительно уменьшилась смертность в раннем возрасте. Подсчеты показывают, что в позднем палеолите процент людей, умерших в возрасте до 20 лет, снизился по сравнению с мустьерской эпохой с 55 до 34.

Первобытные стада раннего палеолита жили весьма изолированно. В условиях развитого, сложного общественного хозяйства позднего палеолита родственные роды иногда объединялись для совместной коллективной охоты для общей защиты своей территории от врага. Со временем эти связи укреплялись, становились устойчивыми, и родственные роды объединялись в более крупные коллективы — племена.

В позднем палеолите наблюдается не только значительное развитие производства и усложнение общественной организации первобытных людей. В это время впервые возникает и развивается в разных формах искусство человека. Еще в ориньякскую эпоху появляются скульптурные изображения женщин, реже животных, вырезанные из мягких пород камня, из кости или рога. Для женских статуэток характерно специальное подчеркивание признаков женского пола (рис. 11). Видно, что первобытный художник старался яснее передать черты взрослой женщины-матери. Появление таких статуэток в эпоху оформления матриархально-родового общества, конечно, не случайно. Эти изображения женщин — родоначальниц, покровительниц рода — свидетельствуют о важной роли женщин в жизни родовых общин.

В разных позднепалеолитических стоянках найдены также образцы первобытной живописи на стенах пещер и на скалах, образцы гравюры по камню, рогу и кости (рис. 5, 2 и 12, 1—4). Среди этих изображений мы видим главным образом тех животных, на которых первобытный человек охотился: мамонта, носорога, бизона, оленя, лошадь, медведя и др. Рисунки отличаются простотой и первобытным реализмом. Художник, который одновременно был и охотником, хорошо знал этих животных и умел немногими, но выразительными штрихами передать наиболее существенное в образе того или иного животного. Многие изображения несомненно были связаны с религиозно-магическими действиями, при по-

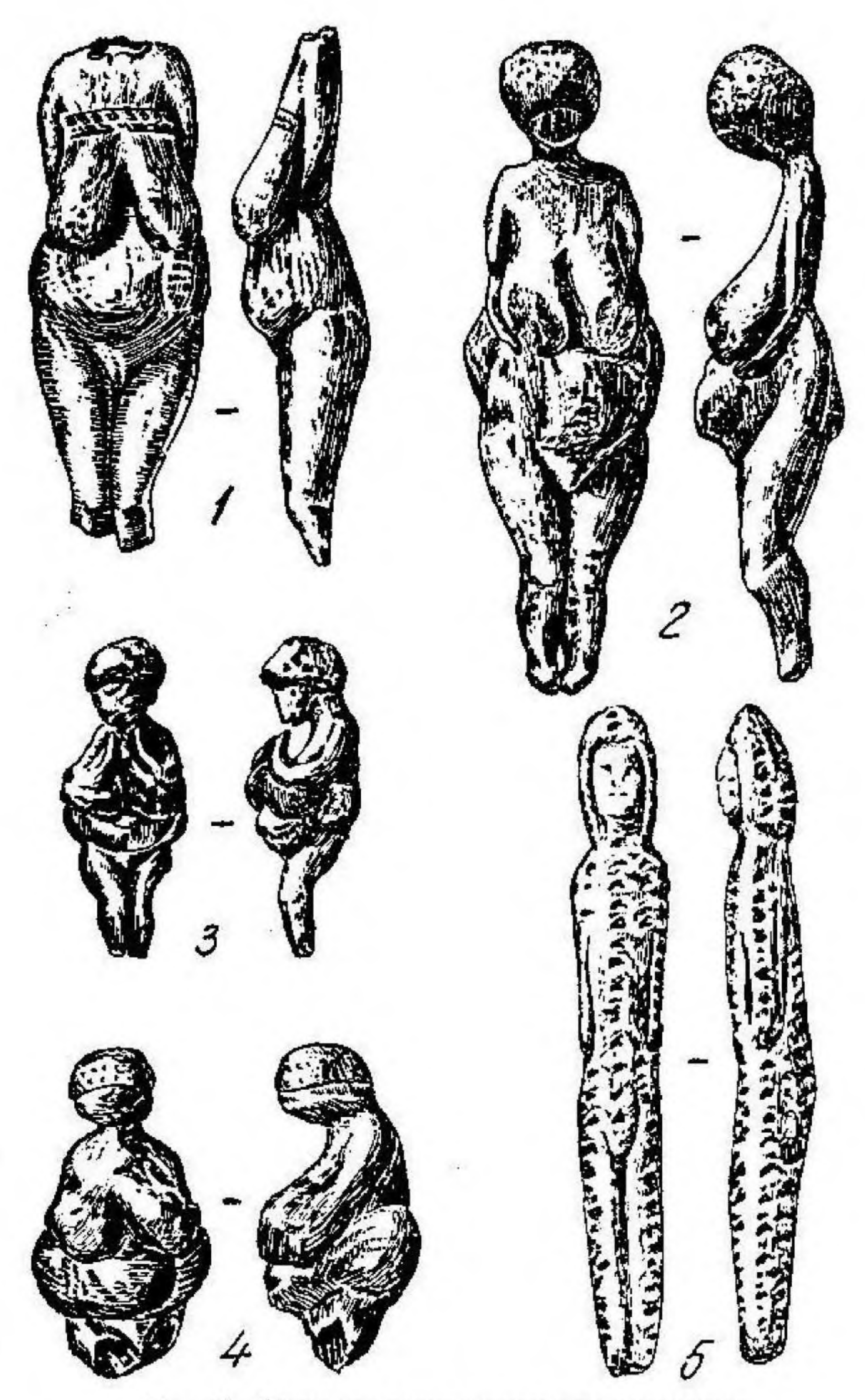

Рис. 11. Женские статуэтки верхнего палеолита:
1, 2 — стоянка Костенки; *3, 4* — стоянка Гагарино; *5* — стоянка Буреть.

мощи которых первобытный человек старался обеспечить себе удачную охоту.

Другие рисунки, изображающие каких-то странных существ, имеющих получеловеческий, полузвериный облик, очевидно, связаны с тотемизмом. Тотемизм — это своеобразная форма первобытной религии, которая выражалась в том, что человек верил в кровную связь, в родство всех членов рода с каким-либо животным, рыбой, птицей и т. п. Это животное считалось тотемом рода [1], и все люди, входившие в данный род, считали, что оно является их предком.

Родовая организация, объединявшая кровных родственников, играла огромную роль в жизни первобытного человека. Между тем представление о далеком предке, родоначальнике, было очень туманным, неопределенным. Поэтому, как показывают этнографические факты, в ряде случаев возникло представление о том, что основателем рода было какое-то фантастическое существо. Например, у якутов существовала восходящая еще к первобытно-тотемистическим верованиям легенда о том, что сначала был сотворен богом конь, от которого произошел полуконь — получеловек и, наконец, от последнего произошел настоящий человек.

Таким образом, целый ряд фактов свидетельствует о том, что у людей позднего палеолита уже существовали определенные религиозные верования [2]. Это подтверждается и наличием погребений с ясно выраженным религиозным обрядом, говорящем о вере в загробную жизнь. В таких погребениях вместе с покойником находят различные орудия производства, остатки пищи, украшения и т. п. предметы, которые были положены в могилу его родственниками, чтобы обеспечить его всем необходимым в потустороннем мире.

Возникновение религии объясняется прежде всего условиями материальной жизни первобытного человека. Жизнь эта была тяжелой. «Первобытный человек,— говорил В. И. Ленин, — был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» [3]. В своей деятельности первобытный человек часто наталкивался на непонятные, грозящие ему бедствием силы, которые он не мог устранить при помощи своих примитивных орудий и своих бедных знаний. В таких случаях человек начинал предполагать существование каких-то сверхестественных сил. «...Бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, чудеса и т. п.» [4].

---

[1] Слово «тотем» на языке индийцев североамериканского племени оджибвеев означает «его род».

[2] Предположение о существовании религии в более раннее время — у неандертальцев является спорным.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 95.

[4] В. И. Ленин. Соч. т. 10, стр. 65.

Образцы палеолитических рисунков на территории СССР были найдены в 1941 г. археологом А. П. Окладниковым на скалах в долине р. Лены близ деревни Шишкино. Археолог С. Н. Замятнин обнаружил схематические изображения эпохи палеолита в гротах Мгвимеви в Грузии. В 1959 г. биолог А. В. Рюмин обнаружил рисунки мамонта, лошади и других животных в Каповой пещере, расположенной в верховьях р. Белой на Южном Урале. Исследования археолога О. Н. Бадера подтвердили палеолитический возраст этих рисунков.

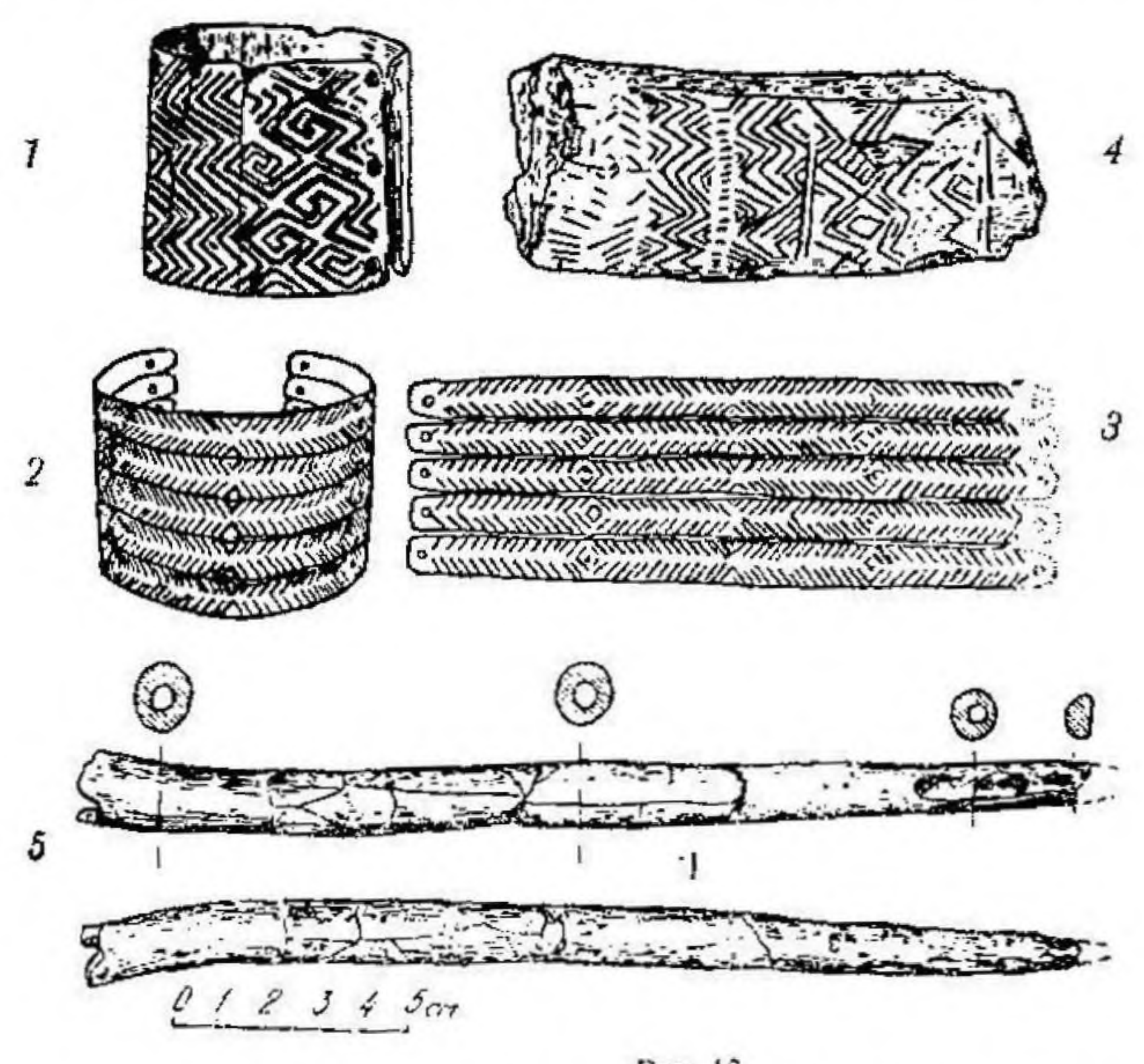

Рис. 12.
1, 2, 3, — браслеты из бивня мамонта и заготовка (*4*) для браслетов (Мезинская стоянка); *5* — костяная флейта из стоянки Молодова.

О высоком уровне палеолитического искусства свидетельствуют также находки украшений в виде костяных бус и орнаментированных подвесок, находки браслетов, покрытых сложной резьбой (рис. 12). Для ожерелий применялись и раковины со специально просверленными отверстиями.

В стоянке Молодова-5 в Черновицкой области археолог А. П. Черныш в 1953 и в 1954 гг. нашел две палеолитические флейты. Эти музыкальные инструменты сделаны из рога се-

верного оленя и имеют несколько отверстий, рассчитанных на воспроизведение различных звуков (рис. 12,5).

Все эти данные говорят о больших достижениях первобытного человека в эпоху позднего палеолита, о сложности его хозяйственной и общественной жизни, о развитии его идеологических представлений.

В бассейне Северского Донца известен в настоящее время целый ряд позднепалеолитических памятников, но все они к сожалению, изучены еще слабо и сами по себе не дают сколько-нибудь полной картины жизни людей в конце ледниковой эпохи на этой территории. Они освещают пока лишь отдельные стороны этой жизни.

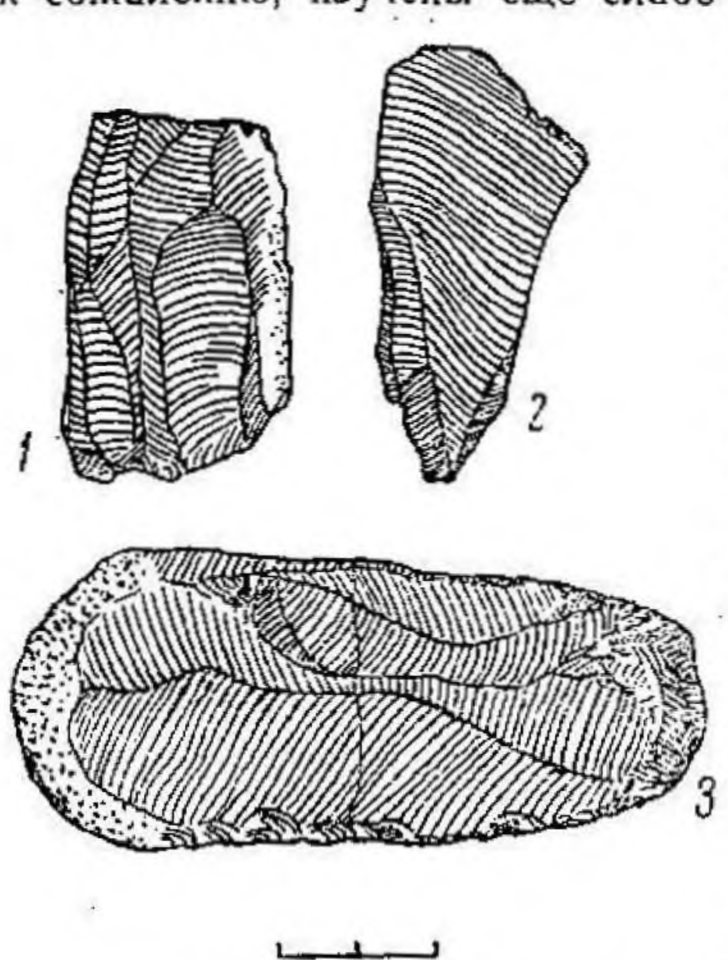

Рис. 13. Каменные изделия из раскопок палеолитического слоя стоянки Миньевский Яр в 1950 г. (по Д. Я. Телегину):
1 — нуклеус; *2* — резец; *3* — скребок;

Находки, относящиеся к позднему палеолиту сосредоточены пока в четырех местах бассейна Донца: вблизи Балаклеи южнее Изюма, севернее Луганска и в низовьях реки (см. рис. 22).

Самым северным является местонахождение на берегу Донца, у с. Щуровки, Балаклейского района, Харьковской области. Здесь в одном из яров вместе с костями мамонта было обнаружено несколько кремневых пластинок и резцов. На правом берегу Донца южнее Изюма зафиксированы следы нескольких стоянок. На стоянке в урочище Пристен у с. Синичено, Изюмского района Харьковской области, на стоянке Шаруканская II близ с. Богородичного и на стоянке у с. Пришиб Н. В. Сибилев нашел кремневые орудия позднепалеолитического облика и обломки костей мамонта, последние две стоянки находятся в Славянском районе Донецкой области.

В этом же районе расположена исследованная лучше других Миньевская стоянка. Она была открыта в 1924 П. П. Ефименко в устье Миньевского Яра у села Богородичного (близ бывшего Святогорского монастыря). Раскопки здесь производили в 1938 и 1940 гг. Н. В. Сибилев, а в 1950 И. Ф. Левицкий и Д. Я. Телегин. Исследования показали, что

стоянка имеет два основных культурных слоя: верхний относится к мезолиту, а нижний, залегающий на глубине около 2,75—2,80 *м* в желтоватом суглинке,— к мадленской эпохе палеолита. В нижнем слое найдено много кремневых призматических нуклеусов, резцов, крупных пластин, из которых делались наконечники копий, отщепов (рис. 13). Н. В. Сибилеву во время раскопок удалось найти характерную для позднего палеолита, но, к сожалению, плохо сохранившуюся статуэтку из мела. В одном месте обнаружены остатки очага. Однако костного материала в культурном слое оказалось немного, и он представлен преимущественно неопределимыми обломками костей. Некоторые кости, по мнению И. Г. Пидопличко, могут принадлежать зубру. Предполагается, что это место, изобилующее выходами хорошего мелового кремня, служило по преимуществу мастерской первичного раскалывания камня и изготовления некоторых орудий.

Большой интерес представляет Веселогорское местонахождение в Александровском районе Луганской области. Древние остатки здесь, на отмели правого берега Донца, были открыты еще в 1918 г. местной жительницей Поповой. Во время научного обследования в 1919 г. удалось собрать, по-видимому, вымытые водой из береговых отложений кости мамонта, сибирского носорога, дикой лошади, зубра, благородного и северного оленя. Здесь же был найден прекрасно отделанный наконечник копья из бивня мамонта (рис. 14). Длина наконечника — 25 *см*. Верхний конец его конусообразно заострен, а прилегавший к деревку нижний конец уплощен в виде лопаточки. Веселогорский наконечник представляет собой прекрасный образец костяного орудия того типа, который был широко распространен в мадленскую эпоху. Наконец, следы верхнего палеолита были зафиксированы в 1950 г. на левом берегу Северского Донца в его низовьях находкой у хут. Михайловского сильно патинизированной ножевидной пластины.

Рис. 14. Наконечник копья из бивня мамонта. Веселогорское местонахождение (по С. А. Локтюшеву).

Все эти находки показывают, что к концу палеолита большая часть бассейна Северского Донца была уже заселена первобытными людьми, хозяйство и культура которых существенно не отличались от хозяйства и культуры других позднепалеолитических групп населения, обитавших на Русской равнине.

ГЛАВА II

МЕЗОЛИТ

Мезолитом, или среднекаменным веком называют период перехода от палеолита к неолиту[1], который продолжался приблизительно от 15 до 5 тысячелетия до н. э. Начало мезолита совпадает с началом голоцена в геологической относительной хронологии. В этот период, прекращаются наблюдавшиеся раньше ледниковые явления, постепенно холодный климат сменяется более теплым, устанавливаются близкие к современным ландшафтные зоны леса, лесостепи и степи с соответствующим животным миром. Распространенные раньше такие крупные толстокожие животные, как мамонт и носорог, исчезают. В лесах господствуют теперь такие животные умеренного климата, как бурый медведь, кабан, лось, благородный олень, рысь и т. п., а в степях — дикая лошадь, бык, антилопа-сайга и другие. В связи с улучшившимися природными условиями люди продвигаются дальше на север и заселяют новые территории, которые раньше были необитаемы.

Археологические памятники этого периода показывают, что в мезолите человек научился изготавливать новые, более совершенные орудия производства для охоты и рыбной ловли. В раннемезолитических стоянках еще встречаются некоторые кремневые орудия (резцы, скребки и т. п.) позднепалеолитических, мадленских форм, но постепенно увеличивается количество новых типов орудий. Развитие техники обработки камня шло в это время в направлении более целесообразного использования тонких ножевидных пластинок, отжатых от нуклеуса.

В мезолитическую эпоху получают широкое распространение так называемые микролиты (от греч. mikros — маленький) — кремневые орудия очень небольших размеров, изготовленные из тонких пластинок, соответственно обломанных и обработанных по краям ретушью. Некоторые типы микролитов имеют довольно правильные геометрические формы треугольников, ромбов, трапеций, сегментов и т. п. Однако микролиты геометрических форм встречаются далеко не везде. Их, например, нет в стоянках лесной зоны Европейской части СССР и в Сибири. На юге — в степях Восточной Европы, в Крыму и на Кавказе — они очень распространены. Установлено, что микролиты применялись главным образом как кремневые наконечники стрел и как вкладыши для сложных орудий с деревянной или костяной основой.

Изобретение лука и стрел было огромным достижением первобытного человека, значительно повысившим эффективность охоты, усилившим роль отдельного человека в коллек-

[1] Иногда этот период обозначают терминами «эпипалеолит» (от греч. epi — у, при, после) или «протонеолит» (от греч. protos — первый).

тивном хозяйстве родового общества. Имея такое оружие, охотник мог с гораздо бо́льшим, чем раньше, успехом поражать животных на далеком расстоянии, убивать их из-за укрытия, не обнаруживая себя преждевременно и не подвергаясь опасности непосредственного столкновения с рассвирепевшим зверем. Лук и стрелы, как показывают этнографические данные, могли применяться и в рыболовстве. Кроме того, изобретение лука должно было натолкнуть человека на мысль об использовании силы согнутой упругой ветви дерева для изготовления других охотничьих приспособлений в виде силков, самострелов и т. п. Это не только облегчило труд охотника, но и дало ему возможность охватить своим промыслом большую территорию, а следовательно, увеличило производительность труда одного человека и коллектива в целом.

Отмечая исключительно большое значение изобретения лука и стрел для первобытного человека, Ф. Энгельс писал: «Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации, — решающим оружием» [1].

Как уже отмечалось, в мезолите получили распространение и вкладышевые составные орудия, которые в ряде случаев были более практичными, чем сделанные из целого куска камня, кости или рога орудия палеолита.

При изготовлении вкладышевого орудия в качестве основы брался костяной или деревянный стержень, в котором прорезался желобок или ряд маленьких узких лунок. В эти лунки вкладывались микролиты соответствующих форм, закрепляемые в оправе смолой. Таким способом можно было сделать гарпун с острыми кремневыми зубьями, нож или наконечник дротика с кремневым лезвием (рис. 16, 18—19). Составные орудия были более долговечными, чем изготовленные из однородного материала, так как поломанный конец гарпуна или выщербленную часть кремневого лезвия можно было легко заменить вставкой нового микролита. В то же время, например, при поломке зубьев у гарпуна, вырезанного из целого куска рога, его приходилось выбрасывать и целиком изготавливать новое орудие.

С. Н. Бибиков недавно убедительно доказал, что миниатюрные микролиты в виде тонких и удлиненных трапеций с зубчиками на верхнем основании (рис. 16,21) применялись как своеобразные блесны для ловли рыбы. Вытянутая форма, желтовато-серый цвет, гладкая глянцевитая поверхность этих микролитов делали их очень похожими на мальков, а подергивание лески создавало впечатление движения рыбки. Такие микролиты известны и из сборов Н. В. Сибилева на Донце.

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

Некоторые весьма интересные данные получены в результате исследования костных остатков животных из мезолитических стоянок. В целом ряде пунктов встречены кости домашней собаки. Собака была первым животным, которое человек приручил и научился использовать на охоте. В трудные моменты она служила для него и пищей. В некоторых местах, например в Крыму, как показали исследования В. И. Громова и С. Н. Бибикова, человек уже начал приручать диких свиней.

Несмотря на дальнейшее развитие охоты и широкое распространение рыбной ловли, исчезновение таких крупных стадных животных, как мамонт и носорог, по-видимому, серьезно отразилось на количестве пищевых ресурсов первобытных общин. Об этом свидетельствует то, что в ряде мест широкое распространение получает собирательство.

Как и раньше, в мезолите основной ячейкой общественной организации первобытных людей был род, базировавшийся на коллективном труде. Несколько родов объединялось в племя. Причем, как правило, род был экзогамен, т. е. брак между мужчинами и женщинами одного и того же рода запрещался. Муж и жена должны были принадлежать к разным родам данного племени. Усложнение общественного производства в эпоху мезолита способствовало большему сплочению и укреплению матриархального рода, что, в частности, выражается в переходе от различных форм группового брака к парной семье.

В парной семье, в отличие от группового брака, один мужчина мог находиться в брачных отношениях лишь с одной женщиной. Однако это правило еще не определяет характерных черт парной семьи, которая резко отличалась от моногамии, свойственной классовому обществу. Судя по этнографическим данным, парный брак заключался без особых формальностей и не связывал мужа и жену очень прочными узами. По желанию любой стороны он мог быть легко расторгнут, особенно если муж или жена были замечены в недобросовестном отношении к труду. В условиях матриархально-родовой организации парная семья имела еще целый ряд других характерных черт.

Как правило, господствовало матрилокальное поселение супругов (т. е. вступающий в брак мужчина должен был переходить в род жены), счет родства велся по женской линии, при расторжении брака дети оставались у матери и наследовали только личное имущество родственников по материнской линии. Вместе с тем установление парного брака привело к возникновению представления об отцовстве. Раньше, при групповом браке, такого представления не существовало, так как невозможно было достоверно установить родного отца ребенка.

Наконец, одной из самых существенных особенностей парной семьи является то, что она еще не вела самостоятельного хозяйства, оторванного от коллективного хозяйства всего рода. Как указывает Ф. Энгельс, «парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве или только желание обзавестись им, отнюдь не упраздняет унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства» [1].

Таким образом, появление парной семьи не ослабило, а укрепило матриархально-родовую организацию первобытного общества. Следует также иметь в виду, что внедрение парной семьи не было каким-то внезапным нововведением, а происходило постепенно и еще долго в родовых общинах сохранялись различные пережитки группового брака.

В бассейне Северского Донца в настоящее время известно, особенно благодаря многолетним исследованиям Н. В. Сибилева и С. А. Локтюшева, большое количество мезолитических стоянок. Основная масса их расположена в среднем течении Донца от Изюма до Луганска, но отдельные стоянки имеются и в других местах, в верхнем и нижнем течении реки.

К раннему мезолиту относится группа стоянок на берегах левого притока Донца реки Евсуг к северу от Луганска. Это стоянки Рогалик (Якимовская), Африканова мельница, Береговая, Криничная балка и Шейшинова балка. Из них исследована путем раскопок лишь первая.

Стоянка Рогалик расположена в окрестностях хут. Рогалика на высоком правом берегу р. Евсуг, близ Якимовской балки. Обнаружила ее в 1926 г. группа исследователей под руководством С. А. Локтюшева. Как показали раскопки, культурный слой здесь очень тонкий и залегает в песчанистом лессовидном суглинке на небольшой глубине (от 1,15 до 1,86 *см*). На вскрытой площади культурные остатки залегают не сплошь, а отдельными находками или небольшими скоплениями. Остатков жилищ не обнаружено, но в нескольких местах были зафиксированы округлые пятна очагов. На стоянке найдено большое количество изделий из камня (преимущественно употреблялся кремень, реже кварцит), костяные изделия и костные остатки пищи, раковины съеденных моллюсков и украшения.

Среди кремневых орудий имеются заостренные с помощью ретуши ножевидные пластинки, различные типы резцов (срединные, боковые и на углу сломанной пластинки), концевые и округлые скребки (рис. 15). Найдено также не-

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 48.

сколько рубящих орудий. При этом многочисленные отщепы, призматические и конусовидные нуклеусы, отбойники и т. п. свидетельствуют о том, что изготовление каменных орудий производилось на месте стоянки. Особо надо отметить, что здесь найдено больше десятка типичных микролитов в виде трапеций с краями, обработанными мелкой притупляющей ретушью.

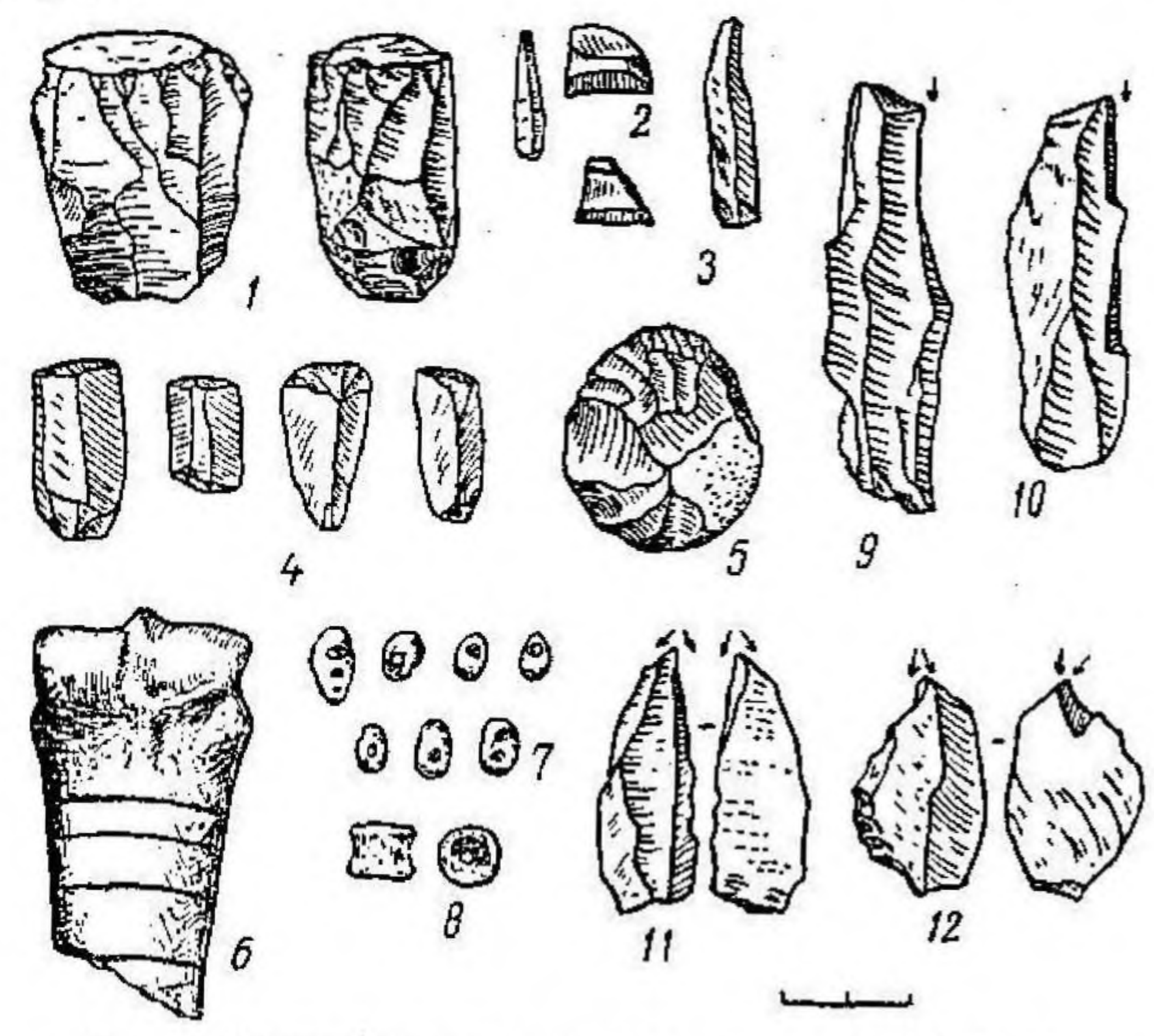

Рис. 15. Костяные и кремневые орудия и другие изделия из стоянки Рогалик.

Изделий из кости обнаружено немного: два острия, подвеска и кость лошади, орнаментированная параллельными нарезками. Остальные кости представляют собой пищевые отбросы. Из костей съеденных животных В. В. Богачевым определены кости лошади, быка и лисицы.

Украшениями служили раковины морских моллюсков (Nassa reticulata) с просверленными отверстиями для подвешивания и позвонок рыбы с таким же отверстием (рис. 15,7—8) Некоторые раковинки и рыбий позвонок оказались слабо окрашенными в красный цвет. Окраска производилась красной охрой, кусочки которой удалось найти во время раскопок. Это — древнейшие украшения людей, живших в бассейне Северского Донца и его притоков.

Таким образом, раскопки стоянки Рогалик дают хороший образец мезолитического поселения первобытных людей, которые занимались главным образом охотой на диких лошадей, дополняемой рыболовством и собирательством моллюсков. Незначительная толщина культурного слоя свидетельствует о том, что люди жили здесь недолго, до тех пор, пока в ближайших окрестностях можно было добыть достаточное количество пищи. Находки раковин морских моллюсков, обитающих в водах Черного моря, указывают на какие-то связи местных жителей с югом. На эти же связи указывает и наличие в стоянке геометрических микролитов, которые в Крыму и на Кавказе известны уже в раннем мезолите.

Остатки другого своеобразного мезолитического поселения были исследованы в 1950 г. Д. Я. Телегиным при раскопках верхнего горизонта стоянки Миньевский Яр на правом берегу Донца у с. Богородичного Донецкой области. Культурный слой верхнего горизонта залегал в лессовидном суглинке на глубине 1,8—1,9 *м*. Раскопки показали, что в этом месте была недолговременная стоянка первобытных людей, которые, используя близлежащие выходы кремня, занимались изготовлением каменных орудий. Поэтому на стоянке найдено огромное множество отщепов, а также микролитические и крупные призматические нуклеусы. Один из расщепленных на куски кремневых желваков был еще не использован и его удалось реставрировать почти полностью. Готовых орудий обнаружено сравнительно немного. Среди них имеются резцы, скребки, грубо сделанные топоры, отбойник и ножевидная пластинка со скошенным краем. Найдены кости благородного оленя и раковины Unio. По мнению Д. Я. Телегина, стоянка верхнего горизонта Миньевского Яра по характеру культурных остатков и по условиям их залегания близка к описанной выше мезолитической стоянке Рогалик.

На других, в основном более поздних, мезолитических стоянках в бассейне Сев. Донца собирался главным образом подъемный материал, и лишь в некоторых местах производилась разведочная шурфовка. Поэтому для этих стоянок мы пока не имеем такого разностороннего комплекса и можем отметить лишь их основные черты

Мезолитические стоянки расположены в основном вблизи рек, на поверхности древних песчаных дюн или на низких лессовых террасах коренного берега. Это давало возможность удачно сочетать охоту на диких животных и водоплавающих птиц с рыбной ловлей и собирательством съедобных речных моллюсков.

Общей характерной особенностью мезолитических памятников Сев. Донца является широкое распространение микролитов геометрических форм в виде трапеций, треугольников

и сегментов, сделанных из ножевидных пластинок (рис. 16, 1—12). Орудия такого типа применялись главным образом как наконечники стрел и вкладыши. Замечательный образец такого вкладышевого орудия был найден в 1930 г. на берегу Донца под Изюмом (рис. 16, 18). Это — обломок костяного

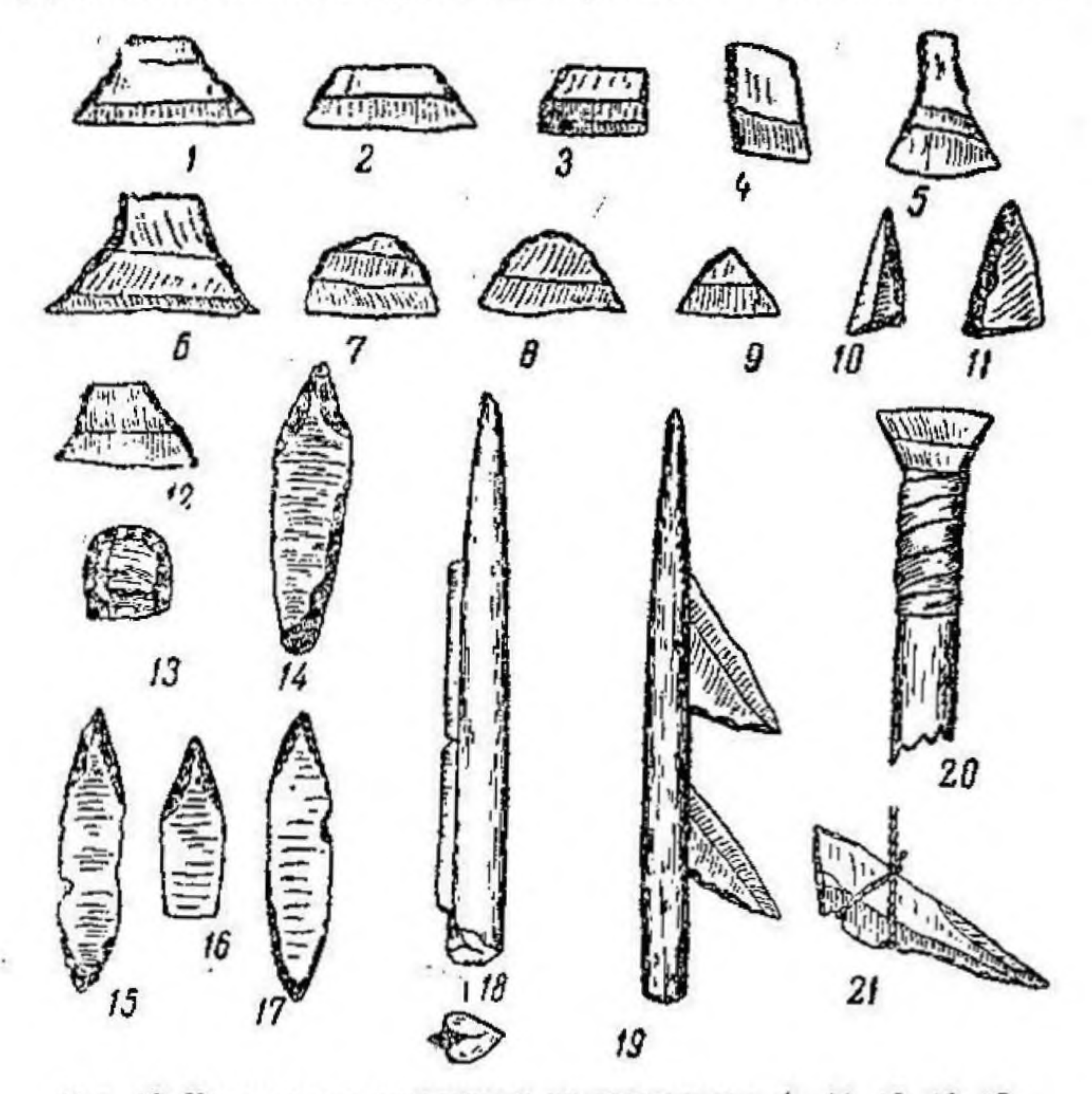

Рис. 16. Кремневые микролиты и их применение: *1—11, 15, 16, 17* — микролиты различных типов из стоянок в бассейне Донца по Н. В. Сибилеву (*6, 9, 11, 16, 17* — стоянка у с. Петровское, *15* — стоянка у с. Грушеваха; (*1, 5, 7, 8* — разные стоянки около Изюма); *12, 13, 14* — стоянка у с. Кицевка в Харьковской области (по А. С. Федоровскому); *18* — вкладышевое орудие из микролитов, вставленных в костяную основу. Найдено в окрестностях Изюма (по Н. В. Сибилеву); *19* — реконструкция гарпуна из стоянки Шан-Коба, Крым (по Бонч-Осмоловскому); *20* — способ прикрепления микролитического наконечника к древку стрелы; *21* — кремневый микролит, использовавшийся в качестве блесны для ловли рыбы (реконструкция С. Н. Бибикова).

наконечника дротика с микролитическими вкладышами, из которых два уцелевших вкладыша закреплены в узком желобке смолой. Некоторые трапециевидные микролиты, судя

по находкам в других местах, привязывались к древкам стрел тонкими кожаными ремешками или растительными волокнами.

Гораздо реже, чем геометрические микролиты, встречаются на донецких стоянках наконечники стрел, сделанные из длинных ножевидных пластинок с частичной ретушью на одном или на двух концах (рис. 16, 14—17). Аналогичные иволистные и черешковые наконечники стрел из ножевидных пластинок характерны для более северных мезолитических стоянок лесной полосы Восточной Европы и известны в бассейнах Оки, верхней Волги, Десны, Сожа. На донецких стоянках наконечники из ножевидных пластин встречаются лишь в северной, преимущественно в лесостепной части бассейна, причем и здесь они не преобладают, а найдены в небольшом количестве на тех же стоянках, где собрано огромное количество геометрических микролитов.

Это свидетельствует об этнической однородности основной массы местного населения, тем более, что геометрические микролиты появляются здесь в самом начале мезолита, а традиции их изготовления и применения сохраняются и в более позднее время—в неолите, а иногда даже в эпоху меди и бронзы. Вместе с тем племена, жившие в верховьях и даже в средней части бассейна Донца, несомненно, имели тесный контакт с мезолитическими племенами лесной полосы Восточной Европы. Как результат этого контакта следует, по-видимому, рассматривать и наличие на донецких стоянках некоторого числа наконечников стрел, изготовленных иным способом из ножевидных пластин. Возможно, распространение наконечников из ножевидных пластин в северных, лесостепных стоянках Донца связано также с какими-то местными особенностями хозяйства, которые делали целесообразным применение здесь именно таких стрел.

Из других кремневых изделий мезолитических стоянок Донца можно отметить боковые резцы на пластинках, ножи из пластинок, края которых отделаны ретушью, и небольшие скребки.

Почти полное отсутствие других материалов, особенно хорошо документированных костных остатков, не дает пока возможности более полно охарактеризовать охотничье-рыболовецкое хозяйство местных племен в эпоху мезолита.

ГЛАВА III

НЕОЛИТ

Эпоха неолита[1], или новокаменного века характеризуется крупными достижениями в производственной деятельности первобытных людей. В это время наблюдается дальнейшее

[1] От греч. neos — новый

усовершенствование техники обработки камня, вплоть до применения таких приемов, как шлифовка, сверление и пиление камня; вырабатываются новые, более целесообразные формы каменных орудий; появляется гончарное производство, ткачество и т. д. Наряду с существованием таких старых отраслей хозяйства, как охота, рыбная ловля и собирательство, у ряда неолитических племен зарождаются новые отрасли хозяйства — скотоводство и земледелие.

Развитие производительных сил при наличии коллективного труда и общественной собственности на средства производства способствует укреплению родо-племенного строя, который в эпоху неолита достигает у большинства племен высшего расцвета.

Вследствие значительной неравномерности исторического развития различных племен установить общие хронологические рамки для неолита труднее, чем для предыдущих эпох. В основном неолит охватывает IV — первую половину III тысячелетия до н. э. На юге Восточной Европы в III тыс. до н. э. уже появляются металлические орудия, но у северных племен неолитическая эпоха продолжается гораздо дольше.

Говоря о новом этапе в развитии первобытного общества, следует учитывать, что указанные выше усовершенствования и изменения в производственной деятельности происходили постепенно. Резкой грани между мезолитом и ранним неолитом нет.

Исследования ранненеолитических памятников показывают, что здесь еще долго применялись старые способы обработки камня, кости и других материалов и преобладали формы орудий, выработанные еще в эпоху мезолита. Однако наряду с этим уже в раннем неолите получают распространение массивные рубящие орудия, которые представляют собой резкий контраст с микролитами мезолита. Эти большие каменные орудия получили наименование макролитов (от греческого makros — длинный. Различают два основных типа макролитов: трапециевидный топор — транше и топор-мотыга вытянутоовальной формы — пик. Сделаны эти макролитические топоры довольно грубо при помощи простой оббивки камня (рис. 17, 1—2).

Находки каменных ранненеолитических орудий известны в ряде мест бассейна Донца. Так, например, коллекция кварцитовых орудий этого типа собрана у хут. Нижне-Герасимовского на правом берегу р. Деркул. Среди находок имеются ножевидные пластинки, скребки, резцы. Особенно характерен найденный здесь топор-мотыга удлиненно-овальной формы (рис. 17,3). Из отдельных стоянок можно отметить такие, как Петровская 4, Дробышево 1, расположенные в среднем течении реки. Здесь встречается еще много микролитических орудий, но наряду с ними обнаружены и ранние типы неолитиче-

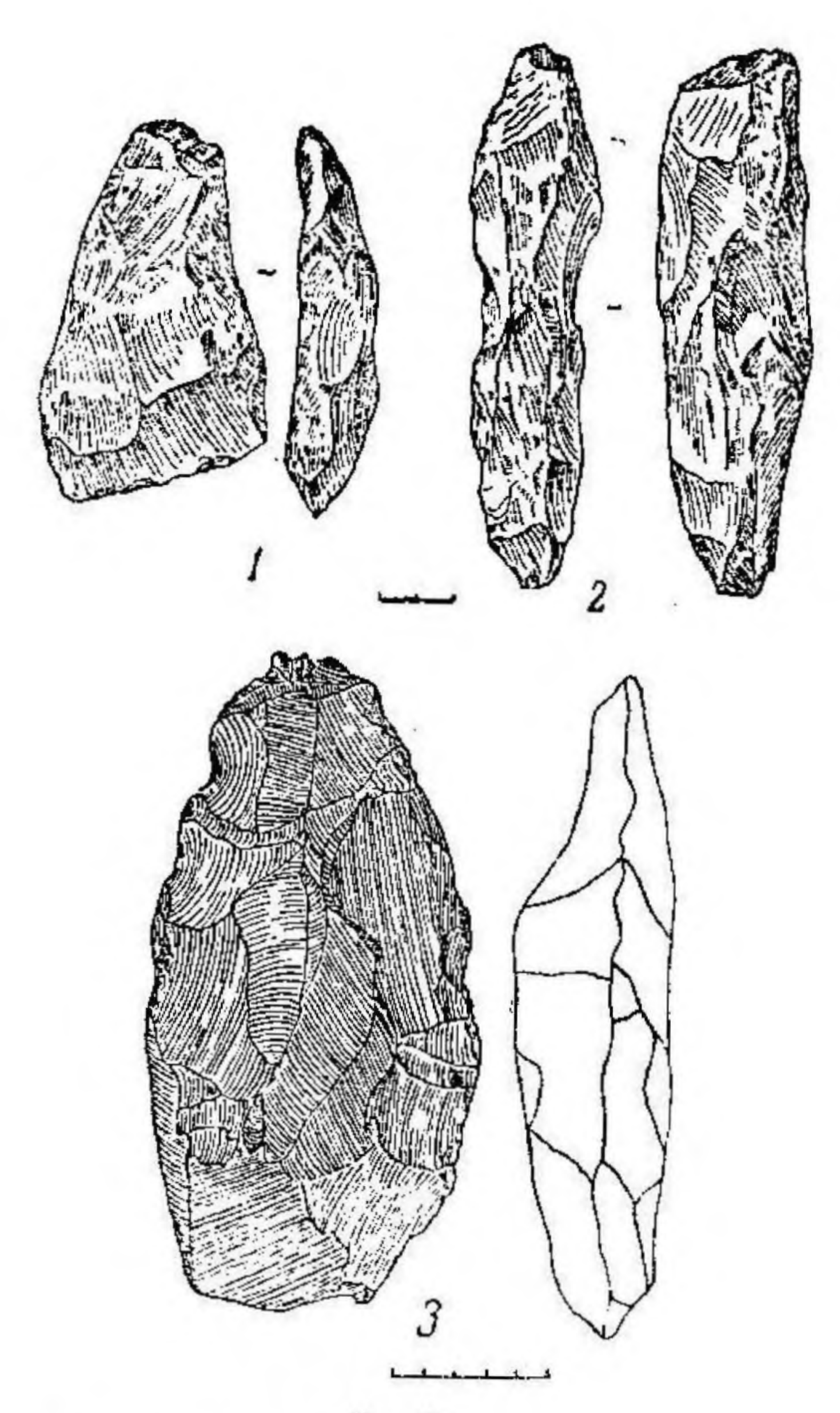

Рис. 17.

1, 2 — ранненеолитические орудия типа транше и пик из находок на среднем Днестре (по И. Г. Шовкоплясу), *3* — ранненеолитический топор-мотыга, найденный у хут. Нижне-Герасимовского (по С. Н. Замятнину).

ских топоров. Некоторые топоры изготовлены из массивных отщепов. Лезвия их не носят следов дополнительной обработки и только на боковых сторонах видны следы оббивки. Эти топоры типологически напоминают транше. Иногда встречаются и сделанные более тщательно топоры-резаки с лезвием, сформированным поперечным сколом. Такие топоры близки к орудиям типа «пик».

Длительное сохранение некоторых древних традиций в технике обработки камня у жителей донецких стоянок свидетельствует, как отмечает исследовавший их Д. Я. Телегин, об автохтонном развитии неолитической культуры на местной позднепалеолитической основе.

Постепенно техника изготовления орудий в эпоху неолита совершенствуется. Вместо грубой оббивки топоров начинает применяться обработка их поверхности при помощи более мелких стесывающих сколов, и, наконец, появляются, но далеко не везде, шлифовка, а в редких случаях и сверление мягких пород камня.

Изготовление шлифованных орудий, особенно из очень твердых пород камня, было нелегким трудом. Кроме того, некоторые орудия, например, ножи или скребки не нуждались в такой обработке. Поэтому шлифовали только такие, особенно важные орудия, как топоры и долота, рабочая поверхность которых должна была скользить, не оказывая большого сопротивления. Шлифовку и заточку производили на каменных плитах при помощи кварцевого песка.

Сверление в неолите применяли очень редко, причем первоначально отверстия проделывали примитивно, высверливая в изделиях из мягких пород камня конусообразные углубления с двух сторон до тех пор, пока вершины конусов не соединялись. Более совершенные методы сверления появляются позже, а топоры и молоты с просверленными отверстиями для укрепления рукояток широко распространились лишь в эпоху меди и бронзы.

Археологическое изучение древних памятников показывает, что шлифованные орудия в некоторых местах даже в конце неолита были редкостью. В течение всего неолита и даже в бронзовом веке продолжали существовать и совершенствоваться старые приемы обработки камня при помощи оббивки, скалывания и отжима. Количественно орудия, сделанные старыми, менее трудоемкими приемами, всегда преобладали. Так изготавливались разнообразные ножи, наконечники стрел и копий, проколки, сверла, резцы, скребки и т. п.

Весь этот набор орудий, среди которых важную роль играл топор, давал возможность первобытному человеку совершенствовать обработку различных материалов. Теперь легче было использовать дерево для сооружения жилищ, изготовить деревянную ловушку для зверей. Появились выдолб-

ленные из дерева челны и такое важное приспособление, как лыжи. Из кости делались различные наконечники гарпунов, стрел, рыболовные крючки и другие хозяйственные изделия.

Применение новых способов обработки камня давало возможность тщательно отделывать орудия и придавать им наиболее целесообразную форму. Большое внимание уделялось изготовлению каменных топоров, которые находили в неолитическом хозяйстве самое разнообразное применение. Н. Н. Миклухо-Маклай, видевший подобные топоры у папуасов, пишет, что они «своими маленькими топорами, с лезвием не более чем в 5 *см*, легко срубают древесные стволы в полметра в диаметре, а также вырезают тонкие узоры на древках своих копий».

Не следует преуменьшать эффективность неолитических орудий из камня и, наоборот, преувеличивать сложность их изготовления. Экспериментальные работы группы советских археологов под руководством С. А. Семенова показали, что за 15 минут каменным топором неолитического типа можно срубить сосну диаметром в 25 *см*. Для изготовления долбленой лодки из соснового ствола диаметром 56—60 *см* и длиной 4 *м* два человека должны были работать каменным теслом 12 дней (по 8 часов в день). Опытным путем было выяснено, что для изготовления неполностью шлифованного (как в неолите) каменного топора из мягкой породы камня (сланец) требуется всего 3—4 часа работы. Из более твердого камня (диорит, базальт) такой топор удается изготовить за 15—17 часов работы. Наконец, для изготовления очень хорошего топора из кремня требуется затратить до 35—40 часов.

Очень большое значение для первобытного человека имело появление керамики, т. е. изделий из обожженной глины. Это свидетельствовало об овладении новым материалом — глиной, которая раньше использовалась мало. Теперь человек узнал ее полезные технические свойства (пластичность, огнеупорность, водонепроницаемость, способность в тестообразном виде принимать различные формы и сохранять их после обжига) и научился использовать их для своих хозяйственных нужд.

В неолите появляется и получает широкое распространение глиняная посуда. Она была, по-видимому, изобретена женщинами, которые хранили и готовили пищу, и очень долго примитивное гончарное производство находилось в их руках.

Человек имел посуду и раньше, до появления керамики. Еще в палеолите в качестве сосудов применялись раковины и черепа животных. Делались сосуды также из дерева, тыквы, кожи и т. п. Однако все эти изделия не были так удобны

и каждое из них не имело таких преимуществ керамики, как легкость изготовления, возможность получения сосудов различных форм и размеров, огнеупорность, большое количество доступного сырья. Поэтому они не получили такого широкого применения и распространения, как керамика.

Говоря о появлении гончарного искусства, Ф. Энгельс указывает, что «во многих случаях и вероятно повсюду оно произошло из обмазывания плетеных или деревянных сосудов глиной, с целью сделать их огнеупорными»[1]. Эти слова Ф. Энгельса находят полное подтверждение в целом ряде этнографических данных. Известно, что туземцы о-ва Фиджи в Меланезии лепили свои сосуды из глины на твердой основе из древесной коры; индейцы некоторых племен Сев. Америки лепили сосуды на тыквах, корзинах или сетках, набитых травой. Эта твердая основа затем выгорала при обжиге посуды. Постепенно человек убедился в том, что можно лепить сосуды из глины и без всякой твердой основы.

Мелкие сосуды формовали прямо из целого куска подготовленной глины, более крупные лепились первоначально жгутовым способом. При этом из глины делались валики или жгуты, которые затем укладывались по спирали друг на друга и сплющивались. Получался сосуд весьма характерной, широко распространенной в неолите формы с заостренным или округлым дном. Эти сосуды могли стоять в небольшой ямке или между камнями в очаге. Обжиг керамики вначале производился на кострах при температуре 300—500°. Ввиду этого стенки неолитических сосудов обычно не прокаливались на всю толщину, глина слабо спекалась, была пористой и непрочной.

Вообще изготовление керамики было не таким простым делом, как это может показаться на первый взгляд. Уже первобытный человек при первых опытах заметил, что многое зависит не только от искусства формовки, но и от качества глиняного теста. Сосуды, сделанные из чистой глины, уже при предварительной сушке начинают трескаться. Поэтому для изготовления прочной, огнеупорной и водонепроницаемой посуды глину стали смешивать с различными примесями: с песком, толчеными раковинами, асбестом, раздробленными кусочками камня (дресва), толчеными черепками старых сосудов (шамот) и т. п. Иногда в глине встречаются и следы выгоревшей растительной примеси.

Наружная поверхность древних глиняных сосудов обычно орнаментировалась различными узорами в виде ямок, прочерченных линий, отпечатков штампов и т. п. В отдельных родо-племенных группах традиционные формы сосудов и

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 22.

приемы их орнаментации передавались из поколения в поколение и держались очень устойчиво. Это делает керамические остатки очень важным материалом для определения границ распространения отдельных групп населения.

В неолите наряду с плетением появилось уже и примитивное, без применения специального станка, ткачество. Об этом свидетельствуют отпечатки сетей и тканей, которые попадаются иногда на стенках глиняных сосудов. В неолитической стоянке на р. Модлоне в Вологодской области археологу А. Я. Брюсову удалось обнаружить даже обломок деревянного донца прялки. Для приготовления нитей вначале использовали волокно дикорастущих растений, но уже в неолите начали применять и культурный лен, семена которого были найдены на той же Модлонской стоянке.

В истории возникновения земледелия и скотоводства еще много нерешенных проблем. Некоторые племена в эпоху неолита вообще еще не имели этих новых отраслей хозяйства, а продолжали заниматься главным образом охотой и рыбной ловлей.

В целом ряде случаев сейчас еще нельзя сказать, где, когда и какие растения были превращены человеком в культурные и трудно отыскать диких родоначальников многих культурных растений. Можно считать установленным, что в Европе древнейшими культурными злаками, которые возделывались уже в позднем неолите, являются пшеница, просо и ячмень. Из огородных растений очень рано начали выращивать горох, чечевицу, бобы, петрушку и др. Из технических культур в европейском неолите известны лен и конопля. Однако конкретная история появления этих культур у различных племен еще нуждается в специальном изучении.

Примитивное первобытное земледелие возникло из собирательства съедобных растений и, так же как собирательство, по-видимому, первоначально было преимущественно женским занятием. Это, впрочем, не исключало применения мужского труда в ряде тяжелых работ (расчистка участка от деревьев и кустарника, поднятие целины и т. п.). Переход от собирательства к земледелию стал возможным лишь тогда, когда появилась известная оседлость и были получены необходимые наблюдения над жизнью полезных растений. Собирая дикие злаки и корнеплоды, женщины замечали условия, которые благоприятствуют произрастанию этих растений. Пытаясь сохранить растения от уничтожения дикими животными, они могли иногда пересаживать их поближе к своим поселениям и, наконец, перешли к самостоятельной посадке зерен в землю.

Первые земледельческие орудия были предельно просты. Для взрыхления почвы применялись заостренные палки и

деревянные мотыги с наконечниками из камня, кости или рога. Примитивная техника обработки земли давала возможность заниматься земледелием вначале лишь там, где были особенно благоприятные природные условия. Для выращивания растений использовали главным образом участки с мягкой плодородной наносной почвой по берегам рек и озер. Растения получали здесь достаточно влаги, а землю было сравнительно легко обрабатывать палкой и мотыгой. Несколько позже, по-видимому, уже за пределами неолитической эпохи, в лесных, слабо заселенных районах возникло подсечно-огневое земледелие. Здесь важнейшим орудием земледельца был топор, при помощи которого подрубались мелкие деревья и кустарники. После того как подрубленная растительность подсыхала, ее сжигали. Таким способом подготавливалась площадь для посева и одновременно земля удобрялась золой. Два-три года такой участок давал хороший урожай, а затем надо было переходить на новое место.

Убирали урожай либо просто руками, либо срезали колосья кремневыми серпами. Серпы делались из больших ножевидных, слегка зазубренных пластинок или из кремневых вкладышей, укрепленных в костяной или роговой основе. Растирали зерно на каменных зернотерках. На территории СССР земледелие появилось раньше всего на юге (на Кавказе, в некоторых районах Северного Причерноморья, в Средней Азии), где для этого были наиболее благоприятные природные условия и где ощущалось влияние культурных центров древнего Востока.

По поводу способов приручения и одомашнивания животных написано много работ и создан целый ряд интересных теорий. В большинстве этих теорий есть известная доля истины, но ни одна из них (теория выкармливания детенышей, теория загона животных в огражденные участки и т. п.) не является общепризнанной. Научные споры пока лишь убедительно показывают, что процесс одомашнивания был сложным, совершался параллельно в разных местах и разными путями. Не везде вообще можно было найти пригодных для одомашнивания животных.

Скотоводство появилось не потому, что кто-то придумал тот или иной способ одомашнивания животных, а оттого, что был достигнут определенный уровень развития первобытного хозяйства, при котором разведение скота стало возможным и целесообразным.

В палеолите человек охотился на животных, иногда, по-видимому, ловил их живыми, но к началу мезолита мы видим лишь одно домашнее животное — собаку. Появление домашней собаки еще не было настоящим скотоводством. Собак разводили не столько ради получения мяса и шкуры, сколько

ради того, чтобы иметь хороших помощников на охоте. Настоящее скотоводство начинается с одомашнивания более продуктивных пород животных. Первый шаг в этом отношении был сделан в мезолите, когда на юге Восточной Европы люди уже содержали таких легкоприручаемых и всеядных животных, как свиньи.

В неолите, когда появилась определенная оседлость и развивающееся хозяйство уже давало возможность не съедать сразу всю добытую пищу, а делать определенные запасы, когда был накоплен богатый опыт изучения жизни пригодных для приручения животных и были найдены способы подкормки этих животных в период продолжительных и снежных зим, скотоводство значительно расширялось и территориально, и по количеству видов одомашненных животных. Известные в настоящее время материалы позволяют говорить о том, что на территории Левобережья Украины в эпоху неолита среди домашних животных уже были свиньи, козы, овцы и даже крупный рогатый скот.

Первоначальное неолитическое скотоводство не было еще самостоятельной отраслью производства, а являлось лишь дополнением к таким преимущественно мужским промыслам, как охота и рыболовство. Зачаточное земледелие также было лишь дополнением к собирательству. Только в энеолите в Восточной Европе жили племена, в жизни которых основную роль играли земледелие и скотоводство.

Появление зачатков новых видов производства (земледелия и скотоводства) в большинстве случаев не вызвало в неолите резких перемен в общественной организации первобытных коллективов. Возникший еще в эпоху палеолита матриархально-родовой строй продолжал развиваться и достиг своего высшего расцвета.

Структура общественной организации этого времени довольно проста. Четкую и сжатую характеристику ее дает Ф. Энгельс: «Племя делилось на несколько родов, чаще всего на два; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род выступает как фратрия; самое племя распадается на несколько племен, в каждом из них мы большей частью вновь встречаем прежние роды; союз включает, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена»[1].

В этом родо-племенном обществе, где отсутствовала частная собственность на орудия и средства производства, где господствовало коллективное производство и потребление, все были равны. Никакого имущественного расслоения

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 163.

не было. Выборные родовые старейшины и племенные вожди пользовались авторитетом, как умелые, опытные руководители, но принудительной властью они не обладали. Для ведения военных действий избирался военачальник (военный вождь). Высшим органом, который окончательно решал все спорные и сложные вопросы, было общее народное собрание всех взрослых членов коллектива.

При полном господстве коллективной собственности существовала все же личная собственность на некоторые предметы быта, одежду, украшения и некоторые орудия индивидуального пользования, которые постоянно должны были быть в распоряжении каждого человека. Эту трудовую личную собственность нельзя смешивать с частной собственностью, связанной с частным производством и присвоением, ведущей к обогащению одних и разорению других, порождающей эксплуатацию человека человеком. Существовавшая в первобытном обществе личная собственность не противоречила интересам родового коллектива, так как это были вещи и орудия индивидуального, а не коллективного употребления, при помощи их нельзя было эксплуатировать других. Даже то, что какой-либо охотник или рыболов добывал в одиночку, являлось общим достоянием.

Парная семья, которая достигла в это время своего высшего расцвета, не вела самостоятельного хозяйства, независимого от коллективного хозяйства всего рода.

Первобытно-общинное хозяйство даже в условиях развитого родо-племенного строя было в своей основе хозяйством натурального типа. «Люди,— говорит Ф. Энгельс,— производили только непосредственно для собственного потребления; изредка происходившие акты обмена были единичны, касались только случайно остававшихся излишков» [1].

Классическим этнографическим примером расцвета матриархальной родо-племенной организации является ирокезский союз племен у индейцев Сев. Америки. Этот союз, основанный, по преданию, Гайяватой в XVI веке, объединял вначале четыре, а затем шесть племен. Племена делились на фратрии, а последние — на несколько родов. Так, племя сенека состояло из двух фратрий, в каждой из которых было по четыре рода. Каждый род назывался по имени своего тотемного животного: род медведя, волка, черепахи, бобра и т. д. Род состоял из определенного числа парных семей. Так как отдельная парная семья была еще слаба экономически, то в хозяйственном отношении род делился на несколько семейных групп (овачира). Такая группа, объединявшая несколько парных семейств, вела общее коллективное хозяйство и даже жила в одном большом доме. Хозяйством каж-

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 170—171.

дой такой группы управляла выбираемая на один год старшая женщина.

Женщины вообще играли большую роль в хозяйстве и общественной жизни ирокезов. Один очевидец, проживший много лет в ирокезском племени сенека, так описывает это обстоятельство: «Обычно управляли домом женщины, которые стремились соблюдать интересы рода. Запасы были общие, но горе тому несчастному мужу или любовнику, который был слишком ленив или неловок и не приносил своей части в общий запас. Будь он даже отцом многочисленного семейства и владельцем большого имущества, ему в любое время могли приказать собрать свои пожитки и убираться вон. Ослушаться такого приказания было далеко не безопасно. Дом становился ему чужим, и если его не спасало заступничество какой-нибудь тетки или бабушки, ему оставалось только вернуться в свой род или же, как это часто случалось, вступить в новый брак в каком-нибудь другом роде. Женщины были крупной силой в роде и повсюду. Они не задумывались, когда это было нужно, по их техническому выражению, «обломать рога» вождю и разжаловать его в обыкновенные воины. Первоначальные выборы вождей также были всегда в их руках»[1].

До появления европейских колонизаторов Америки орудия производства и оружие у ирокезов были еще неолитическими. Они занимались подсечно-огневым земледелием, охотой и рыбной ловлей, собирательством. Большого совершенства достигло искусство обработки дерева, кожи и плетение. Из глины женщины изготавливали круглодонные и остродонные сосуды.

Можно было бы привести еще целый ряд подобных этнографических примеров. Все они, так же как и археологические материалы, показывают, что пути развития неолитических племен в различных местах были своеобразны. В их хозяйстве наблюдаются некоторые, связанные с местными условиями, особенности. Но вместе с тем эти племена объединяет одна общая черта — развитый первобытно-общинный родовой строй.

Аналогичный общественный строй был, по-видимому, у неолитических племен, живших в бассейне Северского Донца с IV тысячелетия до середины III тысячелетия до н. э.

Благодаря исследованиям ряда археологов, главным образом В. А. Городцова, П. П. Ефименко, Н. В. Сибилева и Д. Я. Телегина, на берегах Сев. Донца и его притоков известно уже несколько десятков неолитических стоянок.

Природная обстановка на этой территории в эпоху неолита мало отличалась от современной. Северная часть бас-

[1] См. Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 43—44.

сейна в ландшафтном отношении входила в зону лесостепи, южная граница которой проходила примерно по верховьям реки Береки, к устью р. Балаклейки и далее к среднему течению Оскола. Южнее лес только узкой полосой идет вдоль Сев. Донца, несколько расширяясь лишь у г. Изюма и у г. Славянска. Далее господствует степь. Следует отметить, что культурный слой некоторых постоянных неолитических стоянок, расположенных на берегу реки, перекрыт пойменными отложениями. Это позволяет предполагать, по мнению некоторых исследователей, что в эпоху неолита уровень рек был ниже, чем в последующий период.

Если в мезолите только наметилось некоторое различие в материальной культуре между лесостепными и степными стоянками первобытного населения бассейна Северского Донца, то в неолите это различие прослеживается уже довольно ясно. Возможно, это свидетельствует о наличии здесь родственных локальных племенных групп.

Стоянки развитого и позднего неолита лучше всего исследованы в среднем течении Донца, выше и ниже Изюма (в пределах Харьковской и Донецкой областей), где в последние годы производил раскопки Д. Я. Телегин. По его классификации к развитому неолиту здесь относятся такие стоянки, как Бондариха 2, Яремовка 1, Студенок 5 и др. Более поздними являются Изюмская 4 и 5, Веревкинская 14, Устье Оскола 1, верхний горизонт стоянки Устье Оскола 2 и др. К самому концу неолитического времени — началу эпохи металла относятся поселение и могильник у хут. Александрии.

Исследования показывают, что поселки отдельных родовых групп устраивались преимущественно по берегам рек или озер. Здесь удобней всего было заниматься охотничье-рыболовецким хозяйством, так как в прибрежных лесах было много дичи, в плавнях — водоплавающей птицы, а реки и озера изобиловали рыбой. Кроме того, большое значение для выбора места поселения играло и то, что реки были удобными путями сообщения.

В культурном слое стоянок встречается много изделий из кремня. Для местных стоянок развитого неолита характерно сочетание крупных и мелких каменных орудий. Соответственно этому встречаются крупные и мелкие нуклеусы. Большую роль в хозяйстве играли орудия деревообработки. Кремневые топоры — резаки обрабатывались теперь более тщательно, чем в раннем неолите, при помощи оббивки по всей поверхности орудия. Стали применяться кремневые сверла и клинья. Найдены ножевидные пластины, крупные скребки, изготовленные из массивных отщепов, различных типов резцы (рис. 18).

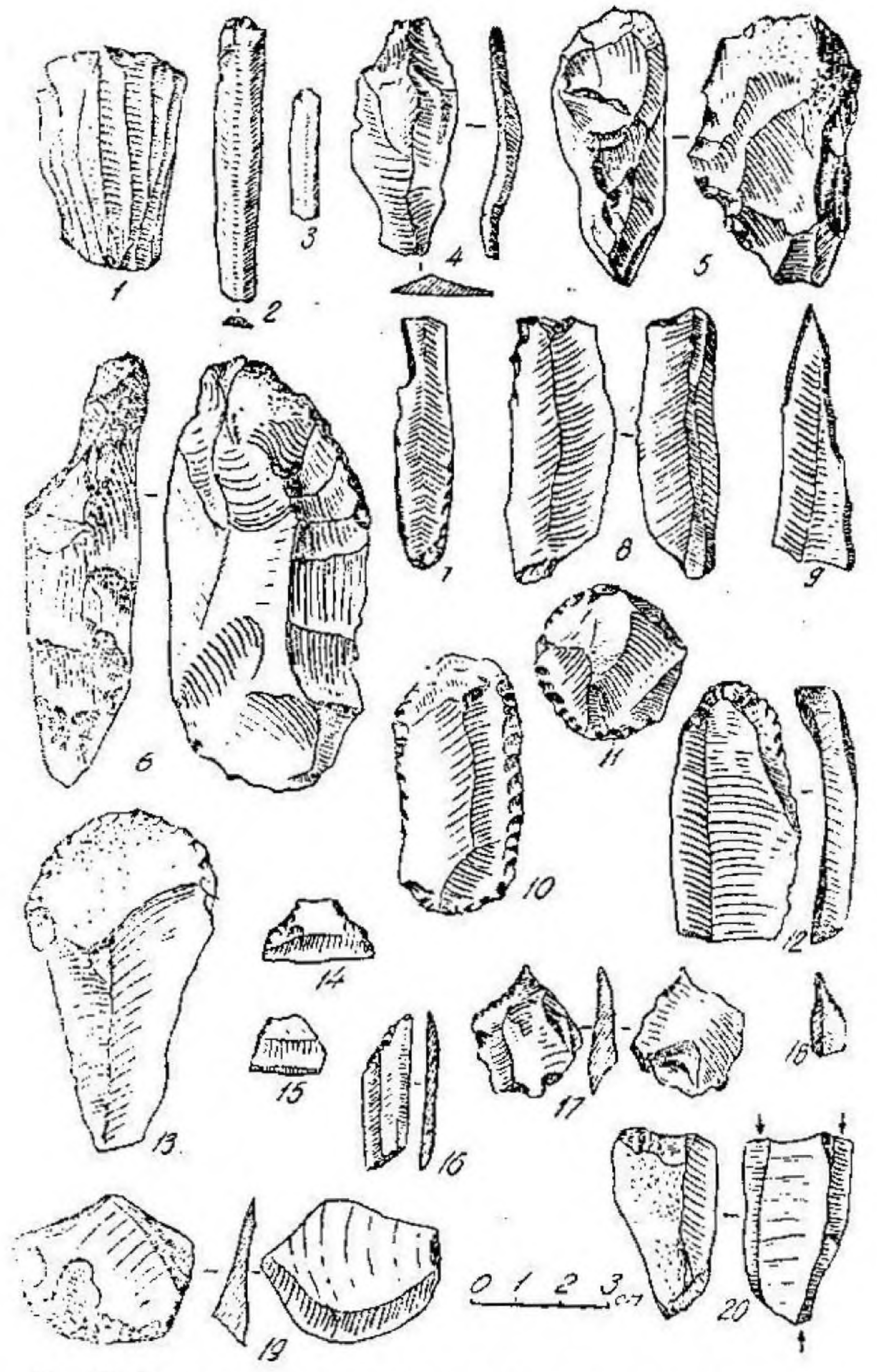

Рис. 18. Кремневые изделия Яремовской неолитической стоянки. (по Д. Я. Телегину)

1 — нуклеус; *2—4* — ножевидные пластины; *5* — клин; *6* — топорик-резак; *7—9* — резцы; *10—11* — скребки; *14—15* — трапеции; *16* — пластинка со скошенным концом; *17—18* — проколки; *19* — скол с топорика; *20* — двойной резец со скобелевидным концом.

Из охотничьих орудий встречаются кремневые наконечники копий и дротиков и большое количество наконечников стрел. При этом к концу неолита наблюдается значительное уменьшение микролитических форм орудий, и господство крупных орудий. Некоторые топоры частично шлифуются.

Более южные степные неолитические стоянки нижнего Донца похожи на стоянки нижнего Днепра, которые отличаются тем, что здесь особенно много геометрических микролитов и вместо двусторонне оббитых орудий широко распространены шлифовальные каменные топоры и тесла. Из мягких пород камня (обычно из талькового сланца) изготавливались небольшие сосуды и предметы непонятного назначения в виде овальных в плане «челноков» с поперечным желобом.

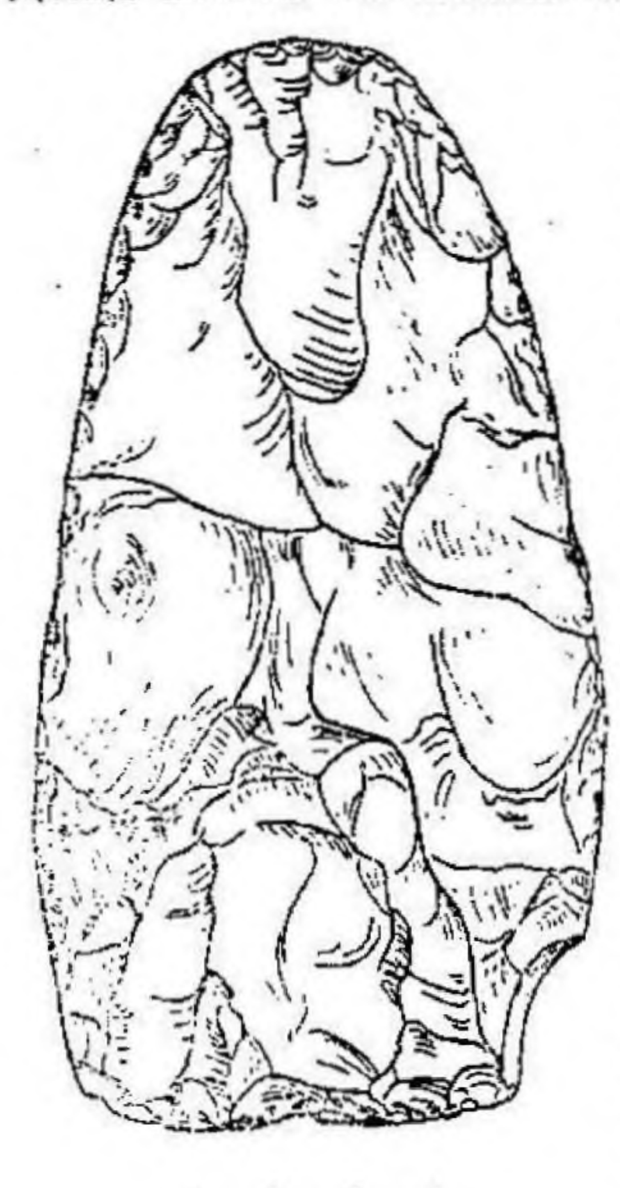

Рис. 19.
Кремневый неолитический топор, найденный в 1956 г. на берегу Донца у ст. Эсхар.

Весьма характерна лесостепная и степная керамика бассейна Северского Донца. Для лесостепной группы стоянок типичны остродонные или круглодонные толстостенные горшки со слабо выраженным венчиком (рис. 20 и 21). Обожжены они слабо. Своеобразной особенностью этой керамики является то, что в глину часто кроме песка добавлялись растительные примеси (трава, и т. п.). Выгорая, последние оставляли характерные отпечатки, заметные на поверхности и в изломе черепка. Сосуды обильно украшены орнаментом, который обычно наносился на сырую глину при помощи мелкозубчатого гребенчатого штампа. Орнаментальные мотивы очень просты. Чаще всего отпечатки косо поставленной гребенки образуют горизонтальные ряды. Реже встречаются вертикальные или диагональные ряды. На некоторых сосудах отпечатки гребенчатого штампа комбинируются с прочерченными или проглаженными линиями, оттисками в виде лунок или реже — округлых ямок.

В стоянках степной группы сосуды имеют иногда в глине примесь толченых раковин. В орнаментации безраздельно

господствуют отпечатки гребенчатого штампа и прочерченные линии. Следует также отметить, что здесь уже в конце неолита наряду с круглодонными появляются и плоскодонные горшки.

В лесостепных стоянках, изредка встречаются и керамика ямочно-гребенчатого типа, распространенная в памятниках неолита лесной полосы Восточной Европы. Эти сосуды имеют более тонкие стенки. В их глине обычно нет растительной примеси. Но самым характерным является то, что орнаментированы они преимущественно округлыми или ромбическими ямками, которые образуют горизонтальные ряды (рис. 20, 17, 19). Иногда ямочный орнамент комбинируется с гребенчатым штампом. В позднем неолите эта керамика получает довольно широкое распространение и на Северском Донце. Учитывая, что в остальном все же сохраняется своеобразие местной неолитической культуры, этот факт следует рассматривать не как свидетельство смены населения, а как результат усиления влияния племен, для которых характерна ямочно-гребенчатая керамика. Различие же между степной и лесостепной группой поселений довольно значительно и постоянно.

Исследования последних лет показывают, что неолитические памятники бассейна Северского Донца имеют много общих черт с одновременными памятниками, известными на территории Полтавской, Черниговской, Киевской, Черкасской, Запорожской областей и на Волыни. Сходство основных особенностей позволяет объединить все эти неолитические памятники в одну днепро-донецкую культуру, с характерной гребенчато-накольчатой керамикой.

Судя по всему, основным занятием жителей местных неолитических стоянок была охота и рыболовство. Это подтверждается не только набором орудий производства, но и костным материалом. Еще В. А. Городцов во время исследования неолитической стоянки на дюнах близ хут. Зливки (Хайловщина) нашел здесь кости преимущественно мелких диких животных и рыб. Из остатков крупных животных найдена челюсть лося. В устье р. Оскол найден челн, примитивно сделанный из одного ствола дерева. Исследования других стоянок, расположенных за пределами Донца, свидетельствует о том, что племена днепро-донецкой неолитической культуры уже в раннюю эпоху приручили крупный рогатый скот. На стоянке Игрень в Надпорожье найдены кости домашнего быка.

Явных следов занятия местного населения в эпоху неолита земледелием пока нет. Однако некоторые исследователи, исходя из аналогий со стоянками соседних территорий, предполагают, что в конце неолита население южных районов бас-

сейна Северского Донца уже делало первые шаги в овладении примитивным земледелием.

Особое место в ряду других местных памятников занимает поселение у хут. Александрии, Купянского района, Харьковской области, которое исследовал в 1955—1956 гг. Д. Я. Телегин. Нижний слой его относится ко времени перехода от неолита к эпохе древнейших металлов.

Древняя стоянка располагалась на песчаной дюне одного из мысов левого берега р. Оскола. Культурный слой

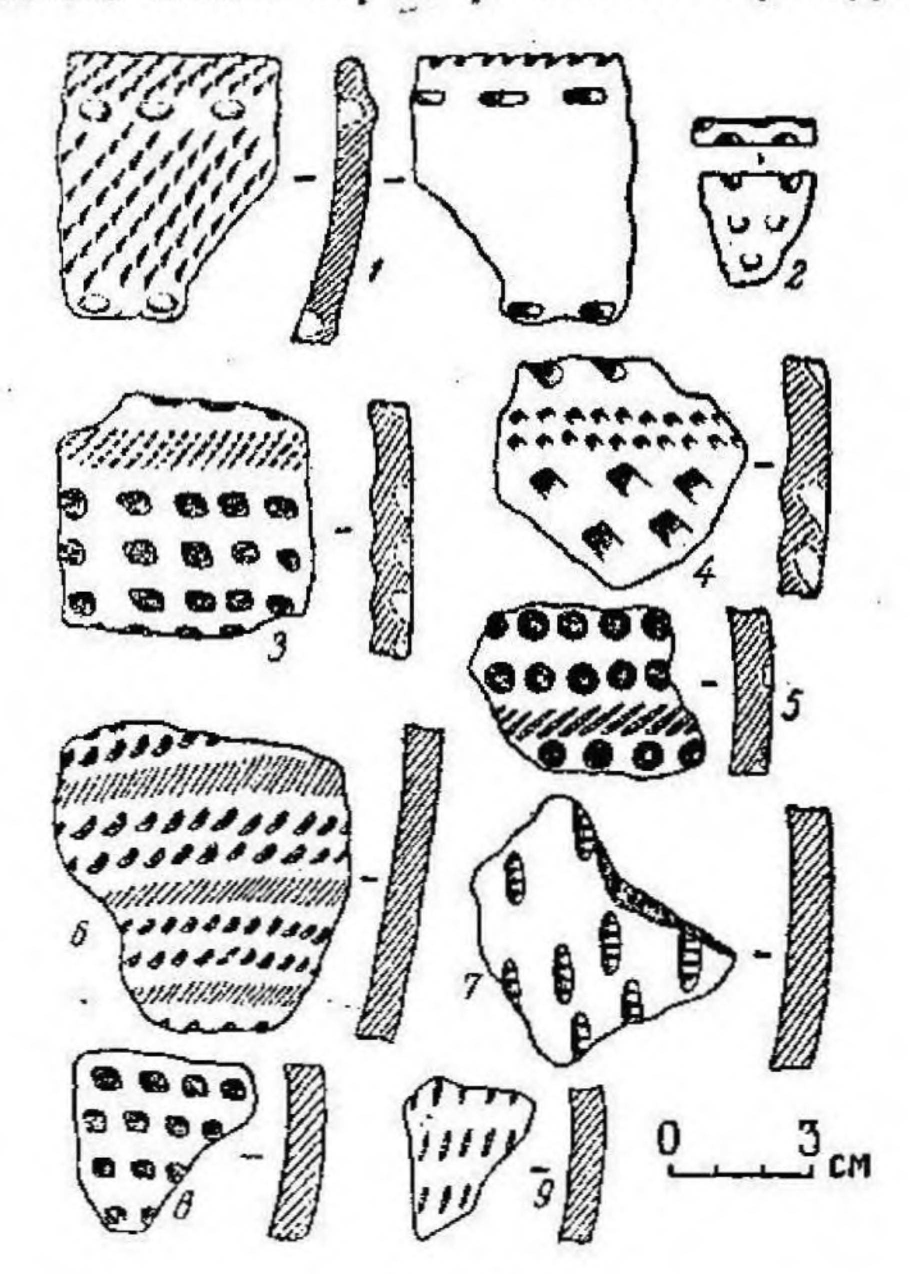

Рис. 20.
Образцы неолитической керамики: а) из стоянки у с. Огурцово близ г. Волчанска. Разведки автора в 1959 г.

оказался очень мощным и содержал большое количество культурных остатков. Найдено множество кремневых орудий, среди которых имеются шлифованные кремневые топоры, кремневые ножи, наконечники копий, стрел и другие изделия. Собрано также много обломков керамики, костяных

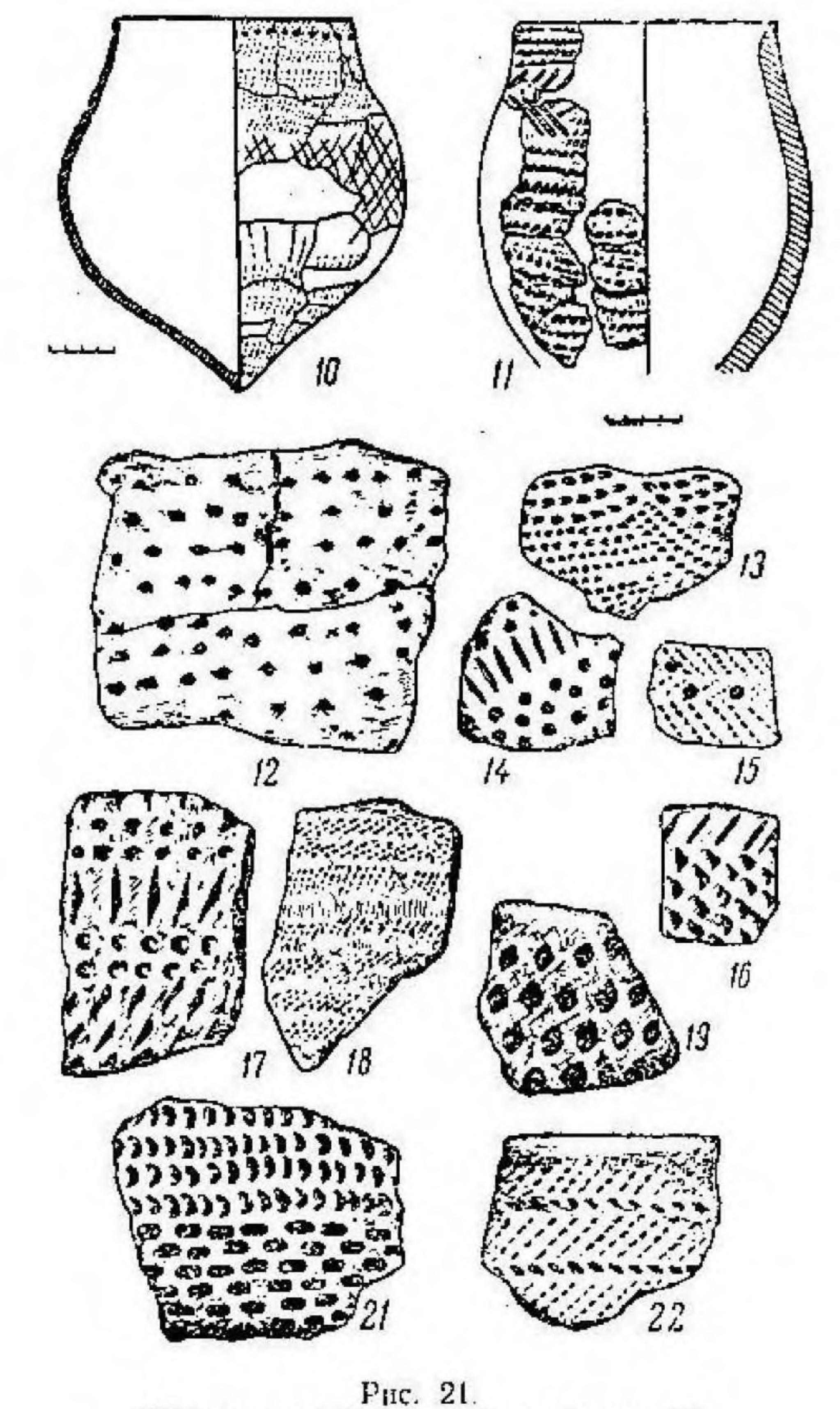

Рис. 21.

Образцы неолитической керамики: б) из разных стоянок. *10*—торфяник Моства в Житомирской области (по И. Ф. Левицкому) *11*—стоянка Устье Оскола, *12*—Изюм, *13*—Комсомольское, *14*—Студенок, *15*—Веревкино; *11*—*15* по Д. Я. Телегину, *16*—Жихорь, разведки автора, *17*, *18*, *19*—Черкасский Бишкинь (по А. С Федоровскому); *21*, *22*—Зливки (по В. А. Городцову).

орудий, костей животных. Исследование В. И. Бибиковой костных остатков, найденных на стоянке, показало, что уже в эту переходную эпоху местные жители занимались не только охотой, но и разведением домашних животных: крупного рогатого скота, свиней и даже лошадей. Большое разнообразие видов разводимых животных свидетельствует, что следы начального этапа скотоводства надо искать в более ранних памятниках неолитической эпохи.

Очень важно и то, что в основании культурного слоя и в материке удалось обнаружить большое количество погребений, относящихся к тому же времени, что и поселение. Могильник оказался неоднородным. В обряде погребения и в антропологическом типе покойников наблюдаются некоторые различия. Преобладают захоронения, в которых покойник лежит на спине с подогнутыми вверх ногами или в вытянутом положении. Около костяков найдены кремневые ножи, орудия из кости и небольшой остродонный сосуд. Большинство погребений окрашено красной охрой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ДОНЕЦКИХ ПЛЕМЕН В ЭПОХУ МЕДИ И БРОНЗЫ

ГЛАВА IV

ЭНЕОЛИТ

ДРЕВНЕЯМНАЯ КУЛЬТУРА

Энеолит (медно-каменный век) — это переходная эпоха, в которую появляются первые металлические изделия из меди, но в хозяйственной жизни еще господствуют орудия, изготовленные из камня.

Первым металлом, который человек начал использовать в своем хозяйстве, была самородная медь. Известные археологам наиболее древние металлические орудия изготовлены из такой меди при помощи холодной ковки. Однако самородная медь встречается довольно редко, и изготовление из нее мелких предметов способом холодной ковки еще не является началом эпохи металлов. Последняя наступила только тогда, когда была открыта плавка металлов. Человек вначале рассматривал кусок меди как своеобразный камень, который можно обрабатывать — ковать или плющить — ударами другого камня. При этом он должен был обратить внимание на то, что от ударов кусок меди нагревается, становится мягче, легче поддается обработке. Это могло привести к мысли о специальном нагреве куска в пламени костра, а затем и к плавке металла.

Однако температура плавления меди довольно высокая (1084°), расплавленная чистая медь слишком густа и плохо заполняет мелкие углубления литейной формы и, наконец, качество медных орудий было невысоким. Во многих случаях медные орудия еще не могли конкурировать с каменными. Например, медные ножи были долговечны, но быстро гнулись и тупились. Каменные ножи были доступней, тверже и острее. Проведенные в 1956—1957 гг. под руководством С. А. Семенова экспериментальные археологические исследования показали, что медные орудия по сравнению с каменными дают лучшие результаты при обработке дерева, кожи и волокнистых веществ. Но при обработке таких твердых материалов, как кость, рог и раковины, медные орудия оказывались менее эффективными.

Благодаря всему этому в энеолите металлические орудия еще не вытеснили каменные. Но как ни скромны были первые достижения человека в области использования меди, все же они очень важны, так как познакомили его с совершенно новым материалом, заставили его обратить внимание на обработку металлов, которым принадлежало будущее технического развития.

Изготовление каменных орудий в энеолите и даже в бронзовом веке продолжало совершенствоваться. В частности, именно в это время получили распространение хорошо отшлифованные по всей поверхности каменные топоры, молоты и наконечники булавы, у которых имелось круглое отверстие для вставления деревянной рукоятки (проушина). Такими топорами и другими орудиями с проушинами пользоваться было гораздо удобней, чем изделиями старого типа, у которых рукоятка просто привязывалась к каменной части орудия ремнями. Последние в процессе работы довольно быстро растягивались, и их приходилось перевязывать заново.

Отверстия просверливались чаще всего при помощи сверла, сделанного из отрезка трубчатой кости. Для вращения сверла использовалось приспособление, напоминающее обычный лук. Тетива этого «лука» охватывала сверло, которое одновременно прижималось к поверхности обрабатываемого предмета. Под рабочий конец сверла подсыпался песок, а затем, передвигая лук вперед или назад, приводили сверло во вращательное движение. В конце процесса сверления из отверстия в орудии выпадал цилиндрический каменный стержень — высверлина. Такие высверлины найдены на многих древних поселениях и убедительно свидетельствуют о применении сверления даже тогда, когда не найдено самих орудий.

На территории Восточной Европы в эпоху энеолита существовали различные по своему происхождению, по своей культуре и по уровню хозяйственного развития племена. От правобережья Днепра до Дуная были распространены поселения трипольской культуры. Трипольские племена занимались главным образом мотыжным земледелием и скотоводством. К востоку от них на значительном пространстве степной и лесостепной полосы от Днепра до Волги во второй половине III тыс. до н.э. и в самом начале II тыс. до н.э. обитали племена так называемой древнеямной культуры. На юге памятники этой культуры доходят до предгорий Крыма.

Древнеямная культура впервые была исследована и выделена В. А. Городцовым на основании раскопок 1901 года в бывшем Изюмском уезде Харьковской губернии. Свое название эта культура получила по форме погребальных сооружений (рис. 23). Местные племена хоронили своих покойников в неглубоких ямах преимущественно прямоугольной формы.

Могильные ямы перекрывались бревенчатым накатником или плахами. Затем сверху из земли сооружалась невысокая (около 1 *м*) куполообразная насыпь кургана. Вершина кургана, как правило, расположена не над самым центром насыпи, а слегка смещена к северному краю ее. Это — самые древние курганы не только на территории Восточной Европы, но и во всем мире. В. А. Городцову во время раскопок 1903 г. в

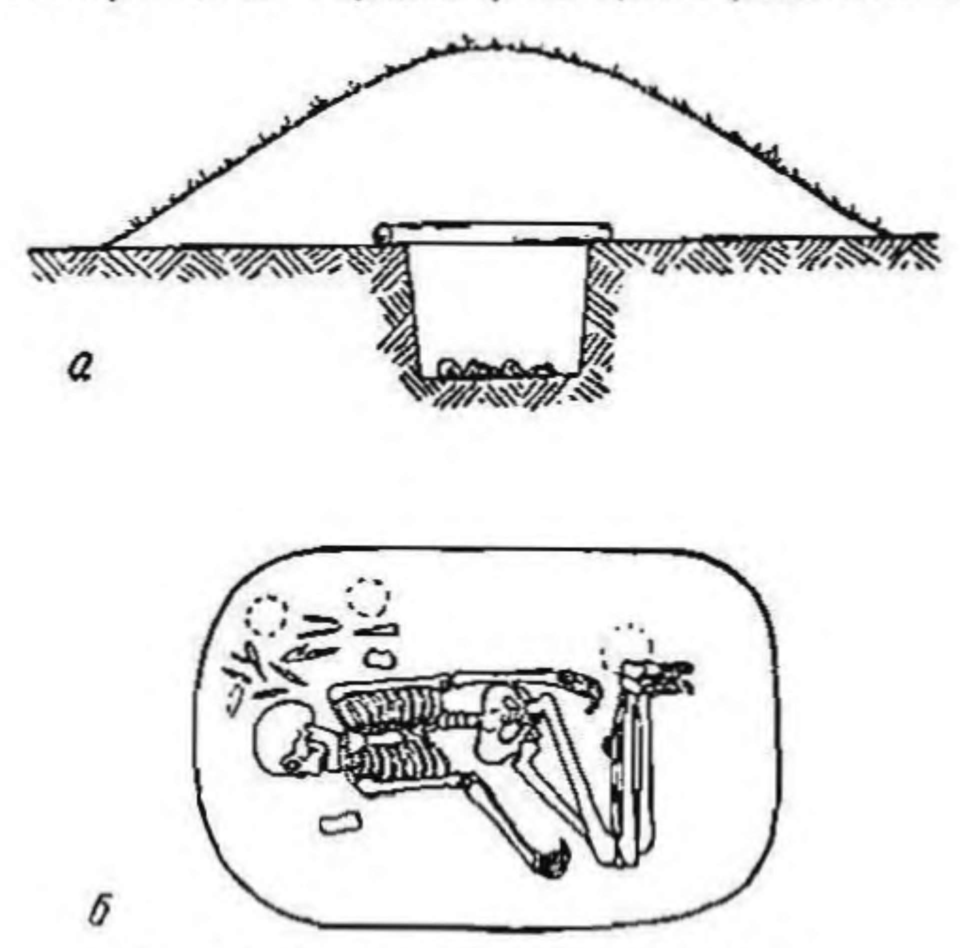

Рис. 23. Курган древнеямной культуры: *а* — схематический разрез кургана; *б* — погребение древнеямной культуры (по В. А. Городцову).

долине р. Бахмут у деревни Переездной (в нынешней Донецкой области) удалось сделать очень интересное наблюдение по относительной хронологии древнеямной культуры. Он раскопал курган, содержавший семь погребений. Основное, самое древнее из этих погребений, относилось к ямной культуре. При этом выяснилось, что курган был сооружен на месте позднenеолитической стоянки, культурный слой которой уже был перекрыт значительным слоем чернозема.

Остатки поселений древнеямной культуры зафиксированы в ряде пунктов по берегам Донца и в других местах, но изучены они в большинстве случаев еще очень слабо. Поэтому основное представление о жизни северодонецких племен эпохи энеолита мы получаем пока главным образом на основании изучения курганных погребений. Курганы эти раскапывались у сел Мечебелово, Б. Камышевахи, Шпаковки в Харь-

ковской области; у хут. Черногоровки, Черевково, у с. Райского, у ст. Ступки Донецкой области, у хут. Каменки в Луганской области и в ряде других пунктов.

Раскопки показывают, что обряд погребения со временем несколько изменялся. По наиболее древнему обряду покойников клали на спину, при этом ноги были слегка согнуты и колени подняты вверх. В других погребениях покойники лежат в скорченном положении на правом боку, головы их ориентированы в сторону востока или северо-востока. В качестве подстилки применялся камыш. Кроме того, дно могилы посыпали иногда углем, известью или минеральной красной краской — охрой. Крупное месторождение последней имеется близ ст. Ступки, Артемовского района, Донецкой области. Этой краской нередко посыпали и самого покойника, от чего кости его оказываются окрашенными в красный цвет. Посыпка красной охрой, углем или известью имела, по-видимому, культовое значение очистительного обряда. В некоторых могилах с этой же целью сжигали небольшой костер.

Вместе с покойником в могилу клали некоторые вещи и пищу, которые, по представлению первобытных людей, были необходимы человеку в загробной жизни. От положенной в могилу пищи обычно сохраняются только кости домашних и диких животных. Остатки домашних животных в погребениях встречаются очень редко, хотя скотоводство у древнеямных племен было уже достаточно развито. В могилах найдены только кости домашней овцы и коровы. Очевидно, обычай не позволял класть в погребение других домашних животных. Обнаружены в курганах кости таких диких животных, как олень, медведь и заяц, а также кости диких птиц.

Инвентарь древнеямных погребений невелик, но достаточно характерен. В основном, это каменные и костяные орудия (рис. 24). В могилах находят кремневые наконечники стрел (листовидные или треугольной формы с выемкой в основании), кремневые ножи и скребки, реже шлифованные каменные топоры с просверленным отверстием для рукоятки. Из кости делались рыболовные крючки, шилья, гарпуны, некоторые украшения. Очень интересную находку дал в 1940 г. курган № 1 в могильнике у г. Никополя. Здесь под насыпью, перекрывавшей основное погребение древнеямной культуры, Б. Н. Граков нашел мотыгу, сделанную из лопатки коровы.

Металлических орудий в древнеямных курганах, как и в других памятниках эпохи энеолита, очень мало. Никаких следов существования в эту эпоху местного металлургического производства не обнаружено. Исследователи предполагают, что племена древнеямной культуры получали металл в результате обмена с племенами Северного Кавказа. В курганах и на поселениях встречаются сделанные из меди ромбические

шилья и простые медные ножи листовидной или более усовершенствованной копьевидной формы (рис. 24,11—12). Изредка попадаются небольшие плоские клиновидные топорики из меди (рис. 24,14). В. А. Городцову удалось обнаружить следы работы такими топориками на бревнах могильного перекрытия. Концы дубовых бревен обычно грубо, на конус обрублены каменными топорами, но иногда они довольно ровно обрабо-

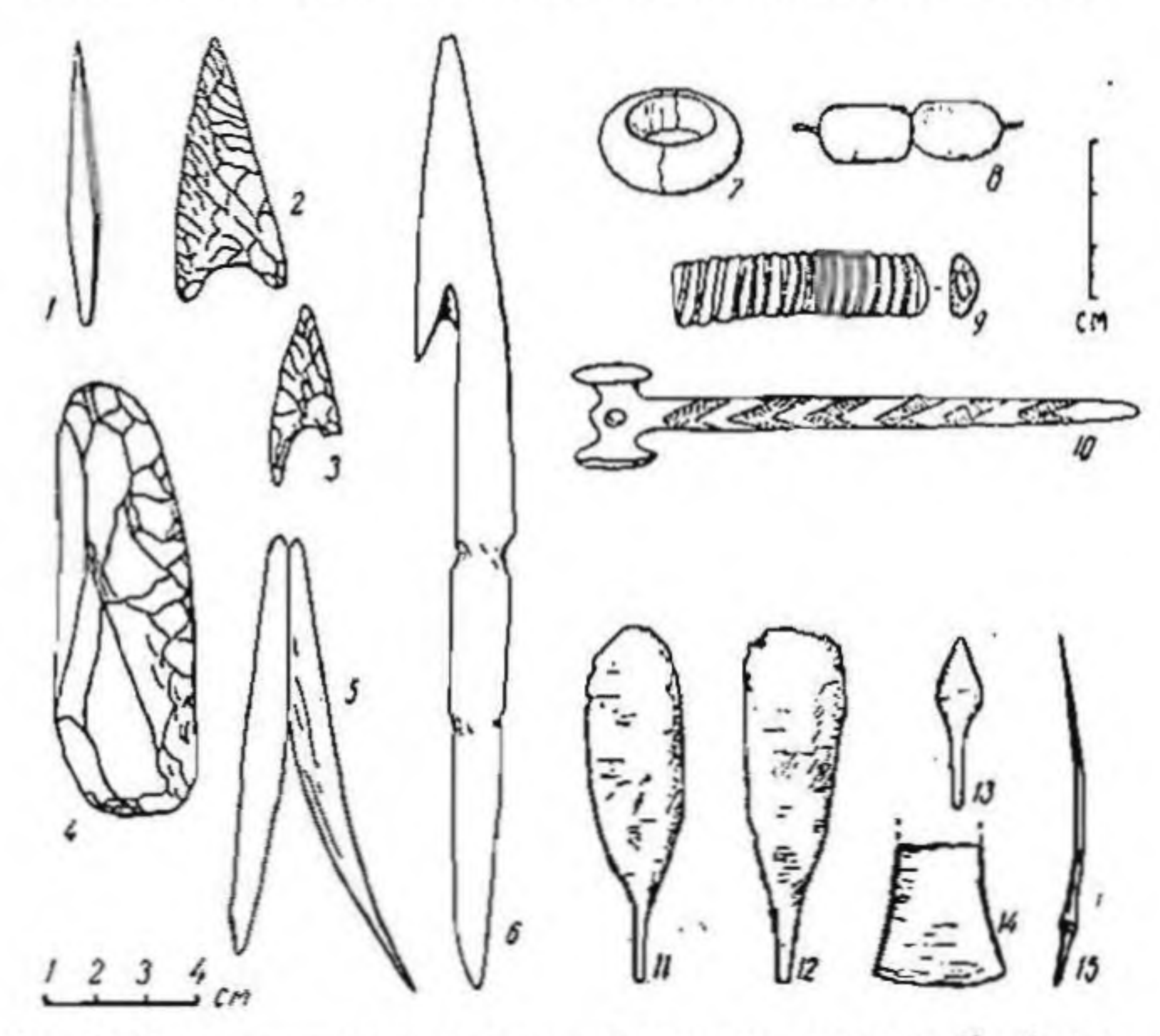

Рис. 24. Различные изделия древнеямной культуры из камня, (2—4) кости (5—10), меди (1, 11—15). *1—6* — из погребений на Донце; *7—10* из курганов в Днепропетровской области (с. Нижние Серогозы и Б. Белозерка); *11—15* — из Михайловского поселения *1, 15* — шилья, *2—3* — наконечники стрел, *4, 11—12* — ножи, *5* — крючок, *6* — гарпун, *7—9* — украшения, *10* — булавка, *13* — наконечник дротика, *14* — обломок топорика (по В. А. Городцову, Ф. А. Брауну и Е. Ф. Лагодовской).

таны медными топориками. Из меди делались и украшения. Найдены медные бусины из тонких пластинок, свернутых в кольцо. Украшения делались также из кости и раковин (рис. 24,7—9).

Несмотря на небольшое количество вещей в могилах и на явное господство среди них каменных орудий, не следует преувеличивать примитивность древнеямной культуры. Некоторые находки показывают, что местное население применяло в

своем хозяйстве довольно сложные приспособления. Так, А. И. Тереножкин, раскапывая в 1949 г. курган Сторожевая могила около Днепропетровска, обнаружил в древнеямном погребении остатки древнейшей в Восточной Европе деревянной повозки в виде двухколесной арбы. Колеса с толстыми ступицами и круглыми отверстиями для оси были вырезаны из целого куска дерева. Сохранились некоторые деревянные детали кузова и дышла. Остатки деревянных колес от аналогичной повозки были найдены также в кургане близ совхоза Аккермень на р. Молочной.

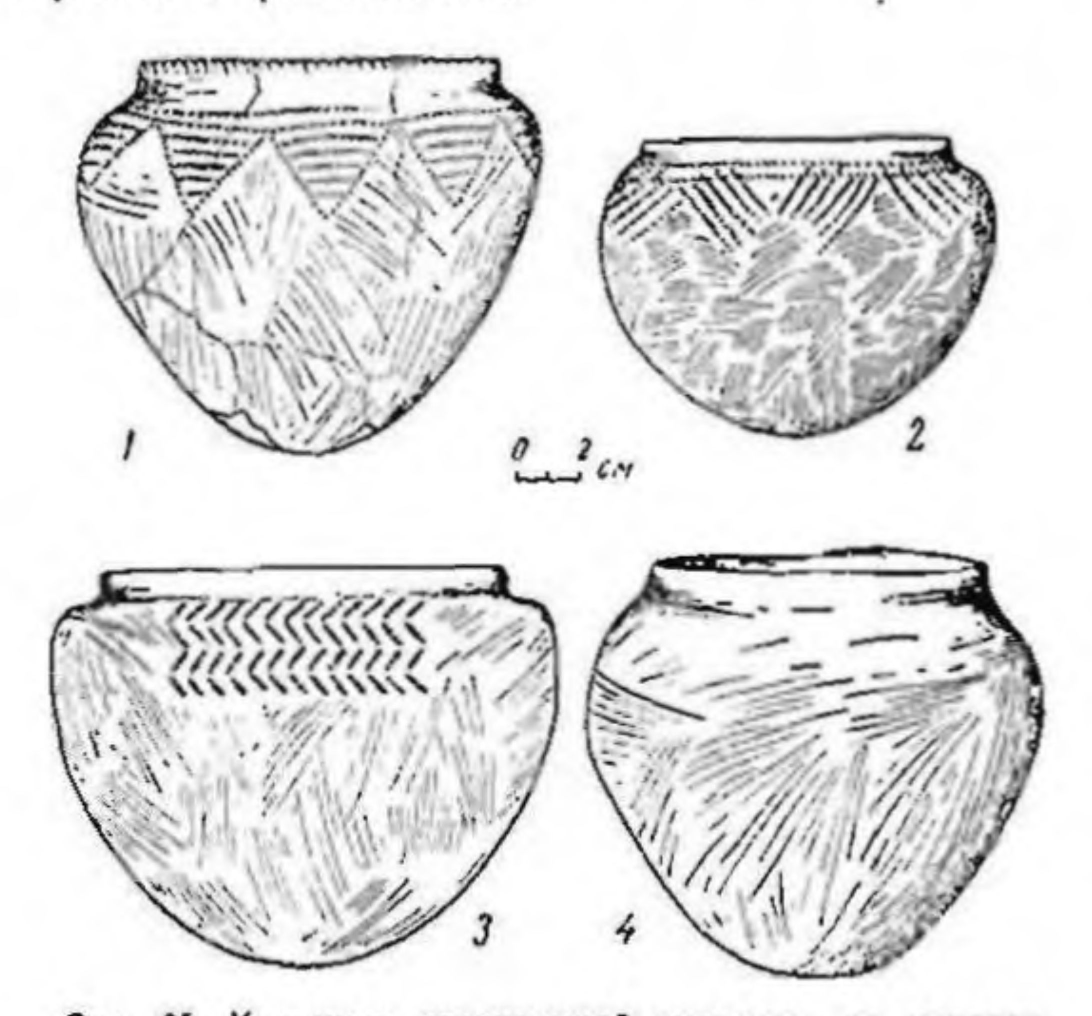

Рис. 25. Керамика древнеямной культуры из находок в бассейне Донца:
1 — из кургана у хут. Ковалевка (раскопки В. А. Городцова); 2 — из кургана у с. Булаховка (раскопки А. М. Покровского); 3 — селище у с. Петровское в Харьковской области (находка 1958 г.); 4 — из кургана, раскопанного В. А. Городцовым.

Керамика древнеямной культуры еще очень близка к неолитической. Глиняные горшки имеют круглодонную или яйцевидную форму. Орнамента либо вовсе нет, либо на плечиках сосуда расположены отпечатки шнура, образующие прямые линии и треугольники. Реже попадаются зигзагообразный елочный орнамент, нанесенный зубчатым штампом, ямочные вдавления и пр. (рис. 25). Поверхность сосудов, кроме того, часто покрыта беспорядочной штриховкой.

Как уже отмечалось, обычно древнеямные курганы невелики по размерам и располагаются группами, которые представляли собой родовые кладбища. Но встречаются и большие курганы древнеямной культуры, сооружавшиеся не в один прием, а постепенно. В основе такого большого кургана находится малый курган, под которым хоронили, по-видимому, главу патриархальной семьи. Позже вокруг этого основного погребения хоронили и других членов данной семьи, а насыпь соответственно увеличивали. Один из таких курганов, раскопанный в древнеямном родовом могильнике у г. Никополя, имел высоту около 4 *м* и диаметр около 50 *м*. В нем было обнаружено 13 древнеямных погребений.

Значительной имущественной дифференциации между членами родовых общин у племен древнеямной культуры еще не заметно, хотя уже появляются отличающиеся от обычных погребения, принадлежавшие, очевидно, племенным вождям и военачальникам. К таким могилам можно отнести древнеямные курганы с каменными плитами, на которых схематично изображены человеческие фигуры.

Только на основе материала из погребений нельзя получить достаточно полное представление о древнеямной культуре. Этот материал необходимо дополнять и сопоставлять с теми данными, которые дает изучение поселений. Это общее положение очень хорошо подтвердилось в результате раскопок, которые были проведены недавно Е. Ф. Лагодовской, М. Л. Макаревич, О. Г. Шапошниковой на поселении у с. Михайловки в Херсонской области. Верхний культурный слой этого поселения относится к поздней поре существования древнеямной культуры (рубеж III—II тысячелетия до н. э.).

Михайловское поселение находится на берегу р. Подпольной (правый приток Днепра). Овраги делят его на три части, расположенные на соседних возвышенностях. Одна из этих частей поселения со стороны плато и со стороны пологого склона обнесена оградой из известняковых камней. На другой части поселения хорошо прослеживались остатки каменных построек. Широкое использование камня для различных целей вообще, по-видимому, является особенностью приднепровской группы племен ямной культуры, так как тут и могильные перекрытия иногда делались из песчаниковых плит.

Раскопки показали, что дома Михайловского поселения представляли собой постройки прямоугольной в плане формы, состоявшие из нескольких помещений. Основой стен служила каменная кладка в два ряда. Пространство между этими рядами забутовывалось щебнем. Верхняя часть стен была глинобитной. Деревянные столбы укрепляли углы жилища и поддерживали легкую камышевую кровлю. Открытые очаги из камня или глины находились вне жилищ.

Кроме характерной для древнеямной культуры глиняной посуды, украшенной в верхней части преимущественно шнуровым и штампованным орнаментом, на поселении найдено много изделий из камня, а также костяные и металлические вещи. Среди каменных орудий имеются различные кремневые ножи, скребки для обработки кожи, наконечники копий и стрел, кремневые кинжалы, топоры-молоты с просверленным отверстием для рукоятки, точильные камни и пр. Из кости делались гарпуны и проколки. Металлических вещей здесь, как и в древнеямных курганах, еще немного. Найдены медные шилья, ножи, наконечник дротика и обломок плоского топорика (рис. 24,11—15).

Необходимо отметить, что на Михайловском поселении были найдены орудия, указывающие на то, что местное население уже начало заниматься земледелием. Среди этих орудий имеются каменные зернотерки, каменные песты и кремневые вкладыши для серпов. Более полно, чем по курганным комплексам, раскрывается и картина скотоводческого хозяйства. Находки костей домашних животных показывают, что, кроме крупного и мелкого рогатого скота, местное население разводило свиней и собак. Среди домашних животных имеется уже и лошадь, принадлежавшая к крупной, рослой породе. Эти находки свидетельствуют, что скотоводство у племен древнеямной культуры было более развито, чем предполагалось до недавнего времени.

Среди костных остатков более 10% приходится на особи диких животных. При этом следует помнить, что на многих диких животных охотились главным образом ради получения хорошего меха, а мясо их могли не употреблять в пищу. В таких случаях кости этих животных только случайно могут быть найдены на поселении. Среди обнаруженных на Михайловском поселении костей диких животных имеются кости дикого быка-тура, кулана, сайги, благородного оленя, дикого кабана, лисицы, зайца, бобра и др. Найдены также кости черепахи, различных птиц, рыб и раковины Unio.

Таким образом, несмотря на появление мотыжного земледелия и развитие скотоводства, охота и рыбная ловля играли еще немалую роль в жизни племен древнеямной культуры.

В бассейне Донца начало серьезному изучению поселений эпохи энеолита положено раскопками многослойной стоянки у хут. Александрии на р. Осколе в 1955—1957 гг. Хотя полностью результаты исследования Александрийской стоянки еще не опубликованы, но даже результаты предварительного изучения материала позволяют вполне согласиться с руководителем раскопок Д. Я. Телегиным, который относит верхний культурный слой этого поселения к раннему этапу развития древнеямной культуры.

Своеобразная керамика этого слоя еще отличается от более поздней классической керамики древнеямной культуры, известной по ряду курганных погребений в бассейне Донца. Вместе с тем она близка к сосудам, найденным при раскопках Михайловского поселения древнеямной культуры в Херсонской обл. и ряда других памятников эпохи энеолита.

На стоянке у хут. Александрии найдено большое количество обломков крупных горшков с округлым дном и прямым, заостренным у края венчиком. Верхняя часть сосудов чаще всего украшена простым орнаментом из горизонтальных рядов или зигзагов, нанесенных зубчатым штампом или шнуром. Иногда венчик украшен наколками, которые образуют на внешней стороне сосуда ряд выпуклостей в виде «горошин» или «жемчужин». Поверхность некоторых сосудов покрыта сделанными концом гребенки или щепки расчесами, которые не образуют правильного узора, а пересекаются друг с другом в разных направлениях. Сосуды с гладкой поверхностью изготовлены из глины с примесью толченых раковин. Кроме керамики, в верхнем культурном слое обнаружены кремневые изделия и три орудия, выкованных из меди: два четырехгранных в сечении шила и один плоский копьевидный нож раннего типа.

Дальнейшее изучение памятников типа Александрийского поселения и более поздних поможет выяснению особенностей формирования древнеямной культуры и поэтому представляет особый интерес для археологии Восточной Европы.

ГЛАВА V

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Широкое распространение металлических изделий и вместе с тем крупные изменения в хозяйственной и общественной жизни местных первобытных племен начинаются с бронзового века. Абсолютная хронология его в разных местах различна. В Передней Азии бронзовые изделия появились еще в средине III тысячелетия до н. э. В других местах несколько позже. У племен, обитавших в бассейне Северского Донца, период бронзового века охватывает полностью II тысячелетие до н. э. и первые века I тысячелетия до н. э.

Бронза, т. е. сплав меди и олова, как материал для изготовления орудий производства, оружия, бытовых предметов и украшений, имеет большие преимущества перед чистой медью. Прежде всего бронза имеет более низкую температуру плавления, примерно от 700° до 900°, в зависимости от состава сплава. Бронза более твердая, чем медь, причем степень твердости ее можно изменить путем уменьшения или увеличения количества олова в сплаве. Лучшим считается сплав, содержащий 90% меди и 10% олова. При дальнейшем добав-

лении олова до 30% твердость сплава все более возрастает, а цвет из розового и желтого переходит в серый. Таким образом, человек мог применять различные виды бронзы в зависимости от того, какими качествами должно было обладать изделие.

Изредка в древности использовались сплавы меди с другими металлами, например, со свинцом или цинком. Последний (сплав меди с цинком — латунь) был привлекателен еще тем, что имел красивый золотисто-желтый цвет. В бронзовом веке людям были известны и такие благородные металлы, как золото и серебро.

Кроме более низкой, по сравнению с медью, температурой плавления, бронза обладает еще одной важной для металлурга особенностью. В жидком виде она хорошо заполняет даже мелкие детали литейной формы и поэтому дает возможность отливать самые разнообразные вещи. Это способствовало большому распространению в бронзовом веке техники литья.

Развитие металлургии приводит к тому, что находки самородков и поверхностные выходы руды уже не могут удовлетворить возросшую потребность в металле. Поэтому возникают примитивные рудники, в которых руду добывали из подземных пластов. На территории СССР древние медные рудники известны на Кавказе, Урале, в Казахстане, на Алтае, в Средней Азии и на Украине. Древние места добычи олова обнаружены в Восточном Казахстане и в Забайкалье.

Разработка рудников в древности была связана с большими трудностями, так как способы добычи руды и орудия, применявшиеся на горных разработках, были очень примитивны. Для того чтобы облегчить разрушение слоев руды и окружающей породы, в древних рудниках обычно разжигали костры, а затем раскаленную поверхность забоя поливали водой. Образовавшиеся трещины расширяли при помощи деревянных клиньев, кирками из рога отламывали куски руды и вытаскивали ее на поверхность в кожаных мешках. В одном из рудников Алтая был найден скелет древнего рудокопа с кожаным мешком, наполненным рудой. Добытую таким образом руду дробили каменными молотами или пестами и промывали в деревянных корытах для удаления породы.

Племена, жившие в бассейне Донца в бронзовом веке, имели также свою металлургическую базу. Известно, что в Донбассе имеются месторождения меди, цинка и свинца. Причем по крайней мере медные месторождения, представленные главным образом медистыми песчаниками, несомненно, разрабатывались еще в бронзовом веке вблизи г. Артемовска (бывший Бахмут), Донецкой области, и в Фрунзенском районе, Луганской области (в пределах бывшего Славяносербского уезда).

Одну из древних бахмутских разработок обнаружил еще в 1865 г. горный инженер Носов у Клиновских хуторов. Неподалеку, у деревни Калиновской, в одной из меднорудных шахт в конце XIX века были найдены каменные орудия и бронзовые топоры. Обследовавший в 1903 г. эти разработки археолог В. А. Городцов высказал предположение, что жившие во II тысячелетии до н.э. в бассейне Сев. Донца племена катакомбной культуры добывали здесь медную руду.

По сообщению профессора И. С. Леваковского, в 80-х годах XIX в. в окрестностях с. Крымского в бывшем Славяносербском уезде были найдены три сегментовидных слитка меди и бронзовый наконечник копья. Два слитка были надрублены для удобства разламывания их на части, а третий слиток представлял собой отломанную от целого сегмента половинку. Химический анализ слитков показал, что они добыты из руды сернистых соединений, аналогичных имеющимся у Клиновских хуторов. Анализ металла копья свидетельствует о том, что в нем содержится 95,2% меди, 3,8% олова и незначительные, попавшие из руды, примеси свинца и железа. Слитки меди были добыты из медной руды, подвергавшейся плавке на древесном угле в каком-то глиняном сосуде (тигле). Весь комплекс вещей представляет собой, по-видимому, клад, зарытый древним мастером-литейщиком.

Таким образом, целый ряд фактов указывает на то, что в бронзовом веке в районе среднего Донца был металлургический центр по добыче меди. Это подтверждают также находки в донецких катакомбных погребениях каменных колотушек, которые применялись для дробления руды перед промывкой и плавкой (рис. 29, 10). Медные слитки в результате межплеменного обмена проникали отсюда и на другие территории. В связи с этим интересно отметить, что аналогичные славяносербским сегментовидные медные слитки со следами надрубливания были найдены вместе с предназначенными для переплавки сломанными серпами и каким-то клиновидным орудием у с. Новопавловки близ Павлограда. В этом же комплексе был слиток, который имеет вид комка меди, налипшего при размешивании полужидкого металла на какую-то палку (рис. 26).

Сравнительно низкая температура плавления бронзы давала возможность заниматься отливкой различных изделий в любом месте. Поэтому во многих поселениях бронзового века, где нет никаких следов местной добычи металла, имеются следы медилитейного производства в виде обломков толстостенных сосудов — плавильных тиглей, льячек (специальных глиняных ложек для разливки металла) и литейных формочек. Очень интересно погребение древнего металлурга, обнаруженное вблизи г. Краматорска. В этом погребении на-

ряду с глиняной посудой катакомбного типа был найден глиняный тигель с каплями меди на стенках и обломки глиняной литейной формы для отливки проушного топора.

Рис. 26. Слиток меди, найденный у с. Новопавловки. Хранится в Харьковском историческом музее.

Литейные формы делались не только из глины, но и вырезались из мягких пород камня. Предметы сложной формы изготавливались путем литья по восковой модели. Для этого из воска делали копию предмета в натуральную величину и обмазывали ее толстым слоем глины, образующим форму. После вытапливания воска и подсушки глины в форме проделывались отверстия для выхода воздуха. Наконец, в подготовленную таким образом форму заливали металл, заполнявший место восковой модели и точно воспроизводивший ее конфигурацию. При извлечении отливки такая глиняная форма разбивалась.

Несмотря на крупные достижения древней металлургии, бронзовые орудия все же не вытеснили окончательно каменных. Шлифованные каменные топоры и молоты с просверленными отверстиями для рукоятки встречаются в бронзовом веке даже чаще, чем в энеолите. Острые кремневые ножи и серпы до конца бронзового века применялись наряду с весьма немногочисленными бронзовыми. Вообще металл берегли и не употребляли для массовых вещей кратковременного использования. Наконечники стрел обычно делались из кремня. Они были не лучше, но доступнее бронзовых.

В бронзовом веке такие новые отрасли хозяйства, как земледелие и скотоводство, поднимаются на более высокий уровень и получают широкое распространение. В тех местах, где были благоприятные условия, земледелие выдвигается на первый план, из мотыжного превращается в пашенное и становится основной отраслью хозяйства. В других местах быстро развивается скотоводство. Среди домашних животных имеются уже все основные виды: коровы, овцы, козы, свиньи, лошади. У скотоводческих племен не только резко возрастает количество скота, но и появляются различные улучшенные, высокопродуктивные породы животных. Одновременно расширяются способы использования скота. Если раньше скот разводили главным образом для пополнения мясной пищи, то теперь человек уже научился использовать молоко и раз-

личные молочные продукты, из шерсти выделываются ткани и войлок; для различных поделок используются рога и кости. Широко применяется скот в качестве тягловой силы.

Специализация различных племен на отдельных видах хозяйственной деятельности, связанная обычно с определенными природными условиями, приводит к межплеменному разделению труда. «Это было,— указывает Ф. Энгельс,— первое крупное общественное разделение труда»[1].

Общественное разделение труда и быстрый рост производительных сил в бронзовом веке давали возможность людям накапливать определенные продукты сверх необходимых для жизни. Племена, занимавшиеся скотоводством, имели в большом количестве мясо, шерсть, кожу и другие продукты, но вместе с тем нуждались в ряде земледельческих продуктов и в различных металлических изделиях, на производстве которых специализировались другие племена. Последние в свою очередь также были заинтересованы в получении продуктов скотоводства. Все это создавало условия для регулярного обмена продуктами.

«Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старейшин; когда же стада стали переходить в обособленную собственность, все больше стал преобладать и, наконец, сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами»[2]. Развитие различных отраслей хозяйства обеспечивает участие в обмене значительного количества различных продуктов труда. Раньше при случайном обмене, большого выбора не было, и обычно один, случайно оказавшийся в излишке, продукт можно было обменять лишь на другой, также случайно появившийся на рынке, продукт. Теперь товаров сравнительно много и поэтому обмен носит развернутую форму, т. е. один товар можно обменять по выбору на любой из других. Но все же при этом обмен еще носит характер непосредственного обмена одного продукта труда на другой.

Постепенно обмен усовершенствуется. С упрочением и развитием его возникает потребность в таком товаре, при помощи которого можно было бы оценивать другие товары. Такой товар, который может играть роль всеобщего эквивалента в обмене, выступает фактически в роли денег. У многих народов в древности в роли таких товаро-денег выступал скот. Известно, что латинское слово pecunia — деньги происходит

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 165.

[2] Ф. Энгельс. Там же, стр. 165.

от слова pecus — скот. В древнеславянском языке слово «скотъ» означало не только домашнее животное, но также имущество и деньги. В Индии название серебряной монеты «рупия» имеет этимологическую связь со словом «рупа» — скот.

Расширение межплеменного обмена и появление обмена между отдельными лицами сделало возможным накопление определенных богатств в руках этих лиц. Появляется частная собственность. Развитие производства, которое раньше улучшало благосостояние всего родового коллектива, теперь, с появлением частной собственности, служит для обогащения отдельных семей. Это ведет к имущественному расслоению среди членов родовой общины, к появлению бедных и богатых. Так постепенно в недрах первобытного общества появляются силы, которые ведут это общество к гибели, к превращению его в классовое общество. Этот переход был исторически неизбежен, так как первобытно-общинный строй соответствовал сравнительно низкому уровню развития производительных сил. Основой хозяйства при первобытно-общинном строе является коллективное производство и потребление продуктов. Нарушение этого принципа подрывало самые основные устои первобытного общества.

Разделение труда и увеличение его производительности имели еще одно важное последствие. Человек как рабочая сила стал производить теперь не только необходимое для его жизни количество продуктов, но и какой-то излишек. Поэтому каждый коллектив был заинтересован в приобретении новых рабочих рук. Военнопленных стало теперь невыгодно убивать, как делали прежде. Их заставляют работать, превращая в рабов. Так внутри первобытного общества возникает еще один фактор, который подрывает его, — появляется патриархальное рабство. Рабы использовались чаще всего коллективно, для нужд всей родовой общины, но с появлением частной собственности отдельные семьи начинают применять труд рабов и для своих собственных нужд. Однако при всех обстоятельствах патриархальное рабство отличалось от рабства в классическом рабовладельческом обществе. Труд раба еще не был основным в общей системе хозяйства. К. Маркс, подчеркивая это различие, указывает, что патриархальная система рабства рассчитана на производство непосредственных средств существования, в то время как целью классического рабства является производство прибавочной стоимости [1].

Основным источником рабства была война. Превратить в раба свободного соплеменника (например, за долги) было невозможно до тех пор, пока родовые связи были еще сильны

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I. Госполитиздат. 1930, стр. 255.

и родовое общество еще окончательно не разложилось. Рабов первоначально было мало, ими дорожили и, хотя они были бесправны, положение их было не таким тяжелым, как в эпоху классического рабовладельческого общества. Однако это было уже началом эксплуатации человека человеком. «Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса— господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых»[1].

При анализе общественных отношений у населения, жившего в древности на различных территориях, необходимо учитывать, что разложение родового строя и возникновение классового общества происходило своеобразно и не везде с одинаковой скоростью. В силу неравномерности исторического развития в странах Древнего Востока (Месопотамия, Египет, Индия, Китай и другие) еще в бронзовом веке образуются древнейшие в мире рабовладельческие государства. В других странах процесс разложения первобытного общества растянулся на более длительный период и закончился образованием первых государств только в железном веке.

На территории СССР процесс разложения родового строя быстрее всего происходил у племен Закавказья. В начале I тысячелетия до н.э. (т. е. археологически в самом конце бронзового — в начале железного века) часть Закавказья входила в состав рабовладельческого государства Урарту, центр которого был у оз. Ван. У других племен в бронзовом веке, а иногда и в энеолите, наблюдается более или менее интенсивный процесс разложения первобытно-общинного строя. Этот процесс, как и в других местах, выражался, в частности, в переходе от матриархально-родовой организации к патриархально-родовой. На смену матриархату, т. е. «обществу, основанному на парном браке и на материнском роде»[2], приходит патриархат, т. е. общество, основанное на отцовском (патриархальном, от лат. pater — отец) роде и на патриархальной семье.

Раньше, в условиях материнского рода, основная часть производственной деятельности падала на женщину. Женщина вела домашнее хозяйство, занималась собирательством и примитивным земледелием, шила одежду и лепила глиняную посуду. Она принимала активное участие и в коллективной охоте. Ее труд более устойчиво обеспечивал родовую группу средствами существования, чем мужское занятие — охота с ее не всегда постоянной добычей. Первое место в производстве при коллективном ведении хозяйства обеспечивало жен-

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 166.

[2] Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 55.

which ведущую роль в общественной жизни. И счет родства, объединявшего всех членов рода, велся по женской линии.

В бронзовом веке происходят события, которые изменяют сложившиеся ранее отношения. Развитие новых отраслей хозяйства, появление постоянного обмена, частная собственность и возникновение примитивного рабства не способствовали дальнейшему укреплению матриархально-родового строя.

Усиливается хозяйственная роль мужчины. Его труд становится основным в металлургии, в скотоводстве, в пашенном земледелии. Вместе с этим усиливается роль мужчины в семье и в роде. В руках мужчины накапливалось теперь довольно значительное богатство, но матриархальные порядки мешали ему использовать это преимущество. Согласно материнскому праву, его собственность не закреплялась в семье. Наследниками мужчины были не его дети, принадлежавшие к роду своей матери, а родственники мужчины по материнской линии. Когда вся жизнь родовой общины была основана на коллективной собственности, это обстоятельство считалось вполне нормальным. Теперь же мужчина стремится передать имущество по наследству своим детям. Появляется патрилинейная филиация — счет родства по отцу, который оформил, узаконил обычаем и наследование по отцовской линии. Таким образом, изменения в счете родства и в порядке наследования были вызваны определенными экономическими причинами. «Институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена»[1].

Важным результатом перехода от матриархата к патриархату было появление нового типа семьи — патриархальной. Эта семья представляет собой организацию «некоторого числа свободных и несвободных лиц в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи»[2]. Патриархальная семья или патриархальная семейная община — это довольно большая хозяйственная группа, состоящая из нескольких поколений ближайших родственников с их женами и детьми. Иногда в эту семью входят зятья и усыновленные лица. Семья могла владеть некоторым числом рабов.

Одной из характерных особенностей патриархальной семьи является то, что она уже ведет самостоятельное хозяйство, отделенное от общего, коллективного хозяйства рода.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 136.

[2] К. Маркс. Конспект книги Л. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 29.

Тем самым «отдельная семья сделалась силой, и притом грозной силой, противостоящей роду»[1].

Ранняя патриархальная семейная община носит еще демократический характер. Внутри ее между свободными лицами сохраняется равенство. Глава семьи руководит хозяйством, все обязаны подчиняться ему, но вместе с тем он считается с мнением всех взрослых членов семьи и важные вопросы решаются сообща. Старшая женщина также еще играет большую роль и руководит определенной частью хозяйственной деятельности. В дальнейшем, в процессе разложения родового строя, этот демократизм нарушается, глава семьи приобретает все бóльшую власть, а положение женщины становится все более зависимым.

Несколько родственных патриархальных семей, возникших в результате разделения одной большой патриархальной семьи образуют патронимию. Члены патронимии имеют общую землю, живут одним поселком, сообща выполняют целый ряд работ, но раздельно владеют движимым имуществом. Несколько больших патриархальных семей или несколько патронимий объединяются в один патриархальный род. Род владеет определенным участком земли, принадлежащей племени. Пахотные земли рода делятся между отдельными патриархальными семьями или патронимиями, а леса, пастбища, озера и реки остаются в коллективном пользовании. Верховная власть в роде принадлежит общему собранию всех взрослых членов рода, но роль мужчин здесь все более возрастает.

Вопросы решаются на основе обычного права, освященного вековой традицией. Все члены рода обязаны защищать друг друга и помогать друг другу при выполнении таких работ, где требуется соединение усилий большого коллектива. Несколько родов по-прежнему объединяются в племена.

Чаще встречаются теперь союзы племен, выступающие главным образом как военно-политические объединения. В бронзовом веке отмечается рост военных столкновений, которые вызывались либо желанием расширить территорию племени, либо завладеть богатствами, накопленными у соседей, либо иными, главным образом экономическими причинами.

Общие закономерности исторического развития распространяются, конечно, и на то население, которое обитало в бронзовом веке на берегах Северского Донца и его многочисленных притоков. Однако не следует думать, что процесс разложения первобытно-общинного строя проходил везде одинаково. В ряде существенных моментов и в деталях картина развития отдельных племен была гораздо разнообраз-

---

[1] К. Маркс. Конспект книги Л. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 29.

нее и сложнее. Это своеобразие довольно хорошо вырисовывается по материалам археологических раскопок.

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА

С начала и до середины II тысячелетия до н. э. в бассейне Северского Донца обитали племена катакомбной культуры[1]. Условное название «катакомбных» дал им по особой форме погребальных сооружений В. А. Городцов, который в 1901 г. впервые раскопал большое количество курганов этой культуры на берегах Донца в районе Изюма. Последующие исследования разных археологов показали, что катакомбная культура охватывала почти такую же большую территорию, как и древнеямная — от Днепра до Волги и от степей Крыма до южной части лесостепи на севере. Исключение составляет лишь территория вдоль среднего течения Волги, где на основе древнеямной культуры развивается полтавкинская культура.

Исследования О. А. Кривцовой-Граковой показали, что появление катакомбной культуры нельзя рассматривать как смену населения в степях Восточной Европы. Катакомбная культура развивалась на основе древнеямной и являлась ее продолжением. Найден целый ряд погребений переходного типа, например, таких, в которых обряд захоронения еще типичен для древнеямной культуры, но вещи уже характерны для катакомбных памятников. Да и в самих вещах, особенно в керамике, можно проследить постепенное появление новых признаков.

Следовательно, смена древнеямной культуры катакомбной является отражением определенного процесса исторического развития. Она свидетельствует о том, что на рубеже III и II тысячелетий до н. э. у местных племен происходят значительные изменения в социально-экономической жизни, а в связи с этим меняется материальная культура и обряд погребения. Т. Б. Попова недавно выяснила, что памятники катакомбной культуры принадлежат большой группе родственных племен, у которых можно отметить некоторые территориальные особенности в технике изготовления орудий, в форме и орнаментации керамики, в погребальном обряде и т. п. Всего Т. Б. Попова выделяет шесть локальных вариантов катакомбной культуры, из которых два варианта относится к бассейну Северского Донца: более северный — харьковско-воро-

[1] В других местах, в Поднепровье, в Приазовье, в низовьях Дона и Маныча катакомбная культура существовала дольше. Она появилась на рубеже III и II тыс. до н. э., а поздний этап ее относится к третьей четверти II тысячелетия до н. э.

нежский и более южный — среднедонецкий. Граница между ними проходит примерно в районе Изюма. Эти локальные варианты, по-видимому, соответствуют отдельным племенам. Здесь, по понятной причине, основное внимание уделяется памятникам, расположенным в бассейне Донца.

В настоящее время раскопано уже несколько поселений катакомбной культуры (на р. Оскол и в Поднепровье), но все же основные материалы для ее характеристики пока дают погребения.

Население катакомбной культуры хоронило своих покойников под курганами небольшой высоты, но часто довольно большого диаметра. Каждый курган содержит, как правило, не одно, а несколько погребений этой эпохи. Число их доходит до 25. По-видимому, в одном кургане хоронили всех умерших членов одной патриархальной семьи. Отдельная могила сооружалась следующим образом. Сначала вырывалась входная яма, обычно в виде прямоугольного колодца со ступеньками. В нижней части ямы в одной из стенок вырывалась пещерка — катакомба со сводчатым потолком, в которую помещался покойник (рис. 27). Вход в катакомбу закрывался по-разному: в курганах харьковско-воронежской группы — обычно деревянными плахами, южнее, например, в бассейне р. Бахмут,— камнями и глиной. В курганах харьковско-воронежской локальной группы встречаются катакомбы, оформленные как легкие каркасные жилища. Стены их закрыты плетнем из прутьев или камыша и сверху обмазаны глиной. Пол также обмазывался глиной. Вход в катакомбу укреплялся двумя столбами и закрывался плетеной дверью. Дно катакомбы во всех местах часто посыпалось золой, известью, красной охрой. Иногда из камыша или из какого-то коричневатого волокнистого вещества устраивалась подстилка и даже подушка из бересты.

Покойников клали на дно катакомбы или на подстилку в скорченном положении на правом боку. Головой покойники ориентированы на юг, иногда с отклонением к ЮЗ или ЮВ, лицом обращены к входу в катакомбу. Редко встречаются случаи сожжения или захоронения расчлененных покойников.

Согласно погребальному ритуалу, покойника часто, как и в древнеямных погребениях, посыпали красной охрой, отчего кости также оказываются окрашенными в красный цвет. Эта посыпка охрой, несомненно, имела культовое значение. Красная краска была символом огня, который по древним верованиям имел очистительную силу. О таком значении кусочков охры свидетельствуют находки ее вместе с золой и углями в глиняных жаровнях и случай, когда глиняный сосуд был поставлен на краску, как на огонь. Иногда красную

охру заменяет другая естественная краска — реальгар (киноварь).

В качестве заупокойной пищи покойнику у его ног или у входа в катакомбу клали части овец, коз, коров. Изредка находят костные остатки лошади. У головы покойника ста-

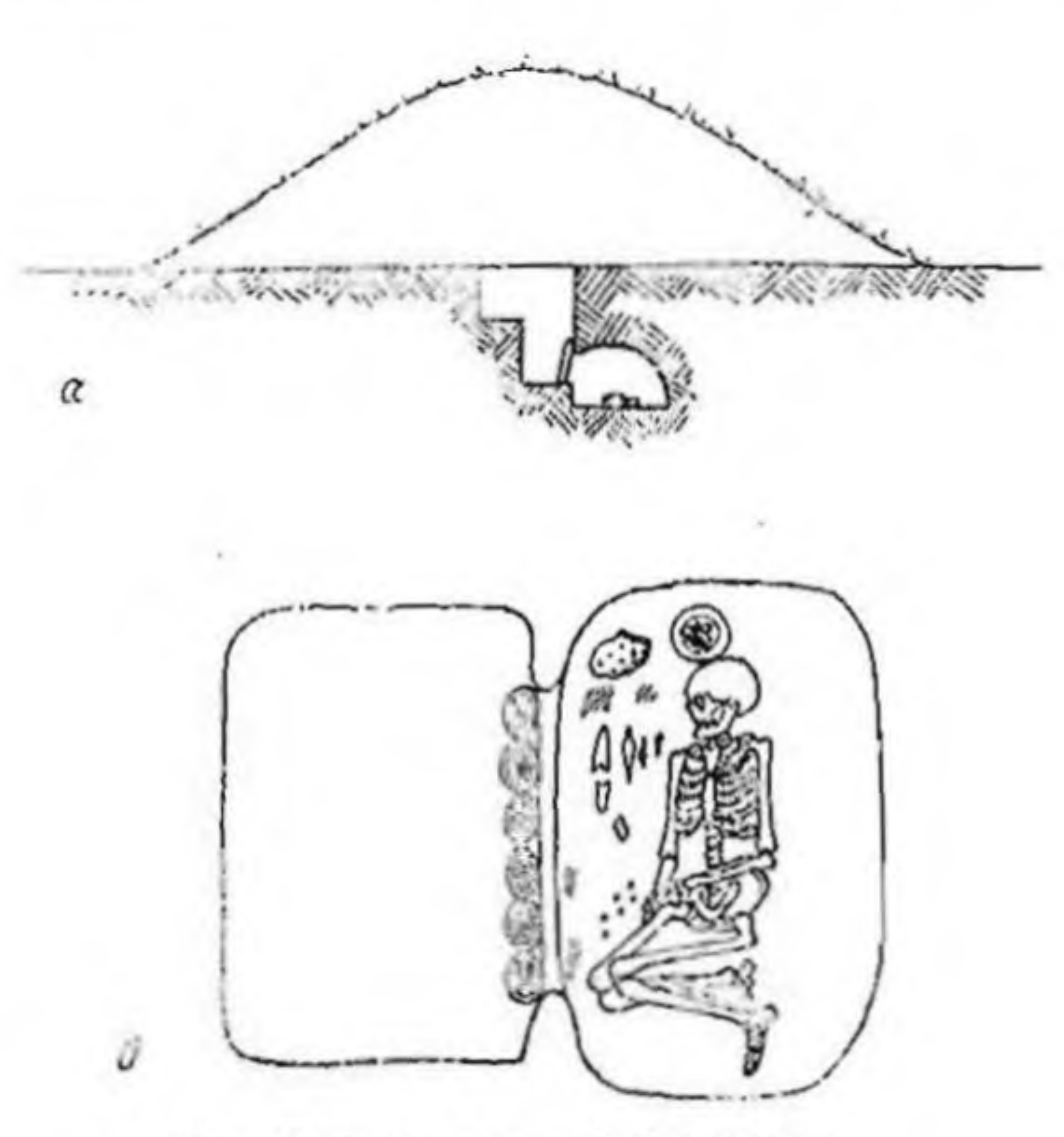

Рис. 27. Курган катакомбной культуры: *а* — схематический разрез кургана; *б* — погребение катакомбной культуры (по В. А. Городцову)

вился сосуд с пищей. В некоторых горшках удалось обнаружить остатки проса.

Инвентарь катакомбных погребений довольно разнообразен. Кроме изделий из камня и кости, найдены медные, бронзовые, серебряные и стеклянные вещи. Металлические изделия в погребениях представлены мелкими предметами. Из медных или бронзовых орудий найдены кованые копьевидные ножи, четырехгранные шилья, желобчатое долото и тесло (или мотыжка) с расширяющимся книзу и слегка выгнутым лезвием (рис. 28). В одном из курганов у хут. Каменки на р.

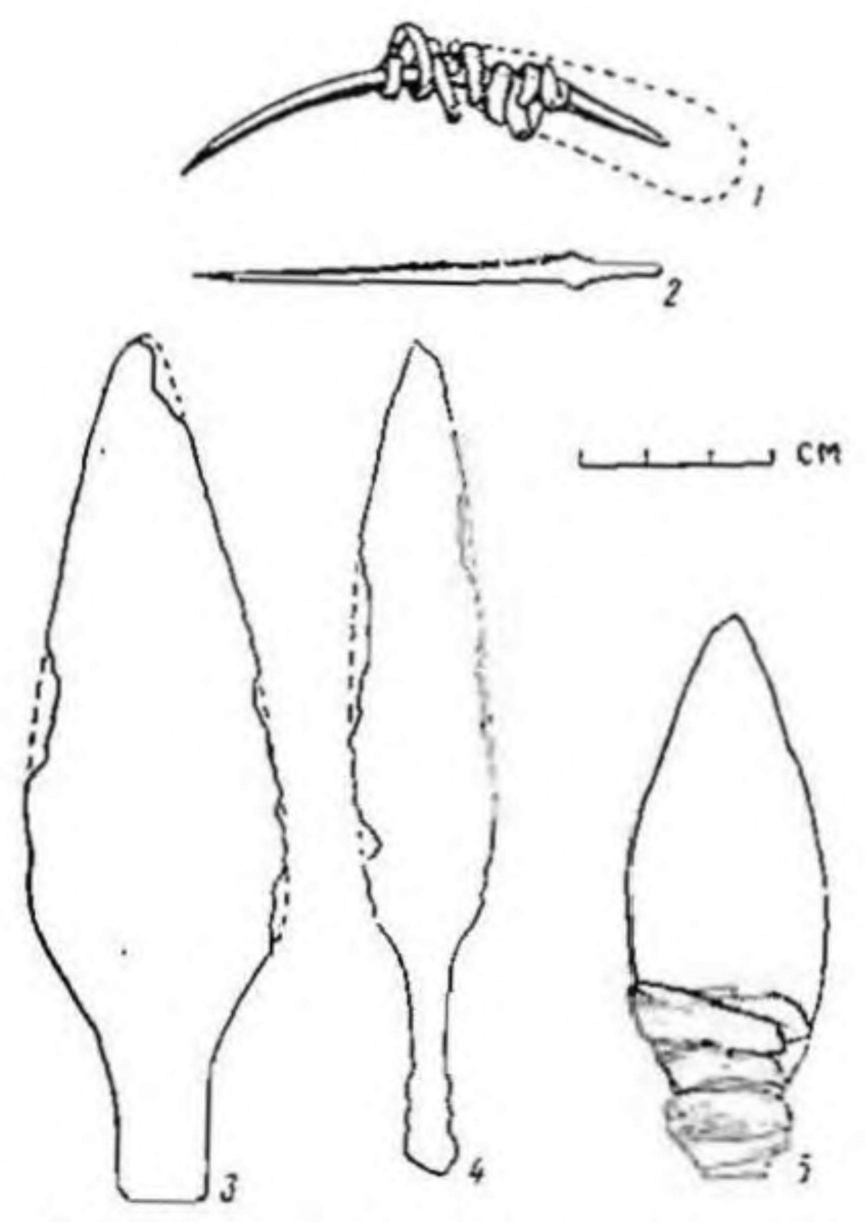
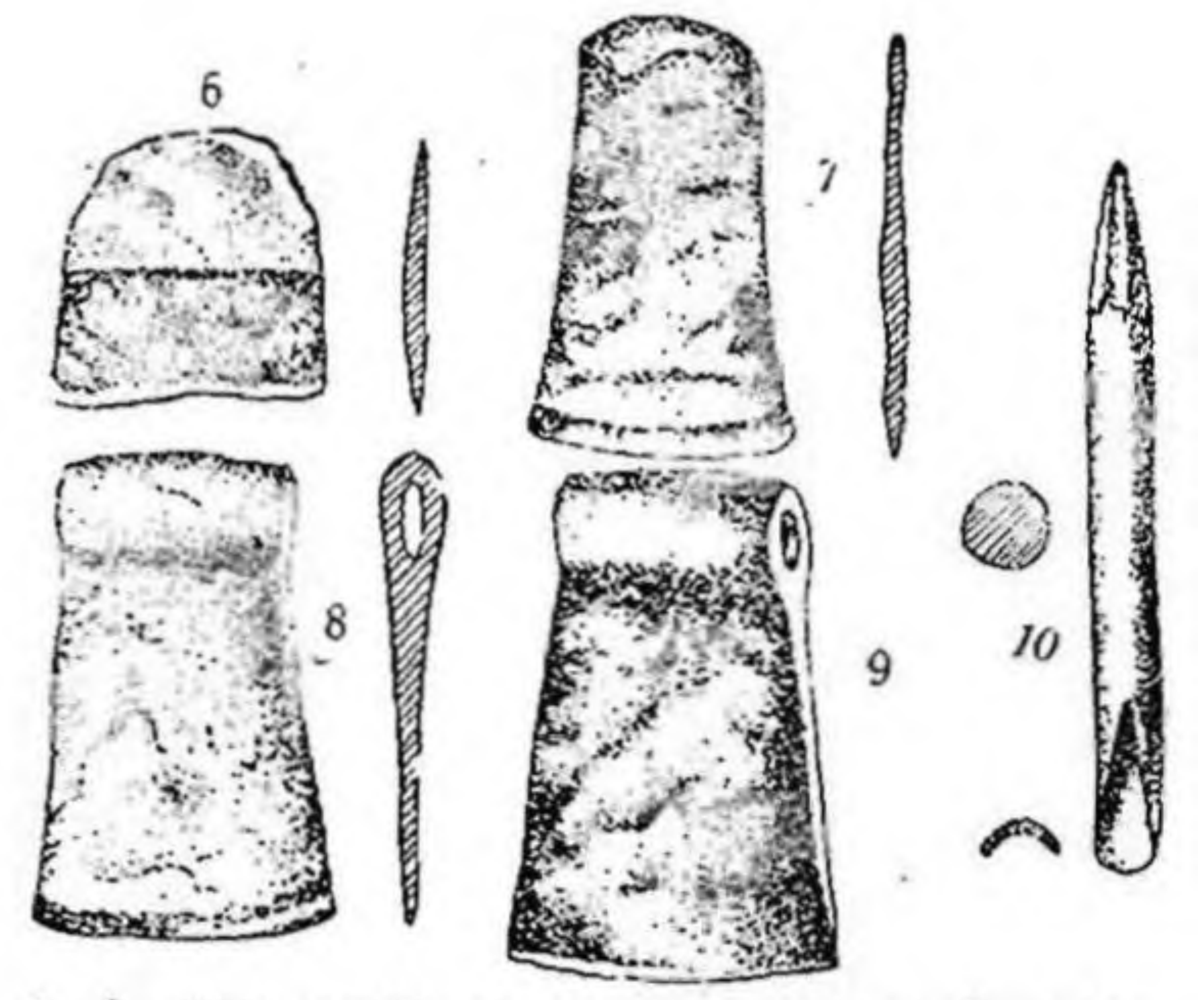

Рис. 2[illegible]. Бронзовые орудия катакомбной культуры.

1—5 — шилья и ножи из донецких курганов; *6* — тесло, найденное в бассейне Донца; *7* — плоский клиновидный топорик из-под Славянска; *8* — проушной топор (случайная находка на р. Кобылинке); *9* — проушной топор из-под Новочеркасска); *10* — желобчатое долото из кургана раскопанного вблизи г. Луганска (по В. А. Городцову и Т. Б. Поповой)

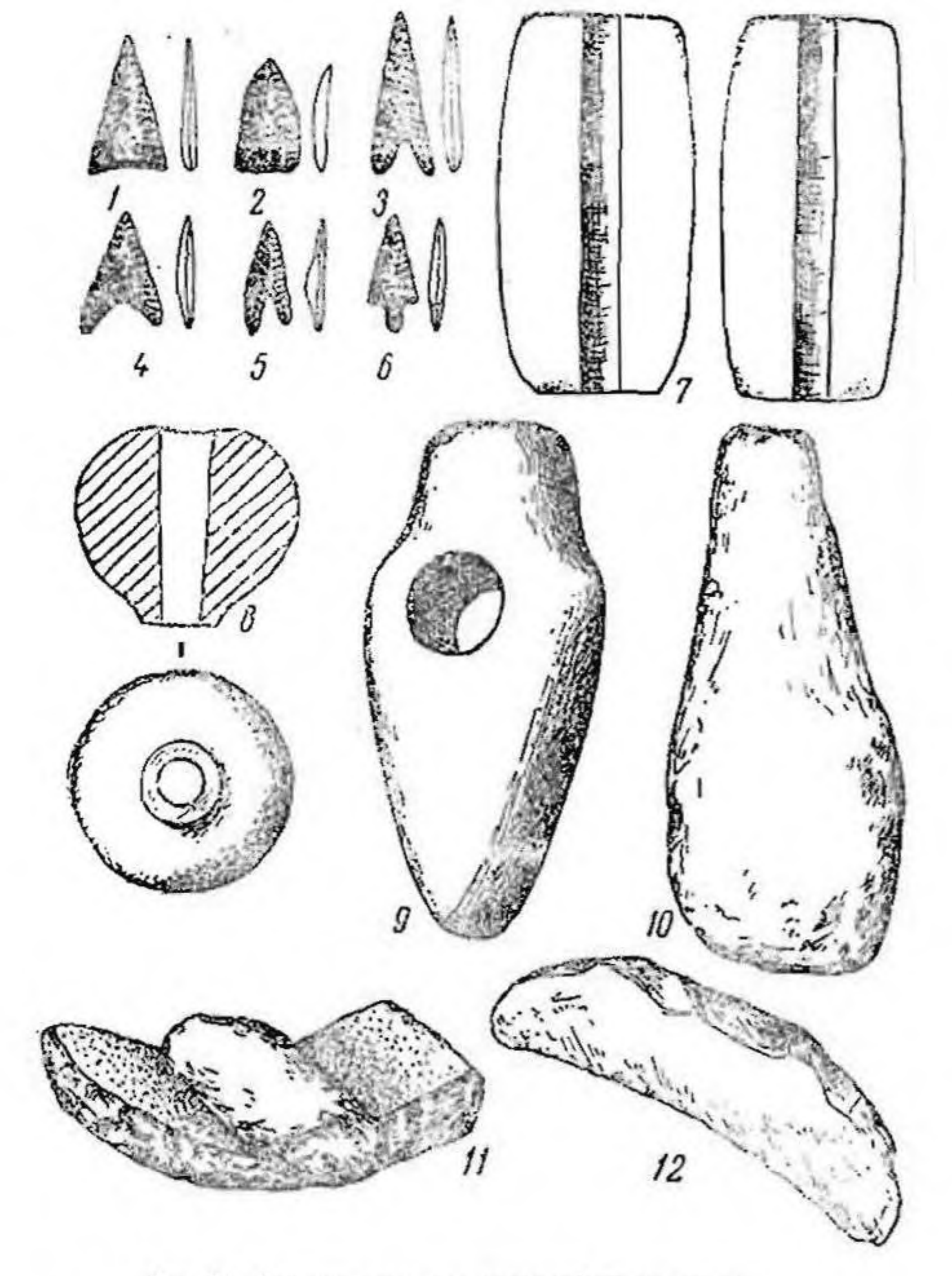

Рис. 29. Каменные орудия катакомбной культуры:
1—6 — кремневые наконечники стрел; *7* — двухстворчатая формочка; *8* — наконечник булавы; *9* — каменный топор; *10* — пест для дробления руды; *12* — кварцитовый серп и *11* — кварцитовая зернотерка из Кибинской стоянки. (по В. А. Городцову, С. А. Локтюшеву и Т. Б. Поповой).

Бахмут В. А. Городцов нашел даже такую кухонную принадлежность, как бронзовый крюк с остатками деревянной рукоятки, предназначенный для вытаскивания мяса из сосудов. Бронзовые топоры этого времени известны лишь из случайных находок (рис. 28, 7—9), хотя обработка концов плах, закрывавших вход в катакомбы, показывают, что они имелись и у населения, сооружавшего курганы. На глиняных стенках катакомб в ряде случаев были зафиксированы следы работы желобчатым долотом, киркой или мотыжкой.

Население катакомбной культуры применяло еще в большом количестве различные орудия производства и оружие из камня. Из кремня делались ножи, скребки, резцы, наконечники стрел (рис. 29, 1—6). В большинстве случаев кремневые орудия сделаны из длинных ножевидных пластин, тщательно обработанных ретушью. Именно в это время появляется тонкая струйчатая ретушь, покрывающая иногда всю поверхность изделий, например, кремневых стрел. Края стрел и дротиков имеют иногда характерную мелкую зубчатость или пильчатость.

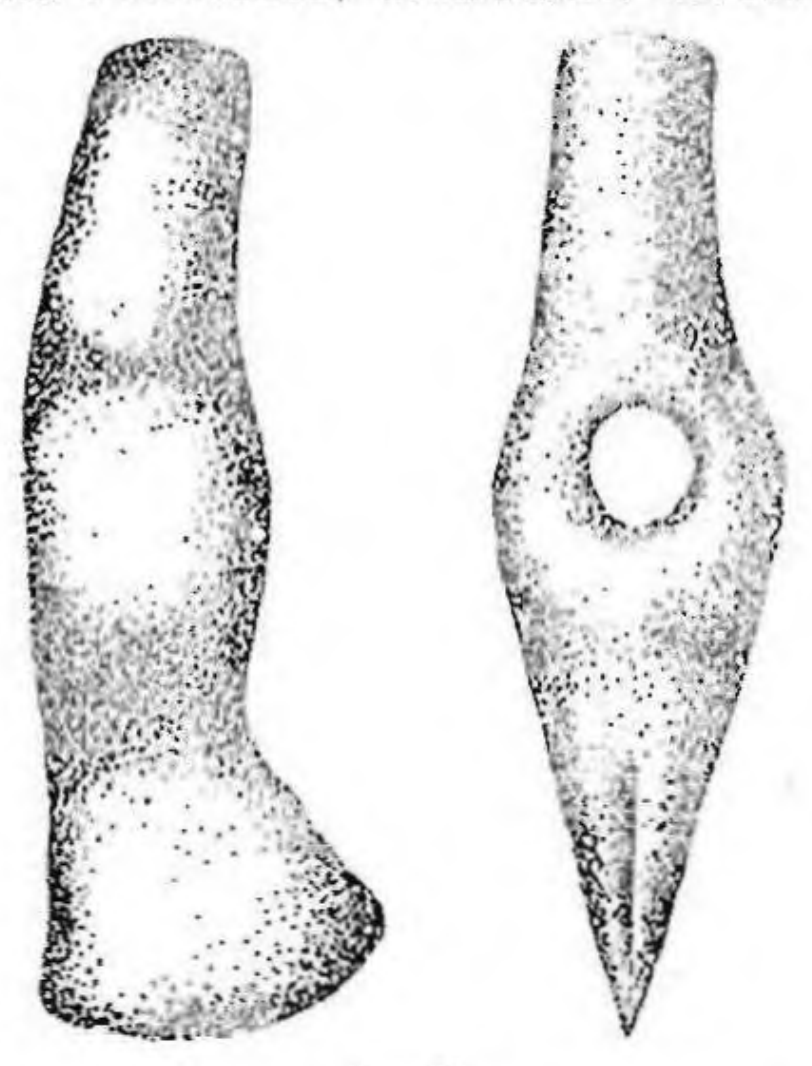

Рис. 30.
Каменный топор из кургана под г. Луганском (по Т. Б. Поповой).

На охоте и на войне широко применялись лук и стрелы с кремневыми наконечниками. Господствуют треугольные наконечники стрел с небольшой выемкой в основании. Реже встречаются ассиметричные треугольные наконечники с одним шипом и черешковые наконечники стрел. Части деревянного лука обычно не сохраняются, но А. И. Тереножкину удалось в одном катакомбном погребении на р. Молочной обнаружить его остатки. Лук был простой, не составной и представлял собой слегка изогнутую, уплощенную палку длиной более 1 метра.

Из диорита, кварцита и других пород камня делались шлифованные топоры, молотки, метательные шары и грушевидные наконечники булавы (рис. 29, 8). Отверстия для рукояти просверливались полым сверлом. Характерно украшение поверхности некоторых топоров канелюрами или даже шнуровым орнаментом.

До сих пор не совсем понятно назначение своеобразных песчаниковых формочек, которые состоят из двух половинок, имеющих в средней части полуцилиндрические желобки (рис. 29,7). Возможно — это формочки для отливки металлических прутиков, из которых при помощи ковки затем изготовлялись ножи, шилья и другие мелкие предметы. Некоторые исследователи высказывали предположение, что эти формочки являлись шлифовальниками или выпрямителями древков стрел, но этому противоречат небольшая длина и неправильно изогнутые канальцы на отдельных формочках. О наличии своего бронзолитейного производства у племен катакомбной культуры, кроме упоминавшейся уже находки тигля и литейной формы в кургане у Краматорска, свидетельствует также тигель, найденный на Кобяковском поселении, расположенном на правом берегу Дона в его низовьях. Однако широкого распространения это производство в то время еще не получило.

Следует отметить находки орудий, связанных с земледельческим хозяйством. К ним относятся кварцитовые зернотерки, песты и серповидные орудия, мотыги. Последние были деревянные, с костяными наконечниками. В качестве наконечников могли употребляться и упоминавшиеся бронзовые клиновидные тесла.

В эпоху катакомбной культуры местные жители носили весьма разнообразные украшения (рис. 31). Найдены бронзовые и серебряные спирально изогнутые в полтора оборота височные кольца; бронзовые привески в виде веревочки с петлей и узелком; круглые, боченкообразные или биконические бронзовые бусы; синие стеклянные, белые пастовые[1] и красноватые сердоликовые бусы; спиральные или трубчатые бронзовые пронизи; костяные кольца; подвески из зубов хищных животных. В ранних памятниках встречаются пронизи из трубчатых костей с винтообразной нарезкой и молоточкообразные костяные булавки, украшенные обычно резным геометрическим орнаментом. Редкой вещью является найденная Ю. В. Готье в кургане у хут. Ковалевки, близ Изюма, бронзовая подвеска в виде плоского кольца с ушком. Кольцо и ушко украшены шнуровым орнаментом (рис. 31, 4).

Имеются некоторые сведения и об одежде местного населения. В одном из курганов у хут. Черевково, около г. Сла-

[1] Пастой условно называют непрозрачное стекло.

вянска, В. А. Городцову удалось обнаружить остатки меховой одежды. По его словам, кожа была очень тонкая и хорошо обработанная. Кусочки меха тщательно подбирались и сшивались при помощи внутреннего шва, который применяют и современные скорняки. Для сшивания служили нити, скрученные из двух прядей какого-то волокна. В одном из погребений у с. Воронцовки, близ Купянска, также сохранились остатки кожаной одежды, стянутой у пояса тонким ремешком, и остатки кожаной обуви. Для застегивания одежды служили, по-видимому, костяные молоткообразные булавки. В одном из курганов под Славянском были найдены сделанные из бирюзы застежки в виде выпуклых пуговиц. Иногда

Рис. 31. Различные украшения катакомбной культуры.
1, 2 — медные подвески и бусы из кургана Бабы у ст. Константиновской (раскопки Н. Е. Бранденбурга); *3* — медные бусы из кургана у с. Селимовки (раскопки В. А. Городцова); *4* — кольцевидная подвеска из кургана у хут. Ковалевка (раскопки Ю. В. Готье); *6* — бронзовые бусы из кургана у с. Пески Радьковские (раскопки автора); *5, 7—12* — костяные пронизи, бусы, подвески из клыков животных и бронзовые украшения (*7—9*) (по Т. Б. Поповой).

на одежду нашивали круглые перламутровые бляшки с одним отверстием в центре.

Катакомбная керамика (рис. 32 — 33) имеет очень характерные формы и орнаментацию, причем, как показала Т. Б. Попова, сосуды южной (среднедонецкой) и северной

(харьковско-воронежской) локальных групп имеют некоторые местные особенности. Типична форма плоскодонного горшка с высоким горлом и округлым туловищем, которое плавно сужается ко дну. В южной группе горлышко сосудов почти вертикально, а плечики четко выражены. В северной группе

Рис. 32.
1, 2—сосуды катакомбной культуры из погребений в кургане у с. Пески Радьковские на р. Оскол (раскопки автора).

сосуды имеют более вытянутые пропорции, горлышки у них слегка отогнуты наружу, а плечи покатые.

В орнаментации господствуют веревочные отпечатки. Применяются зубчатые штампы, ногтевые оттиски, резные линии и пр. Этими средствами наносятся различные узоры, покрывающие часто весь сосуд от горлышка до дна. Распространены горизонтальные ряды веревочных отпечатков и ёлочный орнамент. Поверхность сосуда часто заглаживается мел-

Рис. 33.
Сосуды из курганных погребений катакомбной культуры на р. Оскол у с. Пески Радьковские. Нижний сосуд имеет форму, характерную для керамики срубной культуры. Раскопки автора в 1956 г.

ким зубчатым штампом. Своеобразие южной группы выражается в том, что здесь в орнаментации ранней керамики часто применяются узоры в виде полукруглых фестонов, ко-

торые опускаются с плеч на туловище (рис. 32,1). В более поздней керамике наряду с фестонами встречается круговой узор. Часто применяются круглые отпечатки свернутого трубочкой куска ткани. В керамике северной группы узор располагается строго зонально. Широко распространен узор в виде фестонов или треугольников, обращенных вершиной к горлу сосуда.

На позднем этапе в орнаментации керамики начинают широко применяться налепные валики, образующие иногда

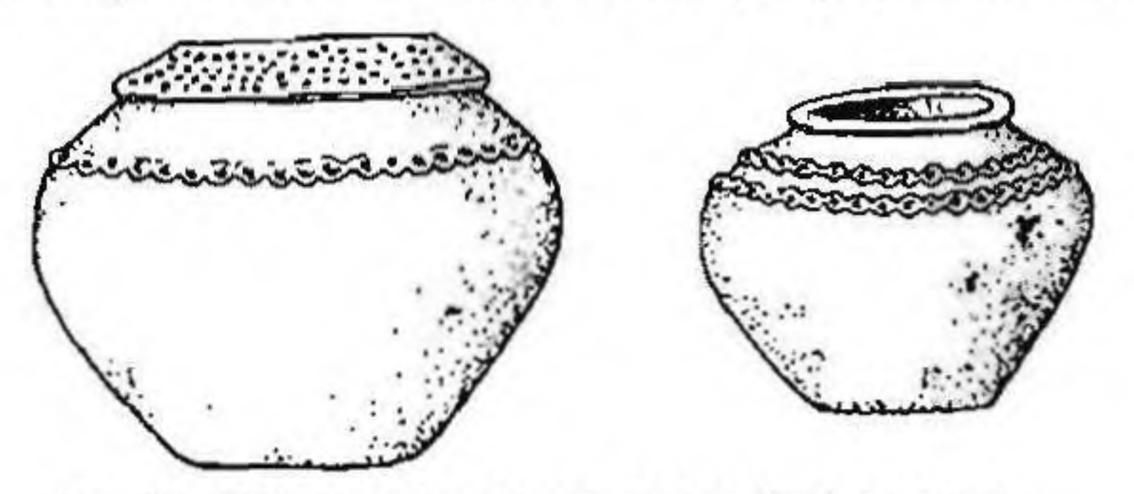

Рис. 34. Южные типы сосудов катакомбной культуры (по Т. Б. Поповой и С. А. Локтюшеву).

сложные узоры. В южной группе среди поздней керамики встречаются не характерные для собственно катакомбной керамики репчатые формы сосудов. Они найдены у с. Камышевахи и Каменки под Изюмом, в курганах близ Луганска и Краматорска. Такие репчатые сосуды (рис. 34) с небольшим «воротничком» часто встречаются в памятниках Прикубанья и Северного Кавказа и, наряду с другими фактами, указывают на тесную связь донецких племен с этими южными племенами. Особую группу культовых сосудов катакомбной культуры образуют глиняные курильницы, которые представляют собой, как правило, богато орнаментированную чашу на четырех ножках, сливающихся в одну массивную подставку.

В катакомбных погребениях иногда попадаются игральные кости в виде бараньих астрагалов, а в 5-м погребении кургана № 9 у хут. Шпаковки, близ Изюма, В. А. Городцов обнаружил даже целую игру. В этой игре употреблялось пять костей: две костяных палочки, у которых один конец был тщательно закруглен, одна костяная палочка с шестью поперечно-круговыми нарезками и два костяных кубика. На гранях каждого из кубиков имелось три, по-видимому, обозначавших число очков, знака: черта, три соединенные концами черты и крест. Очевидно, играющие должны были при помощи палочек так изменять положение кубиков, чтобы на-

брать большое количество очков или составить наиболее благоприятную комбинацию знаков на гранях кубиков.

Поселения катакомбной культуры зафиксированы в ряде мест по берегам Северского Донца и его притоков, но более или менее значительные раскопки производились лишь в двух местах.

М. Е. Фосс исследовала позднекатакомбную стоянку на песчаных дюнах первой надпойменной террасы р. Оскола у с. Шелаева, близ Валуек. Остатков жилищ здесь проследить не удалось, но были обнаружены четыре очажные и ряд хозяйственных ям. В культурном слое найдена характерная керамика, биконическое пряслице, обломок бронзовой иголки и много кремневых орудий. Среди последних имеются ножи, скребки, наконечники стрел, резцы и пр. Кости животных сохранились в незначительном количестве. Определены кости коровы, свиньи, овцы.

С. А. Локтющев относит к катакомбной культуре и обследованную им Кибикинскую стоянку у хут. Кондрашевки в среднем течении Донца. При раскопках культурного слоя, залегавшего в песчаной дюне, здесь удалось обнаружить остатки наземного жилища. Пол жилища представлял собой площадку ($2,4 \times 3,0$ *м*) неправильной четырехугольной формы, устроенную из утрамбованной и местами обожженной глины. В одном углу площадки нашли даже несколько кусков от обуглившегося столба. Вдоль краев площадки лежали груды кусков полуобожженной глины с отпечатками стеблей тростника. В культурном слое около площадки и на ней самой найдены обломки катакомбных сосудов, кварцитовые ножи, серпы, зернотерка с вальками (курантами), кусочек красной охры и другие предметы.

Эти раскопки показывают, что население катакомбной культуры, жившее в бассейне Донца, строило легкие наземные дома. Стены их имели деревянный переплетенный камышом каркас, который обмазывался глиной. Копией таких жилищ является катакомба в кургане № 5 у с. Воронцовки под Купянском, где вдоль стен был сооружен плетень, обмазанный глиной. Эта же катакомба, свод которой поддерживался укрепленной на столбах продольной балкой, позволяет предполагать, что крышу делали двухскатной.

Данные, полученные в результате изучения поселений и погребений катакомбной культуры на Донце, свидетельствуют о том, что в первой половине II тыс. до н. э. местное население занималось скотоводством, особенно овцеводством, и примитивным мотыжным земледелием, связанным с выращиванием такой неприхотливой и засухоустойчивой культуры, как просо.

В 1949 г. П. Д. Либеров при раскопках насыпи одного из курганов у с. Константиновки, Мелитопольского района,

Запорожской области, обнаружил 10 яиц, принадлежавших мелкой домашней курице. Предполагается, что яйца были положены в качестве загробной пищи для покойника, похороненного в могиле катакомбной культуры.

В период катакомбной культуры первые шаги делает местное металлургическое производство. Такие отрасли хозяйства, как охота и рыболовство, начинают постепенно отступать на второй план. Находка глиняного биконического пряслица (грузика для веретена) в Шелаевском поселении свидетельствует о том, что население занималось прядением и, по-видимому, ткачеством. Достаточно высоко для этой эпохи было развито керамическое производство.

Одновременно наблюдается значительное усиление межплеменного обмена, главным образом с населением северного Кавказа. Местного металла явно не хватало и поэтому с Северного Кавказа получали многие бронзовые изделия, найденные в донецких курганах и на поселениях: топоры, долота, спиральные височные кольца, бусы, плоские кольцевидные подвески с ушком и др. Через Северный Кавказ к местным племенам проникали изделия и более отдаленных стран: синие стеклянные бусы египетского происхождения, вещи, сделанные из иранской бирюзы и из малоазиатской морской пенки.

Развитие новых отраслей хозяйства приводит у местных племен, как и в других местах, к усилению роли мужчины и к переходу от матриархального к патриархальному роду, в котором отдельные семьи начинают обособляться и вести самостоятельное хозяйство. Оживленный обмен еще более ускоряет этот процесс, способствует накоплению богатств в руках родо-племенной знати. Все это находит косвенное отражение и в археологическом материале.

В катакомбных курганах мы встречаем уже коллективные погребения, где вместе с мужчиной погребены насильственно умерщвленные женщины, по-видимому, рабыни или наложницы. Например, в кургане у с. Селимовки, в урочище Шуркино поле (к северу от Артемовска), обнаружено катакомбное погребение, в котором вместе с мужчиной были похоронены две женщины. Одна из них, молодая, была положена рядом с мужчиной. Другая, пожилая, лежала в ногах мужчины, чем явно подчеркивалось ее подчиненное положение. Наблюдаются даже случаи человеческих жертвоприношений. Инвентарь курганных погребений этого периода неоднороден. В одних могилах нет никаких вещей, кроме простого глиняного горшка а, в других содержатся разнообразные, в том числе дорогие привозные вещи. Все это свидетельствует о появлении богатых и бедных семей, о появлении патриархального рабства, о начавшемся разложении родового общества.

На основе материалов, добытых при раскопках курганов на берегах Донца в 1901 году, В. А. Городцов выделил еще одну культуру бронзового века, существовавшую в бассейне Донца позже катакомбной. Эту новую культуру он по особой форме погребальных сооружений назвал срубной (рис. 35).

Впоследствии памятники срубной культуры были выявлены на более обширной территории. Работы П. Д. Рау,

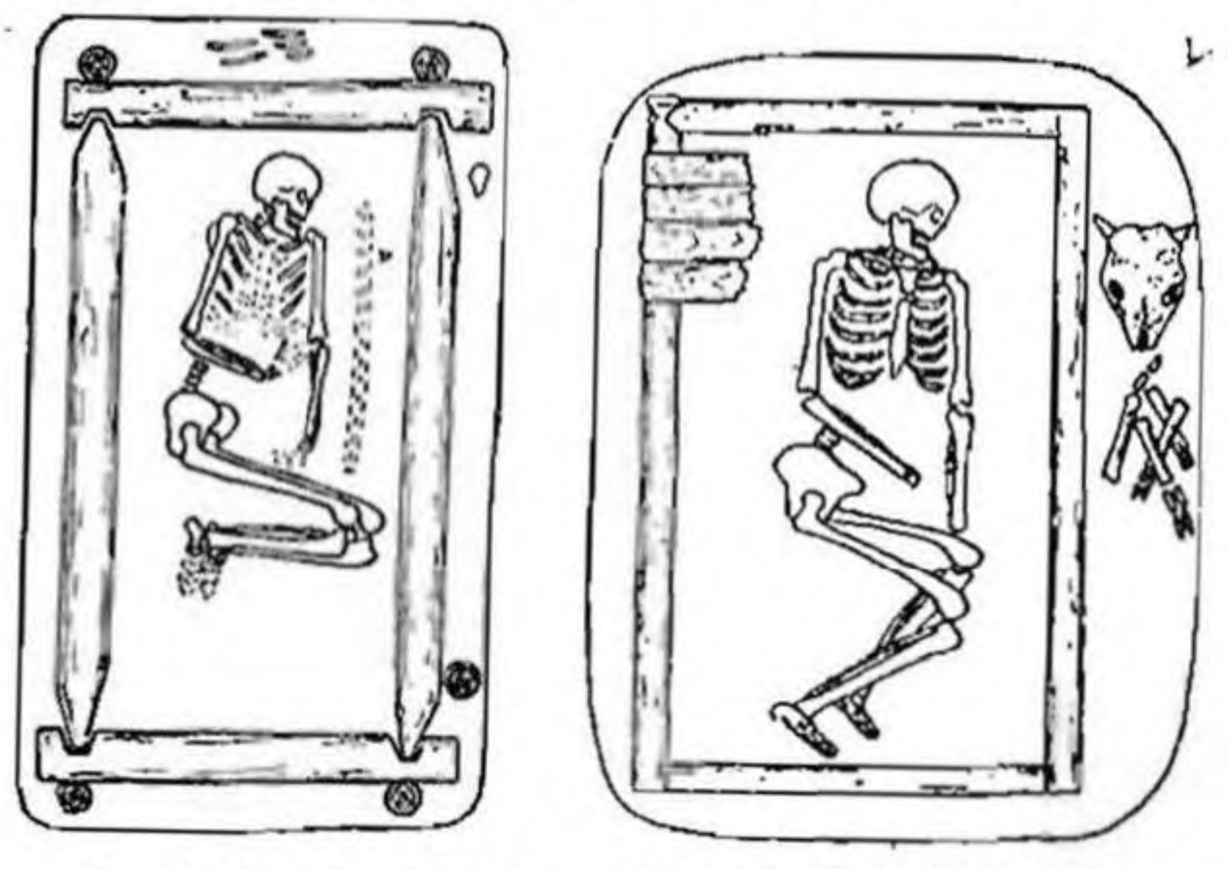

Рис. 35. Погребения срубной культуры (по В. А. Городцову).

А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого, О. А. Кривцовой-Граковой, И. В. Синицына, М. И. Артамонова, М. П. Грязнова, В. П. Шилова, А. П. Смирнова, Н. Я. Мерперта и многих других исследователей внесли много нового в наши представления об уровне хозяйственного и общественного развития племен срубной культуры, позволили выяснить вопрос о ее происхождении и распространении. Особенно важное значение имеют исследования О. А. Кривцовой-Граковой, которая дала обобщающую картину развития племен степного Поволжья и Причерноморья в эпоху позднего бронзового века.

В настоящее время можно считать вполне установленным, что своеобразная срубная культура зародилась и сформировалась на территории Нижнего и Среднего Поволжья на основе одного из вариантов древнеямной культуры. В первой половине II тысячелетия до н. э. в Поволжье были распро-

странены памятники полтавкинского типа, связывающие развитую срубную культуру с древнеямной. У населения полтавкинской культуры скотоводство уже начало играть большую роль в хозяйстве. В полтавкинских памятниках можно проследить, как из яйцевидных сосудов возникают горшки баночной формы, а затем и острореберные сосуды, характерные для срубной культуры. Постепенно наряду с ямными погребениями, в которых покойники клались на спине, появляются погребения, в которых стены ям облицованы деревянным срубом, а покойники лежат в скорченном положении на боку. В развитой форме срубная культура существовала со второй половины II тысячелетия до н. э. до конца VIII и даже до первой половины VII в. до н. э.

У племен развитой срубной культуры, со средины II тысячелетия до н. э. скотоводство, несомненно, играет уже очень важную роль в хозяйстве. В состав стада входят все основные домашние животные, известные и в настоящее время: коровы, лошади, овцы, свиньи. Был известен также верблюд. Количественно в составе стада преобладал крупный рогатый скот. Однако постепенно увеличивается и хозяйственное значение лошади, которую начинают использовать для верховой езды, о чем говорят находки деталей от уздечки (рис. 41,7). Постепенно получает широкое распространение подсечно-огневое (в лесостепи) и мотыжное (в речных поймах) земледелие, зародившееся еще на полтавкинском этапе. Появляются такие важные хозяйственные орудия, как бронзовые вислообушные топоры, бронзовые серпы, косари, мотыги и другие вещи. Находки литейных форм, глиняных тиглей, шлаков и других остатков свидетельствуют о развитии местного бронзолитейного производства.

Развитая речная сеть связывала племена, жившие в бассейне Волги, с населением других территорий и создавала очень благоприятные условия для развития торговых и культурных связей местных племен с Приуральем, Западной Сибирью, Казахстаном, Кавказом и другими областями. Это, несомненно, способствовало быстрому развитию племен срубной культуры, укреплению местных патриархально-родовых общин.

По-видимому, уже в раннюю эпоху племена срубной культуры объединились в мощный племенной союз, который оказывал свое влияние на соседние территории. Отдельные группы населения срубной культуры начинают проникать на север, где они сыграли значительную роль в формировании абашевской культуры. На востоке срубные племена, начиная со средины II тысячелетия до н. э., вступают в тесную связь с племенами андроновской культуры, а на западе — с племенами катакомбной культуры. Влияние сруб-

ной культуры ощущалось даже в бассейне Донца. В 1956 г. у с. Пески Радьковские, в нижнем течении Оскола, нами был раскопан курган и в одном из типично катакомбных погребений найден горшок баночной формы (рис. 33, 2), характерный для срубной культуры.

С ростом скотоводства и земледелия, а также вследствие увеличения населения племена срубной культуры стали особенно сильно ощущать недостаток удобных для поселения земель. Обширные, но засушливые степные просторы они еще не умели осваивать, а территорий, связанных с речными поймами, где можно было найти хорошие пастбища для скота и заниматься примитивным земледелием, не хватало. Это привело к постепенному расселению племен срубной культуры на новые земли, преимущественно на запад, где им оказывалось, по-видимому, слабое сопротивление.

В результате этих перемещений племена срубной культуры частично потеснили, частично подчинили и ассимилировали племена катакомбной культуры и заняли обширную территорию степной полосы Восточной Европы от бассейна Днепра на западе до р. Урала на востоке. В некоторых местах племена срубной культуры незначительно вклинивались и в лесостепь.

Бассейн Донца племена срубной культуры заняли по-видимому, уже в средине II тысячелетия до н. э. и обитали здесь до первой половины VII в., когда на основе срубной культуры в степях Северного Причерноморья стала складываться скифская культура.

Срубная культура на Донце известна преимущественно по курганам. Зафиксировано также несколько поселений, но они еще слабо изучены. Поэтому мы рассмотрим в первую очередь срубные погребения, которые дают более полное представление о характере культуры.

Срубные курганы имеют невысокие насыпи. Под курганной насыпью расположена прямоугольная яма, в которой поставлен сруб из бревен дуба, березы или сосны. Иногда бревна отесывались на две или четыре грани. В срубах хорошей сохранности В. А. Городцову удалось наблюдать связывание бревен при помощи пазов в углах. Сверху срубы покрывались плахами из расколотых пополам бревен или даже тесаными досками и очень редко целыми бревнами. Средние размеры срубов: длина — 170 *см*, ширина — 120 *см*, высота — около 45 *см*. Дно могилы посыпалось известью, речным песком. Кроме того, подстилкой для покойника нередко служил камыш.

При сооружении могилы большое значение придавалось очистительной силе огня. Само место, на котором сооружался курган, иногда очищалось огнем. На некоторых срубах

заметно обугливание от воздействия огня. Изредка встречается и сожжение покойников. Насыпь делали постепенно, причем после сооружения определенной части ее на поверхности сжигался костер. После этого насыпь доводилась до полной высоты.

Покойники положены в могиле в скорченном положении на левом боку и ориентированы головой на запад. Как исключение, на правом боку и в противоположном направлении иногда лежат женские и детские костяки. Посыпка тела покойника красной охрой еще всречается, но редко. Вместе с погребенным в качестве заупокойной пищи клались части коров и овец (обычно головы и ноги). Части животных помещались то в срубе, то между стенами сруба и ямы, то на крыше сруба. Кроме того, в могилах находят небольшое количество вещей: глиняные сосуды, каменные топоры, бронзовые ножи, бронзовые топоры, шилья, костяные бляхи-пряжки и прочее.

Наряду с этими погребениями классического для срубной культуры типа встречаются и различные варианты их. Так, в некоторых случаях сруб сооружен не в яме, а на уровне горизонта почвы или в насыпи кургана. Иногда сруба вообще нет, а покойник лежит в прямоугольной яме, перекрытой сверху бревенчатым накатником. О. А. Кривцова-Гракова пришла к выводу, что выделенные в свое время В. А. Городцовым в особую группу погребения в насыпи или на горизонте также представляют собой только вариант погребений срубной культуры. В Поволжье известны курганы с большим количеством (несколько десятков) подкурганных погребений, расположенных вокруг родового жертвенника, и с очень сложными деревянными конструкциями.

Техника сооружения погребений показывает, что население срубной культуры умело весьма искусно обрабатывать дерево и строить хорошие жилища. Действительно, в Поволжье и на Дону уже вскрыты остатки целых поселений с большим количеством жилищ землячочного типа.

Весьма полное представление о поселке срубной культуры дали раскопки стоянки у хут. Ляпичева, на берегу р. Донской Царицы. Стоянка открыта в 1929 г. и исследована М. И. Артамоновым и М. П. Грязновым. Здесь в конце II тысячелетия до н. э. на высокой луговой террасе, покрытой когда-то лесом, располагался поселок, состоявший из десяти жилищ. Жилища были сделаны в виде прямоугольных землянок глубиной до 1,6 *м*. Ширина землянок доходила до 9 *м*, а длина — до 15 *м*. Пол жилищ в результате многолетнего утаптывания и подчистки имел корытообразную форму.

М. П. Грязнову удалось особенно хорошо проследить и объяснить конструкцию землянки № 3. Выяснилось, что при помощи пирамидального сруба над землянкой устраивалась шатровая крыша (рис. 36). К этому основному срубу сбоку пристраивался еще один сруб меньшего размера. Сверху остов кровли покрывался хворостом, камышом, травой и затем засыпался слоем плотно утрамбованной земли. В таком виде землянка была снаружи очень похожа на небольшой курган.

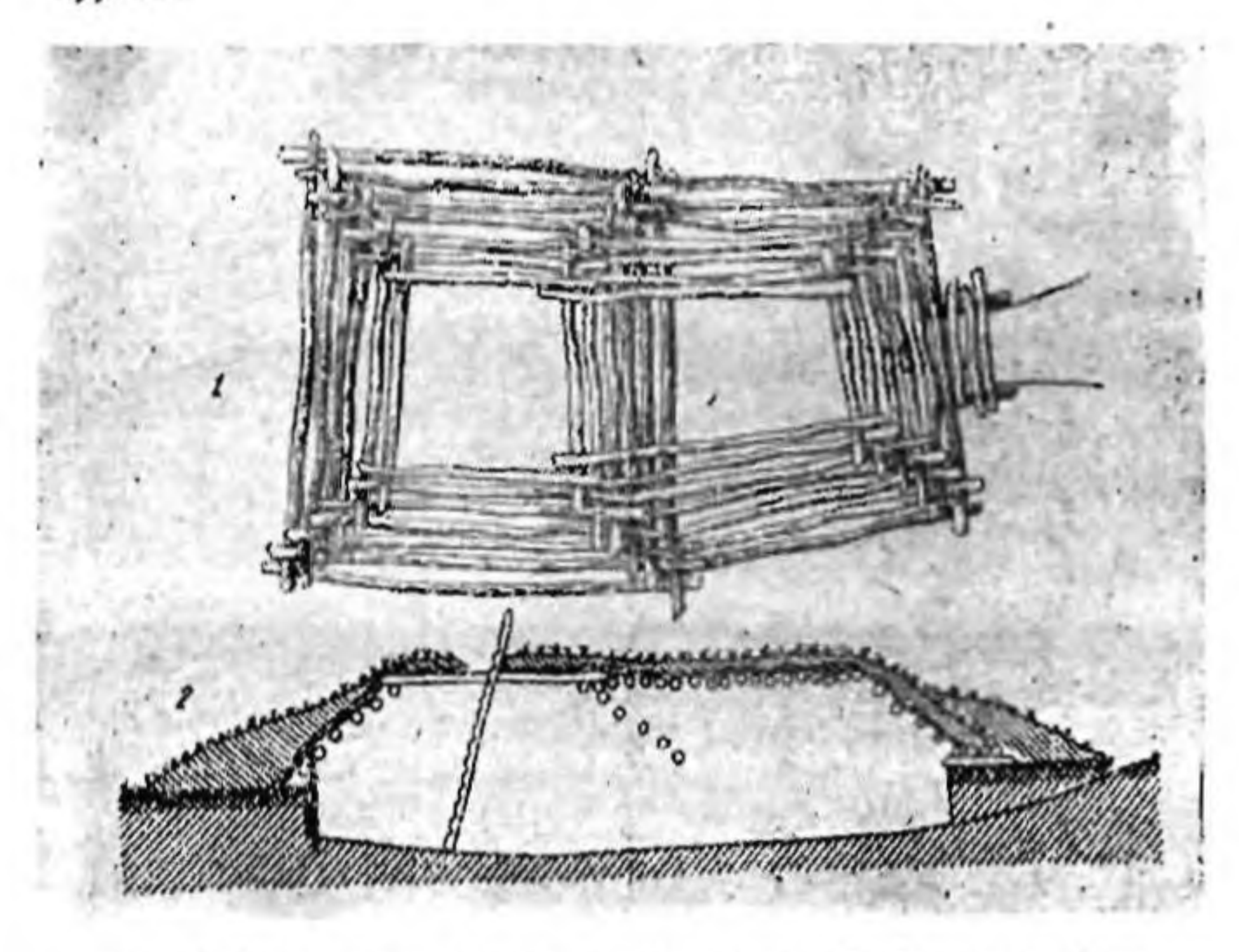

Рис. 36. Землянochное жилище на поселении срубной культуры близ хут. Ляпичева (по М. П. Грязнову):
1 — вид сверху; 2 — продольный разрез.

Наиболее благоустроенная северная половина землянки предназначалась для людей. Стены этой части жилища были закреплены плетнем. Здесь была найдена основная масса вещей и небольшое количество различных ям хозяйственного назначения. В некоторых ямках стояли глиняные сосуды. В этой половине (площадью в 50—70 *кв м*) могло жить несколько семейств. В таком случае во всем поселке обитало до 200 человек. В южной половине землянки в зимнее время, по-видимому, содержался скот, который разводили местные жители. При раскопках на поселении найдено много костей коровы. В меньшем количестве встречаются кости овцы, лошади и свиньи.

Для освещения жилища и для выхода дыма от очага служило центральное отверстие в крыше. Это же отверстие являлось основным зимним входом и для людей, которые спускались по лестнице, имевшей вид бревна со ступенчатыми зарубками. Кроме того, жилища имели с южной стороны еще один боковой вход с наклонным спуском. Этот вход вел в помещение для скота.

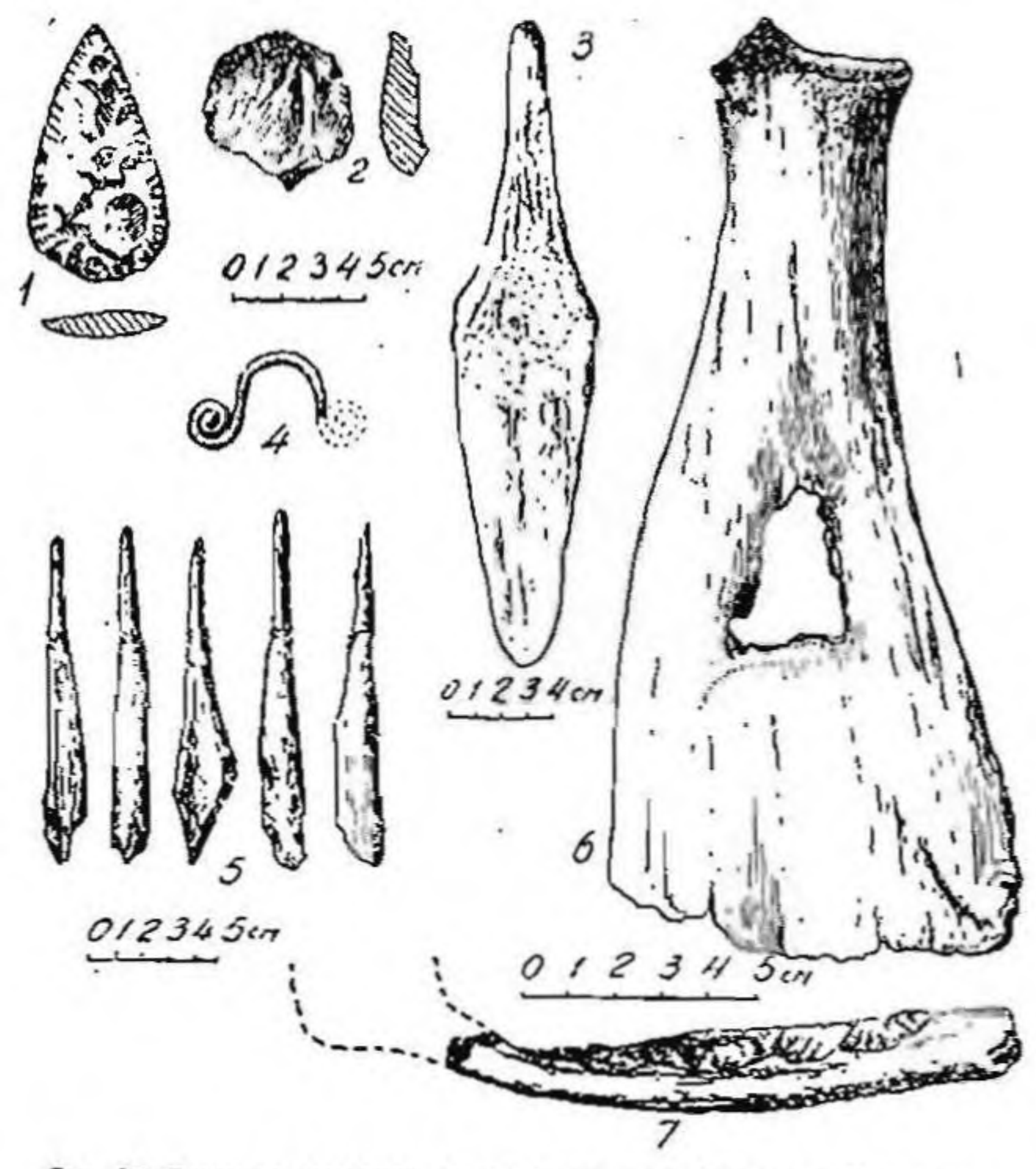

Рис. 37. Вещи из землянок срубной культуры близ хут. Ляпичева.
1, 2 — изделия из камня; *3, 4* — бронза; *5, 6, 7* — кость;

Существование подобных землянок подтверждается рядом этнографических фактов. Так, греческий писатель Ксенофонт сообщает сведения о жилищах этого типа, которые он сам наблюдал в V в. до н. э. на территории древней Армении. «Дома здесь были подземные, с верхним отверстием наподобие колодца, но широким внизу. Впуски для

скотины были вырыты в земле, а люди спускались вниз по лестнице. В домах находились козы, овцы, коровы и птицы со своими детенышами; весь скот питался в домах сеном. Там хранились также пшеница, ячмень, овощи и ячменное вино в кратерах»[1].

При раскопках поселения у хут. Ляпичева были найдены обломки горшков типичной для срубной культуры баночной и острореберной формы, украшенные насечками, отпечатками зубчатого штампа, шнура и в редких случаях слаборельефным налепным валиком с косыми насечками. Металлические изделия представлены литым бронзовым ножом и очковидной медной подвеской. Из камня был сделан кремневый наконечник стрелы, круглой скребок, кварцитовые зернотерки, от которых найдено несколько отщепов, и пр. Среди костяных изделий имеются тупики из нижней челюсти коровы, предназначенные для разминания кожи, совкообразное орудие из лопатки лошади. Очень интересна находка костяных спиц для натягивания нитей основы примитивного ткацкого станка (рис. 37, 5).

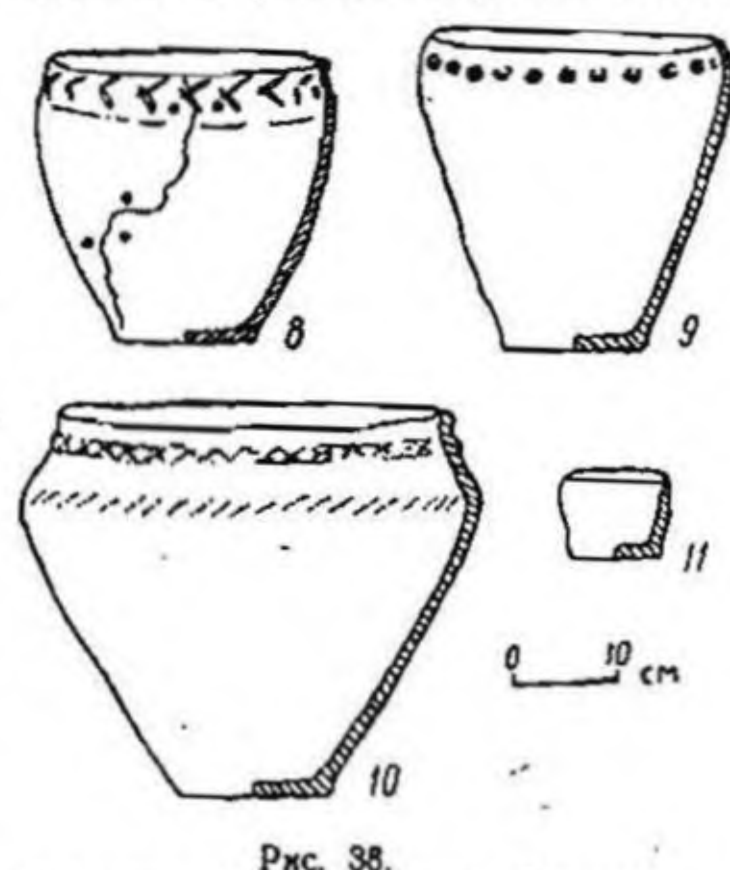

Рис. 38.
Керамика поселения у хут. Ляпичева.

Аналогичное поселение срубной культуры с большими жилищами, предназначенными для обитания многолюдных патриархальных семей, раскопано А. П. Смирновым и Н. Я. Мерпертом у дер. Хрящевки на Средней Волге. Здесь были найдены своеобразные первобытные «холодильники» в виде глубоких, тщательно выложенных деревом погребов, на дне которых всегда было прохладно. Глубина таких погребов-«холодильников» достигала 5 м. В погребах найдены кости домашних животных и сосуды для хранения пищи.

Поселения срубной культуры, как уже отмечалось, зафиксированы и в ряде пунктов бассейна Донца. К наиболее ранним, датируемым первым периодом развития срубной

---

[1] Ксенофонт. Анабасис. Кн. IV, гл. V, 25 Пер. М. И. Максимовой, М.-Л., 1951.

культуры (XVI—XIV вв. до н. э.), О. А. Кривцова-Гракова относит стоянки у с. Герасимовки и у с. Лукьяновки на р. Оскол. На лукьяновской стоянке обнаружены остатки жилищ, аналогичных жилищам у хут. Ляпичева. Керамика

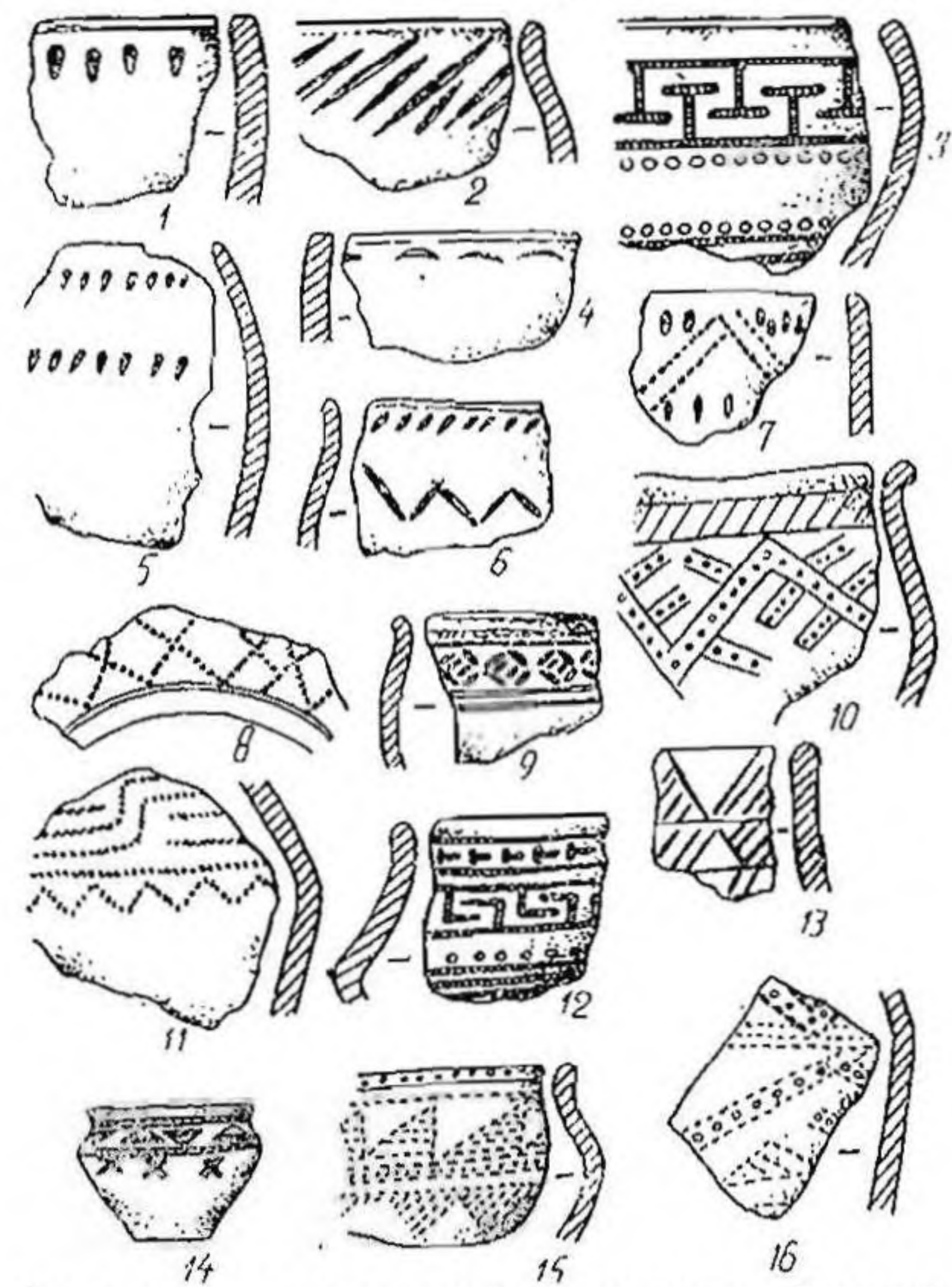

Рис. 39. Керамика поселений срубной культуры у с. Лукьяновки на р. Оскол (по О. А. Кривцовой-Граковой).

лукьяновской стоянки (рис. 39) в основном сходна с керамикой поволжских поселений срубной культуры, но имеет все же ряд особенностей. Здесь у многих сосудов темная, почти черная лощеная поверхность. В орнаментации наряду

с простыми узорами встречаются весьма сложные, образованные отпечатками шнура или зубчатого штампа. Особо надо отметить наличие сосудов, у которых вдавленные или врезанные линии узора заполнены белой пастой. Керамика этого типа обнаружена не только на поселениях данной территории, но и в курганном погребении близ ст. Борки.

В 1956 г. другое раннесрубное поселение на р. Осколе раскапывалось С. С. Березанской у с. Рубцы, Донецкой области. Были вскрыты две землянки и часть зольника, образовавшегося в результате того, что золу из очагов вместе с костями животных, обломками керамики и другими хозяйственными остатками долгое время выбрасывали в одно место на краю поселения.

Одна из рубцовских землянок имела в плане форму прямоугольника размером 8 × 6 *м*. Шесть парных столбовых ям делили помещение на две неравные части. В северо-восточном углу жилища, недалеко от входа, находился сложенный из камней очаг. Около последнего найдены три сосуда и много расколотых на части и обожженных костей животных. Вторая землянка была меньшей по размеру (7,4 × 7,6 *м*). Очаг здесь был расположен в центре жилища и представлял собой обожженное докрасна блюдцеобразное углубление. С трех сторон около очага удалось обнаружить остатки вкопанных наклонно столбиков, которые в древности образовали треногу для подвешивания сосудов над огнем.

В 1955 — 1957 гг. у с. Янохина на р. Осколе было частично исследовано еще одно поселение, относящееся к раннему этапу развития срубной культуры.

Своеобразие северодонецких памятников, отличающее их от поволжских, особенно в типах керамики, еще сильнее ощущается на втором этапе развития срубной культуры, который О. А. Кривцова-Гракова относит к XIII—XII вв. до н. э.[1]. По-видимому, этим временем датируется обнаруженная В. А. Городцовым стоянка на берегу озера Чернецкого, около хут. Хайловщина (Зливки) в Донецкой обл. Здесь, кроме обломков глиняных горшков и жаровень, были найдены каменные зернотерки, глиняные пряслица от веретен, полированный топор-молот из диорита, кремневый скребок, бронзовое шило и медные шлаки, свидетельствующие о местной плавке металла. К этой же группе принадлежит стоянка у ст. Васищево, в Харьковской обл., где интересный подъемный материал собрали А. А. Потапов и И. Н. Луцкевич (рис. 40), и поселение у с. Пески Радьковские, на берегу Оскола, где в 1956 г. автору удалось вскрыть часть земляночного жилища, по-видимому, такого же устройства, как и на стоянке у хут. Ляпичева.

На всех этих поселениях найден типичный для второго этапа развития срубной культуры керамический материал.

Остробереные сосуды в это время постепенно исчезают, а баночные продолжают существовать. Наряду с последними часто встречаются горшки покатыми плечиками и слабо отогнутым венчиком. Края венчиков иногда заострены. Особенно характерны орнаментальные валики, отделяющие шейку сосуда от плечиков. В отличие от поволжской срубной керамики на Донце встречаются горшки, украшенные по краю защипами и «наколами с горошиной», в чем явно чувствуется влияние соседних, более северных племен Левобережья.

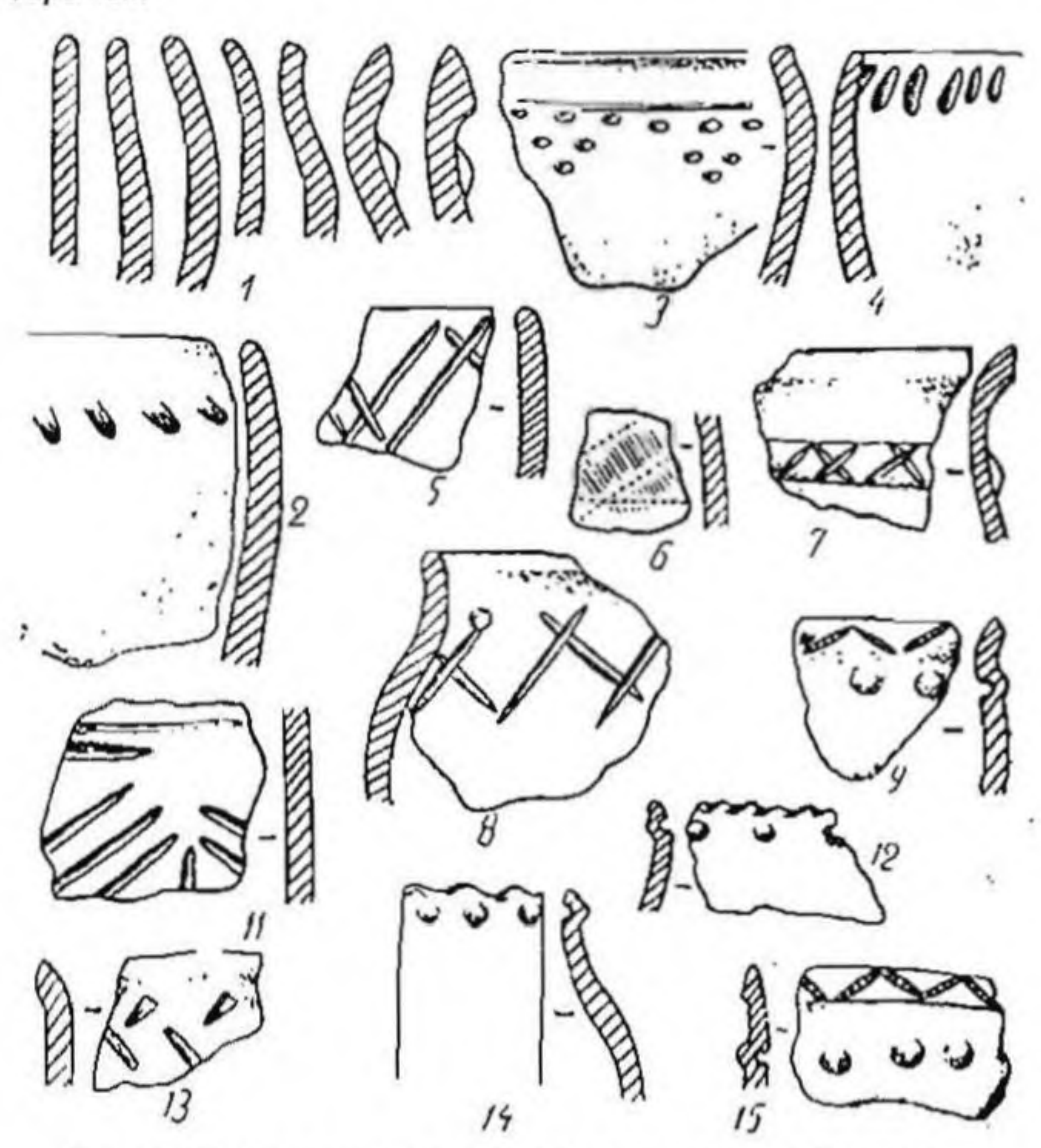

Рис. 40. Керамика поселения срубной культуры у с. Васищева. (по О. А. Кривцовой-Граковой).

Металлических изделий как на поселениях, так и в погребениях найдено немного. Ими дорожили и редко теряли их, а испорченные вещи пускали в переплавку. Однако даже то,

что найдено, свидетельствует о значительном усовершенствовании металлургической техники и о большем разнообразии форм вещей по сравнению с предыдущей эпохой начала бронзового века.

Основным хозяйственным орудием был проушной бронзовый топор, производительность которого была довольно высока. Для срубной культуры характерны вислообушные бронзовые топоры (рис. 41, 1—2), хотя встречаются иногда и другие типы. Применялись еще и каменные топоры-молоты. Бронзовые листовидные ножи усовершенствовались. В отличие от более ранних они уже имели хорошо выраженные уступы, отделяющие лезвие от черенка рукоятки (рис. 41, 8—10). Такие ножи хорошо резали мягкий материал (кожу, дерево), а большие экземпляры могли использоваться как кинжалы. Однако кремневые ножи еще не вышли из употребления как более доступные и более приспособленные для обработки твердых материалов (кость, рог). По-прежнему встречаются четырехгранные шилья; некоторые из них бывают вставлены в костяные ручки (рис. 41, 14). Изредка попадаются бронзовые иглы с ушком, напоминающие современные стальные швейные иглы очень крупных размеров (рис. 41, 18 и 44, 14). Найдены узкие и длинные клиновидные тесла (рис. 41,3 и 44, 3) и втульчатые долота с узким лезвием (рис. 41, 13).

Из предметов вооружения чаще всего попадаются наконечники стрел. Их обычно делали из кремня, реже — из кости. Но в самом конце бронзового века уже появляются, хотя и в очень небольшом количестве, массивные втульчатые наконечники стрел из бронзы. Втульчатые наконечники копий, сделанные из бронзы, и бронзовые кинжалы (рис. 41, 11—12) встречаются редко.

Особенно знаменательно для этой эпохи появление довольно разнообразных земледельческих орудий. Кроме каменных и роговых мотыг встречаются уже мотыги, сделанные из бронзы. В качестве мотыг могли применяться и упомянутые выше длинные клиновидные тесла. Широкое распространение получают бронзовые серпы с массивным лезвием и небольшим крюком на конце, который служил для упора руки (рис. 41, 4—5). Для очистки предназначенного под посев участка земли от кустарника и бурьяна употреблялись специальные косари (рис. 41, 6). Впрочем функции этого орудия, как правило, заметил Н. Я. Мерперт, были более разнообразны. При помощи такого косаря или секача обрубали сучья и грубо обрабатывали стволы срубленных деревьев, заостряли колья и выполняли другие аналогичные работы. Для размола зерна применялись каменные зернотерки.

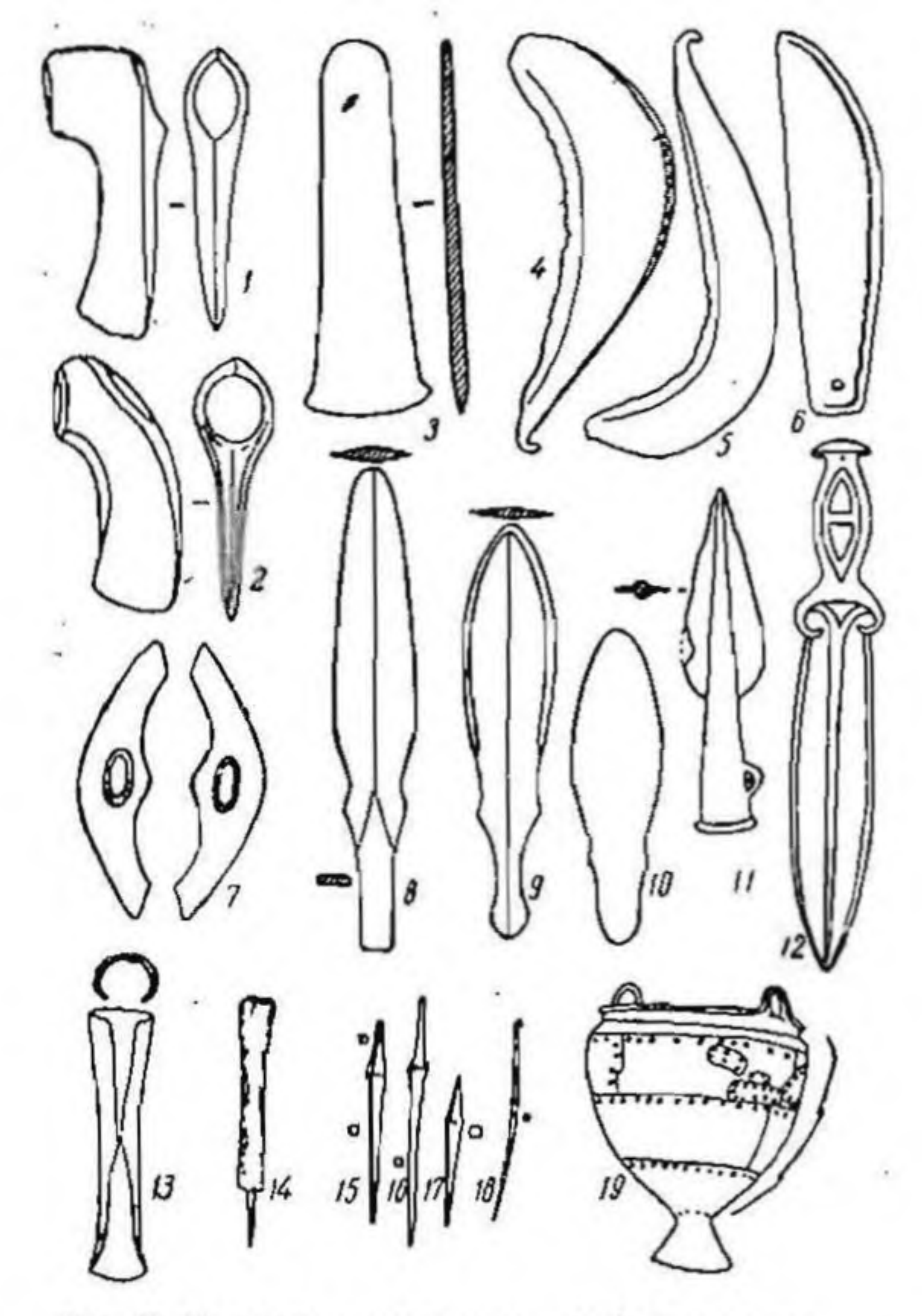

Рис. 41. Бронзовые и медные вещи срубной культуры:
1, 2 — вислообушные топоры; *3* — тесло; *4—5* — серпы; *6* — косарь; *7* — застежки от удил; *8, 9, 10,* — ножи; *11* — наконечник копья; *12* — кинжал; *13* — долото; *14* — шило с костяной ручкой; *15—17* — шилья; *18* — игла; *19* — котел. Места находок: *1* — Дурасовка Саратовской области; *2, 10, 13* — Царев курган близ г. Куйбышева; *3* — курган в Волгограде; *4, 5* — Овсянки Оренбургской области; *6, 12* — ст. Сосновая Маза близ г. Хвалынска; *7* — курган № 4 у с. Ягодного Куйбышевской области; *8* — Куйбышевская область; *9* — с. Кротовка близ г. Куйбышева; *11, 18* — Покровский могильник близ г. Энгельса; *14* — курган № 5 у с. Ягодного Куйбышевской области; *15* — ст. Андрюковская Краснодарского края; *16* — ст. Константиновская Краснодарского края; *17* — с. Селимовка Донецкой области; *19* — находка на территории г. Николаева.

Разнообразие земледельческих орудий убедительно свидетельствует о том, что удельный вес земледелия в хозяйстве племен срубной культуры был значительным. К сожалению, мы еще плохо знаем, какие выращивались культуры. Предполагают, что, кроме проса, срубным племенам была уже известна пшеница.

Украшения в женских могилах срубной культуры встречаются в небольшом количестве. Среди них можно отметить

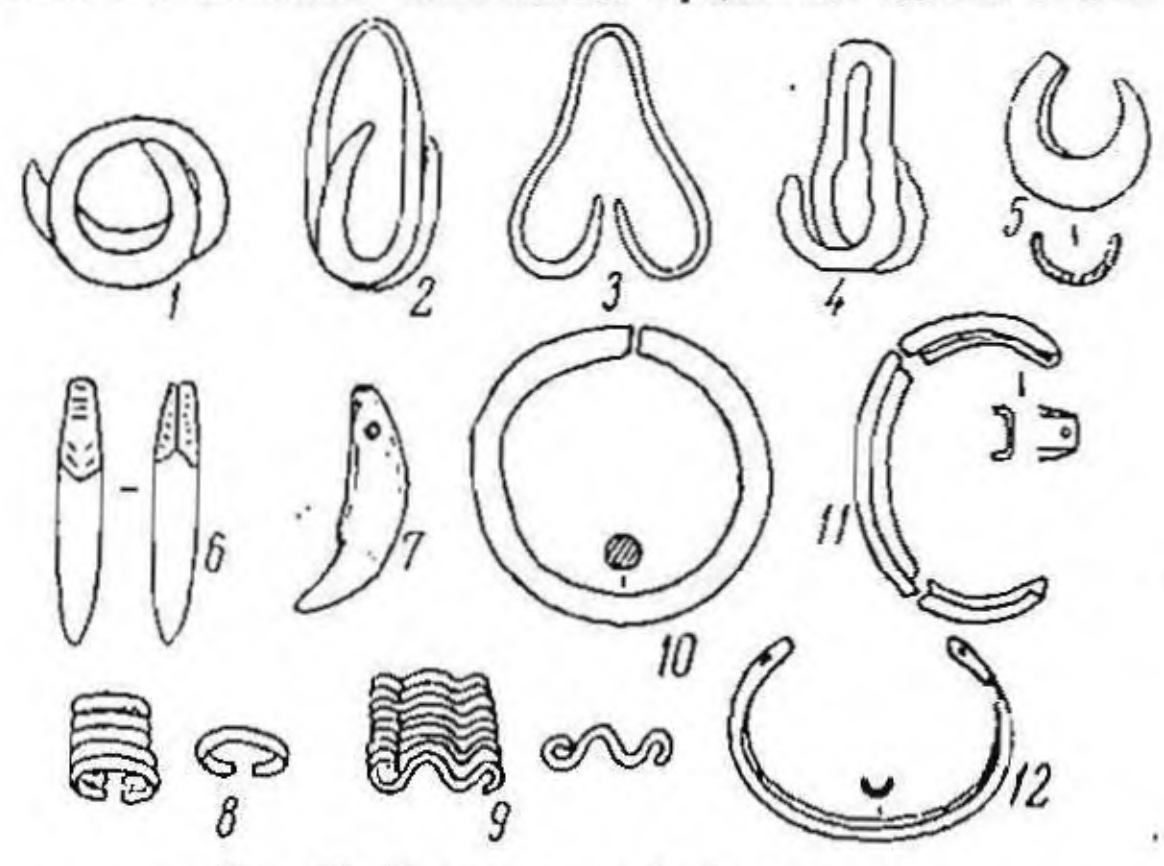

Рис. 42. Украшения срубной культуры:
1—5 — височные кольца; *6* — подвеска для косы; *7* — подвеска от ожерелья из клыков собаки; *8—9* — украшение из пронизей; *10* — массивный браслет; *11, 12* — желобчатые браслеты; *4* — золото; *7* — зуб собаки, остальные вещи сделаны из бронзы. Места находок: *1, 5, 8—12* — Покровский могильник близ г. Энгельса; *3* — курган № 5 у с. Ягодного в Куйбышевской области; *4* — курган № 5 у с. Хрящевки Куйбышевской области; *2, 6* — курган у г. Чардым; *7* — курган № 7 у с. Хрящевки.

бронзовые спиральные височные кольца в полтора оборота, ребристые пронизи, желобчатые и круглые в сечении браслеты, бронзовые и мелкие пастовые бусы (рис. 42).

В конце бронзового века металл уже настолько прочно вошел в быт, что в Поволжье и в Северном Причерноморье появляется, хотя и в очень ограниченном количестве, металлическая посуда в виде больших медных котлов (рис. 41, 19). Эти котлы склепаны из широких металлических полос, края которых слегка заходят один за другой и скреплены заклепками. Техника изготовления таких котлов очень напоминает лепку глиняной посуды ленточным способом.

Основные типы металлических и иных изделий, характерных для срубной культуры, найдены и на территории бассейна Донца. При раскопках В. А. Городцова и А. С. Федоровского в погребениях обнаружены характерные бронзовые ножи (рис. 44, 9—11), рисунок типичного вислообушного топора из находок вблизи Изюма был опубликован Н. В. Сибилевым (рис. 44, 4). Вислообушный, но массивный и широкий топор имеется среди коллекции вещей, собранных у Куряж-

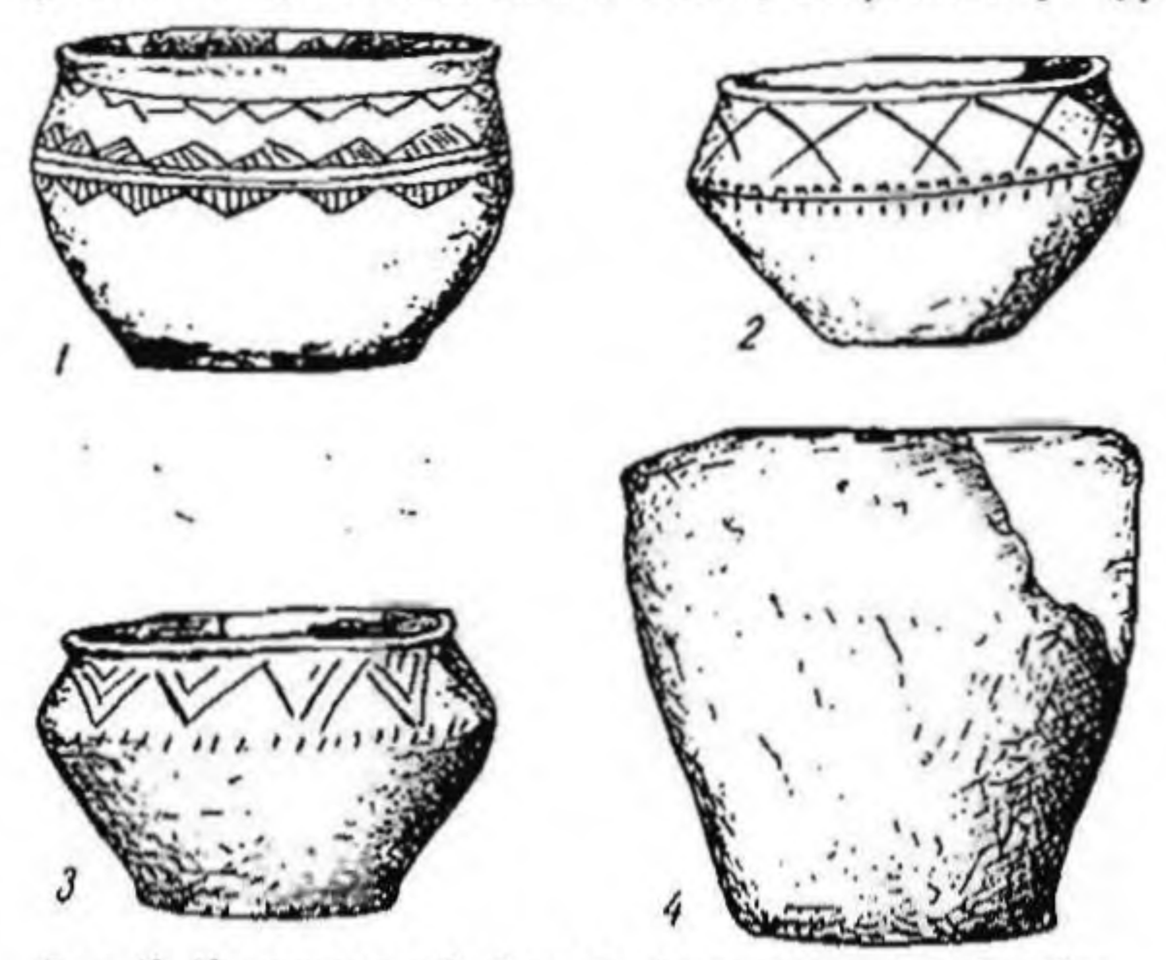

Рис. 43. Керамика срубной культуры из находок в бассейне Донца:
1—3 — из раскопок В. А. Городцова; 4 — из раскопок автора у с. Пески Радьковские.

ского монастыря (рис. 44, 1). Последний относится, по-видимому, к местному типу срубных топоров и похож на один из топоров, находившихся в кладе литейщика у с. Скакун в Курской области, а также на аналогичный топор из Колонтаевского клада. Длинное и узкое клиновидное тесло прикубанского типа и два проушных топора найдены у хут. Кнышевки на Купянщине (рис. 44, 2—3). Встречаются бронзовые шилья и иглы (рис. 44, 13—14).

Очень интересный, но не сохранившийся полностью клад бронзовых вещей был найден в 1956 г. одним местным жителем у станции Карачевка. В кладе были бронзовые крюкастые серпы, наконечник копья, мотыга и еще один предмет, форму которого нельзя установить. К сожалению, для Археологического музея Харьковского университета уда-

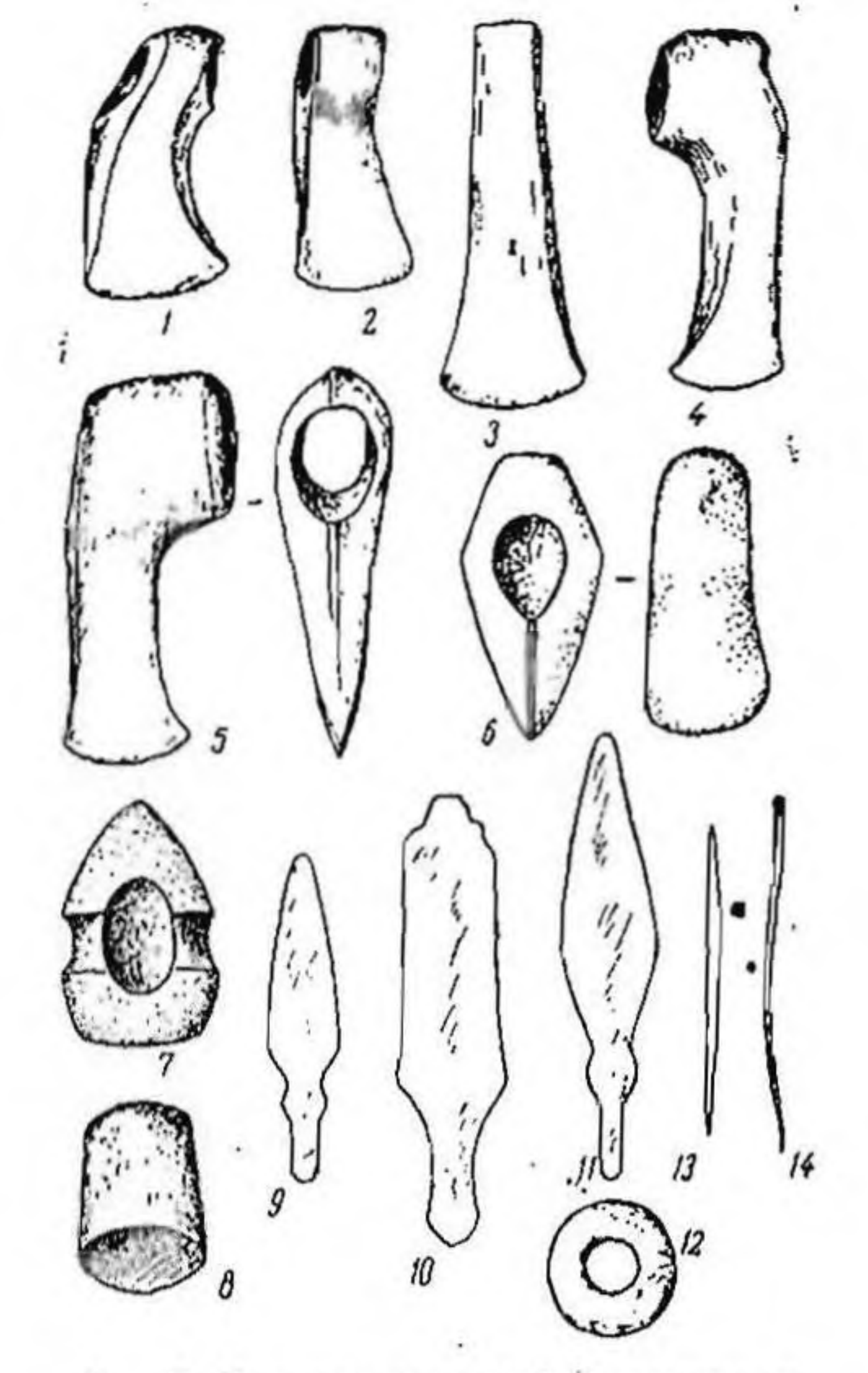

Рис. 44. Различные вещи срубной культуры из находок в бассейне Донца:
1, 2, 4, 5 — бронзовые топоры; *3* — бронзовое тесло; *6, 7* — каменные топоры-молоты; *8* — каменный пест; *9, 10, 11* — бронзовые ножи; *12* — костяная кольцевая пряжка; *13* — бронзовое шило; *14* — бронзовая игла. Места находок: *1* — Куряж; *2, 3* — хут. Кнышевка близ Купянска; *5* — хут. Бабенков; *6* — хут. Берестянка Петровского района; *10* — с. Сеньково; *11, 12* — г. Волчанск; *7, 9, 13, 14* — из раскопок В. А. Городцова в бывш. Изюмском у. Харьковской губ.

лось преобрести только одну бронзовую втульчатую мотыгу. Остальные вещи были уничтожены нашедшим. На древнем поселении у с. Пески Радьковские найдены кремневый нож, несколько овальных кремневых скребков, метательные шаровидные камни для пращи, кварцитовый терочник, отщепы.

Хотя в обеспечении племен срубной культуры в Причерноморье металлическими изделиями по-прежнему еще значительную роль играл северокавказский металлургический центр[1], все же имеются разнообразные следы и местного металлургического производства. Кроме упомянутых выше находок необходимо отметить еще половинку литейной формочки из мергеля, обнаруженную на селище срубной культуры

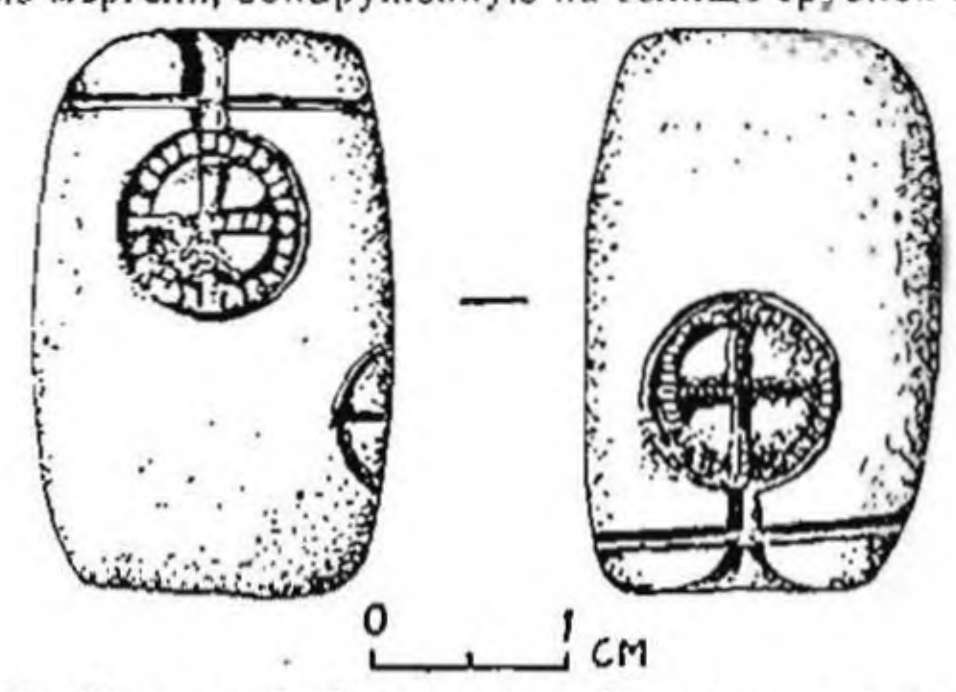

Рис. 44а. Часть литейной формочки, найденная на селище срубной культуры у с. Лукьяновка (Гос. Эрмитаж)

у с. Лукьяновка на р. Оскол при раскопках К. Г. Болтенко в 1934 г. На одной стороне прямоугольной формочки, которая хранится сейчас в Гос. Эрмитаже, вырезан шаблон для отливки украшения в виде колесовидной подвески с ушком (рис. 44а). На обратной стороне имеется поврежденный шаблон для отливки такой же подвески и еще часть подобного шаблона. Все это указывает на то, что каменная формочка использовалась долго. После того, как старые шаблоны приходили в негодность, каменную плитку не выбрасывали, а на свободном месте вырезали новый шаблон. Следовательно, на селище у с. Лукьяновка в течение длительного времени было организовано массовое производство украшений, (которые пользовались несомненно большой популярностью. Надо полагать, что дело не ограничивалось только украшениями. По-видимому значительное количество бронзовых орудий произ-

[1] Для Поволжья со средины II тысячелетия до н. э. отмечается усиление связей с Южным Приуральем.

водства и предметов вооружения изготавливалось в эту эпоху также местными мастерами.

БОНДАРИХИНСКАЯ КУЛЬТУРА ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

На рубеже перехода от бронзового века к раннему железному веку, иначе говоря, в предскифскую эпоху племена позднесрубной культуры были не единственными обитателями берегов Донца и его многочисленных притоков. Археологические находки показывают, что здесь жило несколько групп населения, отличавшихся друг от друга рядом особенностей своей культуры. Не все эти группы в настоящее время выявлены достаточно четко. Однако уже сейчас имеется возможность установить, что в северной, преимущественной лесостепной части бассейна Донца жила какая-то группа населения, оставившая нам памятники своеобразной культуры, которая от одного из селищ в окрестностях г. Изюма получила название бондарихинской. Известные в настоящее время материалы позволяют датировать основные памятники бондарихинской культуры VIII—VII вв. до н. э., хотя не исключена возможность, что она появилась несколько раньше, еще в IX в. до н. э.

Памятники бондарихинской культуры были впервые открыты и выделены из ряда других памятников конца бронзового — начала железного века в 1950—1951 гг. Открыли эту культуру археологи Харьковского университета и Института археологии АН Украинской ССР, работавшие независимо друг от друга в разных пунктах на территории Харьковской области.

Еще во время разведок 1950 г. на селище у с. Большой Даниловки под Харьковом внимание автора этой книги привлек своеобразный керамический комплекс эпохи позднего бронзового века. Влияние срубной культуры здесь ощущается, но в целом он отличается от обычных комплексов этой культуры [1].

Селище у с. Большой Даниловки расположено на песчаных дюнах пойменной террасы правого берега р. Харькова. Исследования показывают, что селище это многослойно и содержит отложения, относящиеся к бронзовому веку, к поздне скифской эпохе, к культуре полей погребальных урн черня-

---

[1] В 1955 г. на секционном заседании пленума ИИМК АН СССР автор этой книги прочитал доклад о новых памятниках предскифского времени на Сев. Донце: было установлено, что своеобразные памятники типа Б. Даниловки и Шмаровки следует датировать VIII—VII вв. до н. э., отмечены черты, сближающие эти памятники с чернолесской культурой и сделан вывод об отсутствии генетической связи с местной культурой скифского времени. Содержание доклада было опубликовано в 67 вып. КС ИИМК (1957 г.). Краткие сведения о селище у с. Шмаровки были опубликованы в 54 вып. КС ИИМК еще в 1954 г.

ховского типа и к салтовской культуре. В некоторых местах есть участки, где культурный слой содержит находки только одного времени. Путем раскопок на селище была вскрыта площадь около 60 *кв. м*.

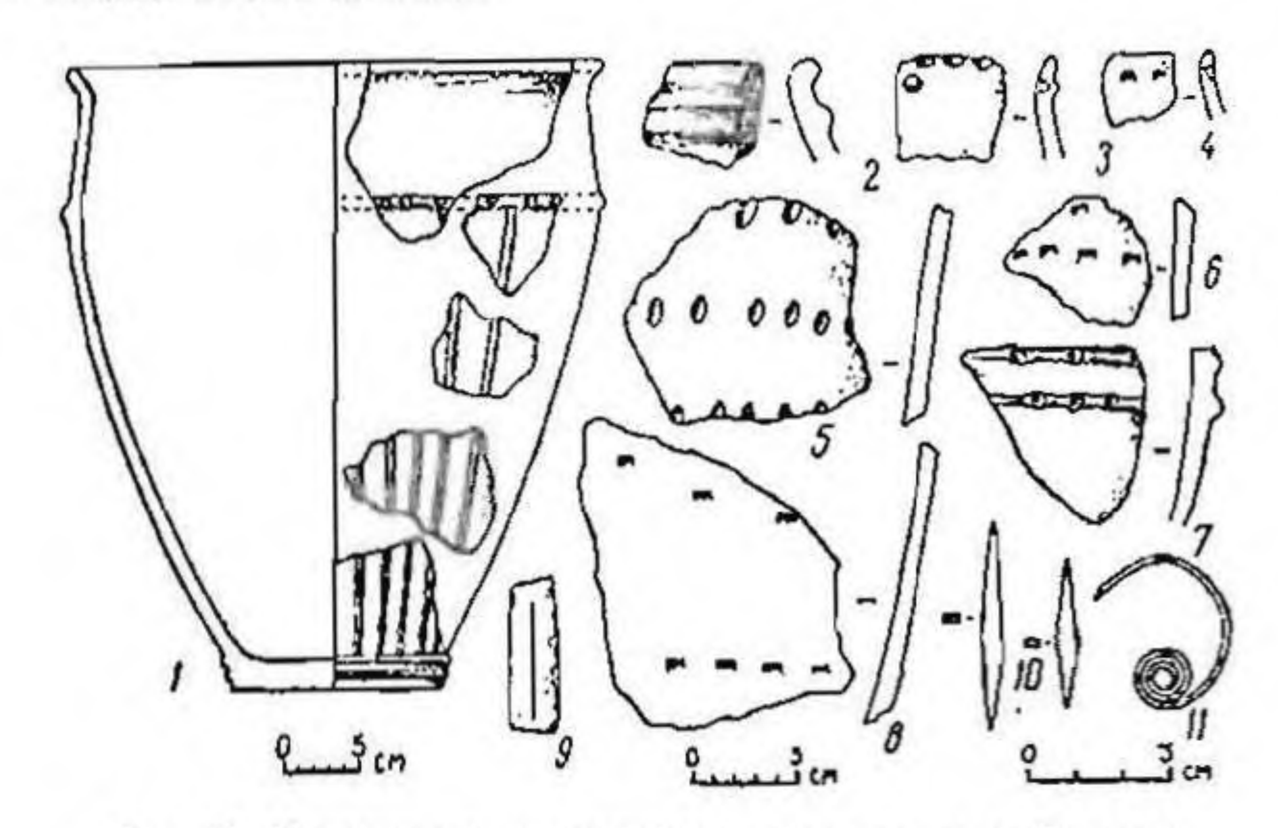

Рис. 45. Находки на многослойном поселении у с. Большая Даниловка около г. Харькова:
1—8 — образцы керамики; *9* — точильный брусок; *10* — медные шилья; *11* — бронзовая спиральная подвеска.

Материал предскифской эпохи представлен обломками глиняных сосудов, двумя бронзовыми шильцами ромбической формы, точильным бруском из песчаника со следами затачивания подобных шильев и небольшим спиральным височным кольцом (рис. 45,2—11).

Керамика представлена преимущественно обломками плоскодонных горшков со слабо отогнутым венчиком и горшков баночного типа. Орнамент очень часто наносился при помощи вдавлений, сделанных концом плоской или закругленной палочки. Эти вдавления образуют обычно очень характерные горизонтальные ряды или треугольники (рис. 45,4—6,8). Весьма распространены были глиняные сосуды-дуршлаги, предназначенные для процеживания каких-то жидкостей.

Особое место среди находок занимает своеобразный широкогорлый сосуд, орнаментированный рядом горизонтальных и вертикальных налепных валиков. Форму его удалось полностью восстановить по обломкам венчика, стенок и дна (рис. 45,1). Обломки таких сосудов, отличающихся от обычной многоваликовой керамики некоторых вариантов позднекатакомбной культуры, встречаются на селище у Б. Даниловки в нижней части культурного слоя бронзового века.

На этом же поселении было обнаружено погребение, впущенное в нижнюю часть культурного слоя бронзового века. По остаткам скелета было видно, что покойник лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Около черепа стоял горшок баночной формы и лежало несколько костей коровы. Аналогичное погребение, но с западной ориентировкой покойника, было обнаружено на том же участке и в 1960 г.

Таким образом, у с. Б. Даниловки были обнаружены очень своеобразные культурные комплексы, среди которых в данном случае особенно интересен комплекс материалов предскифского времени.

В чистом виде комплекс бондарихинской культуры предскифской эпохи был обнаружен нами в 1951 г. на селище у с. Шмаровки Харьковского района. Это селище расположено на левом берегу р. Уды, в седловине между двумя высокими песчаными дюнами. Благодаря движению песков здесь обнажились остатки жилища скифской эпохи (IV—II вв. до н. э.) и лежащий значительно ниже культурный слой предскифского времени. В этом нижнем слое при раскопках были найдены кремневые отщепы, камень от зернотерки, кости коровы, лошади, овцы и свиньи. В нескольких местах попадались отдельные кусочки обожженной глиняной обмазки и небольшие скопления древних угольков.

Наиболее интересна среди находок керамика. Удалось найти один почти целый сосуд в виде высокого горшка, у которого край венчика и верхняя часть корпуса украшены пальцевыми вдавлениями (рис. 46, 2). Крупными обломками представлены остатки большого сосуда в виде корчаги с узким горлом и сильно расширяющимся туловищем (рис. 46,1). Этот сосуд не орнаментирован, но поверхность его тонких стенок в некоторых местах покрыта слабым коричневым лощением. Найдено также несколько фрагментов стенок сосудов с темно-серым лощением хорошего качества. На одном из таких фрагментов имеется геометрический орнамент из врезных линий, инкрустированных белой пастой (рис. 46,9).

Большинство отдельных обломков керамики принадлежит горшкам со слабо выраженными, покатыми плечиками и незначительно отогнутым венчиком (рис. 46, 4—8). Венчики иногда бывают украшены по краю косыми насечками или пальцевыми вдавлениями, а ниже — гладкими валиками, валиками с пальцевыми вдавлениями или наколами с «горошиной». Стенки сосудов обычно украшались вдавлениями пальцем либо концом округлой или плоской палочки. Эти вдавления образуют, как и на керамике из Б. Даниловки, горизонтальные ряды или треугольники. В одном случае встретилась комбинация рядов узких палочных вдавлений, разделенных линией мелкозубчатого штампа (рис. 46, 8).

Кроме глиняной посуды, при раскопках найдена часть, льячки с обломанной ручкой и глиняная поделка в виде бездонного конуса с многочисленными отверстиями в стенках (рис. 46, 3, 13). Возможно, такие сосуды предназначались для отделения творога от сыворотки. При таком использовании к нижней части конуса должен был привязываться кусочек ткани. Наличие как раз в этом месте узкой шейки без отверстий подтверждает такое предположение.

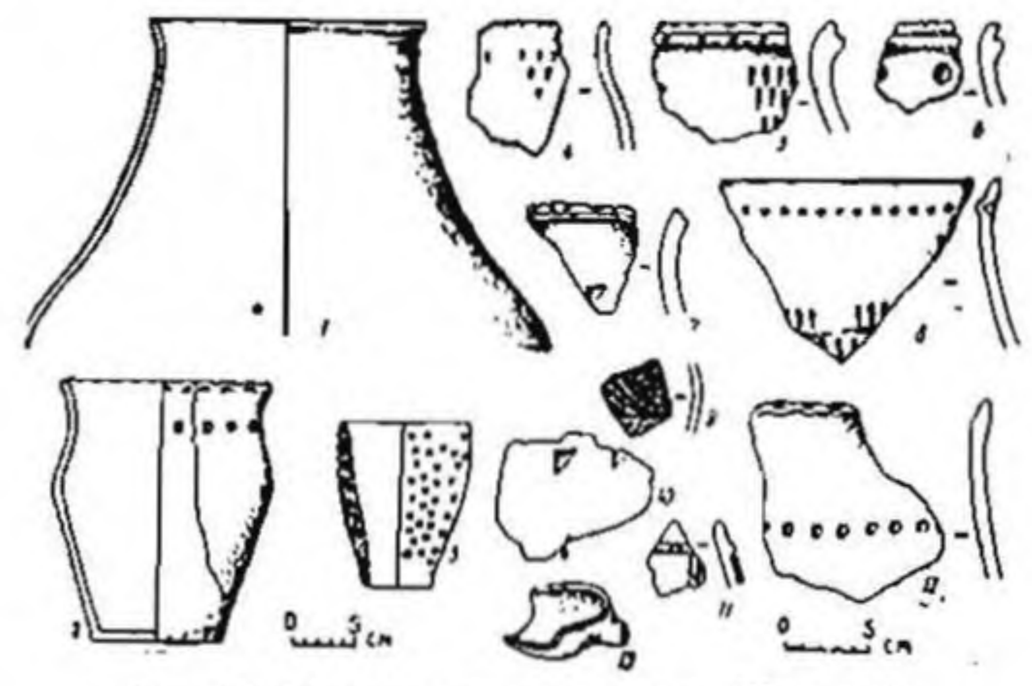

Рис. 46. Находки на селище у с. Шмаровки

Вся керамика изготовлена из сравнительно чистой глины с небольшой примесью песка. Очень редко встречаются другие примеси. В глиняной массе некоторых фрагментов заметны золотистые блестки слюды. Обжиг большинства черепков средний. Керамика с темно-серым лощением отличается большей тонкостью стенок и более сильным обжигом.

Комплекс керамики из поселения у с. Шмаровки уже резко отличается от керамики различных вариантов позднесрубной культуры степей Северного Причерноморья и в то же время имеет ряд очень близких аналогий в памятниках предскифского времени лесостепной полосы Приднепровья, что указывает на их одновременное существование и культурные связи. Тонкая лощеная керамика с геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, несомненно, не местного происхождения. Такая керамика проникает в бассейн Донца из более западных районов лесостепного Приднепровья.

Одновременно с нашими работами в Шмаровке в 1951 г. остатки поселения предскифского времени были открыты Д. Я. Телегиным и доисследованы в 1953 г. В. А. Ильинской в урочище Бондариха на левом берегу Донца, в 4—5 *км* ниже Изюма. Поселение это расположено на песчаной дюне

на краю боровой террасы. При раскопках здесь были обнаружены остатки эпохи неолита, позднего бронзового века, скифского времени и периода раннего средневековья. В данном случае особенно интересны находки позднего бронзового века, точнее предскифского времени, которые позволили значительно расширить наше представление о хозяйстве местного населения.

В урочище Бондариха были найдены остатки землянки прямоугольной формы, к сожалению, частично разрушенной при сооружении более позднего, раннесредневекового жилища. Ширина землянки — 4 *м*, а длина неповрежденной части достигает 10 *м*. Пол неровный. В северо-западной части землянки был расположен очаг, от которого сохранились куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Наличие глубоких цилиндрических ямок в полу свидетельствует о том, что перекрытие жилища поддерживалось деревянными столбами. Жилище, по-видимому, сгорело во время пожара. Поспешно покинувшие его жители не успели вынести многих вещей, и поэтому раскопки дали очень разнообразный материал.

В землянке, в культурном слое около нее и в хозяйственных ямах найдено много типичной для бондарихинской культуры керамики (рис. 47, 1—8) в виде горшков с прямым или слабо отогнутым венчиком, обломков глиняных дуршлагов, глиняное пряслице, выточенное из обломка стенки сосуда.

Помимо керамики, удалось найти ряд других изделий из камня, кости и металла. Только в одном месте — около очага — были обнаружены три кварцитовых зернотерки, два терочника от зернотерок, три кремневых вкладыша (рис. 47, 10) для серпов — целый комплекс орудий, свидетельствующих о занятии местного населения земледелием. Кроме того, семь кремневых вкладышей для серпов, кварцитовая зернотерка и терочники были найдены в других местах.

Из камня выделывались и другие орудия: кремневые скребки, ножи, шлифованные топоры. Довольно много обнаружено изделий из кости и рога; костяные шилья, тупики для обработки шкур, сделанные из ребер быка, несколько долотообразных орудий, костяное пряслице, просверленные бычья и конская бабка и пр. (рис. 47, 9, 11, 13—17).

В. А. Ильинская сопоставляет найденные здесь кремневые вкладыши для серпов с аналогичными вкладышами из поселений белогрудовской культуры начала I тысячелетия до н. э. и считает, что это сходство свидетельствует о синхронности (одновременности) памятников. Однако необходимо учитывать, что такие кремневые вкладыши для серпов существовали очень долго и встречаются в различных лесостепных памятниках предскифского и даже раннескифского

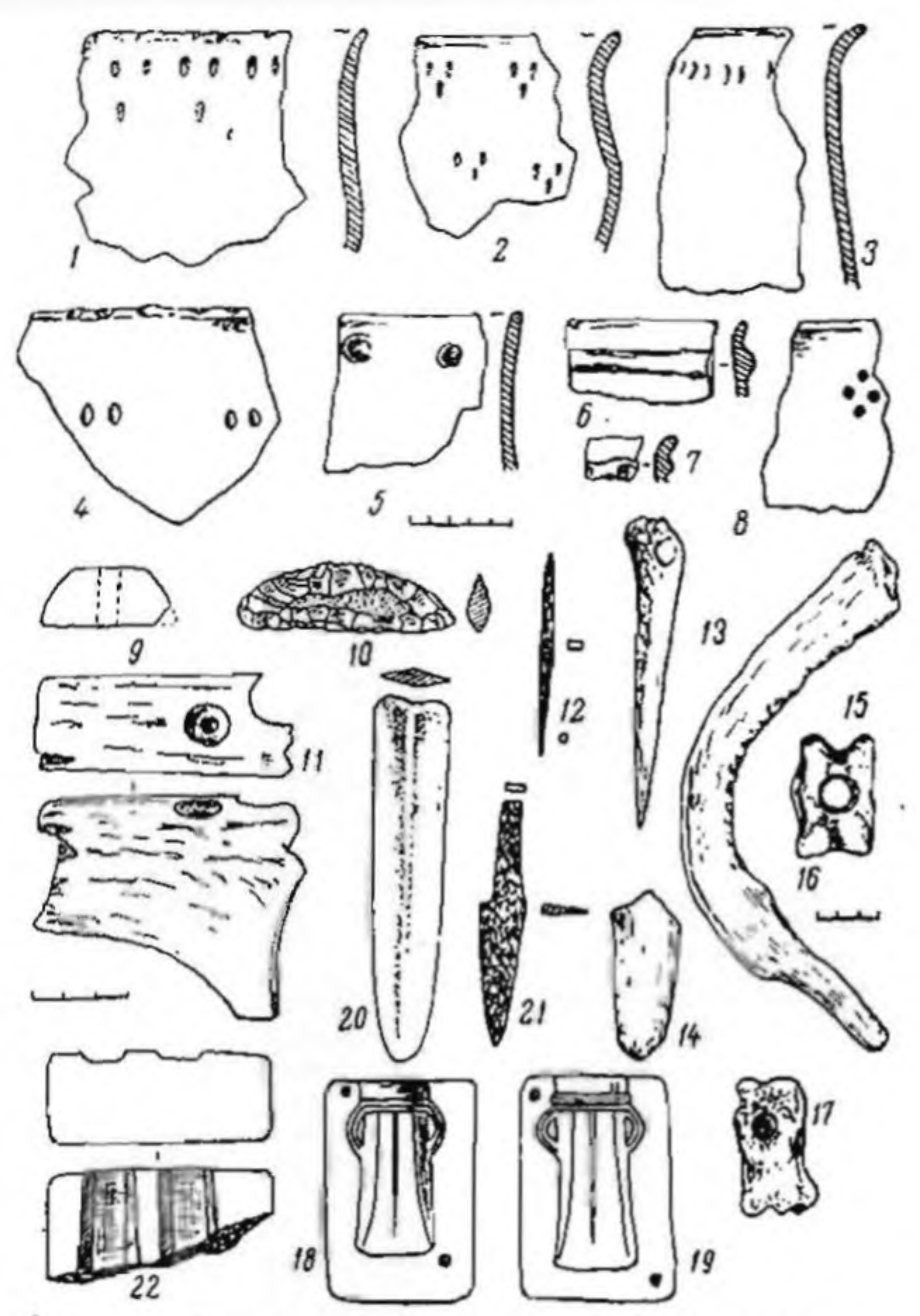

Рис. 47. Находки на поселениях предскифского времени в урочище Бондариха и у с. Оскол (по В. А. Ильинской): *1—8* — образцы керамики; *9* — костяное пряслице; *10* — кремневый вкладыш серпа; *11* — кусок оленьего рога с отверстием; *12* — железное шило, *13* — костяная проколка; *14* — долотообразное костяное орудие; *15* — тупик для обработки шкур, сделанный из ребра быка; *16—17* — просверленные кости; *18—19* — литейная форма для отливки кельтов; *20* — лезвие бронзового кинжала; *21* — железный век; *22* — обломок литейной формы; *1—19* — Бондариха; *20—22* — с. Оскол.

времени. Поэтому не следует преувеличивать древность бондарихинского поселения. Если сравнивать его с памятниками лесостепного днепровского Правобережья, то это поселение как и вся бондарихинская культура, хронологически ближе не к белогрудовской, а к чернолесской культуре конца IX — первой половины VII вв. до н. э.

При раскопках на бондарихинском селище удалось найти убедительные вещественные доказательства наличия местного бронзолитейного производства в предскифскую эпоху. Были обнаружены два обломка и одна целая половинка литейной формы из талькового сланца (рис. 47, 18—19). На обеих сторонах сохранившейся половинки формы были вырезаны шаблоны для отливки шестигранных топоров — кельтов с ушками. В отличие от обычных проушных топоров, которые, как и современные, надевались на почти прямую рукоятку, топоры-кельты прикреплялись к коленчатой рукоятке. Короткий конец последней вставлялся во втулку сверху. В ушки кельта пропускался ремень, который охватывал рукоятку и не позволял ей выскочить из втулки кельта. На боковой части той же литейной формочки был намечен контур шаблона для отливки бронзового ножа. На обломках формочек заметны контуры шаблонов кинжала и еще одного кельта.

Однако, по-видимому, местного металла не хватало для удовлетворения возросшего спроса на металлические изделия. Поэтому и в предскифскую эпоху в бассейне Донца продолжали проникать северокавказские изделия. Об этом свидетельствует находка бронзового топора кобанского типа у хут. Кнышевки на Купянщине и находка обломка лезвия такого же топора в окрестностях с. Васищево под Харьковом.

Из металлических изделий на поселении в урочище Бондариха в слое бронзового века была найдена одна небольшая, но весьма интересная вещь — четырехгранное железное шильце (рис. 47, 12). Позже, в 1956 г. на селище бондарихинской культуры у с. Оскола (Боровской район, Харьковской области) удалось найти лезвие бронзового кинжала и небольшой железный нож (рис. 47, 21). Эти находки особенно ясно показывают, что бондарихинская культура существовала в переходную эпоху, когда в хозяйстве применялись еще разнообразные бронзовые орудия производства, но наряду с ними появились первые изделия из железа.

В настоящее время раскопки производились только на упомянутых выше памятниках, но в ходе разведок на территории Харьковской области обнаружен еще ряд поселений бондарихинской культуры (у сел Новая Покровка, Коробовы Хутора, Верхняя Писаревка, Мерефа и др.). Особо следует отметить открытое автором в 1959 г. поселение, расположен-

ное к югу от с. Верхней Писаревки. Это поселение относится к позднему этапу существования бондарихинской культуры и интересно тем, что здесь, наряду с обычными для бондарихинской культуры типами глиняной посуды, обнаружены обломки горшков, украшенных по краю венчика косыми насечками и сквозными проколами. Такая орнаментация керамики очень характерна для лесостепных культур скифского времени и появление ее на сосудах бондарихинской культуры

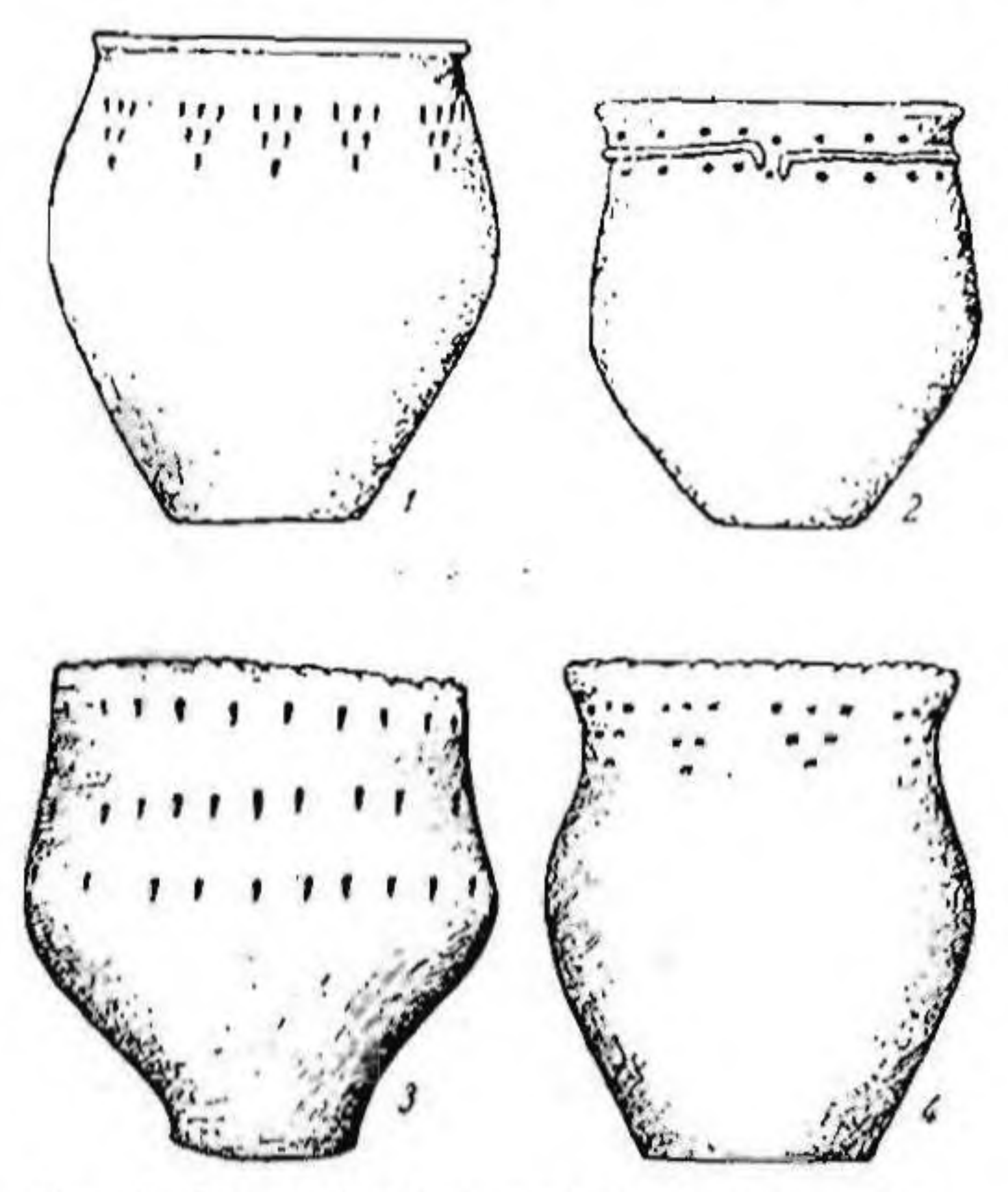

Рис. 48. Сосуды бондарихинской культуры из различных поселений:
1 — Оскол; 2 — Хухра; 3 — Б. Базы; 4 — Мерефа.

указывает на хронологическую близость существования этих культур и на взаимное влияние. Область распространения памятников бондарихинской культуры не ограничивается лесостепной частью бассейна Донца и его притоков. Селища этой культуры известны уже в бассейне р. Ворсклы (раскопки Г. Т. Ковпаненко у с. Хухры в Сумской обл.), в бассейне р. Псла (разведки автора в 1958 г. у сел. Картамышево,

Гридасово, Бушмино в Курской обл.) и в бассейне р. Сулы (разведки Е. В. Махно у с. Беседовки в Сумской обл.).

Происхождение бондарихинской культуры еще не совсем ясно. Генетическая линия развития этой культуры от марьяновской и малобудковской культур II тысячелетия до н. э., намеченная В. А. Ильинской, возможна, но пока еще не может считаться полностью доказанной. Некоторого сходства керамики еще недостаточно для такого вывода, который требует сопоставления всей совокупности данных — орудий производства, оружия, жилищ, погребений и т. п. К сожалению, полным комплексом этих данных мы еще не располагаем.

Весьма своеобразная бондарихинская культура предскифского времени непосредственно не увязывается со сменяющими ее где-то в VII—VI вв. до н. э. лесостепными культурами скифского времени в бассейнах Донца, Ворсклы, Псла и Сулы. Комплексы самой ранней керамики скифского времени характер поселений, устройство жилищ, обряд погребения, не говоря уже о наборах металлических вещей, существенно изменяются и почти не дают переходных форм.

Это позволяет сделать вывод о том, что в левобережной лесостепи, в частности, в бассейне Донца в конце предскифской эпохи по каким-то, еще не совсем ясным причинам происходило значительное передвижение племен. М. Я. Рудинский еще в 1928 г. высказал предположение о том, что бассейн Ворсклы был заселен в раннем железном веке племенами, пришедшими сюда с территории среднеднепровского Правобережья. Новые исследования ряда археологов подтверждают эту гипотезу. В частности, раскопки Г. Т. Ковпаненко поселения у с. Хухры в Сумской области показали, что бондарихинская культура прекращает здесь свое существование не позже первой половины VII в. до н. э. Вместо бондарихинской культуры на Левобережье появляется совершенно иная культура, в керамическом комплексе которой очень много чернолощенной глиняной посуды западных форм. Происхождение этой культуры скифского времени хорошо прослежено при изучении памятников на правом берегу Днепра, где, как показали работы А. И. Тереножкина и других археологов, она генетически связана с чернолесской культурой предскифского времени, а через последнюю — с белогрудовской культурой бронзового века.

Куда же исчезла бондарихинская культура, оставила ли она какой-то след в более поздних памятниках? В. А. Ильинская высказала недавно мысль о том, что бондарихинская культура может рассматриваться в качестве основы для сложения юхновской культуры раннего железного века в бассейне р. Десны. Материалы, полученные за последнее время, не противоречат этому выводу.

Проблема происхождения донецкой лесостепной культуры раннего железного века оказывается более сложной, чем это может показаться на первый взгляд. Как уже отмечалось, бондарихинская культура в том виде, в каком она нам сейчас известна, слишком отличается от местной культуры скифского времени. Так же неправильно было бы считать, что донецкая лесостепная культура скифского времени развивается на основе срубной культуры. Мы уже знаем, что в предскифский период (VIII—VII вв. до н. э.) в лесостепи была распространена бондарихинская культура (иногда с определенным влиянием срубной культуры, как на селище у с. Б. Даниловки); к концу этого периода в степи уже не было срубной культуры, а оформилась собственно скифская культура, отличающаяся от лесостепной.

Несмотря на то, что в последние годы археологи обращали много внимания на изучение лесостепных поселений в бассейне Донца, здесь не известно ни одного научного исследованного памятника, где бы слой раннескифского времени залегал непосредственно на отложениях срубной культуры и где можно было бы как-то проследить постепенный переход от срубной культуры к лесостепной культуре раннего железного века.

Ссылку на многослойное поселение у г. Мерефы нельзя считать достаточно убедительной. В. А. Ильинская в одной из своих статей опирается на выводы, содержащиеся в рукописном отчете И. Ф. Левицкого об исследовании древнего поселения близ Мерефы. Последний утверждал, что ему якобы удалось проследить здесь постепенное развитие местной керамики раннего железного века из позднесрубной. На самом деле выводы И. Ф. Левицкого совершенно не убедительны. Они основаны не на тщательных научных раскопках многослойного мерефянского поселения, а на материале, который в основном подобран в песчаном карьере буквально из-под ковша экскаватора. Только в нескольких местах удалось сделать небольшие шурфы, в которых слой бронзового века, как отмечает сам И. Ф. Левицкий, везде отделялся значительной стерильной прослойкой от слоя скифского времени, кстати не очень раннего. Мне несколько раз приходилось осматривать мерефянское поселение в 1948, 1950 и 1957 гг. Всегда наблюдалась такая же стратиграфия: везде, кроме ям, скифский слой не соприкасался со слоем бронзового века. К тому же последний неоднороден и в нем довольно часто встречается керамика, типичная для бондарихинской культуры. Разделение И. Ф. Левицким керамики на генетически якобы связанные между собой формы основано не на стратиграфических данных, а на искусственной комбинации обломков, взятых преимущественно из подъем-

ного материала. При этом в реконструкциях сосудов иногда допущены грубые ошибки. Например, дно миски с кольцевым поддоном присоединено к верхней части горшка. Разумеется, при решении сложных проблем генезиса трудно опираться на выводы, имеющие такое шаткое основание.

Известные нам материалы свидетельствуют о том, что лесостепная культура раннего железного века появляется на Донце лишь с VI века до н. э. (по крайней мере, до сих пор более ранние памятники не обнаружены) и к этому времени основные характерные для нее черты уже сформировались. Сходство с памятниками скифского времени в бассейнах р. Ворсклы, Псла и Сулы свидетельствует о том, что в начале раннего железного века лесостепь Левобережья Украинской ССР была заселена выходцами из Правобережья, которые, продвигаясь на восток, уже в VI в. до н. э. прочно осели и в бассейне Донца. Вместе с тем донецкая лесостепная культура скифского времени даже в самых архаических памятниках имеет целый ряд черт, общих с юхновской культурой, развивающейся на основе бондарихинской. В области контакта — в верховьях Донца и Сейма — близость некоторых элементов донецкой и юхновской культуры, выражена особенно ярко, но она основана видимо не на общем происхождении, а на тесных культурных связях. Скифская степная культура, несомненно, также оказала большое влияние на донецкую лесостепную культуру, хотя в целом существенно отличается от нее. Таким образом, население, оставившее нам памятники донецкой лесостепной культуры скифского времени, так же как и население, которому принадлежали городища, селища и курганы в бассейнах Ворсклы, Псла и Сулы, не является местным, оно расселилось на территории Левобережья в начале I тысячелетия до н. э. из днепровского Правобережья. При этом племена бондарихинской культуры, жившие здесь ранее, были частично оттеснены на север, а частично смешались с пришельцами. Новые племенные группировки не были совершенно однородными и поэтому в скифское время в лесостепи между Днепром и Доном довольно хорошо прослеживаются по крайней мере четыре своеобразные археологические культуры, охватывающие соответственно бассейны Сулы, Ворсклы, Донца и среднее течение Дона.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНА ДОНЦА В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

ГЛАВА VI

НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Для дальнейшего развития производства требовалось большое разнообразие орудий труда, улучшение их качества и увеличение количества. При этом такие материалы, как камень, кость и дерево, а также медь и некоторые другие цветные металлы, известные людям в бронзовом веке, уже не могли удовлетворить возросшие потребности. Особенно резко ощущался недостаток хорошего металла. Медные и бронзовые орудия в ряде случаев не могли соперничать даже с изделиями из кремня. Кроме того, вещи из цветных металлов были мало доступны, потому что залежи руд, содержащих эти металлы, встречаются довольно редко.

Поиски нового материала привели к тому, что люди начали использовать для своих нужд железо. Первые изделия из этого прочного голубовато-серого металла появились в странах Малой Азии, Месопотамии и в Египте еще в начале II тысячелетия до н. э. Очень рано и, по-видимому, самостоятельно научились добывать и использовать железо негры в Африке. Позже изделия из железа появляются и на юге Европы.

На первых порах железа было мало, оно очень высоко ценилось и применялось преимущественно как драгоценный металл для изготовления украшений или для инкрустации бронзовых вещей. Изредка из железа делали мелкие орудия. Серьезного значения для развития экономики эти первые случаи применения железа еще не имели, но постепенно накапливался ценный опыт обработки нового металла, изучались его свойства. Только с переходом к изготовлению из железа большого количества разнообразных орудий производства наступает настоящий железный век, который

Ф. Энгельс образно называл эпохой «железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора»[1].

На территории Европейской части СССР, как недавно показал в одном из своих исследований Б. Н. Граков, первые шаги в направлении добычи и использования железа были сделаны уже в средине II тысячелетия до н. э. Примерно к этому времени относится погребение в кургане № 6 урочища Бичкин-Булук около г. Степного в Ставропольском крае, где был найден железный копьевидный нож и бронзовый проушной топор. Железное шильце и ножичек были найдены вместе с бронзовым кельтом и бронзовым украшением в виде круглой бляхи (так называемый тутул) в погребении № 9 Младшего Волосовского могильника в бассейне р. Оки, которое датируется по А. Я. Брюсову XI—X вв. до н. э. Наконец, на селище белогрудовской культуры (X—IX вв. до н. э.) у с. Краснополья в Уманском районе УССР был обнаружен кусок железного шлака.

Весьма рано с процессом добычи железа ознакомились и племена, жившие в бассейне Дона и Донца. Об этом убедительно свидетельствует несколько археологических находок. Еще в 1936 г. во время раскопок Г. В. Подгаецкого на левом берегу р. Воронеж было обнаружено поселение срубной культуры (средины II тыс. до н. э.) с остатками местного металлургического производства. Здесь найдены обломки плавильных тиглей и шлаки от плавки медной руды, а также шлаки, получившиеся при добывании железа. Удалось отыскать и готовое изделие из железа в виде четырехгранного шила. Недавно на селище той же культуры у с. Семидворки в Воронежской области А. Н. Москаленко нашла железную заготовку в виде четырехгранного прутика. Как уже отмечалось, железные вещи (четырехгранное шило и нож) были обнаружены также при раскопках на селищах предскифского времени в урочище Бондариха (близ Изюма) и у с. Оскол.

Если во II тысячелетии до н. э., в бронзовом веке, делались лишь первые шаги в использовании железа, то уже с VII в. до н. э. новый металл на нашей территории начинает господствовать.

Вначале человек мог делать мелкие предметы из редко встречающегося метеоритного железа, но сколько-нибудь серьезного практического значения это не имело. Металлургия железного века началась тогда, когда люди научились добывать этот металл из руды, представляющей собой окись железа. Железная руда, особенно в виде так называемой болотной руды, встречается в природе гораздо чаще, чем медная, и это было одной из причин, которые способствовали довольно быстрому распространению металлургии железа.

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 168.

Добывали железо из руды сыродутным способом [1]. В примитивный плавильный горн, представлявший собой иногда простую яму с небольшим отверстием в нижней части для дутья воздуха, засыпали древесный уголь и измельченную руду. Вместе с рудой в горн попадало и некоторое количество пустой породы (кремнезем, глинозем и др.). Задача древних металлургов состояла в том, чтобы восстановить содержащуюся в руде окись железа в металлическое железо и отделить пустую породу. При горении угля, которое усиливалось путем дутья воздуха в горн через специальные глиняные трубки—сопла, образовывалась довольно высокая температура порядка 1300—1400°. Внутри сыродутного горна, в атмосфере, насыщенной окисью углерода, в результате ряда химических реакций происходило восстановление окиси железа в зерна металлического железа. Эти зерна накапливались на дне горна и слипались (сваривались) в губчатый слиток-крицу. Одновременно образовывался жидкий шлак, в который помимо пустой породы входило большое количество закиси железа.

Потери железа при сыродутном процессе были очень велики. Б. А. Колчин, обстоятельно изучавший вопрос о добыче железа в древности, считает, что до 50% железа, содержавшегося в руде, оставалось в шлаке. Это подтверждается анализами шлаков, найденных на поселениях скифского времени. Кроме того, анализы этих же шлаков и руды показывают, что металлурги раннего железного века уже умели обогащать руду и использовали известняк в качестве флюса, облегчающего образование шлаков при сыродутном процессе.

Извлеченная из горна крица несколько раз проковывалась для удаления шлаков и уплотнения металла, а затем ее рубили на куски таких размеров, которые были нужны для изготовления различных вещей. Основным методом обработки железа была ковка его. Получать железо в жидком состоянии в раннем железном веке на территории Европы, по-видимому, не умели. Однако, в Китае уже в эту эпоху применялось литье из чугуна.

Относящиеся к раннему железному веку горны для добычи железа сыродутным способом встречаются довольно редко. Остатки их были найдены Б. Н. Граковым в слоях IV—III вв. до н. э. Каменского городища на Днепре, но сохранились они здесь очень плохо.

Подобные находки зафиксированы и в бассейне Северского Донца. Одним из мест, где племена, жившие в бассей-

[1] Термин «сыродутный» стал употребляться сравнительно недавно для обозначения старого способа плавки железной руды, при котором, в отличие от нового, доменного способа, применяли дутье не нагретого, а холодного (сырого) воздуха.

не Донца, занимались еще в начале железного века добычей руды и «варкой» железа, были окрестности с. Городища на территории нынешней Луганской области. Еще в 70-х годах XIX в. харьковский геолог А. Носов отметил наличие здесь следов древних разработок железной руды. Это было подтверждено и современными геологическими исследованиями. Однако долго не было точных археологических данных о том, кому принадлежали городищенские древности [1].

В 1950 г. автор этой книги приступил к специальному археологическому изучению остатков древнего железоделательного производства у с. Городища. Археологические разведки и небольшие раскопки показали, что к югу от села, у балки Городной [2], где имеются выходы железной руды и остатки древних плавильных горнов, сохранились следы двух селищ. Одно относится к IV—III вв. до н. э., когда здесь жили скифские племена, а другое связано с племенами салтовской культуры (VIII—X вв. н. э.). При разведках в 1957 г. здесь был найден каменный пест для дробления руды и образцы характерной скифской и салтовской керамики. Интересно, что в глиняной массе сосудов этих двух групп иногда попадаются примеси в виде кусочков железной руды. Рядом имеется курганный могильник.

Следы древних разработок железной руды, которая представлена бурыми и охристыми железняками [3], заметны еще и сейчас в виде рвов и ям, окруженных рудничными отвалами. Пласты руды здесь выходят прямо на поверхность, и это давало возможность древним металлургам добывать ее открытым способом, без устройства глубоких шахт.

Вдоль северных склонов балки Городной расположены остатки древних горнов для добычи железа сыродутным способом. Один из таких горнов (рис. 49) в 1950 г. нам удалось обстоятельно обследовать. Он имел форму цилиндра с выпуклым дном. Диаметр ямы — 145 *см*, глубина — 160 *см*. Вертикальные стенки горна и его дно были обмазаны толстым слоем глины, который вместе с примыкающим к нему слоем земли оказался очень сильно обожженным. Внутренняя часть глиняной обмазки спеклась со шлаком и представляла собой сплошную стенку толщиной 5—8 *см*. Нижняя часть горна была на 27 *см* заполнена тяжелым шлаком с очень большим содержанием железа. Местами куски железного шла-

---

[1] В литературе высказывались, но без необходимых доказательств, предположения о том, что добычу и плавку руды здесь организовали либо кочевники татары, либо генуэзцы и т. п.

[2] Ручей балки Городной впадает в р. Белую, которая является притоком Луганки.

[3] Анализы руды, произведенные А. Носовым, показали, что она содержит до 58% окиси (AFe_2O_3), до 45% общего железа и ряд примесей: SiO_3, Al_2O_3, CaO, MgO, PbO.

ка имели вид металлических сосулек. Сверху над слоем шлака находился слой заполнения ямы, который делился на две части. В нижней части куски известнякового камня были

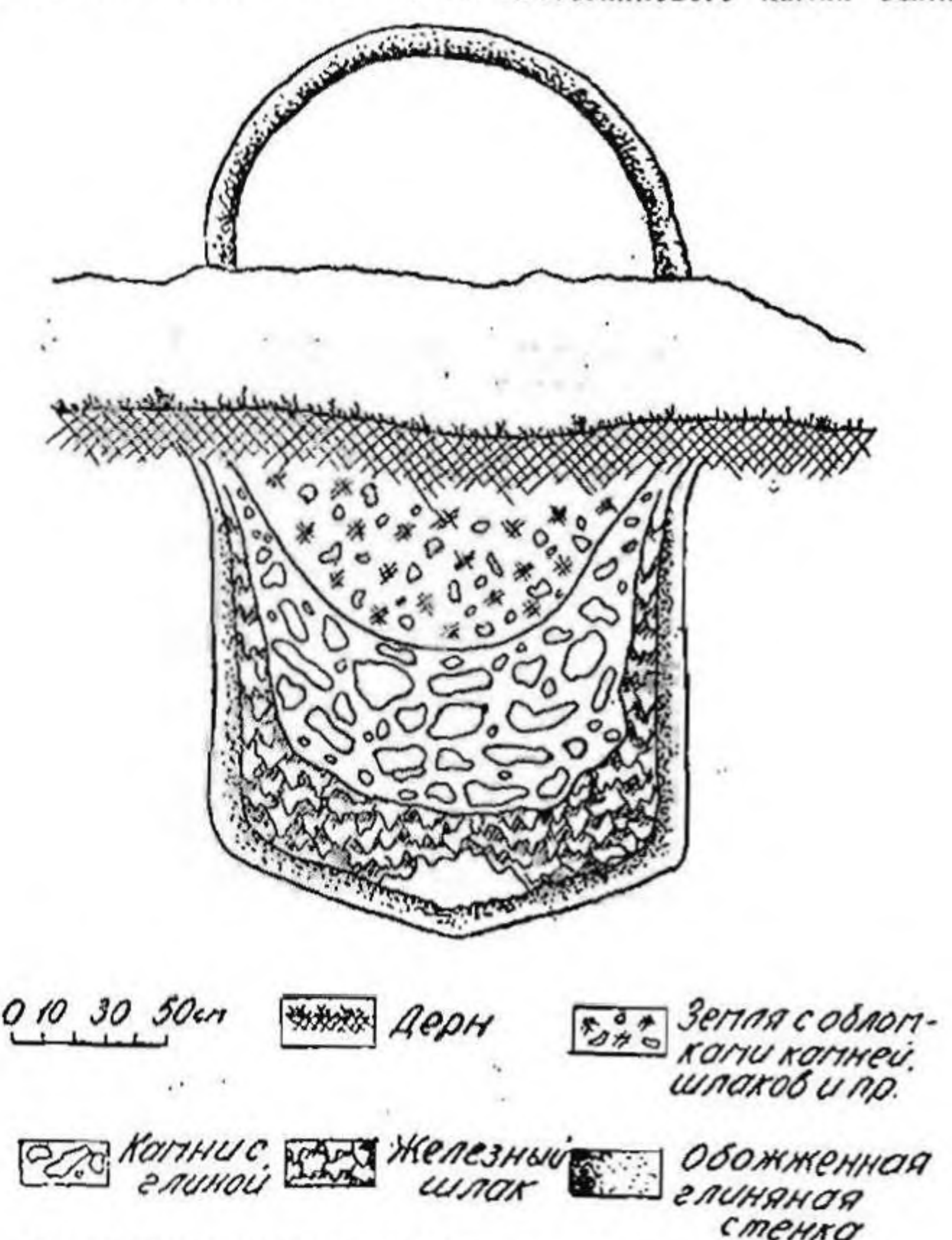

Рис. 49. Остатки сыродутного горна для добычи железа, найденные в балке Городной у с. Городище Луганской области.

смешаны с обломками обожженной глиняной обмазки перекрытия ямы. Верхняя часть заполнения была насыпана уже после того как горн был заброшен .Она почти не отличалась от окружающего культурного слоя и состояла из земли, смешанной с обломками камней, кусками шлака и руды.

Судя по остаткам и отпечаткам на шлаках, в качестве топлива в этом горне применялся только древесный дубовый уголь[1]. Самой крицы в нижней части горна, конечно, не оказалось. Она была выломана из него после окончания сыродутного процесса. Во время разведки на склонах балки зафиксированы остатки целого ряда других горнов. Сооружались горны на склонах, по-видимому, не случайно. Здесь удобней было обеспечить доступ к нижней части горна, в которую через глиняные сопла вдувался воздух и откуда извлекалась крица. Обломок такого керамического сопла удалось найти во время раскопок.

В горне и непосредственно около него не обнаружено никаких датирующих предметов. Поэтому точно определить время существования именно этого сооружения трудно. Однако наличие поблизости остатков скифского поселения и примеси кусочков руды в местной скифской керамике позволяют говорить о том, что добычей железа здесь занимались еще в раннем железном веке. По склонам балки и около нее на поверхность выступают подпочвенные воды, которые заболачивают местность даже на склонах возвышенности, создавая неблагоприятные для жизни людей условия. Несомненно, скифы могли бы найти невдалеке более удобные для поселения места, привлечь их сюда могла лишь возможность легко добывать руду и получать железо. Позже, во времена салтовской культуры, здесь вновь возникает поселок древних металлургов.

Более сложен по устройству другой сыродутный горн, раскопанный в 1936 г. И. Ф. Левицким у с. Ново-Покровки Чугуевского района, Харьковской обл. Остатки его были обнаружены на склоне песчаной дюны левого берега р. Уды. Вылепленный из глины с большой примесью песка горн имел форму полого внутри конуса и был установлен в неглубокой яме прямоугольной формы с закругленными углами. Основание горна в плане имело форму овала, ориентированного длинной осью с запада на восток. Высота горна от основания до края обломанной верхней части—0,72 *м*, а первоначальная высота, как полагает И. Ф. Левицкий, достигала 1 *м*. Внешние диаметры основания горна—0,75 и 0,36 *м*. Диаметры внутреннего пространства — 0,44 и 0, 24 *м*.

Внутренняя часть горна была сильно прокалена, ошлакована и покрыта натеками железа. На высоте 13—15 *см* от основания горна в его стенках с западной и восточной стороны имелись отверстия для глиняных сопел, через которые нагнетался воздух. Диаметр отверстия — 3,5—4,5 *см*. Ниж-

---

[1] В окрестностях с. Городища имеются легко доступные залежи прекрасного каменного угля, но он в те времена не использовался.

няя часть горна была пробита во время выемки крицы и очистки его от шлаков. Только в одном месте внутри был найден большой кусок шлака со следами дубового угля. Горн использовался для нескольких плавок. И. Ф. Левицкий обнаружил в стенках нижней части горна остатки по крайней мере трех отверстий, пробитых и вновь замазанных глиной, смешанной с песком. Шлаки, вынутые из горна после плавки, отгребались в специальную круглую яму, которая была соединена с площадкой горна узким проходом. Рядом с этой ямой находились остатки плохо сохранившейся наземной постройки с углубленным полом. Размеры постройки — 4×4 *м*. В центре ее в небольшом углублении помещался очаг, обложенный кусками железной руды.

Территория, на которой был обнаружен сыродутный горн, неоднократно обследовалась [1]. Выяснилось, что здесь имеются три древних слоя. В верхнем слое, который перекрывает металлургический комплекс, были обнаружены остатки погребений с обрядом трупосожжения и типично салтовская керамика. Исследовавший погребения Ю. В. Кухаренко датирует их VII—VIII вв. Очевидно, могильник образовался уже после того, как поселение древних металлургов было заброшено. Остатки горна и постройки с очагом, по стратиграфическим наблюдениям И. Ф. Левицкого, относятся к среднему культурному слою, который, судя по находкам керамики, железного ножа, шила, посохообразной булавки, железных и бронзовых наконечников стрел, датируется позднескифским временем (IV—I вв. до н. э.) Нижний культурный слой относится к позднему бронзовому веку.

На территории Харьковщины найдены и остатки сыродутных горнов ямного типа, которые, несомненно, связаны с поселениями салтовской культуры VIII—X вв. Эти горны обнаружены на однослойном селище салтовской культуры около г. Волчанска во время разведок И. П. Костюченко и Н. Т. Евстропова. В опубликованном сообщении, к сожалению, не указаны подробности их устройства, но, по-видимому, они аналогичны тому горну, который был обследован в балке Городной близ с. Городища Луганской области.

Добыванием железа в раннем железном веке занимались конечно, далеко не на всех, но на многих поселениях в бассейне Донца. В целом ряде пунктов зафиксированы находки железных шлаков [2] и кусков железной руды [3], свидетель-

[1] И. Ф. Левицким в 1936—1937 гг., Ю. В. Кухаренко в 1949 г., Б. А. Шрамко в 1950, 1952 и 1959 гг.

[2] На селищах скифского времени у сел Островерховки, Куряжа, Большой Даниловки, Шелковой и на городищах у сел Циркуны, Барановка и Городище в Харьковской области.

[3] На городищах у сел Барановки, Б. Даниловки и Городище в Харьковской области.

ствующие о местной добыче железа. Наиболее древним из этих пунктов является селище у станции Шелковая (Харьковская обл.), где железные шлаки и ошлакованные с закисью железа куски стенок сыродутного горна были найдены в хорошо датированном античной керамикой зольнике конца VI в. до н. э.

Куски железной руды, найденные на донецких лесостепных поселениях скифского времени по определению геолога В. А. Мултановского, представляют собой бурый железняк органического происхождения (болотная руда), который в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы встречается очень часто. Геолог Л. А. Корякин, производивший разведку вблизи расположения упомянутых выше остатков сыродутных горнов в окрестностях г. Волчанска, выяснил, что в районе поймы р. Волчьей имеется болотная руда в количестве, вполне достаточном для удовлетворения местных потребностей древнего населения. Следует отметить, что, кроме широкой распространенности, болотная руда имела для первобытных металлургов еще то преимущество, что из нее железо восстанавливается легче, чем из многих других сортов руды.

Переход к массовому изготовлению орудий производства и оружия из железа и стали (последнюю научились выделывать также в раннем железном веке) вызвал новые крупные изменения во всей хозяйственной деятельности человека. Более твердое, чем медь и бронза, железо позволило значительно расширить ассортимент изготовляемых из металла орудий, улучшить их качество и вместе с тем резко повысить производительность труда. При помощи железных инструментов можно было гораздо лучше обрабатывать не только такие материалы, как дерево или кость, но даже камень. Широкое применение железа поднимало на более высокий уровень металлургическое производство и способствовало дальнейшему развитию других отраслей хозяйства. «Железо,— говорит Ф. Энгельс,— сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»[1].

Одновременно хозяйственная деятельность человека все более усложнялась. Это приводило к тому, что в отдельных общинах стали выделяться специалисты-ремесленники, которые занимались лишь каким-либо одним видом производства, требующим особых знаний и навыков. Так зарождалось второе крупное общественное разделение труда, вследствие

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 168.

которого «возникает производство непосредственно для обмена,— товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская»[1].

Начало железного века совпало у племен юга Восточной Европы с установлением оживленных торговых сношений с греческими рабовладельческими государствами. Вначале на побережье Черного моря[2], в местах, где было удобно и безопасно установить связи и организовать обмен с соседними племенами, возникают небольшие торговые фактории (эмпории). Так, в конце VII в. до н. э. было основано греческое поселение на о. Березань у входа в Буго-Днепровский лиман. Находки импортных вещей VII—VI вв. до н. э. в бассейне Дона (в древности греки называли его Танаисом[3]) и Донца (Сиргис) свидетельствуют о том, что население этой территории также в очень раннюю эпоху установило торговые сношения с греческими купцами. Одна из торговых факторий возникла, по-видимому, уже в VI в. до н. э. на берегу моря у современного Таганрога, где было найдено большое количество архаической греческой керамики.

Позже, когда взаимоотношения с местными племенами были налажены, около удобных гаваней стали вырастать крупные греческие города-государства (полисы). В западной части Северного Причерноморья большую роль играла Ольвия — город, расположенный на правом берегу р. Буга (в древности—Гипанис). В Крыму около нынешнего Севастополя был расположен Херсонес Таврический. На месте теперешней Керчи, на берегу Керченского пролива, который греки называли Боспором Киммерийским[4], возник город Пантикапей. Это была столица Боспорского царства, большого государства, объединявшего ряд греческих городов по обоим берегам пролива и подчинившего своей власти некоторые племена Прикубанья и Приазовья. Говоря о греческой колонизации Северного Причерноморья, следует иметь в виду, что возникавшие здесь города по составу жителей с самого начала не были чисто греческими. В них жило и местное

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 169.

[2] В начале колонизации греки называли его «Понт Аксинский», т. е. «Негостеприимное море». Позже оно получило название «Понт Эвксинский», т. е. «Гостеприимное море». Эти греческие названия возникли, по-видимому, от искажения и переосмысливания греками более древнего названия «Черное море». Местные ираноязычные племена называли море «Ашхаейна», т. е. «темное» или «мрачное».

[3] Греческое название «Танаис» происходит от скифского «дану», что значит «река». Отсюда и современные — Дон, Донец

[4] У местных жителей этот пролив назывался «Рыбным путем» (Pantikapa).

туземное население, оказавшее значительное влияние на культуру, а в ряде случаев и на политическую жизнь города.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры с племенами, жившими по берегам Дона (Танаиса) и Донца (Сиргиса), тесные экономические связи поддерживали жители поселений, расположенных в устье Дона. Исследования Т. Н. Книпович, Д. Б. Шелова и других археологов показали, что еще на рубеже V и IV вв. до н. э. на берегу одного из рукавов в дельте р. Дона (Танаиса), у нынешней станицы Елисаветовской, возникает поселение, которое в IV—III вв. до н. э. представляло собой крупный греко-скифский торговый город. Однако обмеление русла реки в этом месте создало ряд затруднений для торгового судоходства, и поселение у станицы Елисаветовской было заброшено. Во второй половине III в. до н. э. недалеко от него, на берегу другого рукава[1], Дона, у нынешнего с. Недвиговки, возникает новый город. Этот город, как и река, на берегу которой он расположен, назывался Танаис. Существовал Танаис как важный, преимущественно торговый центр до III века н. э. При археологических раскопках в 1955—1957 гг. на территории древнего Танаиса были найдены остатки домов с большими подвалами. В этих подвалах торговцы хранили сотни амфор с вином и другие продукты. О занятиях населения торговлей свидетельствуют также такие находки, как чашечка весов, гиря и монеты. Археологические данные полностью совпадают со сведениями письменных источников. Крупнейший античный географ Страбон писал в I веке н. э., что здесь было «самое большое торговое место у варваров[2] после Пантикапея»[3].

В оживленной торговле были заинтересованы не только греческие купцы, но и родоплеменная верхушка местного населения. Получавшийся в связи с развитием производства прибавочный продукт сосредоточивался разными путями в руках родовой и племенной аристократии — у вождей, жрецов и военачальников. Эта родоплеменная верхушка старалась получить у греков красивые ткани, вино, оливковое масло, художественную глиняную и металлическую посуду и др. В обмен на эти вещи греки получали такие местные продукты, как хлеб, рыба, кожи, мед, воск, а также рабов.

Почти полное отсутствие находок греческих монет на территории большинства местных племен свидетельствует о том, что обмен в основном был еще натуральным. Но даже такой

---

[1] Сейчас он называется Мертвый Донец.

[2] Варварами древние греки называли всех чужеземцев, негреков, независимо от уровня развития их культуры. Это слово не имело вначале презрительного смысла, который ему стали придавать позже.

[3] Страбон. География, VII, 4, 5. См. В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ, № 4, 1947. Стр. 204—205. В этом же сборнике и другие греческие и латинские авторы

примитивная торговля все же нарушала замкнутость патриархально-родовых коллективов, содействовала укреплению частной собственности и углублению имущественного расслоения среди членов общины.

Самостоятельное производство каждой отдельной патриархальной семейной общины в результате различных причин развивалось неравномерно. Раньше отдельные общины также не имели одинаковых возможностей (например, в связи с разным количеством людей, разным качеством земли, неодинаковой специализацией и т. п.), но это неравенство сглаживалось коллективной взаимопомощью членов рода. Теперь же, когда в общину все больше проникают частнособственнические начала, эта взаимопомощь постепенно уменьшается и неизбежно усиливается имущественное неравенство, разделение на бедных и богатых, а вместе с тем и зависимость бедных от богатых.

Патриархальное рабство теперь получает большее распространение, но еще не является основной силой производства, как в рабовладельческом обществе. Наряду с прежними источниками рабства (захват на войне или покупка) появляются новые. Широкое распространение обмена ведет к возникновению займа, а следовательно, и к возможности попасть в долговую кабалу. Кредитор вначале за долги мог забрать только имущество соплеменника, но позже он начинает посягать и на личность должника.

Так постепенно развиваются основанные на частной собственности силы, которые неуклонно разрушают старые производственные отношения, характерные для первобытно-общинного строя.

В новых условиях быстрого развития производительных сил отдельные богатые семьи становятся все более независимыми в хозяйственном отношении. Происходит постепенный распад больших патриархальных семейных общин и выделение отдельных малых патриархальных семей, состоящих только из родителей и их детей. В этих семьях глава семьи, как настоящий собственник, становится уже полным владыкой семейного имущества, труда и личностей своих домочадцев. Положение женщины в семье становится все более приниженным, она перестает играть активную роль в общественной жизни, а брак начинает оформляться, как настоящая покупка. Переход женщины в семью мужа рассматривается теперь как приобретение дополнительной рабочей силы. Поэтому родителям жены надо уплатить выкуп, который компенсирует потерю работника. Размер выкупа иногда бывает очень большим. Взгляд на брак как на своего рода торговую сделку, создает возможности для возникновения многоженства. Однако реально осуществляют эту возможность лишь,

мужчины из богатых семейств, которые имеют достаточно средств для того, чтобы уплатить выкуп за нескольких жен.

В эпоху разложения родо-племенного строя, когда распространяется частная собственность и возникает стремление к захвату новых богатств и новых рабов, учащаются межплеменные военные столкновения. Внешне это часто выражается в том, что вместо неукрепленных селищ появляются укрепленные рвами, валами и стенами поселения — городища. «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»[1].

В этих условиях военная организация племен приобретает большее, чем раньше, значение. Постоянные грабительские войны усиливают авторитет и власть военачальников, а получаемая ими львиная доля военной добычи увеличивает их экономическое могущество. Если раньше военачальник выбирался обычно лишь на время военных походов, то теперь эта должность становится постоянной, а в ряде случаев и наследственной. Племенные вожди, родовые старейшины, жрецы и военачальники образуют могущественную прослойку родовой аристократии, которая постепенно все больше сосредоточивает в своих руках богатство и власть, все меньше считаясь с мнением народного собрания.

Одновременно возникает необходимость в создании силы, на которую могла бы опираться родовая аристократия в своих стремлениях захватить новые богатства и удержать награбленное имущество. Опираться на широкие массы рядовых общинников аристократия могла не всегда, так как война отрывала общинников от хозяйственных дел и, кроме того, у них зрело недовольство увеличивающимся неравенством и эксплуатацией. Опорой родовой аристократии становятся военные дружины, которые она содержала преимущественно за счет военной добычи. Родоплеменная верхушка всячески поощряла военный азарт, создавала вокруг дружинников ореол героев.

У различных древних авторов можно найти описания племен, у которых в ходе разложения первобытного общества сложилась такая обстановка. Известный римский политический деятель и полководец Гай Юлий Цезарь, описывая быт древних германцев в I в. до н. э., говорит, что у них «разбойничьи набеги—если только они ведутся вне территории

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 170.

данного племени — не считаются позором»[1]. Живший в I в. н. э. римский историк Тацит так рассказывает о дружинах древнегерманских племен: «Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей по своему собственному почину отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, и прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого коня, и обагренное кровью победоносное копье, а вместо жалования для них устраивают пиры,— правда не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости доставляют грабеж и война»[2].

Различные противоречия, возникшие в недрах первобытного общества (между частной и общинной собственностью, между бедными и богатыми и т. п.), постепенно приводят сначала к ослаблению, а затем и к разрушению кровнородственных связей внутри старых родовых общин. Отдельные семьи, или патронимии, или даже роды покидают родные места и поселяются на другой территории. Здесь, на новых землях, они сливаются часто с другими, неродственными коллективами.

Так вместо родовой общины появляется новая форма общественной организации — сельская или территориальная община, которая существенно отличается от прежней и оказывается более гибкой, лучше приспособленной к новым условиям жизни. Благодаря этому сельская (или территориальная, или соседская) община, возникнув в ходе разложения первобытного общества, сохраняется в ряде мест очень долго и в классовом обществе, в государстве.

В сельской общине, с одной стороны, еще сохраняются некоторые остатки коллективной собственности, а с другой,— все более укрепляется частная собственность. Отдельные семьи, входящие в сельскую общину, уже самостоятельно ведут хозяйство и владеют домом, приусадебным участком, скотом и различными орудиями производства. Пахотная земля, луга, леса, озера и реки находятся вначале в коллективной собственности всей общины. Отдельные семьи получают определенные наделы пахотной земли, которые периодически перераспределяются, чтобы каждая семья имела одинаковые по природным качествам участки. С укреплением частнособственнических тенденций переделы прекращаются и семьи закрепляют за собой выделенные им участки, получая право распоряжаться ими по своему усмотрению как частной собственностью.

---

[1] Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне, VI. 23.
[2] Публий Корнелий Тацит Германия, XIV.

В новых исторических условиях, когда укрепляются межплеменное разделение труда и обмен, а переселения и завоевания усиливают этническое смешение, происходит еще один очень важный процесс. Союзы племен становятся более прочными, более долговременными, родо-племенная разобщенность постепенно исчезает, и на этой основе происходит формирование народности. Народность объединяют уже не прежние кровно-родственные связи, а главным образом связи политические и экономические. В процессе сплочения отдельных племен в единую народность вырабатывается также культурная и языковая общность. Из отдельных племенных диалектов выделяется какой-то один, который обогащается за счет других диалектов и становится общераспространенным языком народности.

Таким образом, постепенно развитие производительных сил, частная собственность, имущественное неравенство, расширение рабства и тому подобные силы подрывают основы первобытно-общинного строя, и он неминуемо, а у передовых племен весьма быстро, идет к своей гибели, к новой общественной организации, к государству.

Примитивная родо-племенная организация уже не могла обеспечить господства богатых членов общества над бедными, рабовладельцев над рабами, количество которых все возрастало, не могла должным образом поддерживать притязания кредитора к должнику и т. д.,—словом, она уже не соответствовала новым условиям, сложившимся в недрах старого общества. Появилась потребность в силе, стоящей над обществом и защищающей интересы господствующего класса. Такой силой и явилось государство.

«Государство,—говорил В. И. Ленин,—возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»[1].

Процесс разложения первобытно-общинного строя в зависимости от целого ряда внутренних и внешних условий развивался у различных племен неравномерно — у одних быстрее, у других медленнее. На юге Восточной Европы у племен, которые имели тесную и непосредственную экономическую связь с древневосточными и греческими рабовладельческими государствами, разложение первобытно-общинного строя происходило весьма энергично и в некоторых местах завершилось уже в раннем железном веке образованием государства. В более северных районах этот процесс шел несколько медленнее, но и здесь устои родового строя неуклонно разрушались.

[1] В. И. Ленин. Соч. т. 25, стр. 358—359.

Для изучения предшествующей истории эпохи каменного и бронзового веков в Восточной Европе мы располагаем в большинстве случаев лишь вещественными источниками, и поэтому она анонимна. Только в самом конце бронзового и в начале железного века количество источников значительно увеличивается, и в древних письменных произведениях впервые появляются имена племен, живших в Северном Причерноморье. Уже в VIII—VII вв. до н. э. в древневосточных текстах определенно зафиксировано имя воинственных киммерийцев, которые совершали походы в Малую Азию. Первоначальным местом их обитания была, как предполагают, западная часть Северного Кавказа с Таманью и восточная часть Крымского полуострова. Отсюда они совершали походы, во время которых разгромили Фригию и нанесли ряд мощных ударов по Ассирии и Лидии. Однако подробности социально-экономической жизни киммерийцев еще неизвестны, так как вполне достоверные археологические памятники их удалось выделить пока лишь в небольшом количестве.

Ко второй половине VII века до н. э. окончательно оформляются характерные черты культуры ираноязычных скифских племен, которые занимают господствующее положение на юге Северного Причерноморья. Местное название этих племен было сколоты, а скифами их называли греки. О жизни скифов, кроме археологических данных, нам рассказывают различные древние авторы, и первое место среди них занимает греческий историк V в. до н. э. Гѐродот, который в IV книге своей «Истории» дает разнообразные и весьма точные сведения об этих племенах. Древневосточные источники также сообщают нам о воинственных скифах, которые через Кавказ проникли в центральную часть Передней Азии, одно время подчинили своей власти Мидию и даже угрожали владениям Египта.

В одной из восходящих к глубокой древности легенд, о происхождении скифов говорится, что они пришли из Азии, из-за р. Аракса (Волги), теснимые соседними племенами [1]. В настоящее время благодаря исследованиям целого ряда советских ученых (О. А. Кривцовой-Граковой, М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова и др.) стало ясно, что эта легенда имеет реальную основу. Доказано, что скифская культура раннего железного века (VII—II вв. до н. э.) развилась на основе культуры позднесрубных племен конца бронзового века, которые, как мы знаем, передвинулись в Северное Причерноморье из районов Нижнего Поволжья. Таким образом, в легенде нашел отражение действительный факт передвижения предков скифов с востока, из Азии, которая, по античным представлениям, начиналась уже за р. Танаисом (Доном).

[1] Геродот. История. IV, II.

Предки скифов пришли, конечно, не на пустое место, и их культура не была принесена откуда-то с востока в готовом виде. Она появилась в результате сложного взаимодействия с культурами других местных племен.

В Северном Причерноморье скифские ираноязычные племена в основном занимали обширную территорию степей современной Украины. Границы их земель не оставались постоянно неизменными[1]. Одно время на западе они доходили до р. Истра (Дуная). На востоке долгое время границей скифских владений была р. Танаис, за которой начинались владения савроматов. На Кубани жили меотские племена, а в горном Крыму обитали тавры.

В этногеографии Скифии есть еще много неясностей, поэтому локализовать отдельные скифские племена можно пока лишь приблизительно, сопоставляя сообщения античных авторов с данными археологических раскопок. Вблизи Ольвии жили каллипиды или эллино-скифы (миксэллины). Их поселения, в которых действительно ощущается сильное влияние греческой культуры, обнаружены по берегам Бугского лимана. К северо-западу от них обитали алазоны. По-видимому, по обоим берегам вдоль нижнего течения Днепра (Борисфена) жили скифы-земледельцы, а их соседями с востока были скифы-кочевники. Одна из групп скотоводческих скифских племен, занимавшая господствующее положение, носила название «царские скифы» и владела обширной территорией, которая простиралась до реки Танаиса, захватывая, следовательно, и степную часть бассейна Донца (Сиргиса).

Одно время исследователи предполагали, что область расселения собственно скифских ираноязычных племен охватывала не только степи, но и лесостепь Восточной Европы. Население этих территорий объединялось в одно целое главным образом на основании наличия в их материальной культуре однотипного оружия, предметов конской сбруи и вещей, украшенных в так называемом «зверином стиле». На самом деле некоторые типы металлических вещей не являлись в ту эпоху характерными для какой-либо одной территории. Они изготавливались во многих местах по общим образцам и благодаря обмену проникали к разным племенам, которые этнически ничего общего между собой не имели.

Отождествить определенные археологические памятники лесостепи с племенами, упоминаемыми Геродотом и другими античными авторами, еще труднее, чем определить территорию

---

[1] При этом следует иметь в виду, что Скифией в географическом смысле этого слова в древности часто называли на юге Восточной Европы бо́льшую территорию, чем ту, на которой жили собственно скифские племена. Да и сам этнический термин «скиф» иногда применялся для обозначения соседних нескифских племен, имевших иное происхождение и язык.

расселения собственно скифских племен. У греческих историков и географов об этих землях было в большинстве случаев весьма смутное представление и поэтому сообщения их очень скудны и не всегда точны.

Современные ученые предполагают, что где-то у верховьев Припяти и Днестра жили невры. В правобережной лесостепи Среднего Приднепровья до Южного Буга (Гипаниса) обитали, по-видимому, племена, которые Геродот называет «скифами-пахарями». Однако современные археологические исследования показывают, что это население, в материальной культуре которого чувствуется сильное влияние степной скифской культуры, все же по своему происхождению не может быть связано с собственно скифскими племенами. А. И. Тереножкин убедительно показал, что корни среднеднепровской правобережной культуры раннего железного века уходят в местные памятники бронзового века (белогрудовская и чернолесская культуры). Возможно, в середине I тысячелетия до н. э. часть местных племен некоторое время входила в политическое объединение скифов.

Очень близка к правобережной культуре раннего железного века в бассейне р. Ворсклы. Эта близость настолько велика, что ее, как указал в свое время еще М. Я. Рудинский, следует рассматривать как результат расселения одной этнической группы.

Геродот и другие авторы сообщают, что севернее скифских земель обитали андрофаги. Очевидно, они жили в бассейне р. Сулы, где на городищах раннего железного века действительно зафиксированы явные следы каннибализма

К востоку от андрофагов и к северу от владений царских скифов, т. е. скорей всего в лесостепной части бассейна Донца жили меланхлены (черноризцы). Наконец, на Среднем Дону обитали, по-видимому, будины.

Часть племен северного Приднепровья, как полагают многие исследователи, являлась предками славян, а часть лесостепных племен, живших в бассейне Днестра, была родственна фракийцам. Этническая принадлежность остальных пока еще не может быть определена.

ГЛАВА VII

СКИФЫ В СТЕПНОЙ ЧАСТИ БАССЕЙНА ДОНЦА

Население, жившее в раннем железном веке в степях по берегам древнего Сиргиса (Донца), оставило нам небольшое количество памятников, да и те изучены пока еще слабо. Поэтому представить себе жизнь местных племен в эту эпоху можно лишь в общих чертах, опираясь на письменные источники о скифах вообще и на аналогии в других археологических памятниках.

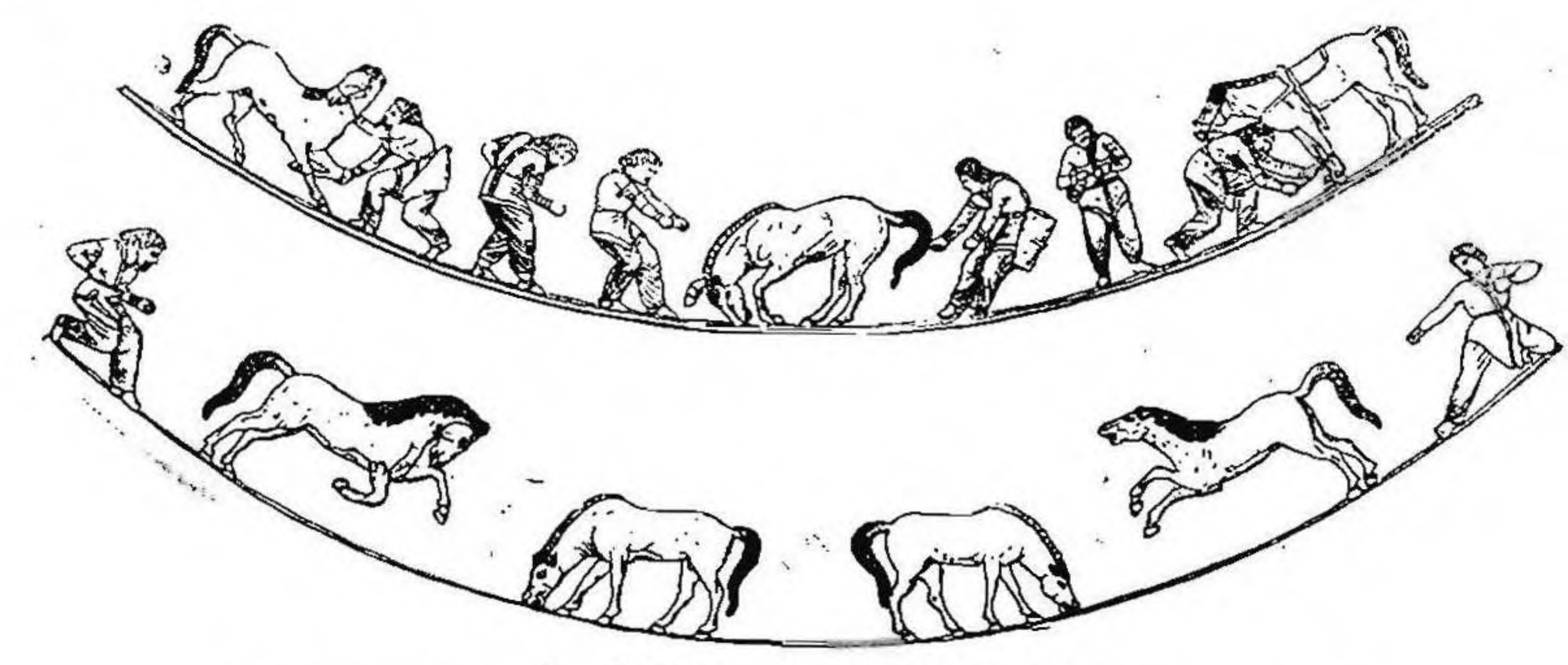

Рис. 50. Различные сцены из жизни скифов:
а — развернутое изображение на фризе серебряной вазы из кургана Чертомлык (IV в. до н. э.)

Рис. 50б. Изображение сцен из жизни скифов на электровом сосуде из кургана Куль-Оба (IV в. до н. э.).

Характерной особенностью этой территории является отсутствие селищ со сколько-нибудь ясно выраженными отложениями скифского времени. Городищ здесь совсем нет. Это объясняется тем, что основным занятием населения было кочевое скотоводство. Разводили главным образом лошадей и крупный рогатый скот, а также овец. Корм для скота не заготавливали и поэтому на одном месте задерживались лишь до тех пор, пока хватало травы.

У одного из хорошо осведомленных древних авторов имеется такое описание кочевого быта скифов: «...У них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды, ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода[1]. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях»[2]. Геродот также неоднократно подчеркивает, что для скифов характерен кочевой быт, и отмечает, что в его время они не имели ни городов, ни укреплений[3]. Археологические данные подтверждают, что лишь позже, с конца V в. до н. э. в некоторых местах степной Скифии возникают укрепленные поселения. Наиболее крупным из них было исследованное Б. Н. Граковым Каменское городище на левом берегу Днепра, близ современного Никополя. Оно занимает площадь около 12 *кв. км*. Здесь с конца V и до III в. до н. э. жило много ремесленников и, возможно, находилась ставка скифского царя.

Археологические находки дополняют эту картину жизни скотоводческих племен. При раскопках Чертомлыцкого царского кургана (близ Никополя) была обнаружена прекрасная серебряная амфора для вина, украшенная пальметками, изображениями фигур людей, животных и птиц. Верхнюю часть амфоры опоясывает фриз с изображениями сцен укрощения и приручения скифами коней (рис. 50.). В заключительном эпизоде показан скиф, который стреножит оседланного коня. Можно рассмотреть даже устройство уздечки и способ седловки. Подлинные скифские удила и разнообразные украшения конской уздечки найдены во многих погребениях и на поселениях.

Излюбленные места, в которых скифы, очевидно, неоднократно устраивали свои временные стоянки, фиксируются в

---

[1] Объяснение, конечно, неправильное, но комолая порода быков в Скифии действительно существовала. См. например, В. І. Бібікова. Фауна Ольвії та її периферії за матеріалами розкопок 1935—1948 рр., АП УРСР, т. VII, К., 1958, стор. 144.

[2] Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 25.

[3] Геродот. История, IV, 2, 19 ,46.

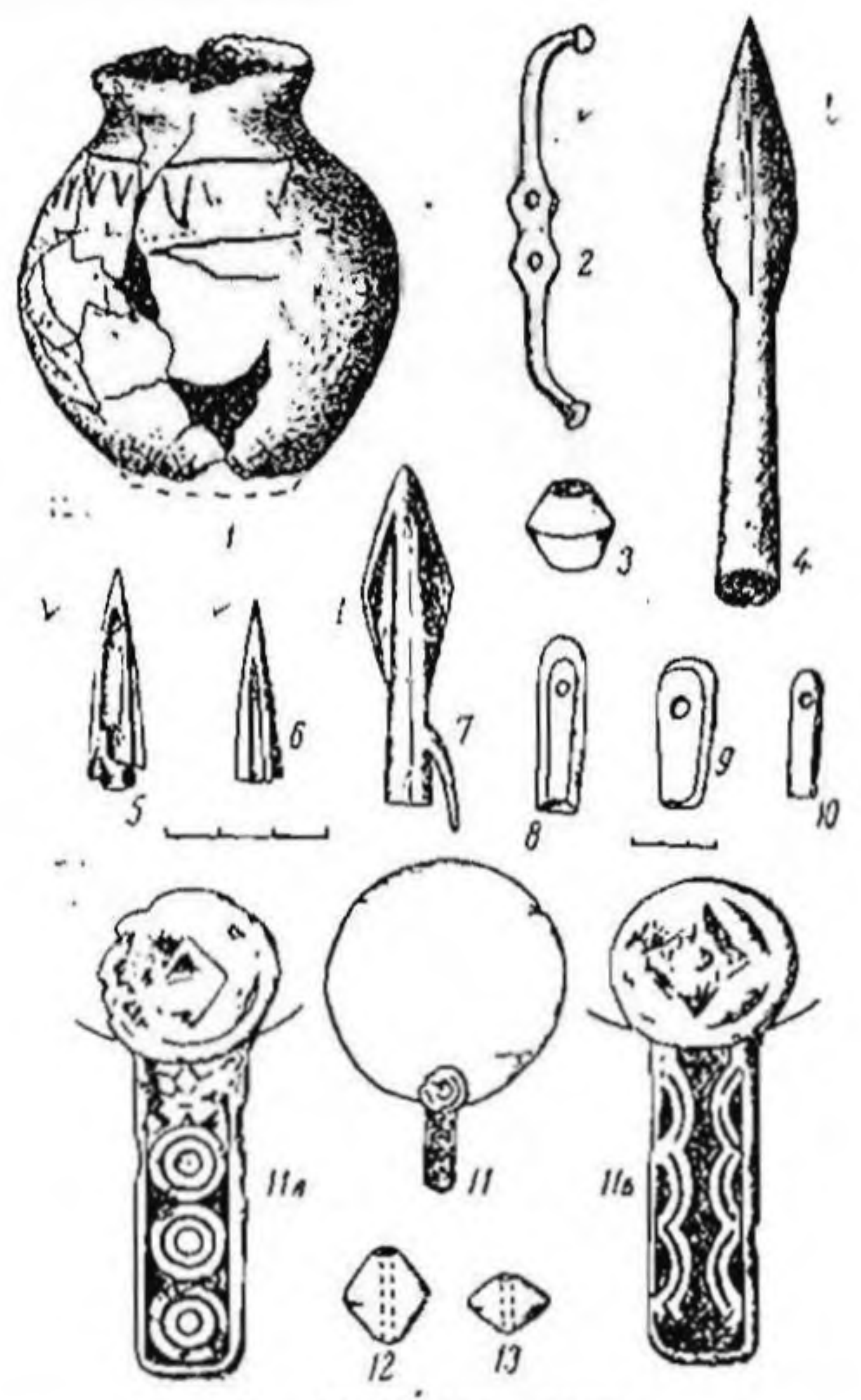

Рис. 51. Скифские вещи
из находок в степной части бассейна Донца:
1 — глиняный сосуд; *2* — железный псалий; *3* — бронзовая ворворка; *4* — железный наконечник копья; *5, 6, 7* — бронзовые наконечники стрел; *8, 9, 10* — точильные бруски; *11* — бронзовое зеркало и его детали; *12, 13* — глиняные пряслица. Места находок: *1—4, 8—13* — селище у с. Петровское (по Н. В. Сибилеву); *5, 6, 7* — селище у с. Райгородок (по А. С. Федоровскому).

некоторых случаях находками отдельных вещей. Располагались кочевья обычно в пойме, там, где были пастбища с хорошей травой и удобными водопоями. Местами таких стоянок на Донце, по-видимому, являются окрестности с. Петровского недалеко от впадения р. Береки в Донец и окрестности с. Райгородка вблизи впадения в Донец р. Сухого Торца. Здесь были найдены наконечники скифских стрел, части конской сбруи и другие вещи (рис. 51).

Основное занятие—скотоводство—определяло особенности быта скифов и в значительной мере обеспечивало их необходимыми для жизни продуктами. Мясо скота употребляли в пищу. Использовали также кобылье молоко и различные молочные продукты. Шерсть шла для изготовления тканей и войлока, кожа — для одежды, обуви, ремней и т. п. Даже кости скота использовались в безлесной степи в качестве топлява.

Письменные источники [1] и некоторые древние изображения (рис. 55) указывают на то, что скифы занимались иногда охотой, но существенной роли в их хозяйстве она, по-видимому, не играла. Домашний скот в достаточной мере обеспечивал их мясом и шкурами. Не получила широкого распространения у степных скотоводов и рыбная ловля.

Разнообразные находки свидетельствуют о развитии у скифов прядения и ткачества. На поселениях встречаются вылепленные из глины и обожженные пряслица-грузики, которые надевались на конец веретена (рис. 51, 12—13 и 52, 1—2). При раскопках Б. Н. Гракова на степном Каменском городище были найдены не только глиняные, но и свинцовые пряслица, а также железные иглы и отпечатки на глиняной посуде разных типов тканей — от шерстяных тканей и холста до грубого рядна. Здесь же удалось найти такой инструмент, как медный вязальный крючок. Для изготовления одежды скифы применяли не только ткани, но также кожи и мех. Характер скифской одежды мы можем довольно хорошо представить по замечательным изображениям, которые имеются на упомянутой амфоре из кургана Чертомлык, на электровой вазе из кургана Куль-Оба, на золотом гребне из кургана Солоха и на ряде других вещей.

На голове скифы носили островерхие, вероятно, кожаные шапки в виде башлыков. Впрочем, очень часто они обходились без всякого головного убора, и их длинные волосы свободно падали на плечи. По-видимому, знаком отличия начальников была лобная повязка, которую мы видим на голове одного из скифов, изображенных на куль-обской вазе (рис. 50). Верхнюю часть тела покрывал перетянутый поясом кафтан. Кожаный пояс иногда оковывали металлическими

---

[1] Геродот. История, IV, 134; Страбон. География, VII, 4, 8.

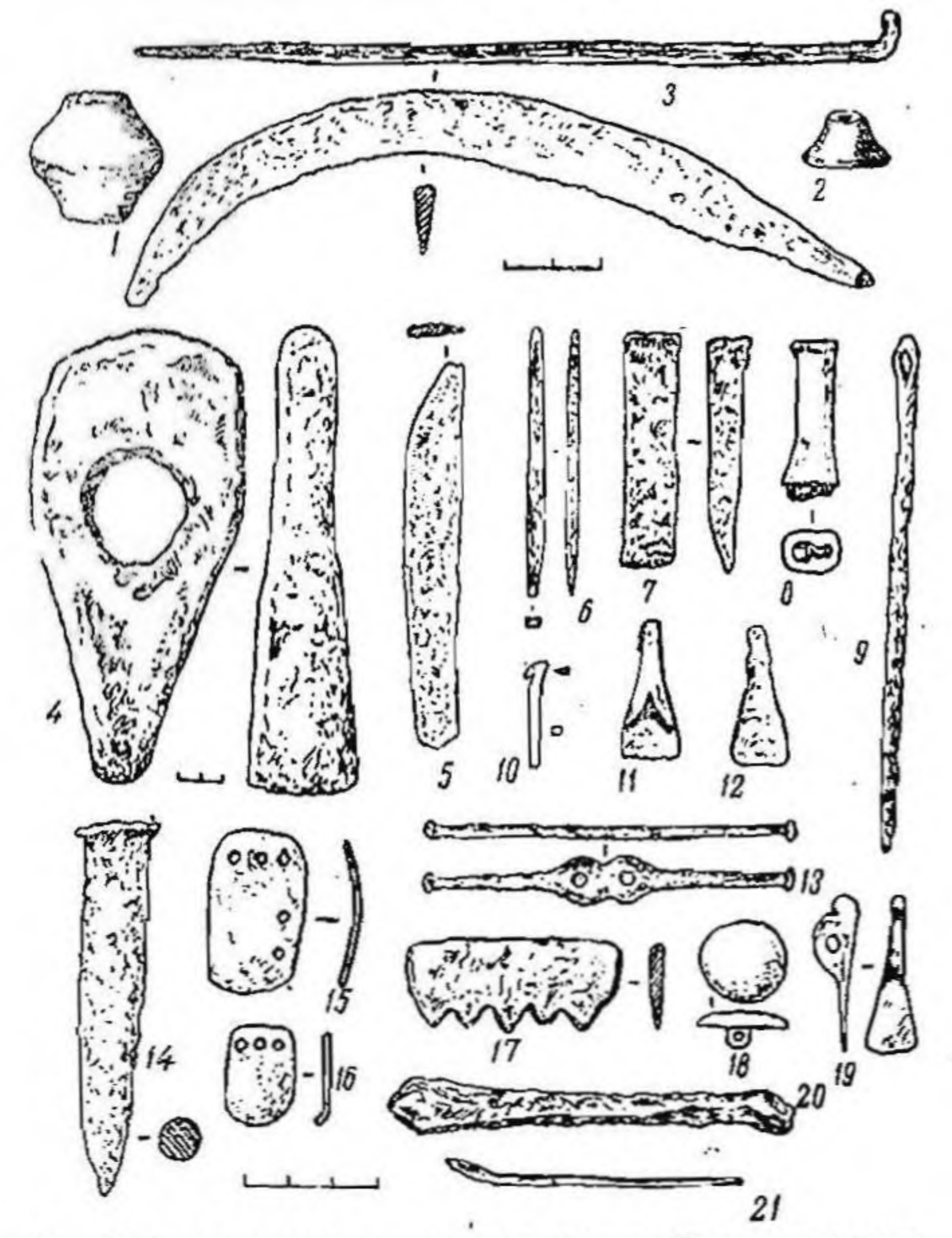

Рис. 52. Различные скифские вещи из находок на Каменском городище (по Б. Н. Гракову):

1, 2 — глиняные пряслица; *3* — серп; *4* — пуансон для штамповки чешуек панциря; *5* — нож; *6* — шило; *7* — долото; *8* — бронзовый штамп; *9* — большая игла; *10* — медный вязальный крючок; *11, 12* — стамески или долота; *13* — псалий (сильно уменьшен); *14* — пробойник; *15, 16* — бляшки от панциря; *17* — обломок пилы; *18* — уздечная бляха; *19* — налобник; *20* — сверло-перка; *21* — малая игла; *8, 10, 18* — из меди и бронзы; *1, 2* — глиняные (остальные — из железа).

пластинками. К нему привешивали оружие и другие предметы, которые необходимо было иметь под рукой. Скифы носили длинные штаны, сделанные из материи или из кожи. Эти штаны делались либо широкими, нависавшими над обувью, либо узкими, заправляемыми в мягкие сапожки с короткими голенищами. Сапожки над щиколоткой перевязывались тонким ремешком, а иногда такой же ремешок пропускался еще под подошву. Свою одежду скифы любили украшать различными вышивками и нашивными бляхами. Края кафтанов иногда опушивались мехом. В качестве верхней одежды скифы носили и теплые овчинные тулупы.

Женская одежда известна хуже мужской. Судя по изображениям (рис. 56, 1) и по некоторым находкам, она состояла из длинного платья с узкими рукавами, перетянутого в талии поясом. Сверху набрасывалось длинное покрывало или халат с узкими рукавами. Волосы стягивались красивыми повязками. Головные уборы имели вид остроконечной или плоской, расширяющейся кверху шапки. В качестве украшений применялись различные нашивные бляшки, бусы из камня, стекла и драгоценных металлов, серьги, подвески, перстни, браслеты и шейные гривны. Впрочем, три последних вида украшений встречаются и у мужчин. Довольно часто находят круглые бронзовые зеркала.

При изготовлении одежды и обуви из кожи широко применялись различные шилья и крупные иглы, которые известны по материалам раскопок скифских курганов и на Каменском городище.

Для хранения, приготовления и принятия пищи скифы использовали разнообразную местную и привозную посуду. Местная глиняная посуда лепилась вручную, без применения гончарного круга, из глины, имеющей обычно примесь мелкого песка и шамота. Преобладают горшки с плавно отогнутым или ровным, наклонно поставленным венчиком. Слабо выраженные плечики переходят в корпус с округлыми боками. Иногда корпус имеет форму, очень близкую к шаровидной.

В орнаментации характерны пальцевые вдавления или косые насечки по краю венчика, а также нанесенные пальцем или палочкой вдавления на шейке и плечиках сосуда. На некоторых сосудах имеется резной орнамент в виде линий, образующих зигзаги. Орнаментальные сквозные проколы на венчике очень редки.

До самого позднего времени степная скифская керамика сохраняла некоторые черты генетической связи со срубной керамикой эпохи поздней бронзы. К архаическим типам посуды относятся баночные горшки, которые встречаются в небольшом количестве экземпляров. Характерная для эпохи поздней бронзы орнаментация налепными валиками также

доживает здесь до позднего времени, когда валики от венчика вновь переходят на плечики сосудов. Да и орнамент в виде горизонтального ряда пальцевых или палочных вдавлений на плечиках также имеет весьма древние традиции.

Кроме горшков, иногда встречаются глиняные сковородки, крышки и глиняные цедилки в виде горшка, в дне которого еще до обжига палочкой проткнуты круглые отверстия.

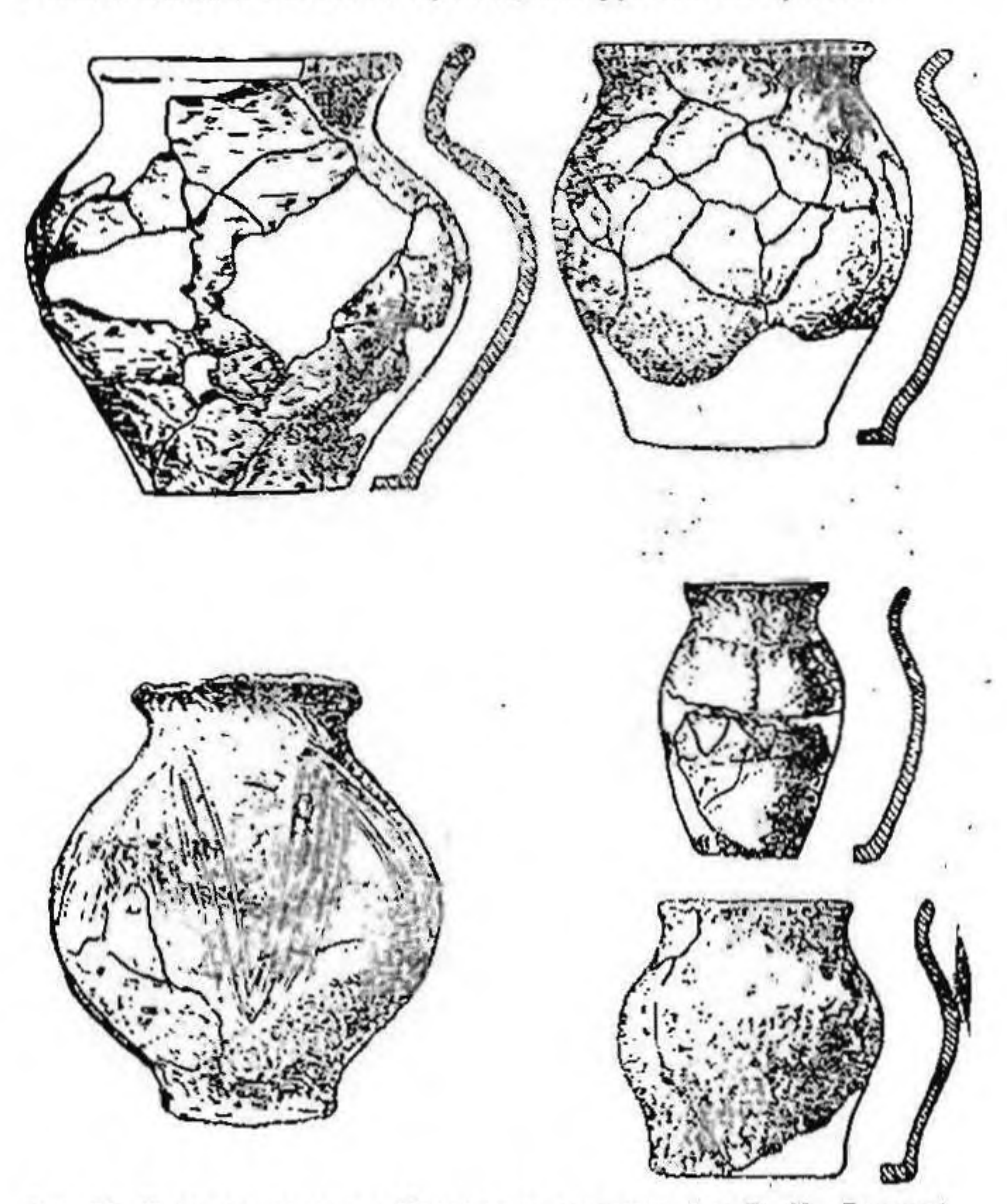

Рис. 53. Скифская керамика Каменского городища (по Б. Н. Гракову).

Основные типы степной скифской керамики местного производства с устойчивым однообразием встречаются на боль-

шой территории от низовьев Буга до дельты Дона. Известны, хотя пока в небольшом количестве экземпляров, находки аналогичной керамики и в степной части бассейна Сев. Донца.

Делали скифы и деревянные сосуды [1] в виде чаш или глубоких мисок с ручками, которые у богатых владельцев были украшены золотыми пластинками с различными изображениями. Геродот указывает, что чаши делались также из черепов убитых врагов [2].

Кроме глиняной и деревянной посуды, у скифов были еще большие бронзовые котлы местного производства (рис. 54). Они имеют овальный или круглый в плане чашеобразный корпус. Край корпуса оканчивается утолщенным рантиком с горизонтальным срезом. Корпус укреплен на одной полой ножке конической формы. Вдоль верхнего края котла симметрично расположены две, четыре или шесть ручек. Ручки обычно

Рис. 54. Бронзовый котел из скифского погребения в кургане Солохи.

украшены тремя рожками или отлиты в виде фигурок козлов. Реже встречаются гладкие дугообразные ручки. Последние бывают расположены сбоку. Корпус котла часто украшался снаружи орнаментацией в виде выпуклого шнура, образующего зигзаги или сетку.

[1] См. Псевдо-Гиппократ. О болезнях. 4, 20.
[2] Геродот. История, IV, 65.

Такие бронзовые котлы несомненно ценились очень высоко и были только у богатых представителей верхушки скифского общества. Да и применялись они не столько для варки пищи, сколько для варки мяса жертвенных животных при совершении религиозных обрядов. Об этом говорит Геродот[1].

Рис. 55. Золотые бляшки, найденные в кургане Куль-Оба (IV в. до н. э.). 1 — скифы, стреляющие из лука; 2 — охота на зайца.

Привозная керамика, встречающаяся на скифских поселениях и в погребениях, представлена дорогой чернолаковой

[1] Геродот. История, IV, 61.

греческой посудой и амфорами, в которых привозили из античных городов главным образом виноградное вино. Судя по обилию обломков амфорной тары, вино ввозилось в довольно

Рис. 56. Золотые бляшки с изображением культовых сцен: 1 — из кургана Чертомлык. Скиф перед богиней, 2 — из кургана Куль-Оба. Братание скифов.

большом количестве. В отличие от греков, которые пили вино, разбавленное водой, скифы пили его неразбавленным. У гре-

[1] Геродот. История, IV, 61.

ков даже возникло специальное выражение «подскифь», которое означало: «добавь чистого вина».

Скифы славились в древнем мире как умелые, храбрые воины; они имели очень хорошее для того времени вооружение. Основным наступательным оружием дальнего боя был лук со стрелами. Он делался из нескольких кусков упругого дерева и по форме напоминал букву M (рис. 55,1). Небольшой, но мощный лук давал возможность метать стрелы на большое расстояние. До нас дошла ольвийская надпись, в которой говорится, что во время соревнований стрелок «Анакса-

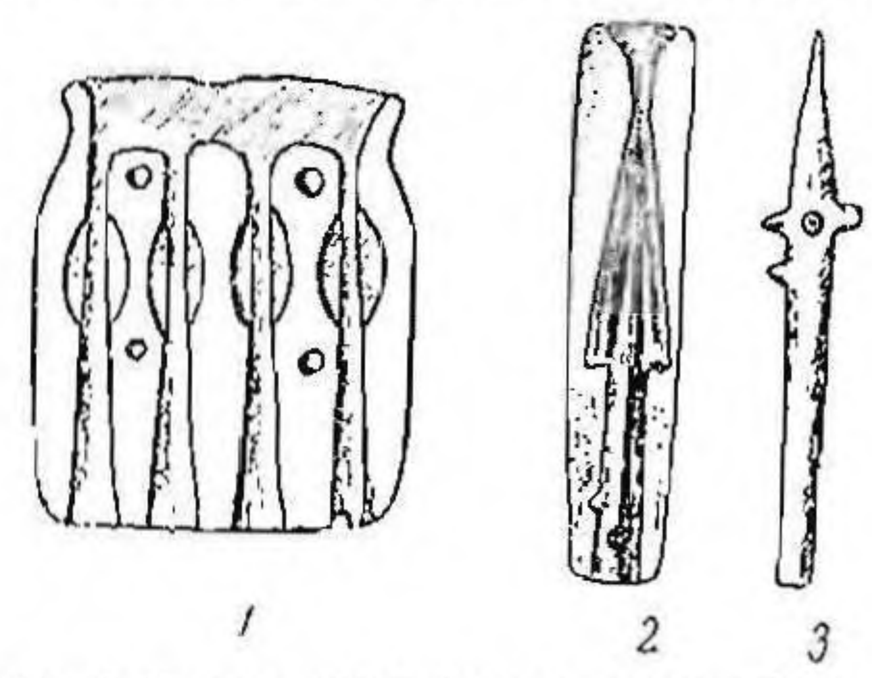

Рис. 57. Части литейных форм для отливки бронзовых наконечников стрел скифского типа: 1 — формочка из Новочеркасского клада; 2 — формочка и 3 — стержень к ней, найденные у с. Букрин в Киевской области.

гор, сын Димагора, метнул стрелу на двести восемьдесят две оргии»[1], т. е. более чем на 520 *м*.

Стрелы делались из дерева (часто из березы) и имели в длину 60—80 *см*. Для придания им устойчивости в полете к хвостовой части прикреплялись птичьи перья. Наконечники стрел изготовлялись обычно из бронзы, значительно реже из железа или кости. Независимо от материала все скифские наконечники стрел — втульчатые, с внутренним отверстием для вставления кончика древка. Применение бронзы для изготовления наконечников стрел объясняется не отсталостью, а технической целесообразностью. Отлить большое количество наконечников в специальной форме (рис. 57) было значительно легче, чем выковать их из железа. Формочки для отливки наконечников стрел скифского типа найдены в различных местах Северного Причерноморья. Половинка литейной формочки для наконечников стрел архаического типа была в

[1] IPE, I², № 195, стр. 212—213.

составе клада, обнаруженного в 1939 г. в Новочеркасске. Формочки для отливки наконечников более поздних типов были найдены на территории нынешней Киевской области и в Ольвии, где, кроме греков, жили и скифы.

Бронзовые наконечники скифских стрел часто находят на местах древних поселений и в погребениях (рис. 51, 5—7). В раннее время изготавливались плоские двухлопастные наконечники с длинной втулкой и с выступающим боковым шипом, который затруднял извлечение стрелы из раны. С V в. до н. э. преобладают трехгранные и трехлопастные бронзовые наконечники разных типов.

Для хранения лука и стрел из дерева и кожи делался специальный футляр (горит), который подвешивался к поясу с левой стороны (рис. 50а). У представителей скифской знати гориты украшались иногда золотыми обивками с различными изображениями. Стрел скифский воин носил с собой много, иногда более трехсот.

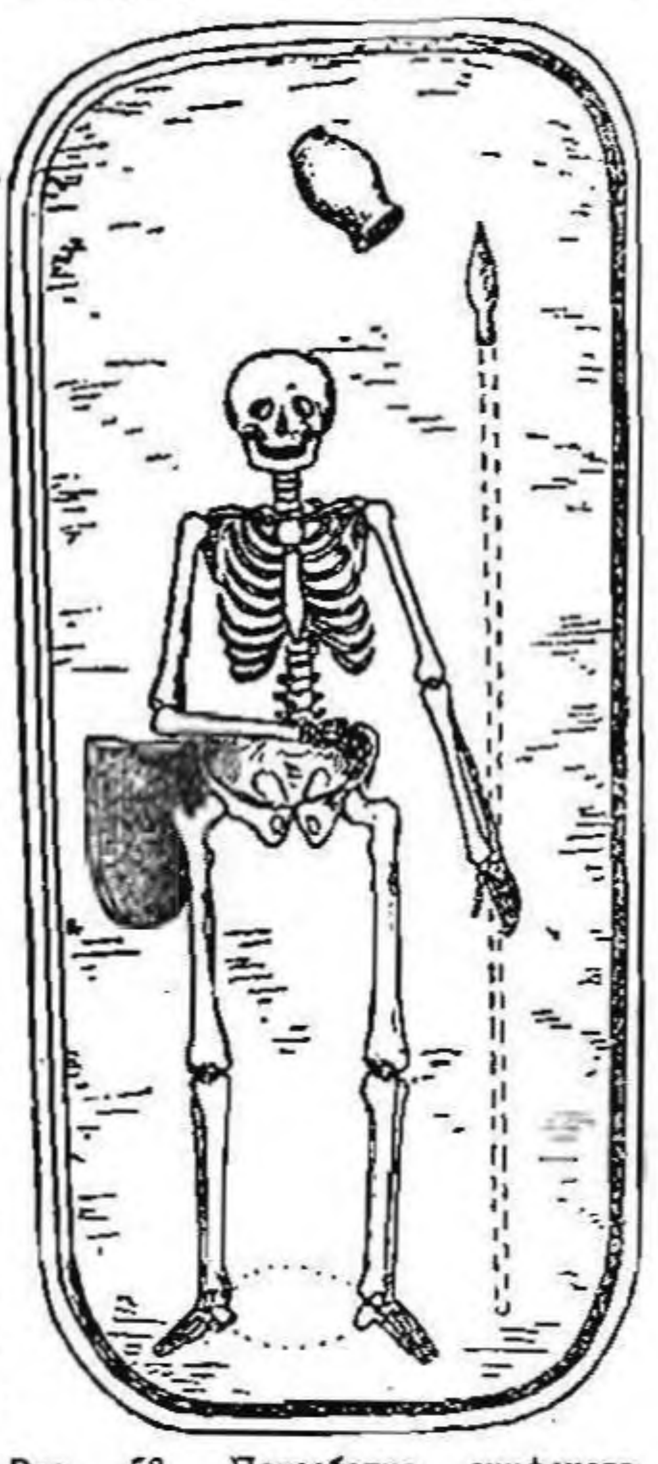

Рис. 68. Погребение скифского воина. Курган № 2 у хут. Шпаковка. Изюмский район Харьковской области (по В. А. Городцову).

Все остальное наступательное оружие скифов (дротики, копья, мечи, кинжалы, боевые топоры) делалось из железа[1]. Бронзовые кинжалы или наконечники копий встречаются лишь в архаических погребениях как пережитки предыдущей эпохи. Метательные копья-дротики с длинной железной втулкой и копье с массивным наконечником, предназначенное для рукопашной схватки, были очень важным оружием скифского воина. Железные наконечники копий (рис. 48), имели

---

[1] В единичных экземплярах известны бронзовые наконечники, кистеня и булавы.

втулку и насаживались на древо около 2 *м*. При раскопках В. А. Городцовым кургана № 2 у хут. Шпаковки на Донце в скифском погребении найдены остатки древка копья, вложенного в руку покойника (рис. 58).

В качестве оружия ближнего боя скифы применяли (короткий 50—70 *см*) меч-акинак или кинжал (рис. 59). Меч в ножнах из дерева и кожи подвешивался обычно к поясу с правой стороны. Мечи имеют двухлезвийный клинок. Рукоятка отделена от клинка сердцевидным или треугольным перекрестием,

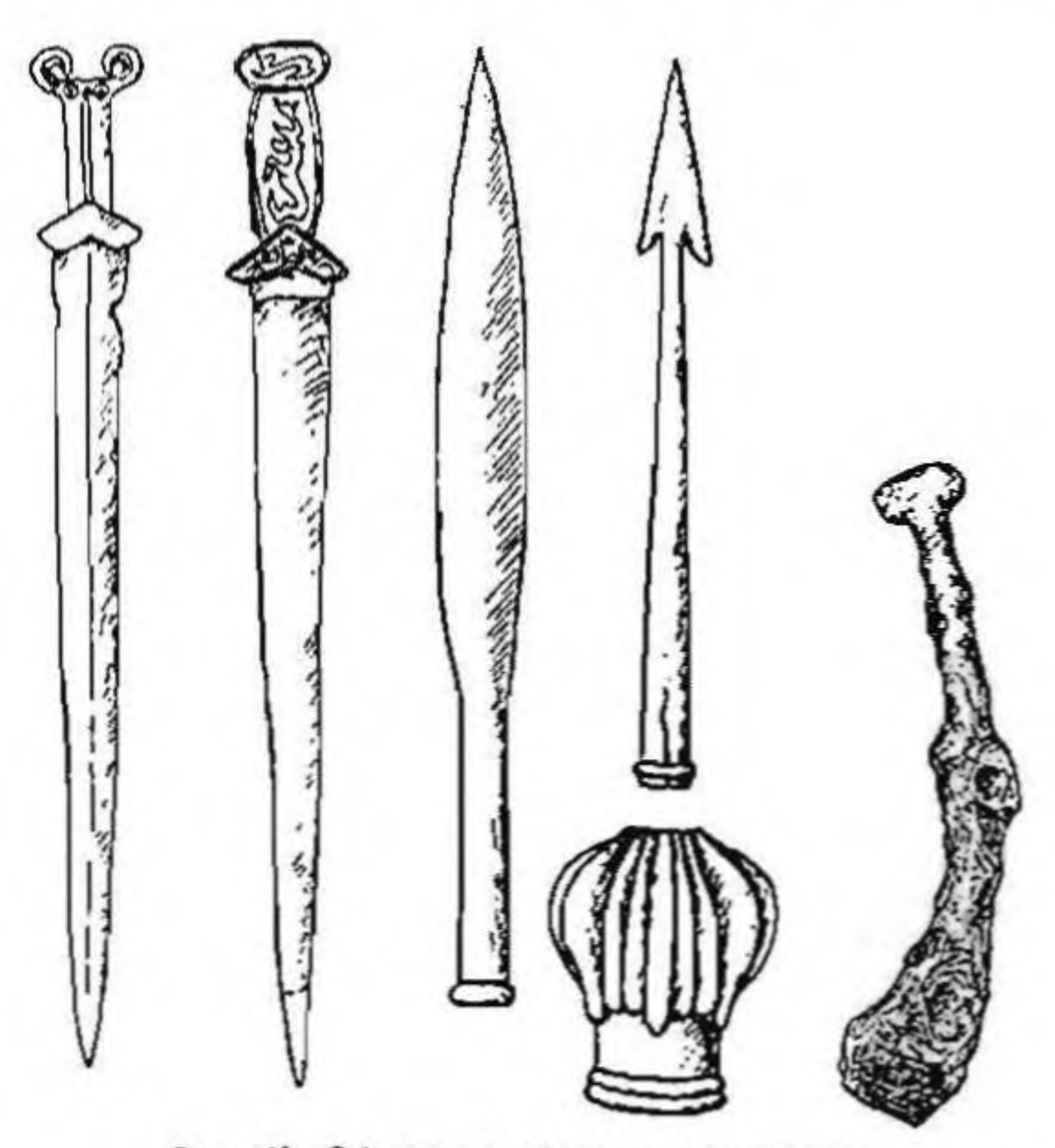

Рис. 59. Образцы скифского вооружения:
1 — меч V в. до н. э.; *2* — меч IV в. до н. э.; *3* — наконечник копья; *4* — наконечник дротика; *5* — бронзовый наконечник булавы; *6* — боевой топор. Вещи *1, 2, 3, 4, 6* сделаны из железа.

или перекрестием, напоминающим по форме крылья бабочки. Навершия рукоятки брусковидные или в виде двух завитков, иногда оформленных как головки или когти хищных птиц. Кинжалы по форме похожи на мечи и отличаются от последних лишь меньшей величиной (длина 20—40 *см*). Боевые топоры в археологических памятниках степной Скифии встречаются редко.

Основным видом защитного вооружения скифского воина был щит, сделанный из дерева, кожи, переплетенных прутьев или ремней (рис. 60). В определенной мере защитную роль играли также металлические бляшки, нашитые на пояс, кафтан и штаны.

Представители скифской знати иногда имели в качестве защитного вооружения еще бронзовый шлем местного или греческого типа, панцирь из железных или медных пластинок,

Рис. 60. Золотой гребень из кургана Солоха (начало IV в. до н. э.).

прикрепленных к кожаной рубашке, бронзовые пластинчатые поножи. И наступательное и оборонительное вооружение богатых воинов роскошно украшалось золотыми и серебряными пластинками с изображениями животных или целых боевых и мифологических сцен.

В скифском войске, состоявшем из ополчения рядовых членов общины и дружинников, были и конные и пешие воины, но конница играла все же главную роль. Большой разницы между вооружением рядовых общинников, как пеших, так и конных, по-видимому, не было. Главным их оружием был лук со стрелами. В ближнем бою всадники применяли копье, а пешие воины — меч, кинжал или топор.

Степные кочевники уделяли много внимания снаряжению коня. Кожаные части упряжи почти не сохранились, но представление о них можно получить по различным изображениям. Металлические части уздечки хорошо известны и по археологическим находкам на поселениях и в погребениях.

Ранние памятники свидетельствуют о том, что в архаическую эпоху металлические детали уздечки еще часто делались из бронзы. Так, в скифском погребении VII в. до н. э. в кургане у с. Черногоровка[1], который раскопал В. А. Городцов, была найдена пара бронзовых стремяновидных удил и

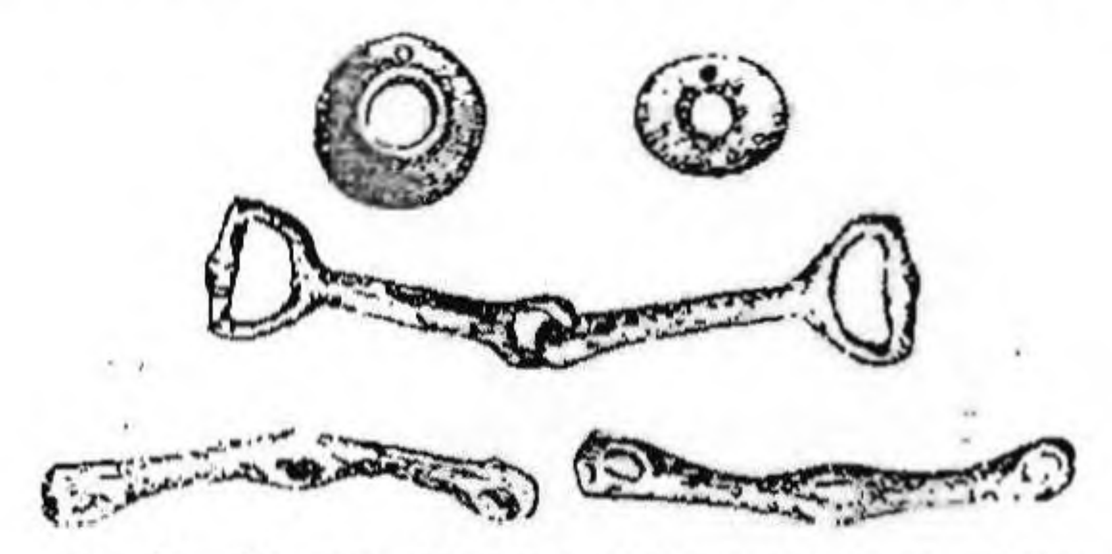

Рис. 61а. Пряжки, бронзовые удила и псалии из кургана у с. Черногоровка.

два слегка изогнутых трехдырчатых бронзовых псалия[2] (рис. 61, а).

Способ крепления металлических и ременных частей подобной уздечки можно представить себе так: среднее отверстие псалия служило, во-первых, для соединения со стремяновидным концом удил и, во-вторых, для закрепления конца повода. К двум крайним отверстиям псалия присоединялся раздваивающийся нащечный ремень оголовья уздечки.

В другом архаическом скифском погребении из кургана в урочище Золотой рудник[3]. Н. Е. Бранденбург также обнаружил набор бронзовых вещей. Здесь лежали половинка стремяновидных удил, два непарных слегка изогнутых псалия с тремя трубчатыми отверстиями и со шляпками на концах и бронзовая бляшка с ушком (рис. 61,б). В этом же погребении был найден небольшой бронзовый нож, который

[1] В бывш. Изюмском уезде Харьковской губ. (ныне Донецкая обл.).

[2] Псалии (усики) препятствовали значительному боковому смещению удил во рту лошади и вместе с тем служили для скрепления удил с ременными частями уздечки.

[3] В бывшем Славяносербском уезде Екатеринославской губернии (ныне Луганская обл.), в 6 км от с. Камышевахи соседнего Бахмутского уезда). Впускное погребение в насыпи кургана № 1 (295).

имеет уже типичную для скифских железных ножей форму — изогнутая спинка непосредственно переходит в черенок для рукоятки, а лезвие отделено от черенка небольшим закругленным выступом. По-видимому, к этому же комплексу относится плоское костяное кольцо, найденное в насыпи кургана.

Однако весьма скоро железо вытесняет бронзу в конской упряжи так же, как и при изготовлении других вещей. Только различные бляшки для украшения ремней по-прежнему делались из золотистой бронзы. Примерно в конце VI в.— начале V в. до н. э. в устройстве конской упряжи наблюдаются некоторые изменения. Железные удила по форме уже мало отличаются от современных, а на смену трехдырчатым

Рис. 61б. Вещи из кургана в урочище Золотой Рудник (около Камышевахи).

псалиям приходят разнообразно оформленные двухдырчатые (рис. 51, 2 и 52, 13). Некоторые изображения и особенно находки уздечных наборов аналогичного типа вместе с ремнями в алтайских курганах дают возможность ясно представить их устройство. Псалии продевались во внешние кольца удил, к которым прикреплялся повод. Два отверстия в псалиях служили для соединения металлических частей уздечки с кожаными ремнями оголовья. Употребляли скифские всадники также и седла, но без стремян, которые в то время вообще не были известны.

Свои изделия из металла, кости и других материалов скифы любили украшать различными изображениями, среди ко-

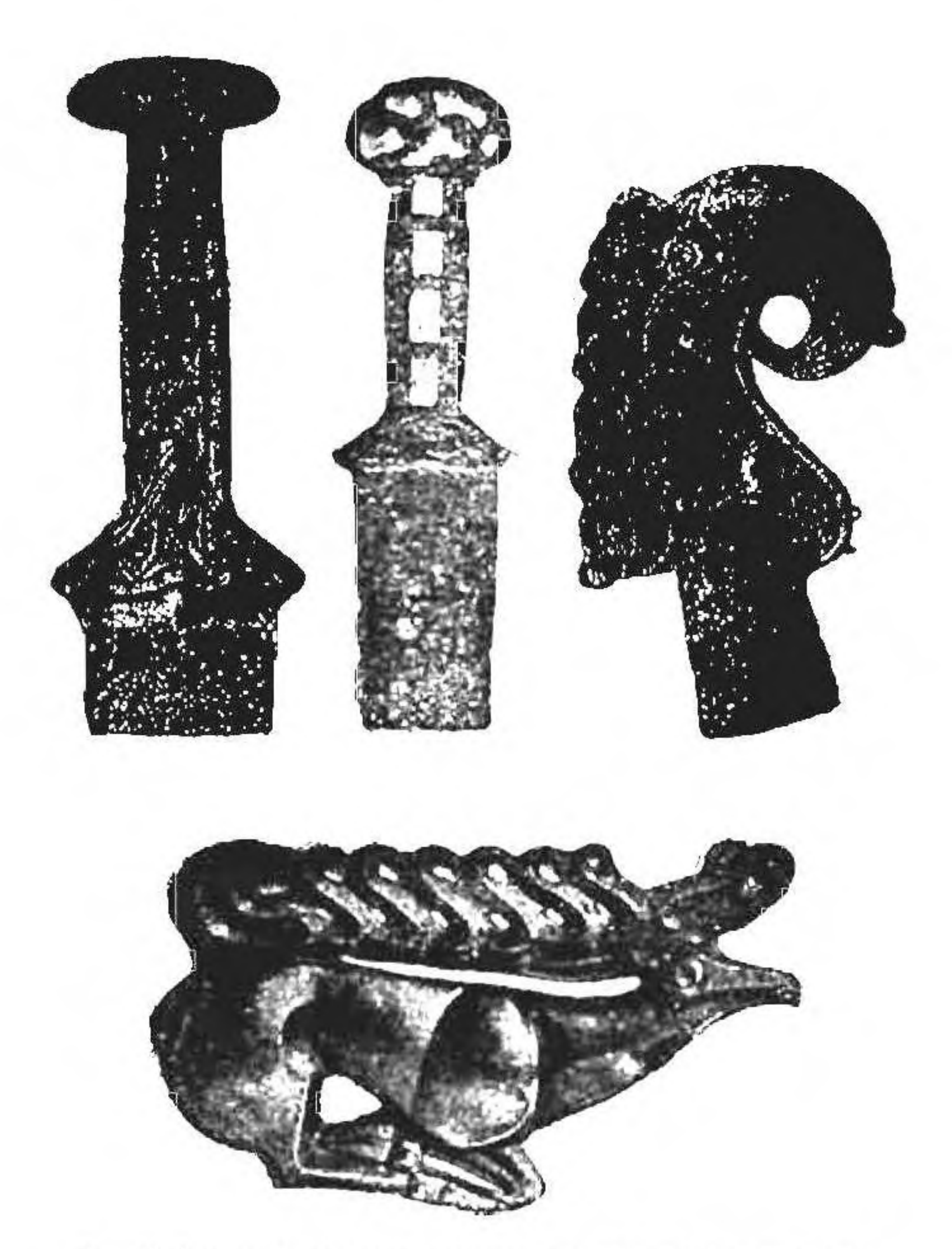

Рис. 62. Различные изделия, оформленные в скифском зверином стиле:
1 — покрытая золотом рукоятка меча из Частых курганов под Воронежем;
2 — ажурная железная рукоятка меча из находок в Полтавской области;
3 — бронзовое навершие из кургана близ Ульского аула (Прикубанье);
4 — золотое изображение оленя из кургана близ станицы Костромской (Прикубанье).

Рис. 63. Различные изделия, оформленные в скифском зверином стиле: 1 — бронзовая бляшка в виде птичьей головки из Семибратнего кургана; 2 — золотое изображение пантеры из кургана Келермес; 3 — изображение свернувшегося хищника из кургана близ Симферополя.

торых господствовали своеобразно оформленные фигуры зверей. Вещи, украшенные в этом оригинальном скифском зверином стиле, можно найти среди предметов вооружения, в деталях конской сбруи, среди личных украшений и бытовых предметов. Сюжеты изображений весьма разнообразны. В кургане у ст. Костромская на Кубани найдена украшавшая щит золотая бляшка с изображением несущегося в летучем галопе оленя (рис. 62, 4), бляшка из Келермесского кургана на Кубани изображает приготовившуюся к прыжку пантеру (рис. 63, 2), в одном из курганов близ Симферополя найдена бляшка с изображением свернувшегося хищника кошачьей породы (рис. 63, 3). Головы и лапы зверей, крылья и головы птиц, головы фантастических грифонов и другие изображения часто украшают детали конской уздечки. Ручки бронзовых котлов иногда оформлялись в виде фигур горных козлов. Весьма распространены были сцены терзания одного зверя другим.

Реальные черты животного, тонко подмеченные и точно переданные художником, сочетаются в скифском зверином стиле со своеобразной фантастикой и условностью в передаче отдельных деталей. Например, концы рогов оленя или лапы пантер оформляются как головы орлов. В ряде случаев головы, ноги, когти, глаза и другие части тела фигурируют как самостоятельные изображения, символизирующие силу, быстроту, цепкость, зоркость и т. п. Эти изображения несомненно имели магическое значение, и помещение их на мечах, колчанах, конской сбруе и других вещах должно было, по мнению скифов, увеличивать силу и точность удара мечом, меткость стрелы, быстроту коня, предохранять владельца от различных опасностей.

В некоторых изделиях, оформленных в скифском зверином стиле, чувствуется влияние урартийского, ассиро-вавилонского или греческого искусства, но в целом этот стиль вполне оригинален. В то же время скифское искусство оказало воздействие на греческих мастеров, которые, делая те или иные вещи для скифов, приспосабливались к их вкусам, к их манере изображения.

К сожалению, мы еще мало знаем скифскую религию. Некоторые исследователи считают, что широкое распространение в скифском искусстве изображений зверей связано с пережитками тотемистических представлений о животных-родоначальниках и покровителях определенных родо-племенных групп.

Геродот дает перечень имен скифских божеств, сопоставляя их со сходными, по его мнению, греческими богами[1]. На первом месте он ставит скифскую богиню Табити, сравнивае-

[1] Геродот. История, IV, 59.

мую с греческой богиней домашнего очага Гестией. При этом Геродот подчеркивает, что Табити почитали во всей Скифии больше других богов, называли священной «царицей скифов» и в наиболее важных случаях клялись «царскими гестиями», т. е., по-видимому, священными очагами, на которых горел огонь в честь великой богини[1]. Предполагают, что именно Табити изображена на золотых бляшках из кургана Чертомлык (рис. 56, 1) в образе торжественно сидящей на кресле женщины, перед которой стоит скиф, пьющий из священного ритона[2].

Из других скифских богов Геродот называет Папая (Зевс), его жену Апи (Гея), Гойтосира — Аполлона, Аргимпасу — небесную Афродиту, Геракла, Арея и Посейдона — Фагимасада. При этом Геродот не дает скифских имен богов, аналогичных греческим Гераклу и Арею, и отмечает, что Посейдона — Фагимасада почитают только царские скифы.

Рис. 64. Скифские каменные статуи:
а — антропоморфная стела из с. Терновки. Николаевский музей; *в* — антропоморфная стела Днепропетровского музея.

Скифы не строили храмов, не воздвигали алтарей и не сооружали статуй ни для одного из своих богов. В честь бога войны — Арея на территории каждого племени складывались огромные кучи хвороста и на вершине кучи водружался старинный железный меч. Этот меч являлся символом бога

[1] Геродот. История, IV, 59, 68, 127..

[2] Ритон — сосуд для питья, сделанный в форме рога.

войны, которому приносили в жертву рогатый скот, лошадей и даже каждого сотого мужчину из числа захваченных в плен. В разных местах Скифии найдены каменные статуи воинов с ритуальным сосудом в руках и со скифским оружием на поясе (рис. 64). Среди оружия обязательно имеется меч. А. И. Мелюкова высказывала предположение, что эти статуи изображают бога войны Арея. Но это противоречит указаниям Геродота, подробно описывающего устройство святилищ этого бога с фетишем в виде меча [1]. Кроме того, заметны попытки художников передать в скульптурах некоторые индивидуальные особенности каких-то лиц. Состав вещей, вырезанных на каменных стелах, и поза, в которой изображен человек, свидетельствуют в пользу мнения Н. Г. Елагиной, которая считает, что эти статуи являются примитивными надгробными изображениями скифских царей с регалиями, пожалованными им божеством. М. И. Артамонов высказал предположение о том, что статуи передают обобщенный образ предка.

Своих покойников скифы хоронили в могилах, над которыми сооружали курганы. Геродот обстоятельно описывает устройство могил, сцены прощания и обряд погребения скифских царей, используя, очевидно, рассказы ольвийских греков или живших в Ольвии скифов.

По его словам, после смерти труп царя бальзамировали и на повозке везли от одного подвластного племени к другому. В знак траура те, к которым прибывал похоронный кортеж, «отрезают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку» [2]. После окончания обряда прощания со всеми подвластными племенами останки царя везли в местность Геррос около днепровских порогов и с большой пышностью хоронили.

Археологи действительно раскопали здесь ряд царских погребений в курганах, и эти исследования значительно дополняют сведения письменных источников. Среди раскопанных царских курганов наиболее известны курганы IV в. до н. э. Чертомлык и Солоха, которые содержали неограбленные или не полностью ограбленные могилы и дали много вещей, важных для изучения истории раннего железного века.

Курган Чертомлык расположен на правом берегу Днепра, в 20 *км* от города Никополя. Раскопал его в 1862—1863 гг. выдающийся русский археолог И. Е. Забелин. Высота насыпи — 20 *м*. На вершине кургана стояла каменная статуя, изображавшая воина с мечом и с колчаном. Нижняя часть насыпи укреплена каменной крепидой. Под центральной частью кургана в материке была вырыта большая четырехугольная

---

[1] См. Геродот, IV, 59 и 62.

[2] Геродот, История, IV, 71.

има с четырьмя катакомбами по углам. В могильных помещениях, в специальных нишах и тайниках найдено огромное количество самых разнообразных вещей: оружие, золотые и серебряные украшения, бытовая утварь, бронзовые жертвенные котлы, греческие глиняные амфоры, в которых хранилось вино или масло, уже упомянутая прекрасная серебряная амфора и др. Вместе с царем были похоронены его наложница, слуги, конюхи и вооруженные воины. В особых могилах были положены лошади со сбруей, украшенной золотом и серебром.

Курган Солоха расположен к югу от Никополя, на левом берегу Днепра. Раскопки его производил в 1912—1913 гг. Н. И. Веселовский. Исследования показали, что курган высотой в 18 *м* был насыпан в два приема и под ним находилось два царских погребения. Первое погребение было почти целиком разграблено, второе, более тщательно замаскированное, сохранилось. От прямоугольной входной ямы к погребению царя, расположенному в катакомбе, вел длинный коридор. Вблизи царя был похоронен оруженосец и мальчик — виночерпий. В специальных нишах находилось 10 греческих амфор и три бронзовых котла с костными остатками жертвенных животных. В отдельной могильной яме был похоронен конюх и пять лошадей с богатой сбруей.

С особой пышностью был погребен в кургане Солоха сам царь. Он был по обычаю похоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад. На голове у него был бронзовый шлем, на шее — золотая гривна с львиными головами на концах. Отдельно лежали остатки железной кольчуги и пара бронзовых поножей. Вся одежда покойника украшена множеством нашивных золотых бляшек. На правой руке было три, а на левой — два золотых браслета. Из наступательного оружия около царя найдены бронзовая булава-шестопер и железный меч с украшенными золотом ножнами и рукояткой. Из других находок особо надо отметить не имеющий себе равных по совершенству художественного оформления золотой гребень (рис. 60), на рукоятке которого изображена сцена сражения всадника и двух пеших воинов. У ног сражающихся лежит убитая лошадь одного из бойцов.

Пышность царских погребений, обилие в них дорогих вещей и наличие рабов свидетельствуют о глубокой социальной и имущественной дифференциации скифского общества. Остальных скифов хоронили гораздо скромнее. В течение 40 дней родственники возили тело покойника на повозке по всем его друзьям для отдачи последних почестей, а затем хоронили в могиле под курганом, снабжая соответствующими вещами, но, конечно, не в таком большом количестве, как в царских могилах. Лишь в богатых погребениях встречаются захоронения лошадей.

Раскопки степных скифских курганов показывают, что для раннего времени характерны погребения в прямоугольных, перекрытых деревом ямах, которые вытянуты в направлении с запада на восток. Покойник обычно ориентирован головой на запад. С V в. до н. э. получают распространение, сначала в курганах родо-племенной аристократии, а затем и в курганах рядовых общинников, могилы, устроенные, в виде катакомб. Однако в некоторых местах обычай погребения в ямах сохраняется до позднего времени.

В степной части бассейна Сев. Донца известно в настоящее время лишь десять скифских погребений в следующих пунктах: хут. Шпаковка, с. Малая Камышеваха, хут. Бревин, с. Райское, хут. Каменка, хут. Черногоровка, хут. Ступки, урочище Золотой рудник и с. Криворожье (см. карту рис. 67). В большинстве случаев это впускные погребения в прямоугольных ямах, перекрытых деревом. В кургане у хут. Бревина могила имела вид склепа со стенами, обставленными вертикальными бревнами. Не совсем ясно устройство могилы в кургане у сл. Криворожье, который был разрыт местным жителем. По-видимому, здесь земляная насыпь над ямой с остатками трупосожжения была перекрыта каменной обкладкой.

Покойники обычно лежат вытянуто на спине, и только в таком раннем погребении, как черногоровское, наблюдается в качестве пережитка традиций бронзового века скорченное положение покойника. О преобладающей ориентировке трудно говорить, так как статистика убедительна лишь тогда, когда она имеет дело с массовым материалом. Можно лишь отметить, что в донецких курганах, как и в других местах степной Скифии, имеются погребения с западной ориентировкой покойника, но встречается также восточная и южная ориентировка. Конских захоронений ни в одном из погребений нет, но конская сбруя положена в трех могилах. Не встречено на Сев. Донце и скифских погребений в катакомбах, но утверждать, что это — местная особенность, нельзя, так как все известные сейчас и хорошо датируемые степные погребения относятся или к VII в. до н. э. (Черногоровка и Золотой рудник), или к VI в. до н. э., а обычай хоронить покойников в катакомбах получает широкое распространение позже.

Инвентарь погребений, принадлежащих рядовым общинникам, небогат. В могилах встречаются лепные глиняные сосуды местного изготовления, наконечники стрел, наконечники копий, ножи, конская сбруя, зернотерки или точильные камни.

Только в одном погребении у сл. Криворожье на р. Калитве (левый приток Сев. Донца) были найдены дорогие изделия, которые уже в архаическую эпоху встречаются у представителей родо-племенной аристократии. Здесь, кроме двух глиняных сосудов местной работы, обнаружены следующие вещи:

золотой венчик, небольшая, но массивная серебряная головка быка и обломки кувшина из розовато-желтой глины с примесью частиц слюды.

Верхняя часть кувшина оформлена в виде головы барана. По светлой обмазке сосуда росписью нанесен орнамент: на горле — меандр и плетенка, а на кружках в месте верхнего прикрепления ручки — розетка из точек (рис. 65, 1). Исследо-

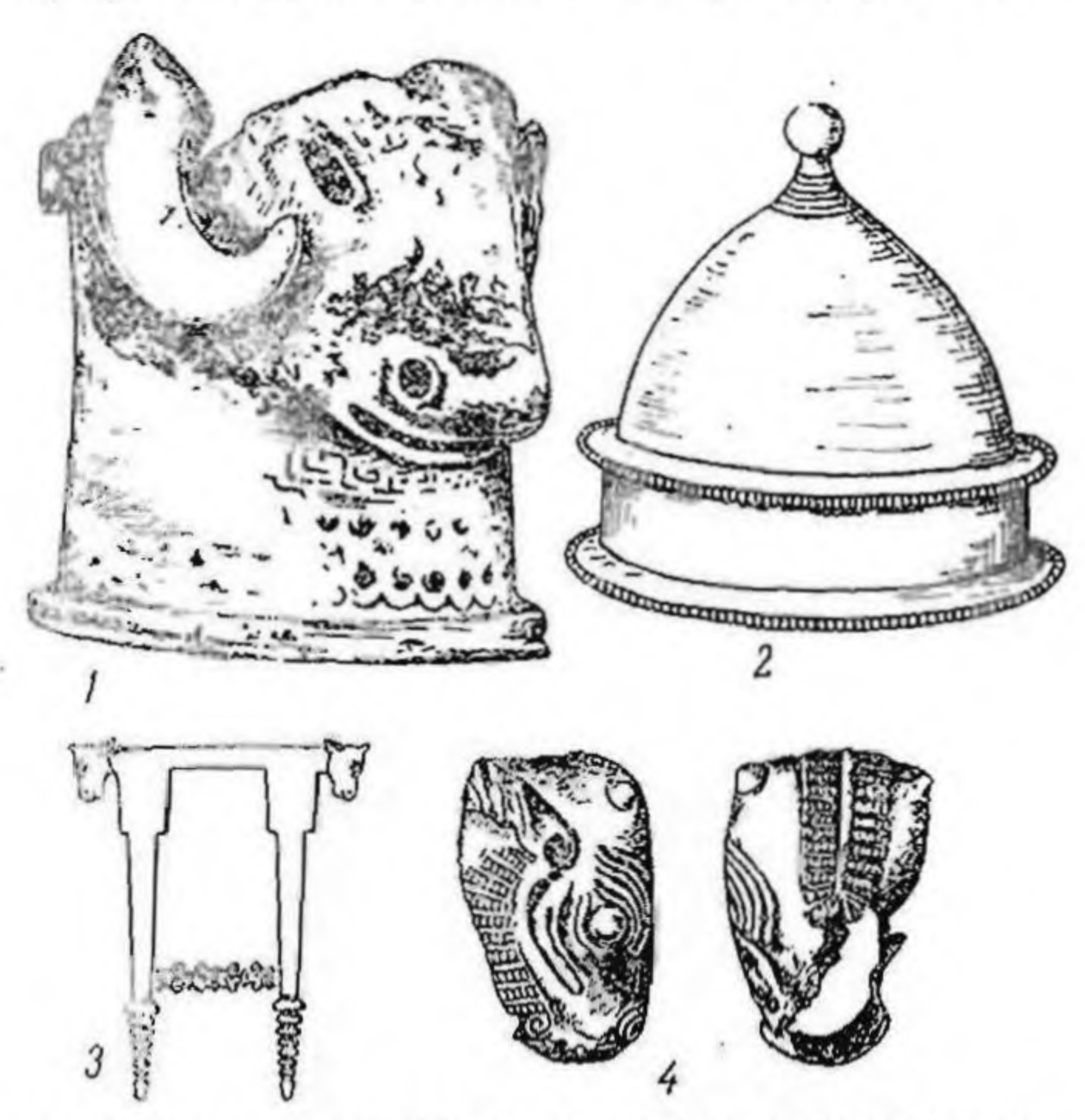

Рис. 65. Находки в кургане VI в. до н. э. у сл. Криворожье на р. Калитве: 1 — часть самосского сосуда в виде головы барана; 2 — реконструкция шлема с венцом в виде обруча; 3 — изображение табурета на рельефе из Ниневии; 4 — серебряная головка быка (деталь табурета).

вавшая этот комплекс Т. Н. Книпович выяснила, что кувшин с головой барана принадлежит к группе раннеархаической керамики начала VI в. до н. э.

Я. И. Смирнов считал серебряную головку бычка (рис. 65, 4) нижним концом ритона. Однако А. П. Манцевич,

тщательно исследовавшая эту находку и отыскавшая ряд убедительных аналогий, доказала, что это — не часть ритона, а деталь, украшавшая концы горизонтальных перекладин сиденья табурета (рис. 65,3). Такие табуреты известны по рельефам из дворца ассирийских царей в Ниневии и в других местах. Эта дорогая мебель ассирийского типа проникала в архаическую эпоху и к скифской знати в Северное Причерноморье. Так, серебряные части подобного табурета были найдены в Литом (Мельгуновском) кургане близ Кировограда, золотые украшения мебели имеются и в инвентаре келермесских курганов на Кубани. А. П. Манцевич также удалось выяснить, что золотой венец является украшением архаического колоколовидного бронзового шлема (рис. 65,2). По ее мнению венец и шлем были изготовлены в Семиградье, на территории современной Венгрии, где в скифскую эпоху жили агафирсы. В целом комплекс криворожского погребения датируется началом VI в. до н. э.

Здесь же следует отметить, что своеобразные псалии с тремя трубчатыми отверстиями и шляпками на концах, найденные в кургане урочища Золотой рудник, также вряд ли могут считаться местными. А. А. Иессен,, специально изучавший вопрос о ранних типах конских уздечных наборов на юге Восточной Европы, считает, что эти псалии следует считать привозными с запада, возможно, с территории Венгрии, где различные варианты их были широко распространены в начале железного века.

Уздечный набор черногоровского кургана, как и другие находки стремяновидных удил в бассейне Донца, ведут нас на Северный Кавказ, где раньше всего были созданы определенные типы металлических уздечных наборов нашего юга, получившие затем широкое распространение.

Таким образом, даже при небольшом количестве известного нам сейчас материала целый ряд убедительных фактов показывает, что местные племена уже в VII—VI вв. до н. э. вели меновую торговлю с соседними племенами, а через них устанавливали связи с более отдаленными территориями — от Венгрии и ионийского побережья Малой Азии на западе, до Месопотамии на юге. Конечно, непосредственного торгового обмена с такими отдаленными странами, как Месопотамия, не было, и вещи приобретались через целый ряд посредников. Однако некоторые вещи древневосточного происхождения могли попасть в руки скифов в период их военных походов в Переднюю Азию.

Скифские племена на том историческом отрезке, в течение которого они нам известны, прошли значительный путь исторического развития от патриархально-родового общества до классового общества и государства.

В ранний период, в VII—V вв. до н. э., собственно скифские ираноязычные племена были объединены в мощный племенной союз, во главе которого стояли царские скифы. Внутри этого союза постепенно накапливались силы, которые подрывали основы старинной родовой организации. Развитие скотоводства, а у некоторых осевших на землю племен и земледелия, освоение обработки железа и рост ремесла, расширение обмена и распространение патриархального рабства — все это значительно усложнило производственные отношения и привело к обострению социальных противоречий.

Археологические памятники ярко свидетельствуют о быстром росте имущественной дифференциации, о накоплении огромных богатств в руках родовой знати, особенно с того времени, когда на побережье Черного моря появились греческие колонии, и торговля стала оживлённой. Быстрому разложению родовых отношений способствовали и частые войны, которые вели скифы. В ходе войн усиливалась и приобретала большее, чем раньше, значение военная организация, военные дружины.

В источниках можно найти разнообразные факты, которые показывают, что у скифов уже к V веку сложились обычаи, поощрявшие военные захваты. Геродот пишет, что «скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех врагов, убитых им в сражении, относятся к царю, потому что только под условием доставления головы неприятеля скиф получает долю добычи, в противном случае он не получает ничего»[1]. В другом месте он добавляет: «Ежегодно раз в году каждый начальник в своей области приготовляет большую чашу вина, из которой пьют лишь те скифы, которые умертвили врагов; те, которым не удалось это сделать, не вкушают этого вина и как обесчещенные, садятся отдельно; это самый тяжкий позор для них. Напротив, если кто из скифов убил очень много врагов, тот получает две чаши и пьет вино из обеих разом»[2].

Понятно, что убийство как можно большего количества людей, их обезглавливание, скальпирование и т. п. не вызывалось потребностями защиты своей территории. Эти обычаи, делавшие военное ремесло почетным, поддерживались родоплеменной аристократией, которая обогащалась в ходе грабительских войн.

Скифская знать накапливала свои богатства не только за счет военного грабежа соседних племен, а также путем усиления эксплуатации рядовых общинников внутри скифского союза. Первобытного равенства тут уже давно не существовало. На господствующее положение царских скифов среди остальных скифских племен указывал еще Геродот[3].

---

[1] Геродот. История. IV, 64.
[2] Там же, IV, 66.
[3] Там же, IV, 20.

Быт скифской знати все более терял патриархальную простоту, все более эллинизировался. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные находки в скифских курганах произведений греческих ювелиров и торевтов, греческой чернолаковой посуды и других предметов роскоши. Отдельные представители верхушки скифского общества даже селились в греческих городах, перенимали греческие обычаи и религию.

В источниках получили некоторое отражение те социальные противоречия, которые нарастали в скифском обществе и принимали иногда форму борьбы за старые патриархальные обы-

Рис. 65. Бронзовые монеты скифских царей.
1 — царя Канита; 2 — царя Скилура.

чаи, за традиционную религию. Так, выстрелом из лука был убит скифский мудрец Анахарсис, который много путешествовал и жил в Греции, а затем, вернувшись на родину, пытался и здесь выполнять обряды греческого религиозного культа.

Подобная судьба постигла и скифского царя Скила, который владел греческим языком и письменностью и не любил скифского образа жизни. В Ольвии у него был роскошный дом, вокруг которого стояли беломраморные сфинксы и грифы. Здесь Скил жил по греческим обычаям, носил греческую одежду и даже был посвящен в таинства Диониса-Вакха. Участие царя в вакханалиях — празднествах в честь бога вина Диониса-Вакха — особенно возмутило скифские массы и послужило поводом для открытого выступления. Как сообщает Геродот, «скифы взбунтовались» против Скила, лишили его

царской власти и передали ее брату Скила Октамасаду. Скил пытался спастись бегством во Фракию, но был выдан фракийским царем и убит[1].

Однако отдельные стихийные выступления не могли остановить общего процесса разложения родо-племенного общества скифов и его эллинизации. Власть «царя» — верховного вождя скифского племенного союза — все более усиливалась. Ее укреплению способствовала наследственность царской власти, которая существовала уже в VII в. до н. э. Складывались легенды, доказывавшие божественное происхождение царей.

Неудачное вторжение войск персидского царя Дария I в 514 г. на территорию Скифии не ослабило скифского племенного союза. Наоборот, общая опасность и совместная борьба против иноземных захватчиков еще более сплотили скифские племена.

По вопросу о том, когда у скифов окончательно оформилось государство и что оно собой представляло, высказывались различные мнения, останавливаться на разборе которых здесь мы не имеем возможности. Наиболее убедительной нам представляется точка зрения Б. Н. Гракова, которую он обстоятельно аргументировал в ряде своих работ. Б. Н. Граков считает, что уже в IV в. до н. э. в царстве Атея можно видеть первое скифское государственное объединение. Это было примитивное рабовладельческое государство, в котором наряду с эксплуатацией богатыми обедневших рядовых общинников применялся труд рабов, находившихся, по-видимому, на таком же положении, как илоты в Спарте.

Политическим центром и центром металлургического производства степного скифского царства было Каменское городище. Здесь, внутри территории, защищенной крутыми берегами рек и земляными валами, обнаружены различные жилые и хозяйственные постройки. Жилища были в виде землянок и домов, стены которых устраивались из вертикально врытых в землю бревен или из плетневого каркаса, обмазанного глиной. Внутри жилищ помещался глинобитный очаг. В особо укрепленной аристократической части города — на акрополе — найдены даже остатки разрушенных каменных зданий.

Большой интерес представляют обнаруженные на Каменском городище остатки жилищ и производственных помещений скифских ремесленников. Шлаки, крицы, обломки тиглей и сопел свидетельствуют о местном железоплавильном и медколитейном производстве. Раскопки на этом городище впервые познакомили археологов с обширным набором различных инструментов скифских ремесленников. Здесь найдены

[1] Геродот. История, IV, 76—80.

ножи, топоры, долота, шилья, обломок пилы, зубила, пробойники, штампы и другие орудия (рис. 52).

На рубеже III и II вв. до н. э. ситуация в степях Северного Причерноморья значительно изменяется. Под давлением сарматских племен скифы теряют большую часть своей территории, и их столица переносится в Крым. На окраине современного Симферополя, на берегу р. Салгира находится большое городище. На этом городище, благодаря раскопкам П. Н. Шульца и других археологов, обнаружены остатки сильно эллинизированного позднескифского города Неаполиса. В переводе с греческого это название означает «Новый город», «Новгород». Здесь действительно была новая столица позднескифского царства.

ГЛАВА VIII

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЧАСТИ БАССЕЙНА ДОНЦА

К северу от кочевий собственно скифских ираноязычных племен, в лесостепной части бассейна древнего Сиргиса или Иргиса (Донца)[1] жили иные, оседлые, земледельческо-скотоводческие племена. Изучение остатков поселений на этой территории дает картину, прямо противоположную той, которую мы наблюдали в степи. Если на юге с трудом можно было зафиксировать следы скифских поселений, то здесь, напротив, сейчас уже известно 18 городищ и около 50 неукрепленных селищ раннего железного века.

Расположены эти поселения главным образом на правом берегу Донца и по таким правым его притокам, как рр. Уды, Мжа, Гомольша и др. В то время как правый берег Донца был сравнительно плотно заселен, на левом берегу встречаются лишь отдельные селища с незначительным культурным слоем, связанные, очевидно, с сезонным использованием в качестве пастбищ прекрасных пойменных лугов. Самыми северными поселениями раннего железного века, известными в настоящее время в бассейне Донца, являются селище и городище у с. Сабынино, Белгородской области. Крайним южным форпостом было Северское городище у с. Мелового, Балаклейского района, Харьковской области. Эта картина станет еще более выразительной, если учесть погребения и отдельные находки.

Характерно, что указанные поселения не выходят за пределы южной границы лесостепной зоны. Границу древней лесостепи в пределах интересующей нас территории современные

[1] Геродот в одном месте, говоря о реке, впадающей в Танаис (Дон), называет ее Иргис (IV, 57). В другом месте он говорит о Сиргисе (IV, 123), имея в виду, очевидно, ту же реку.

исследователи обычно проводят по верховьям рек Орчика, Берестовой, Береки. Далее, примерно около города Балаклеи, она пересекает Донец, поворачивает на северо-восток и идет вдоль его левого берега к верховьям Большого Бурлука. Отсюда граница лесостепи уходит приблизительно в направлении линии Валуйки—Лиски. Значительные лесные массивы сохранились здесь и в настоящее время. От истоков Сев. Донца они идут вниз, главным образом по правому берегу реки, редко переходя на левый. Особенно много лесов в бассейнах правых притоков Донца: р. Уды (с притоками Лопанью и Харьковом), р. Мжи и р. Гомольши. Южнее лес только узкой полосой тянется вдоль самых берегов Сев. Донца, несколько расширяясь лишь у г. Изюма и у Славянска. Дальше господствует степь.

Современное состояние лесостепного ландшафта, конечно, нельзя полностью переносить в рассматриваемое нами далекое прошлое. В древности, в частности в I тысячелетии до н. э., лесов было, несомненно, больше. Собственно, лишь сравнительно недавно, в XVIII—XIX веках, вырубка леса приобрела здесь широкий размах и значительно изменила природные условия. При раскопках на селищах и городищах раннего железного века (у с. Островерховки, Большой Гомольши, Каравана и др.) были найдены кости таких диких лесных животных, как лось, благородный олень, волк, кабан и др. Даже в более поздних слоях, относящихся к XII—XIII вв., на Донецком городище часто встречаются кости медведя, лося, благородного оленя, бобра и других животных, которые любят обширные лесные дебри.

В раннем железном веке, или в скифское время, как мы для краткости будем говорить, девственная лесостепь здесь уже, несомненно, тоже не существовала, так как различные виды хозяйственной деятельности человека (вырубка леса для топлива, построек и различных изделий, распашка земель, использование угодий в качестве пастбищ для скота и т. д.) существенно изменили ее облик. Но некоторые косвенные данные свидетельствуют о том, что природные условия в бассейне Донца были в то время весьма благоприятными. Значительное количество лесов способствовало еще достаточному накоплению влаги, поэтому реки были более полноводны, чем сейчас.

Обследование донецких городищ скифского времени показывает, что многие из них (например, городища у с. Большой Гомольши, у с. Каравана, у с. Яковлевки, у с. Городища, у г. Люботина, у с. Барановки) расположены на берегах небольших речушек, которые в настоящее время имеют воду только в период весеннего половодья, а затем превращаются в едва заметные ручейки или полностью пересыхают. Между

тем, все эти поселения, вероятно, снабжались водой из реки, так как в оборонительных сооружениях городищ имеются специальные проходы, направленные к реке. Кроме того, оборонительные сооружения ряда городищ специально рассчитаны на усиление их боевой мощи водным препятствием. Больше того, часть оборонительной линии так называемого первого и второго предградья[1] городища у с. Городища, которая выходит на берег ныне пересыхающей р. Одринки (приток р. Мжи), без водной преграды вообще вряд ли могла служить сколько-нибудь серьезным препятствием для противника. По-видимому, все эти мелкие реки бассейна Донца в I тыс. до н. э. были полноводны и не пересыхали.

Распределение памятников оседлых земледельческих племен скифского времени преимущественно в лесостепном, верхнем течении бассейна Донца нельзя объяснить случайностью или более слабой изученностью южных районов. Наоборот, широкая фиксация поселений и раскопки курганов начались на территории бывшего Изюмского уезда, Харьковской губернии, и Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии, значительно раньше, чем в других местах и проводились в широких масштабах такими неутомимыми исследователями, как В. А. Городцов, Н. В. Сибилев, С. А. Локтюшев, А. С. Федоровский и др. Открываемые в последнее время памятники не изменяют этого соотношения, а подтверждают его. Следовательно, можно считать, что территория вдоль верхнего течения Донца и особенно район правых его притоков (рр. Уды и Мжа) является действительно основной территорией распространения определенной группы населения раннего железного века со своеобразной материальной культурой.

Как уже отмечалось, наиболее распространенной группой поселений в верхнем течении Донца являются открытые селища. По расположению их можно разделить на две группы. Одни селища расположены на песчаных возвышенностях в пойме или на дюнах первой надпойменной террасы (например, селища у с. Кицевки, Б. Даниловки, Шмаровки, Задонецкого и др.). Другие селища располагаются на высоких черноземных плато у берегов рек (например, селища у с. Островерховки, Куряжа, Савжар, ст. Шелковая и др.). Последние селища внешне отличаются от первых еще тем, что на их территории обычно заметны зольники — небольшие курганообразные возвышения, в почве которых содержатся различные культурные остатки и значительная примесь золы. Более или менее разведанные участки показывают, что селища часто располагаются не одиноко, а вблизи укрепленных городищ, куда население скрывалось в случае военной опасности.

---

[1] О значении этих терминов см. дальше (стр. 188).

В настоящее время из местных селищ наиболее исследованными являются селище у с. Островерховки, Змиевского района, Харьковской области и селище у ст. Шелковая около г. Люботина. Раскопки здесь производили экспедиции ХГУ под руководством автора.

Островерховское селище расположено на плоской возвышенности у истоков р. Чернявки, левого притока р. Мжи. Большая часть территории древнего поселения вместе с имеющимися здесь зольниками в настоящее время интенсивно распахивается. Только некоторые, расположенные в лесу зольники сохранили свои первоначальные очертания. Большинство из них имеют в плане форму круга или овала. Высота не затронутых распашкой зольников колеблется в основном от 0,30 до 0,50 *м*, изредка более 1 *м*. Всего на селище зарегистрировано 60 зольников, расположенных пятью группами.

Каждая из этих групп представляет собой самостоятельное целое и значительно удалена от соседней группы. Совсем в стороне расположена пятая группа (в урочище Миське), состоящая всего из трех зольников особого типа. Все остальные зольники связаны с жилыми комплексами и насыпи их насыщены различными хозяйственными остатками, главным образом очажными выбросами (фрагменты керамики, обломки костей животных, потерянные или выброшенные вещи, древесные угольки, небольшие порции золы, кусочки обожженной глины и пр.). В зольниках пятой группы почти полностью отсутствуют пищевые остатки и насыпь их содержит большие чистые прослойки пепла от долго горевших на этом месте кострищ. Здесь находилось, очевидно, общее для всей общины культовое место. Между четвертой и пятой группами зольников расположен одновременный поселению курганный могильник.

Внутри групп строгого порядка в расположении зольников не наблюдается, но заметно, что основная часть насыпей расположена в группах по кругу или, точнее, по овалу, длинная ось которого ориентирована по линии север—юг.

На Островерховском селище было раскопано четыре зольника с прилегающими к ним участками (один — в третьей группе и три — в четвертой). При исследовании были найдены различные изделия из железа, бронзы, кости, камня и глины. Среди металлических вещей имеется железный псалий с двумя отверстиями (рис. 68, 3), железный топор-колун с непропорционально большим обухом (рис. 68, 1), обломок железного серпа (рис. 68, 2), бронзовый трехгранный наконечник стрелы скифского типа (рис. 68, 8) и диск бронзового зеркала с отломанной ручкой (рис. 68, 7).

В большом количестве найдены керамические изделия различных типов. В основном это разнообразная местная лепная посуда: горшки, миски, сковородки, кувшины, сосуды для

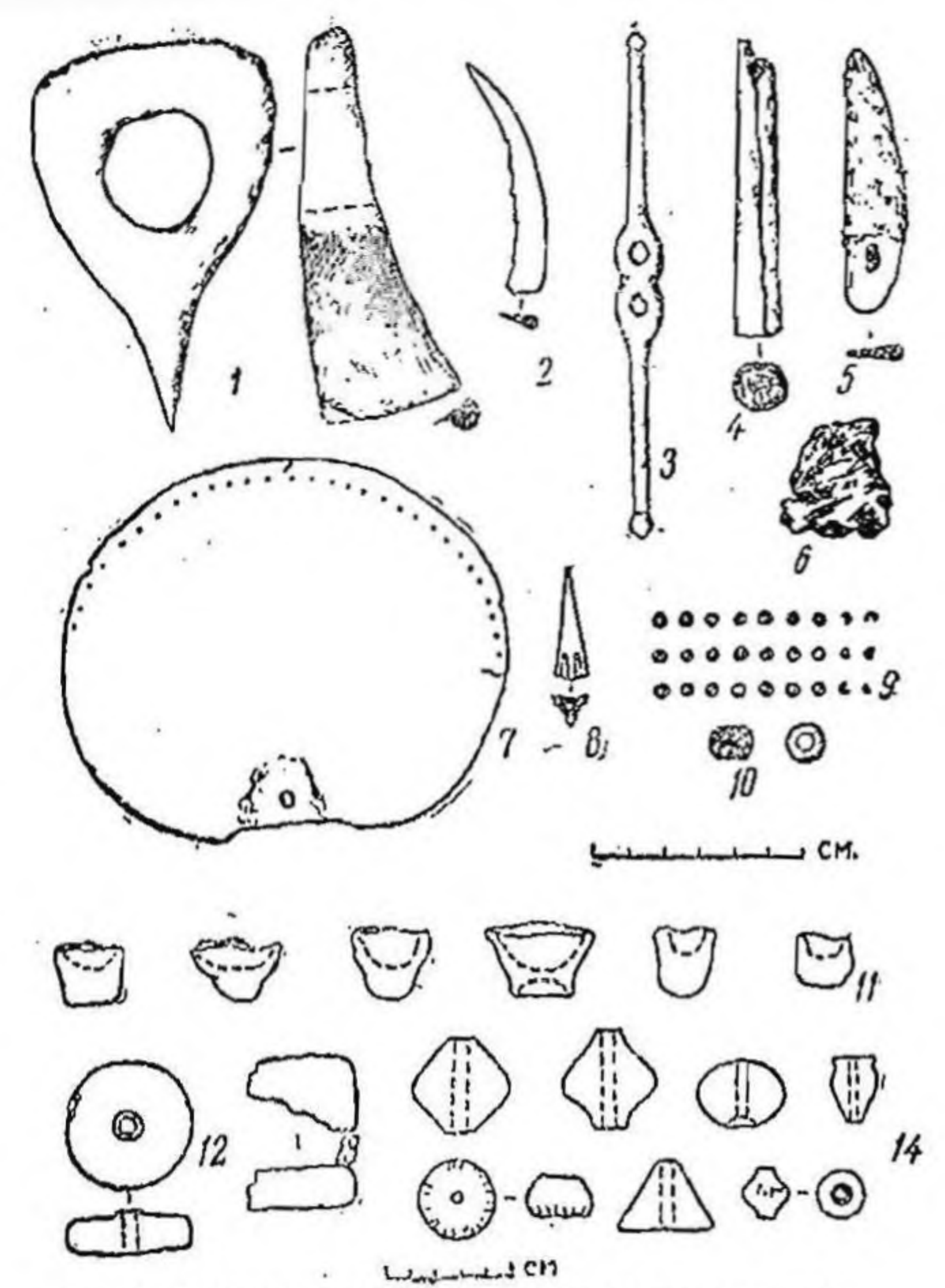

Рис. 68. Различные изделия, найденные на селище и в курганах у с. Островерховка:

1 — топор; *2* — обломок серпа; *3* — псалий; *4* — обломок дротика; *5* — нож; *6* — слиток бронзы; *7* — диск зеркала; *8* — наконечник стрелы; *9* — желтый бисер; *10* — синяя бусина с синими же глазками и белыми ободками; *11* — миниатюрные вотивные сосудики; *12* — грузик; *13* — обточенный кусок стенки сосуда; *14* — пряслица и грузики разных форм (*1—5* — железо, *6—8* — бронза, *9—10* — стекло, *11—14* — глина).

процеживания с отверстиями в дне, кубки и чаши без ручек (рис. 69). Много встречается глиняных пряслиц для веретен (рис. 68,14). Реже попадаются небольшие дисковидные грузя-

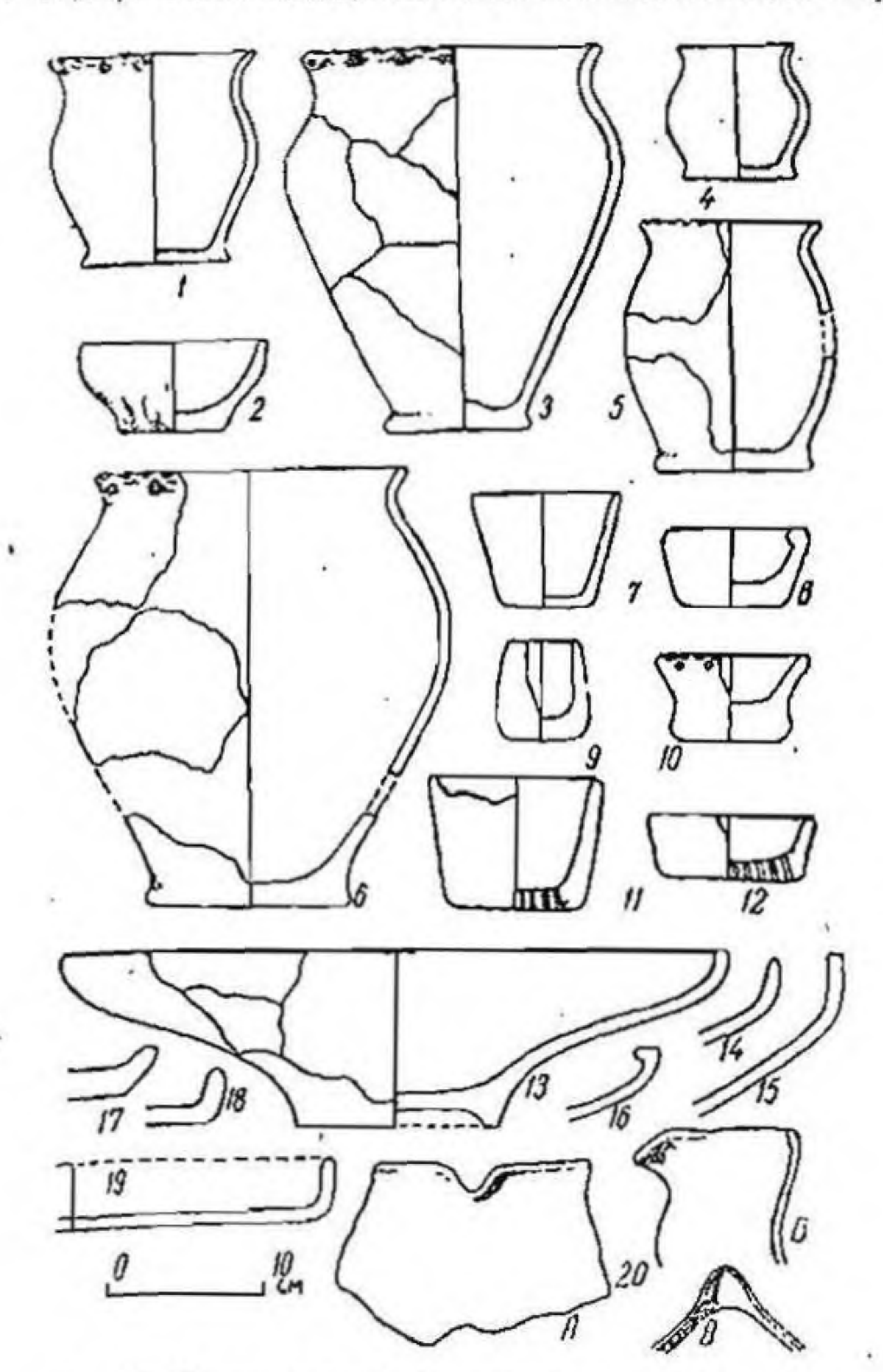

Рис. 69. Керамика скифского времени из находок на селище у с. Островерховка.

ла (рис. 68,12) и крупные, слабо обожженные глиняные конусы (рис. 83,6—8).

Необходимо отметить часто встречающиеся в зольниках культовые предметы из глины. Среди них имеются миниатюр-

ные сосудики (рис. 68, 11) и оригинальные статуэтки животных (рис. 70). Некоторые из них довольно хорошо сохранились. Так, одна из статуэток (рис. 70, 1) изображает какое-то животное с тонкой мордой и торчащими ушами. Ясно выражен пу-

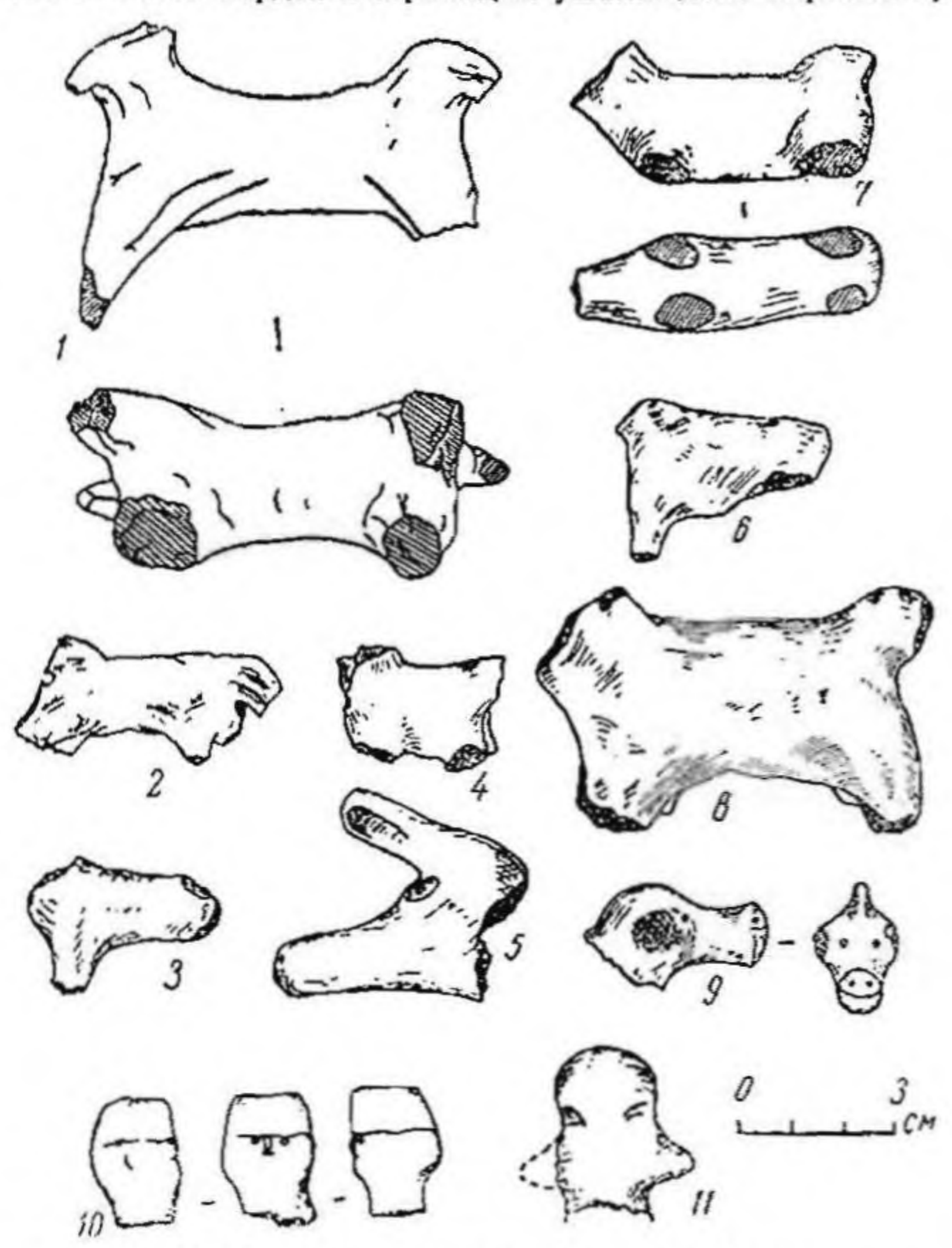

Рис. 70. Глиняные культовые статуэтки и их обломки:
1—6 — селище Островерховка; *7, 11* — городище Караван; *8* — селище Шелковая; *9* — селище Куриж; *10* — селище Большая Даниловка.

шистый, приподнятый вверх хвост. Ноги переданы очень условно, в виде конических подставок (хорошо сохранилась лишь одна нога). Все же видно, что скульптор хотел показать

фигуру животного в движении, так как левая передняя нога сильно выдвинута вперед. В большинстве случаев по статуэтке принадлежность животного к тому или иному биологическому виду трудно определить, но один из фрагментов явно изображает голову свиньи (рис. 70, 5). Над ее длинным рылом нависает выдвинутое вперед ухо. В виде небольшого углубления намечен глаз. Наконец, у одной из зооморфных статуэток (рис. 70, 2) на обломке шеи виден остаток сквозного отверстия. Вероятно, эта статуэтка носилась на шнурке или ремешке как амулет.

Керамика, изготовленная на гончарном кругу, встречается очень редко и представлена обломками греческих амфор. Среди определимых фрагментов большинство принадлежит амфорам эллинистического времени (IV—III вв. до н. э.), но в одном из зольников найден обломок архаической хиосской амфоры конца VI—V вв. до н. э.

Изделия из камня, хотя и встречаются довольно часто в зольниках островерховского селища, но набор их очень ограничен. Из песчаника изготавливались точильные бруски разных размеров. Некоторые из них имеют отверстия для привязывания ремешка, очевидно, они постоянно носились у пояса. Во всех зольниках найдено много шаровидных камней различных размеров, предназначенных для метания из пращи. Из кварцита делались зернотерки и терочники. Целых экземпляров больших нижних частей каменных зернотерок на этом селище не удалось найти, но обломки их, а также отщепы, свидетельствующие о местном изготовлении этих орудий, встречались в разных местах. Из костяных или роговых изделий найден только наконечник мотыги из оленьего рога.

Во всех зольниках в качестве пищевых отбросов встречаются, в большинстве случаев разломанные или разрубленные на куски, кости домашних и диких животных. Костные остатки первых, особенно крупного рогатого скота явно преобладают.

Около одного из зольников третьей группы во время раскопок были обнаружены остатки наземного жилища. Основание этого жилища имело в плане форму неправильного овала, вытянутого в направлении с юго-запада на северо-восток. Большой диаметр его равен 8 *м*, а малый — 5 *м*. Пол жилища был слегка углублен в землю (на 0,30 *м* ниже уровня материкового суглинка или до 0,65 *м* от современного уровня почвы). В западной части жилища находилась очажная яма. Вход, очевидно, был с юго-восточной стороны, где край углубленного основания жилища покатый. Недалеко от входа, вне жилища, находилась яма еще одного очага, предназначавшегося для приготовления пищи летом. Стены жилища, по-видимому, имели легкий деревянный каркас, переплетенный прутьями и обмазанный глиной. Остатки сгнившего дерева в виде

кусков расколотых пополам бревен диаметром 7—10 *см* найдены в заполнении жилищного углубления и на его полу. Лежали они в беспорядке и прослеживались с большим трудом. В разных местах раскопа, но преимущественно у краев углубления, встречались куски глиняной обмазки стен с отпечатками прутьев. Крыша жилища скорее всего была коническая и опиралась на столб, яма от которого найдена в центре помещения.

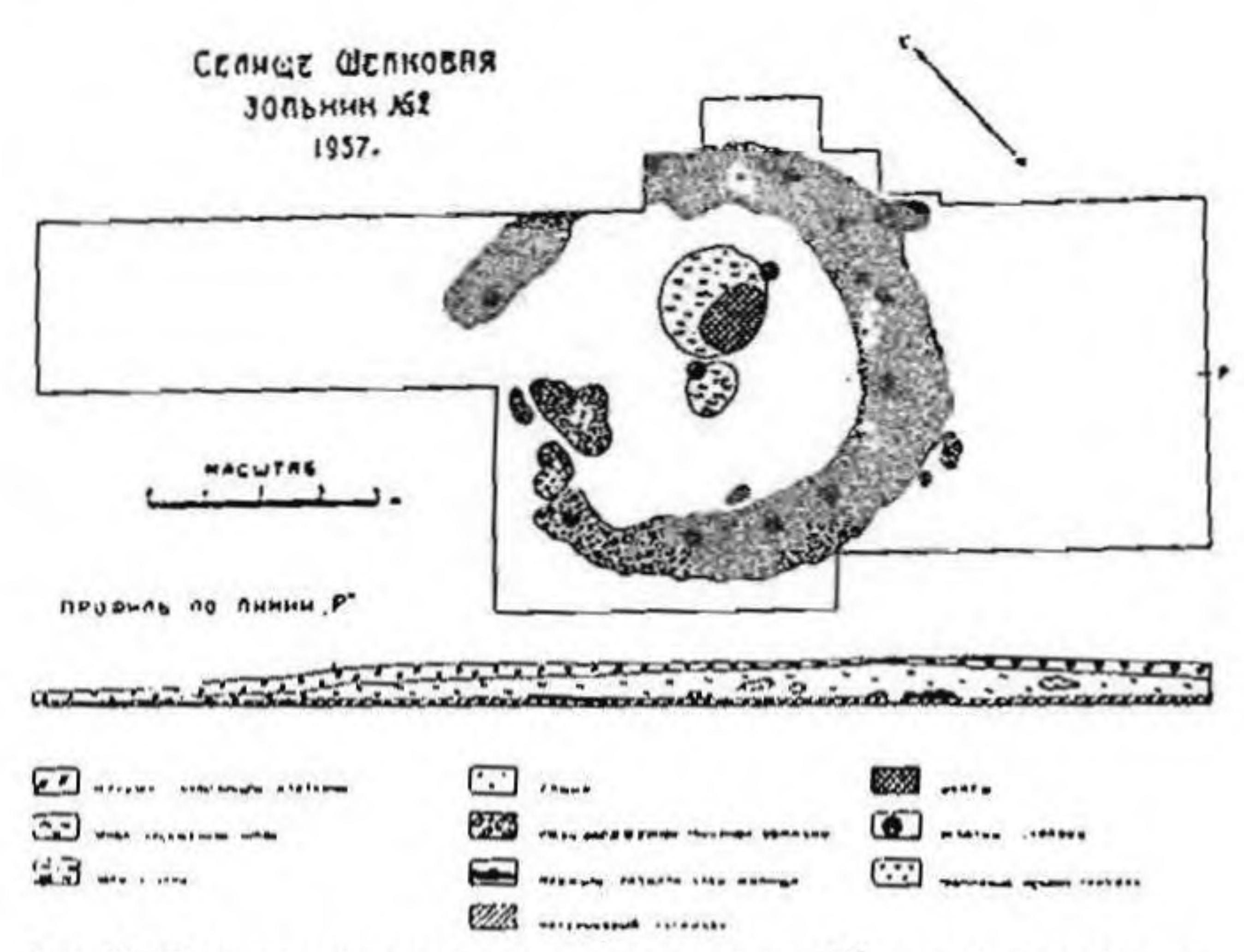

Рис. 71. План остатков сгоревшего жилища конца VI в. до н. э. на селище у ст. Шелковая.

На основании имеющихся в настоящее время данных, в жизни Островерховского поселения скифского времени можно отметить такие основные моменты.

Возникло селище примерно в конце VI — в начале V в. до н. э. Первоначальное наиболее древнее ядро его находилось там, где сейчас мы видим первую группу зольников (в урочище Лымарева Поляна). Это было небольшое поселение, по-видимому, одной патриархально-родовой общины, члены которой были тесно связаны между собой. Поэтому жилища отдельных патриархальных семей располагались по кругу возле одной площадки, служившей, возможно, коллективным загоном для скота. Неподалеку от каждого жилища находился зольник, образовавшийся в результате накопления на одном

месте очажных выбросов, отбросов пищи, обломков керамики и других остатков.

Местное население занималось главным образом земледелием и оседлым пастушеским скотоводством. О занятии земледелием жителей Островерховского селища, кроме упомянутых земледельческих орудий, свидетельствуют многочисленные отпечатки проса, соломы и мякины на донышках горшков.

В результате естественного роста населения происходила сегментация патриархальной общины, при которой выделились не отдельные индивидуальные семьи, а довольно крупная часть общины, объединяющая несколько семей. Выделившийся коллектив организовывал рядом свой поселок, который в общих чертах представлял собой копию первоначального поселения. Таких этапов сегментации в Островерховском селище можно насчитать три. Внешним выражением их явилось появление, кроме группы зольников в урочище Лымарева Поляна, еще трех групп: второй, третьей и четвертой. Вследствие появления новых частей разраставшееся поселение постепенно распространялось вдоль левого берега реки и, наконец, сомкнулось на северо-западе с древней частью могильника.

Мы уделили так много внимания Островерховскому селищу потому, что оно дает нам картину, типичную для поселений раннего железного века в бассейне Сев. Донца.

В других местах, например, на селище около Куряжа или у ст. Шелковая также зафиксировано стремление располагать жилища по кругу. При исследовании автором в 1957 г. остатков наземного жилища на селище у ст. Шелковая (недалеко от города Люботина) были выяснены еще некоторые дополнительные детали. Бывшее здесь каркасное жилище погибло от пожара и поэтому вдоль его стен сохранились целые кучи обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и столбов. Раскопки показали, что столбы каркаса были врыты неглубоко и не врезались в материковый суглинок, поэтому столбовые ямки по краям жилищ обычно не прослеживаются. Здесь же, в слое обвалившейся обмазки, были заметны обугливщиеся остатки нижних концов столбов. Жилище на селище Шелковая, так же как и Островерховское, имело два очага — один внутри помещения и один наружный.

Остатки аналогичных наземных каркасных жилищ с обмазанными глиной стенами и слегка углубленным полом найдены и на ряде других поселений скифского времени в бассейне Донца. В тех пунктах, где еще не производились широкие раскопки, все же при разведках всегда можно было отметить наличие кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев — явный признак устройства таких жилищ.

Наблюдаются некоторые различия в деталях устройства жилищ тех поселений, которые расположены на песчаных

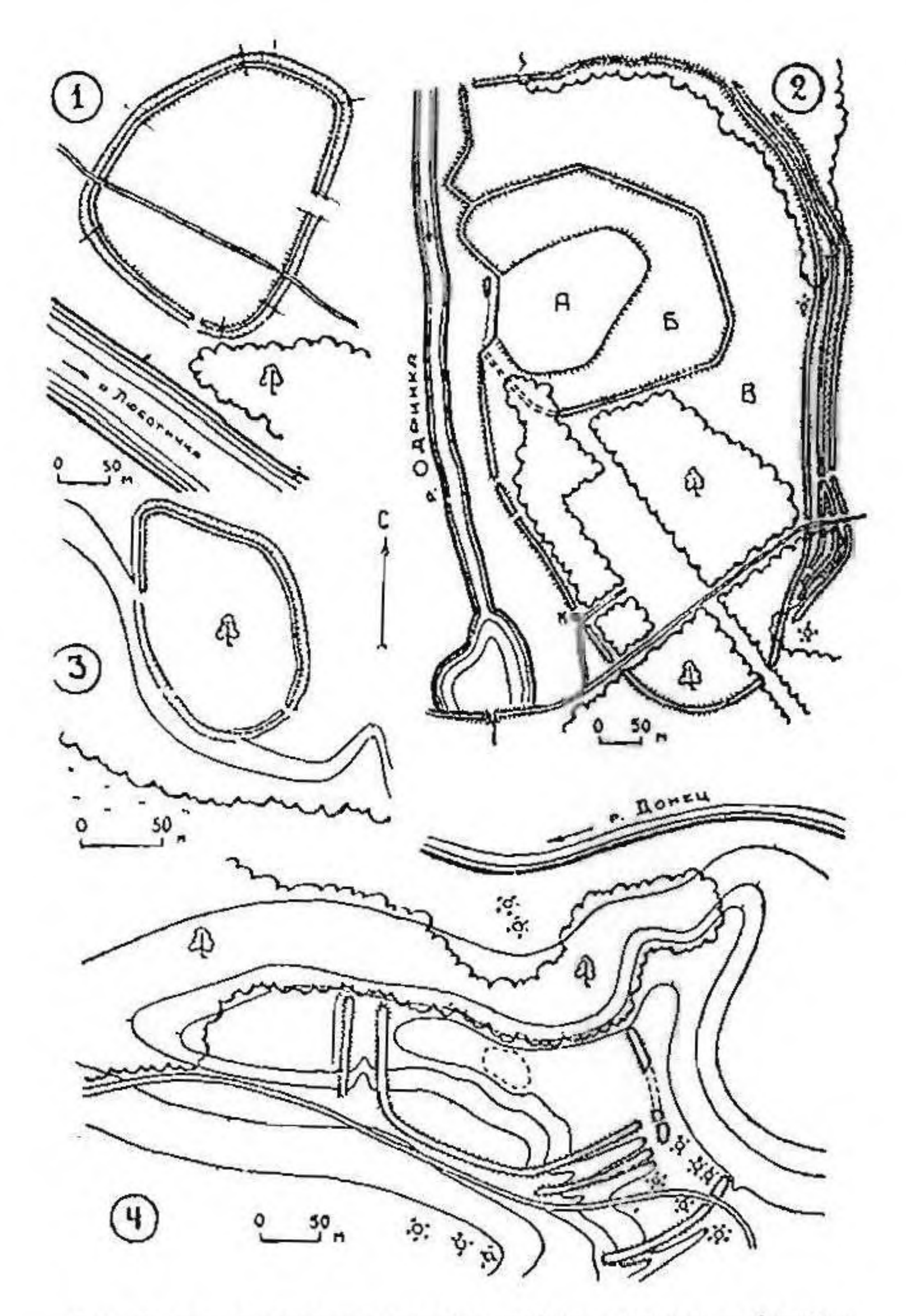

Рис. 72. Планы некоторых городищ скифского времени в бассейне Донца:
1 — Люботинское; *2* — городище у с. Городище Валковского района; *3* — Яковлевское; *4* — Северское городище у с. Меловое.

дюнах, и тех, которые сооружались на черноземных плато. Примером могут служить остатки жилища на дюнном селище у с. Шмаровки, Харьковского района (раскопки автора в 1951 г.). Остатки жилища были обнаружены в седловине между двумя высокими дюнами на левом берегу р. Уды. Площадка пола имела форму прямоугольника со сторонами 9,5 и 6,0 *м*, ориентированного своими длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Пол представлял собой слой глиняной обмазки толщиной 2—3 *см*, а в центральной части жилища — 5—6 *см*. К моменту раскопок пол сильно растрескался и покоробился, но контуры его можно было проследить. При расчистке жилища в северном и западном углах его отмечены темные пятна круглых ямок от столбов. Остатки самого дерева в песчаной почве не сохранились.

С противоположной стороны, где благодаря движению песка часть жилища еще до раскопок была обнажена и частично разрушена, столбовых ямок проследить не удалось. Не было зафиксировано и кусков глины с отпечатками прутьев. Найденное здесь жилище было, очевидно, сезонным, летним, так как единственный очаг находился не в самом помещении, а вне его. Обломки керамики, бронзовый трехгранный наконечник стрелы и другие находки позволяют датировать его IV—III вв. до н. э. Небольшое количество вещественных остатков еще раз подчеркивает временный характер жилища.

Недалеко, на противоположном высоком берегу р. Уды, расположены относящиеся к тому же времени городище и селище у с. Водяного. Возможно, именно оттуда выселялись летом на песчаные дюны, поближе к пойменным лугам, пастухи, наблюдавшие за стадами своей общины.

Конструктивные особенности жилища в Шмаровке объясняются, очевидно, его временным характером (один очаг и отсутствие обмазки стен) и топографическими условиями. В поселениях, расположенных на черноземных плато, глиняной обмазки пола не наблюдалось, но там она и не была нужна, так как нижняя часть жилища углублялась ниже слоя чернозема до уровня плотного лессовидного суглинка или глины, которые и служили полом. Здесь же, на песчаных дюнах, глиняный пол был устроен искусственно.

Участившиеся в конце бронзового и в начале железного века межплеменные войны привели к тому, что уже в скифское время, наряду с неукрепленными селищами, широкое распространение получили укрепленные городища (рис. 72).

Для сооружения городища выбирали место, достаточно хорошо укрепленное естественными препятствиями (рекой, оврагом, лощиной или заболоченным участком). Чаще всего таким удобным местом являлся узкий мыс на высоком берегу реки, ограниченный с двух сторон оврагами, а с третьей —

долиной реки. Только одна сторона такого мыса, выходящая на береговое плато (ее обычно называют напольной стороной), нуждалась в специальном укреплении валами и рвами.

Большинство донецких городищ скифского времени, судя по данным раскопок и шурфовки, имеет мощный, хорошо насыщенный культурный слой и, несомненно, являлось местом постоянного обитания жителей (например, городища у сел Караван, Циркуны, Городище и др.). Такие городища по мере увеличения населения разрастались. Вновь заселенная территория охватывалась оборонительными сооружениями — валами и рвами. В результате этого получалась весьма сложная планировка городищ, которые помимо главного двора (место первоначального поселения) имели еще одно или два предградья (дополнительно присоединенные участки)[1].

Некоторые донецкие городища состоят из одного главного двора и не имеют предградий (например, Люботинское, Б. Гомольшанское, Северское, Яковлевское и др.). В каждом конкретном случае это обстоятельство имеет свои причины.

Городище у г. Люботина (Шейермановское), расположено на левом берегу небольшой речки Люботинки. Имеющиеся материалы позволяют датировать его примерно VI—III вв. до н. э. Возникло оно, очевидно, в результате попытки укрепить ранее существовавшее здесь селище. Этим и объясняется его странное расположение и характер укреплений. Берег здесь сравнительно ровный, и никаких более или менее существенных естественных препятствий около поселения нет. Поэтому городище пришлось со всех сторон оградить валом и рвом. Раскопки 1961 г. показали, что на валу была сооружена еще деревянная крепостная стена, усиленная засыпкой из песка и глины.

Городище у с. Б. Гомольши и Северское городище (у с. Мелового) находятся на самом юге, на границе со степью, и не разрастались, по-видимому, потому, что здесь в связи с частой военной опасностью условия для расширения территории были не особенно благоприятные.

Особую группу укрепленных поселений образуют городища-убежища, на которых постоянного поселения не было, но куда укрывались жители окрестных селищ в случае военной опасности. К таким поселениям в скифское время относились Яковлевское городище и городище у с. Водяного. Для них характерны небольшие размеры и чрезвычайно слабо насыщенный вещественными остатками культурный слой. Оборонительные сооружения этих городищ также не развивались, в

---

[1] Усложнение системы оборонительных сооружений некоторых городищ (например, у с. Мохнач) связано с использованием их в более позднее время славянским населением, но об этих изменениях мы здесь не говорим.

застывали в своих первоначальных формах, поэтому у них, отсутствуют предградия [1].

Несколько необычно устроено осмотренное нами в 1958 г. городище у с. Сабынино в Курской области (верховья Сев. Донца) [2]. Оно находится на низко расположенном мысу между двумя оврагами и имеет главный двор и предградье. Но культурного слоя на городище почти нет, да и для постоянного обитания оно мало пригодно, так как часть его территории заболочена, а в других местах очень близки (на глубине 30—40 *см*) подпочвенные воды. Несомненно, это было городище-убежище. Наличие воды давало возможность тем, кто здесь укрывался, выдерживать долгую осаду, но вместе с тем низкий мыс легко было обстреливать с ближайшей возвышенности. Последнее обстоятельство, очевидно, и заставило соорудить здесь два вала, а не один, как это характерно для других городищ-убежищ.

Около городищ, как правило, расположено одно или несколько селищ и курганный могильник. Так, например, селища имеются вблизи городищ у сел Сабынино, Водяное, Циркуны, Коробовы Хутора, у г. Чугуева и других, а около городища Караван зафиксировано даже четыре селища. Более тщательные разведки позволяют увеличить число связанных с городищами селищ и в других местах. Весь этот комплекс (городище, селища и могильник) принадлежал, очевидно, одной патриархально-родовой общине.

Оборонительные сооружения городищ раннего железного века достаточно мощны для того времени, но отличаются технической простотой. Заметно стремление максимально использовать для нужд обороны естественные препятствия и избежать лишних затрат человеческого труда.

Там, где местность позволяла, вал и ров перед ним делали только с напольной стороны. На остальных участках лишь усиливали крутизну скатов до 30—40°. С этой целью верхняя часть ската на протяжении 10—15 *м* срезалась и упиралась в горизонтальную площадку шириной от 3 до 8 *м*. В некоторых случаях вместо горизонтальной площадки вдоль ската устраивался небольшой ров. Наконец, в тех местах, где склоны усиливались простым срезанием их верхней части, по краю городища все же иногда насыпали дополнительно еще небольшой вал высотой около 1 *м*. Этот вал, конечно, не служил серьезным препятствием для нападающих, но вместе с деревянной оградой мог укрывать защитников городища от стрел, дротиков и камней, которые метал противник. Коли-

---

[1] Внутренний вал на городище у с. Водяного нельзя принимать во внимание, так как раскопки 1952 г. показали, что он был построен в VIII—IX вв. и связан с роменским комплексом.

[2] В 1948 г. разведки здесь производил И. И. Ляпушкин.

чество валов и рвов на одном участке оборонительной линии колеблется от одного до четырех.

Наибольшее количество земляных сооружений зафиксировано на городище у с. Городища (Валковский район, Харьковская область), расположенном на левом берегу р. Одринки (левый приток р. Мжи). Это вообще одно из самых грандиозных[1] городищ скифского времени в бассейне Донца и одно из самых ранних по времени возникновения. Разведки и раскопки, произведенные автором в 1951—1952 гг., дали значительное количество архаических форм местной лепной керамики, шесть обломков фазосских амфор V в. до н. э. и другой материал, который позволяет считать, что укрепленное поселение местной культуры скифского времени возникло здесь не позже VI в. до н. э. и существовало, несомненно, очень долго. Последующие раскопки П. Д. Либерова в 1953 г. дали находки, подтверждающие эту датировку.

Планировка этого городища весьма своеобразна (рис. 72). Главный двор занимает куполообразный останец, который западной стороной обращен к долине реки, а с трех других сторон окружен лощинами. Главный двор дугообразно охватывает первое предградье, защищенное одним валом, а к нему в свою очередь примыкает обширное второе предградье. Последнее на значительном протяжении защищено одним валом, но на востоке, где оборонительная линия выходит на господствующую над местностью возвышенность, укрепления резко усиливаются. Здесь мы видим три, а на одном участке даже четыре ряда валов со рвами. При этом высота валов последовательно возрастает в направлении от внешней к внутренней линии обороны. Такая мощность укреплений восточной стороны городища вполне оправдана и объясняется тем, что здесь находилась ключевая позиция всей обороны. С захватом ее враг получил бы возможность свободно обстреливать сверху всю территорию городища, а остальные укрепления уже не играли бы существенной роли.

Раскопки оборонительных сооружений скифского времени, которые производились в последние годы на ряде городищ[2], а также исследования естественных разрезов показали, что валы городищ в большинстве случаев насыпаны просто из земли, выброшенной из рва. В составе насыпи преобладает обычно глина с примесью чернозема, суглинка, пес-

---

[1] Размеры городища по данным съемки 1951 г. таковы: площадь главного двора — 21 500 *кв. м*, первого предградья — 48 100 *кв. м*, второго предградья — 194 200 *кв. м*.

[2] В 1949 г. С. А. Семенов-Зусер производил раскопки валов на городище у с. Б. Гомольши. В последующие годы Б. А. Шрамко раскапывал оборонительные сооружения на городищах у сел. Каравана, Водяного, Мохнача, Городища, Хорошево, Коробовых хуторов, на Донецком городище у ст. Карачевка и у г. Люботина.

ка и т. п. Чтобы предохранить глиняный вал от размывания, его иногда. укрепляли камнем. Так, например, на городище у с. Б. Гомольши поверхность вала около прохода к реке с внутренней стороны вымощена крупными кусками песчаника. На городище у с. Водяного при сооружении внешнего вала местные жители вынуждены были использовать песок, для скрепления которого они нашли очень простой способ, смешав его с золой и глиной. Это придало валу такую прочность, что даже сейчас при раскопках он с большим трудом поддается лопате.

Однако в большинстве случаев сами по себе валы городищ были небольшими и не могли являться серьезным препятствием для противника. Сверху на валах, очевидно, были какие-то деревянные сооружения, устройство которых еще окончательно не выяснено. Остатки обуглившихся бревен от такого сооружения найдены при раскопках 1958 и 1961 гг. на городищах у с. Караван и у г. Люботина. Еще до этого при раскопках на городище у с. Б. Гомольши, на древней части вала городища у с. Мохнача и других были зафиксированы остатки дерева и обожженные участки глиняной насыпи вала.

В свое время делались попытки объяснить это явление тем, что глиняный вал специально обжигали для придания ему большей прочности. Но такое объяснение мало правдоподобно, так как обожженная глина вала имеет рыхлую структуру, легко рассыпается и нигде не образует прочной корки. Очевидно, и здесь мы имеем дело с остатками сгоревшей бревенчатой стены, к которой с внутренней стороны примыкал глинобитный вал. Когда деревянная стена горела, подожженная противником, то примыкавшая к ней часть глиняного вала была обожжена. Затем вал осыпался и перекрыл недогоревшие остатки бревен крепостной стены. Именно этим и можно объяснить то, что остатки обгоревших бревен были найдены под наружной стороной вала.

Как уже отмечалось, на городищах, так же как и на селищах, встречаются остатки наземных жилищ скифского времени. Некоторые исследователи, в частности Н. Фукс, наблюдали на некоторых городищах углубления, напоминавшие заплывшие ямы землянок. Раскопки этих углублений на ряде городищ (Водяное, Коробовы хутора и др.) показали, что это действительно остатки полуземлянок, но более поздних, раннеславянской роменской культуры. Остатки жилищ скифской эпохи на поверхности уже не видны, хотя среди них также были землянки. Последние удалось раскопать в 1961 г. на Люботинском городище.

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют считать, что основная масса городищ в бассейне Донца появилась в V—IV вв. до н. э., хотя отдельно укрепления сооружа-

лись уже в VI в. до н. э. От кого же защищали местное население валы и рвы, кто угрожал в ту эпоху лесостепным племенам?

Рассматривая жизнь скотоводческих скифских племен степей Северного Причерноморья, мы уже отмечали их воинственность, связанную с определенными историческими условиями. Отношения между скифами и соседними лесостепными племенами далеко не всегда были мирными. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют некоторые факты, приводимые Геродотом. Когда угрожала опасность, как это было в 514 г. до н. э. при нападении персидской армии Дария I, вожди («цари») тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов собирались на совещание и обсуждали создавшееся положение. Однако далеко не все выступили на помощь скифам [1]. Больше того, некоторые из участников межплеменного совещания, видя, что тактика скифов может привести к разорению их земель, грозили скифам вооруженным сопротивлением [2].

После разгрома войск Дария I международный авторитет скифов, несомненно, повысился, а одновременно с этим должны были усиляться и их притязания к соседним племенам [3], в частности, к тем, которые показали себя во время войны плохими союзниками. Некоторые соседние племена скифам удалось покорить, а другие упорно отстаивали свою независимость. К числу последних относилось, по-видимому, население, жившее в лесостепной части бассейна Донца и строившее здесь мощные укрепления.

В хозяйственной жизни местных племен раннего железного века основную роль играло земледелие. Физико-климатические условия лесостепи благоприятствовали этому. Наряду с оподзоленными здесь были плодородные черноземные почвы. Значительные лесные массивы служили хорошей естественной защитой полей от суховеев и способствовали накоплению влаги в земле.

Уже в раннем железном веке здесь применялась, очевидно не подсечная, а переложная система земледелия с обработкой земли плугом. Подсечное земледелие, с применением для подготовки земли под посев только топора и мотыги, вряд ли могло широко распространиться в лесостепи, где лесов не так уж много, а плотность населения, как показывают археологические данные, была весьма велика.

Плуг был уже известен племенам Скифии. Говоря о происхождении скифов, Геродот приводит легенду о священных золотых предметах, которые якобы упали с неба и достались

---

[1] Геродот. История. IV, 102, 118—119.
[2] Там же, 125.
[3] Ср. например, Афиней, XII, 27.

Колаксаису — младшему из сыновей скифского прародителя Таргитая[1]. Среди этих предметов он называет три, непосредственно связанных с земледелием: плуг, ярмо и топор. Неудивительно, что наряду с плугом и ярмом говорится о то-

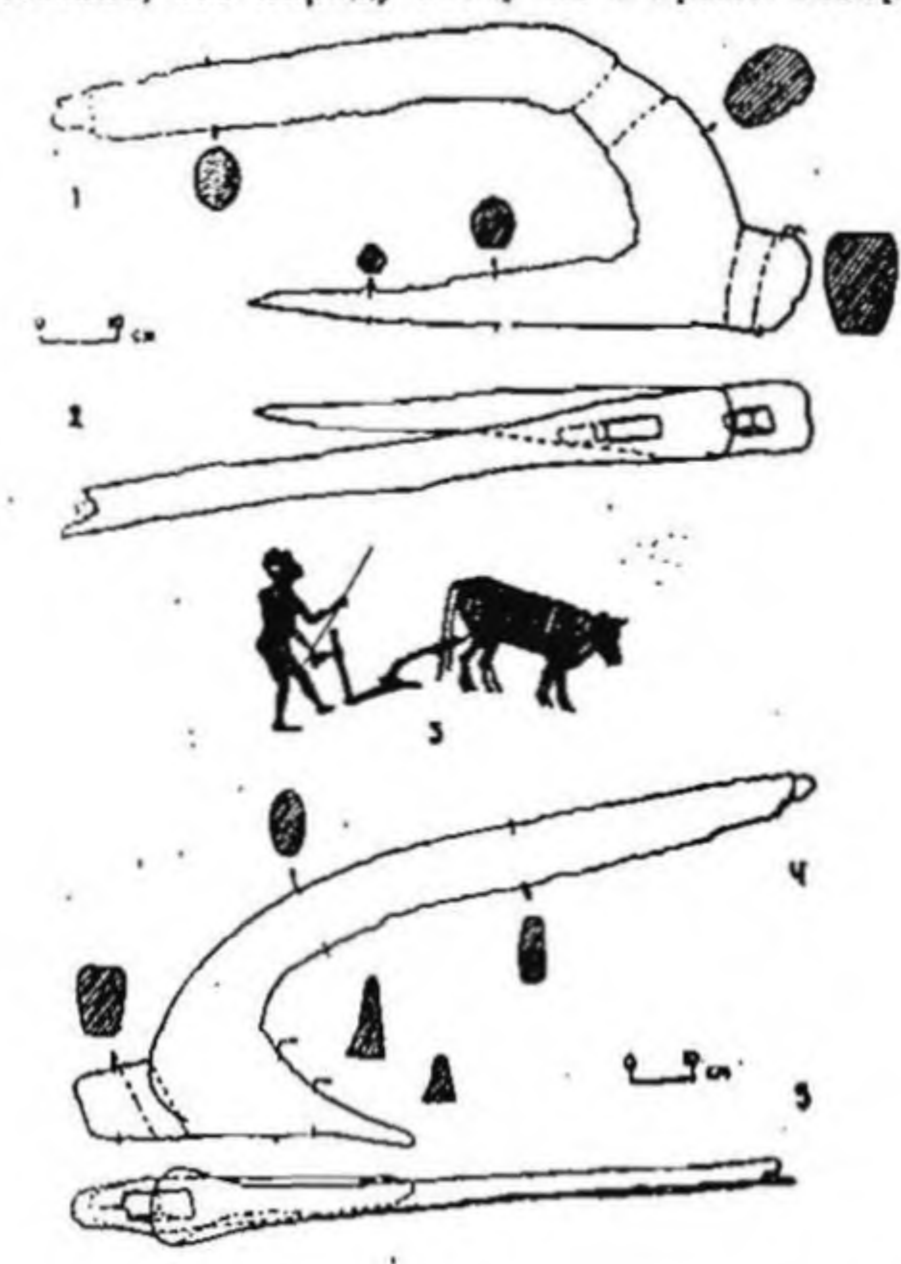

Рис. 73. Древние деревянные плуги. *1* — остатки деревянного плуга раннего железного века, найденного в торфянике у с. Токари (Хранится в Сумском музее); *2* — вид того же плуга сверху; *3* — изображение пахоты деревянным плугом на греческой вазе VI в. до н. э. (Чаша Никосфена. Берлинский музей); *4* — остатки деревянного плуга из торфяника у с. Сергеевск. (Хранится в фондах Института археологии АН УССР); *5* — вид того же плуга сверху.

поре. В условиях лесостепи, где участки для пашни приходилось нередко очищать от кустарников и деревьев, топор был не менее важен для земледельца, чем плуг и ярмо бычьей упряжки. Плиний[2] рассказывает, что при обработке новых

[1] Геродот. История, IV, 5.

[2] Гай Плиний Секунд. Естественная история (Historia Naturalis), XVIII, 177.

участков на рукоятку плуга вешали топорик и пахарь перерубал им по мере надобности корни, которые задевал плуг. Неслучайно, по-видимому, и то, что наряду с указанными предметами в легенде упоминается и священный сосуд, чаша — один из атрибутов скифской богини домашнего очага и, как полагают некоторые исследователи, богини жизни и плодородия Гестии—Табити.

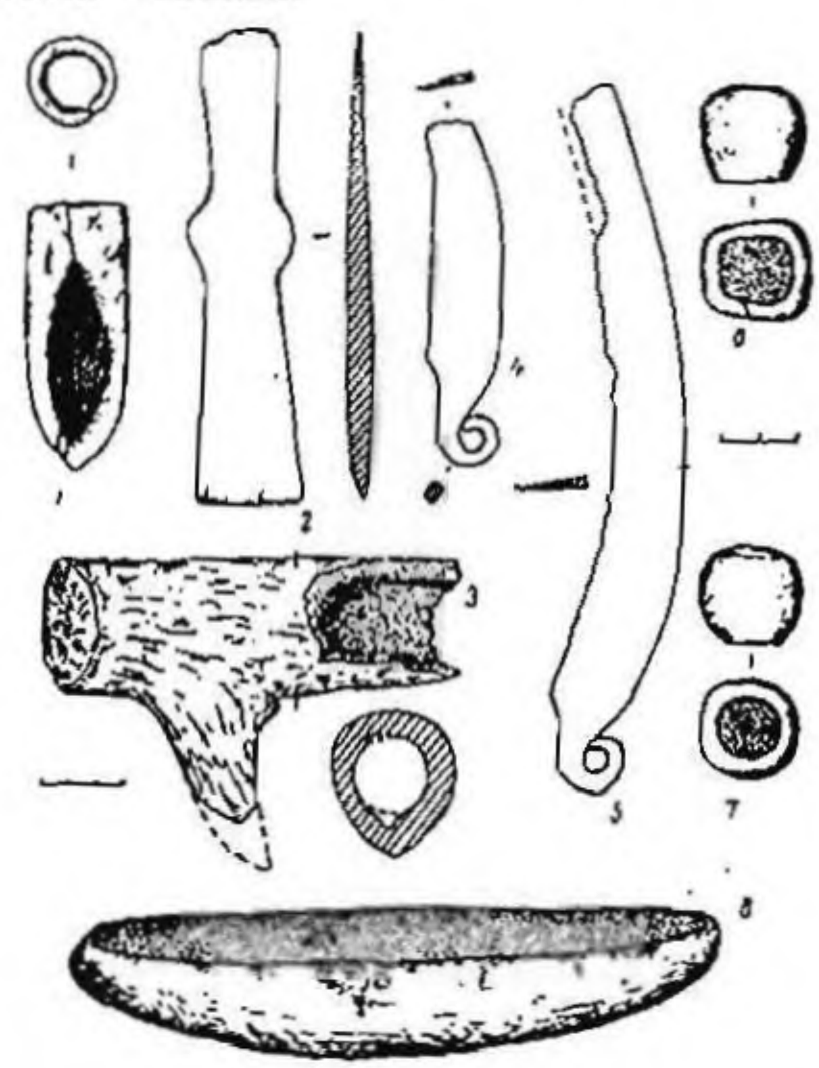

Рис. 74. Различные орудия земледельческого хозяйства из находок на поселениях скифского времени в бассейне Донца:
1, 3 — костяные и роговые наконечники мотыг (селище Шелковая и Люботинское городище); *2* — железный наконечник мотыги (с. Первомайское); *4—5*—обломки железных серпов (селища Шелковая и Чайка); *6—7* — верхние камни зернотерок (селище Шелковая); *8* — нижний камень зернотерки (с. Водяное).

Примитивный плуг раннего железного века был почти весь деревянный. Железные лемехи вследствие большой ценности металла применялись не всегда, плужные ножи — еще реже. На территории Северного Причерноморья пока можно отметить лишь несколько, да и то весьма поздних находок. Железное лемехообразное орудие первых веков нашей эры найдено в низовьях Буга на Петуховском городище. Два желез-

ных лемеха обнаружены на боспорском поселении конца III в. н. э. у дер. Семеновки[1]. Деревянная часть плуга сохраняется очень плохо и поэтому мало известна археологам. Однако что представляли собой плуги раннего железного века, мы все же знаем по изображениям. Например, пахота деревянным плугом, который тащат волы, изображена на некоторых древних скульптурах и на греческих чернофигурных вазах (рис. 73,3). В некоторых торфяниках сохранились даже основные части деревянных плугов раннего железного века.

На территории Украинской ССР остатки деревянного плуга раннего железного века были найдены в 1921 г. в торфяниковом болоте около с. Токарей (Сумская область). Сохранившаяся часть плуга сделана из одного куска дерева (рис. 73,1—2). На изгибе грядиля и в тыльном конце ползуна имеются прямоугольные прорези. Ряд аналогий, в том числе указанные изображения, позволяют считать, что отверстие тыльного конца ползуна служило для укрепления вертикального стояка рукоятки. Отверстие в изгибе грядиля могло служить для закрепления плужного ножа или своеобразного деревянного сошника, как это было сделано в древнем плуге из Даберготца (Германия). Железного лемеха токаревский плуг не имел. Аналогичный плуг, происходящий из торфяника у с. Сергеевск в Брянской области, был обнаружен в 1953 г. В. И. Довженком (рис. 73,4—5). Он также сделан из одного куска дерева, также не имел железного лемеха и в пятке ползуна сергеевского плуга также проделано отверстие для рукоятки. Но отверстия в грядиле он не имеет. Кроме того, массивное основание градиля обработано так, что играло роль своеобразного примитивного отвала.

Плугами, подобными токаревскому или сергеевскому, пользовалось, очевидно, и население, жившее во второй половине I тысячелетия до н. э. в лесостепной части бассейна Донца. Примитивный деревянный плуг лишь взрыхлял землю, и после него часто приходилось дополнительно обрабатывать почву мотыгой. Железные и костяные наконечники мотыг найдены на ряде донецких поселений скифского времени (рис. 74, 1—3).

Уборка урожая производилась железными серпами. На донецких поселениях уже найдено несколько таких серпов. О находке обломка серпа на Островерховском селище мы уже упоминали. На селищах у ст. Шелковая, в урочище Чайка у с. Черкасский Бишкинь, у с. Черемушны и в других местах найдены одинаковые железные серпы (рис. 74,4—5) с крючком на конце рукоятки, загнутым в сторону спинки. Такие серпы встречаются в эту эпоху и в других лесостепных поселениях, в частности, несколько штук их было найдено на горо-

[1] На Пашковском селище и в Краснодарском могильнике Сев. Кавказа найдены, очевидно, не лемехи, а орудия типа мотыги.

дищах скифского времени в бассейне р. Сейма. Существуют эти серпы долго. Прототипы их в виде бронзовых крюкастых серпов появились еще в конце II тысячелетия до н. э., а доживают железные крюкастые серпы вплоть до раннего средневековья, хотя форма их и не может считаться весьма совершенной. Деревянной ручки крюкастые серпы раннего железного века не имели, и во время работы их приходилось держать за тот край, у которого находился крючок.

Зерно по-прежнему, как в неолите и в бронзовом веке, растиралось еще на каменных зернотерках. Обломки зернотерок, сделанных из кварцита или песчаника, встречаются в большом количестве на всех известных нам селищах и городищах скифского времени в бассейне Донца. В некоторых случаях они найдены и при раскопках курганов. Однако целые экземпляры зернотерок встречаются редко. На селище в с. Водяном найден целый нижний камень зернотерки. Он напоминает собой продолговатую булку, у которой одна сторона плоская, а другая—выпуклая (рис. 74,8). Длина зернотерки— 34,6 *см*, ширина — 13,7 *см*. Верхняя, рабочая поверхность — гладкая, слегка вогнутая в средней части. Вогнутость получалась от движения камня в обе стороны вдоль длинной оси зернотерки. Для того, чтобы зерно быстрее и лучше растиралось, рабочая поверхность камня подвергалась точечной оббивке. Нижняя, выпуклая часть зернотерки довольно хорошо отесана и заглажена. Чаще встречаются зернотерки, у которых тщательно отделана только верхняя, рабочая поверхность.

Верхние камни делались значительно меньшего размера. Эти камни встречаются в большом количестве на всех лесостепных поселениях скифского времени. Обычно они имеют форму слегка приплюснутого с боков шара, у которого как бы срезана нижняя часть (рис. 74, 6—7). Горизонтальная рабочая поверхность овальной формы также подвергнута точечной оббивке.

Подобные зернотерки были распространены очень широко и в своей форме никаких специфических местных черт не имеют. Изготовлялись они здесь же, в каждом поселении, а может быть, даже самостоятельно в каждой семейной общине, о чем свидетельствует большое количество производственных отходов в виде отщепов со следами обработки камня для зернотерки.

Зернотерки с шаровидным камнем для растирания менее удобны и менее производительны, чем такие же продольные зернотерки с валиковым курантом. О том, какова производительность зернотерок, можно судить по некоторым опытам, показывающим, что даже самая усовершенствованная зернотерка при сухом зерне за 12 часов беспрерывной работы выдает не больше 10 — 12 *кг* муки. По мнению некоторых иссле-

дователей, для того чтобы получить достаточное количество муки и приготовить хлеб для семьи в 8—12 человек, требуется работа одной женщины в течение целого дня.

Трудней всего выяснить состав культурных растений, которые возделывались местными племенами в скифское время.

Рис. 75. Донышки глиняных горшков из зольников селища у ст. Шелковая:
1 — отпечатки зерен; 2 — отпечаток торца дерева, перепиленного пилой.

Письменные источники для данной территории никаких сведений не сообщают, а остатки самих зерен, стеблей или листьев растений в земле обычно долго не сохраняются.

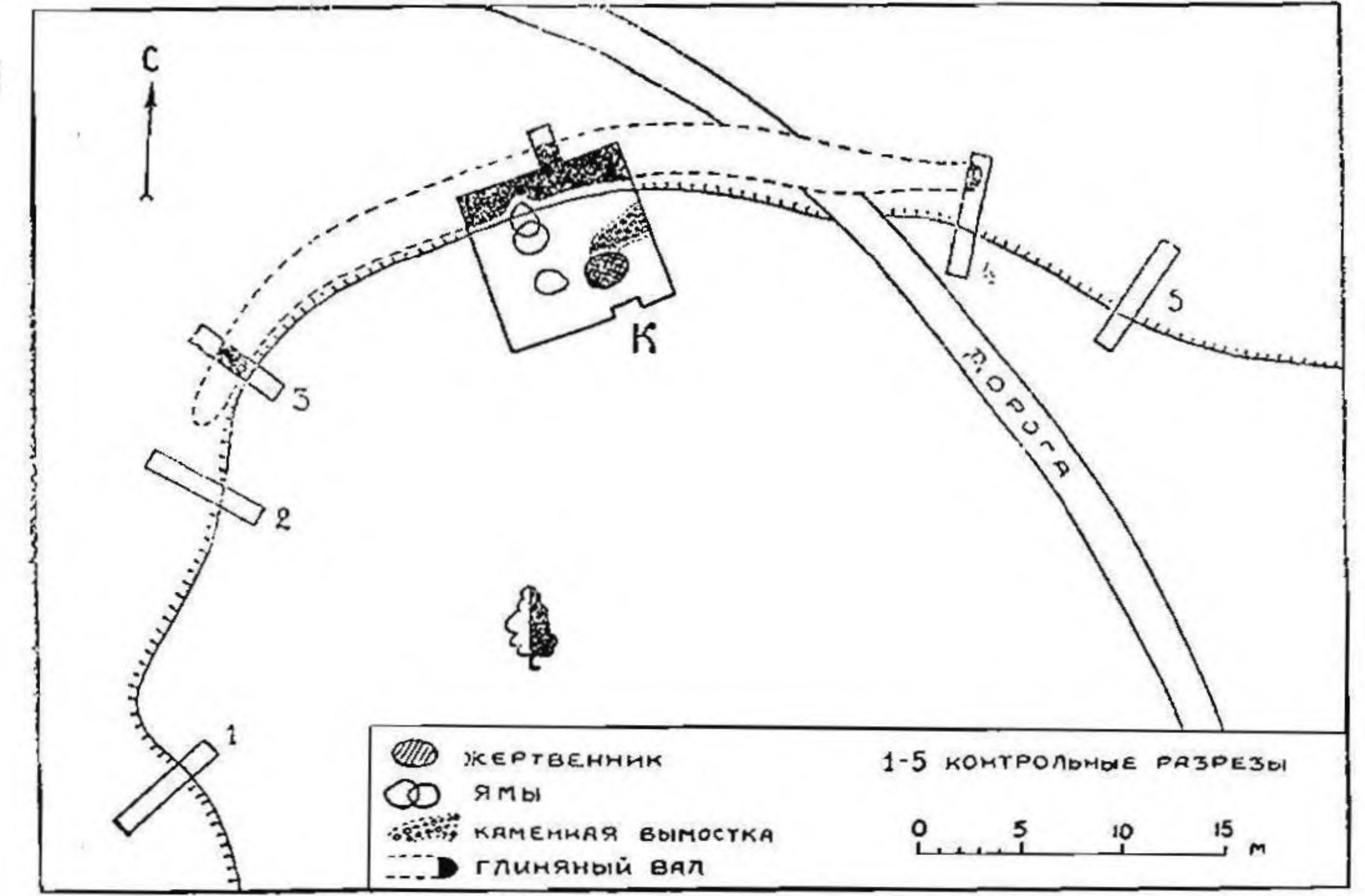

Рис. 76. Раскоп «К» на городище Караван с остатками жертвенника IV в. до н. э.

Некоторое, хотя далеко не полное, представление о древних возделываемых растениях мы можем получить по отпечаткам, сохранившимся на днищах и стенках глиняных сосудов.

Донецкую керамику[1] скифского времени с отпечатками зерен или семян различных культур исследовали специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства М. М. Якубцинер, Н. Р. Иванов и др. В результате на керамике VI—III вв. до н. э. были обнаружены отпечатки следующих растений:

просо — на городищах у с. Б. Гомольши, Циркунов, Городища, Каравана и на селищах у с. Островерховки, Б. Даниловки и ст. Шелковая;

ячмень — на городище Караван и на селище Шелковая;

пшеница — на городищах у с. Каравана, Коробовых хуторов, Мелового (Северское городище), на селищах у с. Островерховки и у ст. Шелковая;

горох — на городищах у с. Каравана и Коробовых хуторов, на селищах у с. Островерховки и ст. Шелковая;

вика — на городище у с. Каравана;

сорняки (возможно, лебеда и пырей) — на селище у с. Островерховки.

Особенно часто на фрагментах керамики попадаются отпечатки зерен проса.

Эту картину позволили дополнить материалы, полученные автором в результате раскопок в 1954—1955 гг. на городище Караван оригинального жертвенника, связанного с земледельческим культом.

Городище расположено, как обычно, на узком мысу в покрытой лесом местности у истоков р. Мерефы, недалеко от с. Каравана Харьковской области. Данные раскопок позволяют считать, что городище возникло не позже V в. до н. э., хотя среди находок преобладают материалы IV—II вв. до н. э. Культовое сооружение было обнаружено в северо-западной части главного двора городища. Еще до раскопок здесь были замечены небольшие впадины заплывших ям округлой формы. Раскопки показали, что культовое место с северо-западной стороны ограждал серповидный вал, сооруженный из глины и обожженный докрасна. Длина вала достигает 45 *м*, а ширина — 2,90 *м*. Высота колеблется от 0,40 до 0,55 *м*. С внутренней стороны к валу примыкает большой зольник, который местами даже перекрывает серповидный вал. Приблизительно в центре внутренняя дуга вала слегка вогнута и напротив этого места в зольнике последовательно были вырыты еще в древности три ямы.

---

[1] Из раскопок С. А. Семенова-Зусера в 1949 г. (Б. Гомольши) и Б. А. Шрамко в 1950—1955 гг. Все указанные ниже пункты расположены на территории Харьковской области.

К северо-востоку от третьей ямы был сооружен из глины овальный в плане жертвенник, к которому вела дорожка, вымощенная песчаниковым камнем (рис. 76). Жертвенник по форме напоминал большую тарелку и был обожжен докрасна.

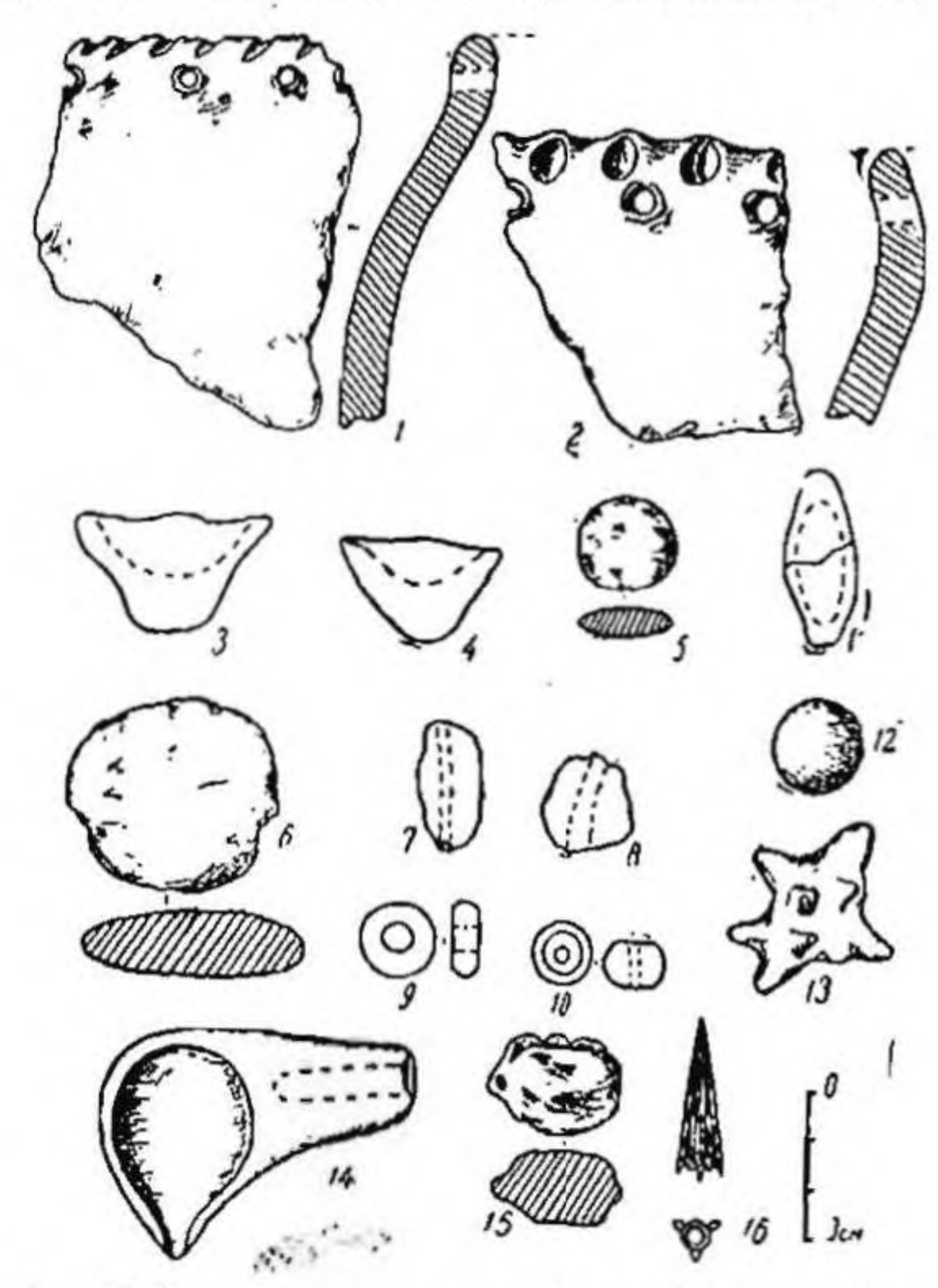

Рис. 77. Вещи из находок в раскопе «К» на городище Караван:
1—2 обломки горшков; *3, 4* — вотивные сосудики; *5, 6* — глиняные лепешки; *7, 8* — глиняные бусины; *9, 10* — стеклянные бусины; *11, 12* — поделки из глины в виде полого предмета и шарика; *13* — рогатая поделка из глины; *14* — льячка; *15* — глиняный «пирожок»; *16* — бронзовый наконечник стрелы.

Наибольший диаметр его — 1,53 *м*, а толщина колеблется от 5 до 10 *см*. На жертвеннике в древности длительное время горел сильный огонь, отчего поверхность его прокалилась,

растрескалась и была покрыта толстым слоем чистой золы от сгоревшей соломы. Пользовались этим жертвенником долго и периодически чинили его, удаляя растрескавшиеся части и заменяя их свежей глиняной обмазкой. Об этом свидетельствуют найденные в раскопе куски обожженной глиняной об-

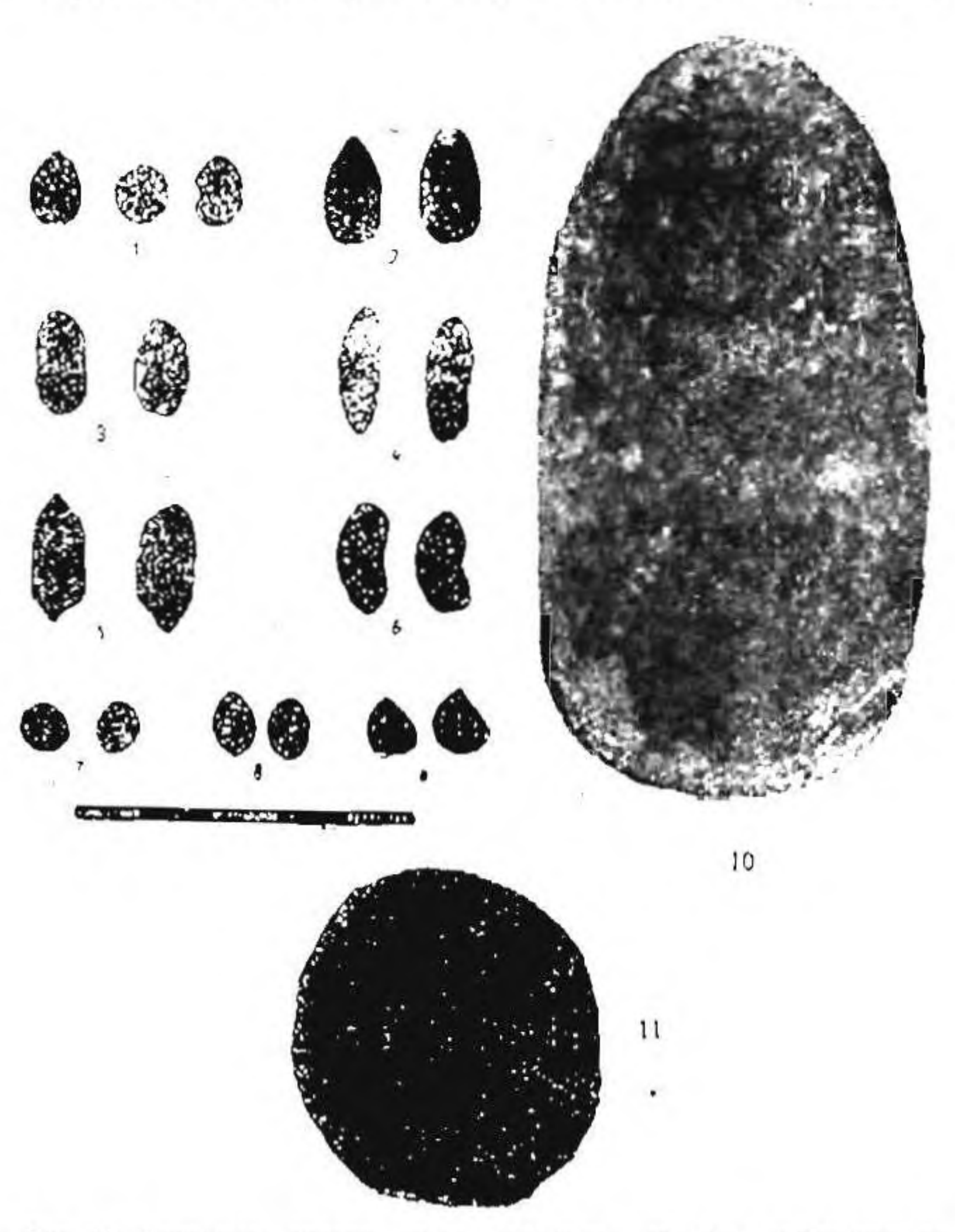

Рис. 78. Глиняные модели зерен различных культур, найденные на жертвеннике городища Караван:
1 — обломки моделей. Модели, изображающие зерна: *2* — ячменя; *3* — пшеницы; *4* — ржи; *5* — чуфы; *6* — вигны; *7* — гороха; *8* — проса; *9* — нута. Увеличенные рентгенограммы глиняных моделей: *10* — хлебный злак (пшеница); *11* — бобовое растение (горох).

мазки, у которой гладкая поверхность, как и у жертвенника, покрыта светло-серым налетом от золы.

Весь большой зольник, расположенный возле жертвенника, образовался постепенно из небольших порций золы, которая периодически сбрасывалась с жертвенника. При совершении религиозных обрядов, несомненно, использовались не только предметы специального культового назначения, но и те, которые повседневно употреблялись в быту. Поэтому в отложениях зольника наряду с костными остатками животных встречаются остатки обычной глиняной посуды, глиняные пряслица, грузила и т. п. Найдены и металлические вещи: железные ножи, серебряное украшение в виде луновидной подвески и трехгранный втульчатый наконечник стрелы из бронзы (рис. 77, 16).

Кроме этих обычных бытовых и хозяйственных вещей, в зольнике найдено большое количество особых культовых предметов (рис. 77, 78). К ним относятся миниатюрные сосудики высотой 2—4 *см* в виде горшочков или мисочек, имитирующих кухонную утварь. О том, что эти миниатюрные сосудики были не игрушками, а связаны с культом, свидетельствуют частые находки их именно в зольниках, а также находки в тех курганных могилах, где были похоронены взрослые покойники. К группе культовых вещей, несомненно, принадлежат также небольшие глиняные лепешки, при изготовлении которых к глине примешивали зерна, а также части стебля и листьев растений. Во время обжига эти растительные остатки выгорали, но отпечатки их хорошо видны на некоторых лепешках.

При раскопках жертвенника были найдены также обломок глиняной антропоморфной фигурки (рис. 70,11) и небольшая культовая глиняная льячка, напоминающая настоящие ковшики, применявшиеся в древней металлургии для разливания металла. Найденную здесь льячку невозможно было использовать в реальном металлургическом производстве, так как она была очень хрупкая, едва обожженная (рис. 77, 14).

Среди других культовых предметов, обнаруженных при раскопках вокруг жертвенника, особое внимание привлекают глиняные модели зерен различных культур (рис. 78). Они изготовлены очень тщательно, из тонко отмученной глины с большим количеством органической мелкозернистой примеси, которая во время обжига моделей выгорела. Поэтому глиняные зерна очень пористы, хрупки и легко разламываются на мелкие кусочки. Всего во время раскопок было найдено более 170 глиняных моделей зерен и их обломков.

Все эти модели по форме можно разделить на несколько групп, каждая из которых отличается рядом характерных признаков. Одни из моделей напоминают зерна растений из семейства злаковых, другие — семена бобовых. Размер гли-

няных зерен в большинстве случаев больше натуральных, но пропорции довольно хорошо выдержаны.

Для точного определения моделей они были переданы во Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства. Комиссия специалистов по различным видам растений (М. М. Якубцинер, Н. Р. Иванов, А. Я. Трофимовская, В. Ф. Антропова) пришла к выводу, что глиняные модели изображают зерна пшеницы, ржи, ячменя, проса (рис. 78, 2—4, 8) и семена ряда бобовых растений: гороха, нута, вигны, чуфы (рис. 78, 5—7, 9).

О выращивании некоторых из перечисленных растений (пшеницы, ячменя, проса, гороха) мы уже знали по отпечаткам зерен или семян на местной керамике скифского времени. Разведение же племенами, жившими на территории бассейна Донца в раннем железном веке, такой культуры, как рожь, и таких бобовых, как нут, вигна и чуфа, удалось зафиксировать впервые, хотя о культивировании этих растений в других местах были уже различные данные. Наши ботаники давно высказывали мнение о том, что культурная рожь появилась впервые в раннем железном веке на юге Европейской части СССР. Такое предположение подтверждается и археологическими данными. Остатки зерен сорнополевой ржи были обнаружены вместе с зернами мягкой пшеницы на территории Боспорского царства (на Керченском полуострове) в античном слое IV в. до н. э., а также в слоях III—IV вв. н. э. Кроме того, на Нижнем Дону в слоях II в. н. э. найдены зерна культурной ржи в чистом виде. Надо полагать, что на более северной территории, в частности, в лесостепной полосе Восточной Европы, рожь, как более выносливое по сравнению с пшеницей растение, была уже введена в культуру к моменту существования жертвенника на городище Караван, т. е. к V—IV вв. до н. э.

Нут, так же как и горох, был хорошо известен древним грекам. Его вид и особенности разведения обстоятельно описывает один из крупных древних ученых, ученик Аристотеля Феофраст. Вигна — также одно из древних культурных растений, семена которого идут в пищу, а стебли дают волокно, пригодное для плетения. Чуфа с давних времен разводилась в Египте и была известна грекам [1]. Плоды чуфы содержат много вкусного и жирного пищевого масла и могут употребляться в пищу в сыром или вареном виде.

Исследование глиняных моделей с городища Караван не ограничилось изучением их внешнего вида и формы. Ввиду особой важности этих находок в лаборатории Ленинградского государственного Эрмитажа было произведено рентгенологическое и микроскопическое исследование этих находок.

---

[1] Феофраст. Исследование о растениях, IV, 8, 6; IV, 8, 12.

Рентгенограмма глиняных моделей зерен очень хорошо подтвердила и дополнила выводы о том, что глиняным зернам не случайно, а с определенной (культовой) целью была придана та или иная форма. Оказалось, что модели зерен различных культур отличаются друг от друга не только по внешнему виду, но и по внутренней структуре. В частности, модели, которые по форме определяются как изображения хлебных злаков (пшеница, ячмень, рожь), имеют внутри своеобразную мелкопористую структуру (рис. 78,10). Модели же семян различных бобовых культур не имеют такой структуры и отличаются равномерной плотностью глиняной массы (рис. 78,11). Интересно, что модели зерен проса по своей структуре отличаются от бобовых и похожи на модели хлебных растений. Это полностью совпадает с показаниями письменных и археологических источников, которые говорят о том, что просо в древности использовалось не только как ценная крупяная культура, но и для приготовления муки и мучных изделий. Плиний Старший отмечает, что сарматские племена делали из проса муку и употребляли ее в пищу, смешивая с кобыльим молоком или кровью[1]. На Пастерском городище в Златопольском районе Кировоградской области была найдена лепешка, приготовленная из крупы и муки, сделанной из зерен метельчатого проса.

Исследования показали, что мелкопористая структура некоторых групп глиняных моделей возникла вследствие того, что они сделаны из глины, замешанной на муке соответствующих культур, причем именно таких культур (пшеница, ячмень, рожь, просо), из зерен которых в обычной хозяйственной жизни действительно делали муку. При изучении обломков глиняных моделей зерен под микроскопом удалось заметить и фотографически зафиксировать отпечатки сгоревших при обжиге мелких обломков пленок зерна и соломы. Очевидно, эти мелкие кусочки, несмотря на тщательное просеивание, попали в муку и вместе с ней были замешаны в глину. Аналогичное примешивание к глине культовых предметов целых или дробленых зерен и муки отмечено при изучении С. Н. Бибиковым культовых статуэток трипольских земледельческих племен.

Все это говорит о том, что на городище Караван удалось обнаружить оригинальный комплекс, связанный с культом огня и земледелия. Значение находок на жертвеннике раскрывается еще яснее при сопоставлении их с другими фактами, засвидетельствованными в письменных, археологических и этнографических источниках.

Мы уже говорили о том, что племена, жившие в раннем железном веке на территории Скифии, больше всех других

[1] Гай Плиний Секунд. Естественная история. XVIII. 100.

богов почитали богиню Табити, которую Геродот отождествляет с греческой богиней домашнего очага Гестией. Это отождествление, конечно, не случайно. Известно, что Гестия занимала важное место в религиозном культе греков. В каждом доме священным местом считался очаг, и почитание богини выражалось, в частности, в поддержании на нем неугасимого огня. Кроме того, культ Гестии выходил за пределы отдельной семьи, отдельного рода и имел общегреческое значение. В честь Гестии горел огонь в общественном здании каждого города. Покидая свой город, чтобы основать где-либо колонию, граждане брали с собой огонь из священного очага, чтобы зажечь его на новом поселении. Геродот, получив какие-то сведения о скифской религии, увидел что-то общее в знакомом ему с детства культе греческой богини домашнего очага и в культе великой скифской богини.

Археологические данные убедительно подтверждают указания Геродота о широком распространении почитания Табити. Следы культа домашнего очага патриархальной семейной общины в виде своеобразного комнатного зольника были обнаружены Б. Н. Граковым при раскопках одного из жилищ на Каменском городище. Характерные зольники были открыты на Северном Кавказе. Особенно широкое распространение зольники получили у земледельческих племен лесостепной полосы Восточной Европы. На городищах Нижнего Дона, Кубани и Приднепровья были найдены различные круглые тарелкообразные глиняные жертвенники. Наконец, глиняные жертвенники, аналогичные раскопанному на городище Караван, встречены на ряде городищ дьяковской и городецкой культуры. Встречающиеся на селищах и городищах скифского времени зольники появились в результате существования своеобразного обычая, связанного в конечном счете с культом домашнего или родового очага. Там, где огонь очага является священным, вполне закономерно и почтительное отношение к золе, как частице этого очага. Ее нельзя разбрасывать где попало, а необходимо собирать в определенном месте и беречь как святыню.

В качестве примера подобного отношения к золе при существовании культа домашнего очага можно привести обычай, отмеченный в свое время этнографами у удмуртов. Местом домашнего культа у них был очаг, который помещался в особом шалаше около жилища. Это — место пребывания духа покровителя семьи (воршуда). При переселении семьи золу из старого очага выгребают и переносят на новое местожительство. Если из большой патриархальной семьи выделяется малая семья, то уходящие получают частицу семейного огня в виде части золы из очага. Наконец, если семья вымирает, то зола из семейного очага переносится в шалаш, являющийся местом общеродового культа.

У земледельческих племен лесостепной полосы Восточной Европы культ огня домашнего и родового очага осложнялся еще соединением его со своеобразным земледельческим культом. Об этом свидетельствуют находки культовых лепешек и глиняных моделей зерен различных злаков и бобовых растений на жертвеннике городища Караван. Аналогичные культовые действия мы можем уловить и в других археологических памятниках. Во время раскопок городища Жарище (у с. Пастерского) В. В. Хвойко обнаружил в слое скифского времени глиняный жертвенник, вокруг которого в почве, наряду с золой и угольками, попадались обугленные желуди или орехи и зерна обугленной пшеницы. Такой же глиняный жертвенник был найден при раскопках Мотронинского городища в Чигиринском районе Черкасской области. Он также был окружен золой, обугленными стеблями и колосьями пшеницы.

В огне многие древние земледельцы видели особую очистительную, плодотворную силу и вместе с тем средство, при помощи которого можно установить контакт с божеством и выпросить у него желаемое. Например, у славян существовал обычай, по которому перед самым началом посева в огонь бросали горсть проса, и это должно было предохранить поле от засорения и обеспечить урожай проса «чистого как золото». У сербов и у других южных славян в день зимнего поворота солнца зажигали в домашней печи дубовый чурбан и посыпали его хлебными зернами, мукой, солью и т. п., поливали вином и маслом, обращаясь с молитвами о хорошем урожае, о плодовитости стад и изобилии в доме. В Славонии существовал обычай, по которому хлебные зерна, предназначенные для посева, посыпали пеплом и кропили водой. У древних греков при жертвоприношении воду освящали погружением в нее горящей головни с алтаря. Присутствующим раздавали поджаренные зерна ячменя, которым посыпали голову жертвенного животного.

В некоторых случаях вместо того чтобы приносить в жертву настоящих животных или другие материальные ценности, их заменяли различными статуэтками, лепешками и т. п. изделиями. Геродот, рассказывая о том, что древние египтяне приносили в жертву божеству Луны и Дионису свиней, добавляет: «Бедняки по скудности своего хозяйства лепят свиней из теста, пекут и приносят их в жертву»[1].

У древних греков Аполлону и Артемиде в праздник Фаргелий приносили незрелые еще плоды и хлебные изделия. Своими формами эти хлебцы нередко намекали на те или другие качества или обязанности богов. Например, Артемиде приносились круглые лепешки или лепешки с рожками, для

---

[1] Геродот. История, II, 47.

Аполлона делались хлебцы в виде лиры, лука, стрелы и т. п. Иногда хлебцам придавали форму животных и жертвовали их вместо настоящих. В Фивах вместо овец в жертву Гераклу приносили яблоки с воткнутыми в них палочками, которые обозначали рога и ноги животного. Такие культовые изделия иногда сжигались, а иногда просто клались на жертвенники. Древнеримский писатель Катон в своем трактате дает подробные указания о том, как перед пахотой, посевом и уборкой урожая приносить в жертву Юпитеру, богине произрастания Церере и другим богам мясо, вино и хлебные лепешки. При этом он не забывает и римскую богиню домашнего очага Весту [1].

Очевидно, обитатели городища Караван, принося в жертву глиняные модели зерен, лепешки и т. п. изделия, также старались обеспечить себе хороший урожай различных культур, которые они возделывали. Таким образом, археологические раскопки, дополняя данные других источников, ясно свидетельствуют о том, что у лесостепных племен Восточной Европы, в том числе у тех, которые жили в бассейне Донца, был распространен земледельческий культ, связанный с культом огня и домашнего очага. Упоминаемая Геродотом великая скифская богиня Табити была, очевидно, не только богиней домашнего очага, но и богиней жизни и плодородия, а следовательно, и покровительницей земледелия.

Все приведенные выше факты — находки различных сельскохозяйственных орудий, отпечатки зерен на глиняной посуде, развитый земледельческий культ и т. п. — свидетельствует о том, что земледелие играло весьма большую, даже основную роль в хозяйстве местных племен.

С земледелием теснейшим образом было связано и разведение домашнего скота. Хотя у оседлых земледельцев лесостепи масштабы скотоводства были, конечно, меньшими, чем у степных скифов, все же и здесь оно получило значительное развитие. Кости различных домашних животных в большом количестве встречаются среди кухонных отбросов на селищах и городищах. Кости черепа и трубчатые кости животных, как правило, расколоты при добывании костного мозга. К сожалению, еще не весь остеологический материал подвергался тщательному исследованию. В настоящее время мы располагаем достаточно полными остеологическими данными лишь для двух населенных пунктов — городища у с. Большой Гомольщи (по раскопкам С. А. Семенова-Зусера) и селища у с. Островерховки (раскопки автора).

Материалы этих поселений показывают, что в составе стада у населения лесостепной части бассейна Донца в раннем железном веке преобладал крупный и мелкий рогатый скот

[1] Марк Порций Катон. Земледелие, 132–134; Пер. М. Е. Сергеенко, М.—Л., 1950.

(в Б. Гомольше — 50%, а в Островерховке — 65% всех особей домашних животных, найденных при раскопках). В большом количестве разводили также свиней, которых было сравнительно легко выкармливать, используя отходы земледельческого хозяйства, а также желуди, орехи и другой корм, который давали местные лиственные леса. Среди пищевых отбросов довольно часто встречаются и кости лошадей, мясо

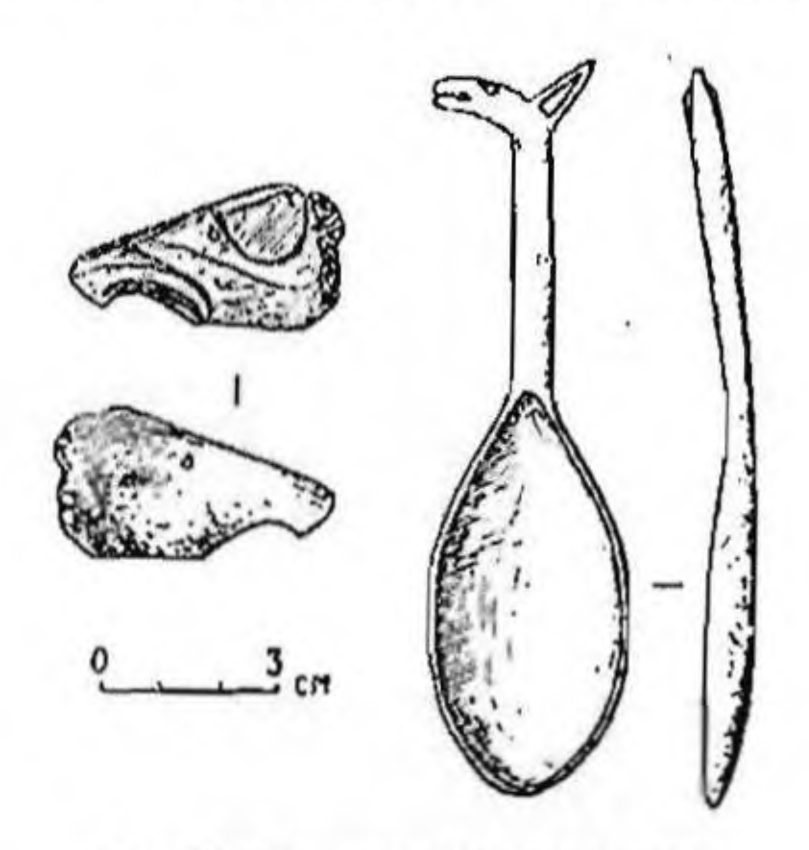

Рис. 79. Вещи из лесостепных поселений скифского времени в бассейне Донца, оформленные в зверином стиле:
1 — бронзовая бляшка от уздечки (Безлюдовка); *2* — костяная ложка (селище Шелковая).

которых, следовательно, также употреблялось для еды. Найдены кости домашних собак.

Большое количество крупного рогатого скота в составе местных стад объясняется, по-видимому, тем, что этот скот разводили не только для получения мяса, кожи и молока, но также для использования его в качестве тягловой силы. Вспашку земли примитивным деревянным плугом производили при помощи волов, которые лучше лошадей приспособлены к этой тяжелой работе. Аналогичный процесс вспашки очень хорошо описан в древнегреческой поэме «Илиаде»:

«...На пашне два бурых вола со старанием ровным
Тянут надежно сколоченный плуг составной; выступает
У оснований рогов под ярмом у них пот изобильный;
Гладким одним ярмом разделенные между собою,

Землю врезая, к меже они общую борозду гонят»[1].

Судя по находкам псалий и украшений конской уздечки (рис. 68,3; 79), местные жители использовали лошадей, так же как и в других местах Скифии, главным образом для верховой езды, а быков при помощи деревянного ярма запрягали в повозку и заставляли тащить неуклюжий деревянный плуг. Недаром в скифской легенде о священном золоте среди разных земледельческих орудий упоминается ярмо[2]. Части подлинного ярма IV в. до н. э. удалось обнаружить при раскопках скифского кургана в г. Мелитополе. Они представляли собой несколько деревянных, частью сильно истлевших плах. У некоторых обломков плах ярма были видны сквозные прямоугольные прорези, с введенными в них поперечниками (так называемые «занозы»).

Говоря о скотоводстве местных лесостепных племен, следует также отметить наличие в стаде значительного количества домашних свиней. Это свидетельствует об оседлом характере скотоводства и отличает его от скотоводства степных скифов, которые свиней не разводили.

Кости диких животных (лося, оленя, косули, кабана, волка и др.) встречаются при раскопках сравнительно в небольшом количестве. Очевидно, охота играла лишь роль подсобного промысла при основном занятии земледелием и скотоводством. Рыбу же местное население, вероятно, совсем не ловило и в пищу не употребляло, так как кости ее на донецких поселениях раннего железного века почти не встречаются. Не найдено ни одного орудия для рыбной ловли.

Довольно ярко выражены в лесостепной части бассейна Донца следы занятия местного населения металлургией. В частности, найдены несомненные признаки местного меднолитейного производства. На селище у с. Островерховки обнаружен обломок плавильного тигля и льячки в виде глиняной ложки с носиком для более удобного выливания расплавленного металла в форму. Короткая глиняная ручка такой льячки имеет цилиндрическое отверстие для насаживания ее на деревянную рукоятку (рис. 77,14). Обломок аналогичной льячки найден и на селище Шелковая, а у жертвенника на городище Караван, как уже отмечалось, обнаружена небольшая льячка, сделанная с культовой целью, но своей формой точно копирующая настоящую. На селищах у с. Островерховки, ст. Шелковая и с. Б. Даниловки были найдены небольшие лепешкообразные слитки бронзы.

Д. И. Багалей отмечает также находку на последнем селище штампа для изготовления бронзовых блях. На селище

---

[1] Гомер. Илиада, XIII, 703—707. Пер. В. Вересаева, М.—Л., 1949, стр. 290.

[2] Геродот. История, IV, 5.

у с. Подворок найдено два бракованных трехперых наконечника стрел скифского типа. У них при отливке не получились, как следует, грани перьев, а одна стрела вышла совсем кри-

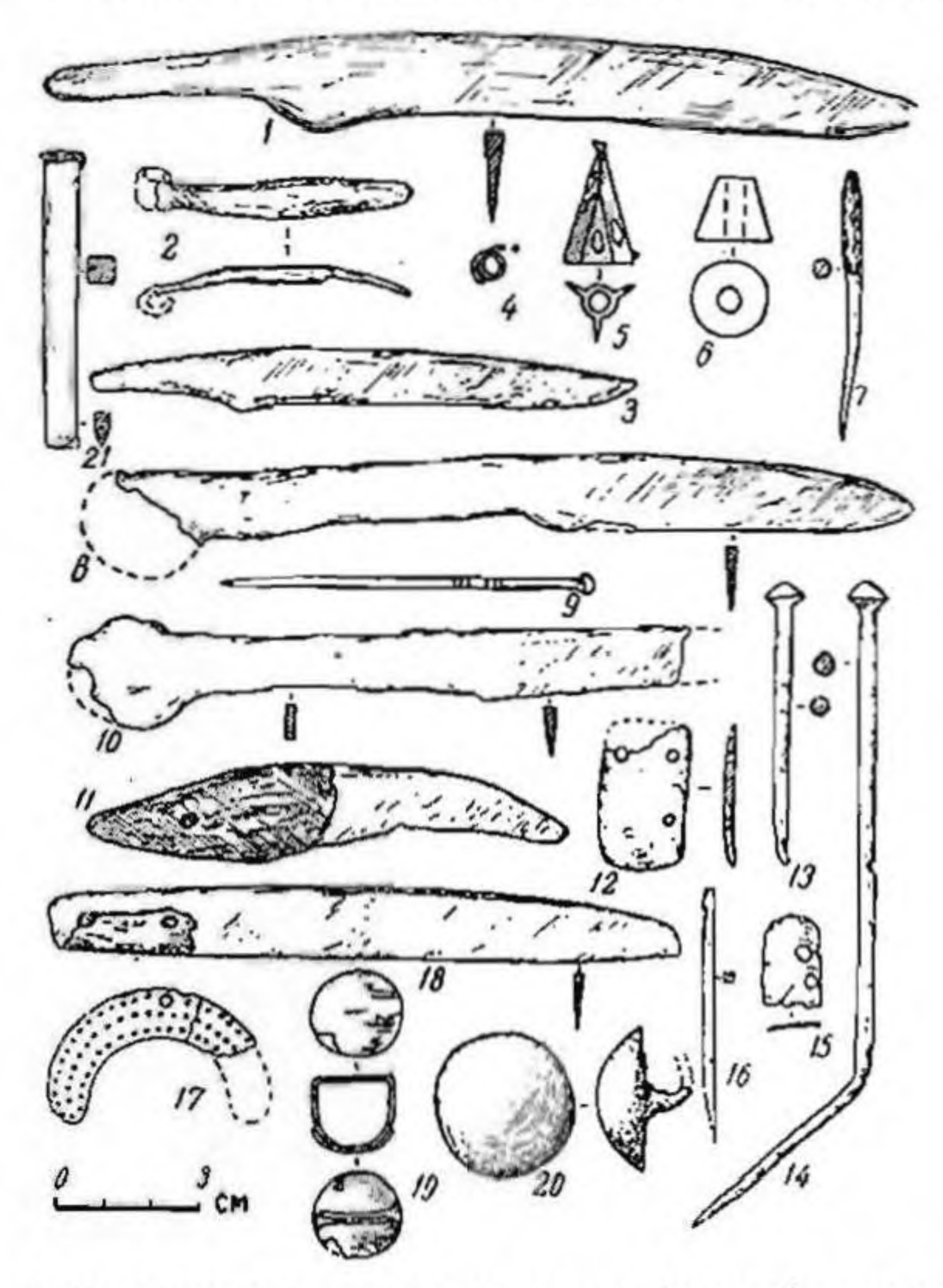

Рис. 80. Металлические вещи скифского времени. Лесостепная часть бассейна Донца. *1, 3, 8, 10—11, 18* — ножи, *2* — язычок пряжки; *4* — проволочное колечко; *5* — наконечник стрелы с литком; *6* — ворворка; *7* — шило; *9, 13—14* — булавки; *12* — чешуйка от панциря; *15* — обломок пластинки с двумя отверстиями; *16* — игла; *17* — подвеска; *19* — перстень; *20* — грибовидная серьга; *21* — зубильце. *1—3, 7—8, 10—14; 16, 18, 21* — из железа; *17, 19* — из серебра; остальные изделия — бронзовые.

вая (рис. 82,7в). На селище у с. Б. Даниловки найден бракованный бронзовый наконечник стрелы, у которого при литье

не получилась втулка. Наконец, на селище Шелковая найден наконечник еще не заточенной стрелы с остатком литка. (Рис. 80,5).

Характерно, что ни в одном из древних поселений скифского времени в лесостепной части бассейна Донца не обнаружено медных шлаков. По-видимому, выплавка меди из руды в этих местах не производилась, а для литья бронзовых изделий использовались привозные слитки меди и олова или слитки готовой бронзы. В переплавку, конечно, шли и обломки различных бронзовых предметов, пришедших в негодность. Слитки меди местные жители могли получать с юга, из Бахмутского месторождения, где разработки велись еще в бронзовом веке.

При отсутствии собственной добычи меди местные племена могли в то время заниматься литьем лишь сравнительно небольших предметов, например, таких, как бронзовые наконечники стрел, бляшки для конской сбруи, мелкие украшения и т. п. Судя по готовым изделиям, в подавляющем большинстве эти вещи отливались по восковой модели в глиняной форме, которая после употребления разбивалась. Реже, например, при изготовлении наконечников стрел, применялись многократно используемые жесткие литейные формы. Вряд ли можно считать изделием местных мастеров большой бронзовый котел, найденный при вспашке на поле около городища у с. Большой Гомольши. Процесс изготовления таких котлов был весьма сложным и требовал не только применения особых навыков, но и наличия специальных приспособлений для плавки и разливки сразу больших масс металла. Никаких следов таких приспособлений на местных поселениях пока не обнаружено, и надо полагать, что гомольшанский котел попал сюда в результате торгового обмена со степными скифами.

Трудно сказать пока что-либо определенное о наличии или отсутствии местной обработки драгоценных металлов. Однако вряд ли можно считать привозными такие простые, сделанные из пластинок низкопробного серебра предметы, как перстень, найденный в кургане у с. Б. Гомольши, или подвеска-лунница, найденная на городище Караван (рис. 80, 17, 19).

Если металлургия бронзы у донецких лесостепных племен не получила широкого развития из-за отсутствия прочной местной сырьевой базы, то железоделательное производство было развито гораздо шире. Недостаток меди и особенно олова, по-видимому, и был одним из важных факторов, способствовавших развитию добычи и обработки железа. Для организации местной выплавки железа сырья было достаточно, так как бурый железняк органического происхождения (болотная руда) весьма распространен в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы.

Важным признаком, указывающим на существование затруднений в получении необходимого количества бронзы, является то обстоятельство, что население, жившее в лесостепной части бассейна Донца, очень рано начало изготавливать из железа такие вещи, которые в большинстве других мест Скифии еще долго делались из бронзы.

В этом отношении, нам кажется, очень характерны местные комплексы наконечников стрел. Наряду с обычными и широко распространенными в это время скифскими типами бронзовых втульчатых наконечников стрел, в целом ряде пунктов бассейна Сев. Донца обнаружено значительное количество железных втульчатых наконечников стрел. Среди этих железных наконечников стрел можно выделить два типа: плоские двухлопастные ромбовидные или ланцетовидные наконечники с длинной втулкой (рис. 82, 8 л—н) и трехлопастные втульчатые наконечники (рис. 82, 5 и—к, 82, 80). Оба типа железных наконечников были найдены в 1955 г. в случайно разрушенном погребении у с. Новые Санжары, Харьковской области, вместе с бронзовыми наконечниками стрел и железным мечом — акинаком (рис. 81, 2).

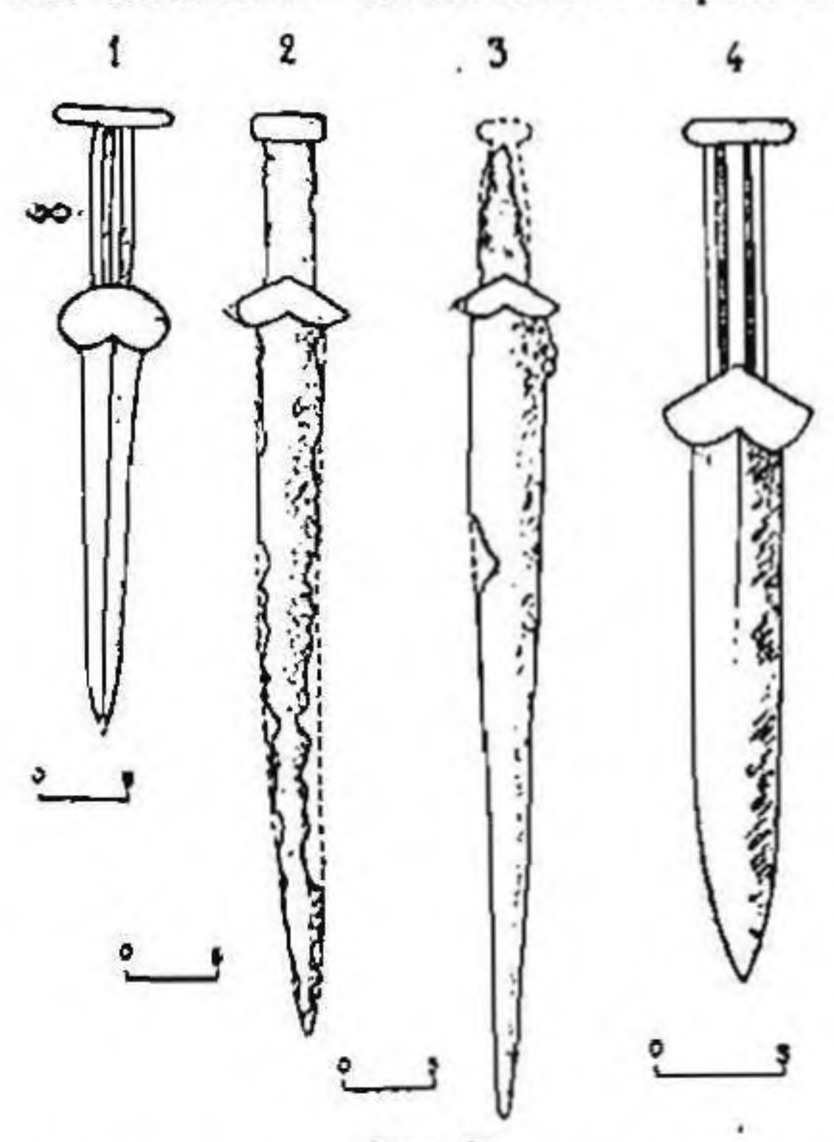

Рис. 81.
Оружие скифского времени, найденное в бассейне Донца. Мечи и кинжалы: *1* — Салтов, *2* — Новые Санжары, *3* — Циркуны, *4* — Русский Бишкинъ. № *1* — хранится в ГИМ, № *2* — в коллекции Арх. музея ХГУ, № *3—4* — по публикациям автора и Н. В. Сибилева.

Соотношение найденных стрел было таким: 1 двухлопастная бронзовая, 37 трехлопастных бронзовых, 11 двухлопастных железных и 1 трехлопастная железная. Среди донецких комплексов, которые содержат железные наконечники стрел, погребение у с. Санжар следует считать наиболее ранним,

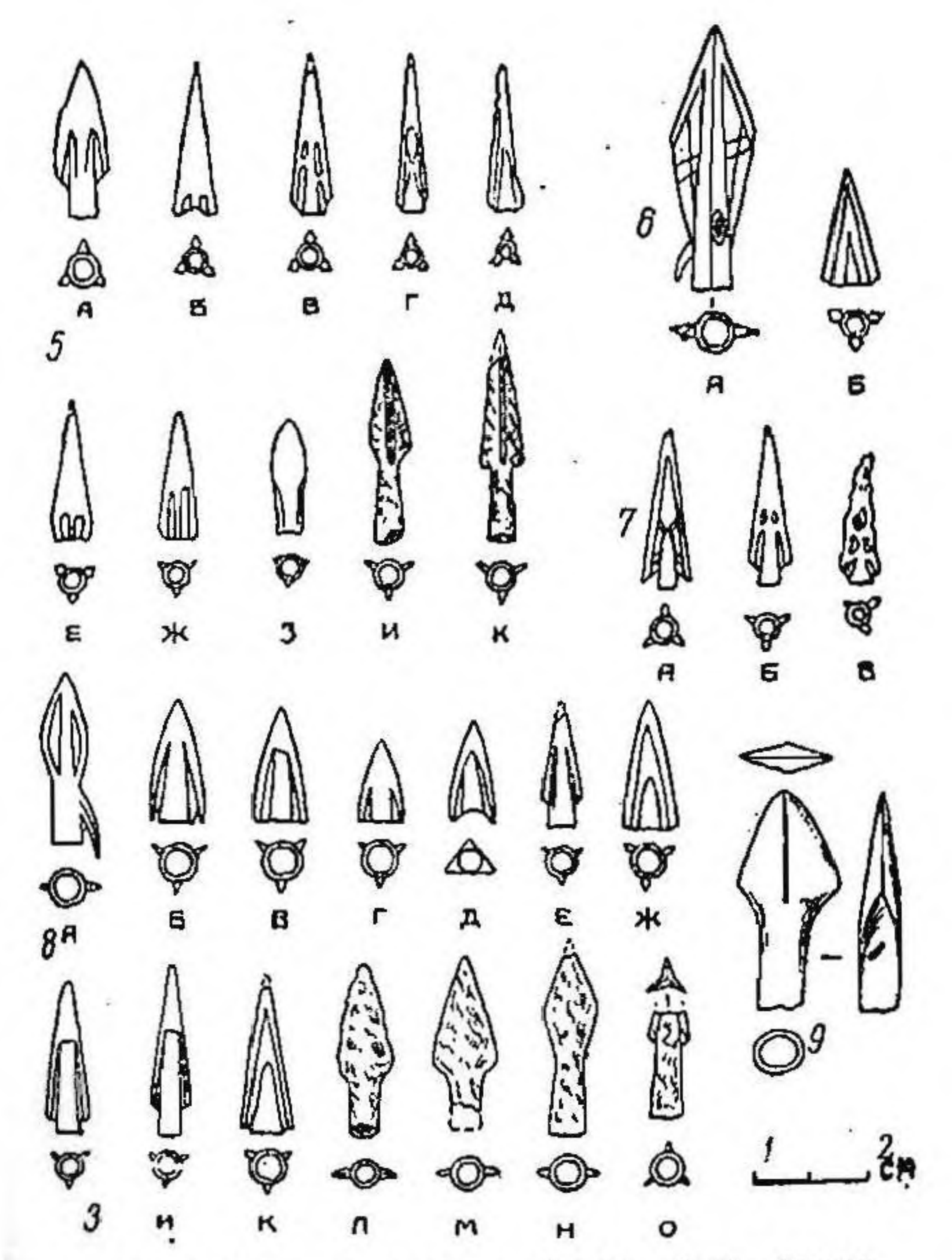

Рис. 82. Оружие из находок в бассейне Донца. Стрелы: *5—8* — наконечники стрел скифского времени; *9* — наконечник стрелы предскифского времени; *1—4, 5* и, к, *8л—о*—из железа, остальные—бронзовые. Места находок: *5* — Большая Даниловка; *6* — Куряж; *7* — Подворки; *8* — Новые Санжары; *9* — Петровское.

так как здесь найдено много массивных трехлопастных бронзовых наконечников с широким основанием и даже один двухлопастный наконечник с боковым шипом на длинной втулке. Двухлопастные железные наконечники стрел, очевидно, подражают форме бронзовых стрел последнего типа. В целом комплекс может быть датирован примерно концом V — началом IV вв. до н. э.

Трехлопастные железные втульчатые наконечники стрел IV—III вв. до н. э. найдены были также на селищах у сел Кочеток, Райгородок, Б. Даниловка, в кургане № 2 у с. Б. Гомольши в раскопанном И. Луцкевичем кургане на Холодной Горе в Харькове. Наконец, встречаются они и в сборах Н. В. Сибилева на территории Изюмщины.

Подобное сочетание железных и бронзовых наконечников стрел характерно для ряда лесостепных памятников железного века на Среднем Дону, в бассейне р. Сулы и на Правобережье Днепра. Южнее большое количество железных втульчатых наконечников, стрел (но без двухпластных позднего типа) встречено также в Прикубанье, которое было с давних времен тесно связано с племенами, жившими в бассейне Дона и Донца.

Мы уже отмечали, что на поселениях лесостепной части бассейна Донца имеются убедительные археологические факты, свидетельствующие о существовании местной выплавки железа в раннем железном веке (многочисленные находки шлаков и кусков руды, находка плавильного горна). Химический анализ железных вещей, найденных на селище у с. Островерховки (топор, серп) и на городище Караван (нож), показал, что все они сделаны из железа однообразного состава. Кроме небольшого количества углерода в нем были обнаружены лишь немногочисленные примеси Si (0,2—0,6%) и Mn (0,1—0,2%). Ряд изделий, найденных на донецких поселениях скифской эпохи, был подвергнут металлографическому анализу. Исследования, проведенные автором совместно с кандидатом технических наук Л. А. Солнцевым и инженером Л. Д. Фоминым, показали, что местные кузнецы раннего железного века уже хорошо владели искусством обработки железа при помощи ковки, успешно применяли разные формы кузнечной сварки и цементацию (науглероживание поверхности) заготовок и изделий. Например, один нож из находок на городище Караван (рис. 80, 18) был выкован из простого железа с невысокой твердостью (всего 140—150 по шкале Бринеля), но другой нож того же городища (рис. 80, 1) оказался сварным. Исследование структуры металла показало, что при помощи кузнечной сварки ремесленник соединил полосу железа (0,1—0,15% углерода) и полосу стали (0,4—0,5% углерода). Благодаря этому получилось хорошее сочетание вязкой железной основы с твер-

дым лезвием ножа. Целиком стальным оказался обломок серпа, найденый на селище у с. Островерховка (рис. 68, 2). В данном случае сталь со сравнительно небольшим содержанием углерода (0,3—0,4%) была хорошо нормализована и имела твердость 180—225 по шкале Бринеля.

По-видимому, где-то поблизости от мест выплавки производилось и изготовление различных вещей из железа. Уверенно об этом можно говорить пока лишь для селища у с. Б. Даниловки, где, наряду со следами местной выплавки железа в виде шлаков и кусков руды, были найдены различные железные изделия скифского времени и железное зубильце (рис. 80). По форме оно совершенно тождественно скифским зубильцам, найденным на Каменском городище, а небольшие размеры указывают на то, что оно предназначалось для сравнительно тонких работ. Исследование структуры металла показало, что зубило было изготовлено из стали с применением закалки.

О других инструментах (например, молотки, пробойники для проделывания отверстий, вкладыши для изготовления проушных топоров, клещи и т. п.), на применение которых указывают готовые изделия, нам пока ничего не известно. Отсутствие подобных находок можно объяснить слабой изученностью местных поселений.

Однако предполагать, что обработка металла, и особенно его выплавка, производилась во всех поселениях, нет никаких оснований. На целом ряде поселений, несмотря на значительное количество других находок, следов металлургического производства не обнаружено. Вероятно, выплавка и обработка металлов, как дело весьма сложное и требующее, кроме специальных навыков, также надлежащего оборудования и значительного времени, начало постепенно выделяться в самостоятельную отрасль производства, т. е. происходило характерное для начала железного века второе крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия [1].

Можно думать, что в рассматриваемое время в среде местного населения в бассейне Донца уже появились отдельные патриархальные роды или отдельные семьи внутри этих родов, которые специализировались в металлургическом производстве и удовлетворяли потребности в металлических изделиях не только жителей своего поселения, но и соседних. А потребности эти были весьма велики. Из железа делались различные орудия производства (топоры, ножи, серпы, шилья и т. п.), оружие (наконечники стрел, копий, дротиков, втоки, мечи и кинжалы), части конской сбруи (удила и псалии) и даже украшения (например, булавки). См. рис. 68, 74, 80—82.

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 168.

Некоторые косвенные указания свидетельствуют о том, что далеко не все виды изделий из железа нам известны. Например, на донышках многих горшков скифского времени, найденных на местных поселениях, имеются отпечатки торца дерева, не срубленного топором, а перепиленного пилой (рис. 75, 2). Аналогичные следы перепиливания пилой видны и на некоторых роговых заготовках. Все это свидетельствует об употреблении местными жителями пилы, хотя остатки ее пока не найдены.

Большое место в хозяйственной деятельности занимало изготовление различных керамических предметов. По количеству находок и по разнообразию форм первое место среди керамических изделий, несомненно, принадлежит местной лепной глиняной посуде, которая употреблялась для хранения припасов и варки пищи, а также для еды и питья. Всю эту керамику можно разделить на группы, которые в свою очередь делятся еще на ряд типов и их вариантов: 1) горшки, 2) кувшины, 3) миски, 4) сковородки, 5) сосуды для процеживания жидкостей, 6) кубки (кружки) без ручек.

Среди горшков, служивших главным образом для приготовления пищи (на стенках заметен нагар), встречаются сосуды таких форм: горшки (рис. 69, 1, 4—5), имеющие плавно и не сильно отогнутый венчик и расширяющийся приблизительно на половине высоты сосуда корпус. У края плоского донышка, как правило, выделяется небольшой рантик, не имеющий орнаментального значения, но связанный с определенным приемом лепки сосуда. Иногда рантик почти незаметен или совсем отсутствует.

От этих сосудов отличаются горшки (рис. 69, 3, 6), имеющие аналогичный плавно, не сильно отогнутый венчик и более или менее выпуклые плечи корпуса. Ниже корпус плавно сужается. Диаметр дна у этих сосудов значительно меньше диаметра плечиков и венчика. У донышка также обычно имеется небольшой рантик.

Наконец, найдены горшки (рис. 83, 3, 5), у которых венчик почти вертикален или даже слегка вогнут внутрь. Стенки корпуса у них почти цилиндрические или очень слабо выпуклые, без плечиков. Эта архаическая форма встречается довольно редко.

Варианты горшков этих трех типов отличаются друг от друга в основном по орнаментации венчика. Наиболее распространены горшки, у которых край венчика украшен пальцево-ногтевыми защипами и расположенными чуть ниже сквозными проколами. Встречаются сосуды, у которых венчик украшен только одними защипами или только проколами. Довольно часто край венчика украшен косыми насечками, нанесенными круглой палочкой или ребром плоской палочки (рис. 69, 5; 77, 1). Встречаются также сосуды, имеющие глад-

кий венчик без всяких украшений. Корпус горшков почти всегда лишен орнамента; лишь изредка на изгибе шейки или на плечиках имеются горизонтальные ряды луновидных ногтевых вдавлений (рис. 83, 10).

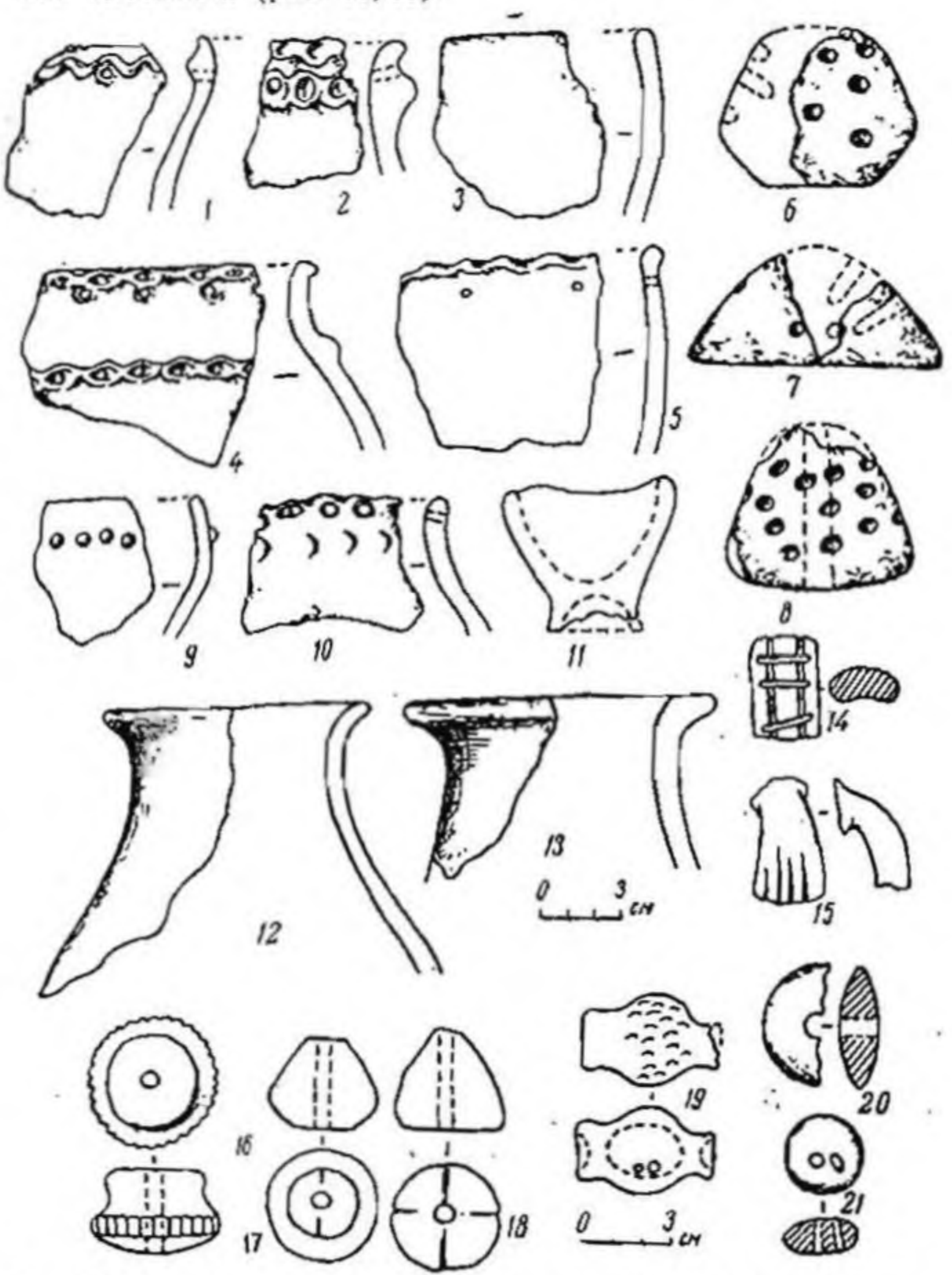

Рис. 83. Обломки глиняной посуды и других керамических изделий из находок на лесостепных поселениях скифского времени.

Особо следует отметить хронологически ранний тип горшков, у которых чуть ниже края венчика, а иногда даже на

плечиках расположен горизонтальный налепной валик. Этот валик может быть гладкий, но чаще он украшен пальцевыми защипами. Под валиком обычно наносился еще ряд сквозных отверстий (рис. 83, 1—2, 4). На сосудах из ранних комплексов встречаются и другие виды орнаментации при помощи налепливания кусочков глины. Например, ниже края венчика помещали ряд круглых налепленных шишечек (рис.83, 9).

Кувшины встречаются реже. Их можно разделить на три типа. К первому типу относятся кувшины (рис. 83, 13) со сравнительно узким и высоким горлышком, которое имеет широкий, сильно оттянутый наружу в горизонтальном направлении край. Корпус округлый, с небольшим плоским дном.

Второй тип представлен кувшинами (рис. 83, 12), которые также имеют узкое и высокое горлышко, но верхняя часть его почти прямая или очень слабо отогнута. Горлышко тонкое, край его закруглен или имеет прямой срез.

По крайней мере некоторые экземпляры кувшинов имеют вертикальную ручку, соединяющую горлышко с корпусом. Ручки овальные в сечении. Наружная сторона их гладкая или украшена простым орнаментом из продольных или перекрещивающихся желобков (рис. 83, 14—15). Встречаются ручки, разделенные на части тремя глубокими продольными бороздами. Очевидно, это — подражание аналогичным ручкам амфор позднеэллинистического и римского времени.

Наконец, иногда находят кувшины с широким, как у горшка, верхним отверстием. Венчик очень слабо отогнут и край его закруглен. В одном месте край выступает вперед, образуя носик для сливания жидкости (рис. 69, 20). Судя по наличию нагара на некоторых экземплярах, кувшины этого типа иногда использовались, так же как и горшки, для приготовления пищи.

Довольно часто на поселениях попадаются глиняные миски (рис. 69,14—16). Все эти сосуды принадлежат к одному типу и отличаются друг от друга главным образом по профилю края бортика. Количественно преобладают миски с загнутым внутрь краем. Реже встречаются миски с ровным закругленным или плоско срезанным краем бортика. Иногда дно мисок, в отличие от всех других сосудов, имеет кольцевой поддон (рис. 69, 13).

От мисок, которые использовались как столовая посуда для приема пищи, следует отличать плоские глиняные блюда или сковородки (рис. 69, 17—19). Они имеют ровный бортик, поставленный почти под прямым углом ко дну сковородки. Некоторые из этих сосудов имеют нагар и, следовательно, применялись для приготовления пищи. В частности, на таких сковородках можно было выпекать хлебные коржи,

аналогичные тем, которые известны по находкам на Пастерском городище.

В особую группу должны быть выделены сосуды для процеживания — глиняные д у р ш л а г и. Они имеют форму сковородок или горшков, у которых в дне, а иногда и в стенках круглой палочкой еще до обжига проделано много сквозных отверстий (рис. 69, 11—12). Назначение этих сосудов могло быть весьма разнообразным. Считают, что они использовались для отделения сыворотки от творога. Это вполне возможно, но одновременно такие сосуды могли применяться для выдавливания сока из различных ягод и плодов, для процеживания меда и т. п.

К у б к о в или кружек найдено немного, но формы и размеры их весьма разнообразны (рис. 69, 2, 7—10). Стенки кубков бывают цилиндрическими или слегка сужающимися книзу. Попадаются сосуды с конусообразной ножкой, которые по форме напоминают рюмки. Все эти сосуды для питья отличаются тем, что у них нет ручек. Глиняные ковши с ручками, которые так часто встречаются на соседних поселениях бассейна р. Ворсклы и в других местах лесостепи, на донецких памятниках совершенно отсутствуют. Как правило, кубки не орнаментированы, но изредка попадаются экземпляры, у которых верхний край украшен пальцевыми защипами, проколами, насечками.

Техника изготовления глиняных сосудов всех форм одинакова, если не считать некоторых мелких особенностей, которые касаются лишь отдельных экземпляров. Глина для лепки вымешивалась обычно слабо, что заметно по изломам, где часто видна ее комковатая структура. В качестве отощающего жирную глину материала добавлялся мелкий кварцевый песок, а иногда в очень небольшом количестве также шамот.

Сосуды небольшого размера с низкими стенками (кружки, сковородки, миниатюрные культовые сосудики) изготавливались из одного куска глины путем соответствующей формовки руками на плоской подставке.

При лепке других сосудов, с более или менее высокими стенками (горшки, кувшины, глубокие миски и т. д.) применялась жгутовая техника. Вначале лепилось из целого куска донышко, а затем на нем путем последовательного наложения жгутов наращивалась стенка. Это очень хорошо видно на ряде обломков сосудов, где линия излома проходит по месту соединения жгутов. Характерный для горшков рантик у края донной части образовывался оттого, что при скреплении первого жгута с донышком часть глины у донышка отдавливалась пальцем в стороны.

В качестве подставки часто употреблялся поставленный вертикально чурбан, отчего на донышках многих сосудов видны отпечатки торца дерева. Для удобства отделения гото-

вого сосуда от подставки последняя иногда посыпалась песком или половой.

После окончания лепки стенки сосуда внутри и снаружи заглаживались рукой, смоченной в воде. Лощение, притом обычно очень слабое, встречается, но не типично даже для ранних образцов местной керамики. Орнамент наносился пальцами (защипы, пальцево-ногтевые вдавления) или палочкой, обычно круглой (проколы и косые насечки), реже ножевидно заостренной (косые насечки треугольного сечения).

Обжиг керамики неравномерный, костровый. Стенки не прокаливались обычно на всю толщину, что хорошо видно по двух- или трехцветным изломам и пятнистой поверхности.

Несмотря на сравнительную простоту изготовления местной глиняной посуды, ею дорожили. Нередко встречаются обломки горшков, у которых имеются отверстия, просверленные в стенках около излома; через эти отверстия продевался шнурок или ремешок и разбитый сосуд связывался. Для варки пищи он, конечно, не годился, но мог с успехом служить для хранения разных припасов.

Исследование различных поселений и погребений раннего железного века в лесостепной части бассейна Донца, особенно раскопки[1] участков, на которых культурный слой накапливался в течение длительного времени и достигает большой толщины (иногда до 2 *м*), позволяет наметить хронологические особенности развития типов местной глиняной посуды.

Для архаической эпохи (VI вв. до н. э.) характерны керамические комплексы, в которых часто встречаются горшки, украшенные налепными валиками с пальцевыми защипами. Эти валики расположены у края венчика и могут сочетаться с орнаментацией самого венчика пальцевыми защипами и проколами. Встречаются формы сосудов, генетически восходящие к керамике бронзового века (например, баночные горшки или горшки, у которых орнаментальный валик расположен не у края венчика, а на плечиках сосуда). Имеются кувшины первого типа с горизонтально оттянутым венчиком. Изредка попадаются слаболощенные миски, очевидно, подражающие керамике, широко распространенной в бассейне Ворсклы и в более западных культурах. Сосуды, у которых венчики украшены просто защипами и проколами, а также сосуды с гладкими слабо отогнутыми венчиками не характерны для какого-либо определенного времени и одинаково часто встречаются в ранних и поздних слоях.

С V в. до н. э. заметны изменения, которые выражаются главным образом в тенденции упростить орнаментацию кера-

---

[1] Например, раскопки С. А. Семенова-Зусера на городище у с. Б. Гомольши, раскопки автора на городищах у с. Каравана, городища у г. Люботина, на селищах у с. Островерховки, у ст. Шелковой и др.

мики. Валики уже очень редко украшают венчики горшков, причем иногда вместо налепного валика встречаются менее массивные, украшенные защипами валики, образованные при помощи оттягивания глины от края венчика. Совсем исчезают формы сосудов, связанные с керамикой бронзового века. Наряду с горшками, украшенными защипами и проколами, получают распространение горшки, у которых по краю венчика нанесены косые насечки. Вместо кувшинов первого типа распространяются кувшины второго и третьего типов.

В поздних комплексах IV—II вв. до н. э. горшков, украшенных горизонтальным валиком, уже совсем нет, и всецело господствуют сосуды, украшенные по краю венчика защипами, насечками, проколами. Встречаются горшки, украшенные рядом луновидных ногтевых вдавлений. В конце этой эпохи в керамических комплексах начинают попадаться отдельные образцы сероглиняной керамики сарматского типа.

Сопоставляя донецкую лесостепную керамику с керамикой окружающих ее и хронологически одновременных культур Восточной Европы, можно заметить, что комплекс ее достаточно своеобразен. Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова в свое время уже показали, что керамика лесостепных культур раннего железного века существенно отличается от керамики степных скифских племен. Керамика различных культур лесостепи имеет гораздо больше общих черт, но и тут между комплексами отдельных районов наблюдаются значительные различия.

Прежде всего донецкая керамика скифского времени резко отличается от той керамики, которую изготавливало в эту же эпоху население, жившее в бассейне р. Ворсклы. Это отличие выражается в полном отсутствии на Донце глиняных ковшей с высокими ручками и мисок с орнаментированными бортиками. Кроме того, для ранних памятников бассейна Ворсклы, как и для более западных районов лесостепной полосы, характерно наличие большой группы керамики, поверхность которой имеет хорошее, иногда напоминающее эмалировку, лощение черного, серого или красноватого цвета. При этом лощеные сосуды часто украшены резным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой. На Донце в архаических памятниках изредка встречаются обломки мисок или корчаг со слабым лощением, а сосуды с хорошим лощением и геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, в скифское время вообще не изготовлялись.

Ковши с высокими ручками и миски с бортиками, украшенными сквозными проколами или наколами с «горошинами», довольно часто встречаются и в комплексах Посулья, хотя здесь их, по-видимому, меньше, чем в бассейне Ворсклы. Кроме того, посульские горшки отличаются от донецких тем, что в их глине обычно много крупнодробленного шамота,

который делает поверхность сосудов бугристой. В донецкой керамике основная примесь — мелкий песок, а шамот встречается редко и обычно лишь в небольшом количестве.

Ряд общих черт донецкая глиняная посуда имеет с керамикой скифского времени в бассейне р. Псла. Правда, памятники раннего железного века на этой территории известны пока в ограниченном количестве и изучены слабо, но все же можно отметить, что на Псле так же, как и на Донце, не получила распространения лощеная керамика, и выделывались простые типы мисок без всякого орнамента. В глиняном тесте сосудов, найденных в бассейне Псла, имеется примесь шамота и дресвы, что сближает ее уже не с донецкой, а с посульской посудой.

Необходимо отметить, что керамика донецких поселений и погребений скифского времени, а также керамика некоторых других районов Левобережной Лесостепи имеют ряд общих черт с керамикой более северных культур Восточной Европы — юхновской и дьяковской.

Кроме глиняной посуды, на селищах и городищах находят много иных керамических изделий, которые можно разделить на техническую керамику, культовую керамику, украшения, бытовые предметы и глиняные изделия неизвестного назначения.

К группе технической керамики, помимо уже упоминавшихся льячек и плавильных тиглей, относится огромное количество глиняных пряслиц, которые вместе с другими находками убедительно свидетельствуют о большом развитии прядения. Формы пряслиц чрезвычайно разнообразны: конические, биконические, катушкообразные, шаровидные, плоские, грибовидные, цилиндрические и т. п. (рис. 68, 14). Как правило, они не имеют орнамента. Лишь изредка встречаются экземпляры, украшенные насечками, прочерченными линиями и точками. На селище Шелковая в зольнике № 1 при раскопках 1957 г. найден оригинальный грибовидный грузик с насечками по краю (рис. 83, 16). Он очень напоминает грузики так называемого дьяковского типа, хорошо известные по находкам на городищах в бассейне Оки и Верхней Волги.

От пряслиц следует отличать напоминающие их по форме, но обычно немного большие по размеру грузики, на основании которых видны следы потертости в виде прямых или крестообразных линий (рис. 83, 17—18). Эти желобки указывают на то, что грузики привязывались к каким-то нитям. Очевидно, они служили для натягивания нитей основы примитивного вертикального ткацкого станка.

В 1957 г. при раскопках одного из зольников на селище Шелковая найдена вещь, позволяющая получить некоторое представление о характере ткани. На одном из керамических обломков были замечены отпечатки куска ткани (рис.

84). По этому отпечатку можно судить, что ткань была простого полотняного переплетения: более тонкие нити утка перекрещиваются в шахматном порядке и под прямым углом с более толстыми нитями основы. Ткань не отличалась большой плотностью. Нити основы расположены на расстоянии 0,3 *см* одна от другой, а нити утка — на расстоянии 0,25—0,2 *см*. Нити утка крученые. О нитях основы этого сказать уверенно нельзя, так как отпечатки их видны хуже. По на-

Рис. 84. Обломок керамики с отпечатком ткани. Найден в зольнике № 1 на селище Шелковая (увеличен).

ходкам античной керамики этот зольник датируется концом VI в. до н. э.

Из глины местные жители делали и детские игрушки. К ним относятся глиняные погремушки. Одна из них была найдена в 1958 г. при раскопках зольника на селище Шелковая (рис. 83, 19). На концах она имеет кольцевые желобки, необходимые для того, чтобы игрушку можно было привязывать и подвешивать перед ребенком. Поверхность погремушки украшена ногтевыми вдавлениями, а во внутренней полости имеются какие-то камешки или глиняные шарики. Точно такие же погремушки хорошо известны и на поселениях дьяковской и юхновской культуры.

Иногда на поселениях попадаются небольшие дисковидные поделки из глины в виде пуговиц с одним или двумя отверстиями (рис. 83, 20—21). Потертости вокруг отверстий и между ними свидетельствуют о том, что эти глиняные пуговицы действительно к чему-то пришивались, возможно, к одежде.

Культовая керамика (различные зооморфные и антропоморфные статуэтки, миниатюрные сосудики, лепешки и т. п. предметы) уже была охарактеризована выше, при описании

находок у с. Островерховки и на городище Караван. Украшения из глины широкого распространения не получили. Встречаются лишь цилиндрические, бочковидные и шаровидные бусы с тонкими, часто неровно проделанными отверстиями (рис. 77, 7—8).

Некоторые глиняные изделия приходится в настоящее время относить к числу предметов, назначение которых точно не установлено.

На поселениях довольно часто попадаются большие глиняные конусы, поверхность которых хорошо заглажена и украшена глубокими вдавлениями (рис. 83,6—8). Эти конусы имеют одно или несколько цилиндрических отверстий, проделанных еще до обжига в сырой глине концом круглой палки. Отверстия бывают сквозными, но чаще они доходят только до середины или до $^1/_3$ толщины корпуса. Обожжены конусы обычно очень слабо и легко разламываются на части. Аналогичные поделки встречаются и в других памятниках раннего железного века в бассейне Ворсклы, Псла, Сулы, Сейма и особенно на деснинских городищах юхновской культуры. Вне этого района (например, на правом берегу Днепра) они попадаются редко. Называют их обычно рыболовными грузилами, но по крайней мере у жителей донецких поселений выполнять эту функцию такие конусы не могли, так как часть их не имеет сквозных отверстий для привязывания, а другие из-за слабого обжига очень хрупки. Кроме того, на донецких лесостепных поселениях скифского времени почти совершенно нет следов употребления в пищу рыбы, а конусовидные грузила встречаются часто.

Также неясно назначение небольших дисковидных грузил (рис. 68, 12), вылепленных из глины или выточенных из обломков керамики.

Обработка камня и кости занимала сравнительно небольшое место в производстве местного населения. Из песчаника и сланца делались точильные бруски (рис. 85, 8—9) различных размеров, иногда с отверстием для подвешивания их к поясу (рис. 85,8). Из песчаника изготавливались ладьевидные блюда для растирания красок (рис. 85, 10). Из того же песчаника и из кварцита вытачивались шаровидные камни (рис. 85, 7) и наконечники для кистеня. Целая куча заготовленных метательных камней была найдена около входа в жилище, раскопанное на селище у с. Островерховки. Для какой-то цели выделывались из камня и грузила (рис. 85, 6). Но, пожалуй, шире всего было развернуто изготовление кварцитовых зернотерок. Отщепы, свидетельствующие об их изготовлении, встречаются очень часто на всех поселениях. Найдены кремневые кресала.

Следует также отметить, что на некоторых поселениях, возникновение которых можно отнести к раннему времени, и

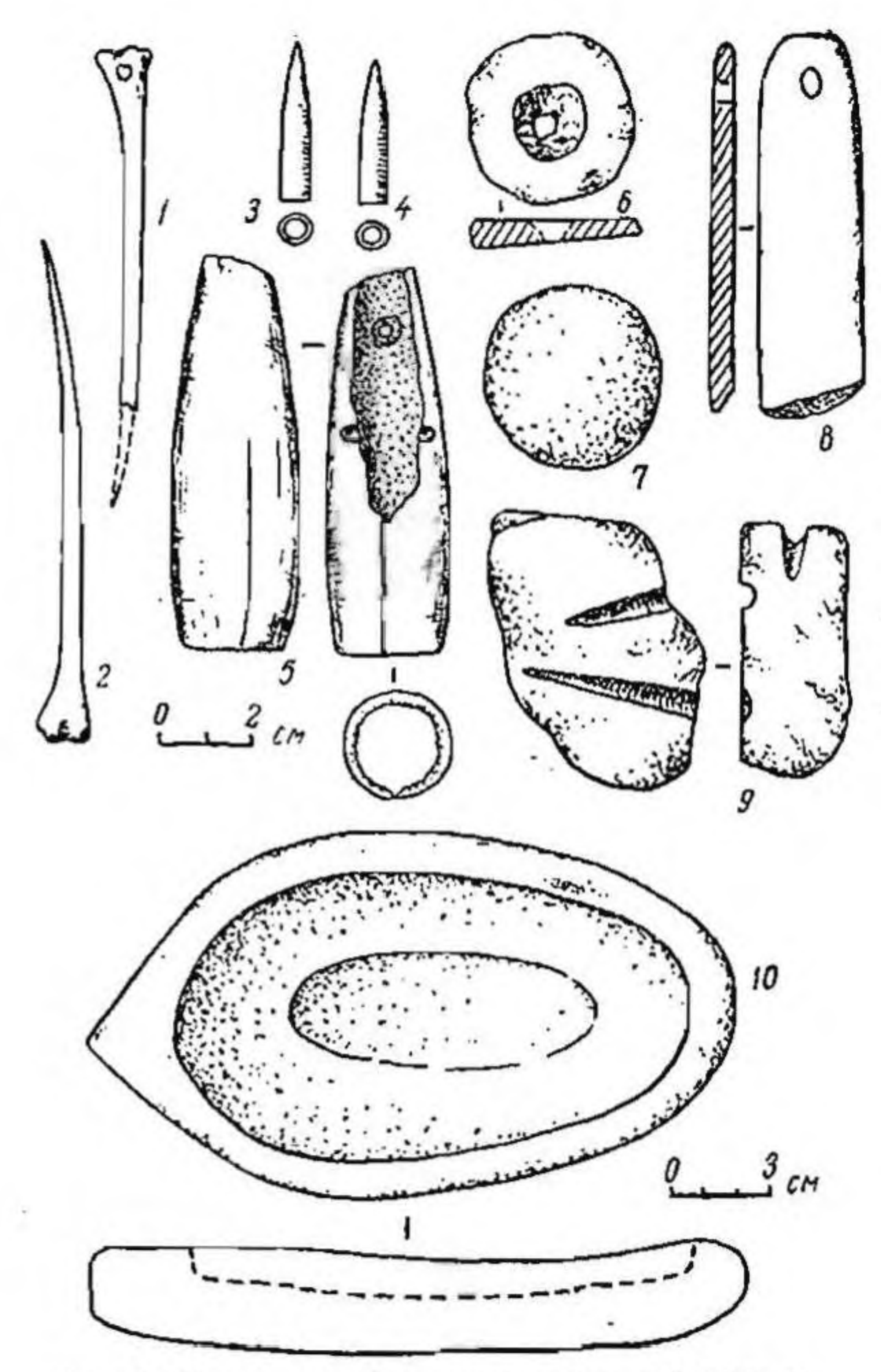

Рис. 85. Образцы изделий из камня и кости, найденных на лесостепных поселениях. Игла (*1*), шило (*2*), наконечники стрел (*3, 4*), ручка (*5*), грузик (*6*), метательный шар (*7*), точила (*8, 9*), блюдо (*10*). 1—5 из кости.

в архаических курганах встречаются иногда кремневые ножи и скребки. Неоднократное повторение этих находок свидетельствует о том, что это не случайность. Очевидно, в архаический период еще ощущался недостаток в металлах, и местное население использовало иногда, хотя и в очень небольших масштабах, может быть даже только в определенных культовых целях, изделия из кремня.

Костяные и роговые вещи встречаются редко. В раннее время из кости делались пулевидные втульчатые наконечники стрел (рис. 85,3—4). Как уже отмечалось, на селище у с. Островерховки и на Люботинском городище найдены мотыжки, сделанные из рога оленя. На селище Шелковая — мотыжка из трубчатой кости. Из мелких костей животных делались иглы и проколки (рис. 85, 1—2), из трубчатых костей — ручки (рис. 85, 5). Уникальной находкой является искусно вырезанная из кости ложка, ручка которой оформлена в виде головки лося (рис. 79, 2). Эта вещь, найденная в 1958 г. при раскопках зольника № 3 на селище у ст. Шелковая, является хорошим образцом прикладного искусства раннего железного века, выполненного в так называемом скифском «зверином стиле». Ложка найдена в комплексе, который хорошо датируется концом VI — началом V в. до н. э. На многих поселениях попадаются обрезки рога и костяные пластинки со следами распиливания, которые указывают на наличие местной обработки этих материалов.

Если, говоря о добыче и обработке металлов, мы еще можем предполагать, что эта отрасль производства уже начинает выделяться в самостоятельное ремесло, то изготовление посуды и различных мелких поделок из глины, а также обработка камня и кости, несомненно, еще не выходило за рамки простого домашнего производства.

Достаточно высокое развитие основных отраслей хозяйства обеспечивало местному населению возможность обмена не только с соседними общинами, но и с более отдаленными городами Северного Причерноморья. Свидетельствами этого обмена являются находки на поселениях и в погребениях греческих амфор (рис. 86), в которых привозилось вино и масло, а также таких предметов роскоши, как чернолаковая посуда и различные украшения из драгоценных металлов и стекла.

Обломки венчиков, ручек, ножек, а чаще стенок античных амфор встречаются, хотя и в небольшом количестве, на многих поселениях лесостепной части бассейна Донца уже с VI—V вв. до н. э.[1]. Так, обломок архаической хиосской амфоры конца VI — начала V в. до н. э. был найден на селище у с. Островерховки. Большое количество обломков античных

[1] Обломки античной керамики из наших раскопок были исследованы научной сотрудницей Института археологии АН СССР И. Б. Зеест.

амфор конца VI — начала V вв. до н. э. найдено в зольниках на селище у ст. Шелковая. Обломки фазосских амфор V в. до н. э. найдены на городищах у сел Хорошево, Городища, Каравана. Две ножки фазосских амфор V в. до н. э. обнаружены в слое скифского времени на Донецком городище.

Заметно увеличивается количество амфорных обломков в эллинистическую эпоху, когда установился наиболее широкий обмен между местными племенами и греческими колониями Сев. Причерноморья, по-видимому, через посредство степных скифских племен. Обломки амфор IV—III вв. до н. э. найдены на городищах у сел Б. Гомольши, Городища, на Шейермановском (Люботинском) городище, на селищах Островерховка, Б. Даниловка и Шелаево I (в верхнем течении р. Оскола близ г. Валуек), в одном из курганов у с. Б. Гомольши. В кургане у с. Циркунов сохранилась даже почти целая фазосская амфора IV в. до н. э. (рис. 86, 1).

Высоко ценились не только продукты, которые привозились в амфорах, но и сама амфорная тара. Часто встречаются обломки амфор со следами их починки. У края излома просверливались отверстия и обломки связывались Отдельные части сломанных амфор (ручки, венчики) использовались иногда в качестве лощил, они имеют сильно стертые грани (рис. 86, 4—5).

Значительно реже в местных памятниках встречается чернолаковая греческая посуда. Только в двух местах: на селище у ст. Шелковая и на селище близ Куряжа найдены небольшие фрагменты расписных чернолаковых киликов конца VI — начала V вв. до н. э.

Основой для обмена с городами Сев. Причерноморья была, несомненно, продукция земледелия, особенно хлеб, в котором так нуждались греки. Вряд ли местные племена могли предложить греческим купцам или связанным с ними посредникам в значительном количестве что-либо другое, кроме зерна, так как продукты местного металлургического производства, обработки камня и кости не могли их интересовать. Охота была развита слабо, а основными поставщиками продуктов скотоводства были, конечно, степные скифы. В каком-то количестве мог вывозиться мед и воск [1]. Наконец, захваченных в плен иноплеменников также могли продавать греческим рабовладельцам, тем более, что в собственном патриархальном хозяйстве применение рабов не имело широкого распространения.

Обмен, несомненно, был еще натуральный, о чем ясно говорит почти полное отсутствие находок античных монет, которые датировались бы временем не позже I в. до н. э. Наиболее древней монетой в лесостепной части бассейна

[1] Полибий. История, IV, 4, 5.

Донца является монета фракийского царя Лисимаха (306—281 гг. до н. э.), но найдена она в составе значительно более позднего клада с римскими императорскими монетами II в. н. э. Более или менее близка к рассматриваемой эпохе монета царя Митридата VI Евпатора (120—63 гг. до н. э.),

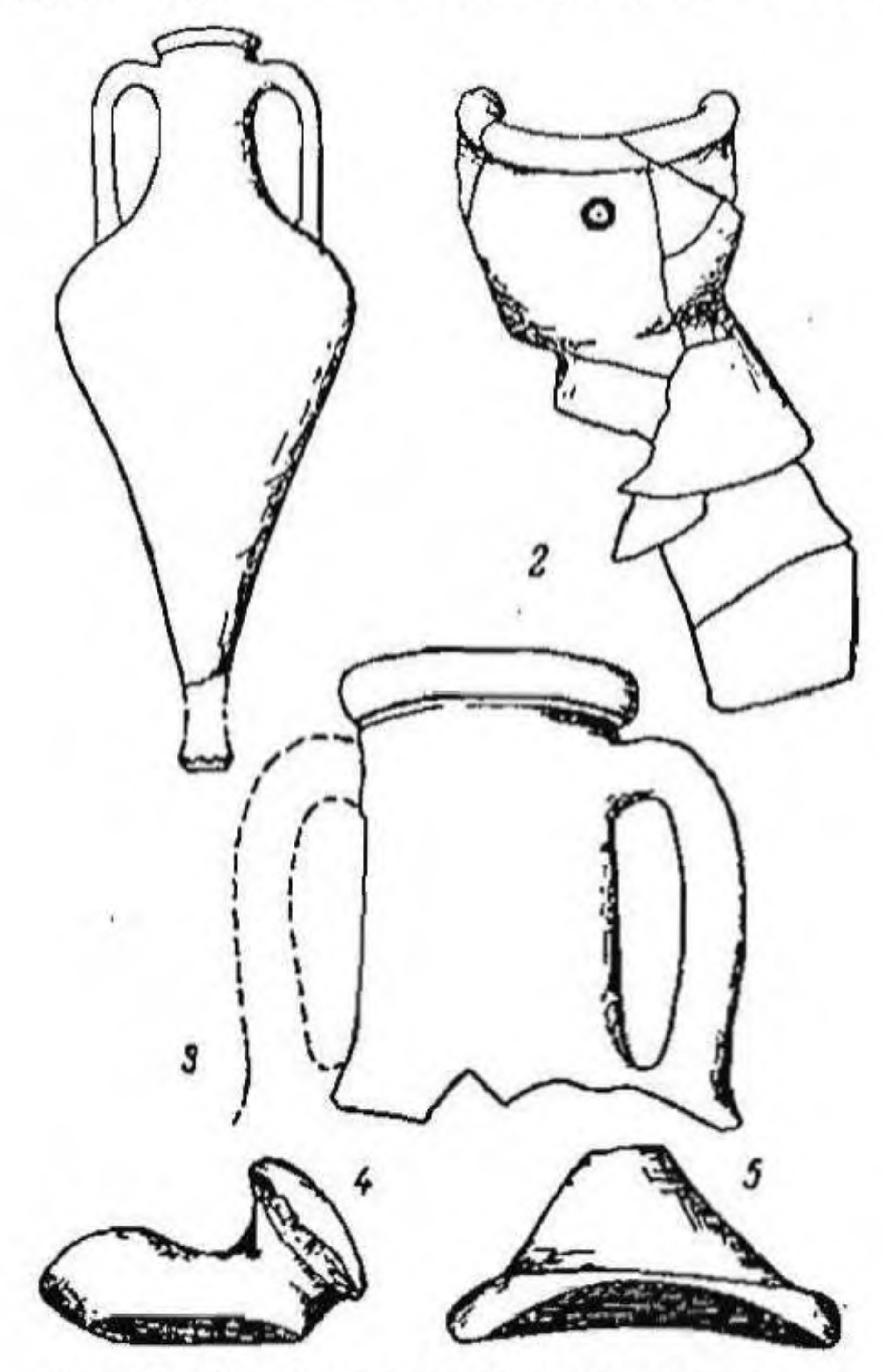

Рис. 86. Образцы привозной греческой керамики: 1 — амфора из кургана у с. Циркуны; 2 — часть горла амфоры из раскопок на городище Караван; 3 — верхняя часть амфоры из зольника на селище у ст. Шелковая; 4, 5 — лощила из обломков амфор, найденные на селище у ст. Шелковая.

которая была найдена в с. Знаменском, бывшего Валковского уезда, Харьковской губернии.

Но даже такая примитивная торговля все же нарушала замкнутость патриархально-родового коллектива, содейство-

вала укреплению частной собственности и углублению имущественной дифференциации среди членов общины. «Торговля, — говорит К. Маркс, — повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости»[1].

Своих покойников местное население раннего железного века хоронило в курганах, которые образуют значительные по размерам могильники, расположенные вблизи от поселе-

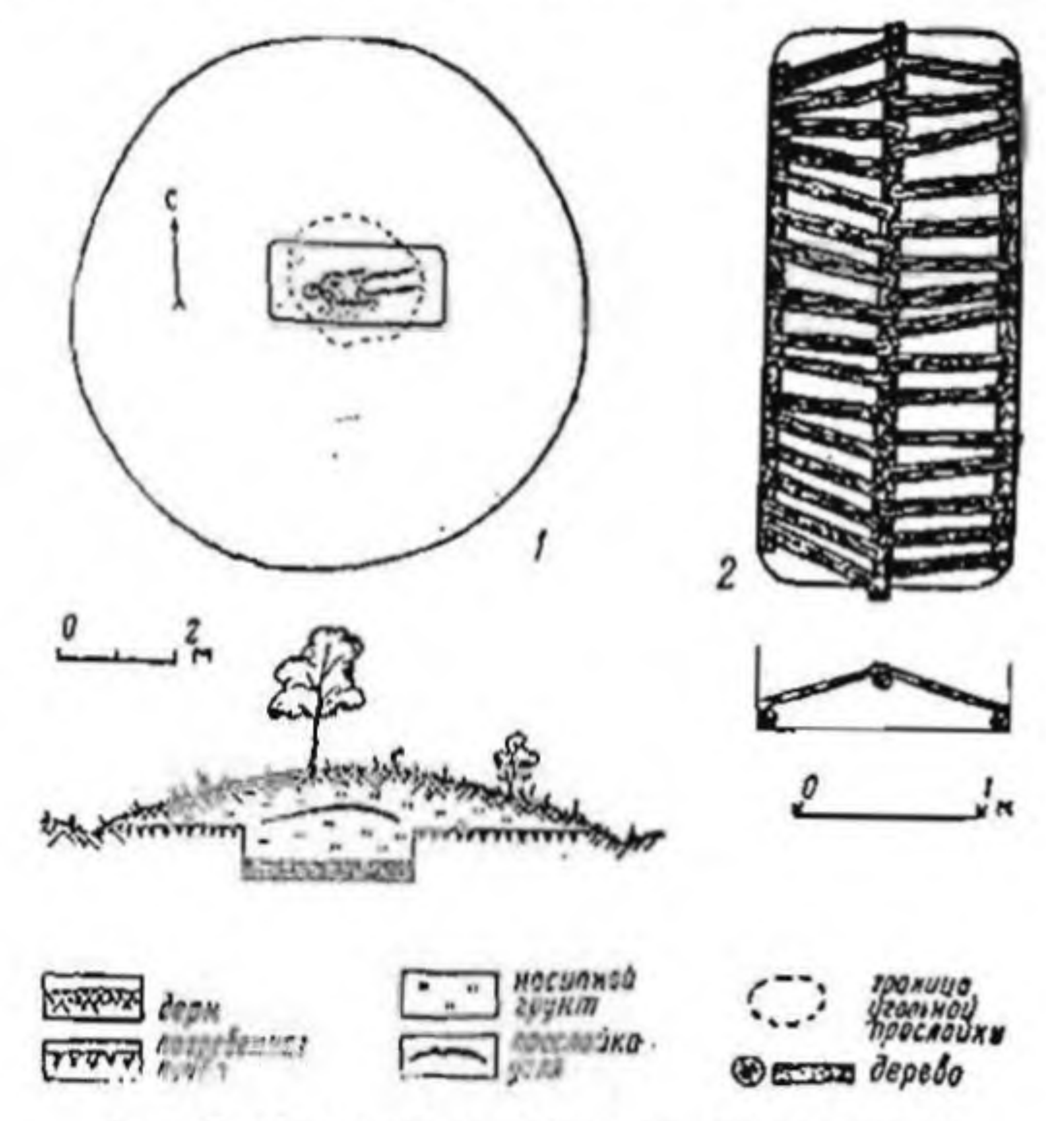

Рис. 87. Курганное погребение скифского времени:
1 — план и профиль кургана № 2 у с. Большая Гомольша; 2 — устройство надмогильного перекрытия в этом кургане.

ний. В одном из таких могильников вблизи городища Караван на площади около 18 тыс. *кв. м*, оказалось почти 450 курганов высотой от 0,5 до 2,5 *м*. Более высокие насыпи встречаются редко. В отличие от степной части бассейна Донца, все лесостепные могильники не только увязываются с местами постоянных поселений, но и вполне однородны. В каждом

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I. Госполитиздат, 1949, стр. 344.

кургане, как правило, имеется только одно основное погребение раннего железного века. В степи же почти все известные нам донецкие скифские погребения являются впускными в более древние курганы.

Всего в настоящее время в лесостепных могильниках вскрыто более 30 могил. Конструкция их обычно довольно однообразна. Прежде всего устраивалась прямоугольная яма с закругленными углами. В той стороне, где находится голова покойника, яма всегда несколько шире. Сверху яма перекрывалась бревенчатым накатником, а затем сооружалась насыпь кургана. Весьма своеобразно устроена могила в кургане № 2 у с. Б. Гомольши. Здесь внутри могильной ямы оказалось сооружение, имитирующее двускатную крышу над покойником (рис. 87).

Покойники лежат обычно в вытянутом положении на спине. Только в некоторых архаических погребениях могильника у г. Дергачи, как пережиток эпохи бронзы, встретилось несколько погребений со скороченными костяками. Ориентировка покойников неустойчива. Почти одинаковое число их было положено головой в сторону севера и в сторону запада. Очень редко встречается отклонение ориентировки в сторону юга и нигде не зафиксирована восточная ориентировка.

В каждом из сохранившихся погребений был только один покойник. Парных захоронений мужчин и женщин в одной могиле нет. Также не наблюдается погребений насильственно умерщвленных лиц, зависимых от главного покойника. Вместе с покойником в могилу клалась пища, остатки которой в виде отдельных костей животных находят в некоторых погребениях. В отличие от степных курганов здесь совершенно отсутствуют конские захоронения.

Обряд погребения покойника включал в себя и погребальную тризну, которая совершалась после засыпки могильной ямы, но до полного сооружения курганной насыпи. Остатки погребальной тризны в насыпи курганов обычно хорошо видны в виде прослойки золы и древесного угля (от кострища), кусочков разбитой керамики и обломков костей животных. У местного населения, как и у многих других первобытных племен, существовал обычай снабжать покойника некоторыми вещами. В могилах встречаются глиняная посуда, пряслица, наконечники стрел, наконечники копий и дротиков, ножи, мечи, части конской сбруи и различные украшения. В каждом отдельном погребении вещей, как правило, немного, но найдены и сравнительно богатые могилы, принадлежащие, по-видимому, представителям родо-племенной верхушки. Так, случайно разрушенное, сравнительно богатое погребение обнаружено в кургане у с. Циркунов в 1939 г. Здесь, среди сохранившихся вещей имеется железный меч, несколько де-

сятков бронзовых наконечников стрел и фазосская амфора IV в. до н. э. (рис. 86, 1).

При раскопках местных курганов отмечено большое число ограбленных могил, причем в большинстве случаев, как показали наблюдения, ограбление курганов совершалось еще в древности соплеменниками покойника. Об этом свидетельствуют многие признаки: хорошее знание грабителями устройства могил и их содержания, характер взятых вещей (часто абсолютно ненужных позднему кладоискателю), состояние костных остатков, которое указывает, что тело покойника еще не успело полностью разложиться к моменту ограбления.

Этот грабеж могил очень красноречиво говорит о том, что частнособственнические отношения уже пустили глубокие корни в местных родовых общинах. «Ведь ясно, — указывает Ф. Энгельс, — что институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может *присвоить* себе чужое добро...» [1].

Вместе с тем трудно себе представить, чтобы грабитель рисковал оставить награбленные вещи у себя, в той же общине, где он жил и где родственники покойника могли легко уличить его в грабеже. Очевидно, эти вещи можно было сравнительно легко сбыть куда-то на сторону, в чужие общины. Вообще частная собственность неразрывно связана с наличием индивидуального обмена. В. И. Ленин указывает, что в основании частной собственности «лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. Пока, напр., все члены первобытной индейской общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, — невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности» [2].

Археологические данные позволяют считать, что местное население лесостепной части бассейна Донца в период VI—II вв. до н. э. жило патриархально-родовыми общинами, которые находились на стадии разложения. Имущественное неравенство уже проникло в общину и разделило ее членов на бедных и богатых. В эллинистическую эпоху особенно оживляется обмен с греческими городами Сев. Причерноморья, который нарушал замкнутость патриархально-родового коллектива и содействовал укреплению частной собственности. Однако это разложение все же не привело еще к полному разрушению патриархально-родовой общины. Элементы рабовладения сколько-нибудь ясно в археологических па-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 152.

[2] В. И Ленин. Соч., т. 1, стр. 136.

мятниках не выражены. Вероятно, даже патриархальное рабство не получило здесь большого развития.

Материальная культура местного населения имела чрезвычайно много общих черт с другими одновременными культурами лесостепной полосы Восточной Европы, начиная от среднего Поднепровья и кончая средним течением Дона, хотя в отдельных районах лесостепи ясно видны и своеобразные локальные особенности. Кроме того, культура местного населения испытывала значительное влияние со стороны своих южных соседей — степных скифов.

Как мы уже отмечали, население, жившее в раннем железном веке в лесостепном Левобережье, появилось здесь не с юга, как полагают некоторые исследователи, а с запада. Поэтому в архаический период до конца VI в. до н. э. в материальной культуре его сохранялось еще очень много элементов, связанных с фракийским гальштатом. Однако, население левобережной лесостепи не было совершенно однородным. Сюда пришло несколько различных, хотя и близких по культуре, племен, которые частично вытеснили на север, а частично ассимилировали местное население бондарихинской культуры VIII—VII вв. до н. э. В авангарде вторгнувшихся на Левобережье племен было племя, которое осело в бассейне Ворсклы, где постепенно создается мощный оборонительный узел в виде комплекса Бельских городищ. В этом комплексе наиболее древним является Западное Бельское городище, которое было по всем данным не только политическим, но и религиозным племенным центром. Пока еще трудно сказать, каковы были взаимоотношения между населением, жившим в бассейне Ворсклы, и соседними племенами, занявшими в начале железного века земли в бассейнах Сулы, Псла и Донца. Во всяком случае общность ряда элементов свидетельствует о тесных культурных и экономических связях..

Имеются также несомненные признаки культурной связи с более северными племенами юхновской, городецкой и дьяковской культур. На поселениях юхновской и дьяковской культур встречается керамика, элементы орнаментации которой близки к северодонецкой. Например, на дьяковских и юхновских городищах найдены горшки, украшенные по краю венчика насечками, пальцевыми защипами, луковидными ногтевыми вдавлениями или даже сквозными проколами, которые особенно характерны для донецкой лесостепной керамики скифского времени. В памятниках этих культур можно найти одинаковые типы грузил, льячек, пряслиц, погремушек, вотивных сосудиков, зооморфных статуэток и других изделий из глины. Ряд общих форм обнаружено и среди изделий из кости и рога (иглы, мотыжки, проколки, наконечники стрел, застежки и пр.) Топоры очень своеобразного типа с массив-

ным поперечно-расширенным обухом, аналогичные найденному на селище у с. Острозерховки, имеются в памятниках юхновской, дьяковской и милоградской культур. Ближайшие аналогии глиняному жертвеннику на городище Караван имеются на городищах дьяковской и городецкой культур.

Если некоторые металлические изделия общих форм (например, крюкастые серпы, ножи, псалии, наконечники стрел) могли проникать далеко в ходе меновой торговли, то местные глиняные и костяные изделия не использовались для широкого обмена. Распространение последних следует объяснить взаимным культурным влиянием, а возможно и смешанными браками между представителями соседних племен. Во всяком случае, очень трудно видеть отражение одних только культурных связей в совпадении даже мелких деталей местных керамических изделий, формы и орнаментация которых в древности были связаны с глубокими внутриплеменными традициями.

Трудно решить вопрос о том, с каким из племен Северного Причерноморья, упоминаемых античными авторами, мы можем отождествить население, жившее в VI—II вв. до н. э. в лесостепной части бассейна Донца. Скорее всего в верхнем течении геродотовского Сиргиса (Донца) можно поместить племя меланхленов.

Древнейшее упоминание о меланхленах имелось в «Землеописании» греческого географа и историка Гекатея Милетского (конца VI — начала V в. до н. э.). Но, к сожалению, этот отрывок из сочинения Гекатея дошел до нас в таком изложении Стефана Византийского, что каких-либо определенных указаний на местонахождение этого племени не дает [1].

Самые полные и достоверные, хотя и не всегда понятные современным исследователям, сведения по древней этнографии Сев. Причерноморья имеются в труде Геродота. Меланхленов он помещает между андрофагами и будинами. Первые находились к западу от меланхленов, а вторые — к востоку от них. Описывая восточную часть Скифии, Геродот отмечает, что владения царских скифов простирались частью до Танаиса (Дона) [2]. Земли к востоку от Танаиса принадлежали уже савроматам, выше которых жили будины [3]. К северу же от территории царских скифов, т. е. как раз где-то в бассейне Сиргиса (Донца) обитали меланхлены [4].

В другом месте своего сочинения Геродот уточняет, что от моря до меланхленов 20 дней пути, считая дневной путь по

---

[1] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Гекатей, фр. 164. ВДИ, 1947, № 1, стр. 299. Все прочие отрывки из сочинений древних писателей о Сев. Причерноморье скифской эпохи имеются в этом сборнике.

[2] Геродот. История, IV, 20.

[3] Там же, IV, 21.

[4] Там же, IV, 20.

200 стадий[1]. Наконец, при описании движения войск персов к западу из пустыни, что лежит за землей будинов у р. Оара, Геродот рассказывает, как скифы «согласно принятому решению, убегали в земли народов, отказавших им в союзе, именно, прежде всего, в землю меланхленов». Западнее последних упоминаются андрофаги, невры и агафирсы[2].

Следовательно, можно предполагать, что меланхлены жили где-то в бассейне верхнего течения Донца, недалеко от будинов(живших к востоку от них за Танаисом) и андрофагов. Территория последних, возможно, охватывала бассейн р. Сулы, где археологически засвидетельствовано существование людоедства в раннем железном веке. При раскопках В. А. Ильинской на Басовском городище в бассейне р. Сулы на разных глубинах в культурном слое были найдены многочисленные разрозненные кости людей. На некоторых костях имеются следы насильственного умерщвления.

Характеристика меланхленов, которую дает Геродот, также не противоречит археологическому материалу, найденному в лесостепной части бассейна Донца. Геродот говорит, что это особое, не скифское племя[3], у которого были свои «цари», действовавшие в ответственных случаях самостоятельно[4]. В состав собственно Скифии территория меланхленов не входила[5]. Это независимое положение местного населения нашло свое отражение в возникновении здесь целого ряда городищ, которые служили защитой от нападения степных скифов. Отмечая политическую самостоятельность меланхленов, Геродот одновременно указывает, что образ жизни у них скифский[6]. Действительно, в материальной культуре местного населения имеется очень много вещей, которые были широко распространены в раннем железном веке и на территории, где обитали собственно скифские племена (оружие, конская сбруя, некоторые украшения). Впрочем, такое влияние ощущается не только на Донце, а во всей лесостепной полосе.

ГЛАВА IX

САРМАТЫ, ДРЕВНИЕ БОЛГАРЫ И ИХ СОСЕДИ НА БЕРЕГАХ ДОНЦА

В то время как в степях Северного Причерноморья господствовали скифские племена, к востоку от них, за рекой Танаисом (Доном), жили родственные скифам племена сар-

[1] Геродот. История, IV, 101. Двадцать дней пути надо, очевидно, считать не по прямой линии, а по течению рек, которые служили основными путями сообщения. Ионийская стадия равна 210 м.

[2] Геродот. История, IV, 125.

[3] Там же, IV, 20.

[4] Там же, IV, 102, 119.

[5] Там же, IV, 100.

[6] Там же, IV, 107.

матов. Еще в V в. до н. э. Геродот упоминает одно из сарматских племен — савроматов [1]. Другие греческие и римские писатели называют еще ряд сарматских племенных объединений: языги, аорсы, сираки, роксоланы, аланы и др. Аорсов (под именем янь-цай) и аланов знают также китайские источники II в. до н. э. [2].

Анализ дошедших до нас слов сарматского языка, а также указания Геродота [3] и псевдо-Гиппократа [4] свидетельствуют о том, что сарматы — это ираноязычные племена, говорившие, вероятно, на одном из диалектов скифского языка. К этой же северо-восточной группе иранских языков относится и современный осетинский язык, а сами осетины (ясы, асы, осы) являются потомками аланов.

В результате археологических исследований, проведенных Б. Н. Граковым, П. Рау, И. В. Синицыным, К. Ф. Смирновым и др., на огромном пространстве степей от Дона до Челябинска и от Куйбышева до Каспийского моря обнаружено большое количество своеобразных сарматских курганов. Антропологические и археологические данные позволили установить родство сарматов с носителями андроновской и срубной культуры эпохи бронзы в Поволжье, Приуралье и в Казахстане.

Остатков долговременных поселений на древней сарматской территории не обнаружено. Это и неудивительно, так как занимавшиеся главным образом скотоводством, сарматы подобно кочевым скифам передвигались с места на место вслед за своими стадами лошадей, коров, овец. Места зимовок еще почти не изучались. Поэтому для характеристики их культуры пользуются преимущественно материалами погребений.

На ранних этапах развития сарматской культуры [5] типичными являются небольшие курганы от 0,5 до 2 *м* высотой. Могильные ямы под насыпью имеют прямоугольную, квадратную и реже овальную форму. Иногда встречаются катакомбы. Покойники лежат обычно в вытянутом положении на спине. Вначале преобладает ориентировка покойников головой на запад, а с IV в. до н. э. господствующей становится южная ориентировка. В качестве пищи для покойника в могилы кладут части баранов, лошадей и коров.

---

[1] Геродот. История, IV, 21.

[2] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1953, стр. 229 и др.

[3] Геродот (IV, 117) указывает, что савроматы «говорят языком скифским, но с давнего времени искаженным».

[4] Псевдо-Гиппократ называет савроматов скифским народом. См. его трактат «О воздухе, водах и местностях», 24, ВДИ, № 2, 1947, стр. 295.

[5] По принятой хронологической классификации это савроматский, или блюменфельдский этап VI—IV вв. до н. э. и савромато-сарматский, или прохоровский этап IV—II вв. до н. э.

Инвентарь погребений невелик, но довольно характерен. Письменные источники изображают сарматов воинственными кочевниками. Действительно, в мужских погребениях, кроме керамики, бытовых вещей и деталей одежды, находят оружие и конскую сбрую. В ранних сарматских памятниках еще сильно чувствуется влияние скифской культуры. Местная конская упряжь представляет собой лишь вариант скифского конского убора. Широко распространены бронзовые втульчатые наконечники стрел и железные мечи-акинаки скифского типа. Однако уже в раннюю эпоху у сарматов вырабатываются и свои оригинальные типы оружия. В курганах VI—IV вв. до н. э. изредка встречаются длинные мечи с обоюдоострыми клинками, сердцевидным перекрестием и плоской рукояткой без навершия. В IV—II вв. преобладают короткие или длинные мечи так называемого прохоровского типа с серповидным навершием и прямым перекрестием. Особенно важно отметить то, что в сарматских погребениях первых двух этапов довольно ясно прослеживаются пережитки матриархата, о котором говорят и античные авторы.

Геродот сообщает, что савроматские женщины «...ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду... Относительно браков соблюдается у них следующее правило: ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага» [1].

Псевдо-Гиппократ подтверждает эти сведения и добавляет, что даже замужние женщины сражаются в том случае, «когда явится необходимость поголовно выступать в поход». Он же пишет о том, что сарматские женщины прижигают своим дочерям правую грудь, так как это якобы придает большую силу правой руке [2].

Археологические данные, как показал Б. Н. Граков, подтверждают воинственность и большую общественную роль женщин у сарматов .В женских погребениях, кроме керамики, различных украшений (бусы, серьги, браслеты, подвески), зеркал, иголок и т. п. вещей, находят оружие: лук и стрелы, реже меч или копье. Ряд предметов указывает на то, что женщины выполняли и жреческие функции. В их могилы клали каменные жертвенники в виде блюда с ножками, часто оформленными как звериные головы, и большие яйцевидные флаконы из алебастра. Встречаются кусочки мела, игравшего очистительную роль в культовых обрядах, и кусочки красной краски (реальгар), которая, возможно, символизировала кровь жертвенных животных.

---

[1] Геродот. История, IV, 117.

[2] Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 24, ВДИ 1947, № 2 стр. 296.

В ходе дальнейшего развития сарматских племен пережитки матриархата у них постепенно ослабевают и затем исчезают.

Языги, роксоланы, аланы

На прохоровском этапе развития сарматской культуры (IV—II вв. до н. э.) в сарматском обществе происходят значительные изменения. Постепенно усиливается родоплеменная аристократия, опирающаяся на сильные, хорошо вооруженные конные дружины. Одновременно рост населения и развитие скотоводческого хозяйства требовали расширения территории. В поисках новых земель для своих кочевий сарматские племена начинали вторгаться в степи на запад от Дона. Вначале господствовавшие в Северном Причерноморье скифы сдерживали их натиск, и сарматы проникали за Дон лишь небольшими группами. Об этих ранних набегах, еще неуловимых археологически, свидетельствуют некоторые письменные источники. В конце V или в начале IV вв. до н. э. псевдо-Гиппократ сообщает о савроматах, живущих у Меотиды (Азовское море) к западу от Дона [1]. Во второй половине IV в. до н. э. псевдо-Скилак в своем перипле помещает наряду со скифами, на правом, европейском берегу Дона сирматов [2].

После поражения и гибели скифского царя Атея в 339 г. до н. э. в битве с войсками Филиппа Македонского скифское царство постепенно слабеет. Одновременно усиливаются сарматы, у которых оформляются мощные племенные союзы во главе с аорсами, языгами, роксоланами и аланами.

Наконец, во II в. до н. э. крупные силы сарматов, в авангарде которых были языги и роксоланы, вторгаются в степи Северного Причерноморья и захватывают их вплоть до Днепра. В начале нашей эры сарматы достигли уже бассейна нижнего Дуная. Первое достоверное сообщение об этом вторжении сарматов на скифскую территорию имеется в «Истрии» Полибия. Он указывает, что находившийся на правом берегу Дона сармагский царь Гатал в 179 г. до н. э. принимал участие в заключении мирного договора между пергамским царем Евменом и царем Понтийского царства Фарнаком [3]. Более поздние римские писатели называют уже территорию Северного Причерноморья не Скифией, а Европейской Сар-

---

[1] Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 24.

[2] Псевдо-Скилак Кариандский. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии, 68; ВДИ, 1947, № 3, стр. 241.

[3] Полибий. История XXV, 2 (XXVI, 6), 12; ВДИ, № 3, 1947.

матией, в отличие от старой территории сарматских племен к востоку от Дона [1], называемой Азиатской Сарматией [2].

Следует иметь в виду, что сарматы установили свое господство в степях Северного Причерноморья не в ходе постепенного экономического и политического подчинения скифов, а в результате военного захвата. Римский писатель Дио-

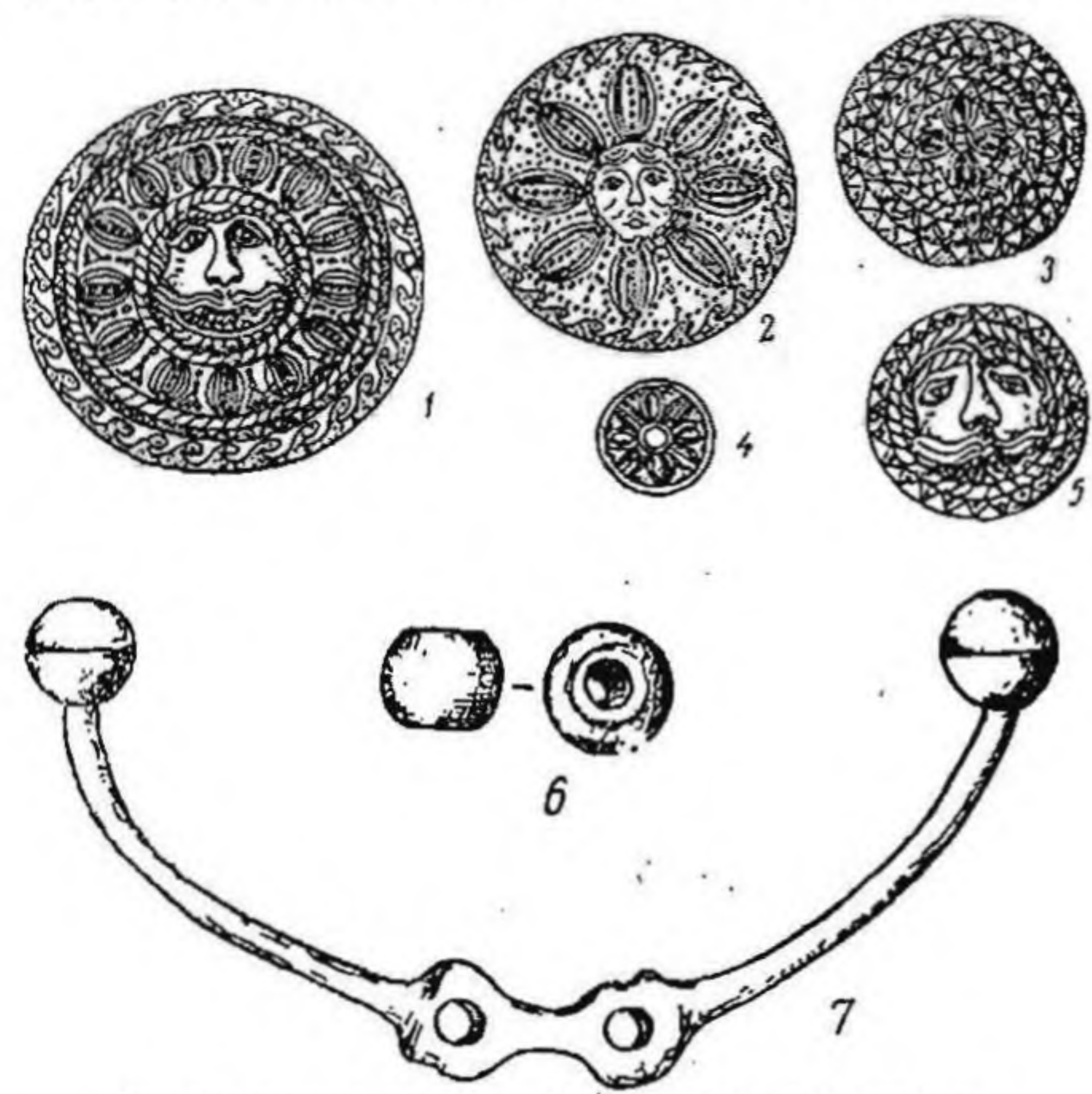

Рис. 88. Вещи из разрушенного сарматского погребения у г. Балаклеи.

дор Сицилийский рассказывает, что сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» [3].

---

[1] В I в. н. э. местное население, по свидетельству Плиния Старшего, называло эту реку Сином (Sinum). См. Гай Плиний Секунд. Естественная история, VI, 20. ВДИ, № 2, 1949, стр. 249.

[2] См. например. Клавдий Птолемей, География, III, 5; V. 8; ВДИ, № 2, 1948, стр. 232—250.

[3] Диодор Сицилийский. Библиотека, II, 43, 7; ВДИ, № 4, 1947, стр. 251.

Одна часть скифского населения, уцелевшего от сарматского разгрома, была оттеснена в Крым, а другая была ассимилирована сарматами и восприняла их обычаи. Именно этим следует объяснять то, что во II веке на территории степей Северного Причерноморья наблюдается довольно резкая смена археологических культур.

Сарматы оказали значительное влияние и на жизнь античных городов Причерноморья. Представители родоплеменной знати сарматских племен, заинтересованной в развитии торговли, устанавливают тесную связь с торговцами и ремесленниками причерноморских городов, а часть сарматов даже поселяется в этих городах.

Племена, жившие в бассейне Донца, особенно в степной его части, одни из первых испытали на себе мощные удары сарматских отрядов. Здесь обнаружено несколько сарматских погребений наиболее раннего для территории Украины типа, который датируется III—II вв. до н. э. К этому типу относится 4-е погребение из кургана № 3 курганной группы, расположенной на правом берегу р. Береки, у деревень Раздольное и Новоселки. Здесь в могиле найдено типичное для прохоровского этапа бронзовое зеркало (рис. 89, 14) и две глиняные курильницы.

К тому же времени следует отнести и замечательный комплекс вещей из кургана у Балаклеи, разрушенного при реконструкции железнодорожного пути в 1929 г. Вследствие случайности находки точно выяснить устройство погребения было невозможно. По имеющимся сведениям можно лишь установить, что курган был расположен на возвышенности водораздела небольших рек — Средней и Волошской Балаклеек. Костяк находился в яме с остатками какой-то деревянной конструкции. Краеведу Н. В. Сибилеву удалось собрать только часть вещей, но и они свидетельствуют о том, что в могиле был похоронен какой-то богатый дружинник или представитель родо-племенной знати.

Среди вещей, попавших в свое время в Изюмский музей, были следующие[1]: пара сломанных железных посеребренных псалиев с шариками на концах (рис. 88, 7), крупная бусина из синего стекла с белыми глазками (рис. 88, 6) и 10 серебряных фаларов, изготовленных при помощи штамповки и позолоченных. Из этих фаларов два были украшены розетками и разнообразным геометрическим орнаментом, на семи бляхах имелись изображения львиных голов и, наконец, одна бляха имела в центре изображение человеческой головы (рис. 88, 1—5).

По-видимому, к этой же ранней группе сарматских погребений относится и могила, обнаруженная на песчаной дюне

[1] В 1932 г. пропали и эти вещи.

левого берега Донца у с. Яремовки Изюмского района. Около костяка, лежавшего в вытянутом положении головой на юго-восток, найдены бронзовые трехгранные наконечники стрел скифского типа и типично сарматский горшок, украшенный каннелюрами.

К несколько более позднему времени относятся известные в бассейне Донца «диагональные погребения», которые, как доказал К. Ф. Смирнов, специально занимавшийся изучением

Рис. 89. Вещи из сарматского женского погребения в кургане № 2 у с. Селимовки (*1—13*), медный котел из окрестностей Старобельска (*15*), бронзовое зеркало из кургана у с. Раздольное (*14*).

их, являются погребениями роксолан. Появившись в Поволжье и южном Приуралье еще на прохоровском этапе развития сарматской культуры, диагональные погребения стали особенно типичны для среднесарматского (сусловского) этапа I в. до н. э. — II в. н. э.

Для этих погребений в грунте вырывалась четырехугольная, часто квадратная яма, стенки которой облицовывались

деревом, а сверху могила перекрывалась бревенчатым или досчатым накатником. Курганная насыпь делалась небольшой, обычно до 1 *м* высотой. Покойников клали на мягкое возвышенное ложе, часто с согнутыми в коленях ногами. Руки иногда были раскинуты в стороны, а ноги располагались так, что придавали костякам характерную «танцующую» (ноги согнуты в коленях и раскинуты в противоположные стороны) или «атакующую» (одна нога вытянута, другая согнута) позу. Преобладает юго-западная или юго-восточная ориентировка костяков, причем погребенных обычно клали по диагонали могилы — с угла на угол. Сверху покойника покрывали лубом, травой и т. п.

В степной части бассейна Донца найдено два богатых роксоланского погребения. Одно из них было раскопано в 1901 г. В. А. Городцовым у с. Селимовки, бывшего Изюмского уезда, Харьковской губернии (бассейн притока Донца реки Бахмутки). В кургане № 2 было две могилы — первая (впускная) принадлежала позднему кочевнику, а вторая содержала сарматское женское погребение, которое можно датировать концом I в. до н. э — началом I в. н. э.

Это погребение дает настолько яркую и характерную картину, что с ним следует познакомиться более обстоятельно. Под насыпью кургана была четырехугольная яма глубиной около 140 *см*, перекрытая мощным накатником из бревен толщиной около 20 *см*. Яма сохранилась так хорошо, что на стенках ее удалось проследить следы инструмента, при помощи которого она была вырыта. Это было долотовидное орудие с лезвием, имевшим в ширину 2 *см*. На бревнах накатника был положен медный литой котел типичной для сарматов формы (рис. 89,13). Корпус его, украшенный в средней части орнаментом в виде шнура, укреплен на полой ножке. У края венчика расположены две большие вертикальные и две петлевидные ручки. Каждая из больших ручек украшена тремя своеобразными выступами. При раскопках насыпи зафиксированы также следы погребального жертвоприношения в виде груды обожженных костей овцы и коровы под северо-западным углом накатника.

Костяк был ориентирован головой на юго-восток. Кости сильно истлели, но на черепе все же удалось заметить следы окраски (по-видимому, от ткани) в красивый алый цвет.

К сожалению, это замечательное погребение было еще в древности ограблено. Поэтому сохранились далеко не все вещи, а те, которые удалось найти, были довольно беспорядочно разбросаны по дну могильной ямы. Здесь оказалось много золотых бляшек, украшавших некогда одежду покойницы (рис. 89, 1—6), среди них 60 бляшек в виде якорьков, 16 розеток, 217 бляшек ромбической формы, 28 выпуклых бляшек продолговатой формы, золотые нити длиной около 25 *см*.

Какая-то часть одежды была сделана из кожи. Найдено 3 золотых обоймицы с остатками кожи, оформленных в виде птичьих голов.

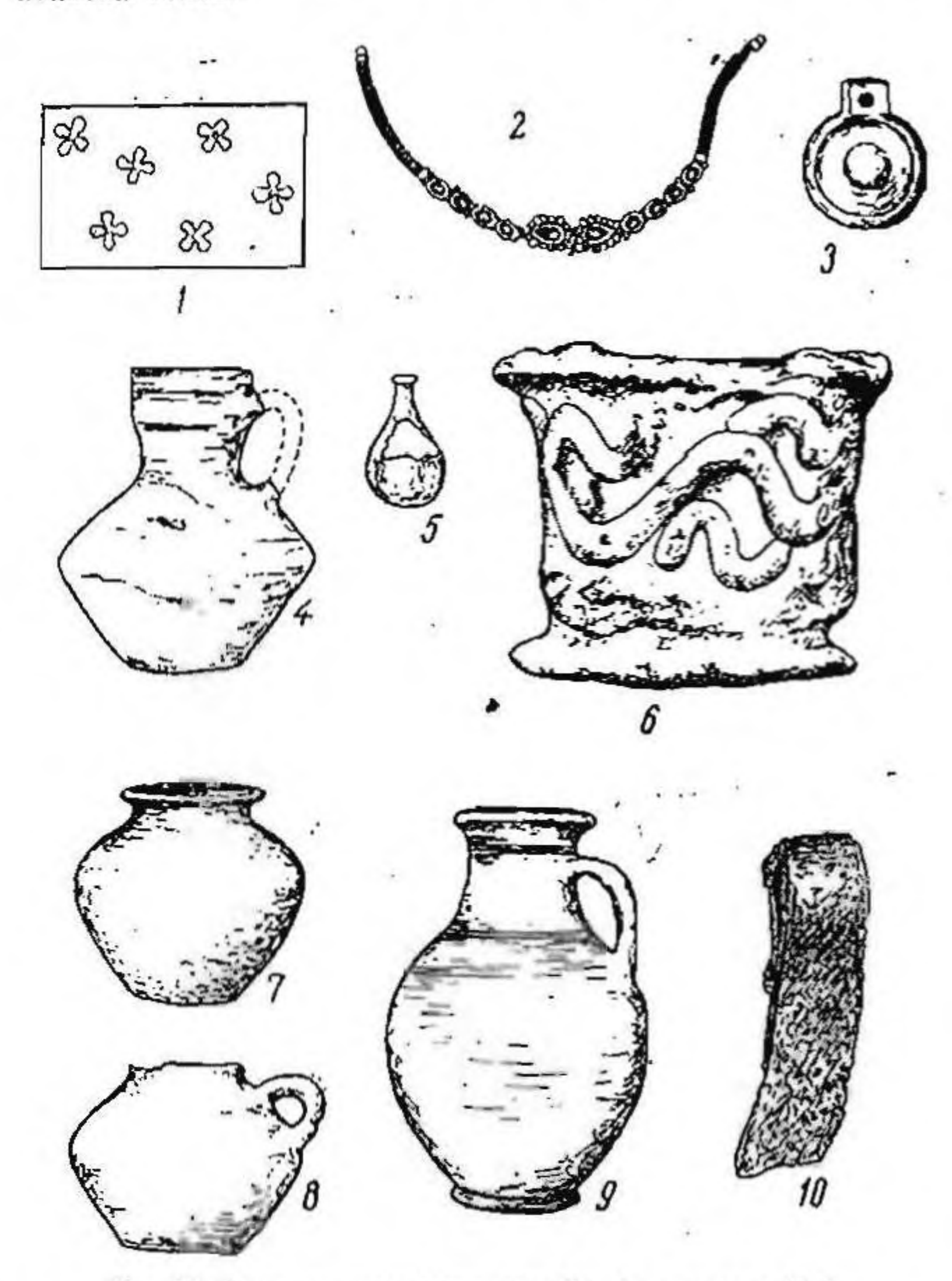

Рис. 90. Вещи из сарматских погребений в кургане № 3 у с. Сватова Лучка (1—6) и в курганах у с. Нижняя Дуванка (7—10).

Главным образом в области головы и шеи покойницы найдено много разнообразных бус (рис. 89, 7—12): шаровидные полые бусины из золота, шаровидные и уплощенно-эллипти-

ческие бусы из мрамора, продолговатые сердоликовые, стеклянные овально-вытянутые, мозаичные и в виде шестигранной призмы. Крупные бусины, возможно, не входили в состав ожерелья, а пришивались к платью в качестве пуговиц. Среди других остатков в могиле была обнаружена и античная сердоликовая гемма полусферической формы с вырезанной на плоской стороне веткой растения.

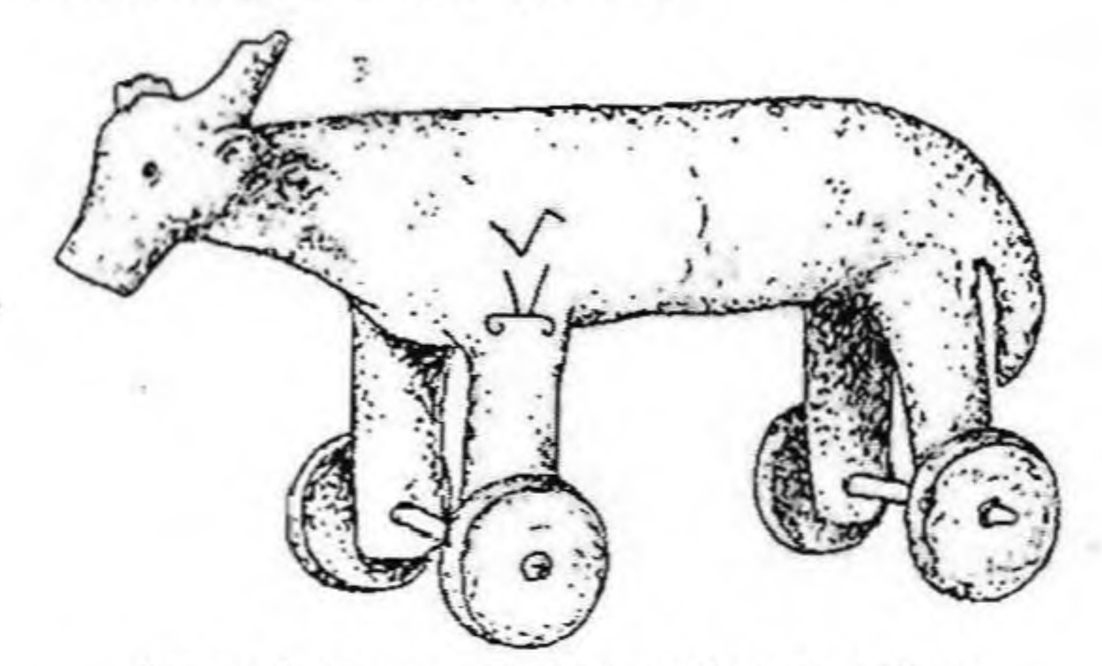

Рис. 91. Терракотовый бычок из Керчи с клеймом на лопатке (игрушка).

От других предметов сохранились только небольшие обломки железа, кусочки истлевшей кожи, кусочки горной смолы и несколько бронзовых гвоздиков с остатками дерева, покрытого резьбой. В восточной стене могильной ямы был устроен тайник в виде ниши, закрытой деревянными плахами. В нише стояла какая-то деревянная вещь, возможно, шкатулка с драгоценностями. Однако грабители заглянули и сюда, и от хранившихся в нише сокровищ ничего не осталось.

Другое роксоланское погребение было обнаружено при раскопках Е. П. Трефильевым кургана № 3 у с. Сватовой Лучки на р. Красной. Под скромной, всего в полметра высотой, насыпью кургана в материковом грунте была открыта квадратная могила со стенами, облицованными вертикально поставленными дубовыми досками. В могиле оказалось также женское погребение. Костяк был ориентирован головой на ЮЗ. В отличие от предыдущего погребения это не было затронуто грабителями и сохранилось полностью. Благодаря этому остатки дают возможность представить характер одежды и убранство богатой сарматской женщины.

Трефильеву удалось зафиксировать даже слабо заметные следы ткани. Оказалось, что женщина была одета в платье малинового цвета с короткими рукавами. Подол оканчивался примерно на 20 *см* ниже колен. На шее находилось очень

изящно сделанное ожерелье, украшенное кровавокрасными с фиолетовым оттенком альмандинами (гранатами) и жемчугом (рис. 90, 2). На верхней части одежды в области груди шел ряд нашитых на ткань мелких золотых бляшек в виде четырехлепестковых розеток, украшенных зеленой эмалью (рис. 90,1). Подол одежды был заткан плоскими золотыми нитями. Наконец, края рукавов были украшены нашитыми на ткань круглыми золотыми штампованными бляшками.

Обувь не сохранилась, но она также была украшена золотом, о чем свидетельствуют золотые нити, найденные на костях ног и на земле около них. На верхней части правой и левой руки, а также возле кисти левой руки было найдено по одному золотому браслету из соединенных между собой полых цилиндриков.

Вместе с погребенной в могилу был положен ряд вещей, которые использовались в обыденной жизни, и по представлению сарматов, были необходимы в потусторонней жизни. Среди этих вещей находились песчаниковая плита с одной гладкой поверхностью (точильный камень или зернотерка); сероглиняный кувшин с биконическим туловом и высоким горлышком, украшенным резным линейным орнаментом; ритуальный цилиндрический сосуд из желтой глины, украшенный выпуклым змеевидным орнаментом; два бронзовых зеркальца характерной формы — с ободком и конической выпуклостью в центре, с боковым квадратным ушком. В могиле лежал и небольшой стеклянный флакон с узким горлышком, предназначенный для хранения ароматических веществ (рис. 90, 3—6).

Найденные в кургане вещи, особенно стеклянный флакон и цилиндрический сосуд со змеевидным орнаментом, дали возможность М. И. Ростовцеву датировать погребение I в. н. э.

Следует подчеркнуть наличие в этом женском погребении ритуального сосуда, свидетельствующего о том, что даже в начале этой эры в сарматском обществе еще сохранялись некоторые пережитки матриархата и женщина играла определенную роль в совершении религиозных обрядов.

По крайней мере с первых веков нашей эры у кочевников Северного Причерноморья, в связи с дальнейшим разложением родо-племенных отношений, получает распространение клеймение скота специальными знаками, связанное с наличием частной собственности на стада. Изображение коня с таким знаком-тавром мы видим на известняковой стеле первых веков нашей эры из хут. Малой Козырки (близ Ольвии) и на одном боспорском надгробии II в. н. э. Клеймо было процарапано еще до обжига и на бедре терракотового бычка из детской могилы в Керчи, которая также датируется первыми веками нашей эры (рис. 91). Э. И. Соломоник, специально исследовавшая вопрос об этих клеймах, вполне справедливо

полагает, что термин «тавро», связанный с клеймением быков и другого скота, возник в Северном Причерноморье и был заимствован из греческого языка (по гречески «таурос» — бык).

Особенно увеличивается число сарматских курганных погребений в бассейне Донца на позднесарматском или аланском этапе (II—IV вв. н. э.). В это время аланские племена занимались преимущественно скотоводством и вели кочевой образ жизни. Весьма обстоятельную характеристику их хозяйства и обычаев дает историк IV в. н. э. Аммиан Марцеллин. Он описывает алан как скотоводов, которые разводят главным образом лошадей, питаются «мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям... Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами... Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни...»[1].

Аланы пришли на территорию Северного Причерноморья позже других своих сарматских сородичей, однако очень скоро начали играть здесь важную роль. Во II в. они возглавляли большой, но довольно пестрый по составу племенной союз и принимали активное участие в политических и военных событиях того времени. Кроме степных кочевников, входивших в аланский племенной союз, им было подчинено сармато-меотское население Прикубанья. Судя по сведениям, сохранившимся в одном греческом хронографе и в отрывках из произведения сирийского историка Мар-Аббас-Котины[2], уже во II—III вв. н. э. где-то в степях Приазовья рядом с ираноязычными аланами кочевали тюркоязычные болгары.

Аланы совершали военные походы в Закавказье и нападали на территорию Римской империи. Император Гордиан III был убит в 244 г. при отражении нападения аланского отряда близ Филиппополя. Императору Аврелиану в III веке пришлось вести с ними длительную борьбу[3].

Между алано-сарматами и населением античных городов Северного Причерноморья отношения были большей частью,

---

[1] Аммиан Марцеллин. История. XXXI, 2, 18—21; ВДИ, 1949, № 3, стр. 304—305.

[2] История Армении Моисея Хоренского. Пер. Эмина, М., 1893, стр. 62.

[3] Флавий Вописк Сиракузский. Божественный Аврелиан, 6, 18, 33 и др. ВДИ, № 3, 1949, стр. 265—266.

по-видимому, дружественными, основанными на взаимовыгодных экономических связях. Крупным торговым центром в устье Дона вплоть до III в. н. э. был город Танаис, который издавна служил «общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников[1] и для приезжающих по (Меотийскому) озеру[2] из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни»[3]. Ремесленные мастерские Пантикапея, Херсонеса, Ольвии и других городов выпускали в значительном количестве продукцию, специально приспособленную к вкусам сарматской знати, которая была их главным покупателем. На Боспоре, судя по одной из надписей, в 208 г. были специальные переводчики для переговоров с аланами[4].

Само население причерноморских городов было в это время уже сильно сарматизировано, а интересы рабовладельцев городов и сарматской родо-племенной аристократии часто тесно переплетались, так как и те и другие были заинтересованы в развитии торговли и в удержании в подчинении массы рядового эксплуатируемого свободного населения и рабов.

Упоминаемых в источниках сарматских «царей» и «цариц» необходимо рассматривать не как монархов, а как представителей племенной знати, как племенных вождей типа гомеровских базилевсов. Внутри сарматского племенного союза очевидно, уже оформлялись зачатки государственной организации, однако прочного государственного объединения алано-сарматы в Северном Причерноморье не создали. Этому препятствовало отсутствие единой экономической базы и этническая пестрота племенного союза. Кроме того, античные города, с которыми были тесно связаны алано-сарматские племена, после кратковременного экономического подъема, уже в средине III в. н. э. вступают в полосу глубокого экономического и политического кризиса, связанного с общим кризисом рабовладельческого мира.

Собственно аланские курганные погребения на Донце имеют те же характерные признаки, которые присущи аланским погребениям Поволжья, Северного Кавказа и других мест обитания этих племен. Они отличаются северной ориентировкой погребенных, устройством могил в виде глубоких, но узких ям, подбоев или катакомб, а также наличием костяков с искусственно деформированными черепами. Обычай искус-

---

[1] Следует помнить, что по античным представлениям этот город находился на границе Европы и Азии, которую проводили по р. Танаису (Дону).

[2] Т. е. по Азовскому морю.

[3] Страбон. География, XI, 3; ВДИ, 1947, № 4, стр. 210.

[4] В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 112—114.

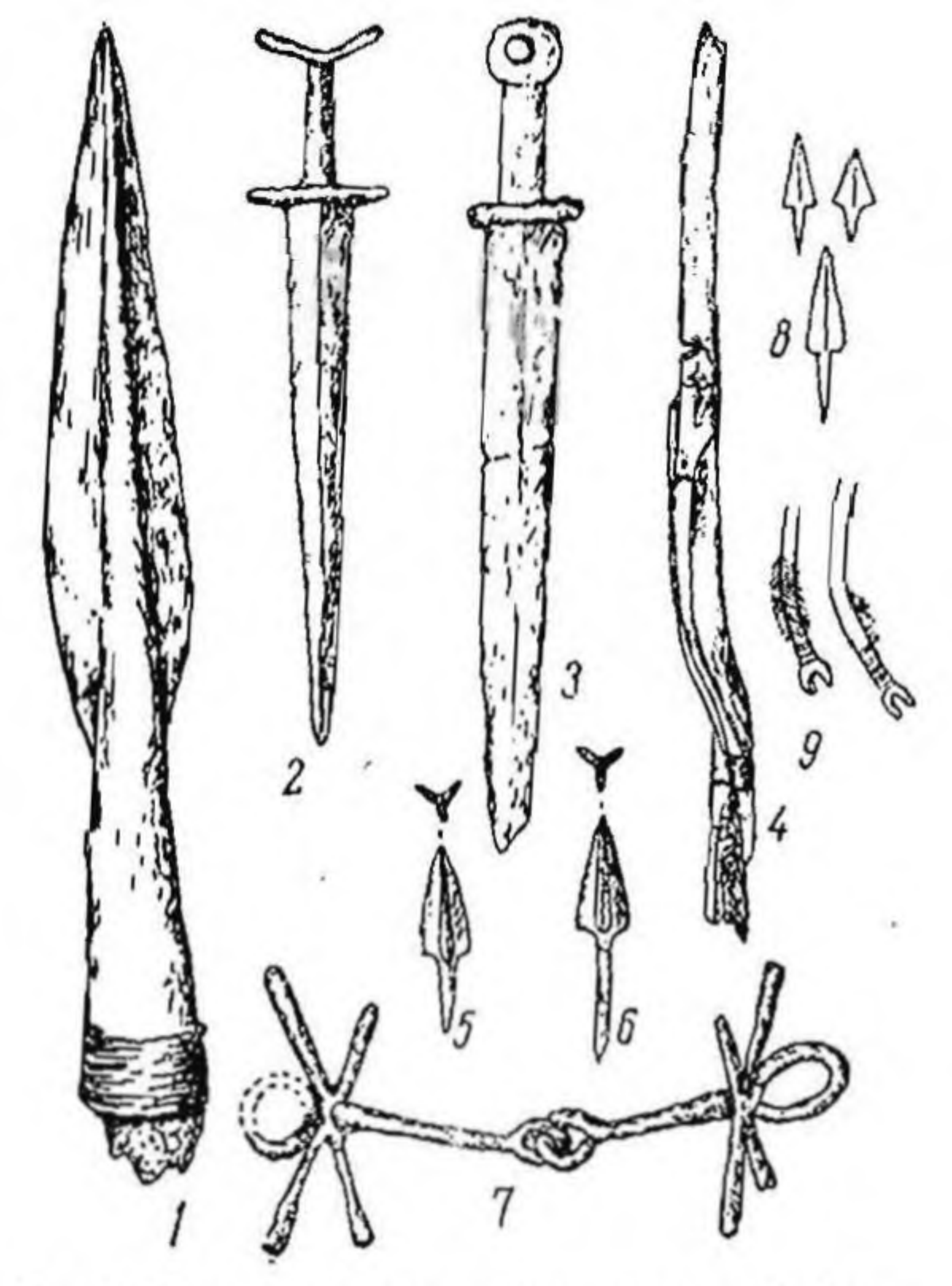

Рис. 92. Образцы сарматского вооружения и конской сбруи: *1* — копье из кургана близ с. Лихачевки (раскопки И. А. Зарецкого); *2*—меч из Оренбургской области; *3*—меч из кургана у Мелитополя (по Т. Г. Оболдуевой); *4* — часть лука, состоящего из трех частей. Курган у с. Усатово в Саратовской области (по И. В. Синицыну); *5—6* — железные наконечники стрел из кургана у с. Ново-Филипповка (раскопки Е. Ф. Покровской); *7* — удила с крестовидными псалиями из Усть-Лабинского могильника на Кубани, *8—9* — наконечники стрел и остатки древков из Бережновского могильника в Волгоградской области (по М. П. Абрамовой).

ственной деформации черепа человека в раннем возрасте применялся еще в глубокой древности. О нем, в частности, рассказывает Псевдо-Гиппократ [1]. В позднесарматскую эпоху (II—IV вв.) он получил особенно широкое распространение.

Наличие двух одновременных, но разных обрядов погребения — в грунтовых ямах и в подбоях (катакомбах) — свидетельствует о том, что степное население аланского племенного союза этнически не было совершенно однородно, да это-

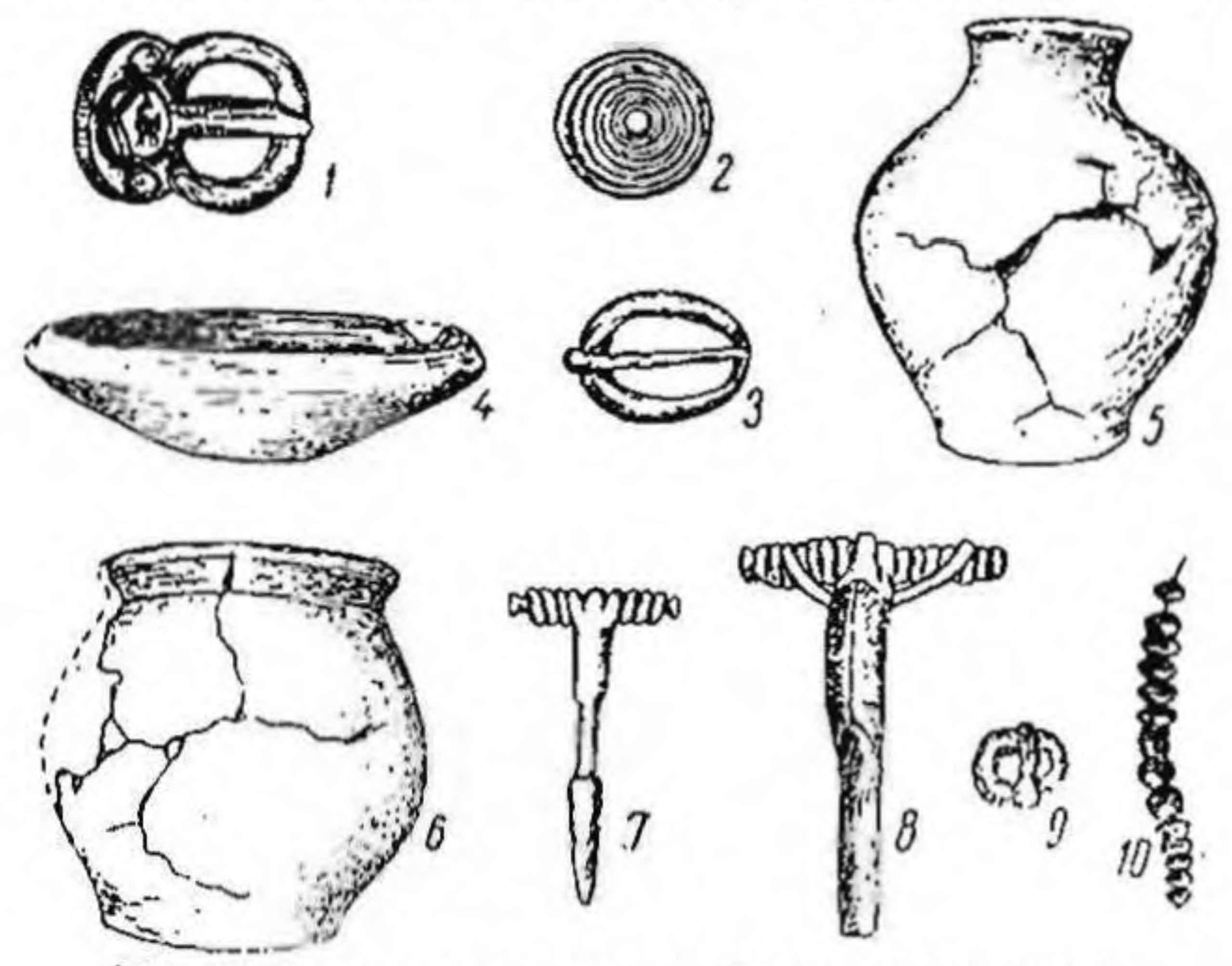

Рис. 93. Вещи из сарматских погребений в курганах у сел Нещеретово (1—6) и Воронцовка (7—10).

го и трудно ожидать в ту бурную эпоху, связанную с многочисленными передвижениями племен в степях Северного Причерноморья.

Позднесарматские, аланские курганные погребения зафиксированы в разных местах степной части бассейна Северского Донца. В частности, к ним относятся курган № 5 у с. Прелестного в долине р. Сухого Торца, целый ряд погребений в кургане № 261 в окрестностях города Славянска, в бассейне реки Казенного Торца, одно из погребений в кургане № 6 у с. Воронцовки, на р. Синихе (левый приток Оскола), курганы № 1 и 6 у с. Нещеретово недалеко от Старобельска, где еще в 1892 г. был найден замечательный клад вещей из

---

[1] Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 21; ВДИ, 1947, № 2, стр. 294—295.

разрушенного сарматского погребения, курган № 8 и 11 у с. Нижняя Дуванка, курган у с. Ивановки, на р. Дуванке (правый приток р. Красной), курган № 15 у с. Бунакозки и др.

Инвентарь большинства курганов, в которых похоронены рядовые члены родо-племенных сарматских общин, невелик, но достаточно характерен. В погребениях встречаются остатки заупокойной пищи в виде костей овцы, коровы или лошади, глиняная посуда, украшения, детали одежды, оружие, части конской сбруи и другие вещи.

Орудия производства в могилы клали редко, да их было и не так много у степных кочевников. Е. П. Трефильев в кургане № 11 у с. Нижней Дуванки, на р. Красной, нашел железный проушной топор (рис. 90, 10) с остатками дерева от рукоятки, а Н. Е. Бранденбург в одном из погребений кургана в окрестностях г. Славянска обнаружил железный ножик.

Зато оружие встречается довольно часто. В период со II в. до н. э. по II в. н. э. у сарматских племен господствовали короткие обоюдоострые мечи и кинжалы, у которых рукоятка отделена от клинка прямой крестовиной, а навершие сделано либо в виде двух усиков, либо в виде кольца (рис. 92, 2—3). Такие кинжалы с кольцевым навершием рукоятки найдены были во всех трех мужских погребениях уже упоминавшегося кургана у с. Славянска.

С первых веков н. э. получают распространение тяжелые, длинные мечи (до 1 *м*) без перекрестия и навершия или с напускным шаровидным навершием из стекла, халцедона, топаза и т. п. Обломки меча этого типа со стеклянным навершием (рис. 93, 2) на рукоятке были найдены в кургане № 1 у с. Нещеретово, который исследовали А. А. Потапов и И. Н. Луцкевич.

Кроме мечей и кинжалов, сарматские воины широко применяли лук и стрелы, а также копья с железными наконечниками. Такие наконечники обнаружены в кургане у г. Славянска и у ст. Квашино (рис. 94). Остатки деревянных луков сохраняются плохо, но все же в ряде курганов Нижнего Поволжья их удалось проследить. Сравнительно хорошо сохранилась средняя часть короткого, составленного из трех частей лука в сарматском погребении у с. Усатово на р. Еруслане (рис. 92, 4). И. В. Синицын указывает, что средняя часть этого лука была «в негнущихся частях обложена двумя тонкими деревянными пластинками, тщательно полированными по наружной поверхности»[1]. Средина лука была вогнута, а концы загнуты вперед. Общая длина лука не превышала 80 *см*, а длина стрел 60-70 *см*. В позднесарматском кургане

---

[1] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Ученые записки Саратовского гос. университета, т. XVII. вып. исторический, Саратов, 1947 г., стр. 16.

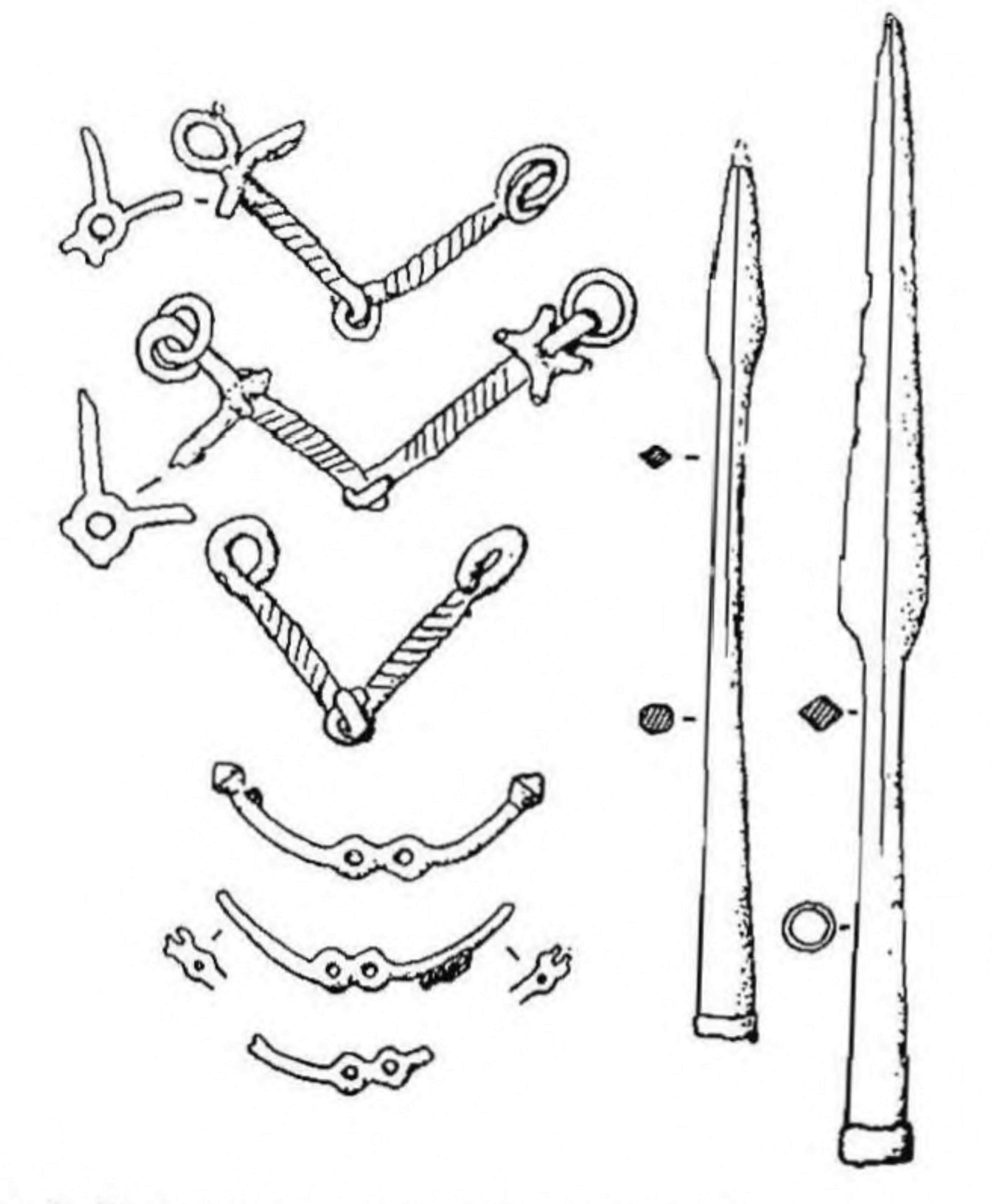

Рис. 94. Удила, псалии, наконечники копий из случайно разрушенного сарматского погребения III—II в.в. до н. э. у ст. Квашино (Донецкий музей).

у с. Баскунчака в Астраханской области П. С. Рыкову удалось найти остатки лука, у которого по концам и в средней части были костяные накладки. Наконечники стрел сарматы еще на сусловском этапе развития их культуры начали делать не из бронзы, а из железа. Во II в. н. э. эти железные трехперые черешковые наконечники стрел становятся большими по размеру в связи с распространением тяжелого лука.

Рис. 95 Образцы сарматских сосудов:
1—4, 8 — лепные сосуды; *7, 9—11* — сосуды, сделанные на гончарном круге; *5, 12* — курильницы; *6* — алебастровый сосуд; *1—5, 7—11* — из курганов у совхоза Аккермень в Запорожской области; *6* — из кургана у с. Ново-Филипповка той же области; *12* — из находок в Золотой Балке Херсонской области.

Перечисленный выше набор наступательного оружия — мечи, луки, копья — был характерен для сарматских конных

воинов. О нем упоминает в своей «Географии», написанной в I в. н. э., Страбон. Он же говорит, что в качестве оборонительного оружия сарматы «носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты»[1]. Судя по ар-

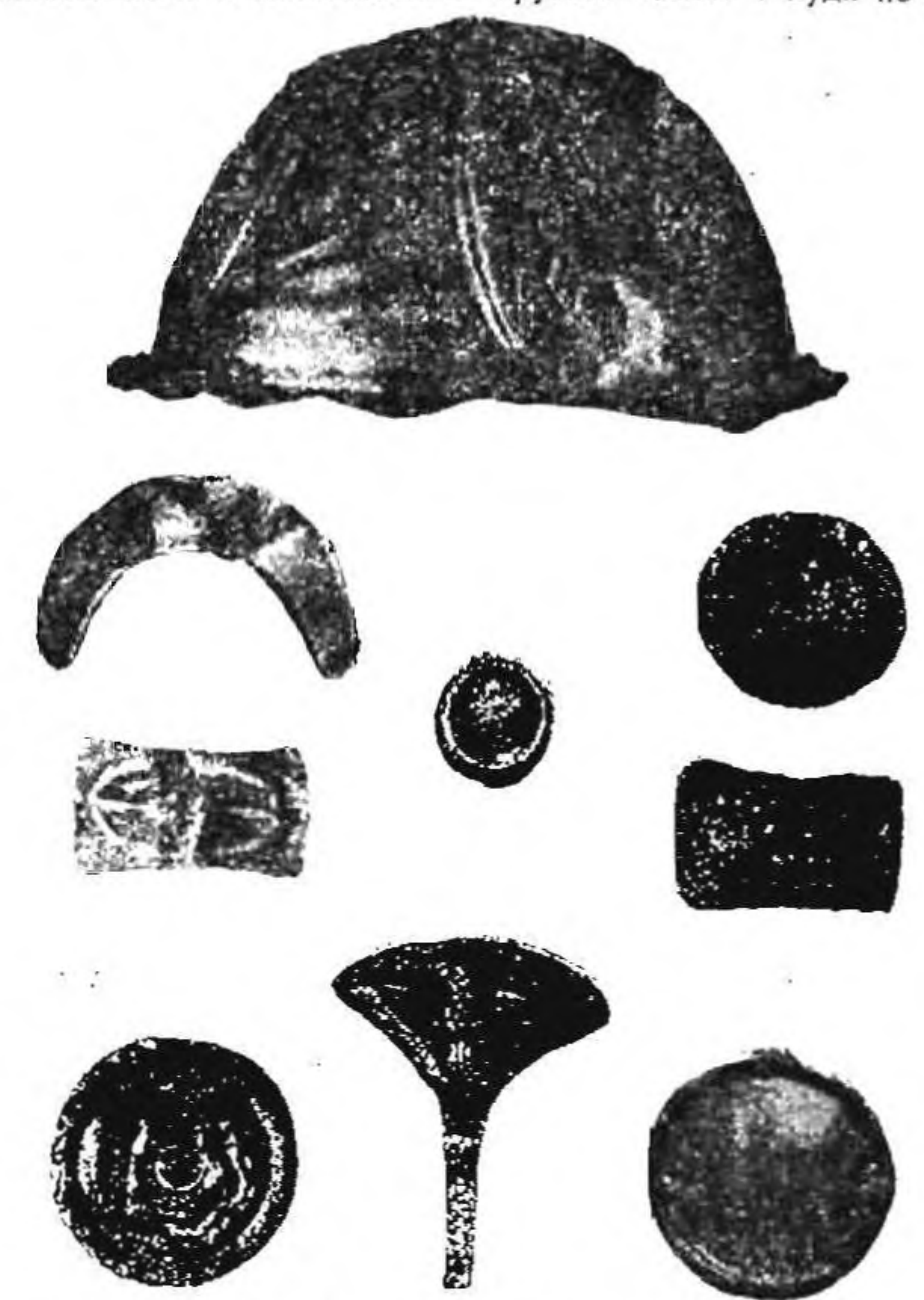

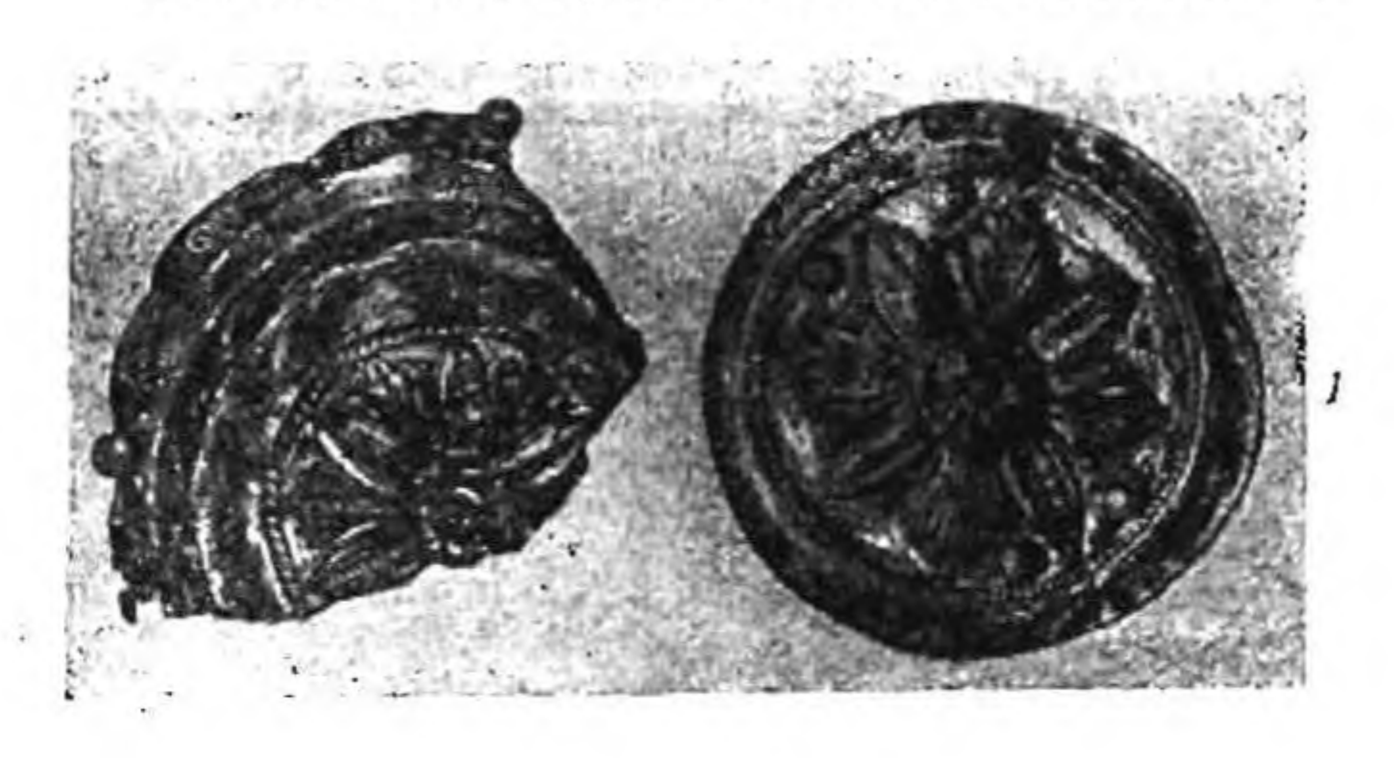
Рис. 96. Старобельский клад: *1—9*—фалары и другие изделия.

хеологическим данным, в центре щитов иногда укреплялись круглые металлические бляхи (умбоны). Павсаний добавляет, что пластинки панциря иногда делались из лошадиных

[1] Страбон. География. VII, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 201.

копыт[1]. Однако все эти виды оборонительного оружия сохраняются плохо и в археологических находках не зафиксированы. В богатых погребениях встречаются еще остроконечные железные шлемы и панцири из железных и бронзовых чешуек, но в бассейне Донца они пока неизвестны.

Позднесарматская керамика довольно разнообразна по

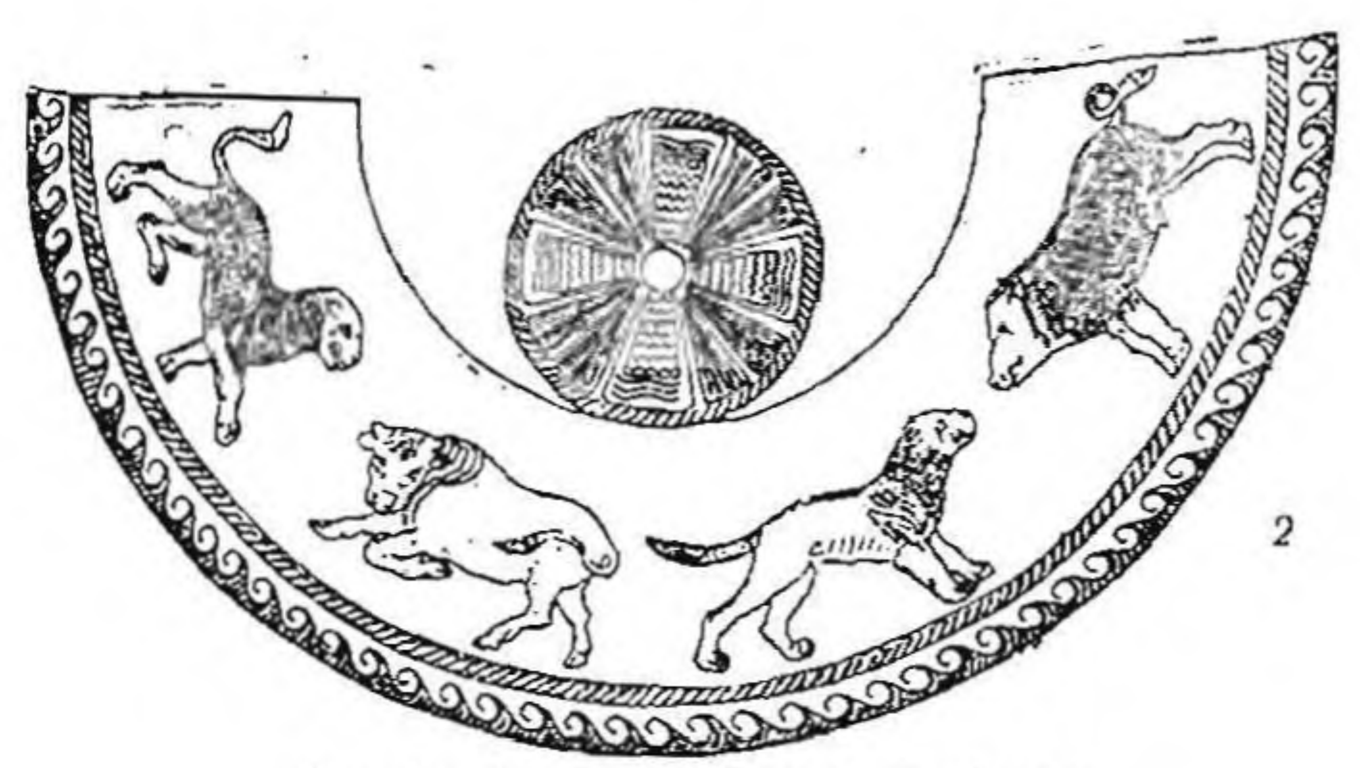

Рис. 97. Старобельский клад: 1 — фалары, 2 — разворот изображения на большой бляхе.

форме и по качеству изготовления (рис. 95). Находят горшки, кувшины, миски, небольшие сосудики и пр. Наряду с посудой,

[1] Павсаний. Описание Эллады, I, 21, 5; ВДИ, 1948, № 2, стр. 228.

изготовленной еще способом примитивной ручной лепки, в позднесарматскую эпоху уже встречается местная сероглиняная или красноглиняная керамика более высокого качества, сделанная на гончарном кругу. Попадаются даже сосуды с гончарными клеймами на дне. Поверхность некоторых сосудов, особенно кувшинов, обрабатывалась лощением. Орнаментировалась керамика обычно весьма скромно: чаще всего у основания горлышка или на плечиках проведены горизонтальные или зигзагообразные линии. Реже, преимущественно на культовых сосудах, встречается украшение рельефными налепными валиками или наколами.

У зажиточной части сарматского населения имелась и привозная античная керамика (амфоры, разнообразная красноглиняная и краснолаковая посуда: чаши, кувшины, блюда и т. д.), стеклянные флаконы и металлическая посуда.

Так же, как и скифы, сарматы употребляли, и главным образом, очевидно, в культовых целях, медные котлы на конической ножке. Но формы и техника изготовления этих котлов отличны от скифских. Корпус их в плане всегда круглый, а профиль корпуса имеет очертания, близкие к полукругу или кругу со срезанным сегментом. Верхний край корпуса заканчивается рантиком с косым, наклоненным наружу срезом. Более ранние большие котлы имеют по верхнему краю корпуса две вертикальных дугообразных ручки, которые обычно украшены тремя конусовидными пуговками. Кроме этих ручек, котлы имеют сбоку у края венчика еще две петлевидных ручки. Корпус, как правило, украшен посредине рельефным одиночным шнуром, завязанным в одном месте в узелок. Встречаются тамгообразные знаки. В верхней части конических ножек, у места соединения их с корпусом имеются характерные лепешкообразные приливы металла, усиливающие скрепление. Более поздними являются небольшие котлы с шаровидным корпусом, который имеет или обычные дугообразные ручки или ручки в виде фигурок различных животных (лошадь, кабан, козел, олень, бык, собака). Фигурки эти, в отличие от реалистических изображений на скифских котлах, выглядят обычно весьма схематично.

К типу больших сарматских котлов относится медный котел из кургана № 2 у с. Селимовки. Замечательный образец котла второй группы был найден в районе Старобельска. В верхней части его корпуса вместо ручек были прикреплены изображения двух лосей (рис. 89, 15).

Некоторые описания и вещественные находки, а главным образом изображения на росписях пантикапейских склепов, каменные рельефы и глиняные статуэтки дают некоторое представление о сарматской одежде. Обычная мужская

одежда сарматов состояла из остроконечной шапки, кафтана или короткой рубашки с поясом, кожаных или шерстяных штанов и мягких сапог. На плечи набрасывался плащ, который закреплялся на плече фибулой — специальной застежкой с пружинной иглой. Фибулы имели разные формы. Для I—III вв. н. э. в Северном Причерноморье характерны проволочные фибулы с подвязанным приемником, а во II—IV вв. н. э. широкое распространение получают арбалетные фибулы. Поясные пряжки делались из железа, бронзы и даже из серебра. Иногда они украшались вставками из драгоценных камней. Так, в кургане № 1 у с. Нещеретово найдены две серебряных пряжки, одна из которых украшена сердоликовой геммой в золотой оправе. На восьмигранном сердолике вырезана фигура козла с человеческой головой (рис. 93, 1).

Сарматские женщины, как мы уже видели на примере погребений из Селимовки и Сватовой Лучки, любили украшать свою одежду различными бляшками, вышивками из золотых нитей, носили браслеты, ожерелья из бус, серьги, подвески и пр. Для застегивания одежды они так же, как и мужчины, применяли фибулы.

Много внимания сарматы уделяли и украшению сбруи своих коней, с которыми они редко расставались. В это время применялись более простые, по сравнению со скифскими, кольчатые удила. Псалии встречаются редко. Очень характерно украшение уздечки круглыми бляхами (фаларами) с изображениями животных, людей или растений.

Замечательные образцы изделий этого рода дал старобельский клад (рис. 96—97), найденный случайно в 1892 г. двумя мальчиками-пастухами на дне балки Водяной Яр в трех верстах от слободы Подгорновки (недалеко от г. Старобельска, Луганской области). Судя по имеющимся данным, вода подмыла здесь сарматское погребение, а пастухи затем палками раскопали место находки и извлекли оттуда 193 серебряные и большей частью позолоченные бляшки (из них 180 круглых разных размеров, 3 прямоугольных, 9 лунниц и одна трехугольная), серебряную трубочку и медное кольцо от конской сбруи. Из этих вещей наиболее замечательна большая полушаровидная бляха с изображением четырех расположенных попарно животных: барса и быка, собаки и кабана. Бляха со зверями вместе с тремя другими крупными бляхами старобельского клада, украшенными розетками, представляет собой хороший образец позднеэллинистического искусства. Изображения зверей, как отметил еще М. И. Ростовцев, напоминают по стилю фигуры животных в Стасовском склепе (II в. н. э.) в Керчи, но вещи клада, по-видимому, должны быть датированы более ранним временем, возможно I в. до н. э.

Аланский племенной союз существовал почти до конца IV в., когда с востока нахлынули новые племена кочевников. В 375 г. отряды гуннов и их союзников перешли через Дон и, разгромив аланов, овладели степями Северного Причерноморья. Однако основные силы гуннов не задержались здесь долго и двинулись дальше на запад, в бассейн Дуная.

Часть аланов вынуждена была подчиниться гуннам и принимать участие в их походах[1]. Отдельные группы аланов судьба забросила вместе с гуннами, а затем и с другими племенами очень далеко. Аланская конница принимала участие в знаменитой битве 378 года под Адрианополем. В этом сражении войскам Римской империи, которыми командовал император Валент, был нанесен сокрушительный удар. В битве погибло много римских военачальников. Раненый Валент пытался спастись бегством, но был настигнут преследователями и убит. Современник этих событий историк Аммиан Марцеллин сравнивает разгром римских войск под Адрианополем с известной битвой при Каннах[2]. Убедившись на горьком опыте в прекрасных военных качествах алланских конников, римские правители стараются привлечь их на свою службу. У императора Грациана во второй половине IV в. н. э. был гвардейский отряд, состоящий из аланских воинов.

Часть аланов в 406 г. двинулась вместе с вандалами дальше на запад, в Галлию. Одной группе их во главе с царем Эохаром римляне предоставили земли для поселения в бассейне реки Луары. Известно, что в средине V в. н. э. аланский царь Сангибан владел старым римским городом Аврелианом (нынешний город Орлеан во Франции).

Другая группа аланов вместе с вандалами в 409 г. вторглась в Испанию и одно время владела здесь землями в Лузитании и Картагене. Под давлением вестготов в 427 г. эти аланы вынуждены были вместе со своими союзниками оставить Пиренейский полуостров и перейти в Северную Африку, где они и осели окончательно.

КУЛЬТУРА ПОЛЕЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН

В первой половине I тысячелетия н. э. в бассейне Северского Донца жили не только скотоводческие аланские племена. Кочевья последних занимали только южную, степную часть бассейна. Севернее, в лесостепной полосе, как и в скифское время, жило оседлое земледельческое население. В некоторых пунктах селища I тысячелетия н. э. даже расположены на местах предшествующих поселений скифского вре-

---

[1] Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 3, I; ВДИ, 1949, № 3, стр. 305.

[2] Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 13, 19.

мени. Однако общий характер материальной культуры и обряд погребения значительно изменяются.

Своеобразный комплекс археологических памятников II—IV вв. н. э. исследователи называют условно культурой полей погребальных урн черняховского типа, или, более кратко, культурой полей погребений. Это название культура получила потому, что у местного населения, оставившего эти памятники, существовал обычай сжигать покойников вместе с мелкими

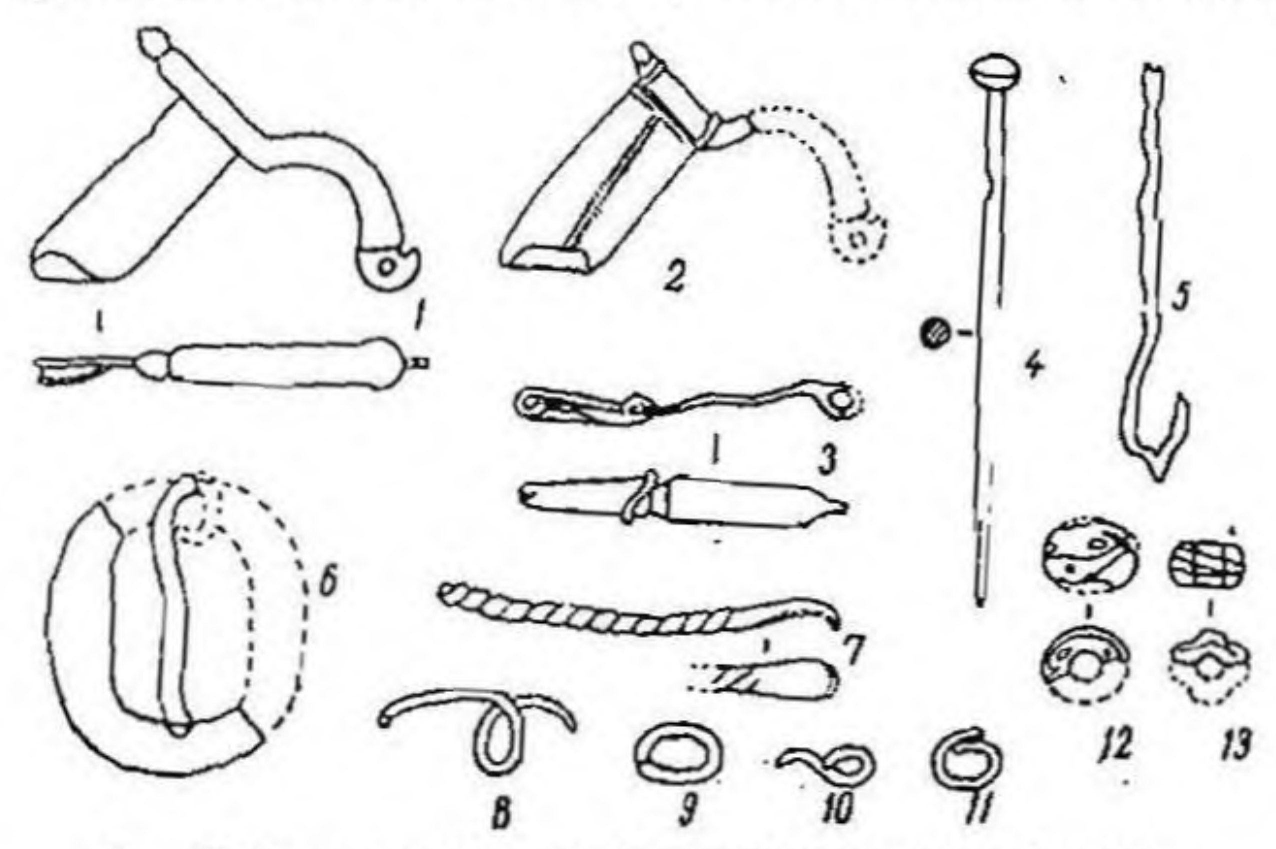

Рис. 98. Вещи культуры полей погребальных урн, найденные у с. Большая Даниловка (разведки автора):
1—3 — обломки бронзовых фибул; *4* — железная булавка; *5* — железный рыболовный крючок; *6* — обломки железной пряжки; *7* — обломок бронзового браслета; *8—11* — мелкие обломки бронзовых изделий; *12—13* — стеклянные бусины, растрескавшиеся от пребывания в огне.

вещами, а остатки трупосожжения складывать в глиняный сосуд (урну) и закапывать в землю на небольшую глубину.

Поселения и могильники культуры полей погребений распространены в лесостепной полосе Восточной Европы довольно широко: от бассейна Днестра до верховьев Северского Донца. Памятники этого типа имеются и в бассейне Дуная. На различных территориях культура полей погребений имеет некоторые своеобразные черты (различия в устройстве жилищ, в обряде погребения, в инвентаре). В данном случае мы ограничимся характеристикой преимущественно северодонецкой группы памятников этого типа.

В бассейне Донца благодаря исследованиям А. С. Федоровского, И. Н. Луцкевича, И. И. Ляпушкина, Ю. В. Кухаренко и других археологов зафиксировано уже значительное

количество поселений и могильников этой культуры, но изучены они еще недостаточно. В большинстве случаев мы располагаем лишь подъемным материалом из разведок (у с. Довжика, Черкасского Бишкиня, Кочетка, Дергачей, Мартовой, Большой Даниловки, Тернового, Замиського Кута, Рассоховатого, Ореховских хуторов, Ст. Покровки, Снежков, Верхней Писаревки, Погорелово, Западенек, хут. Колесников, ст. Курортная, г. Волчанска, в черте города Харькова и его окрестностях и в других местах). Значительные раскопки памятников культуры полей погребений II—IV вв. н. э. производились лишь в 1931—1933 гг. И. Н. Луцкевичем и Т. И. Ивановской у с. Пересечного на правом берегу р. Уды. Последнее время ряд памятников этой культуры обследовал Б. П. Зайцев.

Исследования показывают, что местное население культуры полей погребений жило в неукрепленных селищах, расположенных обычно на склонах первой надпойменной террасы у небольших рек. Отсутствие городищ и некоторые другие факты свидетельствуют о сравнительно мирных взаимоотношениях со степняками-аланами. Возможно, племена культуры полей погребений входили в аланский племенной союз.

При раскопках на поселении у с. Пересечного были найдены жилища типа землянок и ямы для хранения зерна. Здесь же был обнаружен обломок древнейшего на донецкой территории каменного жерпова. Эта находка очень показательна. Она свидетельствует о том, что земледельческое хозяйство уже значительно усовершенствовалось по сравнению со скифским временем, когда местное население применяло только зернотерки. Земледелие у племен культуры полей погребений несомненно было плужным. В бассейне Донца находки остатков плуга этого времени пока неизвестны, но на соседних территориях они имеются.

Раскопки у с. Пересечного дали большое количество костного материала, который свидетельствует о том, что местное население занималось также и скотоводством. На селище у с. Большой Даниловки, расположенном на берегу р. Харькова, среди остатков, относящихся к культуре полей погребений, был найден рыболовный крючок (рис. 98, 5). На селище у с. Пересечного и в других местах встречаются глиняные пряслица от веретен. Из других орудий производства можно отметить еще находки железных ножей и шильев.

На поселениях удалось найти также разнообразные бытовые предметы и украшения. Так, при раскопках у с. Пересечного были обнаружены: бронзовая арбалетная фибула, шпильки, стеклянные бусы, железный и сложный костяной гребень, скрепленный и украшенный бронзовыми гвоздиками. Обломки фибул и оплавленные при трупосожжении стеклянные бусы были найдены вместе с керамикой полей погребений в могиль-

нике у с. Б. Даниловки (рис. 98, 99, 4). Около с. Замиський Кут на селище у яра Бушняк найдены оригинальные бронзовые вещи: часть арбалетной фибулы (игла с пружиной), штампованная пластинка с колечком и двухспиральная подвеска.

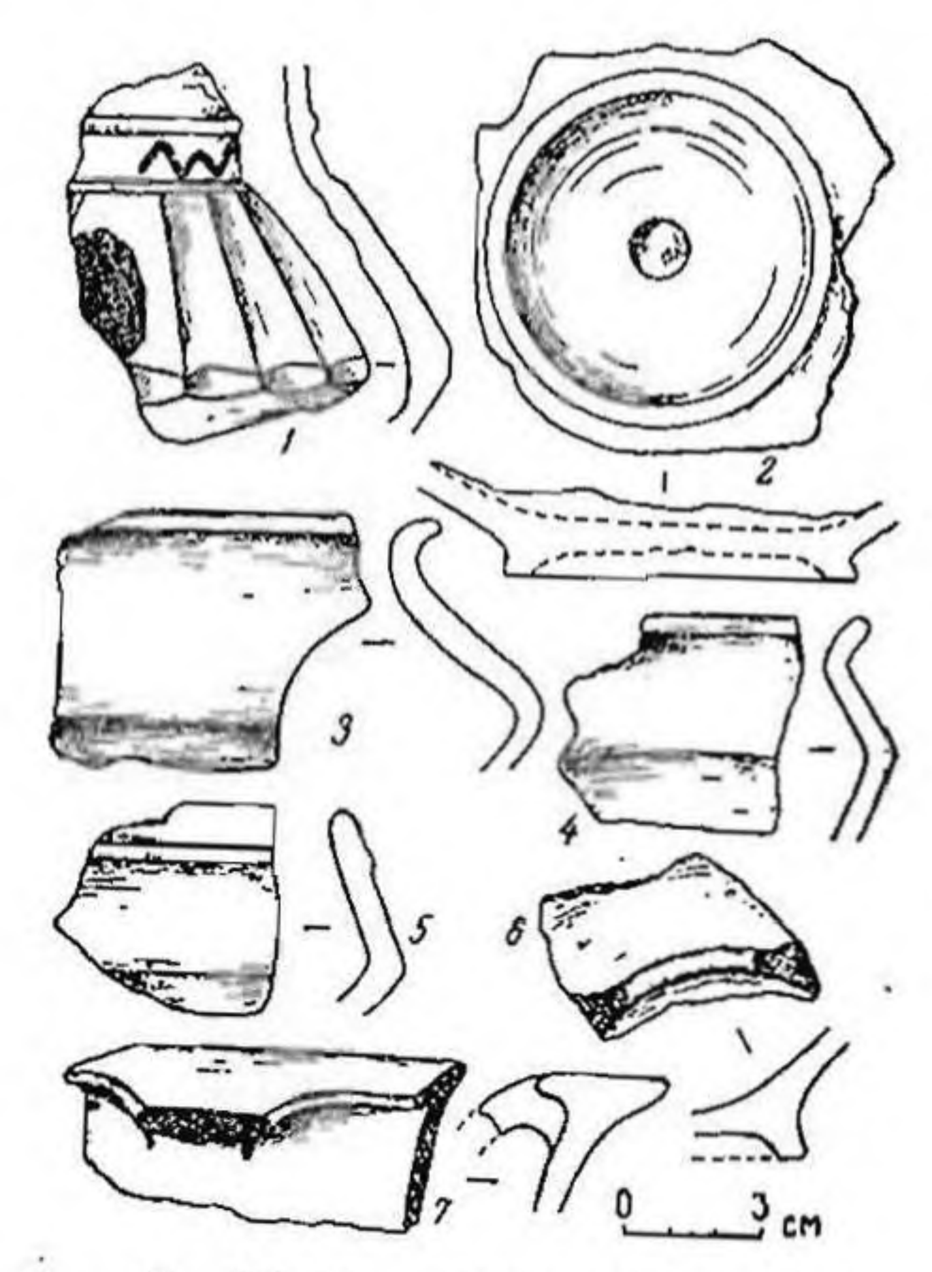

Рис. 99. Образцы керамики культуры полей погребальных урн из находок в Харьковской области (разведки автора):
1 — селище у с. Старица; *2—3* — селище у хут. Колесникова близ Мерефы; *4* — могильник у с. Большая Даниловка; *5, 6* — могильник у с. Старая Покровка; *7* — селище у с. Малая Рогозянка.

На всех селищах и в могильниках культуры полей погребальных урн находят разнообразную керамику. Если кухонные горшки еще частично изготавливались способом простой ручной лепки из грубой глины с крупными примесями, то остальная керамика этой культуры обычно отличается высо-

ким качеством глиняного теста, обжига и сделана при помощи гончарного круга. Особенно характерны для культуры полей погребений четко профилированные сосуды (миски, кувшины, кружки и др.) серого, красного, желтого или черного цвета, вылепленные из прекрасно отмученной глины. Поверхность их обработана лощением[1]. При помощи лощения, каннелюр и валиков наносился орнамент. Многие сосуды этого типа имеют донышко с кольцевым поддоном.

На поселении у с. Пересечного были найдены даже остатки гончарного горна для обжига посуды. Эта находка, а также прекрасная выделка посуды свидетельствуют о том, что у местных племен керамическое производство уже выделяется в самостоятельное ремесло. К группе привозной керамики относятся, по-видимому, только обломки амфор так называемого римского типа.

Некоторые исследователи считают, что у племен культуры полей погребений уже существовало денежное обращение. Во всяком случае в бассейне Северского Донца зафиксировано большое количество находок римских монет (рис. 100).

Рис. 100. Образцы римских монет из находок на Харьковщине (по А. С. Федоровскому).

Возле неоднократно уже упоминавшегося поселения близ с. Пересечного раскапывался и могильник культуры полей погребений. Здесь были обнаружены бескурганные погребения двух типов. Один — с обрядом трупосожжения и помещения остатков в глиняные урны. Причем на южной, ближайшей к могильнику части поселения обнаружено большое кострище, на котором, по мнению И. Н. Луцкевича, производилось сожжение покойников. Другой тип представ-

[1] Лощением называется заглаживание поверхности глиняного сосуда при помощи мокрой палочки или какого-либо другого предмета. Заглаживание производилось еще до обжига сосуда. В результате поверхность сосуда становилась очень гладкой, приобретала своеобразный глянец. Одновременно улучшалась водонепроницаемость стенок.

лен бескурганными погребениями с обрядом трупоположения в ямах. Эта двойственность погребального обряда свидетельствует, по-видимому, о том, что в лесостепи, как и в степи, в первой половине I тысячелетия н. э. население было смешанным.

К какой этнической группе принадлежала основная масса северо-донецкого населения культуры полей погребальных урн II—IV вв. н. э.—этот вопрос пока еще окончательно не решен. Впервые открывший в конце XIX века памятники этой культуры в Среднем Приднепровье В. В. Хвойко предполагал, что эта культура является славянской. Этого мнения придерживались и некоторые другие археологи. Однако по мере накопления новых материалов оказалось, что вопрос нельзя решать так прямолинейно.

В настоящее время гипотеза о том, что культура полей погребений черняховского типа принадлежит славянам, решительно оспариваются рядом археологов (М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин и др), которые прежде всего отмечают хронологический разрыв и отсутствие культурной преемственности между памятниками полей погребений черняховского типа и раннеславянской культурой VIII—X вв. Происходившее в мае 1957 г. в Киеве совещание, специально посвященное проблеме черняховской культуры, показало, что необходимо очень осторожно подходить к решению вопроса об этнической принадлежности различных локальных вариантов культуры полей погребений. Очевидно, эта культура охватывала этнически разнородное население, среди которого имелись позднескифские, сарматские, славянские и другие племена.

Ю. В. Кухаренко убедительно показал, что в культуре полей погребений, особенно на юго-восточной территории распространения этих памятников, можно отметить много сарматских черт как в инвентаре, так и в других важных этнографических особенностях (погребения под курганами, устройство могил в виде подбоев, искусственная деформация черепа, обычай разбивания зеркал перед тем, как положить их в могилу и т. п.). В могильниках культуры полей погребений имеются захоронения, в которых до мельчайших деталей воспроизводится сарматский погребальный обряд. В частности, такой обряд погребения зафиксирован на близкой к Донцу территории в бассейне р. Коломака (приток Ворсклы), в могильнике у с. Кантемировки.

Общих с сарматской культурой черт очень много и в памятниках культуры полей погребений на Донце. Неудивительно, что такой хороший знаток местных древностей, как И. Н. Луцкевич, ряд донецких явно сарматских могил отнес к культуре полей погребений. Несомненно, во II—IV вв. н. э. и даже позже значительную часть местного населения в лесостепном

районе Северского Донца составляли аланы, испытывавшие определенное влияние других соседних племен.

Прекращение существования своеобразной культуры полей погребений в основном совпадает с гуннским разгромом аланского племенного союза в конце IV века н. э., хотя в некоторых местах на Донце традиции этой культуры, связанные, очевидно, с сохранением отдельных этнически целых групп населения, прослеживаются значительно позже, вплоть до VIII века н. э. (Ново-Покровский могильник и др.).

* * *

В 375 г. орда пришедших из Азии кочевников гуннов во главе со своим вождем Баламером переправилась через р. Дон, разрушила аланский племенной союз, а затем готский племенной союз, во главе которого стоял Эрманарих, и вызвала значительные передвижения племен на юге Восточной Европы. Полчища гуннов мечом и огнем опустошали и разрушали местные поселения, действуя со страшной жестокостью. Источники указывают, что побежденные «...были истреблены уннами (гуннами), и большинство их погибло; они их ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при избиении» [1].

Образ жизни самих гуннов хорошо описывает их современник Аммиан Марцеллин: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются кореньями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть... День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны». И дальше: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им жалкие одежды, сближаются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — далеко оттуда, вырос — еще дальше» [2].

Нашествие гуннов и господство этих примитивных кочевников на юге Восточной Европы на некоторое время замедлило социально-экономическое развитие тех племен, которые оставили нам памятники культуры полей погребений. Но само гуннское объединение было весьма непрочным. После

---

[1] Евнапий. Продолжение истории Дексиппа, фр. 42, ВДИ, № 3, 1948, стр. 273.

[2] Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонина, вып. 1—3, 1906—1908.

смерти Аттилы в 453 г. оно распалось. Однако и после этого в степях Восточной Европы не воцарилось спокойствие.

В VI—VII вв. в степях Северного Причерноморья сменяется несколько других крупных групп кочевников, из которых

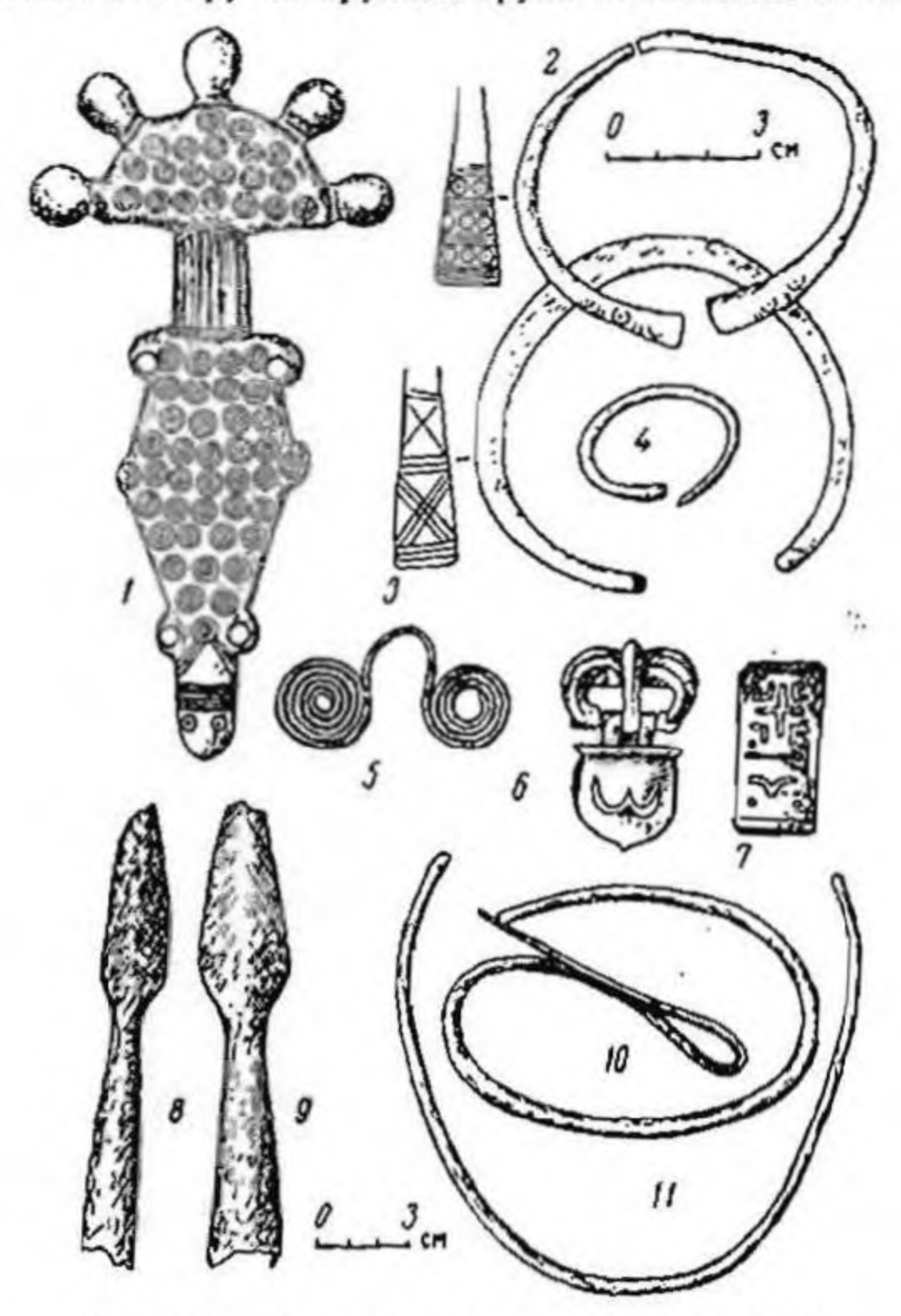

Рис. 101. Вещи из клада, найденного близ д. Колосково на р. Оскол.

одни быстро проходят дальше на запад, а другие задерживаются здесь более или менее долго.

Некоторое время в VI в. большое влияние имели авары (обры). Во второй половине VI в. в Приазовье складывается племенной союз во главе с кочевниками болгарами, достигший особенного расцвета в 30—40 гг. VII века, когда во главе его стоял Кубрат. Однако после смерти Кубрата и без

того непрочное болгарское объединение было ослаблено борьбой за власть между его сыновьями и распалось под ударами отрядов тюркского каганата.

Возглавляемая одним из сыновей Кубрата Аспарухом одна болгарская орда переселилась на запад к Дунаю, где смешалась с местным славянским населением, восприняла его культуру и язык. Другая часть болгар ушла на Волгу, где смешалась с местными финно-угорскими племенами и приняла участие в создании государства Волжской Болгарии. Наконец, третья часть болгар (так называемые «черные болгары») осталась по соседству с аланами на Донце, на Нижнем Дону и Кубани. Многие из племен восточной части Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья в VII—X вв. подчинялись власти Хазарского каганата.

Археологические памятники бурного периода V—VII вв. н. э. в бассейне Донца изучены пока еще очень слабо, но все же известны. Так у с. Черкасского Бишкиня на Донце, у с. Большой Даниловки под Харьковом и в других местах попадаются характерные для VI—VII вв. пальчатые фибулы, которыми закрепляли одежду на плече. На левом берегу р. Оскола, близ г. Валуек, в глиняном горшке был найден клад женских украшений, состоящий из бус, медных браслетов, спиралей и пластинок. К сожалению, до археологов от этого клада дошло лишь несколько браслетов.

Особенно замечателен клад, найденный еще в 1895 г. на том же берегу р. Оскола, близ деревни Колосково. Вещи колосковского клада были сложены в железный шлем, который хорошо сохранился, но один из нашедших, не понимая значения этого предмета, выбросил его в речку. К вооружению и одежде воина относятся также найденные здесь два небольших железных втульчатых копья, серебряная пряжка со щитком геральдической формы и прорезная серебряная бляшка для ремня (рис. 101, 6—9).

Остальные вещи колосковского клада относятся к нескольким разрозненным женским наборам украшений. Здесь имеется пять пальчатых фибул, щитки которых украшены циркульным орнаментом (рис. 101, 1), много целых и поломанных бронзовых браслетов с характерными расширенными концами (рис. 101, 2—3), часть гривны (рис. 101, 11) и другие вещи.

Предполагают, что эти археологические находки следует сопоставить с указанием одного сирийского источника середины VI в. н. э., который сообщает о том, что севернее Азовского моря, где-то в бассейне Дона и Донца живут люди богатырского сложения[1]. Называется этот народ рос или русь

---

[1] Н. В. Пигулевская. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 42 и сл.

(hros, hrus). Б. А. Рыбаков, специально исследовавший находку у д. Колосково и аналогичные комплексы, относит колосковский клад к числу древнеславянских памятников VI—VII вв. в восточном северянском районе. Однако, ни одного славянского поселения или могильника этой эпохи в бассейне Донца мы не знаем.

САЛТОВСКАЯ КУЛЬТУРА

После разгрома гуннами аланского племенного союза власть аланов уже никогда не охватывала такой большой, как раньше, территории, но значительные группы их продолжали жить в разных местах и еще долго сохраняли свою культурную самобытность.

Часть аланов обитала на Северном Кавказе, где, как уже отмечалось, и в настоящее время живут их потомки осетины. Северокавказские аланы в эпоху раннего средневековья поддерживали тесную связь с Византией и в начале X века приняли христианство[1]. Дружественные отношения с аланами Византия старалась закрепить путем ряда браков представителей императорской фамилии с дочерями аланских князей. Некоторые средневековые историки отмечают, что аланские ремесленники славились как хорошие оружейники.

Аланские поселения долго сохранялись также в Крыму и в бассейне Дуная. Город Яссы в Молдавии еще в одном из документов XIV века носит название Аский торг (от слова ясы — аланы). Наконец, значительная группа аланов жила на Дону и на Донце, где была открыта замечательная салтовская культура VIII—X вв.

Свое название эта культура получила по комплексу весьма характерных памятников — городищу, нескольким селищам и могильникам,— расположенных на холмистом правом берегу реки Донца, у села Верхнего Салтова (Старосалтовский район Харьковской области).

В 1900 г. учитель верхнесалтовской сельской школы В. А. Бабенко, расчищая вместе с крестьянином Капиносом размытый водой склон одного из оврагов, обнаружил здесь довольно хорошо сохранившееся древнее катакомбное погребение[2]. О находке немедленно было сообщено харьковским ученым. Уже в 1901 г. Харьковский университет совместно с Комитетом по устройству XII Археологического съезда организовал экспедицию для изучения салтовских древностей. Экспедицию возглавлял Д. И. Багалей, принимали в ней участие А. И. По-

---

[1] В одной из катакомб Змейского аланского могильника на Сев. Кавказе найдены два нательных крестика.

[2] Некоторые памятники салтовской культуры были известны и раньше (Маяцкое городище и могильник, могильник у с. Воробьево в бывшей Воронежской губернии, могильник у слободы Покровской в бывшей Харьковской губернии), но на них не обратили должного внимания.

кровский, В. А. Бабенко, Е. П. Трефильев, П. П. Ефименко и др. Экспедиция осмотрела городище и организовала раскопки ряда древних погребений. С тех пор исследования салтовских памятников неоднократно производил ряд археологов: Н. Е. Макаренко, А. Е. Федоровский, С. А. Семенов-Зусер и др. Последние годы раскопки памятников салтовской культуры в бассейне Донца в больших масштабах ведут С. А. Плетнева и Д. Т. Березовец.

Исследования, посвященные отдельным салтовским памятникам, неоднократно публиковались в русской и иностранной печати, но обобщающих трудов долго не было. Только недавно Н. Я. Мерперт в своей диссертации, к сожалению, полностью еще не опубликованной, обобщил материалы, относящиеся к могильникам, и исследовал вопрос о происхождении салтовской культуры. Много нового в изучении этой культуры, главным образом по материалам поселений, внес И. И. Ляпушкин в своей работе «Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона».

Для настоящего очерка использованы не только печатные статьи и музейные коллекции, но также наблюдения и материалы раскопок автора.

Центром салтовского раннесредневекового поселения является городище. Оно расположено на краю возвышенности правого берега, который поднимается здесь на 35 *м* над поймой реки. Сейчас у подножья городища имеется только старица Донца в виде цепочки болотистых озер, а сама река протекает на 200—300 *м* восточнее. Однако изменение русла произошло совсем недавно, еще на памяти нынешних старожилов Верхнего Салтова.

Городище занимает наиболее высокую часть вытянутой вдоль реки и хорошо естественно защищенной возвышенности. Восточный, обращенный к реке склон обрывист и почти не доступен для противника. С севера и юга возвышенность ограничена оврагами, и лишь с запада — лощиной со сравнительно пологими склонами. С этой высоты на далекое расстояние хорошо просматриваются левый берег Донца и ближайшие склоны высот правого берега.

Городище имеет несколько оборонительных линий, устроенных искусственно (рис. 102). Основное укрепление занимает северо-восточную часть возвышенности и в плане имеет форму неправильной трапеции, основанием которой является восточный, обращенный к реке край городища. Длина этого края — 180 *м*. Противоположная сторона укрепления имеет длину около 160 *м*, южная сторона — 135 *м*, а северная — 50 *м*. Эта территория была защищена валом с каменной кладкой из песчаникового камня. От кладки в настоящее время сохранились жалкие остатки. Разрезы тех участков вала, которые уцелели лучше других, показывают, что кладка начи-

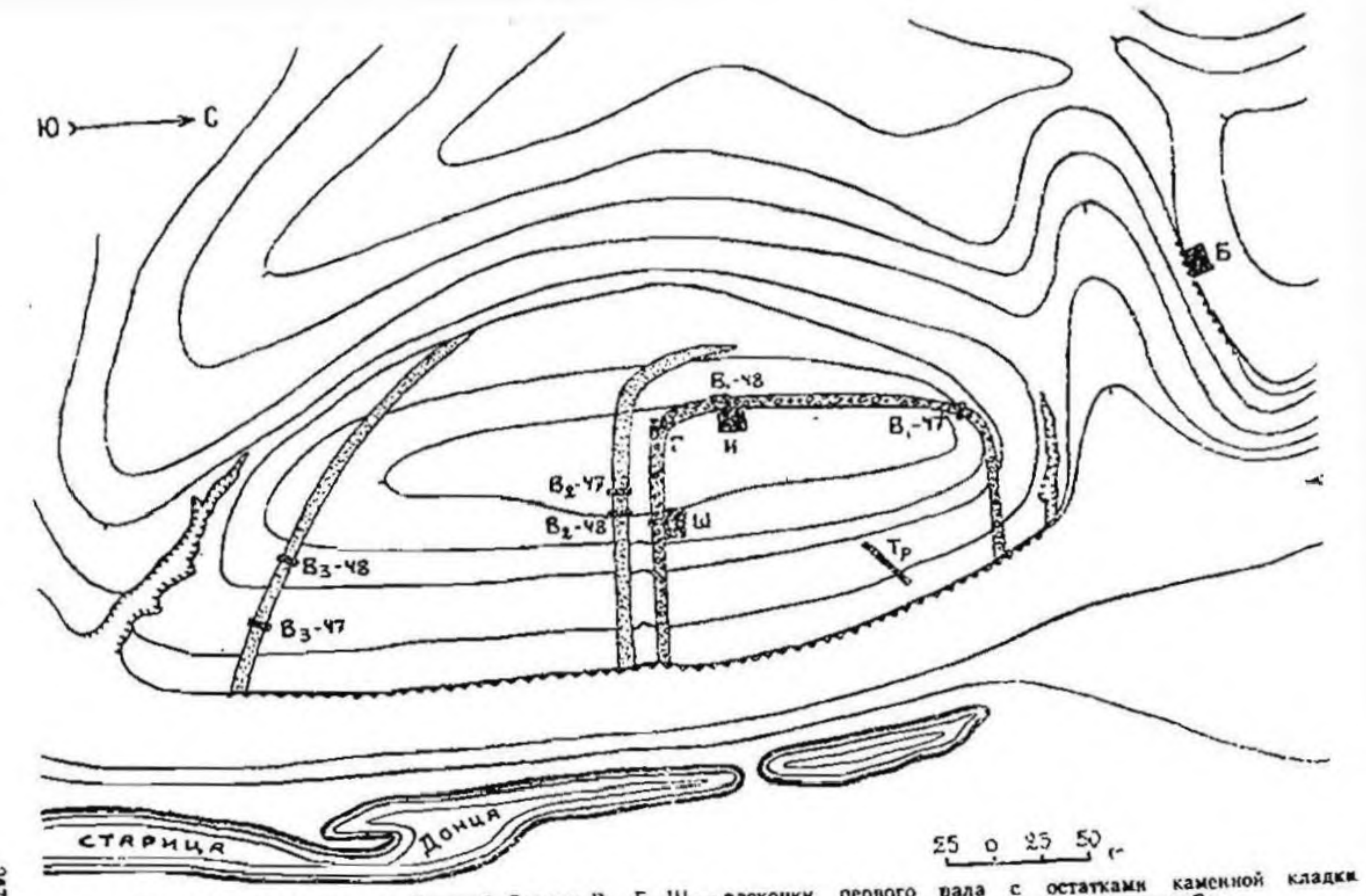

Рис. 102. План городища в с. Верхний Салтов: $В_1$, Г, Ш — раскопки первого вала с остатками каменной кладки. И, Тр — раскоп и разведочная траншея. $В_2$, $В_3$ — разрезы земляных валов. Б — раскоп на селище «Б».

калась непосредственно на материке. Из необработанных камней крупного размера был выложен внутренний и внешний панцирь оборонительного сооружения. Внутреннее пространство заполнялось землей и щебнем.

Судя по раскопкам С. А. Семенова-Зусера в 1947 г. (раскоп «Ш») на южной части укрепления, расстояние между внешним и внутренним каменными панцирями было около

Рис. 103. План и профиль раскопа «Ш» 1947—1948 гг. у края первого вала на городище в с. Верхний Салтов.

3 *м*, а толщина самих стенок панциря — не менее 70 *см*. С целью усиления оборонительного сооружения внутри забутовки иногда укладывался еще третий ряд крупных камней (рис. 103). Такая каменная стена не могла быть высокой. Возможно, она служила лишь основанием для деревянной стены, от которой в настоящее время уже ничего не осталось. Вход на городище был расположен немного севернее юго-западного угла основного укрепления.

Естественная защита городища была слабее всего с южной стороны. Поэтому здесь, непосредственно перед сооруже-

нием с каменной кладкой, был вырыт ров, а выброшенная земля образовала небольшой вал, не имевший самостоятельного значения. На расстоянии 136 *м* к югу от этого вала у края городища начинается третий земляной вал, который, серпообразно изгибаясь, охватывает южный и часть западного склона возвышенности, а затем постепенно исчезает. Возможно, в древности он тянулся немного дальше в северном направлении, но затем был сглажен при распашке огородов и выравнивании современных усадебных участков.

Вокруг городища, особенно на холмах к северу, северо-западу и к югу от него, расположено большое неукрепленное поселение салтовской культуры. Следы селищ имеются не только на высоком берегу, но и ниже у самого Донца. Границы селищ пока не уточнены, но даже имеющиеся ориентировочные данные показывают, что площадь их во много раз превышала площадь городища.

Культурный слой городища насыщен слабо. Немногочисленные остатки VIII—X вв., преимущественно в виде фрагментов керамики, встречаются главным образом в основной части городища, защищенной валом с каменной оградой. На территории между вторым и третьим земляными валами находок почти нет. Насыщенность культурного слоя на селищах несравненно больше. Несомненно, основная масса людей жила на селищах, а городище было своеобразной крепостью, где жил какой-то представитель местной феодализирующейся знати и его слуги. В случае военной опасности здесь могло укрываться и окрестное население.

Раскопки на Верхнесалтовском городище и селищах производились пока в сравнительно небольших масштабах. Во время работ экспедиции ХГУ под руководством С. А. Семенова-Зусера в 1948 г. на селище «Б», расположенном к северу от городища, были обнаружены остатки полуземлянки прямоугольной формы (3,45 $\times$ 2,90 *м*) с глинобитной лежанкой и открытым очагом из камней в северном углу (рис. 104). Вход был сделан напротив очага у восточного угла землянки. Пол находился на глубине 1,75 *м* от поверхности земли и был посыпан желтым речным песком. Рядом с жилищем обнаружены остатки какого-то хозяйственного наземного помещения и зерновая яма. Зерновые ямы встречались и в других местах.

Из вещественных остатков при раскопках этого участка, кроме керамики, о которой подробно будет сказано ниже, были найдены обломки круглого жернова с одной гладкой поверхностью, точильные камни, глиняные пряслица, выточенные из стенок сосудов, железный шлак и куски криц, бочковидное грузило из желтой глины, небольшое железное колечко и несколько украшений: бусины из горного хрусталя, из желтой пасты, из голубого стекла и обычный бронзовый перстень с утолщением в верхней части. Не совсем понятно на-

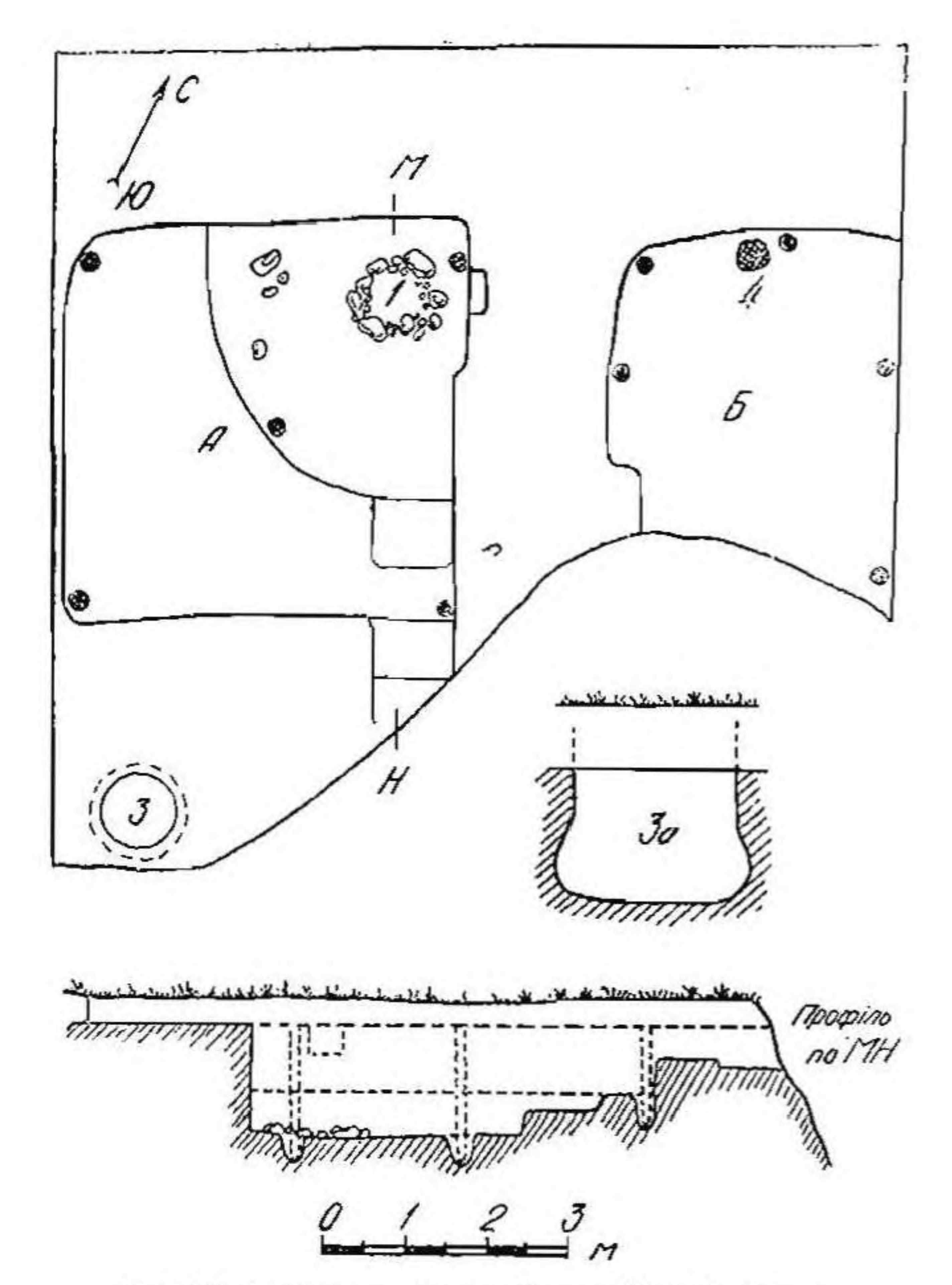

Рис. 104. Раскопки на селище «Б» в с. Верхний Салтов: *а* — остатки земляночного жилища; *б* — хозяйственное помещение, *1* — каменный очаг; *3—3а* — зерновая яма; *4* — большой глиняный сосуд.

значение очень хрупкой поделки из мела в виде диска с отверстием в центре. В заполнении землянки и около нее найдены кости животных, среди которых имеются кости коровы, овцы, лошади, а также костные остатки рыб и рыбья чешуя.

Пять аналогичных жилищ в виде четырехугольных полуземлянок с очагами из камня были найдены на салтовских селищах у г. Волчанска. Одно из этих жилищ, раскопанное в 1951 г. И. П. Костюченко, было углублено до 1 *м* в толщу мелового материка и имело выход с тремя ступеньками. По углам жилища сохранились столбовые ямки глубиной 15 *см* и диаметром до 30 *см*.

Во время раскопок на Верхнесалтовском городище в 1947—1948 гг. удалось обнаружить остатки каменной кладки какого-то здания (рис. 103), а в культурном слое встречена такая же, как и на селище «Б», керамика, глиняные пряслица, точильные бруски из песчаника и сланца, глиняные бочковидные грузила, железные ножи и различные бусы. Н. Е. Макаренко опубликовал снимок найденного на городище обломка круглого жернова диаметром 44 *см*. Одна сторона этого жернова, сделанного из розового песчаника, была обработана грубо, а другая имела шероховатую, но горизонтальную поверхность, как у аналогичных обломков из землянки на селище «Б». В центре жернова — отверстие диаметром 3,3 *см*. Н. Е. Макаренко отнес эту находку к XVII в. и не придал ей большого значения. На самом деле это один из образцов жерновов раннего типа с горизонтальной рабочей поверхностью.

Аналогичные раннесредневековые жернова известны по раскопкам целого ряда памятников VII—X вв., например, в аланском поселении у Заюкова на Сев. Кавказе, в салтовских комплексах поселений у хут. Карнаухова и у станицы Суворовской на Нижнем Дону, в Саркеле и пр. В более позднее время жернова были усовершенствованы, и рабочую поверхность верхнего камня (бегуна) стали делать вогнутой, а ту же поверхность нижнего камня (постав) — выпуклой.

Находки жерновов и ям для хранения зерна свидетельствуют о том, что осевшие на берегах Донца аланы занимались уже не только скотоводством, но и пашенным земледелием. В салтовских комплексах Правобережного Цимлянского городища на Дону были найдены железные плужные сошники и чересла, а также мотыги, серпы и косы. В коллекции Донецкого краеведческого музея вместе с обломками сосудов, пряслиц и грузил от сетей хранятся также серпы и мотыжка, найденные на салтовском поселении у с. Маяки в Славянском районе. Во время нашей разведки здесь были найдены остатки нескольких жерновов. В салтовских погребениях часто встречаются небольшие железные тесла-мотыжки, которые прикреплялись к коленчатой деревянной рукоятке (рис. 105,3). По-видимому, это довольно универсальное орудие. По следам

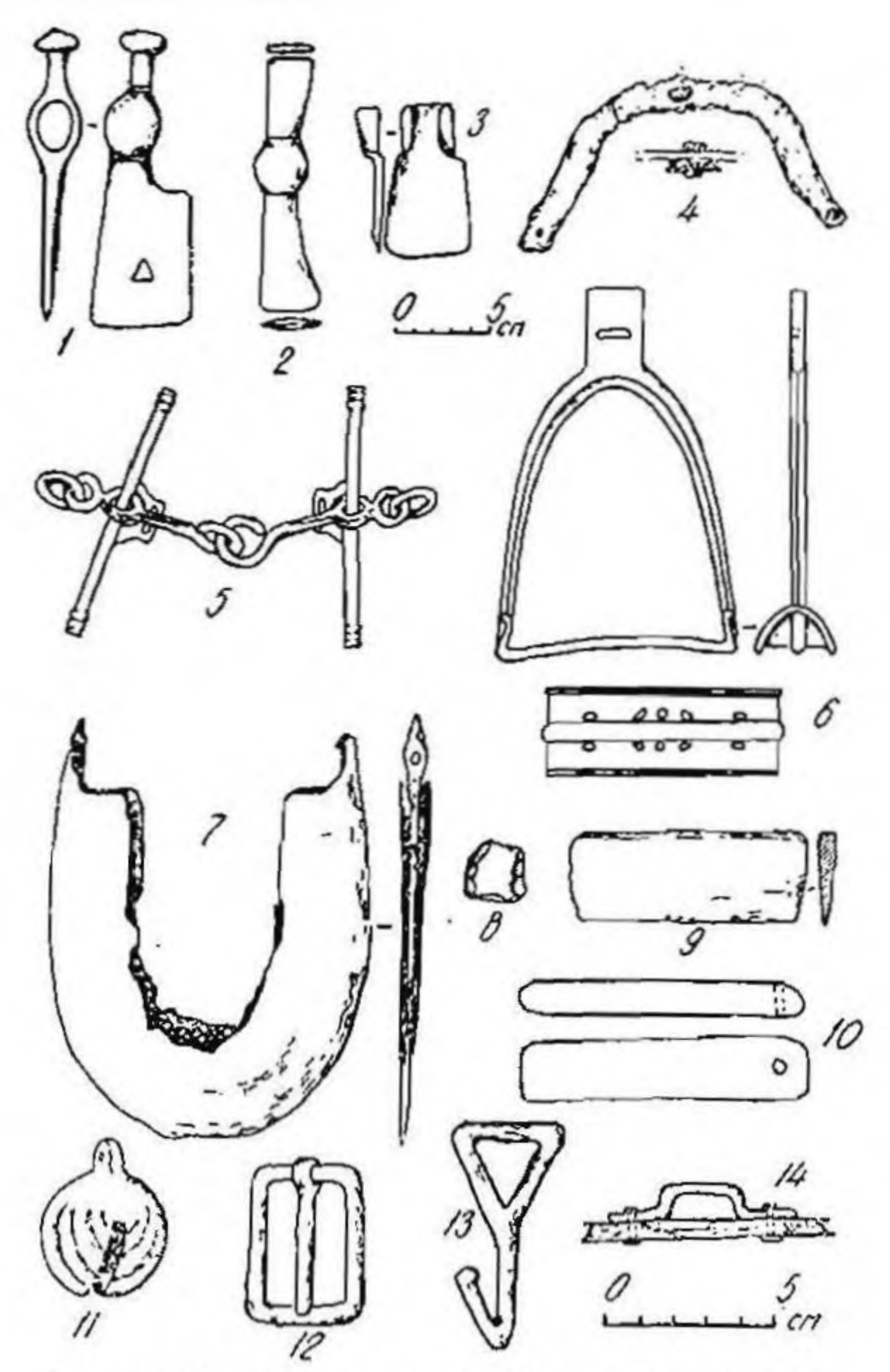

Рис. 105. Орудия, детали конской сбруи, оружие и другие вещи салтовской культуры:

1, 2 — топоры; *3* — тесло-мотыжка; *4* — железная оковка передней луки седла; *5* — удила; *6* — стремя; *7* — оковка лопаты; *8, 9* — кремень и стальное кресало для высекания огня; *10* — точильный брусок; *11* — бронзовый бубенчик, найденный в конской могиле при раскопках 1948 г., *12* — пряжка от конской сбруи; *13, 14* — крючок и петля от колчана. Вещи *1, 3—6, 8—10, 12—14* найдены в катакомбе № 3 при раскопках С. А. Семенова-Зусера в 1948 г. Оковка лопаты найдена Н. Т. Евстроповым на селище салтовской культуры в Волчанске.

на стенках катакомб установлено, что такие мотыжки применялись при рытье могил. Они могли использоваться и как тесла для обработки дерева и как вспомогательное земледельческое орудие для дополнительной обработки земли после вспашки. В катакомбах замечены следы употребления орудий типа заступа с закругленным лезвием шириной около 12 *см*. Остальные орудия, связанные с земледельческими работами, в самом Салтове пока не обнаружены, но в ряде других мест на Донце среди комплексов салтовских вещей найдены железные серпы (рис. 113,6) и оковка заступов (рис. 105,7) и пр.

Чрезвычайно ценные материалы были получены в результате раскопок в низовьях Дона хазарской крепости Саркел (Белая Вежа), проведенных Волго-Донской экспедицией ИИМК АН СССР под общим руководством М. И. Артамонова. В самой крепости и в ее окрестностях были обнаружены остатки жилищ оседлого населения салтовской культуры. При этом оказалось, что здесь население занималось в первую очередь сельским хозяйством. Земледелие было пашенным. Остатки зерен свидетельствуют о том, что возделывали такие культуры, как просо, ячмень, пшеница, конопля. Удалось обнаружить даже зерна таких бахчевых и огородных культур, как дыни и огурцы.

На многих салтовских селищах, в том числе и в Верхнем Салтове, имеются несомненные признаки местного металлургического производства. На селище «Б» вблизи Верхнесалтовского городища найден слиток бронзы, железные шлаки с остатками древесного угля и две крицы весом в 520 и 560 *г*. На салтовских селищах возле г. Волчанска при раскопках И. П. Костюченко, а затем во время разведок Н. Т. Евстропова были обнаружены остатки сыродутных горнов ямного типа для добычи железа и железные крицы, одна из которых весила около 3 *кг*. Интересно, что в глине типично салтовской керамики этих селищ содержится примесь дробленного плавильного шлака. Одно из салтовских селищ, как уже упоминалось, расположено вблизи древних разработок железной руды у с. Городища в Луганской области.

Сейчас еще трудно сказать, какие именно металлические вещи изготавливались на месте, а какие были привозными, так как этот вопрос специально не изучался. Однако приведенные выше факты ясно свидетельствуют о том, что среди древних салтовцев были специалисты-ремесленники, занимавшиеся добычей и обработкой металлов. В пользу этого говорит и то изобилие металлических вещей, которые применяли древние салтовцы в хозяйстве и в быту. Анализы некоторых изделий показывают, что для изготовления различных вещей исполь-

зовались и различные бронзовые сплавы[1]. Очень разнообразны также технические приемы обработки железа и цветных

Рис. 106. Керамика салтовской культуры:
1 — горшок; *2* — кувшин; *3, 6* — кружки; *4* — бомбовидный сосудик; *5* — котел; *7* — серолощеный сосуд для хранения припасов; *8* — амфора; *9—14* — образцы орнаментации сосудов.

[1] Анализы, сделанные в лаборатории химфака ХГУ проф Л. М. Андреасовым, показали такое процентное содержание различных элементов: литой бубенчик Cu — 83,6%, Sn — 15%, Zn — 1%; штампованный бубенчик Cu — 74,9% Sn — 8,7%, Pb — 4%, Ni — 12,8%; бляшка от ремня Cu — 82,4%, Sn — 11%, Zn — 2,4%, Fe — 2,7%; Pb — 1,5%.

металлов: от ковки и сварки железа до штамповки, тиснения и золочения бронзовых предметов.

Салтовская керамика отличается большим разнообразием форм, многие из которых восходят к типам более древней сарматской посуды. На поселениях и в катакомбах находят горшки, котлы, кружки, кувшины, миниатюрные бомбовидные сосудики. Кроме того, на поселениях встречаются еще круглодонные раннесредневековые амфоры, большие трехручные или двухручные сероглиняные сосуды для жидкостей и пифосообразные сосуды для хранения сухих продуктов (рис. 106). Подавляющее большинство сосудов изготавливалось мастерски на гончарном кругу, но изредка находят и экземпляры, вылепленные домашним способом от руки. На донышках некоторых сосудов, сделанных на гончарном кругу, встречаются клейма в виде круга, квадрата, креста или более сложные: квадрат с диагоналями, круг с крестом, квадрат с диагоналями, вписанный в круг, лук со стрелой, также вписанный в круг, и др.

Стенки сосудов обычно тонкие, глина хорошо вымешана и не имеет крупных примесей. Грубо делалась лишь керамическая тара для хранения сухих продуктов — большие толстостенные пифосообразные сосуды, но для них тщательность обработки была бы излишней роскошью, так как эти сосуды часто просто вкапывались в землю в хозяйственном помещении. Грубые примеси попадаются и в керамике, вылепленной домашним способом.

Поверхность большинства сосудов тщательно орнаментировалась. Украшение простой кухонной посуды обычно ограничивалось нанесением рядов горизонтально прочерченных или волнистых линий. Реже встречаются отпечатки гребенчатого штампа (рис. 106, 1, 9—11). При обработке поверхности других видов керамики, особенно кувшинов, применялось ангобирование [1] и лощение поверхности. Лощением наносился на матовую поверхность сосудов и различный орнамент — полосы, треугольники, зигзаги и т. п. (рис. 106, 7, 12). Изредка встречаются кружки, ручки которых оформлены в виде стилизованных фигур животных (рис. 106, 6). Такое оформление имело охранительно-магическое значение. Считалось, что животное как бы защищает сосуд от злых духов. Подобные сосуды еще сравнительно недавно можно было встретить у горцев Дагестана, у которых существовало поверье, что сосуд без такой ручки надо закрывать, а «в сосуд с ручкой шайтан (злой дух, дьявол) не войдет».

Чтобы придать некоторым сосудам красивый серый или черный цвет, их обжигали в восстановительном пламени с использованием смолистых веществ. Обжиг производился в спе-

[1] Ангобированием называется покрытие поверхности глиняного сосуда тонким слоем глины другого цвета или качества.

циальных горнах. К сожалению, гончарные горны салтовской культуры в бассейне Донца еще почти не изучены. В. А. Бабенко в своих работах сообщает, что ему удалось найти остатки двух таких горнов в самом Верхнем Салтове. Остатки одного горна он зафиксировал в районе могильника, а другого — на городище. Однако достаточно полных сведений об этих находках В. А. Бабенко не дал, и сейчас трудно даже сказать, действительно ли это были гончарные горны.

В 1947 г. С. А. Семенов-Зусер произвел раскопки на Верхнесалтовском городище вблизи того места, где, по словам В. А. Бабенко, был обнаружен гончарный горн. Никаких находок, которые свидетельствовали бы о существовании здесь гончарной мастерской с печкой для обжига посуды, не удалось обнаружить. В частности, в раскопке совершенно не попадались шлаки и керамический брак, который обычно встречается около горнов.

И. И. Ляпушкин обратил внимание еще и на тот факт, что на приведенном В. А. Бабенко рисунке и в описании нет никаких данных, свидетельствующих о наличии топки в той яме, которую В. А. Бабенко описывает как печь для обжига керамики. Угли, найдены не в нижней части ямы, а выше «обжигаемых» амфор. Возможно, В. А. Бабенко нашел не производственный комплекс, а кладовую, в которой хранились амфоры. Кстати, в настоящее время еще нет убедительных фактов, которые свидетельствовали бы о том, что эти широко распространенные в эпоху раннего средневековья яйцевидные амфоры являются типичными именно для салтовской культуры. Встречаются они далеко не на всех салтовских поселениях, а изготавливались, по-видимому, в разных местах. Находки в Крыму показывают, что там круглодонные амфоры несомненно изготавливались раньше и если в салтовских поселениях на Донце их также выделывали, то это уже было подражанием южным образцам. В Крыму же круглодонные амфоры VIII—IX вв. закономерно развиваются из остродонных форм.

Очень мало данных имеется и о гончарном горне с салтовской керамикой, который обнаружил в 1903 г. Н. Е. Макаренко около села Мачухи в Полтавской области.

В 1951 г. три сравнительно хорошо сохранившихся гончарных горна были обнаружены И. И. Ляпушкиным на поселении салтовской культуры близ станицы Суворовской на Дону. Печи эти были вырезаны в глинистом материке берегового обрыва в виде ям, которые специальной перегородкой делились на два яруса. В нижнем ярусе находилась топка. Перекрытие топки являлось одновременно подом почти круглой в плане обжигательной камеры. Через цилиндрические отверстия в эту камеру поступал из топки горячий воздух. Масте-

ра, использовавшие такие горны, могли получать гончарные изделия очень высокого качества.

Применение гончарного круга, связанного с массовым изготовлением посуды, довольно сложные технические приемы обработки поверхности глиняной посуды и устройство специальных гончарных горнов свидетельствуют о том, что у местного населения, оставившего нам памятники салтовской

Рис. 107. Развернутое изображение на костяном горлышке от бурдюка из катакомбы № 4 1947 г. Верхний Салтов.

культуры, гончарное производство уже начало выделяться в самостоятельное ремесло.

Кроме глиняной посуды, в салтовских погребениях иногда встречается привозная стеклянная посуда в виде небольших флаконов с шаровидным корпусом и узеньким горлышком.

О занятии в какой-то мере охотой и рыбной ловлей могут свидетельствовать находки свинцового и глиняных грузил, рыбья чешуя в культурном слое на селище, а также изображения диких зверей и рыб на бронзовой позолоченной пластинке из раскопок П. П. Ефименко и на роговом горлышке от бурдюка, найденном в катакомбе № 4 при раскопках С. А. Семенова-Зусера в 1947 г. (рис. 107).

Большой и разнообразный материал для суждения об одежде, вооружении украшениях и других сторонах быта и хозяйства племен салтовской культуры дают могильники. Верхнесалтовские бескурганные могильники расположены по склонам возвышенностей у Капиносова и Нетечинского яров, выходящих к Замуловке. На поверхности земли могил не видно

и только в некоторых местах на их присутствие указывают воронкообразные провалы, образовавшиеся в результате обрушивания сводов катакомб, размытых водой .

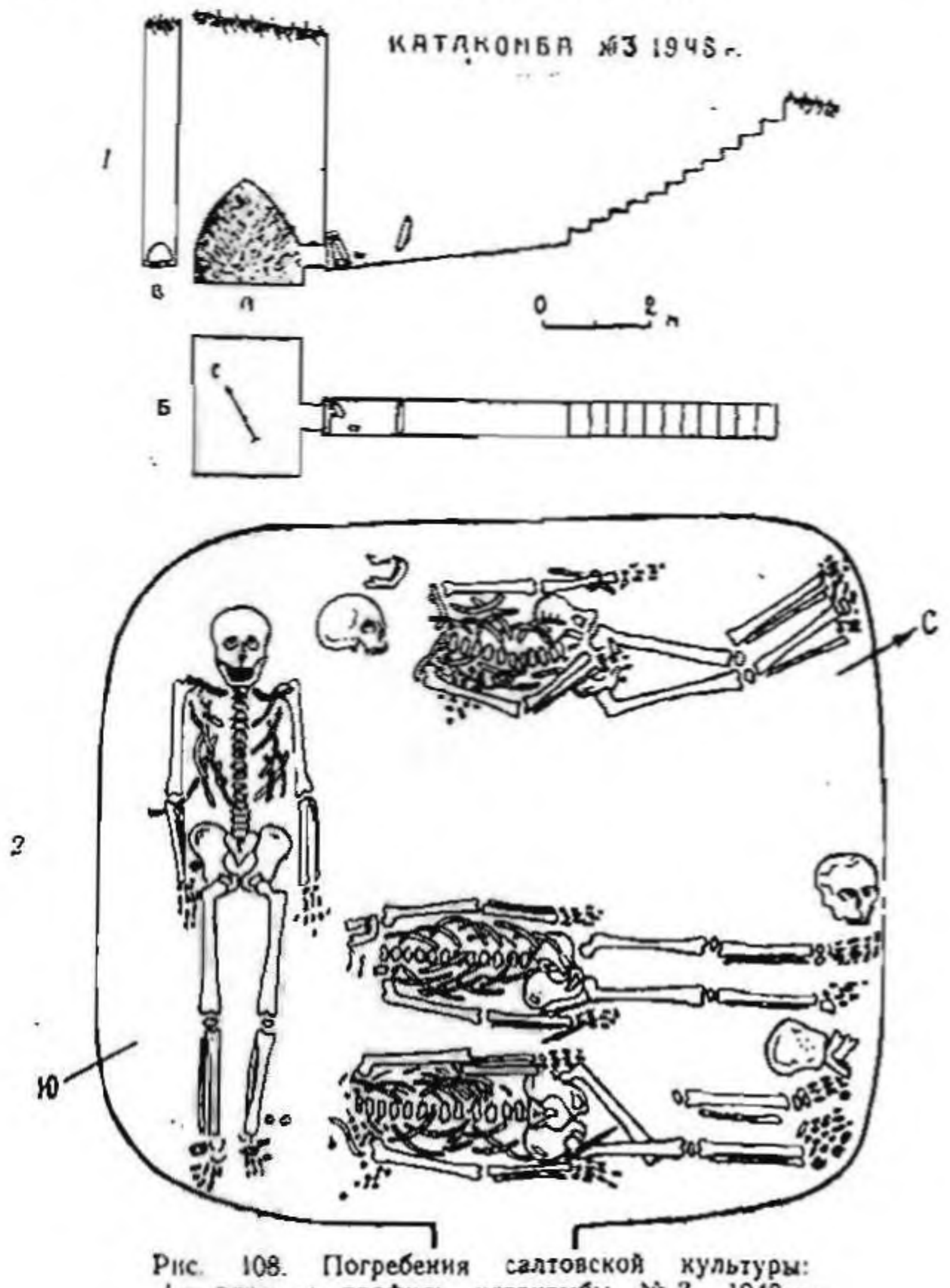

Рис. 108. Погребения салтовской культуры:
1 — план и профиль катакомбы № 3, 1948 г.;
2—расположение костяков катакомбы № 16, 1946 г.
Из раскопок С. А. Семенова-Зусера.

Могилы устраивались следующим образом (рис. 108, 1). Перпендикулярно к склону возвышенности вырывалась открытая сверху траншея шириной около 50 *см* и длиной несколько метров. Эта траншея (дромос) имеет покатое дно, ко-

торое постепенно углубляется. Иногда для удобства спуска в катакомбу делалось несколько ступенек. В торцевой (передней) стенке траншеи, обычно на глубине от 2 до 5 *м* от поверхности земли, вырывался небольшой вход в могильную камеру или катакомбу. Верхняя часть входа, как правило, оформлена в виде полукруглой арки, а горизонтальный пол входа расположен немного выше пола самой катакомбы.

Большинство катакомб ориентировано длинной осью поперек входа. Размеры камер различны, но в среднем длина их колеблется от 170 до 220 *см*, а ширина — от 140 до 180 *см*. Высоту катакомб определять бывает трудно, так как свод их к моменту раскопок обычно в какой-то мере уже обрушен. Однако в большинстве случаев высота камер не превышает 150—160 *см*. В плане катакомбы имеют четырехугольную форму, но встречаются овальные и даже круглые. Свод чаще всего купольный или цилиндрический, встречается крестовый. Стены и свод иногда отделывались гофрировкой и карнизами. В литературе встречаются указания на побелку стен, но убедительных данных для такого утверждения нет. Часто стены и потолок катакомбы бывают покрыты белым известковым налетом от затеков воды.

Такие катакомбные могилы устраивались не для отдельного погребения каждого умершего, а представляли собой своеобразные семейные склепы, в которых хоронили всех членов семьи [1]. Сама катакомба никогда не засыпалась. После очередного погребения вход в нее прикрывался каменным, деревянным или просто глиняным закладом, а засыпалась землей только входная траншея (дромос). Над траншеей сверху, очевидно, ставились какие-то знаки, указывавшие на принадлежность склепа определенной семье. Иначе трудно себе представить, как разыскивали склепы среди сотен аналогичных сооружений, густыми рядами покрывавших территорию могильника. Обычно в каждой катакомбе находят остатки двух или трех покойников, но встречается и значительно большее число мужских, женских и детских захоронений в одной могиле. Если для нового погребения в катакомбе не хватало места, то останки положенных ранее покойников отодвигали в сторону, а иногда тела умерших позже клали просто сверху на похороненных ранее.

Обычно покойников клали в вытянутом положении на дно катакомбы, на подстилку из луба, на посыпку из древесного угля или песка. В салтовских могильниках покойники чаще всего ориентированы головой на запад, но отклонения встречаются часто. В определенной мере эти отклонения зависели

[1] Только при погребении представителей местной знати устраивались иногда отдельные склепы для одного человека. Вход в одну из таких катакомб, кроме каменного заклада, был прикрыт еще положенной поперек дромоса саблей (катакомба № 3, 1948 г.).

и от ориентировки самой катакомбы (покойники клались обычно вдоль ее длинной оси), и от наличия в ней свободного места. В катакомбе с большим количеством погребений ориентировка их бывает различной (рис. 108,2).

В похоронном обряде иногда заметны пережитки старых сарматских традиций, которые проявляются в наличии погребений в сидячем положении или с согнутыми ногами, в преднамеренной порче погребального инвентаря. Антропологические исследования показывают, что салтовские черепа имеют европеоидное строение и относятся к длинноголовому (долихокранному) типу.

В салтовских погребениях ясно видна существовавшая в местном обществе имущественная дифференциация. Инвентарь одних могил очень богат, а в других почти нет вещей. К числу очень бедных относятся и изредка встречающиеся погребения не в катакомбах, а в простых прямоугольных ямах (среди нескольких сотен катакомбных могил в В. Салтове обнаружено всего около пяти таких погребений). В качестве пищи для покойника в могилу клали мясо (находят кости быка или овцы), иногда яйца. В глиняных сосудах, чаще всего в кувшинах, были, по-видимому, какие-то напитки.

Считалось, что воину-дружиннику нужен будет в загробной жизни и боевой конь, но его редко клали в дромос катакомб покойника. Чаще для коней вырывали специальные узкие и длинные ямы. Хорошо сохранившаяся конская могила была найдена в 1948 г. около катакомбы № 3, где был похоронен какой-то представитель местной знати. Яма конской могилы постепенно сужалась ко дну и поэтому тело лошади заклинилось в ней в вертикальном положении. Создавалось впечатление будто лошадь стоит в своей могиле с опущенной вниз головой. У шеи лошади был найден большой бронзовый бубенчик (рис. 105, 11). Сбруя и седло с твердой передней лукой и стременами были положены отдельно в могилу хозяина (рис. 105, 4—6). В других случаях сбрую клали в конскую могилу. Богатые владельцы коней иногда очень роскошно украшали их сбрую. (Рис. 110, 19—21). Так и в данном случае к ремням сбруи были прикреплены разнообразные позолоченные бронзовые бляшки (круглые розетки, четырехугольные бляшки, лунницы, бляшки в виде трилистников и продолговатые) и круглые бронзовые пластинки, обтянутые листовым серебром. Остатки седла сохранились плохо, но дугообразные железные оковки передней луки напоминают соответствующие детали седла, найденного в Галиатском аланском могильнике в Сев. Осетии Е. И. Крупновым.

При раскопках салтовских погребений обычно находят много разнообразных вещей, которые либо украшали тело, одежду и обувь покойника, либо клались вместе с ним в могилу как якобы необходимые и в потусторонней жизни (ору-

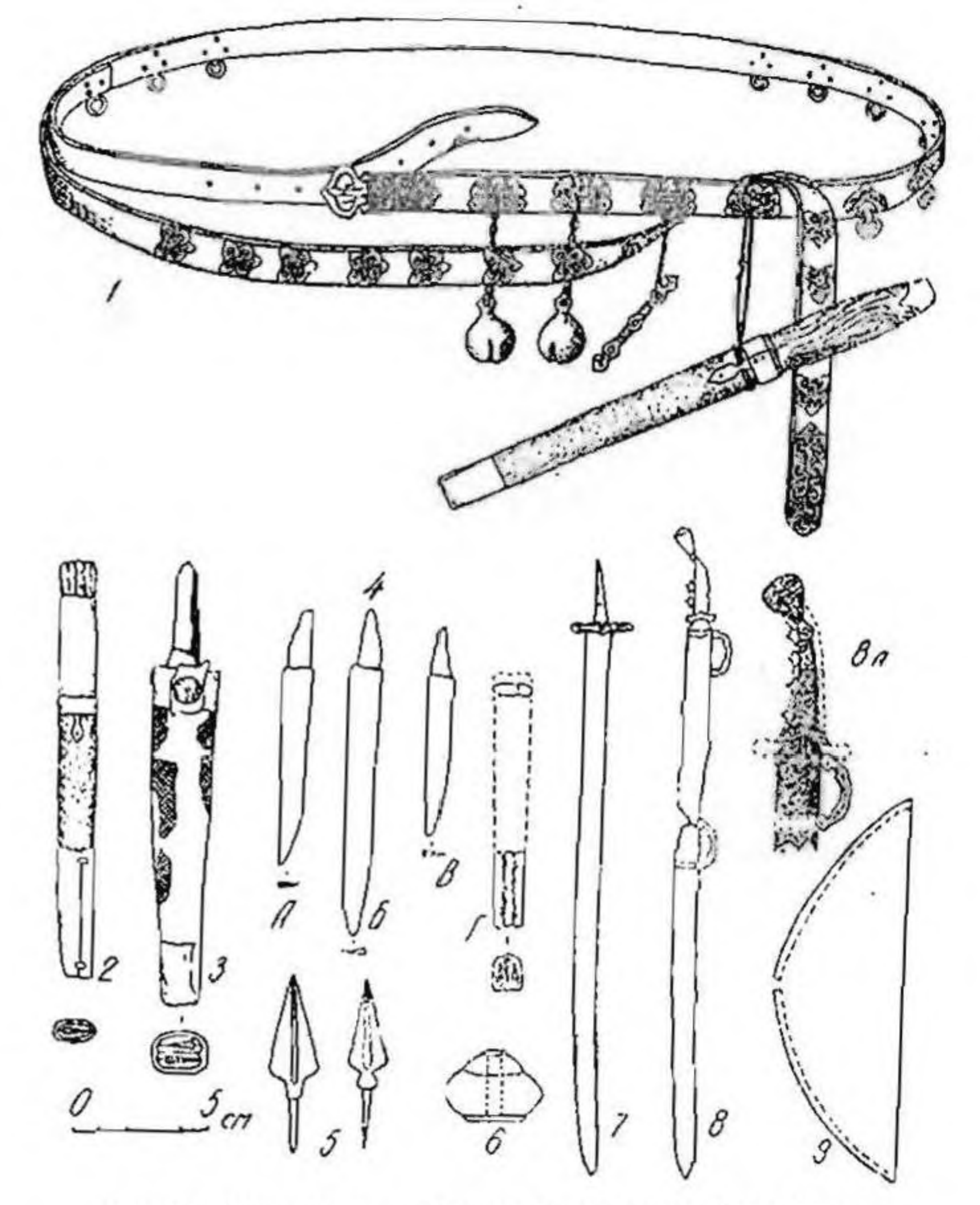

Рис. 109. Различные вещи из погребения салтовской культуры:
1 — реконструкция пояса из катакомбы № 11 1947 г.; 2, 3, 4 — ножи разных типов; 5 — наконечники стрел из катакомбы № 3 1948 г.; 6 — наконечник кистеня из катакомбы № 14, 1946 г.; 7 — сабля из катакомбы № 3, 1948 г.; 8, 8а — сабля из катакомбы № 1, 1911 г. и реконструкция верхней части ее; 9 — умбон от щита из катакомбы № 1, 1911 г.

для производства, оружие, предметы туалета и т. п.). Из орудий производства в катакомбах встречаются железные ножи, тесла-мотыжки, хозяйственные топоры (рис. 105, 2), а в катакомбе № 11 (1947 г.) обнаружено свинцовое грузило.

Особенно широко были распространены ножи. Трудно найти такое погребение, где не было бы хоть одного ножа. Ножи имеются и в мужских и в женских, и в детских погребениях. Носились они обычно на поясе в деревянных, берестяных или кожаных ножнах с бронзовой, железной или серебряной оковкой. Иногда в одних ножнах соединен набор из двух или трех ножей разной величины (рис. 109, 4а, б, в, г).

Оружие встречается реже, главным образом в богатых погребениях дружинников. К наступательному оружию относятся сабли, кинжалы, копья, боевые топоры, кистени и лук со стрелами, имеющими железные черешковые наконечники (рис. 109, 5—8; 105, 1).

Салтовские сабли, как показало специальное исследование Н. Я. Мерперта, относятся к типу самых ранних в мире раннесредневековых сабель, возникших еще во второй половине VII в. н. э. на основе позднесарматского меча. Характерным признаком этих сабель является их очень слабая изогнутость. Длина сабли около 1 *м*, ширина клинка — 3—3,5 *см*. Черенок рукоятки выкован заодно с однолезвийным клинком. Только самый конец клинка заострен с двух сторон. Перекрестие у всех сабель напускное, слегка расширяющееся посредине. Концы перекрестий и навершия деревянной рукоятки оформлялись различно. В одном из богатых салтовских погребений (кат. № 1, 1911 г.) найдены остатки сабли (рис. 109, 8—8а), рукоятка которой имела четыре серебряных шипа, предотвращающих скольжение руки. Серебряное грушевидное навершие украшено растительным орнаментом и изображением сцены борьбы человека со львом. Носилась сабля, по-видимому, с левой стороны, в ножнах из дерева и кожи, окованных железными или серебряными деталями. Для подвешивания сабли к ремню на ножках имелись специальные скобы.

Изучение техники производства сабель салтовского типа показывает, что делавшие их оружейники уже хорошо владели техникой кузнечной сварки металла. Сущность этой техники заключалась в том, что черенок рукоятки и обух сабельного клинка изготовлялся из вязкого и упругого железа, а лезвие — из твердой, закаленной стали. Эти две части тщательно сваривались, проковывались, шлифовались и, наконец, закаливались. Исследования обломков сабель салтовского типа показали, что они изготовлены именно таким способом. Так, структурный анализ одного клинка из коллекции Государственного Исторического музея (сабля из с. Воробьевки, Воронежской области) показал, что он имеет весьма сложное строение: железный обух, средину из полос железа и ста-

ли, соединенных при помощи кузнечной сварки, и хорошо прослоенное стальное лезвие нормальной закалки.

Салтовская сабля являлась оружием конного дружинника, который мог прочно сидеть в жестком седле, опираясь на стремена. До появления седла со стременами невозможно было и широкое распространение такого нового вида оружия, как сабля. По мнению М. И. Артамонова, с этим же усовершенствованием конского снаряжения связано и распространение крупных железных наконечников стрел, свидетельствующих о применении большого сложного лука.

В салтовских комплексах встречаются главным образом трехперые черешковые наконечники стрел из железа (рис. 109, 5). Нижние грани перьев слегка приподняты вверх, а черенок имеет небольшой уступ упора древка. Гораздо реже попадаются плоские ланцетовидные или четырехгранные черешковые наконечники стрел. Стрелы носили в деревянных колчанах, от которых обычно ничего не остается, кроме железных петель и крючков для подвешивания (рис. 105, 13—14).

Весьма распространенным видом оружия был боевой топор с узким треугольным или слегка оттянутым назад широким лезвием. Иногда на лезвии имеется отверстие. В катакомбе № 2 (1947 г.) удалось проследить остатки деревянной рукоятки топора, которая была немного больше 1 *м*.

Наконечники копий, кинжалы и наконечники кистеня (рис 113, 1—2; 109, 6) встречаются очень редко. Тяжелого оборонительного вооружения салтовские конные воины, очевидно, не имели. Выпуклый железный диск (диаметр 14,5 *см*, рис. 109, 9) из катакомбы № 1 (1911 г.), который В. А. Бабенко называет шлемом, скорее всего является умбоном от щита. Иногда употреблялись кольчужные пояса, но настоящие кольчужные рубашки или пластинчатые панцири в салтовских погребениях не обнаружены.

Об одежде древних салтовцев трудно судить, так как остатки ее в верхнесалтовском могильнике сохраняются плохо. Только в отдельных случаях в верхнесалтовских катакомбах удается проследить пропитанные окисью металла обрывки шерстяной ткани и ткани из растительного волокна. Остатки последней наблюдались и на ножнах для ножей. Определенно можно сказать, что салтовцы очень любили украшать одежду литыми и штампованными бубенчиками, нашивками из мелких бус и бронзовых спиральных пронизей. Фибулы в это время постепенно выходят из употребления. Кожаные пояса обильно украшались литыми бляхами, из бронзы или серебра (рис. 109, 1). Некоторые из этих блях имеют кольца или прорезные отверстия для подвешивания ножей, оселков и

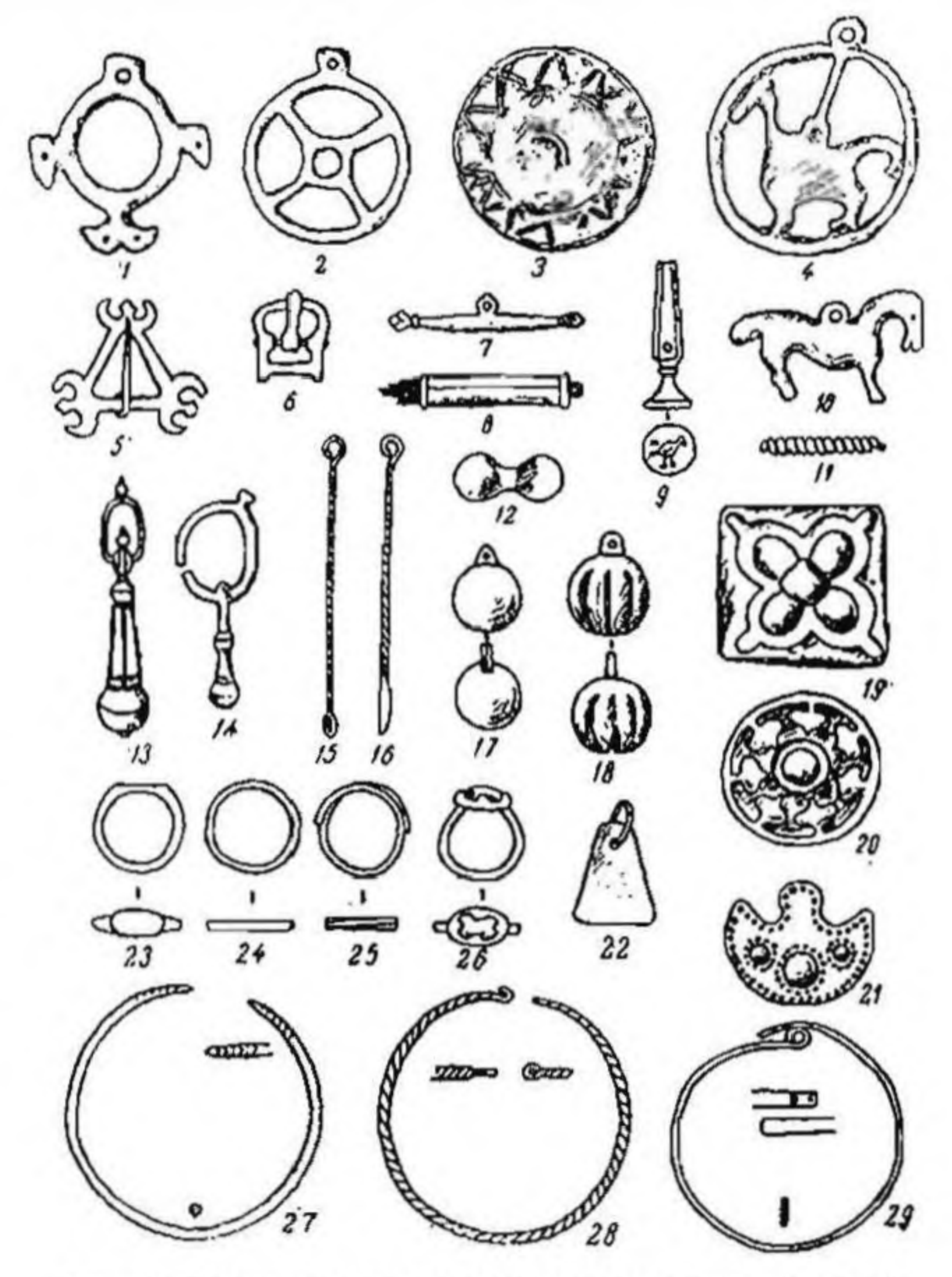
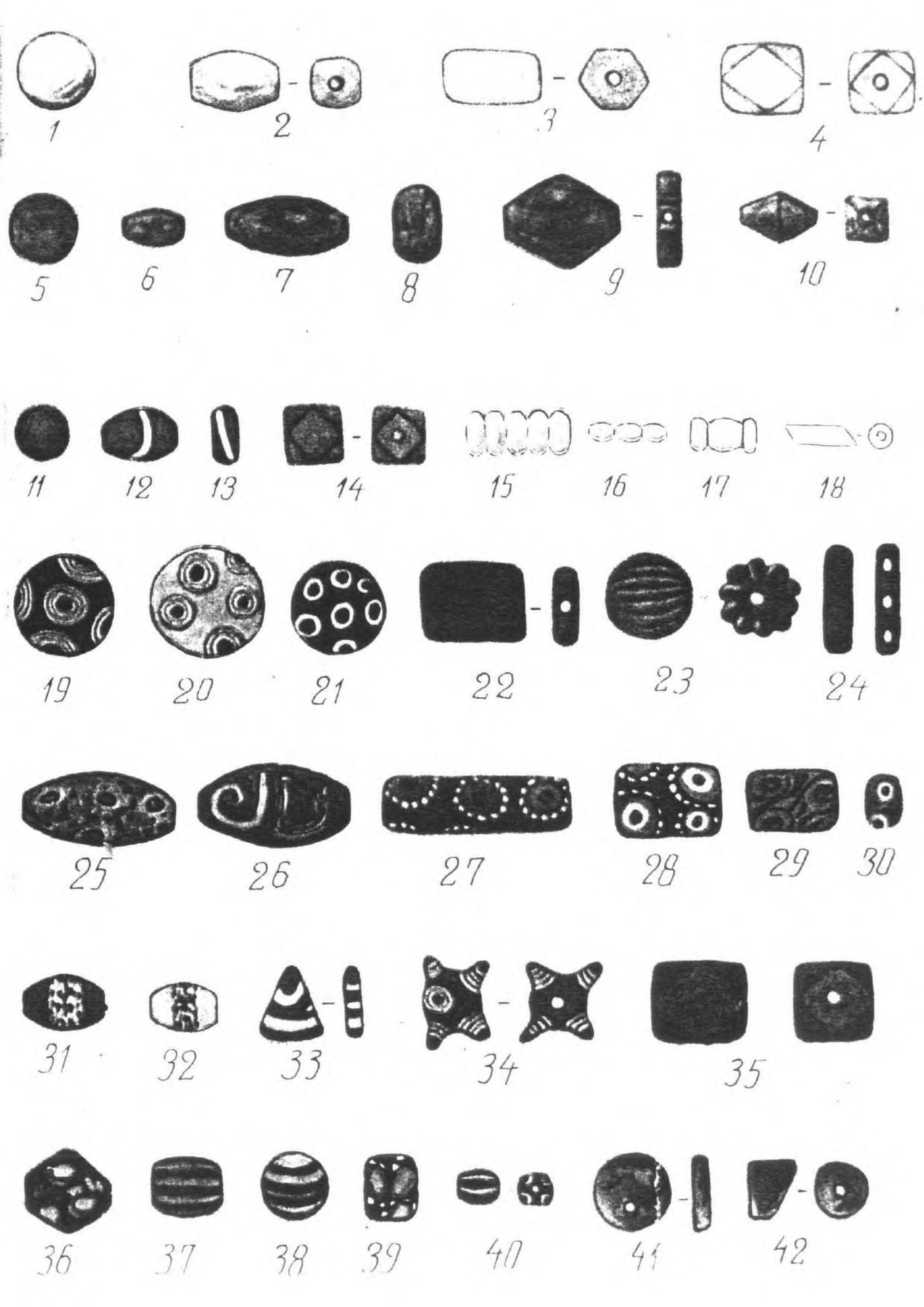

Рис. 110. Различные украшения, туалетные принадлежности, пряжки и подвесная печать из погребений в В. Салтове.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42

других вещей[1]. В орнаментации бляшек наиболее распространен растительный мотив, особенно стилизованные листья водяной лилии.

Кожаная обувь с мягкой подошвой прикреплялась к ноге тонкими ремешками. Ремешки иногда имели пряжки и украшались серебряными или бронзовыми штампованными пластинками. Осетины еще до недавнего времени носили аналогичную обувь в виде мягких туфель с ременным переплетением в верхней части.

И мужчины и женщины носили золотые, серебряные и бронзовые серьги характерной формы. Верхнее кольцо их сделано в виде овала, украшенного обычно склоненной набок шишечкой. К кольцу подвижно или неподвижно присоединена каплевидная или более сложная привеска с шариками (рис. 110, 13—14). В отличие от женщин, мужчины носили не две, а только одну серьгу.

В большом количестве в погребениях находят бусы (рис. 111) из стекла, пасты, сердолика, горного хрусталя, коралла, янтаря, кости, бронзы и раковин. При помощи специальных пластинчастых соединителей с несколькими дырочками из бус составлялись сложные ожерелья в две или три нитки. В состав ожерелей входили иногда, кроме бус, еще бронзовые пронизи и бубенчики. Довольно часто встречаются бронзовые фигурные подвески различных форм: колесообразные, лунницы, кольцевые с птичьими головками, трапециевидные пластинки, в виде фигурок или голов птиц, лошадей, верблюдов, баранов и т. д. (рис. 110, 1, 2, 4, 10, 22). По-видимому, в качестве отдельных подвесок, а также для украшения головных повязок и в ожерельях применялись серебряные арабские монеты — диргемы.

На руках носили иногда по нескольку штук разнообразных браслетов: простые или витые из проволоки, пластинчатые, сделанные из бронзовых спиральных пронизей или из крупных бус. Так же распространены были кольца и перстни с овальным (реже круглым или четырехугольным) щитком или вставками из стекла, из камней (рис. 110, 23—29).

Наконец, весьма характерными для салтовских погребений являются наборы различных предметов туалета. В такие наборы, иногда соединенные тонкими цепочками, входили волосяные кисточки с трубчатой бронзовой рукояткой, бронзовые скальпелеобразные ножички, пилочки, уховертки, коробочки и другие предметы (рис. 110, 3, 7, 8, 15—16). К этой же группе вещей относятся небольшие зеркала из белой бронзы (с большим содержанием олова). Одна сторона этих зеркал

[1] При реконструкции пояса мной была использована работа венгерского археолога Иштвана Диенеша: Dienes István. A perbetei lelet. Milyen volt a honfoglaló magyarok öve? Archaeologiai Ertesítő, vol. 86, szám 2, 1969, стр. 145—158.

тщательно отполирована, а другая имеет в центре маленькую петлю и украшена орнаментом (рис. 110,3) в виде кругов из точек, волнистых линий, звезд и даже драконов. Носились эти зеркала на ремешках у пояса или на груди в специальных кожаных футлярах. В могилах они иногда положены отдельно от покойников и преднамеренно разбиты, что имело определенное культовое значение.

Рис. 112. Игральные кости с резными знаками из катакомбы № 4. 1948 г. в Верхнем Салтове. Раскопки С. А. Семенова-Зусера.

Для игр, возможно, похожих на современную игру в бабки, применялись бараньи астрагалы. Для утяжеления тех костей, которые служили битами, в них вырезали отверстия и заливали их свинцом. На некоторых астрагалах вырезаны какие-то знаки (рис. 112). Скорей всего в них можно видеть знаки собственности отдельных владельцев.

Население салтовской культуры, несомненно, стояло уже на весьма высоком уровне хозяйственного и культурного развития. Металлургия и гончарство, а может быть и некоторые другие отрасли хозяйства, уже выделились в самостоятельные ремесла. Находки свидетельствуют о наличии оживленных торговых связей и о далеко зашедшей имущественной дифференциации, основанной на частнособственнических отношениях в обществе.

Салтовские городища и селища уже нельзя рассматривать как родовые поселки первобытных общин. На городищах, культурный слой которых весьма слабо насыщен, жили, по-видимому, лишь представители феодализирующейся аланской знати. Основная масса населения, занимавшаяся земледелием, скотоводством и ремеслом, заселяла обширные се-

лища и объединялась, очевидно, в территориальные общины. Политически часть территории, заселенной племенами салтовской культуры, находилась под властью Хазарского каганата.

Этнически население, оставившее нам памятники салтовской культуры в бассейне Северского Донца и Дона, было неоднородно. Об этом свидетельствует наличие на этой тер-

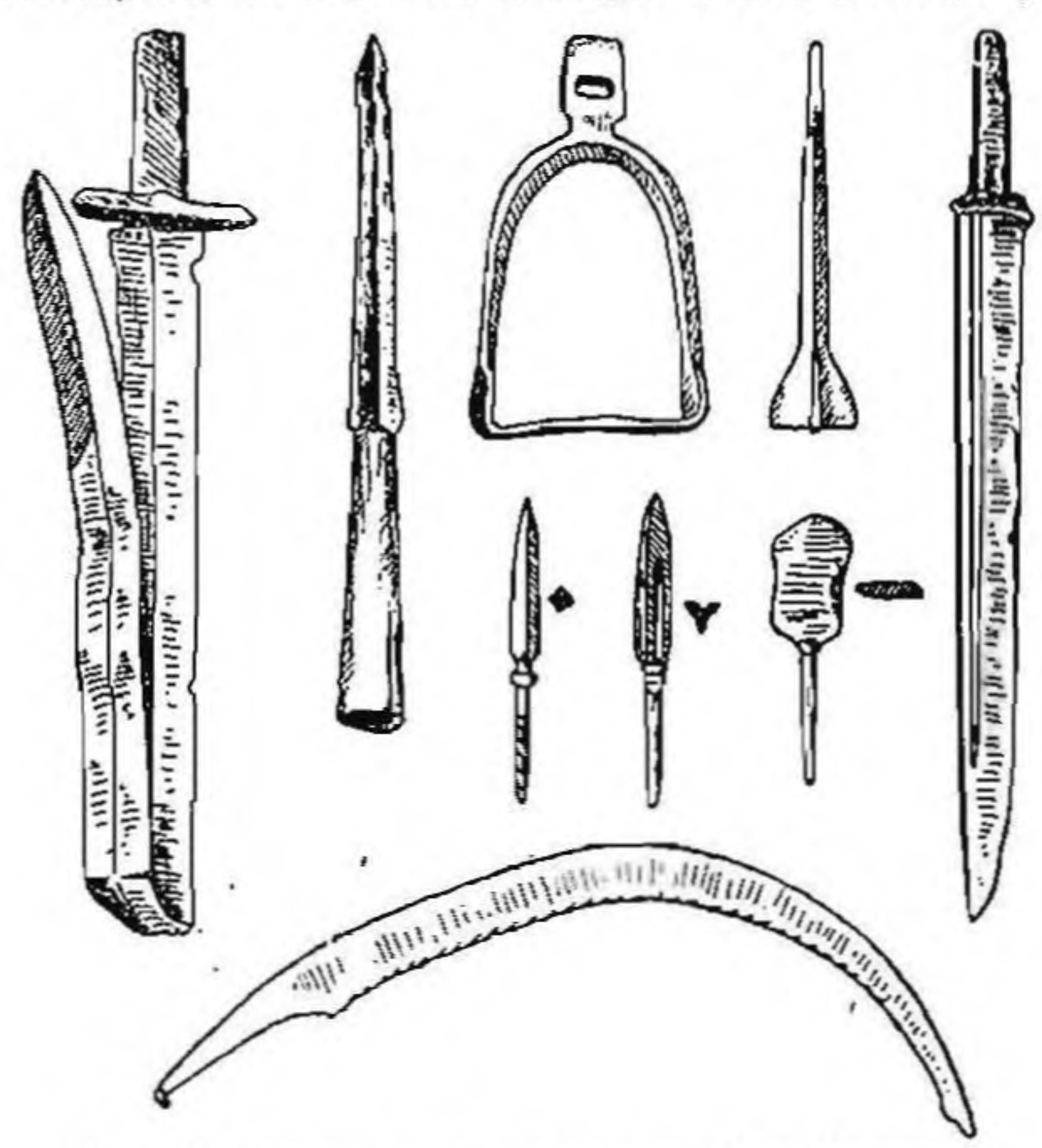

Рис. 113. Некоторые вещи из могильника в Ново-Покровке: *1* — сабля; *2* — наконечник копья; *3* — стремя; *4* — кинжал; *5* — наконечники стрел; *6* — серп (по Ю. В. Кухаренко).

ритории различных, но хронологически одновременных типов погребений, а также некоторые локальные особенности в инвентаре и в устройстве поселений. Так, в могильниках у хутора Зливки в Краснолиманском районе, Донецкой области, и у сл. Покровской, Луганской области, мы видим уже не семейные склепы-катакомбы, а одиночные погребения в ямах. Отдельных конских могил здесь нет. Покойники положены

головой на запад. Одежда их не имеет такого обилия бронзовых украшений, как в салтовских катакомбах. Вместо кувшинов в могилы обычно ставят горшки. Антропологически погребенные и в тех и в других могильниках относятся к европеоидам, но все же между ними замечается различие. В салтовских катакомбных могилах похоронены преимущественно люди длинноголового типа, а для зливкинского могильника характерен короткоголовый (брахикранный) тип и заметна примесь монголоидных форм. Могильник, содержащий ямные погребения с короткоголовыми черепами, обнаружен также при раскопках Саркела.

У с. Ново-Покровки Чугуевского района, Харьковской области, И. Ф. Левицкий, а затем Ю. В. Кухаренко вскрыли ряд погребений с обрядом трупосожжения и с инвентарем салтовского типа (рис. 113). Могильник этот находится рядом с селищем и Кабановским (Старопокровским) городищем салтовской культуры, да и в самих погребениях найдена керамика салтовского типа. По-видимому, жители этих салтовских поселений хоронили в новопокровском могильнике своих покойников. Из аналогичного разрушенного погребения остатков трупосожжения происходит и комплекс вещей, найденных еще в 1891 г. у с. Тополи (Двуречанского района, Харьковской области).

В нижнем течении р. Оскола, у с. Пески Радьковские, во время наших раскопок в 1956 г. найдено салтовское селище с землянoчным жилищем и впущенное в насыпь кургана бронзового века ямное погребение с салтовскими вещами. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. В урочище Пшеничновка, у с. Залимана, Савинского района, Харьковской области, Н. В. Сибилев открыл бескурганный могильник с ямными погребениями в гробах, а рядом салтовское селище [1]. Количество таких примеров можно было бы значительно увеличить. Все они убедительно свидетельствуют о том, что население, оставившее нам различные варианты салтовской культуры, было этнически неоднородным.

И. И. Ляпушкин еще в 1952 г. предпринял весьма удачную попытку разобраться в этой сложной ситуации и пришел к выводу, что среди населения, оставившего нам памятники салтовской культуры, имелись не только потомки древних ираноязычных сарматов — аланы, но и тюркоязычные болгары. Эту точку зрения поддержал в своих работах и Н. Я. Мерперт. Какая-то часть памятников салтовской культуры несомненно была связана с древними венграми (мадьярами), но в настоящее время эти памятники еще не удалось выделить.

---

[1] Указание М. Л. Макаревича на то, что на селище найдены фрагменты как салтовской, так и славянской керамики, ошибочно. Все указанные в публикации образцы посуды типичны для салтовской культуры.

Эрик Мольнар считает возможным лишь погребение у с. Воробьево Воронежской обл. связывать с венграми IX века. Иштван Эрдейи в своем исследовании материальной культуры венгров IX—X вв. справедливо указывает, что на территории Украинской ССР могильники венгров-мадьяр пока еще не обнаружены. Поэтому сейчас трудно окончательно решить вопрос о том, в какой части Северного Причерноморья находилась древневенгерская Лебедия (Леведия), о которой говорит Константин Багрянородный[1]. В особую, пока еще этнически точно не определенную группу, в которой явственно прослеживаются традиции культуры полей погребальных урн, должны быть выделены памятники типа Ново-Покровского могильника.

Большинство известных в настоящее время памятников салтовской культуры можно разделить по крайней мере на две группы. К первой относятся городище, селища и катакомбные могильники в Верхнем Салтове, а также Волчанское, Дмитровское и другие городища; Подгоровское селище и могильник и другие памятники в лесостепной части бассейна Донца. К этой группе примыкает Маяцкое городище и могильник на среднем Дону (при впадении р. Сосны в Дон).

Жилища на этих поселениях (там, где они известны по раскопкам) устраивались в виде четырехугольных землянок с салтовской культуры можно разделить по крайней мере на салтовских городищ, сохранивших еще сейчас остатки каменных оборонительных сооружений, имел в виду арабский географ Идриси, который, используя источники IX—X вв., отмечает на р. Русии (по-видимому, Донец) шесть крепостей.

Все эти памятники, несомненно, связаны с различными группами оседлого аланского населения. В аланских могильниках Северного Кавказа (Чми, Камунта, Кумбулта, Рутха и др.) можно найти такие же, как в этой группе, катакомбные могилы с аналогичным инвентарем и даже с теми же антропологическими особенностями погребенных. Северокавказская группа алан, несомненно, продолжала говорить, как и древние сарматы, на языке, принадлежавшем к иранской ветви индоевропейских языков. Сохранили ли ираноязычность другие, более северные группы аланского населения, обитавшие на Дону и Донце, трудно сказать.

К иной этнической группировке относится Зливкинский могильник, погребения из могильника у сл. Покровской, могильник в селище у с. Залимана, богатое погребение у г. Чистяково, датируемое обломком византийской золотой монеты VIII в., правобережное Цимлянское поселение и могильник, а также погребения и селища в других местах степной части

---

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, 38. Известия ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 17.

бассейнов Донца и Дона. Обнаруженные на Правобережном Цимлянском городище жилища были устроены в виде овальных полуземлянок, по-видимому, юртообразного типа. Керамика южных поселений несколько отличается от лесостепных наличием своеобразных форм сосудов (сковородки, миски, сосуды с ушками, которые имеют вертикальные отверстия, и пр.). Эти памятники благодаря раскопкам последних лет могут быть сопоставлены с поселениями и могильниками на основных болгарских территориях на Дунае (Абоба-Плиска, Преслав, Мадары и могильник у с. Нови Пазар) и на Средней Волге (могильник у с. Кайбелы близ Ульяновска и др.). Большое сходство всех этих памятников в сочетании с указаниями письменных источников о передвижениях отдельных племенных групп болгар после смерти Кубрата позволяет сейчас уже уверенно связывать южную группу с тюркоязычным древнеболгарским населением. Возле Преслава и Мадар, а также на Дону найдены даже тюркоязычные надписи.

До проведения раскопок или более обстоятельных разведок трудно сказать, к какой этнической группе относятся Архангельское, Гороховатское, Таволжанское, Сухо-Гомольшанокое, Вербовское, Теплинское и другие городища салтовской культуры, а также салтовские селища у сел Мохначи, Коробовы Хутора, Пески Радьковские Жовтневе (Нужнево), Огурцово, Нетайловка, Пясарёвка, Хотомля, Кулакова и др.

Указанное разделение говорит лишь о распространении основных этнических массивов. Строгих границ не было. Находки ямных могил наряду с катакомбами, в Верхнем Салтове лишний раз свидетельствуют о смешанности местного населения, что характерно для сельских (территориальных) общин. Смешанность населения заключалась не только в том, что в отдельных общинах жили люди, принадлежавшие к другой этнической группе, но и в том, что рядом располагались целые поселения, разнородные по своему происхождению и культуре.

Общность болгарской и аланской группы населения салтовской культуры наблюдается главным образом в таких элементах, которые легко распространялись в результате торговых и культурных связей: определенные типы керамики, оружие, конская сбруя, украшения и т. п. Кстати, эти предметы, особенно металлические изделия, проникают в эту эпоху далеко за пределы распространения салтовской культуры.

В VIII—X вв. аланское население салтовской культуры соседило на юге с болгарами, с уграми (мадьяры, венгры), а в верхнем течении Донца—со славянами. С последними аланы поддерживали очень тесные и дружественные отношения. Об этом свидетельствует то, что в ряде пунктов зафиксировано одновременное существование в непосредственной близо-

сти салтовских и раннеславянских роменских поселений. Например, около роменских городищ в с. Мохначах и у с. Коробовы Хутора имеются салтовские селища с хорошо выраженным культурным слоем. Между населением салтовской культуры и славянами роменских поселений существовали довольно оживленные торговые связи. Высококачественная, сделанная на гончарном кругу салтовская лощеная керамика, амфоры и отдельные металлические изделия, характерные для салтовской культуры, встречаются в небольшом количестве на многих роменских поселениях[1]. Вместе с тем характерные славянские женские украшения из золота были найдены в салтовских погребениях у с. Залимана.

Территория, охватываемая бассейном Северского Донца, не входила в состав собственно Хазарии, но местное аланское, болгарское и славянское население находилось одно время в определенной политической зависимости от хазарского правителя и обязано было платить ему дань. Сами хазары занимали земли по правому берегу Нижней Волги, южнее современного Волгограда. На юге границы собственно хазарской территории доходили до Северного Дагестана, где находился город Семендер, а на западе — до нижнего Дона, где при поддержке Византии в 30-х годах IX в. была построена хазарская крепость Саркел (Левобережное Цимлянское городище), известная позже в русских источниках под именем Белая Вежа. В устье Волги находилась столица Хазарского каганата — город Итиль.

Хазария была примитивным государством, не имевшим прочной экономической базы и объединявшим под властью кагана из старинной тюркской династии этнически и культурно разнородное население. Сами хазары занимались главным образом кочевым скотоводством. Земледелие не получило у хазар значительного развития, хотя известно, что вблизи города Итиля были небольшие пашни, а в окрестностях города Семендера — сады. Часть населения занималась рыболовством и торговлей. Уровень хозяйственного и культурного развития кочевников хазар был ниже уровня развития славянского и алано-болгарского населения. Поэтому хазары многое заимствовали у окружающих народов, но, по-видимому, не создали своей оригинальной культуры.

Не удивительно, что археологи до сих пор не могут выделить собственно хазарских древностей, которые существенно отличались бы от памятников материальной культуры населения, жившего на территории, подвластной каганату. Впрочем и зависимость этого населения от каганата была, по-видимому, весьма слабой и вряд ли шла дальше вассалитета,

---

[1] Характерно то, что роменская керамика на салтовских селищах почти совершенно не встречается.

формального признания верховной власти хазарского каганата и уплаты какой-то дани. Внутреннее развитие славянского, аланского и болгарского населения, жившего в бассейнах Дона и Донца, шло своими путями. Об этом убедительно свидетельствует длительное сохранение своеобразных черт хозяйства, быта и культуры, которое наблюдается по салтовским и роменским археологическим памятникам.

В 60-х годах X в. войска князя Святослава разгромили Хазарский каганат. Русские дружины разрушили хазарские города Итиль и Семендер, которые после этого, по словам арабского писателя Ибн-Хаукаля, можно было сравнить с «милостыней для бедных»[1]. В 965 г. был взят хазарский оплот на Дону — крепость Саркел[2], которая с этого времени превращается в русский город Белую Вежу, связанный политически с Тмутараканским княжеством.

ГЛАВА X

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ VIII—X ВВ. В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Изучению раннеславянских памятников в бассейне Северского Донца до последнего времени, к сожалению, уделялось явно недостаточно внимания, хотя первые попытки найти и археологически исследовать их предпринимались уже давно. Еще в 30-х годах XIX века В. В. Пассек обратил внимание на Донецкое городище у ст. Карачевка под Харьковом[3], снял его план, расчистил в одном месте древний ров и нашел некоторые вещи, которые отнес к XII веку, ко времени существования здесь древнерусского летописного города Донца.

Некоторые сведения о существовании древних славянских поселений в бассейне Донца, на территории современной Харьковской и Белгородской областей можно найти в статьях Ю. Н. Морозова, И. Щелкова, В. Е. Данилевича, Д. И. Багалея и других авторов. Серьезные археологические исследования при помощи раскопок в дореволюционное время были проведены лишь на Донецком городище. Да и здесь работы В. А. Городовцова в 1902 г. и Н. Е. Макаренко в 1905 г. носили разведывательный характер.

Имеются очень скудные сведения о том, что в 1928 г. А. С. Федоровский обнаружил следы какого-то древнерусского поселения на территории г. Харькова. Он же, исполь-

---

[1] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1871, стр. 218.

[2] Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи). Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 47.

[3] В настоящее время Донецкое городище и селище входят в пределы г. Харькова (Октябрьский район).

зуя работы, связанные со строительством шоссейной дороги, провел в 1929—1930 гг. раскопки на селище, примыкающем к Донецкому городищу, и собрал здесь большой и очень ценный археологический материал. Внезапная смерть А. С. Федоровского прервала эти исследования, а в археологической литературе успела появиться только его краткая информация о работах. К тому же почти вся документация и материалы этих раскопок погибли во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В последние годы изучением славянских памятников в бассейне Северского Донца занимались И. И. Ляпушкин, Б. А. Рыбаков, Ю. В. Кухаренко, С. А. Плетнева и автор данной работы. В результате раскопок и разведок удалось добыть новый археологический материал, который значительно расширяет наши представления о жизни славянского населения на этой территории в VIII—XIII вв.

Наша начальная летопись, говоря о расселении восточнославянских племен, к сожалению, ограничивается очень краткими указаниями. Эти указания далеко не всегда дают возможность точно определить территорию отдельных славянских племен или племенных союзов, которые с возникновением и расширением Древнерусского государства вошли в его состав.

Известно, что на юго-востоке славянских земель жили вятичи и северяне. Вятичи, как это уточнено теперь работами А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова и других исследователей, издавна обитали не только в верхнем течении реки Оки, но и по ее притокам Жиздре, Угре, Упе и Зуше. На севере их поселения доходили до верховьев Москвы-реки. В ходе дальнейшего расселения в VIII в. вятичи поселяются и на Среднем Дону, где уже по раскопкам известны такие их городища, как Большое и Малое Борщевское, Кузнецова дача, Михайловский кордон, Голышевское (Архангельское) и др.

Северяне, по словам летописца, «седоша на Десне, и по Семи, по Суле[1]». Однако некоторые другие данные позволяют дополнить это сообщение и считать, что северяне довольно рано, по крайней мере с VIII века, жили не только по берегам Десны, Сейма и Сулы, но и в верхнем течении Псла, Ворсклы и Донца. Последний от племенного названия северян и получил имя Северского Донца. Убедительно доказать раннее заселение славянами этой территории удалось сравнительно недавно, когда в дополнение к теоретическим рассуждениям и данным топонимики были получены хорошо

[1] Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи 1377 г.), изд. АН СССР под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, ч. I, стр. 11.

датированные археологические материалы по раннеславянской роменской или роменско-боршевской культуре [1].

В последние годы много внимания вопросу о границах северянской территории уделял в своих работах Б. А. Рыбаков. В 1947 г. тщательно сопоставив различные письменные источники и известные в то время археологические материалы, он пришел к выводу, что северянские поселения охватывали на юге-востоке верхнее течение Ворсклы и Северского Донца. Позже, на основе анализа текста и карты 1154 г., составленных арабским географом Мохаммедом Идриси Б. А. Рыбаков высказывает предположение о том, что современный Северский Донец у Идриси назван рекой Русией. Это еще раз подтверждает, что по крайней мере лесостепная часть бассейна Донца входила в территорию, издавна прочно заселенную славянами.

Д. Т. Березовец сделал в 1953 г. вполне правомерную попытку определить территорию расселения северян по распространению некоторых вариантов поселений и могильников раннеславянской роменской культуры. К сожалению, он не учел ряда уже известных в то время памятников и, по-видимому, вследствие этого ограничил на юго востоке территорию северян верхним течением Сулы, Псла и Ворсклы. Северский Донец у него оказался вне северянских земель.

И. И. Ляпушкин впервые вполне определенно, на основании археологических разведок 1948 г., отметил существование на Донце целой группы раннеславянских поселений роменской культуры VIII—X вв. Он указал на наличие роменской керамики на Донецком городище, где она встречалась во время раскопок В. А. Городцова, но не была тогда определена как раннеславянская. К поселениям с остатками роменской культуры И. И. Ляпушкин отнес еще городища у сел Хорошево, Мохначи и Водяное. На этих трех городищах были зафиксированы также остатки скифского времени, а на Донецком и Хорошевском городищах отмечено наличие древнерусских культурных отложений X—XIII вв. Раскопок в этих пунктах И. И. Ляпушкин не производил, и поэтому, хотя факт распространения роменских поселений на Донце был установлен, но еще нельзя было сказать ничего конкретного о занятиях местных жителей, об устройстве жилищ, о планировке поселений, об укреплениях городищ и о многих других сторо-

---

[1] Эта раннеславянская культура получила название от группы городищ, которые были исследованы Н. Е. Макаренко в начале XIX в в районе г. Ромны нынешней Сумской области (городища Монастырище, Глинское, Медвежье, Вашкевича и др.). Позже П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков исследовали Боршевское и другие городища на среднем Дону. Большое значение имеют весьма плодотворные раскопки И. И. Ляпушкина в бассейне р. Псла, где он полностью исследовал Новотроицкое городище роменской культуры.

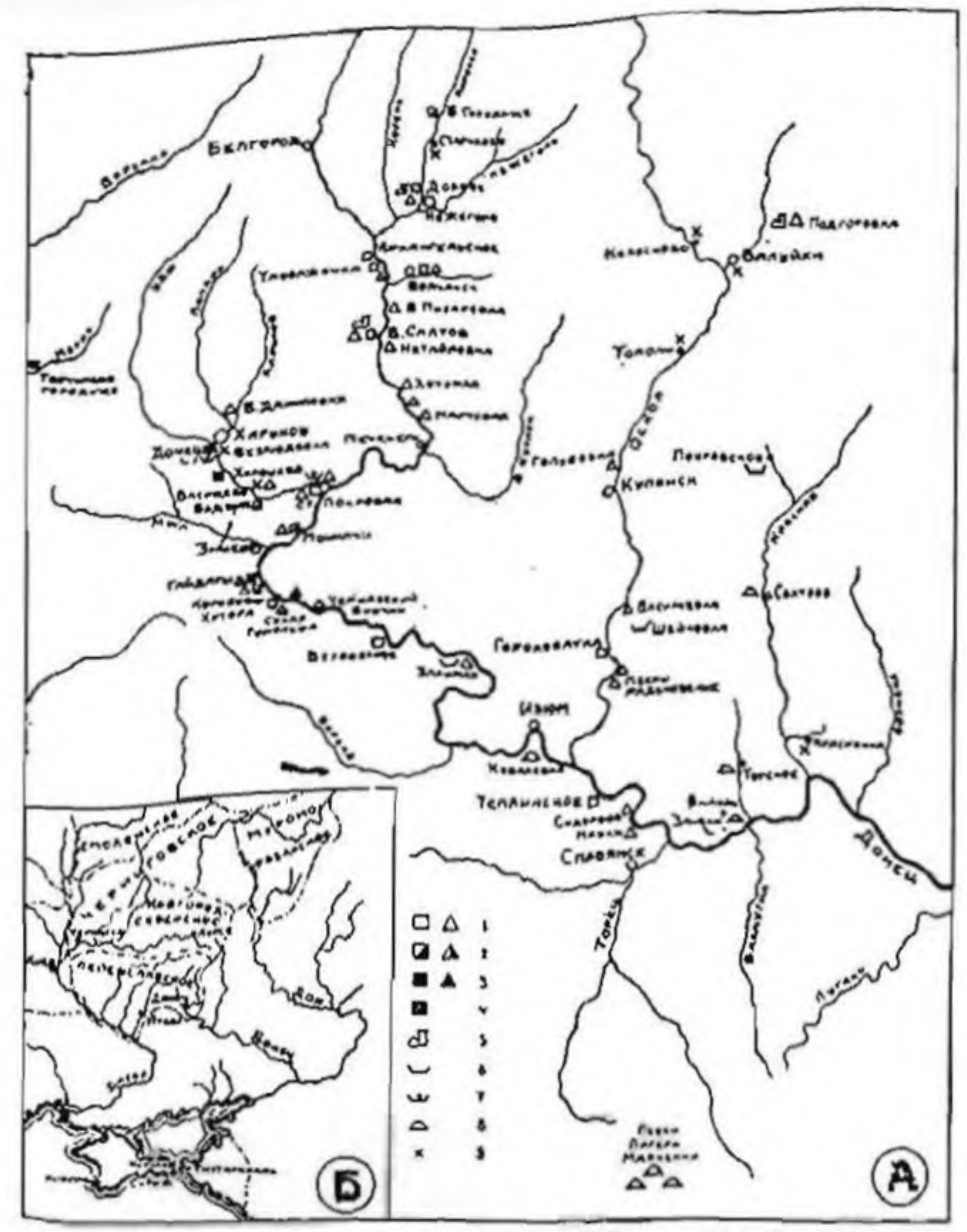

Рис. 114. Карта основных памятников V—XIII вв. в бассейне Донца:
а — основная карта; *б* — врезка: юго-восточная часть Древнерусского государства в XII и первой половине XIII в.;
1 — городища и селища салтовской культуры; *2* — городища и селища роменской культуры; *3* — городища и селища, существовавшие в раннеславянское время (роменская культура) и в эпоху Киевской Руси; *4* — Торчиково городище; *5* — могильник с катакомбными погребениями; *6* — бескурганный могильник с погребениями в ямах; *7* — могильник с трупосожжениями; *8* — курганные погребения кочевников; *9* — находки монетных кладов и важные находки отдельных вещей.

нах хозяйства, быта и культуры придонецких славян в период сложения Древнерусского государства.

За последние десять лет наши сведения о жизни ранних славян в бассейне Северского Донца значительно пополнились главным образом благодаря работам археологических экспедиций Харьковского государственного университета. В 1952 г. автором этой книги были вскрыты остатки раннеславянской роменской полуземлянки на городище у с. Водяного. В 1953 г. были обнаружены ясно выраженные отложения роменской культуры с остатками полуземляночных жилищ и хозяйственных помещений на городище у Коробовых Хуторов и на селище, расположенном на первой террасе правого берега Донца напротив Задонецких хуторов. Рядом с последним зафиксировано городище Гайдары со следами древнерусского поселения X—XIII вв. Одновременно древнерусская керамика найдена на селище Кузьма около с. Черкасского Бишкиня. В 1953 и в 1954 гг. (совместно с С. А. Плетневой) производились раскопки на городище у с. Мохначей, где были обнаружены поврежденные поздним кладбищем остатки поселения роменской культуры. В 1958 г. новое городище с отложениями роменской культуры было обнаружено у с. Большого Городища на левом берегу р. Корочи [1]. Начиная с 1955 г., экспедиция ХГУ под руководством автора систематически занималась изучением Донецкого городища.

В настоящее время можно считать установленным, что южная граница основного массива славянских поселений на Донце в VIII—XIII вв. проходила немного ниже современного города Змиева, примерно у впадения в Донец речки Бишкинь, не выходя за пределы лесостепи (рис. 114). Эти земли начинали заселяться северянами еще в раннеславянскую эпоху, не позднее VIII в. В 884 г., как известно, киевский князь Олег подчинил своей власти северян, и их территория вошла в состав Древнерусского государства. При этом, как указывает летопись, Олег «возложил на них легкую дань и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их и вам им платить незачем» [2]. В заселении берегов Северского Донца принимали участие, по-видимому, не только северяне, но и вятичи. Об этом свидетельствует находка Н. В. Сибилевым на Донце обломка серебряного семилопастного височного кольца, которое очень характерно для уборов вятических женщин. На Донецком городище в 1958 г. найдены также медные решетчатые четырехпунктирные шестипунктирные перстни (рис. 143, 13—14). Перстни такого типа распространены только в вятической земле.

[1] Правый приток р. Нежеголь, которая в свою очередь впадает в Сев. Донец западнее Шебекино.

[2] Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи 1377 г.), М.—Л., 1950, ч. I, стр. 217.

Ниже по течению Северского Донца славянские поселения, несмотря на неоднократные поиски, не обнаружены. Сообщение Д. Я. Телегина об остатках славянского селища в урочище Бондариха не подтверждается[1]. В степной части бассейна Северского Донца в эпоху раннего средневековья, как и в более древние времена, господствовали кочевые и полукочевые племена. В IX в. в Причерноморские степи вторгаются задержавшиеся тут на короткое время угры (мадьяры). С конца IX в. здесь мы видим ряд таких тюркских племен, как печенеги, торки, половцы и др.

Господство кочевников в степях не исключало того, что отдельные группы славянского населения довольно рано

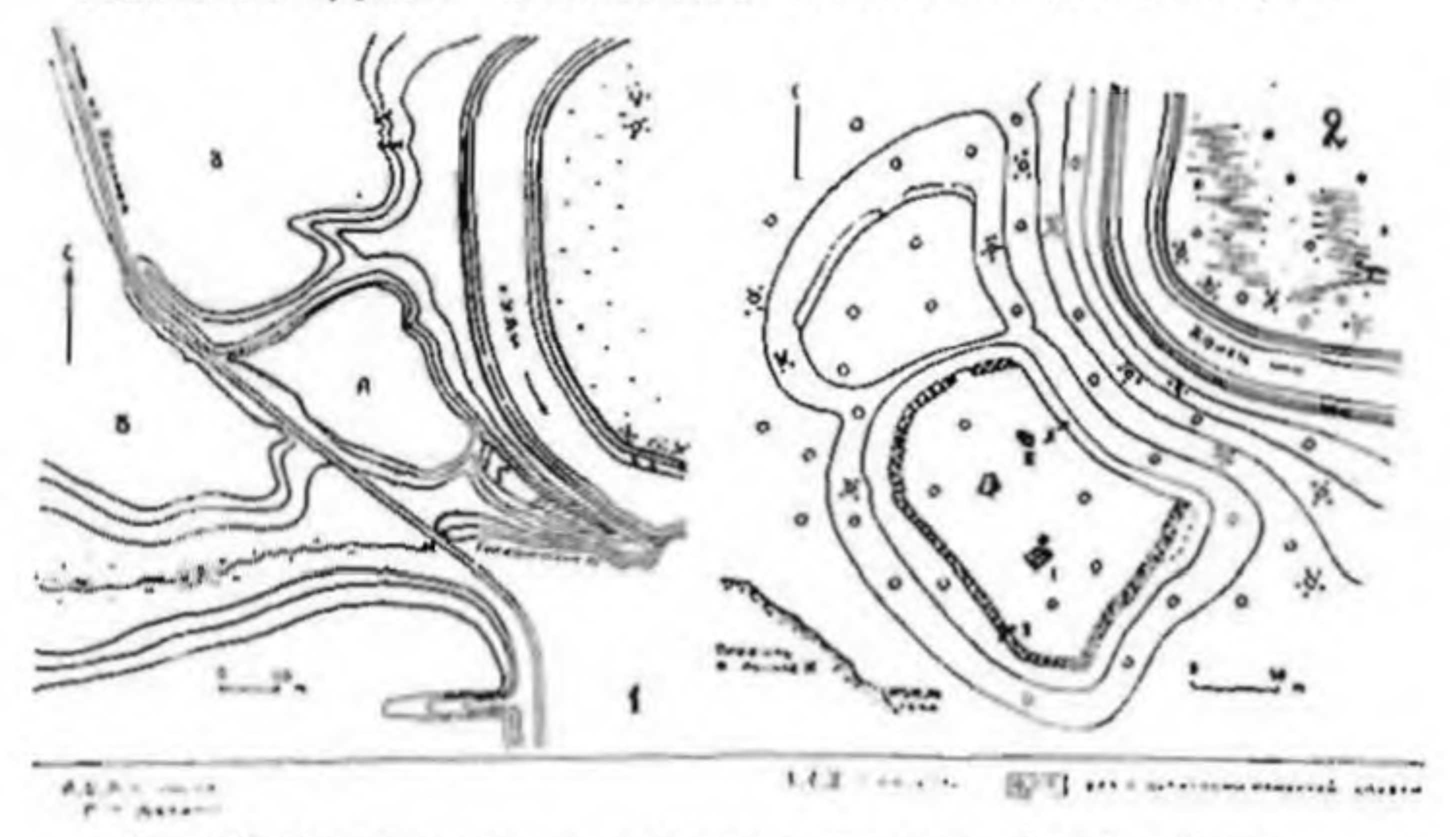

Рис. 115. Планы некоторых славянских городищ в бассейне Донца: 1 — Донецкое городище на окраине Харькова; 2 — городище у с. Коробовы Хутора вблизи г. Змиева. А, Б, В — посад. Г — детинец. I, II, III — раскопы.

начали проникать далеко на юг, на Нижний Дон. В 1951 г. И. И. Ляпушкину удалось обнаружить у хут. Ближняя Мельница на берегу р. Чир (правый приток Дона) раннеславянское поселение IX в., близкое по характеру материальной культуры к поселениям роменско-борщевского типа.

В лесостепной части бассейна Северского Донца лучше всего исследовано славянское поселение на Донецком городище, расположенное на правом берегу р. Уды, на окраине города Харькова (недалеко от станции Карачевка). Здесь

[1] Ознакомление с подлинными образцами керамики, хранящимися в фондах Института археологии АН УССР, убедило меня в том, что она относится не к роменской, а к салтовской культуре.

в эпоху Киевской Руси существовал древнерусский город Донец [1], возникший на месте еще более древнего поселения.

Донецкое городище занимает узкий трехугольный мыс, площадка которого возвышается над уровнем реки на 20 *м*. Мыс отделен от основного массива правого берега большим рвом и валом. С противоположной, юго-восточной стороны покатый склон мыса перегорожен еще двумя рвами и валами (рис. 100). Длина городища — около 70 *м*, наибольшая ширина его в то время, когда оно имело хорошую сохранность, была около 38 *м*. С северо-запада к городищу примыкает селище, которое тянется вдоль реки почти на полтора километра. Природные условия в той местности, где расположено городище, были очень благоприятные. На левом берегу реки раскинулись прекрасные пойменные луга с сочной травой. О них упоминает даже автор «Слова о полку Игореве», вложивший в уста князя Игоря такие слова:

> О Донец!
> Немало тебе величия,
> лелеявшему князя на волнах,
> стлавшему ему зеленую траву
> на своих серебряных берегах,
> одевавшему его теплыми туманами
> под сенью зеленого дерева;
> ты стерег его гоголем на воде,
> чайками на струях,
> чернядями [2] на ветрах [3].

Здесь же, на левобережье, разбросаны небольшие, мелководные, но богатые рыбой озера. В окрестных лесах, остатки которых еще и сейчас сохранились на правом берегу, водилось много птиц и диких зверей. Это изобилие подтверждается и найденным при раскопках остеологическим материалом, о котором будет сказано ниже.

В 1955—1957 и 1959—1961 гг. автором этой книги были произведены раскопки, в результате которых изучены оборонительные сооружения, исследована почти вся внутренняя, некогда заселенная площадь городища, а также часть селища. В результате удалось получить большой материал, который значительно дополнил то, что нам было известно по раскопкам В. А. Городцова и А. С. Федоровского. Исследования

---

[1] Подробнее о нем см. дальше, глава XII.

[2] Гоголь — нырковая утка, чернеть — общее родовое название нескольких видов нырковых уток. Все эти утки и чайки — очень осторожные, чуткие птицы. Своими тревожными криками и полетами они предупреждали Игоря о приближении людей, когда он отдыхал на берегу Донца.

[3] Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.- Л., 1950, перевод, стр. 73.

показали, что Донецкое городище — это многослойный памятник, имеющий отложения различных культур.

В нижних слоях городища в небольшом количестве встречаются обломки керамики, кремневые ножи, кремневые наконечники стрел, обломки шлифованных каменных топоров и другие находки бронзового века. Несколько более многочисленные остатки, относящиеся к скифскому времени. Именно в этот период на естественно хорошо защищенном мысу были сооружены первые укрепления. Судя по ряду признаков, городище скифского времени состояло из так называемого главного двора и предградья.

Территория скифского городища включала в себя и детинец и часть посада (участок «А») более позднего древнерусского города. В пользу этого говорят не только находки скифской керамики как на теперешнем городище, так и на участке «А», но и характерный строительный прием. Как мы уже знаем, городища скифского времени в бассейне Северского Донца укреплялись одним или несколькими валами и рвами с напольной стороны. Вдоль краев городища, обращенных к обрывистым берегам реки или оврагов, вал, как правило, не насыпался, а верхняя часть склона срезалась уступом, образовавшем своеобразный эскарп. Остатки такого уступа можно видеть на склонах селища «А», обращенных в сторону реки и оврагов. Остатки одного из глиняных валов скифского времени с обожженной поверхностью обнаружены в основании большого вала [1] с напольной стороны городища.

Из вещественных остатков в слое скифского времени найдены обломки глиняной посуды, глиняные пряслица, железный нож со слегка изогнутой спинкой, обломок железного псалия и пр. Обломки греческих амфор [2] позволяют датировать это поселение концом VI в. — началом V в. до н. э.

Подавляющее большинство находок на городище относится уже к тому времени, когда здесь появилось славянское население. Этот материал можно расчленить на два хронологических этапа: на остатки раннеславянской роменской культуры VIII—X вв. и остатки древнерусской культуры X—XIII вв.

В результате раскопок открылась интереснейшая картина устройства поселения раннеславянской сельской общины. Территория его была сравнительно невелика и состояла из небольшого, расположенного на узком мысу городища и небольшого селища, которое примыкало к нему с напольной стороны. В случае нападения врагов жители укрывались за стенами укрепления. Раскопки 1955—1957 гг. показали, что

---

[1] Это был внутренний вал, отделявший так называемый главный двор городища скифского времени от предградья.

[2] Определены научным сотрудником ИИМК АН СССР И. Б. Зеест.

вдоль края мыса была сооружена дубовая изгородь из горизонтальных бревен, закрепленных между парными столбами (рис. 117). Поселок имел довольно правильную планировку. Жилища в виде полуземлянок были расположены на территории детинца по прямой линии и образовали улицу, протянувшуюся вдоль длинной оси городища. Одно из жилищ было наземным, но оно сохранилось плохо (комплекс «Б»). Отдельные полуземлянки отличаются друг от друга некоторыми деталями, но в целом они однотипны.

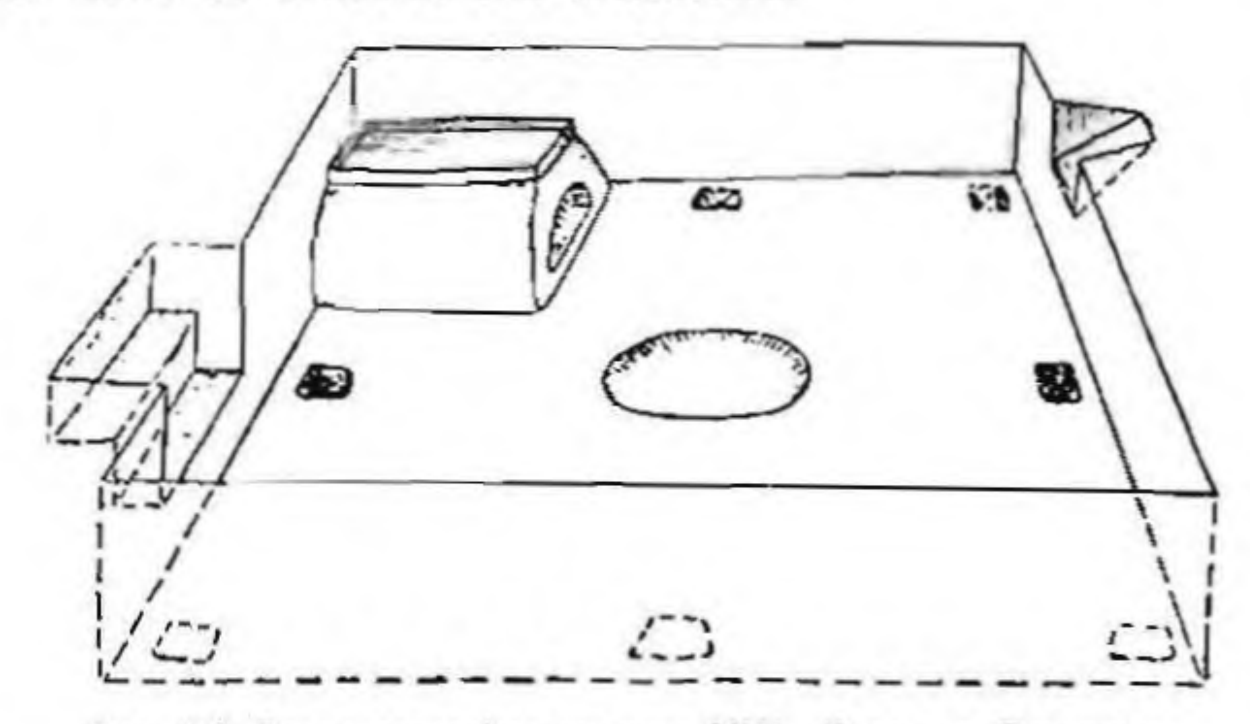

Рис. 116. Раннеславянское жилище VIII—X вв. на Донецком городище (землянка «Г»).

Как были устроены эти жилища, лучше всего можно увидеть на примере полуземлянки «Г», устройство которой прослежено детально (рис. 116). Ее основание, углубленное до 1,15 м в материковую глину, имело в плане форму четырехугольника со сторонами в 4,30 и 4,20 м. Это жилище, как и другие, было уничтожено пожаром, следы которого хорошо были видны по обожженным стенкам и многочисленным остаткам полусгоревшего дерева и углей на полу и вдоль стен жилища. Во всех четырех углах и у средней части стен находились столбовые ямы с остатками дерева в них. Глубина ям колебалась от 35 до 40 см. Вдоль стен жилища прослеживались остатки обуглившегося дерева от облицовки стен, а в заполнении ямы были заметны остатки сгоревшего перекрытия. Крыша этого жилища, очевидно, была двускатной, причем основная, так называемая «князевая» слега должна была иметь направление с северо-запада на юго-запад. В центральной части пола жилища имелось небольшое круглое углубление, назначение которого не совсем ясно. На полу при раскопках был обнаружен слой древесного угля от сгоревшего здесь дерева, а в некоторых местах можно

было даже проследить остатки обуглившихся досок, которые лежали параллельно северо-западной стенке полуземлянки. Эти обуглившиеся доски являются по-видимому, остатками не деревянного настила пола, а упавшего сверху перекрытия, так как под ними находился не чистый материк, а небольшой слой гумусированной почвы.

Рис. 117. Следы сгоревшей раннеславянской оборонительной стены, обнаруженные при раскопках Донецкого городища в 1956 г.

Около северного угла этой полуземлянки был обнаружен ступенчатый вход в жилище. Подошвы двух ступенек были облицованы деревом. В том месте, где вырезанные в материке ступеньки выдавались за общий контур жилища, была, вероятно, какая-то постройка наподобие сеней. Следует отметить, что в других полуземлянках таких ступенек не было. Входили в них, очевидно, по деревянной лесенке, расположенной внутри жилища.

Около южного угла полуземлянки «Г», напротив печки находилось небольшое оконце. Сохранилась нижняя часть оконного проема с подоконником. При устройстве нижней части оконца в материке был сделан трапециевидный в плане вырез. Стенки выреза облицованы деревом, обуглившиеся остатки которого хорошо прослеживались. Ширина оконца с наружной стороны — 60 *см*, а с внутренней — 75 *см*. Подоконник имел наклон в сторону жилища. Оконные стекла или слюда в раннеславянских жилищах еще не употреблялись. Небольшое отверстие оконца могло затя-

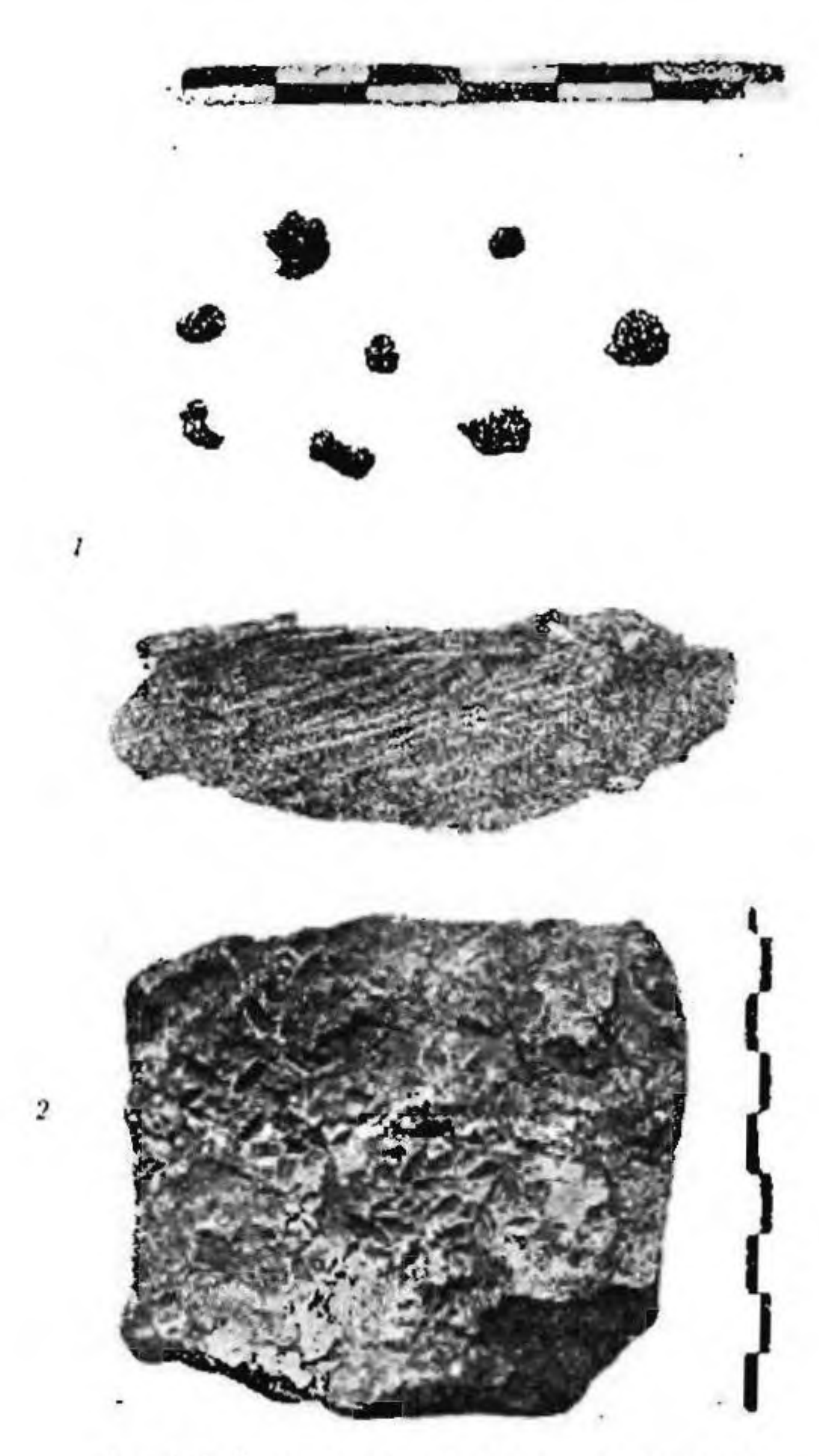

Рис. 118. Растительные остатки и их отпечатки: *1* — лен; (Донецкое городище); *2* — отпечатки зерен пшеницы на обмазке печи роменского жилища у с. Гайдары (Задонецкое селище).

гиваться каким-либо более или менее прозрачным материалом в виде пузыря или просто закрывалось деревянной ставней.

В восточном углу жилища находились остатки глинобитной печки. Высота ее достигала 80 *см*. Исследование остатков печки в этом и в других раннеславянских жилищах показывает, что в большинстве случаев печка вырезалась в плотной материковой глине[1]. Она была похожа на небольшую пещерку с устьем в виде полуциркульной арки. У стенки противоположной устью печки в своде проделывался дымоход в виде небольшого округлого отверстия, но

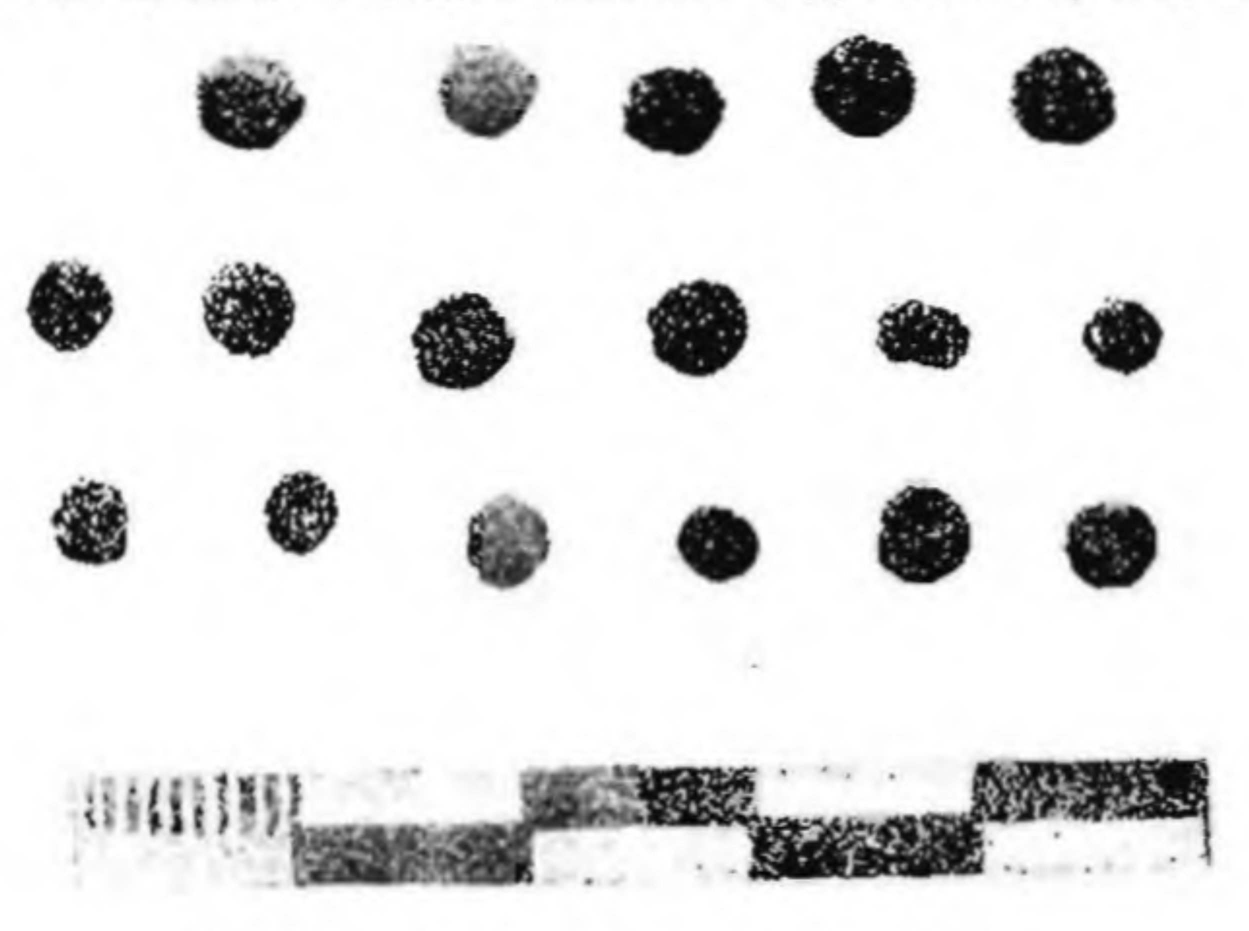

Рис. 119. Обуглившийся горох из находок на Донецком городище в роменском слое. (увеличено).

трубы, которая выводила бы дым за пределы жилища, не было. Таким образом, топилась печка по-черному, и дым выходил из жилища через дверь или через волоковое окошко.

Своды таких печек были довольно непрочными и нередко обваливались. Для заделывания отверстий в своде употребляли плоские камни и своеобразные слабообожженные глиняные «кирпичи», которые имеют чаще всего вид конусов или

[1] Необходимо все же отметить, что на донецких роменских поселениях встречаются и печи другого типа. На городище у с. Коробовы Хутора, где почва рыхлая, песчанистая, в роменских жилищах обнаружены печи-каменки. На городище Коробовы Хутора, кроме того, найдена была еще и летняя, надворная печь-каменка, устроенная в конце небольшого узкого углубления.

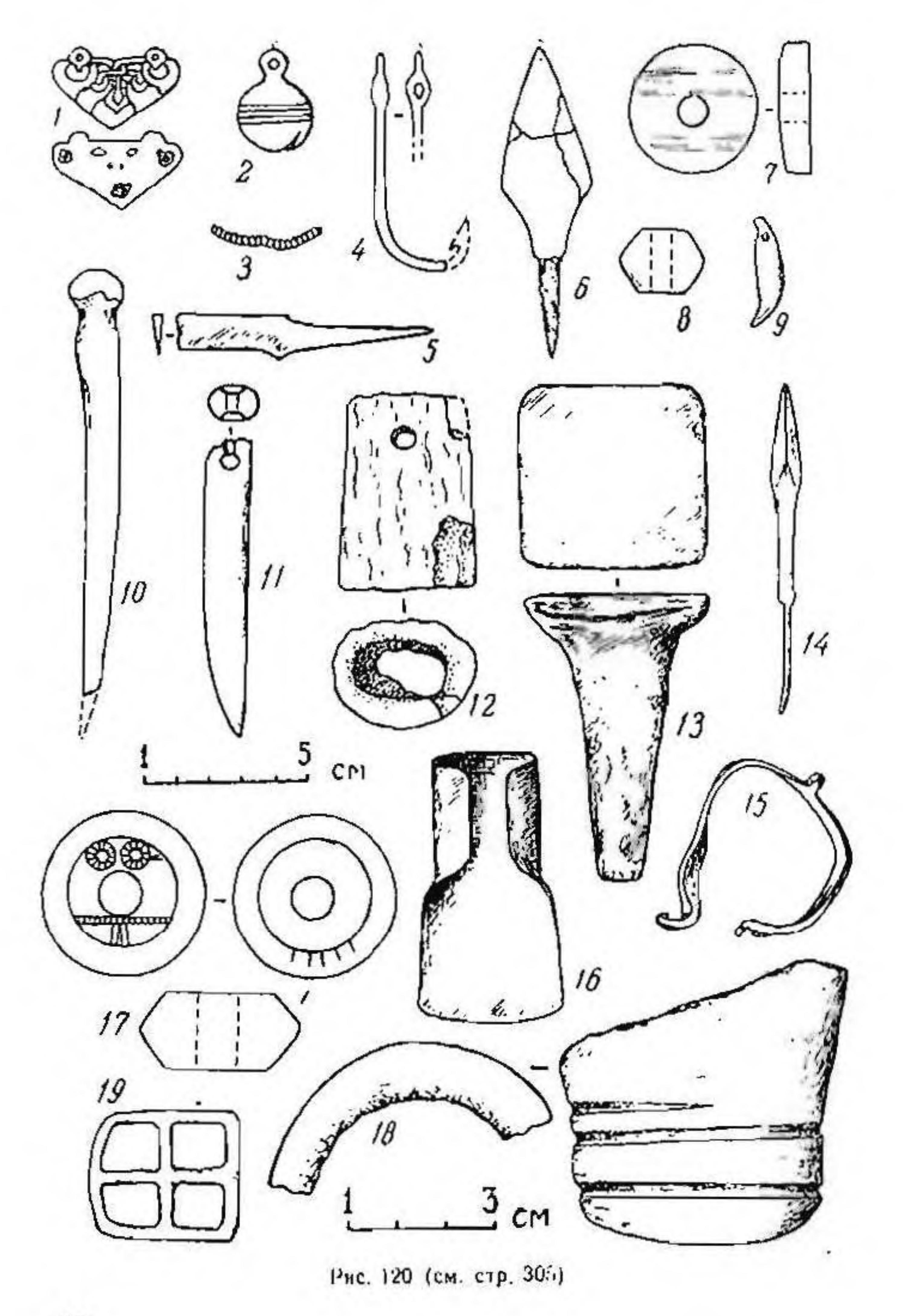

Рис. 120 (см. стр. 305)

цилиндрических блоков. На своде печки в полуземлянке «Г» была укреплена огромная прямоугольная глиняная сковорода. Высота бортика ее достигала 14 *см*, а толщина дна — 4 *см*. Такая сковорода предназначалась для сушки на печке зерна и других продуктов. В развале одной из печей были найдены обуглившиеся семена гороха (рис. 119).

Раскопки показали, что во время нападения на поселение дома были ограблены врагами, которые взяли из них все ценные вещи. Поэтому вещественных находок в роменских жилищах и вокруг них немного. В самих полуземлянках найдены

Рис. 121. Обломки жернова VIII—IX вв. из находок на Донецком городище.

обломки характерной роменской керамики, обломки жерновов (рис. 121), точильные бруски, обломок железного рыболовного крючка (рис. 120, 4), кремни для кресала и глиняные пряслица от веретен. На полу жилища «В» в обломках роменского горшка обнаружены были обуглившиеся остатки стеблей льна вместе с семенами (рис. 118,1). В горшке готовился отвар из льна, очевидно, для лечебных целей. Конечно, это лишь частный случай использования льна. В основном его выращивали для получения волокна, из которого делали наиболее распространенный вид ткани — полотно. Из льняного семена добывали масло, которое в древней Руси использовали для освещения.

Среди образцов местной керамики можно выделить две основных группы. К первой группе относятся грубые кухонные горшки с прямым или очень слабо отогнутым венчиком, четко выраженными плечиками и маленьким дном. Глина имеет примесь крупных кусочков шамота или дресвы. По-

---

Рис. 120. Находки на поселениях роменской культуры: *1—3*—украшения; *4*—рыболовный крючок; *5*—обломок ножа; *6, 14* — наконечники стрел; *7, 8, 17* — пряслица; *9* — подвеска из клыка хищника; *10* — проколка; *11* — игла; *12* — грузик; *13* — наковаленка; *15* — поделка в виде подковки с шипами; *16* — тесло-мотыжка *18* — обломок сопла; *19* — клеймо на дне роменского сосуда; *1—12* — найдены на Донецком городище; *13—15* — городище у с. Мохначи; *16—19* — городище Коробовы Хутора.

этому поверхность сосуда неровная, бугристая. Обжиг неравномерный. Цвет стенок снаружи обычно бурый, а в изломе черный. Орнаментация горшков довольно проста. По краю венчиков иногда нанесены косые насечки, имеются отпечатки зубчатого штампа или палочки, обмотанной веревочкой, реже пальцевые защипы. Плечики горшков обычно также украшены отпечатками зубчатого штампа или палочки, обмотанной веревочкой, реже косыми насечками. Отпечатки и насечки располагаются в виде орнаментального пояса, в виде зигзагов или расположены «елочкой» (рис. 122—123).

В меньшем количестве встречаются горшки лучшей выделки. Глина этих сосудов чище, крупные примеси в ней обычно отсутствуют и заменяются песком. Венчик этих горшков почти вертикальный. Обжиг более сильный. По-видимому, при изготовлении этих сосудов применялся уже какой-то примитивный гончарный круг. В орнаментации появляются наклонно расположенные отпечатки гребенчатого штампа, линейный или волнистый орнамент. Кроме горшков, из глины делали в небольшом количестве сковородки и биконические пряслица.

Привозная керамика роменского слоя представлена преимущественно фрагментами салтовских горшков и кувшинов, сделанных на гончарном кругу и покрытых лощением. В небольшом количестве встречаются и обломки средневековых яйцевидных амфор. Из обломков салтовских сосудов и амфор иногда вытачивались пряслица.

При раскопках 1957 г. на Донецком городище была впервые найдена роменская печь для обжига керамики (рис. 124). Она была расположена в стороне от жилищ, недалеко от юго-западного края городища. В плане печь имела форму овала с диаметром 1,20×1,10 *м*. Печь была сооружена из глины таким образом, как и обычны хозяйственные печи в полуземлянках, но под ее по площади был больше обычного. Кроме того, она была устроена не в углублении полуземлянки, а на поверхности городища, по-видимому, под легким навесом. Только самая нижняя часть печи высотой в 15—20 *см* была вырезана в материковой глине. Верхняя часть печи была разрушена в позднее время существования городища. Сохранилась лишь нижняя часть стенок. Внутреннее пространство печи было заполнено обломками обжигавшихся в ней роменских лепных горшков, которые еще не были в употреблении, и частями обрушившегося свода. Судя по остаткам, печь была загружена посудой по крайней мере в два ряда. Нижний ряд горшков был поставлен вверх дном. Пода с отверстиями, который отделял бы топку от обжигательной камеры, здесь не было. Огонь раскладывался прямо вокруг сосудов. В печи и особенно вокруг нее найдено много

керамического брака и сильно обожженных обломков стенок печи.

Находка этой печи убедительно свидетельствует о том, что у местного населения не позже конца IX в. керамическое

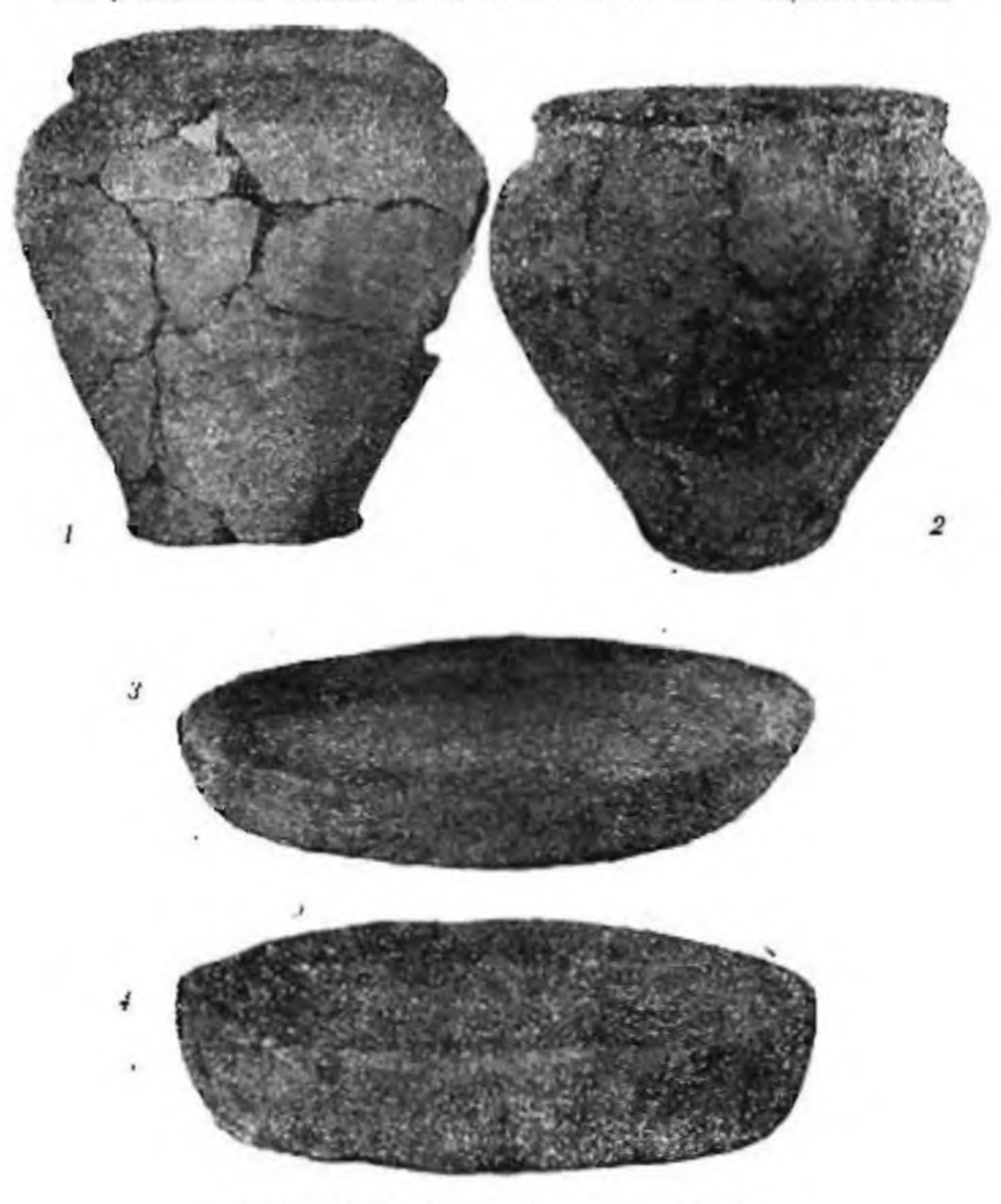

Рис. 122. Керамика роменской культуры из находок на Донецком городище. 1, 2 — горшки; 3, 4 — глиняные сковородки.

производство уже начало выделяться в самостоятельное ремесло. Подтверждением этого являются также обломки кера-

мики, сделанной уже на примитивном гончарном кругу, и находка в раннеславянской полуземлянке на городище Коробовы Хутора обломки роменского горшка с клеймом гончара на донышке (рис. 120, 19).

Металлических изделий в роменском слое Донецкого городища немного. Кроме уже упомянутого рыболовного крючка, можно отметить железные ножи и их обломки (рис. 120, 5), плоский железный наконечник стрелы (рис. 120, 6), бронзовую спиральную пронизь (рис. 120, 3), бронзовый бубенчик (рис. 120, 2), обломок боевого топорика. Подобные изделия из железа и бронзы могли изготавливаться на раннеславянских поселениях в бассейне Северского Донца местными мастерами. О том, что такие специалисты, занимавшиеся добычей железа и обработкой металла, здесь существовали, сви-

Рис. 123. Образцы орнаментации роменской керамики из находок на Донецком городище:

детельствует находка железных шлаков и обломка глиняного сопла от сыродутного горна в роменском слое на городище у Коробовых Хуторов, а также находка железной наковаленки среди роменских вещей на городище у с. Мохначи. Не обнаружено пока остатков, связанных с местным бронзолитейным производством, но это, по-видимому, лишь дело времени, так как на других роменских поселениях, например, на Новотроицком городище в бассейне Псла уже известны плавильные тигли, матрица для тиснения и специальные

горны ремесленников-металлургов для разогревания и плавки цветных металлов.

Особый интерес представляют бронзовая бляшка от пояса и древнейшего типа сабля. Бляшка имеет треугольную форму и украшена стилизованным растительным орнаментом (рис. 120, 1). На обороте они имеют три штифта с четырехугольными шайбами для прикрепления к ремню. Эта вещь совершенно аналогична бляшкам VIII—IX вв. из аланских погребений Верхнесалтовского могильника.

Рис. 124. Остатки раннеславянской гончарной печи конца IX — начала X в. с обломками обжигавшейся в ней посуды. Донецкое городище (раскопки 1957 г.).

Сабля была найдена около остатков сгоревшей раннеславянской оборонительной стены в чистом роменском слое. Она имеет слабо изогнутый однолезвийный клинок длиной 85 *см*. Длина черенка рукоятки—11 *см*. У самого конца на протяжении 15 *см* клинок сделан двухлезвийным. Черенок рукоятки слегка пригнут в сторону лезвия. Перекрестие напускное, прямое, сужающееся к концам, имеющим шарики. По всем признакам, эта сабля относится к группе раннесредневековых сабель VIII—X вв., которые часто встречаются в погребениях салтовской знати.

Сравнительно в небольшом количестве найдены в роменском слое изделия из кости. Среди них встречаются шиловидные острия (рис. 120, 10) с залощенными от употребления концами и цилиндрические грузила, вырезанные из оленьего рога (рис. 120, 12). Найдена массивная, вырезанная из рога игла для плетения (рис. 120, 11). Из клыков хищника делались

украшения в виде подвесок. Из песчаника и сланца выделывались разнообразные точильные бруски. Иногда из камня вырезались и довольно тонкие вещи. Так, на городище Коробовы Хутора было найдено дисковидное пряслице, одна сторона которого была оформлена в виде человеческого лица (рис. 120, 17).

Несомненно, основной отраслью хозяйства ранних славян, в том числе и населения, которое жило в бассейне Северского Донца, было земледелие. На всех раннеславянских городищах, которые подвергались раскопкам, найдены хозяйственные ямы, предназначенные для хранения зерна и других продуктов. На Донецком городище также было найдено несколько грушевидных зерновых ям, которые содержали в заполнении только роменские остатки, но обуглившихся зерен в них не сохранилось. Пустые роменские зерновые ямы найдены и на городище у с. Коробовы Хутора. О разводимых местным населением культурах мы все же можем судить как по уже упомянутым остаткам гороха и льна, так и по отпечаткам проса на обломках керамики Донецкого городища, а также по очень ясным отпечаткам зерен твердой пшеницы[1] на обожженном куске глиняной обмазки, найденном на роменском поселении у с. Гайдары (рис. 118, 2).

Из орудий для обработки почвы на донецких раннеславянских поселениях пока известна лишь одна находка железной мотыжки. Однако не может быть сомнения в том, что земледелие здесь, как и у всех ранних славян лесостепной полосы, было пашенным. Мотыжки использовались для дополнительной ручной обработки небольших огородов, а большие площади полей распахивались орудиями типа плуга при помощи тягловой силы быков или лошадей. На упоминавшемся уже Новотроицком городище И. И. Ляпушкину удалось найти довольно полный комплекс остатков земледельческих орудий: железные сошники симметричной формы, плужный нож (чересло) втульчатого типа, мотыжки, серпы и косы-горбуши.

На Донецком городище не только в землянках, но и около них найдено много обломков жерновов раннего южного типа. Все они имеют горизонтальную рабочую поверхность и одно или два углубления для рукоятки в верхнем камне.

Для датировки роменского слоя важна находка серебряной арабской монеты (рис. 125, 1). У края монеты пробито отверстие, указывающее на то, что она использовалась как подвеска в ожерелье или в головном уборе. По определению нумизмата С. А. Яниной, монета отчеканена наместником

[1] Отпечатки были исследованы и определены научными сотрудниками Всесоюзного института растениеводства М. М. Якубцинером и Н. Р. Ивановым. Акт от 3 апреля 1956 г.

Табаристана[1] Омаром в 129 году табаристанской эры, что соответствует 780 г. н. э. Как датирующий предмет роменского слоя, монета может указывать на первую треть IX в.

Местное славянское население, несомненно, поддерживало торговые связи с восточными купцами, которых в X в., по

Рис. 125. Монеты, найденные в роменских слоях Донецкого городища: *1* — табаристанская монета VIII в. (780 г. н. э.); *2* — подражание арабскому диргему X в. Изображения увеличены.

свидетельству арабских и персидских авторов, очень интересовал славянский хлеб и лен. Эти товары вывозили на Кавказ, в Среднюю Азию и в Иран. По свидетельству Ал-

[1] Табаристан (Мазандеран) — область в Иране, располо[женная] вдоль южного побережья Каспийского моря.

Истархи, в первой половине X в. город Дербент в Закавказье был известеп как крупный центр торговли полотном, изготовлявшимся из привозного русского льна [1].

В обмен на хлеб, лен, а также кожи, меха, мед, воск и другие продукты местного производства жители донецких славянских поселений получали от восточных купцов украшения в виде бус из стекла и сердолика, серебряные монеты-диргемы, которые также переделывались в украшения. В амфорах с юга привозили, очевидно, вино или растительное масло.

О том, что торговля с восточными странами велась очень интенсивно, свидетельствует накопление у местных жителей иногда огромного количества монетного серебра. В 1930 г. у с. Безлюдовки под Харьковом был найден клад начала X века, содержавших около 1100 серебряных монет. В составе клада было несколько подлинных восточных монет и огромное количество подражаний восточным диргемам. В связи с тем, что основная масса подражательных монет найдена на территории современных Воронежской, Харьковской, Белгородской и Курской областей, В. Л. Янин высказывает предположение, что указанные монеты чеканились где-то на этой территории. Сырьем для изготовления подражательных монет могли служить сильно истертые восточные монеты и их обломки.

Меновая торговля велась и с соседними салтовскими племенами. Об этом свидетельствуют такие находки, как сабля салтовского типа, бронзовая бляшка с растительным орнаментом и обломки красивой чернолощенной салтовской керамики.

Таким образом, материалы роменского слоя Донецкого городища, дополняемые находками на других роменских поселениях в бассейне Северского Донца, свидетельствуют о высоком уровне развития местного славянского населения в VIII—X вв. даже здесь на далекой окраине северянской земли. Местные жители занимались пашенным земледелием и огородничеством, которые дополнялись охотой и рыболовством Постепенно у них выделяются ремесла. Были уже специалисты по добыче и обработке металла, а находка гончарной печи и керамики, сделанной на гончарном кругу, позволяют определенно говорить о начале выделения гончарного ремесла. Торговые связи давали возможность получать некоторые изделия даже из далеких восточных стран.

Известно, что у древних славян до принятия христианства был распространен обычай сжигать труп покойника. Арабский писатель Ибн-Фадлан еще в X веке обстоятельно описал

[1] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 29, 1901.

похороны знатного руса по обряду трупосожжения, которые он сам наблюдал[1]. Древнерусский летописец, автор «Повести временных лет», также рассказывает о языческом обряде погребения у славян, при котором покойника сжигали, а остатки трупосожжения складывали в глиняный сосуд и помещали «на столпе на путех», т. е. на возвышенности у дорог[2]. Археологические раскопки показывают, что в некото-

Рис. 126. Раннеславянское погребение по обряду трупосожжения (раскопки 1959 г. на Донецком городище).

рых деталях погребального обряда у отдельных славянских племен роменско-боршевской культуры VIII—X вв. наблюдаются определенные отличия. Так, во время раскопок П. П. Ефименко у с. Боршева в среднем течении Дона найдены были курганы с деревянными камерами внутри. Остатки трупосожжения помещались в глиняном горшке или без него в эту погребальную камеру. В других местах курганов не насыпали. При раскопках Д. Т. Березовца у с. Волынцево в Сумской области был обнаружен бескурганный раннеславянский могильник, в котором урны с пережженными костями покойника и с некоторыми мелкими вещами просто ставили в неглубокую ямку и засыпали землей.

Каков был обряд погребения у славянского населения роменской культуры, жившего в VIII—X вв. в бассейне Северского Донца, мы до недавнего времени не знали. Только

[1] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 143—146.

[2] Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 15

в 1959 г. при раскопках у Донецкого городища были обнаружены остатки роменского погребения (рис. 126). Выяснилось, что здесь также существовал древний славянский обычай сжигать трупы. Остатки сожжения складывались в небольшую круглую ямку и засыпались землей. Внешних признаков такие могилы не имеют и поэтому разыскивать их очень трудно. Обнаруженное погребение расположено на возвышенности правого берега, недалеко от дороги, кото-

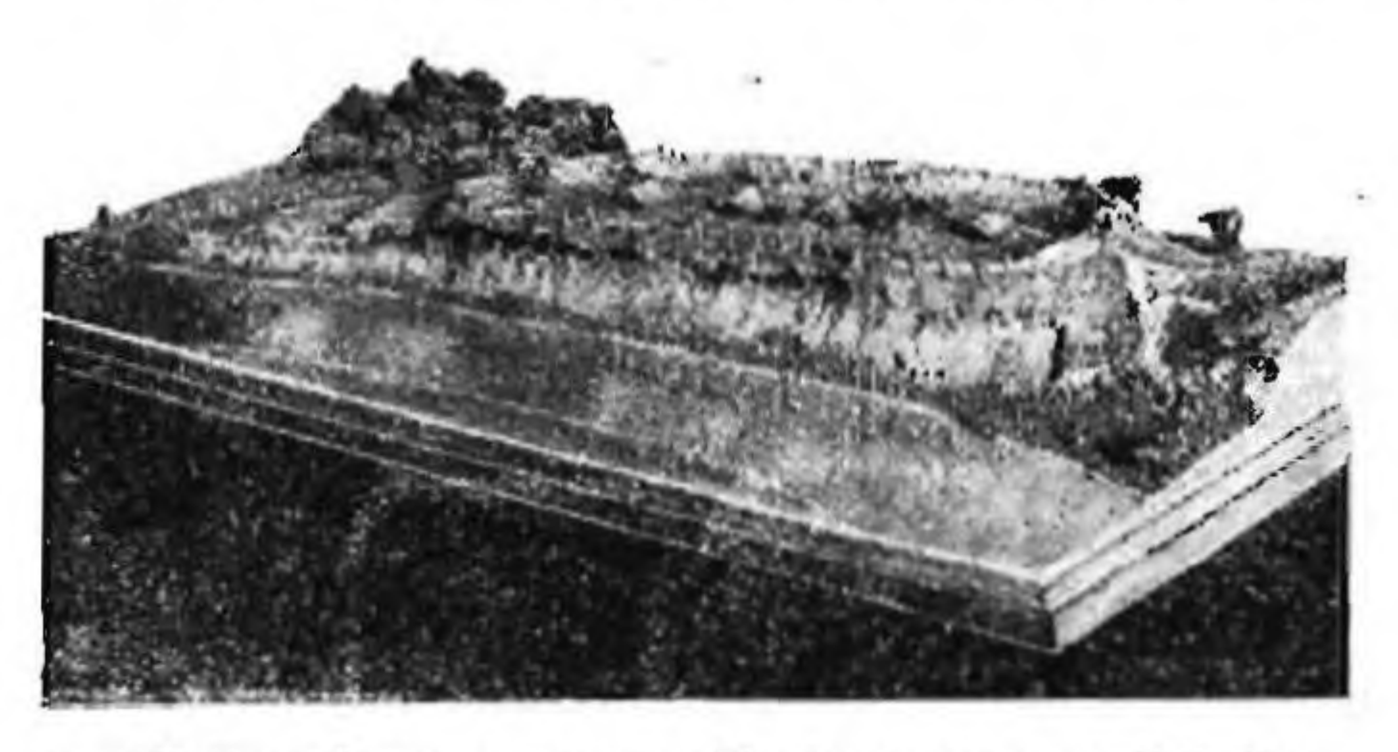

Рис. 127. Макет Донецкого городища. Общий вид поселения в VIII—X вв.

рая вела к входу на городище, т. е. именно так, как указывал летописец — «на столпе на путех».

Раннеславянские поселения на Донецком городище было разрушено в начале X века. При раскопках 1959 г. в слое пожарища роменского поселения была найдена серебряная монета начала X века, которая представляет собой подражание куфическому диргему[1]. По-видимому, разрушение городища можно связывать с нападением кочевников печенегов.

В Никоновском летописном своде первое столкновение русских с печенегами относится к 864 г.[2] Очевидно, в этой летописи сохранилось свидетельство, относящееся к самому началу печенежского вторжения. К последним десятилетиям IX в. печенеги уже господствовали в причерноморских степях. Под их натиском часть угров (мадьяр) ушла в Персию, а другая часть около 889 г. была уже в Паннонии[3]. Печенеж-

[1] Определение производил заведующий нумизматическим отделом Государственного Эрмитажа А. А. Быков.

[2] Полное собрание русских летописей, т. IX, СПб, 1862, стр. 9.

[3] В бассейне среднего течения Дуная и его правых притоков — рр. Дравы и Савы.

ские орды нападали и на славянские поселения. Летопись не сообщает нам всех подробностей борьбы славян с печенегами. Это связано, возможно, с тем, что сперва печенеги нападали только на более слабые славянские поселения юго-восточной окраины государства. Но в начале X в. они представляли собой уже настолько большую опасность для Руси, что в 915 г. князь Игорь заключает с печенегами мирный договор, о котором говорится в Повести временных лет [1].

Раскопки дают возможность довольно ясно представить картину гибели раннеславянского поселка на Донецком городище. Судя по тому, что в одном из горшков в роменской землянке были обнаружены стебли и семена льна, дело происходило в конце лета. Но хлеб был еще не обмолочен и не ссыпан в закрома. В пользу этого свидетельствует отсутствие остатков зерна в роменских хозяйственных ямах. Грабители в спешке вряд ли забрали бы из хранилищ все зерно.

Жители оказывали упорное сопротивление, но не могли долго противостоять превосходящим силам противника. Немым свидетелем этой борьбы является раннесредневековая сабля, найденная в слое X в. у остатков роменской оборонительной стены. В пылу битвы это ценное оружие, выбитое из чьих-то рук, упало среди горящих бревен и не было замечено захватчиками.

Ворвавшиеся в поселок кочевники дочиста ограбили жилища, забрав все то, что еще оставалось в них. Поэтому при раскопках в роменских землянках удалось найти только случайно потерянные или испорченные вещи. Все постройки и оборонительная стена были подожжены. Следы всеобщего сильного пожара наблюдались при раскопках очень ясно, причем нельзя считать, что этот пожар возник стихийно. Если бы от неосторожного обращения с огнем или от удара молнии случайно загорелась какая-то одна постройка, то не было бы такой картины одновременной гибели всех опустошенных жилищ. Закрытую почти со всех сторон почвой полуземлянку довольно легко защитить от случайного пожара, охватившего какую-либо соседнюю постройку. Здесь же явно видно, что пожар, который некому было тушить, уничтожил одновременно весь поселок. Часть местных жителей покинула его, часть погибла при обороне, а остальных увели в плен.

Никто не вернулся в родные места, чтобы восстановить сожженные врагами жилища. Только через несколько десятилетий пришли новые люди, засыпали чистой глиной старые ямы, выровняли площадку городища и построили здесь новое укрепление древнерусского города Донца.

---

[1] Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., М.—Л., 1950, ч. I, стр. 31.

ГЛАВА XI

КОЧЕВНИКИ ПРИДОНЕЦКИХ СТЕПЕЙ В IX—XIII ВВ. (ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ, ПОЛОВЦЫ)

С конца IX века до татаро-монгольского нашествия в XIII в. в степях Северного Причерноморья господствовали различные тюркоязычные кочевники: печенеги, торки, половцы, родственные кочевым племенем Сибири, Средней Азии и Поволжья. Древнерусская летопись, труды византийских и арабских авторов, составленный в XIII веке половецко-латинский словарь (Codex Cumanicus) и другие письменные источники освещают жизнь кочевников эпохи раннего средневековья довольно односторонне. Уже давно ощущалась потребность в получении вещественного материала, который мог бы существенно дополнить сведения письменных источников.

Еще в XIX веке начались раскопки курганов и изучение других археологических памятников степных кочевников юга Восточной Европы. Ряд исследователей (В. А. Городцов, Е. П. Трефильев, Н. Е. Бранденбург, Г. С. Чириков, А. С. Федоровский и др.) занимался изучением древностей поздних кочевников и в бассейне Северского Донца. Однако долгое время не было такой работы, в которой были бы тщательно собраны, проанализированы и обобщены не только сведения древних авторов, но и все материалы, известные нам из археологических источников. Только недавно опубликована диссертация С. А. Плетневой о кочевниках южнорусских степей, в которой разработана вполне убедительная классификация древностей печенегов, торков, половцев и смешанных групп населения степей, а также дана общая характеристика их хозяйства, социального строя и культуры. Это исследование С. А. Плетневой, наряду с другими материалами и работами, положено в основу настоящего раздела о раннесредневековых кочевниках в бассейне Донца.

Передовым отрядом тюркоязычных кочевников, которые нахлынули в конце IX века в степи Северного Причерноморья, были п е ч е н е г и. Первоначально они входили в состав среднеазиатского племенного союза канглов (кангюй), но уже в IX веке создали на территории между р. Уралом и Волгой новый племенной союз. В этот союз, кроме печенежских племен, входило и покоренное местное население: сармато-аланские и отчасти финно-угорские племена.

Под давлением более сильных юго-восточных соседей — торков (гузов) и половцев (кипчаков) — большая часть печенегов в конце IX века покинула Заволжье и вторглась в степи между Доном и Донцом, заселенные преимущественно аланами и болгарами. Пострадали от этого вторжения и расположенные на южной окраине Лесостепи славянские посе-

ления. Трупы мирных людей и пожарища оставались на пути движения кочевых орд. Кроме Донецкого городища, в бассейне Северского Донца были разрушены в это время раннеславянские (роменские) поселения, расположенные у сел Хорошева, Мохначей, Водяного, Коробовых Хуторов, Задонецких Хуторов, Большого Городища (на реке Короче). Одновременно с ними прекратили существование многочисленные

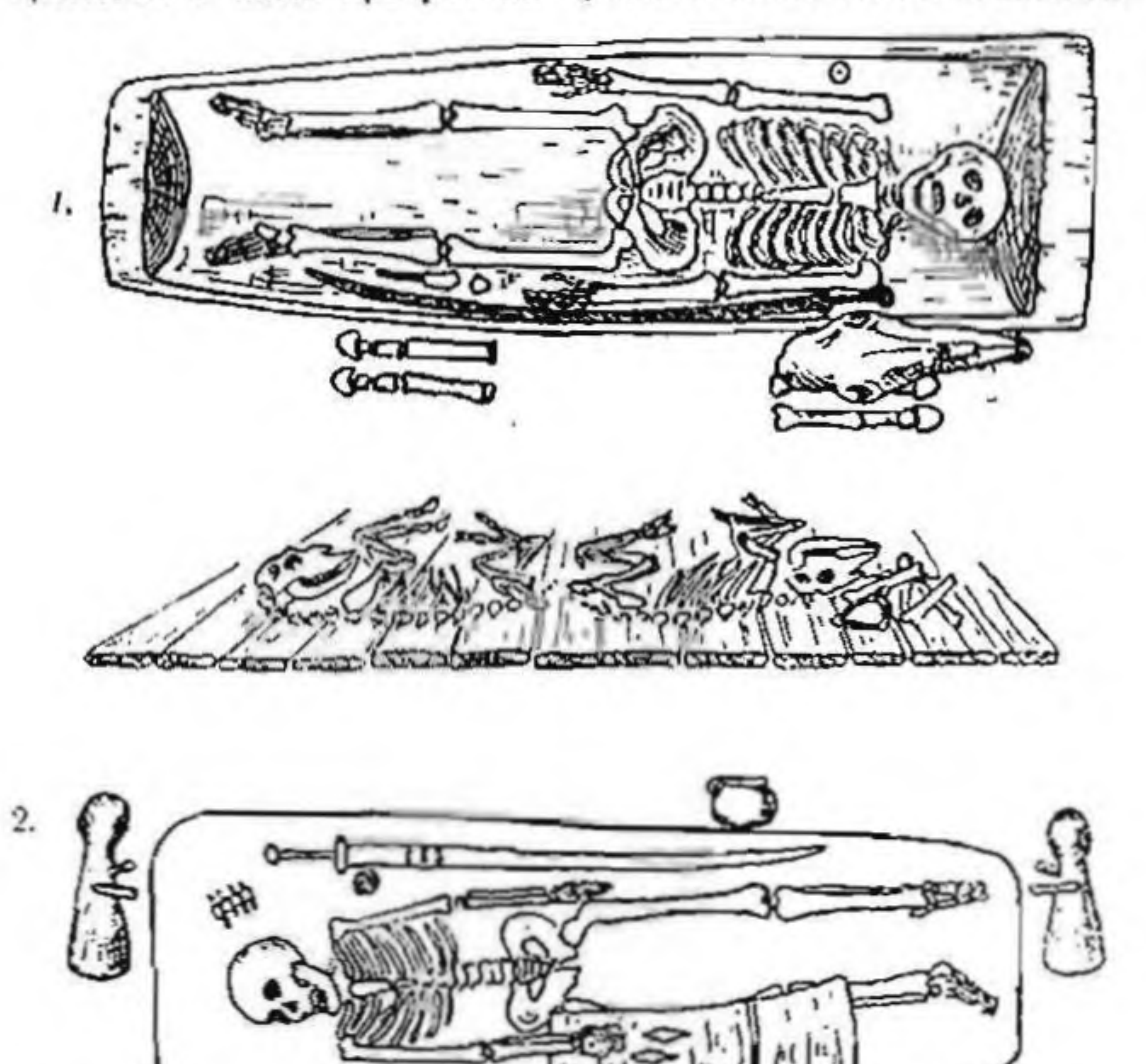

Рис. 128. Погребения поздних кочевников (по В. А. Городцову): *1* — печенежское погребение в кургане № 2 (могила 2) у хут. Ковалевка; *2* - торческое погребение в кургане № 27 (могила 1) у хут. Марченки.

донецкие поселения салтовской культуры. На юге печенеги вторглись на территорию Хазарского каганата и заняли земли в устье Дона и Кубани. Дряхлеющий каганат уже не имел достаточно сил для того, чтобы отстоять свои владения. В 892 г. печенеги мощным ударом разгромили также мадьяр (венгров) и, продвинувшись дальше на запад, установили свое господство на всей территории причерноморских степей. В X веке их кочевья доходили до устья Дуная.

Сведения, имеющиеся в письменных источниках — в трактате Константина Багрянородного «Об управлении государством», в сочинении персидского географа Гардизи, в летописях, — свидетельствуют о том, что печенежское общество представляло собой союз восьми племен. Во главе каждого племени стояли вожди, избиравшиеся из числа родовой знати («лучшие мужи в родах»). Неизвестно, сколько родов было в каждом племени, но во всем союзе племен насчитывалось сорок родов во главе со своими старейшинами. Изредка собиралось народное собрание, но все бо́льшую роль начинал играть у печенегов совет старейшин, в который входила разбогатевшая родовая верхушка.

Сопоставление письменных источников с археологическими находками позволяет выяснить, каков был характер хо-

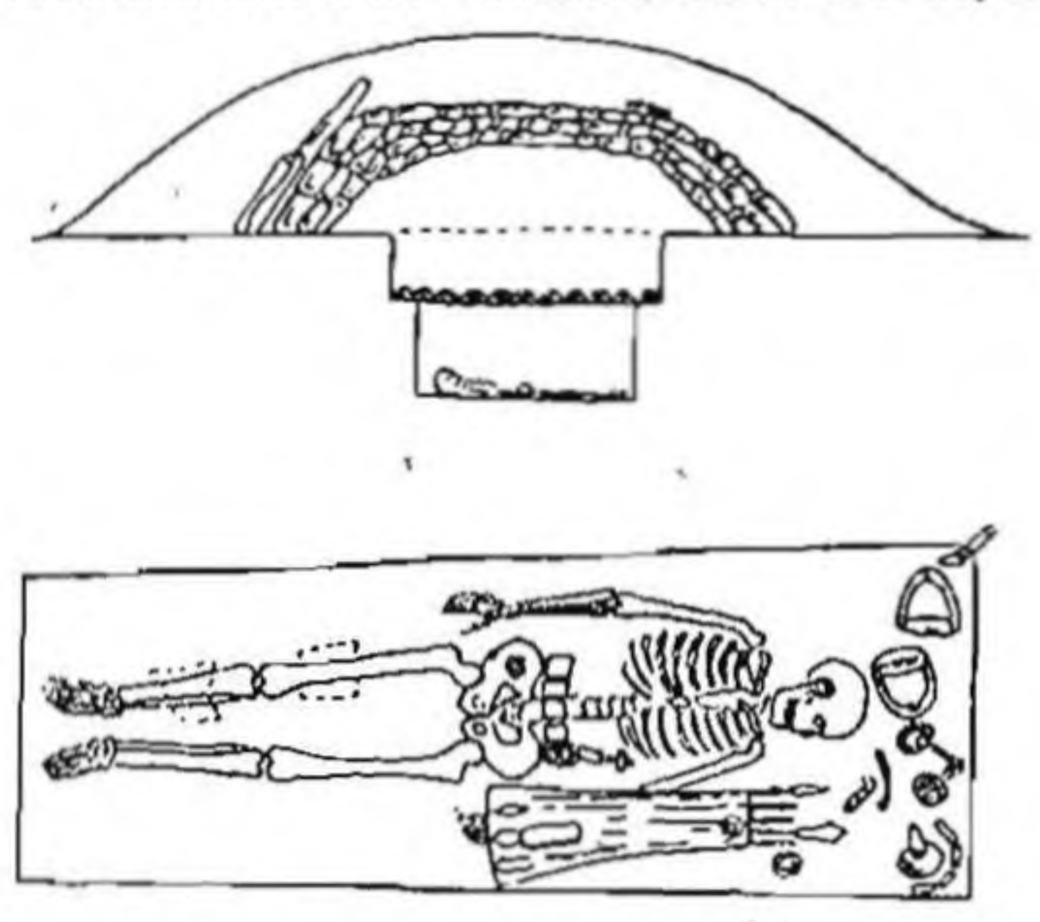

Рис. 129. Половецкое погребение в кургане № 17 (могила 1) у хут. Пески (по В. А. Городцову).

зяйства и быта печенегов. В бассейне Донца печенежские древности представлены пока лишь двумя курганными погребениями: одно было раскопано В. А. Городцовым у с. Ямполя (кург. № 1, мог. 6), а другое у хут. Ковалевки (кург. № 2, мог. 2) на территории Харьковской области.

Печенеги иногда сами насыпали над неглубокими могильными ямами небольшие курганы, но чаще они устраивали погребения в насыпях более древних курганов. К таким впускным погребениям относятся и упомянутые выше донецкие погребения печенегов. Покойник лежит обычно в де-

ревянном гробу-колоде (реже без гроба) и всегда ориентирован головой в сторону запада.

Основную роль в хозяйстве печенегов играло кочевое скотоводство. Они разводили лошадей, коров, овец. Особенно большое значение в жизни скотовода-кочевника имела лошадь. Это нашло отражение и в погребальном обряде. В курганах печенегов около покойника обычно клали кости коня (голову, ноги) и сбрую, от которой сохраняются железные удила, овальные стремена и подпружные пряжки. Печенежские удила имеют очень своеобразную форму. Они сделаны из железного прута, к загнутым концам которого подвижно прикреплены большие кольца (рис. 132, 1). Эти удила, не имеющие, как у большинства других типов, перегиба в средней части, близки к современным мундштучным удилам, которые служат для более тонкого и строгого управления лошадью. А. С. Плетнева считает, что такой тип удил был выработан печенегами еще в то время, когда они жили в лесистой[1], сильно пересеченной местности между Волгой и Уралом, где нужно было заставить лошадь особенно четко выполнять каждый маневр.

Украшения, предметы туалета, посуда и другие бытовые предметы редко встречаются в печенежских могилах. Собственного развитого ремесла у печенегов не было, торговля также не получила большого развития и поэтому всеми этими вещами очень дорожили. В погребениях мужчин-воинов встречается наступательное оружие: остатки луков, железные наконечники стрел, копья, но также в небольшом количестве. Только в богатых погребениях представителей родо-племенной знати найдены массивные, широкие, слабо искривленные сабли.

Имущественное расслоение в печенежском обществе было уже значительным. В этом отношении весьма характерны два донецких погребения. В кургане у с. Ямполя был похоронен рядовой общинник и в его могилу, кроме обычных частей коня и уздечки, положен только простой железный нож. Погребение в кургане у с. Ковалевки принадлежало богатому кочевнику и здесь инвентарь оказался гораздо разнообразней. Кроме железных удил, стремян и частей коня, в этом кургане найдены: железное кресало, нож, костяная застежка, просо и даже железная сабля.

Печенеги постоянно вели грабительские войны. Нападая на славян, мадьяр, хазар и других своих соседей, они захватывали имущество, угоняли скот, уводили и продавали в рабство людей. Кроме того, важными статьями дохода было получение выкупов и откупов. Указания на это можно найти в

[1] Слово «печенеги» в переводе на угорские наречия означает «лесные люди».

разных источниках. Так, например, византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении: «Об управлении государством» пишет, что печенеги часто «грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков», причем во время этих нападений они могут «брать в рабство их (руссов и мадьяр.— *Б. Ш.*) женщин и детей»[1]. Анна Комнин указывает на один случай, когда начальники печенегов «хотели было убить пленных, которых содержали», но народное собрание не позволило сделать это, надеясь получить за пленных денежный выкуп[2].

Львиная доля военной добычи попадала родо-племенной знати, в руках которой таким образом накапливались большие богатства. Персидский географ Гардизи пишет: «Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные пояса. У них есть копья и знамена, которые они поднимают во время битв; их трубы, в которые дуют во время битвы, сделаны наподобие бычачьих голов»[3].

Господство печенегов в причерноморских степях продолжалось до первой половины XI века, когда основная масса их, не выдержав ударов русских дружин и натиска своих восточных соседей — торков (гузов), отступила в бассейн Дуная. Часть печенегов осталась на прежних местах и влилась в племенной союз торков. Постепенно само имя печенегов исчезло со страниц летописей и лишь курганы да некоторые древние географические названия (Печенежская гора и село Печенеги в Харьковской области) свидетельствуют и поныне о том, что они жили некогда на берегах Донца.

Племенной союз т о р к о в (гузов) был этнически очень пестрым объединением. Кроме собственно торков и печенегов, в него входили берендеи, боуты, каепичи, коуи и другие племена. Эта смешанность сильно затрудняет выделение древностей собственно торков из массы других одновременных кочевнических памятников. Поэтому неудивительно, что С. А. Плетнева, специально занимавшаяся этим вопросом, указывает лишь на три погребения, которые по всем признакам несомненно являются торческими. Два из этих курганных погребений обнаружены у дер. Торской, Краснолиманского района, Донецкой области. Третье погребение найдено у хут. Марченки на р. Песчаной (недалеко от ст.

---

[1] Известия византийских писателей о Сев. Причерноморье. ИГАИМК. вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 5, 6.

[2] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118). Труд Анны Комниной, т. I. Пер. под ред. В. И. Карпова, СПб, 1859, стр. 334.

[3] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Записки АН, серия VIII, т. I, № 4, СПб, 1897, стр. 120

Ясиноватая в Донецкой области). Степная часть бассейна Донца и его притоков, несомненно, была одним из основных центров, где располагались кочевья торков. Об этом свидетельствует и целый ряд древних географических наименований: реки Тор (Большой Тор, Казенный Торец), Сухой Торец, Кривой Торец, село Торское на р. Жеребце, пос. Торский, и Торецкий на р. Казенный Торец, Торское городище около Славянска.

Отыскать курганные древности торков (гузов) помогает то обстоятельство, что арабский писатель X. в Ибн-Фадлан детально описывает их погребальный обряд. Из его рассказа видно, что для погребения умершего торка (гуза) вначале отрывают «большую яму в виде дома» и помещают в нее покойника, одетого в куртку, с поясом и луком. В руку покойника и перед ним ставят деревянный кубок с хмельным напитком и «принесут все, что он имеет и положат с ним в этом доме»[1]. Потом сородичи покойника убивают лошадей[2] и съедают их мясо, «кроме головы, ног, кожи и хвоста». Могильную яму перекрывают деревянным настилом, на котором располагают оставшиеся части лошадей. Затем над всем этим насыпают из глины курган. Наконец, Ибн-Фадлан рассказывает еще об одной очень интересной детали погребального обряда торков-гузов. «Если же он (т. е. покойник) когда-либо убил человека и был храбр, то они вырубят изображение из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на могиле и скажут: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю»[3].

Действительно, в упомянутых выше торческих погребениях, раскопных близ дер. Торской и у хут. Марченки, покойники находились в ямах, перекрытых деревянным настилом, на котором лежали кости лошади, а в одном случае еще кости 8 телят, 2 овец и коровы. Покойники были положены головой на запад и снабжены различными вещами, количество которых, по-видимому, зависело от богатства умершего. В наиболее бедном погребении из вещей обнаружены только остатки конской сбруи (удила, стремя), два ножа, один наконечник стрелы и глиняные сосуды. В самом богатом погребении (курган № 27, погребение 1 у хут. Марченки), кроме конской сбруи и сосудов, около покойника лежали: сабля с прямым перекрестием и круглым навершием рукоятки; остатки деревянных, обтянутых кожей ножен, украшенных круглыми выпуклыми бляхами из меди; сделан-

[1] Речь идет, очевидно, о личных вещах умершего.

[2] Ритуальное убийство лошадей или хотя бы одной лошади было обязательным, так как, согласно верованиям торков, на этих лошадях покойник должен был ехать в рай.

[3] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 128.

ный из кожи и бересты колчан, в котором находились стрелы с железными наконечниками; железная пряжка и остатки кожаных сапог. В этой же могиле у ног и у изголовья покойника были поставлены грубо вырезанные из дерева фигурки людей (рис. 128, 2), изображавшие, очевидно, убитых им врагов, которые должны быть слугами умершего в потустороннем мире.

Хозяйство и общественный строй торков, кочевавших в причерноморских степях, мало чем отличались от хозяйства и общественного строя скотоводов-печенегов. Однако их господство было очень непродолжительным. Слабый, разноплеменный союз торков оказался в средине XI века между двух огней. Русские князья всячески старались ослабить степных кочевников и при каждом удобном случае наносили мощные удары по их кочевьям. Одновременно с востока на торков наступало сильное тюркское племенное объединение половцев (команов, кыпчаков). Под 1054 г. Лаврентьевская летопись сообщает о разгроме князем Всеволодом Ярославичем торков и одновременно о появлении на левом берегу Днепра передового отряда половцев: «В се же лето иде Всеволод на торкы зиме к Воиню [1], и победи торкы. В семь же лете прииходи Болушь [2] с половьци, и створи Всеволод мир с ними; и возвратишася половци вспять; отнюду же пришли» [3]. В 1060 г. объединенное войско русских князей обратило торков в бегство, но уже в следующем 1061 г. произошло первое военное столкновение русских с половцами» [4].

Разгромленные торки частично бежали в Византию, частично перешли на службу к киевскому князю и были поселены на левом берегу р. Роси в Поднепровье. Поселения оседлых кочевников, находившихся в подчинении у русских князей (летописец называет их «своими погаными»), были и в других местах: на территории Черниговского княжества, в Ростово-Суздальской земле, в Переяславской земле, вокруг древнерусской крепости Белая Вежа на Дону. Остатком именно такого поселения оседлых кочевников является Торчиново городище на р. Мерле (вблизи современного Краснокутска в Харьковской обл.). По-видимому, это было одно из поселений «торков переяславских», о которых Лаврентьевская летопись упоминает под 1080 годом.

П о л о в ц ы господствовали в причерноморских степях до XIII века, когда они попали под власть татаро-монгольских феодалов и вошли в состав Улуса Джучи, или Золотой

[1] Воинь — пограничный со степью город южнее Переяславля Русского.

[2] Болуш — половецкий хан.

[3] Повесть временных лет Лаврентьевской летописи 1377 г., Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 109.

[4] Повесть временных лет..., стр. 109.

Орды. Золотая Орда представляла собой очень пестрое в этническом отношении феодальное государство, различные части которого отличались друг от друга и по уровню экономического развития и по культуре. Собственно татаро-монгольские завоеватели не составляли большинства в этом государстве. В степях Восточной Европы и в XIII—XV вв. преобладало не монгольское, а тюркское население, в част-

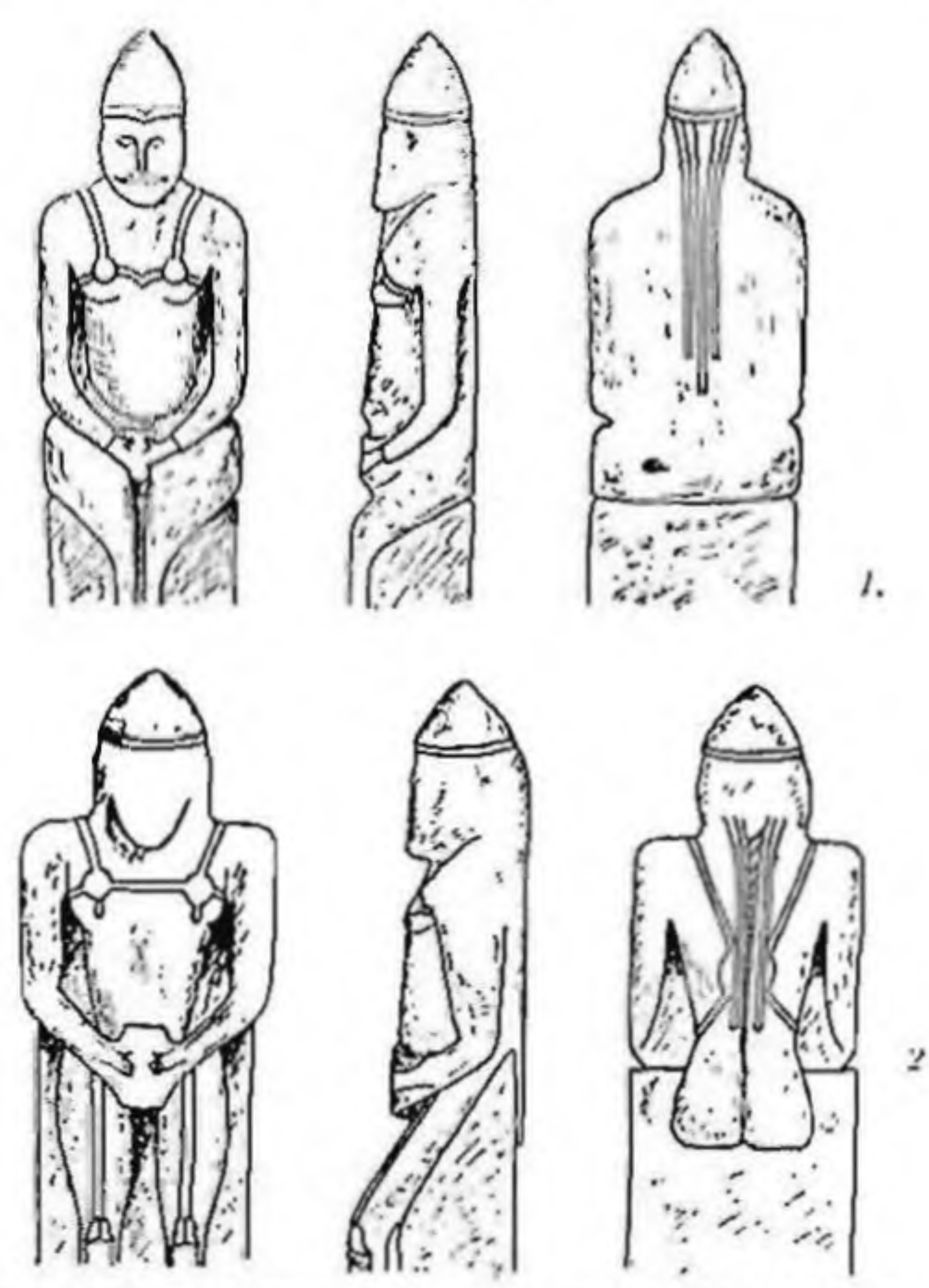

Рис. 130. Половецкие каменные статуи («бабы») из коллекции Харьковского госуниверситета. Мужские фигуры. Зарисовки В. К. Михеева

ности половцы. Территория восточно-европейских степей в арабской и персидской литературе с XI в. называлась Дешт-и-Кыпчак, т. е. половецкая степь. В самой Золотой Орде уже в XIV в. в качестве литературного языка господствовал не монгольский, а тюркский язык, в котором заметно сильное влияние половецких и торческих элементов.

В бассейне Северского Донца половецкие древности встречаются довольно часто в виде курганных погребений и своеобразных грубоватых скульптур, которые широко известны под названием «каменные бабы», хотя изображают как женщин, так и мужчин[1]. Около двух десятков курганов

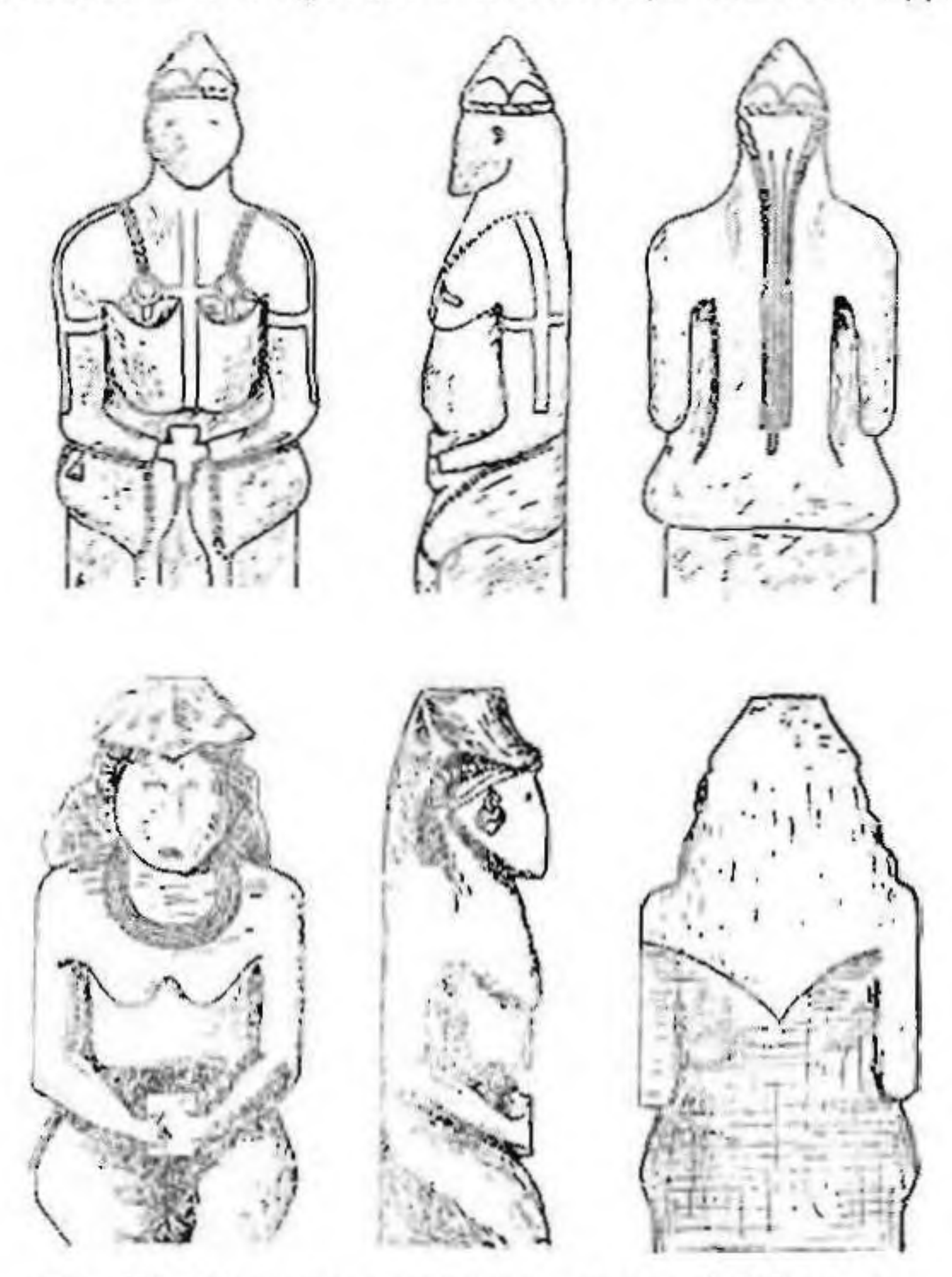

Рис. 131. Половецкие каменные статуи («бабы») из коллекции Харьковского госуниверситета и Изюмского краеведческого музея. Мужская (1) и женская (2) фигуры. Зарисовки В. К. Михеева.

с половецкими погребениями было раскопано археологами по берегам Донца и его притоков на территории Донецкой

[1] Название «баба», применяемое по отношению к каменным фигурам людей, часто встречающимся в причерноморских степях, произошло от тюркского слова «балбал» — статуя. Отсюда и русское «болван» в смысле «идол».

Луганской и Ростовской областей. Они аналогичны захоронениям половцев, обнаруженным на остальной территории их распространения от Днестра до Волги.

Для погребения умершего сородича половцы сооружали гроб. Это был либо гроб-колода, выдолбленный из целого ствола дерева, либо дощатый гроб, сделанный в виде рамы с большим количеством поперечных дощечек. Гроб с умершим помещали в прямоугольную яму таким образом, чтобы покойник был ориентирован головой на восток или на запад. Над могильной ямой устраивали деревянное перекрытие, а затем насыпали небольшой курган. При этом для половецких курганов очень характерно наличие в насыпи над погребением каменной вымостки или хотя бы нескольких камней (рис. 129). Иногда в половецких курганах встречаются и захоронения коней или их частей. В других случаях, как сообщает проезжавший в 1253 г. по половецким степям Гильом Рубрук, убитых коней в могилу не клали, а растягивали их шкуры на поверхности около погребения[1].

Вещественный материал, находимый в половецких курганах, не отличается особым разнообразием. Как и в других кочевнических погребениях, здесь встречаются остатки конской сбруи (удила, стремена, пряжки), оружие, глиняные сосуды, бронзовые зеркала, украшения и некоторые другие предметы.

Из оружия для этого времени характерны длинные сильно изогнутые сабли и большие луки. Для последних изготавливали соответствующие стрелы с массивными черешковыми наконечниками из железа. Носили стрелы в колчанах, сделанных из кожи или бересты. Подвешивали колчаны на кожаных петлях, края которых обычно укреплялись костяными накладками. Изредка встречаются сферические шлемы и кольчуги. В одном из курганов у хут. Лагерей был найден железный топор древнерусского типа, который мог применяться не только для хозяйственных целей, но и в качестве оружия.

Предметов домашнего быта в погребениях немного. Найдены калачевидные и овальные кресала, ножи, ножницы, небольшие круглые бронзовые зеркала. Кроме грубых лепных глиняных сосудов обычно цилиндрической формы, встречаются и горшки древнерусского типа. В кургане у с. Сватовой Лучки был найден сосудик из листовой бронзы, а в кургане № 7 у хут. Лагери сохранилась деревянная чашка. В ряде погребений В. А. Городцову удалось проследить остатки кожаных сапог, а в женском погребении кургана № 8 у хут. Лагери найден остаток ткани з золотым шитьем. Из укра-

---

[1] Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Сб. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, Стр. 102.

шений в половецких курганах встречаются серьги в виде знака вопроса (рис. 132, 16), серьги с коническими нанизками, синие подвески, бубенчики, бусы, серебряные полукольца на валиках головных уборов и пр.

О деталях одежды, головных уборов и обуви позволяют судить также упоминавшиеся ранее каменные статуи, которые изображают половецких женщин и мужчин (рис. 130—131). Некоторые из них сделаны очень тщательно и, несомненно, являются скульптурными портретами умерших. Гильом Рубрук писал, что половцы воздвигают в честь умерших «статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу»[1]. Статуи ставили на возвышенностях, часто на курганах, но считать их надгробными памятниками нельзя. Археологи неоднократно отмечали, что под курганами с каменными бабами иногда совсем нет кочевнических погребений и, наоборот, на курганах с богатыми погребениями кочевников нет каменных статуй. Места расположения статуй служили, очевидно, для жертвоприношений, связанных с господствовавшей у половцев шаманистской религией.

С шаманистскими культами связаны и бронзовые статуэтки, изображающие уродливых людей: одноруких, одноногих, с несколькими лицами, с неестественно заостренными головами, с головой животного и пр. Статуэтки этого типа неоднократно находили в бассейне Донца там, где в древности обитали различные средневековые кочевники: у р. Торца близ г. Славянска, в насыпи кургана у села Круглого в бывш. Старобельском уезде, на поле у дер. Веровки бывш. Бахмутского уезда, между речками Нагольной и Мечетной в низовьях Донца. Наконец, очень характерная статуэтка этого типа (рис. 132, 19) была обнаружена в 1922 г. на берегу р. Оскола у пос. Красный Оскол, в урочище Гуськово. При обследовании пункта находки краснооскольской статуэтки А. С. Федоровскому удалось собрать обломки разнообразной средневековой керамики, но не совсем ясно, было ли здесь поселение или культовое место[2].

Как письменные источники, так и археологические находки указывают на то, что в половецком обществе уже существовала ярко выраженная социальная и имущественная дифференциация. В курганах встречаются очень богатые и очень бедные погребения. Например, в кургане № 17 у хут. Пески был похоронен богатый половецкий воин и вместе с ним в могилу положили самые разнообразные и подчас очень ценные вещи. В изголовье найдены остатки заупокойной пи-

---

[1] Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны..., стр. 102.

[2] Научный архив Института археологии АН УССР. Фонд А. С. Федоровского.

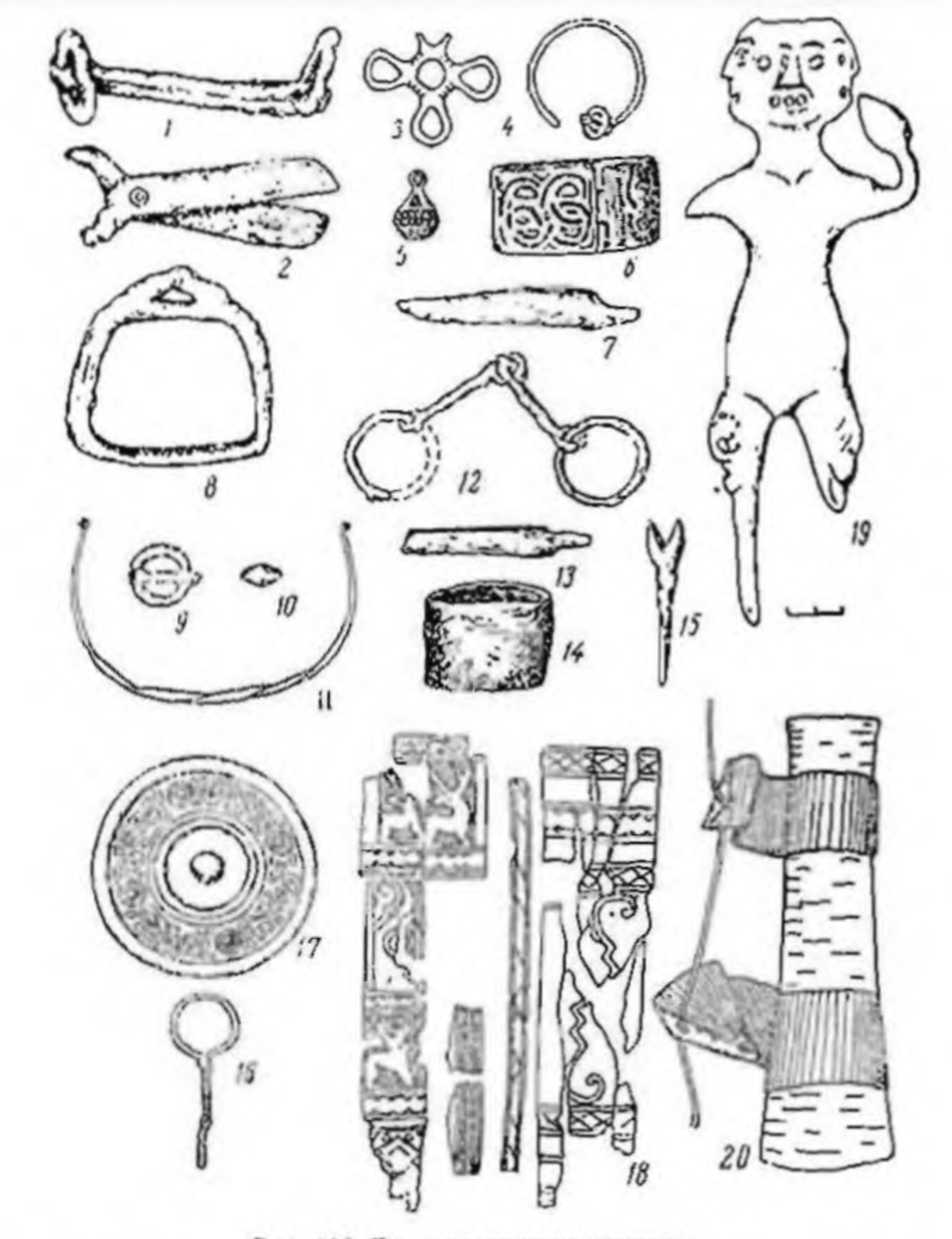

Рис. 132. Вещи поздних кочевников:
1 — удила; *2* — обломки ножниц; *3—6* — различные украшения; *7* — нож из печенежского погребения в Саркеле; (по М. И. Артамонову); *8* — стремя; *9* — пряжка; *10* — янтарная бусина; *11* — серебряная шейная гривна; *12* — удила; *13* — нож; *14* — глиняный сосуд; *15* — наконечник стрелы (из торческих погребений у д. Торской); *16* — серебряная серьга; *17* — бронзовое зеркало (из погребений у с. Нижняя Дуванка) по Е. П. Трефильеву; *18* — костяное украшение половецкого колчана (по В. А. Городцову); *19* — бронзовая культовая статуэтка, найденная в 1922 г. на берегу Оскола у с. Красный Оскол (по рисунку А. С. Федоровского, хранящемуся в архиве Института археологии АН УССР); *20* — реконструкция колчана (по С. А. Плетневой).

щи в виде костей овцы, два железных стремени и удила. Здесь же лежали остатки кожаного шлема с железным коническим шишаком. К нижнему краю шлема ремёшками были прикреплены медные пластинки и железная бляха. В правом ухе покойный носил серебряную кольцевидную серьгу. Пояс был украшен рядом железных блях. На ногах сохранились остатки кожаных сапог. На откинутой в сторону левой руке лежал берестяной колчан с костяной пластинкой и железным крючком для подвешивания колчана к поясу. Внутри колчана сохранились остатки больших стрел (длина древка — 85 *см*) с железными наконечниками разных форм. Кроме того, в погребении найдены остатки лука, железный нож, точильный камень и несколько других мелких предметов. В то же время в целом ряде половецких погребений можно найти лишь один нож, глиняный сосуд или какое-либо простое украшение. По подсчетам С. А. Плетневой, в 10% могил вещей совершенно нет.

Рис. 133. Кочевническая керамика (по М. И. Артамонову): *1—2* горшки; *3* — светильник; *4* — кувшин; *5* — сковородка с ручками.

Основная масса половцев занималась скотоводством и вела кочевой образ жизни. Жилищем им служили кибитки, легкий деревянный каркас который покрывался войлоком. Существовали различные типы кибиток. Итальянец Плано Карпини, лично наблюдавший жизнь кочевников в 1245—1246 гг., сообщает, что некоторые кибитки «быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках»[1]. Подвижные кибитки (вежи) перевозились на двух или четырехколесных повозках. Остатки такой повозки найдены в одном из погребений у дер. Афанасьевки в Днепропетровской области. Питались кочевники главным образом бараньим, лошадиным и коровьим мясом, а также молоком и различными молочными продуктами. Из кобыльего молока делали кумыс. В молоке варили рис и просо.

---

[1] Джиованни даль Плано Карпини. История монголов Сб. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 28.

Часть половцев постепенно переходила к оседлому образу жизни и занималась земледелием, ремеслом и торговлей. На местах постоянных зимовищ и захваченных более древних поселений возникли половецкие города и небольшие поселки сельского типа. Земледельцы выращивали просо, пшеницу, ячмень, лук, чеснок, дыни и арбузы. Современное украинское слово «кавун» происходит от половецкого наименования арбуза — «коун» (coun).

Из летописных упоминаний известно, что где-то в степной части бассейна Донца в XII веке находились половецкие города Шарукань (Торукань), Сугров и Балин, в которых наряду с половцами было и славянское население. Возможно, как полагает Б. А. Рыбаков, эти города соответствуют крепостям Тахркумука (Астаркуза), Ловсара (Бусара) и Яровна (Баруна) на р. Русии, о которых сообщает арабский географ XII века Идриси [1]. Точное расположение этих городов пока не установлено. Искать их, по-видимому, следует где-то на территории между такими притоками Донца как Оскол и Айдар; где наиболее ярко выражена тюркская топонимика и встречается много курганов с погребениями поздних кочевников.

На карте, приложенной к книге А. И. Мусина-Пушкина «Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения» (1794 г.), половецкие города Шарукань и Сугров показаны именно на этой территории: Сугров в устье р. Айдара, Шарукань у устья р. Красной. Эти указания следует принимать во внимание, учитывая, что А. И. Мусин-Пушкин был обладателем прекрасного собрания старинных рукописей и мог пользоваться источниками, которые не сохранились до наших дней.

Н. В. Сибилев предпринял попытку отождествить некоторые половецкие города с определенными археологическими памятниками. Так, он считал, что остатки Шарукани — это Теплинское городище, расположенное на правом берегу Донца у с. Богородичного, Донецкой области; Сугров — это Сидоровское городище, расположенное в 10 *км* по прямой от предыдущего у с. Сидорово; Балин — это городище, которое находится в 4 *км* к югу у с. Маяки, в урочище Царино (Плоское) [2]. К. В. Кудряшов в своих историко-географических изысканиях присоединяется к мнению Н. В. Сибилева и также считает возможным отождествлять Шарукань с Теплинским, а Сугров с Сидоровским городищем.

Однако этот вопрос еще нельзя считать окончательно решенным. В 1957 г. нами было тщательно осмотрено Теплин-

[1] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года, КС ИИМК, вып. 43, 1952, стр. 24.

[2] Не смешивать с известным Маяцким городищем салтовской культуры, которое находится в Воронежской области.

ское городище и снят его план. Все городище покрыто лесом и задерновано, но во время осмотра его территория была во многих местах изрезана окопами и ямами от землянок военного времени. Осмотр обнажений показал, что культурный слой городища насыщен очень слабо и вовсе не свидетельствует о том, что здесь был хорошо известный летописцу город. Кроме кремневых отщепов, здесь удалось найти лишь несколько фрагментов керамики салтовской культуры. По данным И. И. Ляпушкина Сидоровское городище и городище у с. Маяки также относятся к памятникам салтовской культуры. Во время наших разведок в 1960 г. здесь также был найден только салтовский материал VIII—X вв. Салтовский материал из раскопок на Маяцком городище имеется также в областном музее г. Донецка. Никаких находок XII в., которые можно было бы связывать с половцами или с каким либо другим населением, здесь нет. Таким образом, задача о местонахождении половецких городов пока остается нерешенной.

Для половецкой торговли большое значение имел приморский город Судак (Сугдейя) в Крыму, привлекавший много иноземных купцов. Здесь можно было купить самые разнообразные товары — от одежды и меха до рабов. Торговлю половцы поощряли и даже во время военных действий свободно пропускали через свою территорию купцов. Ипатьевская летопись сообщает под 1184 г., что русское войско встретило купцов, которые шли от половцев: «Едущим же им и устретоста гости, идущь прстиву себе ис Половець, и поведоша им, яко Половци стоять на Хороле».

Постепенно у половцев развивалось и ремесло. В половецко-латинском словаре XIII века перечислены некоторые специальности (кузнец, каменщик, токарь, живописец и др.) и разнообразные инструменты, употреблявшиеся ремесленниками (наковальня, меха, токарный станок). Изготовление керамики еще не выделилось в самостоятельное ремесло и термина «гончар» в словаре нет.

Развитие производства и обмена, резкая имущественная дифференциация вели к тому, что патриархально-родовой строй у половцев быстро разрушался и складывалось классовое феодальное общество. Эксплуатация бедных сородичей и грабительские войны обогащали родо-племенную знать и усиливали ее власть. Богатые семьи имели не только слуг, но и рабов. Во главе половецких объединений стояли ханы, власть которых постепенно из выборной становится наследственной. Одним из таких ханов, обладавших большой властью, был в конце XII века Кончак. Однако процесс образования самостоятельного феодального государства у половцев был прерван татаро-монгольским завоеванием.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД ДОНЕЦ

После разрушения раннеславянского поселения Донецкое городище опустело ненадолго. При Владимире Святославиче (ок. 978—1015 гг.) Древнерусское феодальное государство значительно расширилось и окрепло, но все время сохранялась опасность нападения со стороны степных кочевников. Владимир Святославич вел ожесточенную борьбу с печенегами. Для защиты от них русских земель он, как говорит летописец, «нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне»[1], заселяя их «лучшими мужами». Кроме этой организованной постройки укрепленных городов, шло, конечно, и стихийное заселение пограничной лесостепи. В первую очередь вновь осваивались знакомые и удобные места, которые уже раньше были заселены славянами.

Судя по археологическим данным, на Донецком городище примерно во второй половине X в. вновь возникает русское поселение. В этом поселении, расположенном на оживленном торговом пути, быстро развивается не только сельское хозяйство, но также ремесло и торговля. В результате этого оно постепенно превращается в небольшой древнерусский город Донец.

Город Донец упоминается в Ипатьевской летописи под 1185 (6693) годом в связи с рассказом о бегстве новгород-северского князя Игоря Святославича из половецкого плена[2]. Через 11 дней от половецких веж, расположенных где-то на берегах реки Тора, Игорь сначала на коне, а затем пешком добрался до древнерусского города Донца[3].

Сведения об остатках этого укрепленного поселения сохранились и в более поздних документах. Еще в XVI в. в росписях сторожевых пунктов, которые были установлены Иваном IV Грозным для защиты от нападений кочевников на русские земли, отмечаются на р. Уды Донецкое и Хорошевское городища. Весьма осведомленные авторы, составившие в 1627 г. Книгу Большому Чертежу, совершенно точно определяют местоположение Донецкого городища: «А по левой

[1] Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., ч. I, М.—Л., 1950, стр. 83.

[2] Полное собрание русских летописей, т. II, ч. 3, СПб, 1843, стр. 134.

[3] Краткий рассказ о походе русских князей в мае 1185 г. против половцев содержится в древнейшем Лаврентьевском списке летописи, составленном в 1377 г. Более полно, с рядом важных подробностей эти события излагаются в Ипатьевской летописи южнорусского происхождения, которая сохранилась в списке XV века. Существуют и более поздние летописные своды, но они имеют меньшее значение. Кроме того, художественному описанию похода посвящена замечательная древнерусская поэма «Слово о полку Игореве», написанная в XII веке, вскоре после похода.

стороне вверх по Удам, выше Хорошего городища, Донецкое городище, от Хорошего верст с 5. А выше Донецкого городища с правой стороны, впала в Уды речка Харькова, от городища с версту; а в Харькову пала речка Лопина»[1].

Таким образом, оказывается, что Донецкое городище, т. е. остатки древнего города Донца, расположено на реке Уды. Это странное на первый взгляд положение объясняется тем, что в эпоху средневековья некоторые реки назывались не так, как сейчас, да и общее представление об основной реке и ее притоках иногда отличалось от современного.

Еще В. Н. Татищев, Н. П. Барсов, В. Г. Ляскоронский, Д. И. Багалей и другие исследователи отмечали, что в XII в. такие источники, как летопись и «Слово о полку Игореве», называют Доном современный Северский Донец. Так, например, автор «Слова о полку Игореве» следующим образом рассказывает о том, как князь Игорь обдумывал свой путь бегства из половецкого плена: «Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца»[2]. Следовательно, Игорю надо было бежать от великого Дона до ближайших русских поселений на малом Донце. Между тем, из сообщения Ипатьевской летописи совершенно ясно, что Игорь находился в плену близ берегов р. Тора — одного из притоков Донца. Готовясь к побегу, Игорь передал половчанину Лавору (Овлуру), который помогал ему: «перееди на одну сторону Тора, с конем поводным»[3]. Первым русским городом, к которому стремился и которого достиг Игорь, был город Донец, лежащий на берегу реки, носящей сейчас название Уды.

В 1111 г. русские князья во главе с Владимиром, как сообщает летопись, ходили против половцев «к Дону» и взяли там город Шарукань, сожгли Сугров, а затем разгромили половцев на р. Салнице[4]. Здесь вновь речь идет о событиях, происходивших в бассейне Северского Донца. Местонахождение р. Сальницы (Салницы) точно указывает Книга Большому Чертежу[5]. Сальница — это правый приток Донца, впадающий в него недалеко от современного города Изюма. Под 1116 годом в летописи вновь говорится, что русские войска Ярополка и Всеволода пошли «на Дон, и взяша три грады:

---

[1] Книга Большому Чертежу. Изд. АН СССР под. ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 71.

[2] Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 28.

[3] ПСРЛ, т. II, ч. 3, СПб. 1843, стр. 133.

[4] Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. Изд. АН СССР. М.—Л., 1950, стр. 191—192.

[5] Книга Большому Чертежу. Изд. АН СССР под ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 159.

Сугров, Шарукан, Балин»[1], хотя известно, что эти города расположены на Донце.

Очень обстоятельно этот вопрос в последнее время исследовал Б. А. Рыбаков, который вполне убедительно доказал, что Доном, или Великим Доном, по крайней мере в XII в. называли современный Северский Донец и нижнее течение современного Дона (от впадения в него Северского Донца до устья). Современную реку Уды, на берегу которой расположено Донецкое городище, называли Донец или Малый Донец.

Территория, охватываемая верховьями Донца, издавна была землей северян. После того как Северская земля вошла в состав Древнерусского государства, она вначале не имела самостоятельности, а находилась в непосредственном подчинении у киевского князя. Первым известным нам самостоятельным чернигово-северским и тмутараканским князем, если не считать полулегендарного князя Черного, был в XI в. Мстислав Владимирович, но после его смерти, с 1034 по 1054 г., Северская земля вновь была в подчинении киевских князей.

Однако дальнейшее развитие феодального способа производства создавало условия для раздробленности страны. Укрепление феодального хозяйства на местах вело к тому, что власть отдельных вотчинников окрепла и позволяла им самостоятельно обеспечивать эксплуатацию крестьянства. Одновременно росла и экономическая мощь городов. В такой обстановке единовластие киевских князей становилось для местных феодалов уже излишней обузой, и они стремились к независимому существованию.

Процесс обособления отдельных княжеств наметился на Руси уже в XI в., но окончательно он завершился в первой половине XII в. После смерти в 1132 г. киевского князя Мстислава Владимировича — сына Владимира Мономаха — началась междоусобная борьба, которая окончилась тем, что порядок феодальной раздробленности восторжествовал. Со времени раздела Северской земли на Черниговское и Переяславское княжества заселенная славянами территория верхнего течения Северского Донца входила в основном в состав последнего.

Расположенный на юго-восточной окраине Древнерусского государства город Донец нуждался в хороших оборонительных сооружениях, которые давали бы возможность его населению успешно защищаться от набегов степных кочевников. Во время раскопок 1957 г. действительно удалось вскрыть участки со сравнительно хорошо сохранившимися остатками таких сооружений у юго-западного края городища и с напольной

[1] Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 201.

(северо-западной) стороны, где расположены большой вал и ров, отделяющие детинец от посада. Оказалось, что ров сделан на месте естественной лощины, которая была углублена. Искусственный ров, шириной верхней части более 5 м, увеличил выемку примерно еще на 2 м. Вынутая почва была использована для насыпи вала, причем втаскивали ее наверх, по-видимому, в каких-то бадьях при помощи веревок. Обрывки этих веревок найдены в большом количестве в глиняной

Рис. 134. Остатки бревен от срубов укрепления X—XIII вв. на детинце древнерусского города Донца (раскопки 1957 г.).

насыпи вала с наружной стороны. Общая глубина рва, считая от вершины вала в месте съемки профиля, достигает 9 м, а в других местах она еще больше.

На тех участках, где это было необходимо (например, с юго-западной стороны), края городища выравнены подсыпкой, ямы засыпаны камнями и землей. Затем весь детинец был окружен стеной из соединенных друг с другом деревянных клетей, заполненных глиной, иногда с примесью щебня. С внутренней стороны детинца у клетей был устроен небольшой пандус, наклонная поверхность которого позволяла воинам подниматься к верхней части стены для стрельбы по врагам. Край возвышенности, занятой детинцем, для предохранения от размыва был укреплен щебнем.

Остатки нижней части деревянного сруба удалось хорошо проследить у юго-западного края городища. Здесь сохранились остатки обуглившихся бревен, одни из которых лежали вдоль края городища, а другие — перпендикулярно к ним (рис. 134). Концы бревен были соединены при помощи выемок, вырубленных в верхней части нижнего бревна, лежавше-

го перпендикулярно к краю городища. По этим остаткам оборонительной стены детинца видно, что ширина ее была около 4 м. Для того времени это было достаточно сильное укрепление.

Возможно, посад был также защищен какими-то оборонительными сооружениями, но остатки их сейчас трудно отыс-

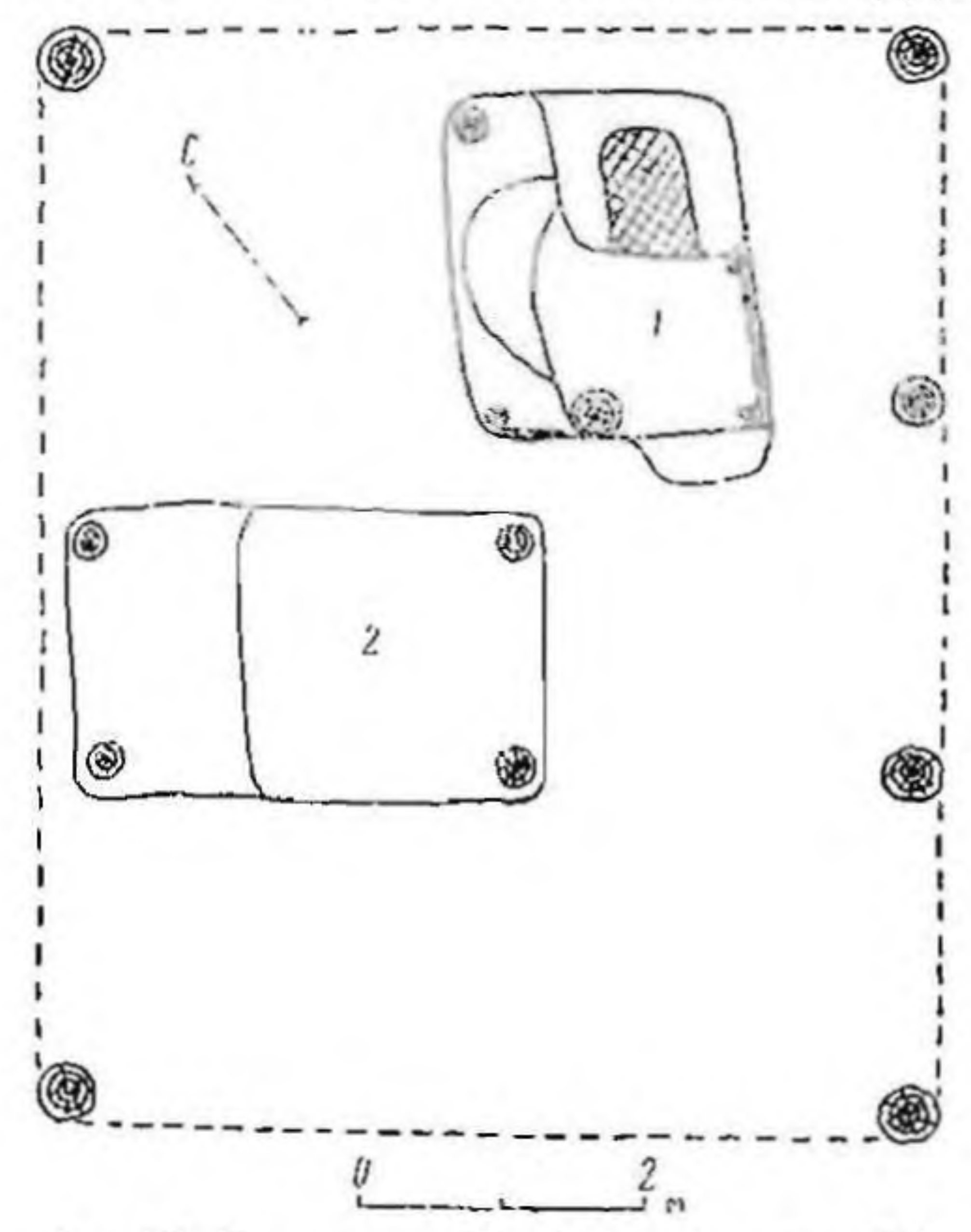

Рис. 135. План жилища XII—XIII вв. (комплекс «Е») на Донецком городище:
1 — предпечная яма с глинобитной печкой; 2 — погребок

кать на большой территории, которая многократно подвергалась распашке и перепланировке, связанной со строительством дорог и современных усадеб.

В X—XIII вв. в городе Донце жилища устраивались главным образом в виде наземных домов, но встречались еще и полуземлянки, напоминающие роменские. Остатки наземных жилищ, по вполне понятным причинам, сохранились плохо, однако основные, характерные черты устройства одного из них удалось проследить при раскопках 1957 г. на городище (комплекс «Е»).

Этот дом имел в плане прямоугольные очертания. Контур его вырисовывается по неглубоко врезанным в материк ямкам с остатками дерева (рис. 135). Размеры дома, считая по внешнему контуру столбовых ям, 6,30×7,70 *м*. В северо-восточной части жилища имелась печь, опущенная в прямоугольное углубление ниже уровня пола. Величина этого

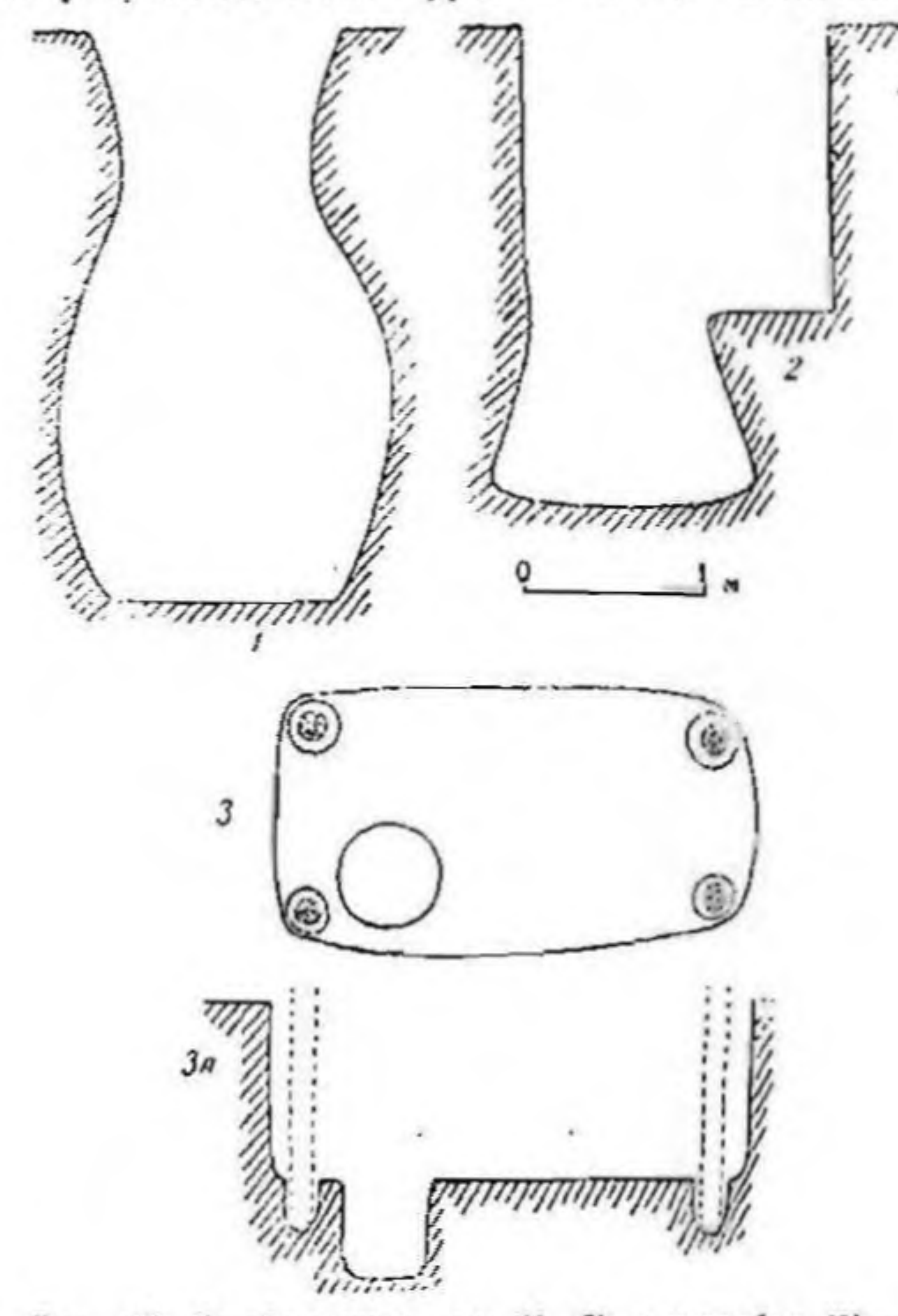

Рис. 136. Хозяйственные ямы (1—2) и погребок (3) на территории посада древнерусского города Донца (раскопки 1959 г.).

углубления — 2,40×2,10 *м*. Глубина — 1,50 *м* от уровня поверхности почвы. Слева от входа в предпечное углубление вырезанный в материке уступ — своеобразная скамейка или полка высотой до 70 *см*. Стены предпечного углубления были облицованы деревом. Сама печь имела вырезанную в материке основу. Перекрытие было устроено на деревянном кар-

касе, опиравшемся вначале на деревянный столбик. Устройство печи ниже уровня пола было очень целесообразно, так как она топилась по-черному. Трубы не было, а дым выходил в волоковое оконце под потолком. При этом хозяйке удобно было стоять внизу, чтобы дым проходил повыше над головой. К западу от предпечного углубления в пределах того же дома под деревянным полом был устроен небольшой погребок.

Остатки одного полуземляного жилища эпохи Киевской Руси были вскрыты при раскопках В. А. Городцова еще в 1902 г. В плане оно имело форму четырехугольника со сторонами 3,80 и 4 *м*. Стены были облицованы бревнами, концы которых вставлялись в пазы угловых столбов, в отличие от более ранних жилищ, где облицовочные плахи были зажаты между земляной стеной и столбами. Вход в жилище был выражен неясно. По предположению В. А. Городцова, он был устроен в виде ступенек, вырезанных в материке. Влево от входа находилась глинобитная печь, сооруженная на небольшом возвышении, вырезанном в материке. Свод лепили из глины на деревянном каркасе, который впоследствии выгорал. Под печи был выложен камнем и обмазан глиной. Пол жилища находился на глубине 1,50 *м* от современной поверхности почвы.

Остатки аналогичных жилищ были найдены А. С. Федоровским и нами на территории посада. На посаде зафиксированы также остатки хозяйственных построек, погребков (рис. 136, 3) и ремесленных мастерских.

При раскопках детинца среди остатков X—XIII вв. было найдено несколько наземных построек и одна полуземлянка, но не обнаружено никаких производственных комплексов. Характерны также мелкие вещественные остатки, среди которых — различное оружие, остатки конской упряжи, ключи, замки, разнообразные украшения, остатки бытовой утвари и т. п. Найдено большое количество ям для хранения зерна и других продуктов, железная оковка заступа, шиферные пряслица и ножи. Но остатки орудий для обработки земли и уборки урожая, а также специализированные орудия производства ремесленников здесь совершенно отсутствуют. Точно так же, наряду с костями диких животных, разных рыб и птиц, на детинце попадается много костей домашних животных, но нет и следов хозяйственных построек для содержания скота.

Все это позволяет говорить о том, что на территории детинца жил какой-то представитель феодальной верхушки со своей дружиной и челядью. Обитавшие здесь люди использовали главным образом те продукты, которые получали от подвластного окрестного населения. Этим объясняется своеобразный подбор находок.

Конечно, в детинце такого небольшого окраинного городка, каким был Донец, жил не князь, а его посадник или боярин, который, как и в других местах древней Руси, собирал с подвластного населения разные дани, судебные штрафы, торговые пошлины и наблюдал за выполнением натуральных повинностей. К сожалению, мы не имеем пока для этой территории таких источников, которые позволили бы на местном материале уточнить социально-экономические взаимоотношения крестьян — смердов, ремесленников и других трудящихся, с одной стороны, и феодальной верхушки — с другой.

Основная масса населения жила в городском посаде, который, как показали уже раскопки А. С. Федоровского, был в X XIII вв. густо заселен. Характерно, что значительная часть горожан, по-видимому, не порвала еще окончательно связи с земледельческим хозяйством. Около жилищ в большом количестве найдены тщательно отделанные хозяйственные ямы. При раскопках даже на сравнительно небольшой площади их зафиксировано более 200. Они имеют грушевидную, коническую или реже цилиндрическую форму (рис. 136, 1—2). Диаметр ям колеблется от 100 до 220 *см*, глубина — от 100 до 320 *см*. Стенки и дно ям иногда обмазаны глиной. Кроме того, дно некоторых ям посыпано древесным углем для предохранения содержимого от сырости. В заполнении ряда ям при раскопках найдены береста и куски сосновой коры, а на самом дне, как правило, лежит один или несколько крупных камней. Эти остатки указывают на то, что над ямами для защиты их от дождя сооружалось перекрытие в виде конического шалаша. Края шалаша иногда для большей прочности прижимались камнями.

Хозяйственные ямы этого типа использовались для самых различных целей. Прежде всего, это были погреба, в которых хранили различные припасы, в частности зерно. Кроме того, в них могли содержать небольших животных. Так, в хозяйственной яме № 11, расположенной около оборонительной стены детинца, на дне был найден полный скелет поросенка. Никто не вытащил его из этой ямы, так как во время пожара, разрушившего город в XIII веке, она была засыпана остатками крепостной стены. Для хранения зерна отдельные ямы использовались недолго, и большинство их еще в древности было заброшено и заполнено различным мусором и землей. Но в некоторых случаях на дне ям удалось обнаружить остатки обуглившихся зерен.

Ямы-хранилища очень характерны для той эпохи. О них упоминает такой важнейший памятник древнерусского права, как «Правда Русская». В статье 43 говорится: «Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун», то есть: «Если обкрадут гумно

или (украдут) зерно из ямы, то сколько бы (воров) ни совершало кражу, каждый из них платит по 3 гривны и по 30 кун»[1]. Аналогичные хозяйственные ямы встречаются на древних славянских поселениях не только на территории Советского Союза, но и за его пределами. Например, они найдены на славянском городище Клучов (Чешски Брод), в Чехословакии, которое археолог Кудрнач датирует VIII—IX вв.

Изучение зерен, найденных в ямах, а также отпечатков

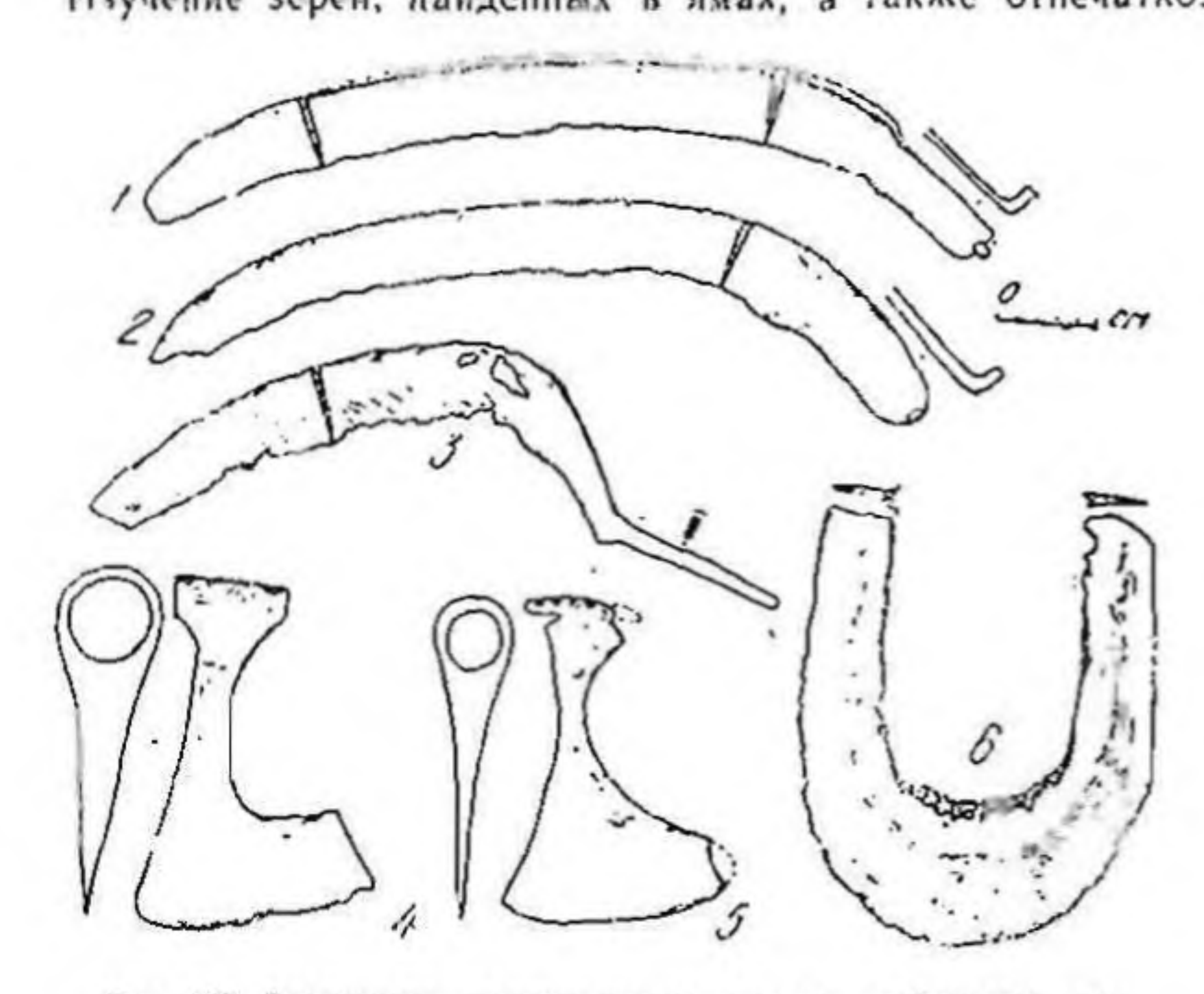

Рис. 137. Различные древнерусские орудия, найденные на Донецком городище (по материалам Харьковского исторического музея):
1, 2 — косы; *3* — серп; *4, 5* — топоры; *6* — оковка лопаты.

растений на кусках глиняной обмазки, на стенках медных котелков показывает, что в то время местные жители выращивали мягкую и твердую пшеницу, рожь, ячмень, просо, гречиху, лен, мак и, по-видимому, овес. В одной землянке А. С. Федоровскому удалось найти даже целый слой остатков муки грубого помола.

Уже этот перечень выращиваемых растений и обилие ям для хранения зерна свидетельствуют о высоком уровне развития пашенного земледелия. Найдены и различные сельскохозяйственные орудия: железные серпы и косы-горбуши,

---

[1] Правда Русская, т. I, тексты Изд. АН СССР под ред. акад. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1940, стр. 108.

железные оковки деревянных лопат, каменные жернова, у которых верхняя рабочая поверхность слегка вогнута, а нижняя соответственно выпукла. Из растительных остатков следует еще отметить находки скорлупы лесного ореха (лещины).

Среди костей домашних животных имеются кости коровы, лошади, овцы, козы, свиньи, собаки и кошки. Следует учесть, что кошка в ту эпоху на нашей территории была редким домашним животным. Находка, в 1929 г. на Донецком городище костей кошки была первым доказательством существования этого животного на Руси. Позже скелет кота удалось найти М. К. Каргеру в землянке XIII в. на территории Киева. Встречаются куриные кости и скорлупа куриных яиц, а также кости домашнего гуся.

Дополнением к земледелию и скотоводству служили охота и рыбная ловля. Найдены кости лося, благородного оленя, косули, сайги, медведя, дикого кабана, зайца, бобра, лисицы, волка, белки, куницы, хорька и разных мелких грызунов [1].

Реки и пойменные озера в окрестностях Донца в то время несомненно изобиловали рыбой и водоплавающей птицей. В «Слове о полку Игореве» рассказывается о том, как питался Игорь во время бегства из половецкого плена:

А Игорь князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня,
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и обеду,
и ужину [2].

Изучение птичьих костей, найденных при раскопках на Донецком городище, показало, что здесь имеются кости глухаря, цапли, орла и очень много костей водоплавающих птиц — серой утки, кряквы, утки-широконоски, утки-шилохвоста, чирка-трескунка, гоголя, чернети белоглазой и даже чернети морской. Много встречается на поселении рыбных костей и чешуи. Определены остатки щуки, карася, окуня, сома, осетра, плотвы, леща, красноперки, синца, линя, сазана,

[1] Кости животных и птиц из раскопок автора в 1955—1959 гг. определены в Институте зоологии АН УССР доктором биологических наук, профессором И. Г. Пидопличко.

[2] Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950 г., стр. 72.

язя, голавля и вырезуба, причем часто встречаются остатки очень крупных экземпляров этих рыб[1]. Из рыболовных орудий найдены железные крючки, зубья остроги и глиняные грузила для сетей (рис. 139, 5—6; 141, 6—7).

Но основным занятием жителей Донца было все же не сельское хозяйство и связанные с ним промыслы, а ремесло. Следы разнообразного ремесленного производства выражены

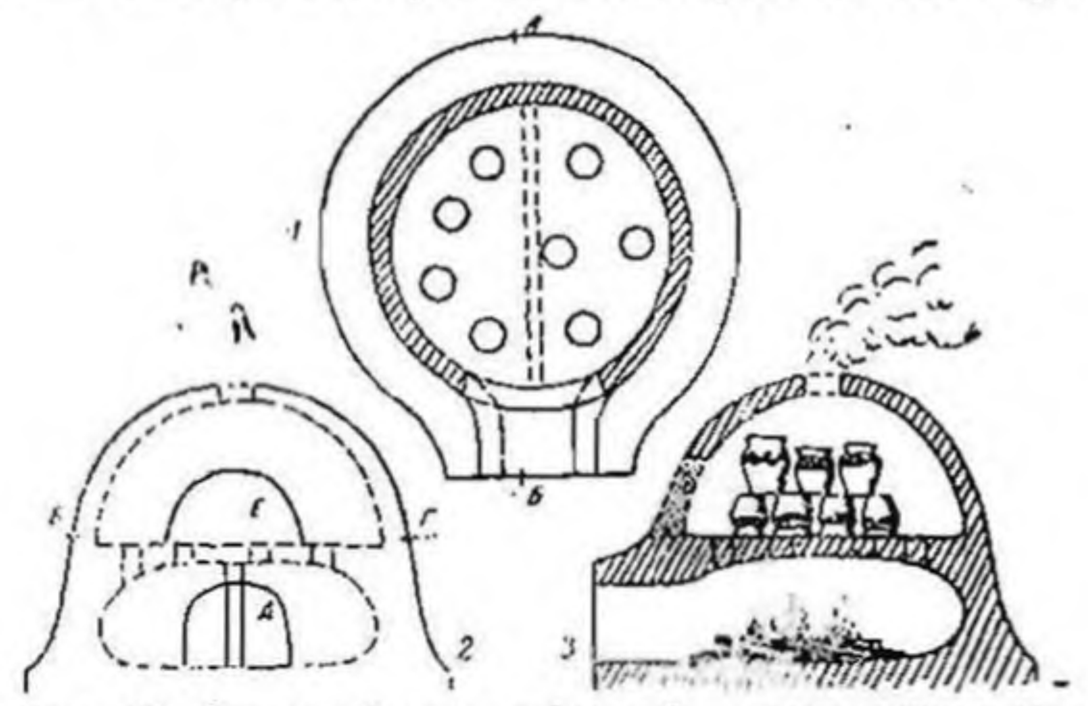

Рис. 138. Гончарный горн, найденный на территории посада древнерусского города Донца. Реконструкция по материалам раскопок А. С. Федоровского. А — Б, В — Г — линии разрезов; Е — отверстие для закладки сосудов в печь; Д — топка.

в находках на селище (территория городского посада) очень ярко.

Вся керамика, относящаяся к X—XIII вв., сделана уже на гончарном кругу и отличается хорошим качеством глины, тонкостью стенок сосудов и прекрасным обжигом в специальных горнах. Обжиг в горнах, где температура достигала иногда 1200°, давал возможность получать прочные водонепроницаемые сосуды, стенки которых были прокалены на всю толщину. А. С. Федоровскому удалось отыскать пять гончарных горнов довольно сложного устройства. Четыре горна имели одинаковую конструкцию (рис. 138). Они представляли собой большую округлую в плане печь, состоящую из двух частей: топки и камеры для обжига. Топка была перегорожена посредине подпоркой-козлом. На эту подпорку опирался круглый под (черень) с большими отверстиями — продухами. В одном из горнов их было восемь. Через отверстия горячий воздух проникал в сферическую обжигательную камеру, где размещались предназначенные для обжига

[1] Определение костей рыб из наших раскопок производили проф. В. Д. Лебедев и Е. А. Цепкин. Кафедра ихтиологии Московского университета.

глиняные изделия. Пятый гончарный горн отличается от предыдущих по своему устройству тем, что тут горячий воздух проходил через кольцевой канал, заложенный в самом поде. От этого канала расходилась целая сеть косых тонких каналов, которые пронизывали под. По-видимому, этот горн был по своему устройству близок к более древнему горну Елизаветинского городища на Кубани или к горну, найденному в Фанагории. Однако гибель документации раскопок А. С. Федоровского не позволяет говорить об этом с полной уверенностью.

Гончарный круг и обжигательный горн были необходимыми приспособлениями ремесленников-гончаров. Само слово «гончар» происходит от древнерусского «горнчар». Находка целой группы гончарных горнов в одном месте свидетельствует о том, что определенная часть населения посада Донца была заселена ремесленниками-гончарами, продукция которых, несомненно, удовлетворяла потребности не только жителей города Донца, но и окрестного населения. Вполне вероятно, что часть керамических изделий древнерусских гончаров попадала и в степи, к кочевникам, у которых ремесло было развито слабее. Это подтверждается находками типичных славянских горшков в позднекочевнических погребениях.

Глиняная посуда слоев X—XIII вв. представлена главным образом типичными для этой эпохи горшками (древнерусский «гърньць») разных размеров (рис. 139, 1—2), сделанными на гончарном кругу. В орнаментации древнерусской керамики преобладают различные сочетания горизонтально прочерченных линий и волн. Реже попадаются горшки, украшенные отпечатками треугольного или прямоугольного штампа, резным орнаментом в виде запятых или «галочек» и пр. В некоторых случаях орнаментировалась не только верхняя часть корпуса горшков, но и венчики.

На донышках горшков довольно часто можно встретить выпуклые клейма, которые вырезались на доске гончарного круга ремесленника и при лепке отпечатывались на дне сосуда. Собрана уже значительная коллекция таких клейм (рис. 140). Среди них имеется целая серия клейм с характерным для древней Руси княжеским знаком в виде двузубца или трезубца (рис. 140, 9—11, 13). Некоторые клейма, притом довольно сложные, неоднократно повторяются. Это указывает на большой объем продукции, выпускавшейся одним гончаром, так как его посуда использовалась различными владельцами и вероятность находки донышка с одинаковым клеймом невелика.

Кухонные горшки были самым распространенным типом посуды, но встречаются также обломки кувшинов, кружек,

блюдец, мисок, шлемовидных крышек и т. п. изделий (рис. 139, 3—4). В большом количестве выделывались также крупные амфоровидные сосуды-корчаги для хранения различных припасов, преимущественно для жидкостей. Найдено несколько обломков редкой в то время поливной керамики. Кро-

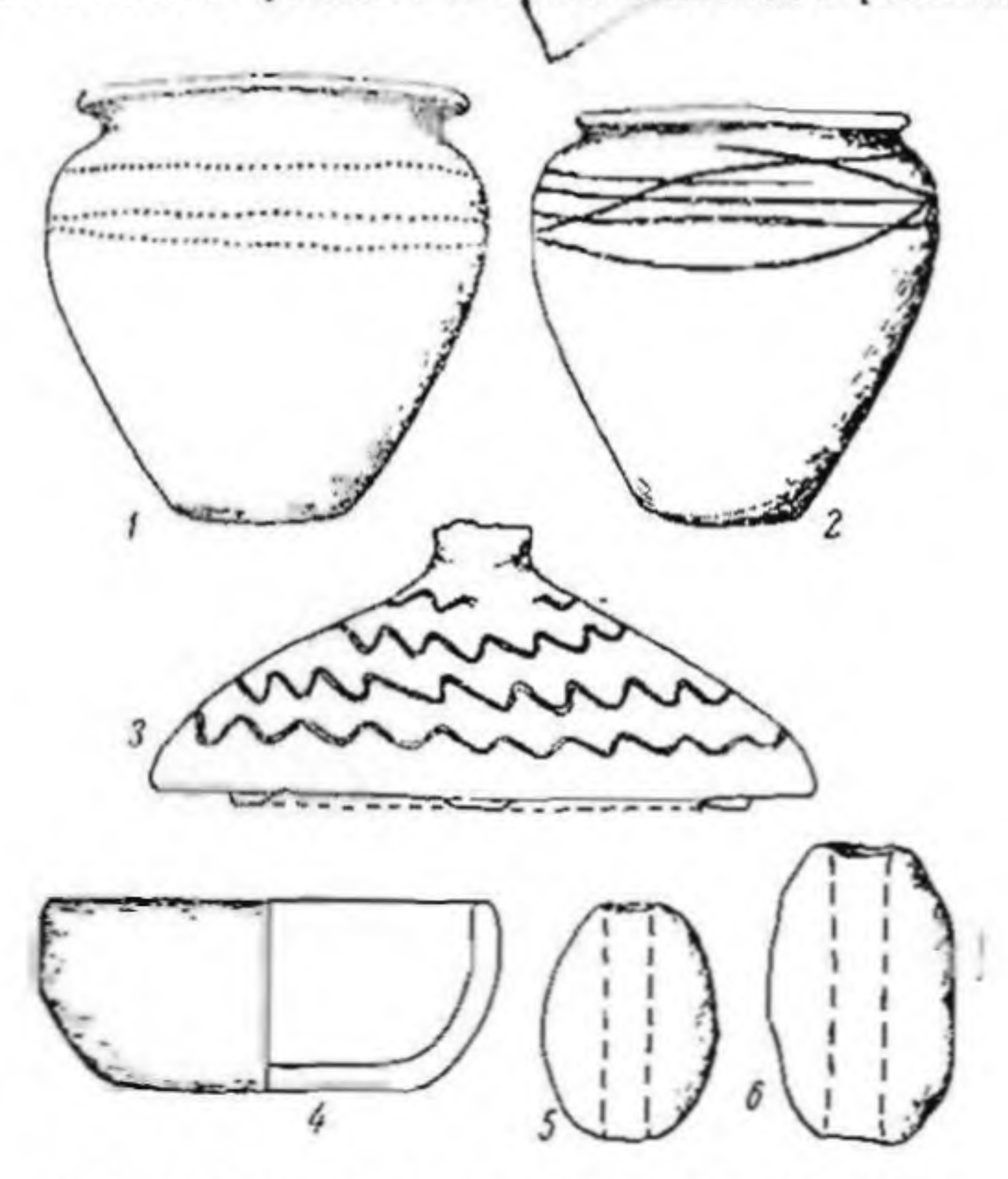

Рис. 139. Образцы древнерусской керамики X—XIII вв. из находок на Донецком городище. Раскопки автора. *1, 2* — горшки; *3* — крышка; *4* — маленькая чашечка; *5, 6* — грузила для рыболовных сетей.

ме посуды из глины, выделывались яйцевидные детские погремушки с шариком внутри (рис. 143,25), игрушки в виде фигурок животных, птиц, людей и уже упомянутые рыболовные грузила.

В комплексе керамики эпохи Киевской Руси в небольшом количестве встречаются обломки более примитивных, чем основная масса керамики, горшков. Они имеют почти прямой или очень слабо отогнутый венчик, не совсем ровные стенки, грубовато нанесенный орнамент, но сделаны уже из

хорошей глины без крупнозернистых примесей и хорошо обожжены. Лепились они, по-видимому, на примитивном, медленно вращающемся гончарном кругу. Такая керамика переходного типа, судя по аналогичным находкам в Старой

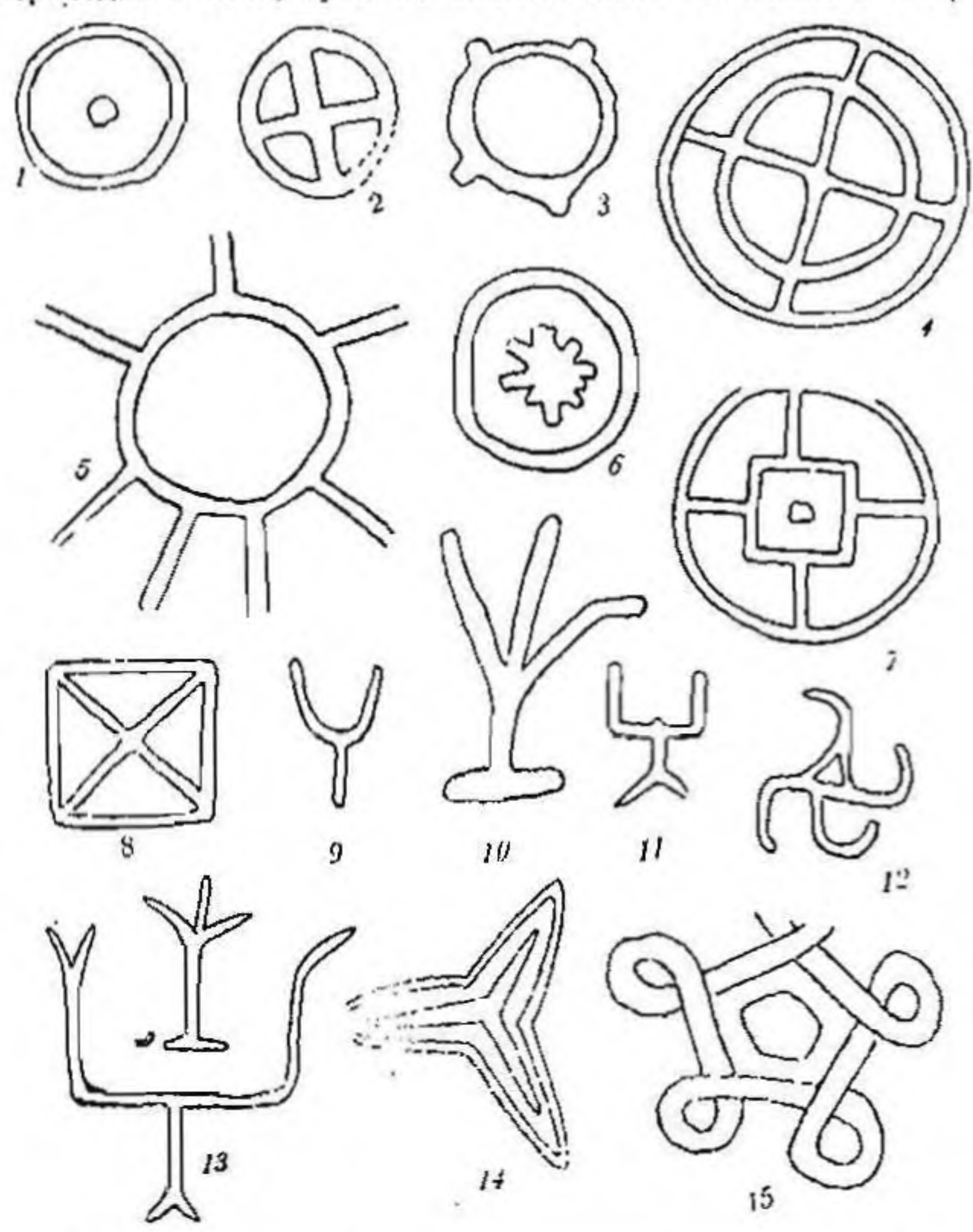

Рис. 140. Клейма на донышках древнерусских сосудов X—XIII вв., найденных на Донецком городище.

Ладоге, Новгороде и в других местах, была еще распространена в X в.

Кроме гончаров, в городе жило много других ремесленников. Имеются убедительные находки, свидетельствующие о существовании местного металлургического производства. Остатки самих печей (домниц) для плавки пока еще не об-

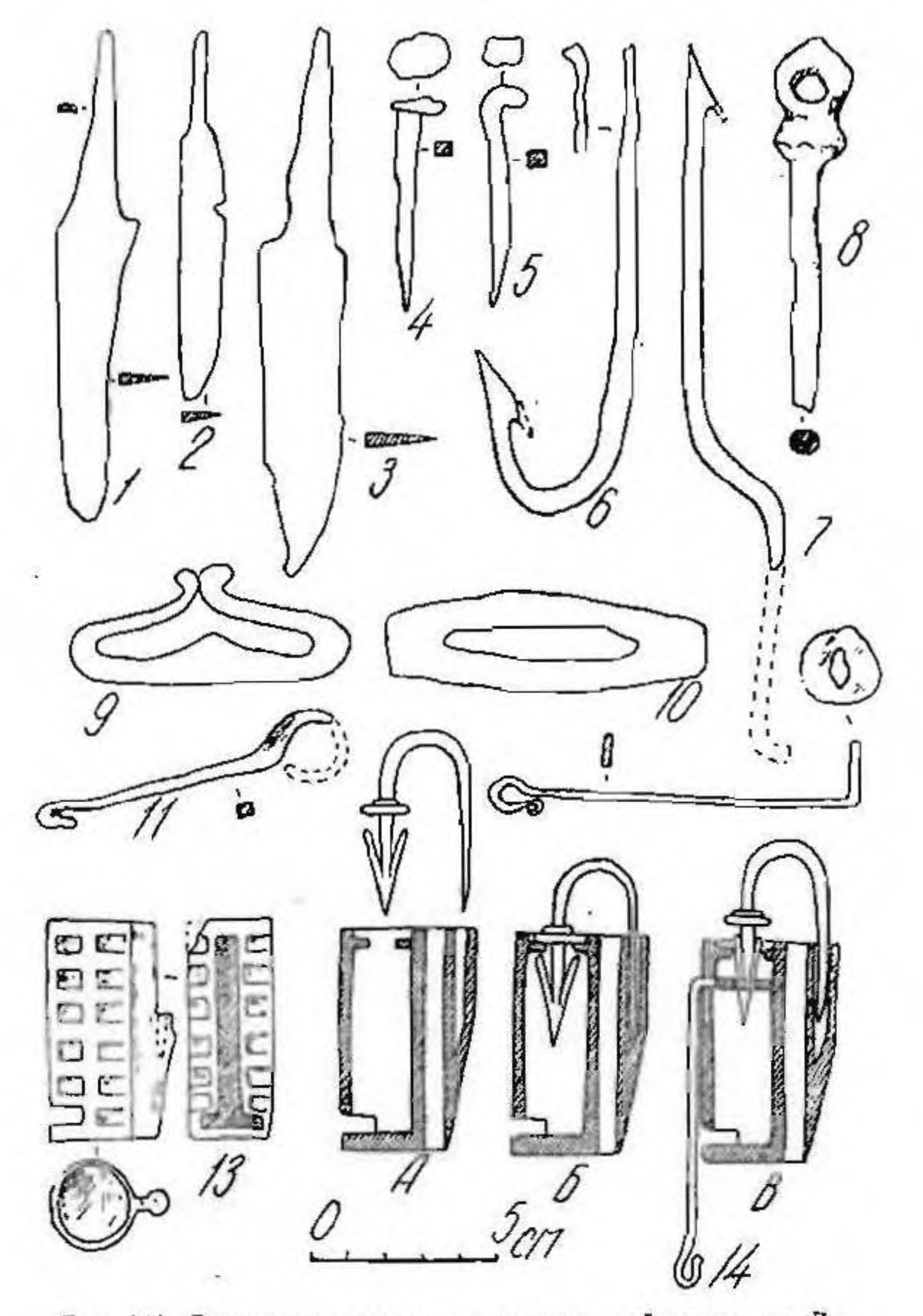

Рис. 141. Различные изделия из железа, найденные на Донецком городище в 1956—1959 гг.:
1, 3 — ножи; *4—5* — гвозди; *6* — рыболовный крючок; *7* — зубец остроги; *8* — часть удил; *9* — калачевидное кресало; *10* — овальное кресало; *11* — крючок от колчана; *12* — ключ от висячего замка; *13* — остатки замка; *14* — схема запирания и отпирания замка.

наружены. Но в ряде мест на селище найдены крицы, куски железной руды и шлаки, которые говорят о том, что добычу железа из руды сыродутным способом производили где-то поблизости.

Химический анализ шлаков показал, что в них содержится: 51—52% железа, 22—23% кремнезема (SiO_2), 2—3% извести (CaO), 1% глинозема (Al_2O_3), 0.5% магнезии (MgO) и следы окиси марганца (MnO).

Местные мастера занимались также различными операциями по обработке металлов. Найдены такие приспособления, как различных размеров наковаленки, зубильца, щипчики для ювелирных работ, свинцовые матрицы и медные штампы для изготовления украшений, обломки глиняных и каменных литейных формочек и др. (рис. 142). На селище было найдено более десятка литейных форм, вырезанных из мела, песчаника и сделанных из глины. Они предназначались для отливки лунниц, крестиков и других украшений. В 1953 г. на селище был найден обломок глиняного плавильного тигля. Стенки его были очень обожжены и имели следы окиси меди. Возможно, для нужд ювелирного производства применялись найденные также на селище два небольших глиняных сосудика с воском.

Очень разнообразен ассортимент железных изделий X—XIII вв., которые, несомненно, изготавливались в основном местными кузнецами (рис. 141, 142, 143). Среди них мы видим не только такие сравнительно простые вещи, как гвозди, ножи, ножницы, петли для дверей, наконечники стрел, кресала, топоры и пр., но и весьма сложные изделия в виде замков (рис. 141, 13). Один железный замок имел медные украшения. Целый ряд разнообразных железных изделий, найденных на Донецком городище, был подвергнут специальному металлографическому анализу [1]. Исследование показало, что многие вещи, от которых требовалась высокая поверхностная твердость в сочетании с вязкой сердцевиной (зубила, стамески, серпы, наконечники бронебойных стрел и др.), были изготовлены из кричного железа и подвергнуты поверхностной цементации. Такие вещи, как кресала и некоторые ножи, подвергались сквозной цементации для получения стали по всему сечению изделия. Многие ножи, сверла, некоторые долота и другие вещи изготавливались путем применения кузнечной сварки стальных и железных полос с последующей термической обработкой — закалкой и отпуском. Изучение микрошлифов свидетельствует о большом искусстве донецких мастеров, которые добивались высокого

[1] Исследование совместно с автором производили сотрудники кафедры технологии металлов Харьковского автодорожного института кандидаты технических наук А. М. Петриченко и Л. А. Солнцев и инженер Л. Д. Фомин.

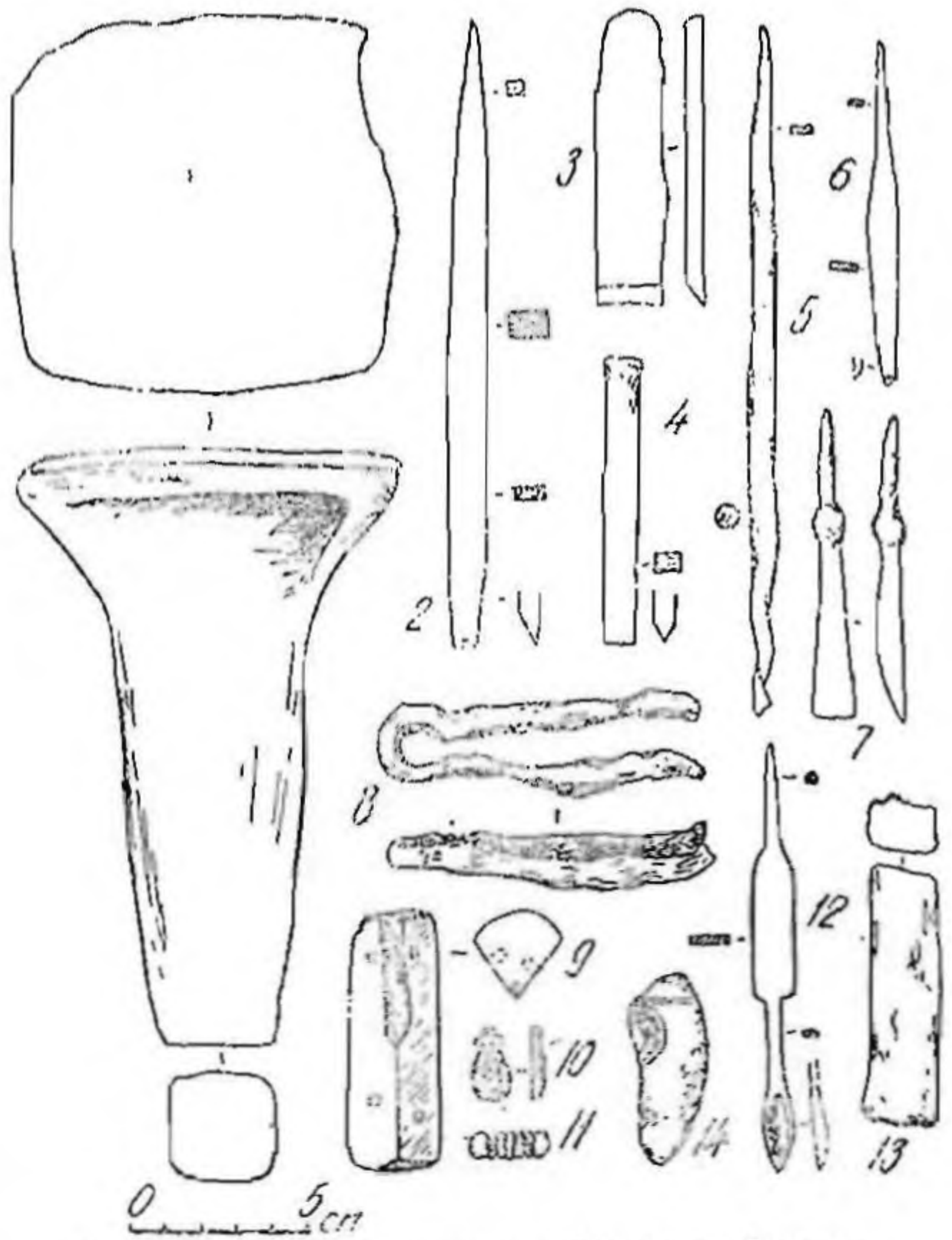

Рис. 142 Орудия ремесленников, найденные на Донецком городище.

1 — наковальня; *2* — долото; *3* — лезвие рубанка; *4* — зубило; *5* — бурав; *6* — резец; *7* — стамеска; *8* — пинцет; *9* — часть каменной литейной формы; *10* — свинцовая матрица; *11* — медный штамп; *12* — часть лучкового сверла; *13* — заготовка; *14* — обломок глиняной литейной формочки, для отливки лунниц.

(*1* — из раскопок А. С. Федоровского; Харьковский исторический музей. Остальные вещи из раскопок автора).

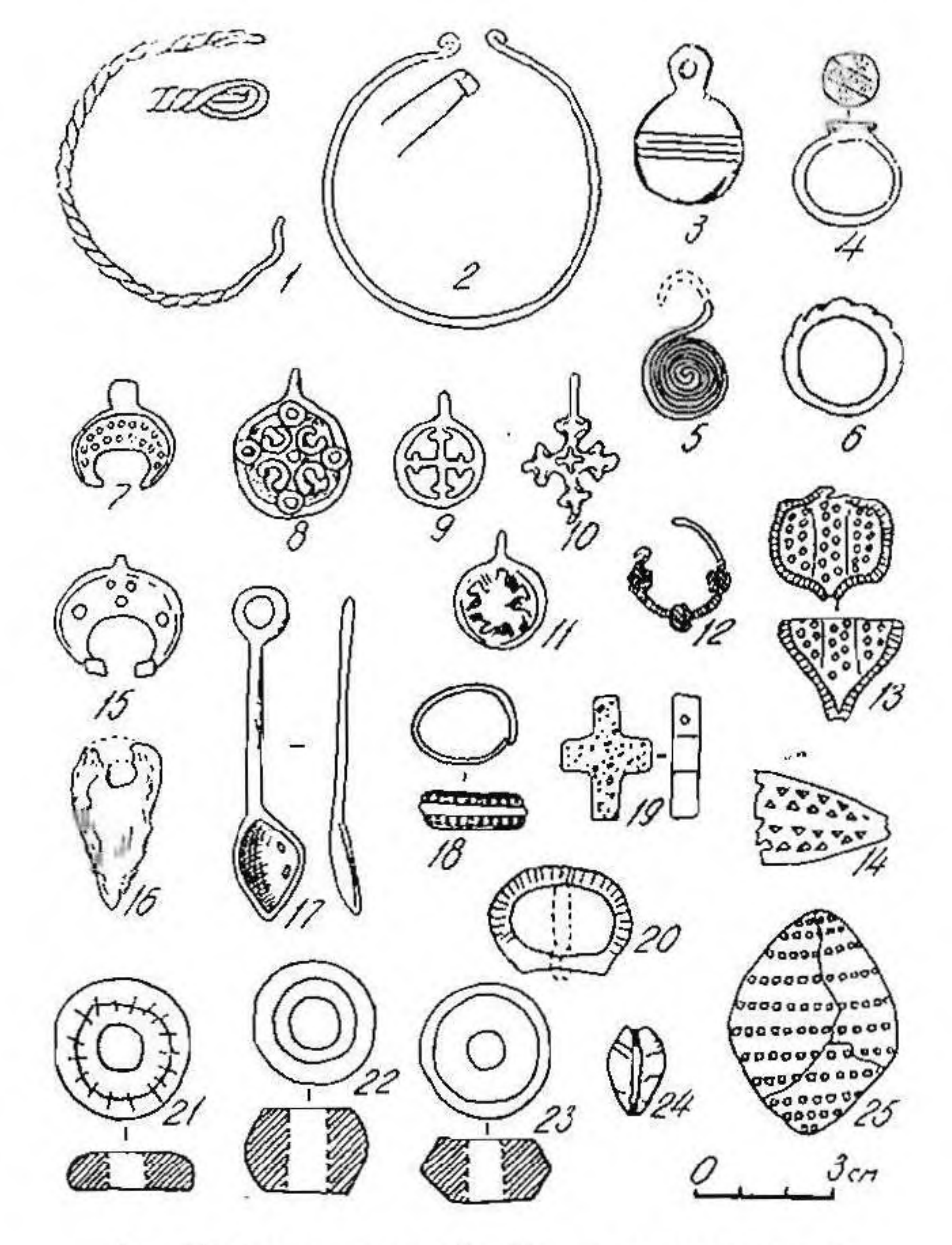

Рис. 143. Различные вещи X—XIII вв. из находок на Донецком городище:
1, 2 — браслеты; *3* — бубенчик; *4, 5, 6* — перстни; *5* — височное кольцо; *7—11, 15* — подвески; *12* — серьга; *13—14* — решетчатые перстни; *16* — подвеска из перламутра; *17* — ложечка-амулет; *18* — кольцо; *19* — мраморный нательный крестик; *20* — бронзовая пряжка; *21—23* — пряслица из шифера; *22* — подвеска из раковины Каури; *25* — глиняная детская погремушка.

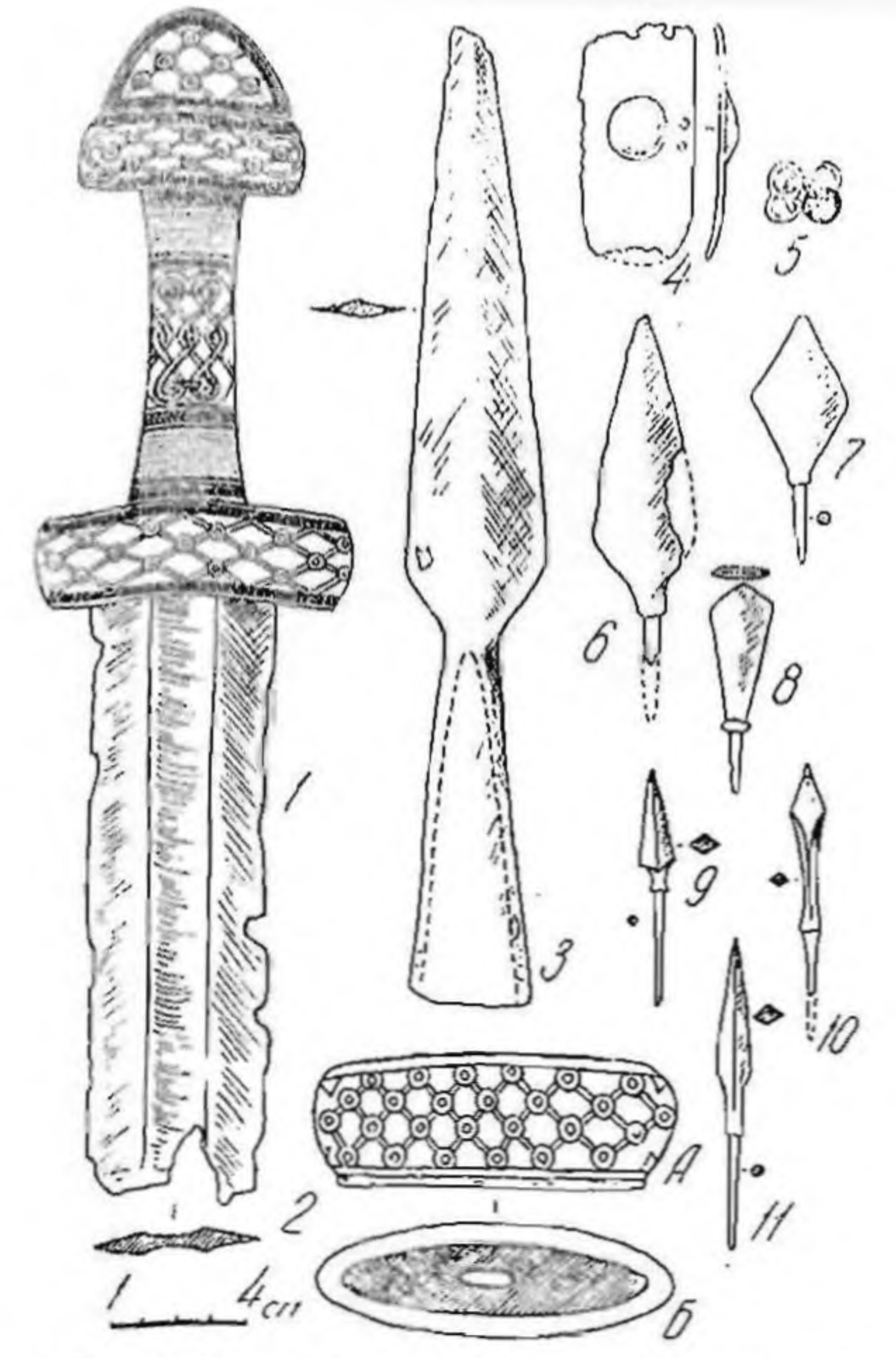

Рис. 144. Образцы древнерусского вооружения X—XIII вв.
1 — рукоятка и часть лезвия меча XI в. Найден у с. Краснянка в быв. Купянском у. Харьковской губ., 2 — деталь рукоятки аналогичного меча, найденная на территории Харьковской области; 3 — наконечник копья; 4 — чешуйка пластинчатого доспеха; 5 — часть кольчуги (показана схема переплетения кольчужных колец); 6—11 — различные типы железных наконечников стрел. (Вещи 1—3 — из коллекции Харьковского исторического музея, остальные — из раскопок автора на Донецком городище)

качества и чистоты сварных швов в местах соединения железных и стальных полос. Своеобразной особенностью местной металлообработки было то, что донецкие мастера чаще, чем ремесленники других древнерусских городов (изделия которых уже подвергались специальному анализу), прибегали к такому приему, как цементация железа.

Жители города Донца достигли также большого искусства в обработке кости и рога. На городище и на селище найдены костяные ручки от ножей и инструментов, гребни, пуговицы, свистки, игральные кости, пряжки, пластинки, украшавшие колчаны или налучья, и другие предметы (рис. 145). Костяные и роговые изделия отличаются тщательностью обработки и нередко украшены красивым резным орнаментом. Одним из хороших образцов таких изделий могут служить найденные в 1956 г. два обломка костяной накладки от колчана (рис. 145, 8). Она вырезана из тонкой пластинки и оформлена в виде стилизованного изображения головы лошади с развевающейся гривой. Вдоль средней части пластинки нанесен изящный орнамент в виде переплетающихся лент.

Наличие на Донецком городище и селище большого количества вещей, сделанных из кости и рога, не случайно. Русские мастера издавна славились своим костерезным мастерством и их изделия высоко ценились во многих странах. Византийские источники указывают, что резьба по кости в XII в. считалась специфически русским мастерством и ее называли «резьбой руссов». Византиец Тцецес сравнивает резьбу русских мастеров по кости и искусством легендарного античного мастера Дедала. С. А. Изюмова, специально изучавшая вопрос о технике обработки кости в древней Руси, пришла к выводу, что древнерусские мастера применяли для обработки кости самые разнообразные технические приемы: распиливание, опиловку напильником, сверление железным сверлом, вытачивание на токарном станке, шлифовку и полировку, различного рода резьбу. Следы применения всех этих видов работ можно видеть и на изделиях, найденных на Донецком городище.

При раскопках на территории городского посада (участок «А») были зафиксированы остатки нескольких косторезных мастерских. На этих участках найдено много оленьих и лосиных рогов, которые носили следы распиливания, обрезывания, обстругивания и шлифовки. Некоторые круглые изделия, найденные на селище (рис. 145, 5), явно выточены на токарном станке, который был уже известен в эпоху Киевской Руси. Для нанесения орнамента на костяные изделия широко применялись циркульные резцы.

Особо следует отметить, что на городище в 1957 г. найдена костяная рукоятка небольшого хозяйственного ножа,

на которой была вырезана буква «добро» (рис. 145, 12). По характеру начертания надпись может быть отнесена к концу XII — началу XIII вв. Рукоятка оформлена очень просто, никаких украшений не имеет, но владелец все же дорожил своим ножом и вырезал на костяной пластинке, по-видимому, начальную букву своего имени. Все говорит о том, что нож принадлежал какому-то рядовому, но грамотному горожа-

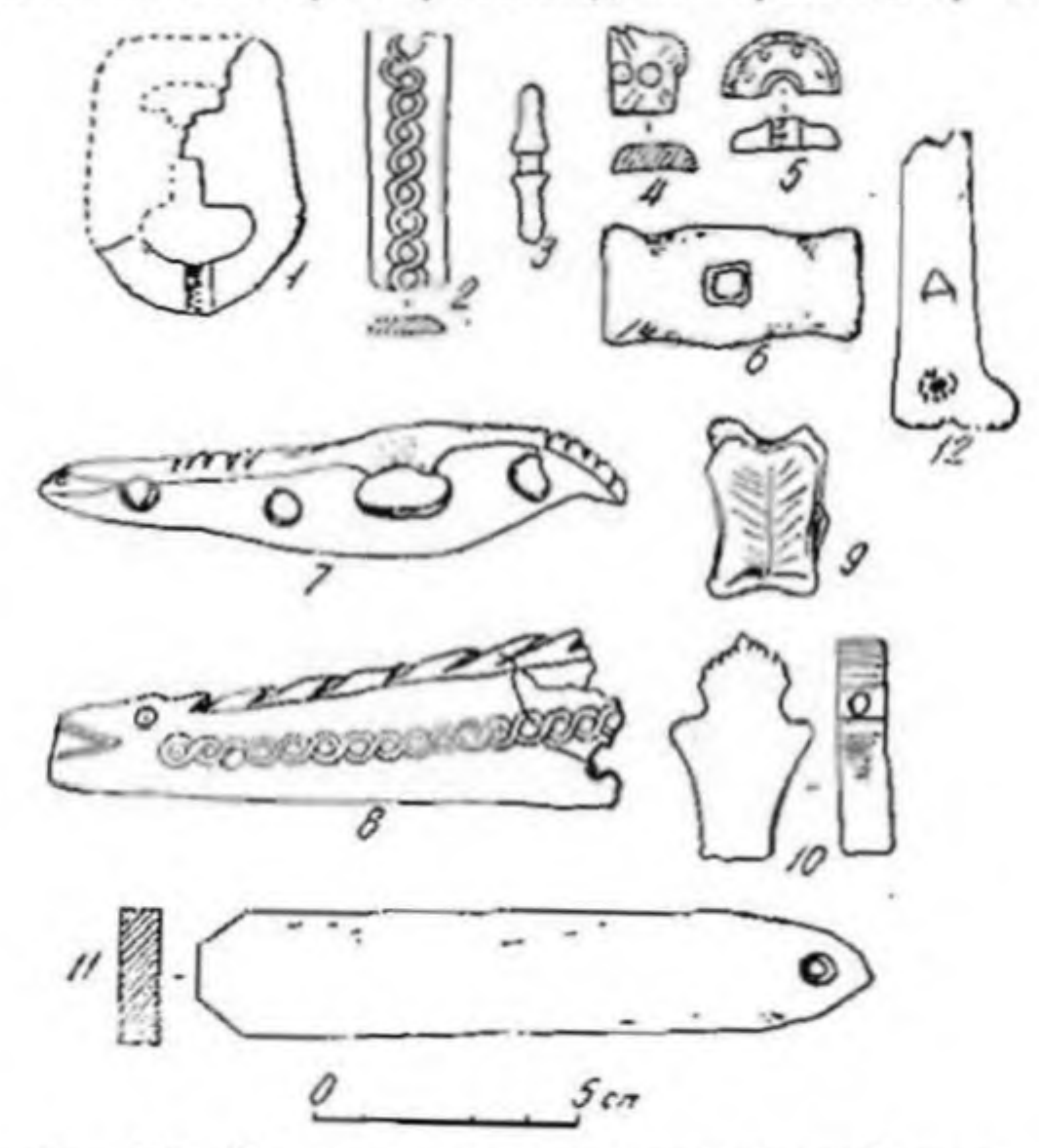

Рис. 145. Изделия из кости, рога и камня, найденные на Донецком городище в 1956—1959 гг.:
1 — обломок костяной пряжки; *2* — костяная пластинка, украшавшая ручку ножа; *3* — костяная застежка; *4* — обломок костяной орнаментированной рукоятки; *5* — костяная поделка; *6* — костяная ручка бурава; *7—8* — костяные накладки для колчана и налучья; *9* — астрагал с резным знаком; *10* — антропоморфный точильный брусочек; *11* — точильный брусок из сланца; *12* — обломок костяной рукоятки ножа с вырезанной на ней буквой «Д».

нину. Богач не стал бы отмечать своим именем простой нож. Таким образом, мы имеем первое, пока скромное, свидетельство того, что грамотными были не только представители местной феодальной знати, но и некоторые рядовые жители древнерусского города Донца.

Изделий из дерева найдено пока мало, так как они сохраняются очень плохо. Можно лишь отметить остатки обуглившегося свистка, применявшегося, по-видимому, как манок при охоте на птиц. Из специальных инструментов для обработки дерева найдены долота и стамески (рис. 142, 2, 7). Также очень быстро разрушаются в обычных условиях изделия из кожи и тканей. Однако А. С. Федоровскому в слоях золы удалось отыскать обрывки тканей и даже остатки ткацкой основы, которая сохранилась на обломке гребня (бердо) ткацкого станка.

Для разнообразных целей использовался камень. Глиняные пряслица в этих слоях уже не встречаются. Их заменяют появившиеся в X в. пряслица из розового, фиолетового или серого шифера. На Донецком городище и селище они найдены в большом количестве. Некоторые из них украшены резными знаками (рис. 143, 21—23). Находки обломков шифера со следами неоконченной работы по изготовлению пряслиц свидетельствуют о том, что такие пряслица вырезали не только в далеком Овруче на Волыни, но и в посаде города Донца. Из сланца и песчаника выделывались точильные бруски, из мела вырезались литейные формочки и игрушки, из фосфорита и песчаника — жернова. На территории посада и детинца найдено очень много обломков жерновов и даже целые жернова. Найдена также железная порхлица, что указывает на весьма совершенное и сложное устройство этих жерновов. Верхний камень («бегун» или «верховод») у них вращался легко и плавно. Это достигалось тем, что в специальный вырез нижней части бегуна вставлялся железный подпятник (порхлица), в центре которого имелось небольшое углубление. Конец оси (веретена), закрепленной в нижнем камне, упирался в это углубление, благодаря чему между нижним и верхним камнем можно было создавать необходимый зазор.

У местных жителей, как и в других местах Киевской Руси, с X в. широко распространяется христианство, и поэтому неудивительно, что на Донецком городище и селище часто попадаются бронзовые крестики, а также крестики, вырезанные из мрамора, янтаря, шифера и даже из мела (рис. 143, 8—10, 19).

Впрочем следует отметить, что старые языческие традиции сохранялись очень долго. На селище (территория посада) найдено несколько сигарообразных стержней, которые являются раковинами белемнитов — ископаемых моллюсков, широко распространенных много миллионов лет тому назад, еще в меловой период мезозойской эры. В народе их иногда называли «чертовыми пальцами» или «громовыми стрелами». Еще не так давно существовало поверье, что эти «громовые

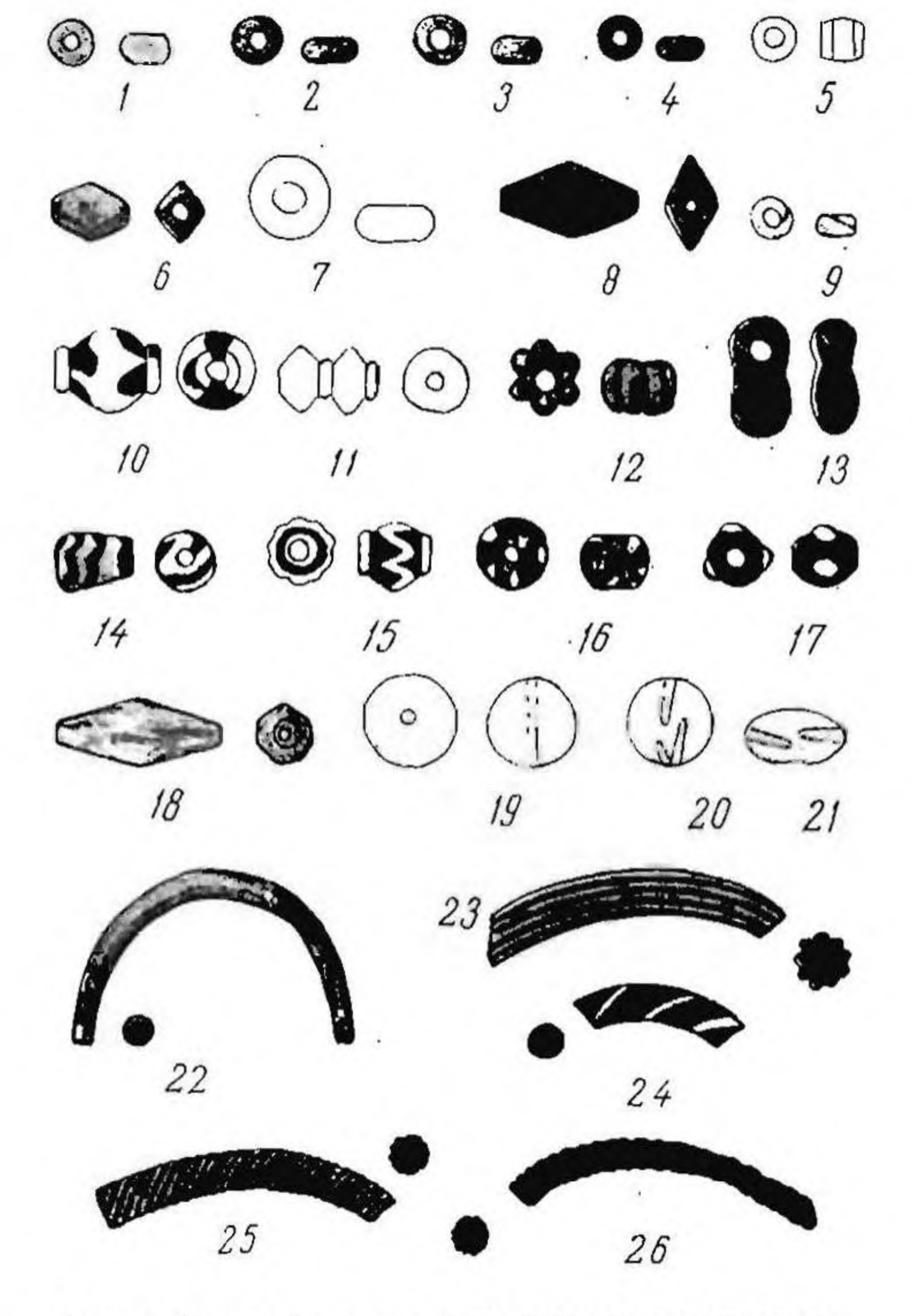

Рис. 146. Бусы и обломки стеклянных браслетов из находок на Донецком городище;
1 — 17, 22 — 26 — стекло; *18* — сердолик; *19 — 21* — горный хрусталь.

стрелы» обладают особыми, сверхестественными свойствами, в частности, могут излечивать некоторые болезни. Поверхность белемнита скребли и собранный порошок с водой давали пить больным. Следы такого использования белемнитов имеются и на экземплярах, найденных на селище. По-видимому, роль языческого амулета играла миниатюрная бронзовая ложечка, найденная на селище (рис. 143, 17). Аналогичные предметы языческого культа в виде миниатюрных бронзовых ложечек, топориков, коньков и т. п. вещей известны и среди находок в других местах древней Руси XI—XII вв.

Весьма разнообразны по материалу и по форме женские украшения, найденные как на территории детинца, так и в городском посаде. Среди них имеются бронзовые и серебряные подвески-лунницы (рис. 143, 7—15), ажурные бронзовые и серебряные подвески различных форм (рис. 143, 8—9) подвески из перламутра (рис. 143, 16), бронзовые браслеты различных типов, бронзовые кольца и перстни (рис. 143, 4—6, 13—14, 18), характерные для эпохи Киевской Руси браслеты из цветного стекла (рис. 146) и другие изделия. В культурном слое X—XIII вв. чрезвычайно много разнообразных бус из прозрачного и пастообразного стекла, из золоченого стекла, из сердолика, горного хрусталя и других материалов (рис. 146).

Среди украшений имеются такие, которые не уступают по тонкости и тщательности работы аналогичным лучшим образцам древнерусского ювелирного искусства, найденным в других городах Руси. Так, при раскопках 1929 г. на селище были найдены два прекрасно сделанных колта. На одном из них были изображены две стилизованные птицы с хвостами в виде красиво переплетенных лент. На щитке другого колта была фигура святого Георгия, изображенного в виде всадника на коне с копьем.

Замечательный меч начала XI века был найден у с. Краснянки в бывшем Купянском уезде Харьковской губернии (территория нынешней Луганской области). Сохранилась верхняя часть меча с рукояткой, украшенной накладным серебром (рис. 144, 1). При помощи чеканки, штамповки и черни на перекрестие, ручку и навершие меча нанесен весьма сложный узор. А. Н. Кирпичников в своем специальном исследовании древнерусских мечей относит эту находку к типу «А» мечей местного производства. Кроме этого меча, в Харьковском историческом музее хранится еще деталь рукоятки другого меча такого же типа, найденная где-то на Харьковщине. Эта вещь также обтянута тонкой серебряной пластинкой и украшена аналогичным орнаментом (рис. 144, 2а, б).

Несомненно, не все найденные в детинце и на посаде вещи имеют местное происхождение. Изделия из сердолика и

стекла, по-видимому, являются привозными. Во всяком случае, пока еще не обнаружено никаких следов обработки сердолика или местного производства вещей из стекла. Некоторые вещи создавали в городе Донце, но из привозного сырья. Так, например, бусы из горного хрусталя делали местные мастера. Об этом убедительно свидетельствуют находки бракованных экземпляров бусин, у которых при неоднократных попытках не удалось просверлить сквозное отверстие для шнурка. Янтарные нательные крестики и другие мелкие поделки из янтаря, по крайней мере частично, делали местные резчики, так как при раскопках были найдены куски еще необработанного янтаря и незаконченная янтарная бусина.

Рис. 147. Бронзовый водолей (умывальник) западноевропейской работы XII века.

Несмотря на многочисленные следы существования местной металлургии и металлообработки, жители города Донца и его окрестностей приобретали также некоторые металлические вещи, привезенные издалека. На берегу Северского Донца у с. Кочетка (Харьковская область) в 1901 г. был случайно найден оригинальный бронзовый умывальник (водолей) западноевролейской работы XII века, сделанный в виде фигуры рыцаря, сидящего на лошади (рис. 147). В верхней части головы коня имеется большое отверстие, через которое внутрь сосуда наливалась вода. При наклонении сосуда вперед она выливалась двумя тонкими струйками из ноздрей коня.

Весь сосуд отлит из хорошей бронзы золотого цвета по восковой модели.. Очень тщательно изображены кольчуга, чепрак, седло, уздечка, грива коня и другие детали. Такой привозной водолей, несомненно, был очень дорогой вещью, которая могла принадлежать лишь какому-либо представителю местной знати. Находка при раскопках на детинце скорлупы грецкого ореха показывает, что для этой знати привозили издалека не только ценные вещи, но и некоторые редкие продукты.

Известно, что в XII—XIV вв. на территории древней Руси в качестве денежных единиц получили распространение серебряные слитки-гривны различной формы: на юге встречаются обычно так называемые киевские гривны в виде шестиугольных брусков весом около 160 *г*, а на севере — новгородские гривны в виде палочки весом около 200 *г*. Восемь половинок монетных слитков новгородского типа найдено в 1909 г. в бывшем Богодуховском уезде Харьковской губернии [1].

Проблема торговых путей и характера торговли местного славянского населения в X—XIII вв. нуждается еще в специальном исследовании. Однако уже сейчас можно сказать, что, помимо тесной связи с основными землями Древнерусского государства, жители города, используя водный путь по Северскому Донцу и Дону, вели оживленную торговлю с югом, в частности, с Тмутараканью и Корчевым [2], а отсюда и с более отдаленными южными и восточными странами и с Византией. Этот путь был хорошо известен арабским купцам еще в раннеславянское время, а об использовании его в X—XIII вв. ясно свидетельствуют нумизматические данные. На территории посада города Донца в 1958 году была найдена медная монета с арабской надписью на одной стороне и с изображением всадника на другой. По определению Д. Г. Капанадзе, эта монета принадлежит сельджукскому султану Рума [3]. Изз-аддин Кылыдж Арслану II, правившему в 551—584 гг. хиджры, или в 1156—1188 гг. нашей эры. На Донце возле Коробовых Хуторов найдена византийская монета императора Льва VI (X в.), медная монета византийского императора Михаила VII Дуки (XI в.) найдена на берегу р. Оскола около Купянска, клад восточных илекских монет XI в. был обнаружен у хутора Высочинов на р. Деркуле.

Южный торговый путь по Донцу и Дону был долгое время самым удобным, так как в устье р. Кубани на Таманском полуострове находилось тесно связанное с Северской землей Тмутараканское княжество.

Как уже отмечалось, славяно-русские поселения появились на юге, в низовьях Дона, а затем и в восточном Приазовье довольно рано. Известно, что после неудачного морского похода 941 г. князь Игорь с небольшим отрядом отступил из-под Константинополя к Керченскому проливу.

---

[1] См. ОАК за 1909—1910 гг. стр. 208.

[2] Древнерусское слово «Корчев» означает «Кузнецк». Так называлась нынешняя Керчь.

[3] Сельджуки — феодальная династия, правившая в XI—XIV вв. в Персии, Ираке, Малой Азии. Рум — у средневековых арабских и персидских авторов название Малой Азии.

Очевидно, у живших здесь русских он рассчитывал найти помощь и защиту.

После того как Святослав в 965 г. взял Саркел (Белую Вежу) и покорил ясов и касогов, русские уже прочно утвердились на Таманском полуострове. Под 988 г. в «Повести временных лет» содержится первое упоминание о Тмутараканском княжестве. В состав его входила также восточная часть крымского полуострова с Корчевым (Керчью).

Историки долгое время не знали точно, где находилась Тмутаракань. Споры были разрешены только в результате ряда археологических находок. Еще в 1792 г. на Таманском полуострове была найдена мраморная плита с древнерусской надписью: «В лето 6576 (т. е. в 1068 г.) индикта 6 Глеб князь мерил море по лёду от Тмутороканя до Крчева 14 000 сажен». Действительно, по письменным источникам известно, что в 1068 г. в Тмутаракани правил князь Глеб Святославич.

В последнее время раскопки на месте Тмутараканского городища производила экспедиция Б. А. Рыбакова. На берегу Таманского залива, над остатками древнегреческого городка Гермонассы и византийско-хазарского поселения Таматархи были обнаружены остатки древнерусского города. Выяснилось, что во второй половине X века город был окружен мощной стеной из сырцового кирпича (толщина стены — 8 *м*). Из сырцового кирпича строились здесь также и дома. Внутри жилищ найдена типичная раннеславянская керамика роменского типа и более поздние славянские сосуды лучшей выделки. С IX в. на горлышках и ручках некоторых амфор-корчаг встречаются иногда буквенные знаки. Раскопки показали, что в XI—XII вв. улицы города и дворики усадеб мостили камнем.

Найдены остатки церквей X и XI вв. Последняя церковь, как известно из летописи, построена князем Мстиславом Владимировичем после удачного поединка, в котором он убил касожского (черкесского) князя Редедю. Археологические исследования полностью подтвердили сообщение арабского географа XII века Идриси, который описывает Тмутаракань, как окруженный возделанными полями и густо заселенный, цветущий город. В нем «есть гавань, постоянный торг и ярмарка, на которую съезжаются со всех окружающих земель и даже из отдаленных краев». Отсюда шли торговые пути в Византию, в Закавказье и по Донцу на север в различные земли Киевской Руси.

Положение Тмутаракани и ее форпоста — Белой Вежи — значительно ухудшилось в начале XII в., когда усилился натиск кочевников — половцев. Наконец, как сообщает летопись, в 1117 году жители Белой Вежи переселились на

Русь. Примерно в это время прекращает существование и Тмутараканское княжество.

Мирная жизнь населения Переяславского княжества и особенно таких окраинных городов, как Донец, также часто нарушалась вторжениями кочевников. Но местные жители мужественно отражали нападения и не раз сами наносили мощные ответные удары по половецким вежам.

Автобиография Владимира Всеволодовича (Мономаха), который долгое время был переяславским князем, содержит много весьма живописных рассказов о его борьбе с половцами. Возвращение в Переяславль после междоусобицы со своим двоюродным братом Олегом Святославичем из-за Чернигова описывается, например, так: «И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы в Борисов день (24 июля) из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, считая детей и женщин. И половцы облизывались на нас точно волки, стоя у перевоза на горах, бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле 3 лета и 3 зимы с дружиною своей и много бед натерпелись мы от войны и голода. И ходили на (половецких) воинов за Римов[1], и бог нам помог, перебил их, а иных взяли в плен».

А в другом месте Владимир Мономах говорит: «И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и после отца, а передал много скота и много одежи своей. И отпустил на волю из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других князей лучших 100. А самих князей бог живыми в руки передавал: Коксусь с сыном, Аклан Буркевич, Таревский князь Азгулуй, и иных кметей молодых 15, этих я, приведя живых, зарубил и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около 200 лучших мужей»[2].

Жестокие бедствия испытало население Переяславского княжества, как и всего Древнерусского государства, в период татаро-монгольского нашествия. Столица княжества — город Переяславль — после мужественного сопротивления была совершенно разрушена татарами. Обстановку того времени Троицкая летопись рисует следующими словами: «Того же лета бысть пополох зол по всей земли, не ведяху и сами кто где бежит»[3].

[1] Римов — древнерусский город на р. Суле.

[2] Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи 1377 г.). М.—Л., 1950 г., ч. 1, стр. 362—363.

[3] ПСРЛ, т. 1, стр. 225.

В битвах погибло множество людей, большое количество материальных ценностей было уничтожено или разграблено врагами. Некоторые вещи их владельцы успели спрятать в надежное хранилище — в землю, но вернуться за своими сокровищами смогли далеко не все.

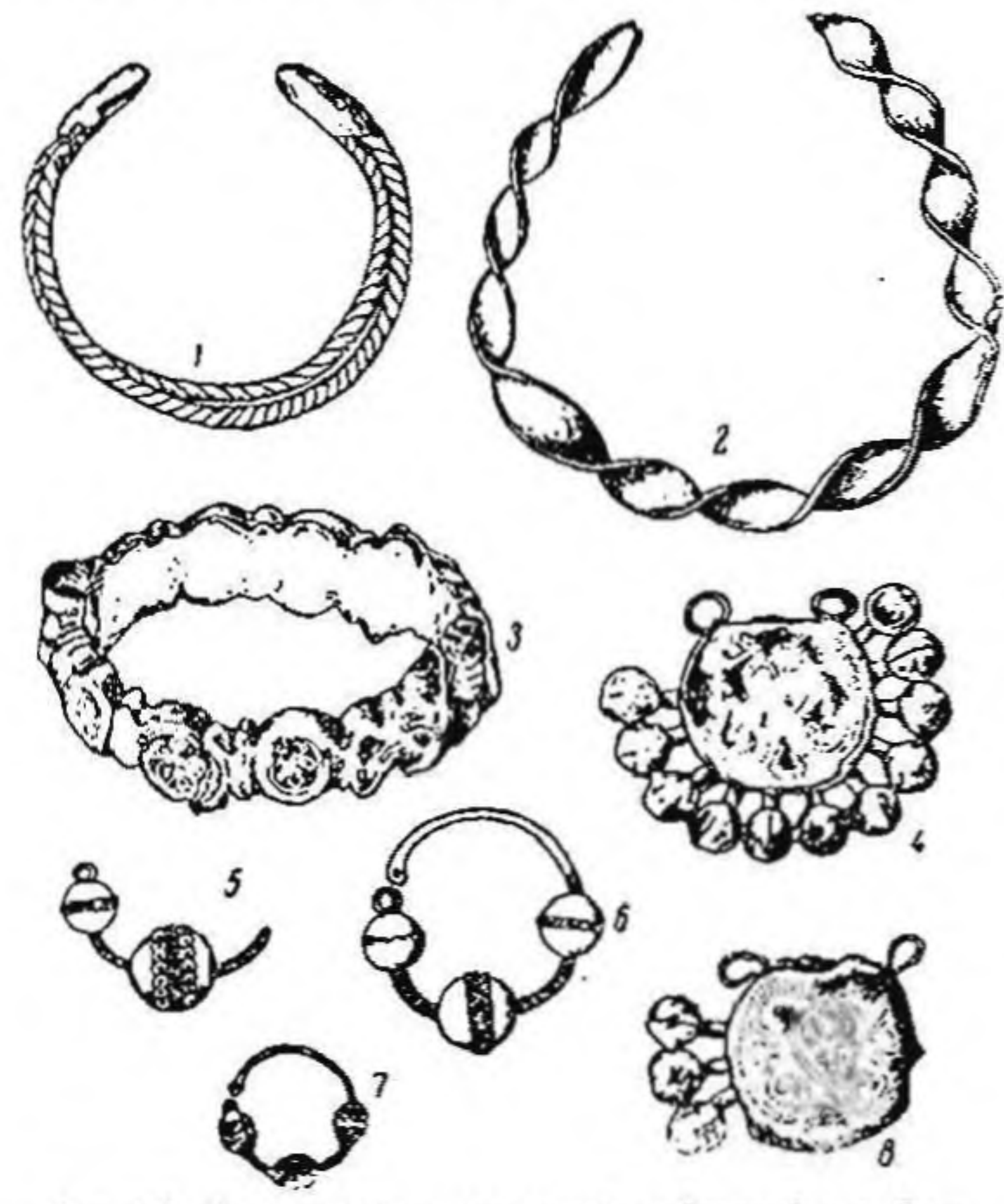

Рис. 148. Клад древнерусских вещей, найденный у с. Старикова.

К этому трагическому периоду относится один из кладов, найденный еще в 1883 г. в верховьях Северского Донца близ с. Стариково бывшего Корочанского уезда, Курской губернии. В этом кладе сохранились интересные образцы древнерусского ювелирного искусства. Здесь были два серебряных колта, щитки которых украшены гравированными изображениями растений (рис. 148, 4, 8), серебряный двустворчатый тисненный браслет с изображением розеток на черневом фоне (рис. 148, 3), браслет из витой серебряной проволоки (рис. 148,1), обломки двух шейных гривн из серебра (рис. 148,2),

три пары серебряных серег киевского типа (рис. 148, 5—7), и семь монетных серебряных гривен новгородского типа.

Кто был владельцем этого несомненно очень ценного клада, мы никогда не узнаем. Трудно сказать, откуда он попал сюда. Возможно, это был один из богатых жителей города Донца, который пытался убежать на север при первых же сообщениях о приближении вражеских орд. В пограничном городе оставаться было опасно. И действительно, Донец оказался в числе тех древнерусских городов, которые были полностью разрушены и сожжены татарами в XIII веке.

Рис. 149. Золотоордынские монеты из находок на Харьковщине. (По А. С. Федоровскому).

Слой этого последнего пожарища хорошо заметен при археологических исследованиях во всех разрезах. Деревянная крепостная стена во время пожара разрушилась, остатки недогоревших бревен упали частично на внешний склон возвышенности, а частично внутрь детинца. Забутовка срубов, частично обожженная, рассыпалась, прикрыв те остатки деревянной конструкции, которые еще не успели сгореть.

Следы разгрома крепости видны не только по слою пожарища на месте оборонительной стены, но и при раскопках остатков жилых сооружений. Во время раскопок В. А. Городцова в 1902 г. недалеко от остатков печи второго жилища были обнаружены осколки обуглившегося человеческого черепа. Остатки человеческого костяка со следами ударов каким-то острым рубящим оружием и со следами воздействия огня были найдены и в 1957 г. в верхнем слое почвы посада на участке «А», близком к детинцу.

Таким образом, археологические раскопки ясно показывают, что город Донец был разрушен в неравной героической

борьбе с полчищами захватчиков татаро-монголов. После этого разгрома прежняя полнокровная жизнь города уже не возродилась, однако какое-то население некоторое время еще оставалось на старых пепелищах, судя по находкам здесь некоторых вещей и монет конца XIII—XIV века. В частности, в 1960 г. на посаде Донца был найден серебряный пражский грош Венцеслава III (1378—1419) [1]. Количество населения в городе после татаро-монгольского разгрома значительно уменьшилось и часть территории посада, как показывают раскопки, была в это время превращена в кладбище. Но и после того как это место совсем запустело, превратившись до конца XVI века в «дикое поле», воспоминание о существовавшем здесь древнерусском городе не изгладилось в народной памяти. Документы XVI—XVII вв., о которых упоминалось ранее, точно указывают место Донецкого городища, т. е. остатков города Донца.

Раскопки Донецкого городища и селища открывают перед нами неизвестные по письменным источникам, но яркие страницы жизни древнерусского города, который был не только пограничной крепостью, но и значительным торгово-ремесленным и культурным центром своего времени.

[1] Определение сотрудника Гос. Эрмитажа В. М. Потина.

ИЗУЧАЙ РОДНОЙ КРАЙ!

(Вместо заключения)

На страницах этой книги мы попытались дать обзор того, что нам известно сейчас о древнейшей истории одной небольшой части нашей необъятной страны. Немало сделали, особенно за последние годы, советские археологи, но еще много тайн хранит в себе земля. Тайны эти будут раскрыты тем быстрее, чем шире и организованнее развернутся дальнейшие археологические исследования.

Многие из читателей во время летних полевых работ, на строительствах, в туристских походах или просто отдыхая где-либо на берегу реки, несомненно, встречают археологические памятники, подобные описанным в этой книге или даже совершенно неизвестные науке. Культурный советский гражданин не может равнодушно пройти мимо таких находок, зная, что они помогут открыть новые, интереснейшие страницы истории нашей Родины. А историей этой мы вправе гордиться, так как племена и народности, жившие в древности на территории СССР, внесли огромный вклад в сокровищницу мировой культуры. И действительно, ежегодно в наши научные учреждения поступает много сообщений от рабочих, колхозников, служащих и учащихся, в которых рассказывается о новых находках. Каждый может оказать помощь в изучении истории нашей страны, но только если будут соблюдены определенные правила.

Различные древние предметы встречаются обычно не разрозненно, а в составе сложных производственных, бытовых, погребальных и иных комплексов, которые должны исследоваться очень тщательно и всесторонне. Каждую стоянку, селище, городище, культовое сооружение или могильник нельзя рассматривать просто как склад интересных вещей и копаться в этом складе по своему усмотрению.

Археологические раскопки должны дать полное представление о возникновении данного памятника, о различных сто-

ронах жизни тех людей, которые здесь обитали, о растительном и животном мире того времени и т. д. Иначе, говоря словами В. А. Городцова — одного из крупнейших советских археологов, археологические раскопки должны вестись так, «чтобы в результате явилось столь же точное и связное чтение памятников, как чтение обыкновенной книги».

Правильно организованные научные раскопки, надежная консервация и тщательное хранение археологических материалов, специальные лабораторные исследования делают археологический памятник достоянием науки. При этом раскопки и камеральное изучение археологических памятников, так же, как исследование и издание письменных архивных источников и проведение физических или химических опытов, одинаково требуют от исследователя специальных знаний и навыков. Разница тут состоит главным образом в том, что ошибки, неточности и неполнота при издании письменного источника могут быть исправлены вторичным уточненным и дополненным изданием по оригиналу, хранящемуся в архиве. Физический или химический опыт также обычно можно повторить. При археологических же раскопках оригинал памятника частично или полностью уничтожается, а поэтому ошибки и пробелы в описании данного археологического обьекта часто совершенно не могут быть исправлены. Следовательно, ненаучные раскопки, проведенные малоквалифицированными людьми, не только бесполезны для науки, но и вредны.

Уже в первые месяцы существования Советского государства были приняты меры чтобы сохранить памятники, которые имеющие большое значение для изучения исторического прошлого. В ноябре 1917 года по указанию В. И. Ленина при Народном комисариате просвещения была организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и страны. В. И. Ленин, несмотря на чрезвычайную занятость другими делами, с огромным вниманием сам следил за сохранностью историко-культурных ценностей. Нарком просвещения А. В. Луначарский регулярно докладывал ему о всех мероприятиях по охране памятников. 19 сентября 1918 года Советское правительство издало декрет за подписью В. И. Ленина, согласно которому все монументальные и вещественные памятники старины были поставлены на государственный учет; было постановлено произвести их регистрацию и организовать охрану. После этого был издан ряд других законов, уточнявших вопросы охраны древних памятников на территории СССР.

В настоящее время основными документами, обеспечивающими сохранение и научное исследование археологических объектов, являются Постановление Совета Министров СССР

№ 3898 от 14 октября 1948 г. и утвержденное тогда же «Положение об охране памятников культуры» [1].

В постановлении Совета Министров СССР указывается, что «все находящиеся на территории СССР памятники культуры, имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенным народным достоянием и состоят под охраной государства». В числе других памятников культуры государственной охране подлежат археологические памятники: курганы, городища, свайные постройки, остатки древних стоянок, селищ, городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, надмогильные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы, рисунки и надписи, высеченные на камнях и скалах, места находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также находки отдельных древних предметов.

Археологические раскопки в Советском Союзе могут производить только лица, имеющие теоретическую и практическую научную подготовку и получившие специальное разрешение в виде Открытого листа. Открытые листы на право производить археологические раскопки или разведки выдаются Академией наук СССР и академиями наук Союзных республик через соответствующие организации. Для исследований на территории РСФСР они выдаются через Институт археологии АН СССР, а на территории УССР — Институтом археологии АН УССР.

Открытый лист выдается на определенный, указанный в нем срок, без права передачи его какому-либо другому лицу. После окончания полевых работ и камеральной обработки добытых материалов исследователь обязан представить в учреждение, которое выдало Открытый лист, соответствующий отчет со всеми необходимыми чертежами, рисунками и фотографиями.

Лица, получившие Открытый лист на право производить археологические исследования в том или ином районе, обязаны содействовать охране памятников в этом районе.

Таким образом, в Советском Союзе обеспечиваются все условия для бережного хранения и научного изучения археологических памятников, являющихся своеобразным вещественным архивом. Однако это не значит, что только специалисты-археологи могут исследовать различные древности. В нашей стране научные учреждения (археологические институты, соответствующие кафедры исторических факультетов университетов, исторические и краеведческие музеи) при-

---

[1] См. Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР, № 6 от 26 ноября 1948 г.

влекают к изучению древних памятников широкие слои советской общественности.

Археологические обследования, но без проведения земляных работ или каких-либо других действий, которые могут привести к повреждению или уничтожению археологического памятника, имеют возможность производить и местные любители-краеведы, учителя, школьники и другие лица, интересующиеся древнейшей историей нашей Родины. О результатах обследований археологических памятников необходимо сообщать в Институт археологии, в университет или в ближайший музей.

Ежегодно в нашей стране проводится Всесоюзная экспедиция пионеров и школьников. Юные исследователи совершают увлекательные краеведческие походы по разным маршрутам и, выполняя другие задания, могут собрать интересные сведения и о жизни людей в древности. Для того чтобы облегчить поиски древних памятников, следует обратиться в какое-либо из названных выше научных учреждений и получить там определенное задание с указанием пунктов, в которых следует произвести археологические обследования. Такие обследования помогут лучше узнать историю родного края и дадут интересный материал для школьного исторического кабинета или даже для небольшого школьного музея. Экспонаты музея или кабинета будут хорошими наглядными пособиями при изучении древней и средневековой истории. Этот материал можно с большим успехом использовать и при чтении лекций, для антирелигиозной пропаганды, для борьбы с другими пережитками старины, а также для воспитания советского патриотизма и чувства гордости за великие достижения своих предков.

Примером удачного использования историко-археологических материалов может служить музей, созданный по инициативе преподавателя Я. И. Красюка в Первомайской средней школе, Змиевского района, Харьковской области. Ученики под руководством Я. И. Красюка собрали замечательную коллекцию вещей эпохи бронзового века, скифского времени, салтовской и славянской культуры, а также нумизматическую коллекцию, сделали много рисунков, схем и макетов исторических памятников. Большую работу провели и ученики Иорданской средней школы (Полтавская область), в которой археологическим кружком руководит директор школы В. С. Петренко. Здесь учащиеся также совершают археологические разведки, они составили археологическую карту окрестностей и организовали при школе краеведческий музей. Археологический уголок имеется и в 13-й средней школе г. Харькова, ученики которой под руководством преподавателя истории Г. Л. Каца ежегодно проводят увлекательнейшие турист-

ские походы. Археолого-краеведческая работа ведется также в школах Балаклеи, Богодухова, Золочева, Волчанска и других местах.

Нельзя не сказать о ценном опыте создания музеев в колхозных селах. В 1957 г. в с. Козиевке, Краснокутского района, Харьковской области, открылся Музей истории сел Козиевки, Городного и Новой Одессы, созданный по инициативе колхозников. Экспонаты и материалы музея дают представление о жизни людей на этой территории с древнейших времен, в частности сообщают о находке близ Новой Одессы замечательных бронзовых изделий VI—VII вв. Они показывают жизнь крестьян Козиевской волости до революции, рассказывают о революционных и национальных традициях, о социалистических преобразованиях, происшедших за годы Советской власти. Бережно хранятся в музее портреты местных жителей, принимавших активное участие в гражданской и в Великой Отечественной войне. 24 аналогичных музея и музейных комнаты создано уже по инициативе общественности в ряде других колхозов Украинской ССР.

Школьные и колхозные музеи, несомненно, имеют большое культурно-просветительное и воспитательное значение и распространение их следует всячески поощрять.

Для успешного сбора археологических сведений и материалов следует провести определенную подготовительную работу. Прежде всего необходимо позаботиться о снаряжении группы. Она должна иметь следующие вещи:

1. Карту большого масштаба (сейчас выпущены карты областей и туристские карты, которые можно использовать при археологической разведке).
2. Компас или буссоль.
3. Небольшой планшет для чертежных работ.
4. Рулетку (10- или 20-метровую).
5. Складной метр.
6. Плотничий уровень.
7. Несколько простых кухонных ножей.
8. Щетки для расчистки.
9. Лопатку саперного образца.
10. Упаковочный материал (бумага, вата, шпагат, разной величины коробочки для небольших и хрупких вещей).
11. Материал для консервации находок (можно использовать клей БФ-2 в тюбиках).
12. Альбом для зарисовок.
13. Миллиметровая бумага для черчения.
14. Три общих тетради в твердом картонном или клеенчатом переплете: одна для ведения дневника, вторая для описи найденных предметов, третья для записей различных измерений при съемке планов и профилей.

15. Различные канцелярские принадлежности (линейка, кнопки, треугольник, транспортир, перочинный ножик, резинка, циркуль-измеритель, простые карандаши и т. п. Ни в коем случае нельзя вести полевые записи химическим карандашом.

16. Фотоаппарат с соответствующими принадлежностями. Лучше всего использовать зеркальный фотоаппарат типа «Зенит» или «Кристалл».

Тетради, канцелярские принадлежности и другие мелкие предметы удобно носить в обычной полевой сумке военного образца, остальное снаряжение и находки — в туристском рюкзаке (вещевом мешке).

Лучшее время для проведения археологических разведок — весна и осень, когда на полях нет посевов, деревья и кустарники не покрыты густой листвой, мешающей хорошему осмотру местности, когда дожди и половодье размывают склоны и берега рек, а на поверхности почвы яснее выступают омытые водой обломки древней керамики, изделия из камня, металла и проч. Летом также можно производить разведки археологических памятников, но условия для наблюдения в это время хуже.

Перед выходом в поле необходимо ознакомиться с литературой, в которой описываются встречающиеся на данной территории памятники, и, если есть возможность, то осмотреть соответствующие материалы в коллекции ближайшего музея. Это позволит более или менее ясно представить облик основных предметов и условия, в которых они могут быть найдены. Опыт показывает, что без такого предварительного ознакомления многие пропускают в ходе разведки даже ярко выраженные археологические объекты, так как не подозревают, что они могут иметь какую-либо научную ценность, или вообще не считают их древними памятниками. При ознакомлении с литературой и с музейными коллекциями необходимо сделать зарисовки наиболее характерных вещей, для того чтобы иметь возможность сравнивать с ними свои находки.

Следует также собрать у местных старожилов сведения об известных им древних (или предположительно древних) памятниках, о местах случайных находок отдельных древних вещей. Указанные старожилами пункты надо в ходе разведки осмотреть и критически, внимательно проверить полученные сообщения. Собранные сведения по каждому отдельному пункту заносятся на карточки с точным указанием, когда и от кого они получены. Кроме того, места находок или расположения древних памятников при помощи условных знаков (рис.150) наносятся на карту местности. Около каждого значка ставится порядковый номер, совпадающий с номером регистрационной карточки. Материалы для археологической карты можно заносить не в картотеку, а в отдельную тетрадь, но

картотека удобней тем, что отдельные карточки легче систематизировать (по бассейнам рек, по археологическим культурам и эпохам, по отдельным пунктам и т. п.).

После того как участники похода ознакомятся с имеющимися сведениями о местных памятниках, разрабатывается маршрут разведки с учетом времени и проходимости той или иной местности в данное время года. Заранее намечают-

1 ✡ или ○
2 △ или ⊛
3 □ или ⊏
4
5
6
7
8
9 ◇
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35

Рис. 150. Условные знаки для обозначения археологических памятников:

1 — стоянка; *2* — селище; *3* — городище; *4* — свайное поселение; *5* — пещера; *6* — зольник; *7* — святилище; *8* — древние рудники, копи и пр.; *9* — клад вещей; *10* — монетный клад; *11* — кости ископаемых животных; *12* — древний водопровод; *13* — крытый ход; *14* — ментир, отдельный большой камень; *15* — камень с рисунком; *16* — камень с надписью; *17* — каменная статуя; *18* — наскальное изображение; *19* — древнее изображение в пещере; *20* — майдан; *21* — башня; *22* — вал; *23* — ров; *24* — древняя дорога; *25* — грунтовая могила с трупоположением; *26* — грунтовая могила с трупосожжением; *27* — грунтовой бескурганный могильник; *28* — катакомба; *29* — курган; *30* — курганный могильник; *31* — курган с впускным погребением; *32* — курган с промлехом; *33* — дольмен; *34* — каменный ящик; *35* — находки отдельных предметов.

ся места привалов и ночевок, рассчитывается количество необходимого продовольствия и средства для оплаты переездов,

если они необходимы. Если территория, выбранная для археологического обследования, расположена далеко от исходного пункта, то до нее можно добираться на поезде, на автомашине, на лодке или при помощи других транспортных средств, но во время самой разведки можно передвигаться только пешком. Ни в коем случае нельзя отмечать как обследованные те участки, которые осматривались, например, с автомашины.

Во время разведки следует придерживаться такого порядка работ:

1. Осмотр местности и дополнительный опрос местного населения.

2. Осмотр найденного памятника (городища, селища, могильника и т. п.).

3. Снятие глазомерного плана и профилей.

4. Зарисовка стратиграфии напластований (т. е. порядка залегания различных отложений) по имеющимся естественным или искусственным обнажениям вдоль берега реки, в овраге, в канаве и т. п.

5. Сбор подъемного материала и составление описи находок.

6. Фотографирование. Снимается общий вид памятника и крупным планом — наиболее важные детали.

7. Составление общего описания памятника.

Следует постоянно помнить, что во время археологических обследований, проводимых школьниками или любителями-краеведами, нельзя делать раскопок. Допускается лишь зачистка имеющихся обнажений для того, чтобы получить более ясную картину напластований при зарисовке профиля. Раскопки могут производиться только в том случае, если группу возглавляет лицо, получившее Открытый лист.

В течение всего похода ежедневно ведется дневник, в котором в произвольной форме, но последовательно освещаются все основные этапы работы. При характеристике отдельных памятников должно быть отмечено следующее:

1. Время работы (год, месяц, число).

2. Место расположения памятника по существующему административному делению (область, район, село и т. п.).

3. Археологическое наименование памятника (местонахождение, стоянка, селище, городище, курган, майдан, бескурганный могильник, культовое место и т. п.) и название, под которым памятник известен местным жителям.

4. Топографические данные о расположении памятника относительно реки, озера, оврагов, леса, дороги, построек и т. п.

5. Описание внешнего вида памятника, его размеров, ориентировки относительно стран света, степень сохранности.

6. Описание работ, которые были проведены во время обследования.

7. Общее описание подъемного материала с указанием основных находок (полный перечень дается в отдельной описи находок). Общие выводы.

Все полевые записи необходимо делать сразу же при выполнении соответствующих этапов обследования, а не после возвращения из разведки, так как в противном случае пропадает свежесть впечатлений, некоторые важные детали могут быть забыты или искажены. В записях, сделанных позже, часто встречаются выводы, сами по себе ценные, но полученные уже в результате сопоставления разных фактов, еще неизвестных в момент обследования памятника.

Описание следует дополнять возможно более подробными крупномасштабными зарисовками, планами, профилями, схемами. При вычерчивании профилей разрезов почвы те напластования, которые даже незначительно отличаются от соседних по цвету или по составу находок, необходимо отмечать условными знаками или разными цветами. Перечень условных знаков должен быть помещен на том же чертеже. На всех чертежах должна быть указана ориентировка их по отношению к странам света.

Особое внимание следует обращать на точное обозначение и описание особенностей культурного слоя, в котором залегает основная масса вещественных находок (керамика, кости животных, изделия из камня, металла, рога и пр.).

Каждая из найденных вещей должна быть тщательно упакована. Крупные прочные предметы просто заворачивают в бумагу, мелкие кладут в коробочки, а хрупкие предварительно еще обертывают ватой. Внутрь упаковки вкладываются сопроводительный ярлычок — бумажка, на которой обозначаются дата и место находки, краткое название памятника, номер, под которым вещь числится в описи. Небольшое количество керамики, собранной на одном памятнике, можно упаковывать в один пакет. Если находок очень много, то площадь данного памятника делится на отдельные участки, которые отмечаются на плане, и вещи с каждого участка складываются в отдельный пакет. Все пакеты тщательно обвязываются шпагатом и на внешней стороне бумаги также делаются надписи, аналогичные тем, которые вкладываются внутрь упаковки. Ни в коем случае нельзя допускать смешивания вещей, найденных на разных памятниках.

После возвращения из разведки вещи осторожно очищаются от грязи и моются. Металлические предметы нужно мыть в дистиллированной воде. Использовать хлорированную водопроводную воду нельзя, так как она способствует обра-

зованию вредных хлорных соединений, которые разрушают металл.

Каждая вымытая и высушенная вещь шифруется, т. е. на ней тушью наносится краткое содержание сопроводительного ярлычка. На металлических вещах, на черной керамике, на изделиях из камня с темной или неровной поверхностью и т. п. предварительно следует эмалевой белой краской нанести небольшой прямоугольник. После того как краска высохнет, на гладкой белой поверхности прямоугольника тушью пишется шифр. Если на самой вещи надпись сделать невозможно, то к ней тонкой проволочкой или шнурком прикрепляется картонная бирка с шифром.

При осмотре местности надо прежде всего обращать внимание на вспаханные, но еще свободные от всходов поля, на песчаные дюны. Здесь легче найти древние остатки, так как они выпахиваются плугом или оказываются на поверхности земли в результате разрушения культурного слоя водой и ветром.

Довольно часто древние поселения разрушаются со стороны берега реки или оврага. Тогда культурный слой, даже невидимый на поверхности, можно заметить в береговом обнажении обычно в виде темной полосы с торчащими предметами. Нередки случаи, когда культурный слой или древнее погребение открываются во время различных строительных или хозяйственных работ (при рытье канав, рвов для фундаментов, силосных ям и т. п.). В таких случаях работы необходимо временно прекратить и немедленно сообщить в ближайшее научное учреждение или местным органам власти.

При обследовании городища следует не только зарисовать его план, но и в нескольких местах снять профили, чтобы можно было видеть форму и глубину рвов, высоту валов.

При обследовании курганного могильника необходимо снять общий план расположения курганов с указанием высоты и диаметра основания каждого из них. Описывая отдельные курганы (одиночные или в могильнике), надо указать форму насыпи, наличие ровика у основания и каменных обкладок, сохранность насыпи. Небольшие, сильно распаханные курганы часто почти незаметны на поверхности поля. В таких случаях их лучше фиксировать рано утром или вечером, когда низкие скользящие лучи солнца яснее оттеняют рельеф. Распаханные курганы иногда можно заметить также по желтоватым пятнам от примеси к чернозему глины, выброшенной при рытье могилы.

Маленькие курганы не следует путать с небольшими холмообразными возвышениями-зольниками, которые встречаются на местах поселений. Задернованные зольники внешне иногда очень похожи на курганы, но никогда не имеют коль-

цевого рва у основания. Насыпь зольника обычно обильно насыщена различными культурными остатками: костями животных, обломками керамики, угольками, золой и т. п. На поверхности насыпи курганов этих остатков нет или они встречаются в небольшом количестве.

От курганов надо отличать также своеобразные, по-видимому, культовые сооружения — майданы. Встречаются они, как правило, около курганных могильников и имеют вид незамкнутой кольцеобразной насыпи с ямой в центре. От разомкнутых концов насыпи обычно отходит еще несколько «усов» в виде продолговатых насыпей. Местные жители часто называют майданы городищами или разрытыми могилами.

Распаханный бескурганный могильник типа полей погребальных урн легко можно спутать с остатками селища этой же культуры. Однако на территории распаханного могильника, кроме обломков керамики, встречаются обломки пережженных человеческих костей, остатки обожженных или оплавленных при кремации вещей (фибул, пряжек, бус и т. п.), чего не должно быть на поселении.

Воронкообразные провалы почвы могут быть связаны с наличием на этой территории катакомбного могильника. При обвале свода катакомбы получается воронка. Однако провалы земли возникают и в результате чисто геологических причин, там, где под землей имеются легкорастворимые горные породы (например известняк). Такие естественные провалы называются карстовыми. В отличие от обвалов сводов катакомб салтовской культуры они обычно не имеют правильной воронкообразной формы.

Трудно перечислить все особенности археологических памятников и различные обстоятельства, при которых они могут встретиться. Никакое описание, конечно, не заменит практического опыта. Но можно посоветовать всегда быть внимательным и помнить, что иногда, казалось бы, недостойная внимания мелочь может оказаться очень важной деталью при изучении того или иного памятника. Нельзя забывать, что каждый археологический памятник является ценным документом, позволяющим нам заглянуть в древнейшее прошлое нашей Родины.

ЛИТЕРАТУРА

I. Труды классиков марксизма-ленинизма

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.

Маркс К. К критике политической экономии. М., 1953.

Маркс К. Капитал, т. I, гл. 5, 11, 12, 14; т. III, гл. 20, 36, 47. М., 1953.

Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX. М., 1941.

Маркс К. Черновые наброски письма В. И. Засулич (8 марта 1881). Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XXVII.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1949.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М., Госполитиздат. 1953.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, М., 1953.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг, отд. второй, гл. 2, 3, 4, М., 1952.

Энгельс Ф. Марка. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XV.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Соч., изд. 4, т. 29.

Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. Соч., т. 35.

Ленин В. И. Социализм и религия. Соч., т. 10.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.

II. Письменные источники

Геродот. История. Пер. с греческого Ф. Г. Мищенко, М., 1888

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 1—4, 1947, 1948, 1949, дополнительные тексты в № 2, 1952.

Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г., ч. 1, 2, изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб, 1908.

Правда Русская I. Тексты. Под. ред. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1940.

Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, 1950.

Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870.

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. Ибн-Даста. СПб, 1896.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

«Книга» Марко Поло. Пер. И. П. Минаева, М., 1955.

Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Сб. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957.

Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Пер. Латышева В. В. Известия ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934.

Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. ВДИ, № 1, 1941.

Історія України в документах і матеріалах, т. I. Київська Русь і феодальні князівства XII—XIII століть. Київ, 1939.

III. Общие работы

Арциховский А. В. Основы археологии, М., 1954.

Багалей Д. И. Археологическая карта Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.

Данилевич В. Е. Карта монетных кладов и находок единичных монет в Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I, 1905.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948.

История Украинской ССР, т. I, Киев, 1953.

Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины, Л., 1940.

Нариси стародавньої історії Української РСР, Київ, 1957.

Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Изд. АН СССР, М., 1956.

Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. Изд. АН СССР, М., 1958.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв, т. I, изд. АН СССР, М., 1953.

Черепнин Л. В. Русская хронология, М., 1944.

Природные условия, животный и растительный мир

Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза, ч. I, М., 1947.

Герасимов И. П. и Марков К. К. Ледниковый период на территории СССР. М., 1939.

Гричук В. П. Географические ландшафты Русской равнины ледникового периода. «Природа», № 2, 1952.

Громов В. И. и Мирчинк Г. Ф. Четвертичный период и его фауна. Сб. «Животный мир СССР», т. I, М.—Л., 1937.

Докучаев В. В. Русский чернозем. СПб, 1883.

Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь. М., 1936.

Зеров Д. К. Основные черты послеледниковой растительности Украинской ССР. Труды конференции по споро-пыльцевому анализу 1948 г. М., 1950.

Келлер Б. А. Растительность Воронежской губернии. Воронеж, 1921.

Кириков С. В. Изменения животного мира в природных зонах СССР. М., 1959.

Краснов А. Н. Рельеф, растительность и почвы Харьковской губ. Харьков, 1893.

Мильков Ф. Н. Лесостепь Русской равнины. М., 1950.

Павлов А. П. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. М.—Л., 1936.

Пидопличко И. Г. Достижения и задачи археологической палеонтологии в познании прошлого юга СССР. Сб. «Доклады VI научной конференции Института археологии». Киев, 1953.

Підоплічко І. Г. Коротка історія землі. Київ, 1958.

Середонин С. М. Историческая география. Пг. 1916.

Соболев С. С. Почвы Украины и степного Крыма. Сб. «Почвы СССР», т. 3, М.—Л., 1939.
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа, МИА СССР, № 53, 1960.
Чирвинский П. Н. Находки костей ископаемых животных близ ст. Каменской. «Хроніка археології та мистецтва», ч. I, Київ, 1930.
Шарлемань М. В. Зоогеография УССР. Київ, 1937.

V. Палеолит

Абрамова З. А. К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху, КС ИИМК, вып. 76, 1959.
Бібіков С. М. Верхньопалеолітичні знаходища на Середньому Подністров'ї, АП УРСР, т. 2, Київ, 1949.
Борисковский П. И. Палеолит Украины, М.—Л., 1953.
Борисковский П. И. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. СА, т. XV, 1951.
Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. «Труды Института геологических наук АН СССР», вып. 64, геол. сер., № 17, М., 1947.
Горецкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. СА, т. XVI, 1952.
Ефименко П. П. Пам'ятки мустьєрської культури на сході Европи. «Записки історико-філологічного відділу АН УРСР», № 51, Київ 1927.
Ефименко П. П. Находки остатков мустьерского времени на р. Деркул. «Палеолит СССР», Известия ГАИМК, вып. 118, 1935.
Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.
Ефименко П. П. Стоянки каменного века в окрестностях Изюма, Старовинності Ізюмщини, Ізюм, вып. 3, 1928.
Ефименко П. П. и Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР, МИА СССР, № 2, М.—Л., 1941.
Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, «Труды Института этнографии», т. XVI, М., 1951.
Замятнин С. Н. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья. Сборник музея антропологии и этнографии, т. XIV, 1953.
Локтюшев С. А. Следы палеолита в бассейне Донца. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, вып. 6—7, М.—Л., 1940.
Мирчинк Г. Ф. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, М.—Л., 1934.
Нестурх А. Ф. Человеческие расы. М., 1954.
Нестурх А. Ф. Происхождение человека. М., 1958.
Павлова К. В. Раскопки кремневой мастерской у хут. Новоклиновка в Приазовье. КС ИИМК, вып. XLVIII, 1952.
Палеоліт і неоліт УРСР, Київ, 1947.
Происхождение человека и древнее расселение человечества, Сб. «Труды Института этнографии АН СССР», т. XVI, 1951.
Підоплічко І. Г. Походження людини, Київ. 1954.
Сибилев М. В. Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну річки Дінця, «Наукові записки Інституту історії і археології», кн. 2, Київ, 1946.
Рудинський М. Я. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР. Сб. «Антропологія», т. IV, Київ, 1930.

Рудинский М. Я. К вопросу о древнепалеолетических орудиях из кварцита. КС ИИМК, вып. 73, 1959.

Черниш О. П. Карта палеоліту у УРСР. Сб. «Матеріали і дослідження по археології УРСР», Київ, 1954.

Шовкопляс І. Г. Стародавній кам'яний вік на Україні, Київ, 1955.

VI. Мезолит и неолит

Бибиков С. Н. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 г. КСИА, № 8, 1959.

Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения Крымского палеолита. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, М.—Л., 1934.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племени Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы. КС ИИМК, вып. XXXI, 1950.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Труды XII, АС, т. I, М., 1905.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. Труды XIII АС, т. I, М., 1907.

Ефименко П. П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста. «Русский антропологический журнал», т. XIII, вып. 3—4, М., 1924.

Ефименко П. П. Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма, «Старовинності Ізюмщини», вып. III, Ізюм, 1928.

Кричевський Е. В. Ранній неоліт і походження трипільської культури. Сб. «Палеоліт і неоліт України», т. I, 1949.

Локтюшев С. А. Кремінна мікролітична індустрія, зібрана на дюнах у сточищі р. Донца на Луганщині. Сб. «Антропологія», т. I, 1928.

Локтюшев С. А. Доисторический очерк средней Донеччины, Луганск, 1930.

Локтюшев С. А. Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе. СА, т. 2, 1937.

Локтюшев С. О. Палеолітична стоянка Якимівська балка. Сб. «Палеоліт і неоліт України», Київ, 1947.

Левицький І. Ф. та Телегін Д. Я. Дослідження стоянки в урочищі Минівський Яр на Дінці. АП УРСР, т. VI, 1956.

Одинцова С. М. Розвідка археологічних пам'яток на Сіверському Дінці в 1948 р. АП УРСР, т. IV, 1952.

Рудинський М. Я. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР. Сб. «Антропологія», т. IV, Київ, 1931.

Семенов С. А. Экспериментальные исследования первобытной техники. СА, № 2, 1959.

Сибилев Н. В. Древности Изюмщины, вып. I, Изюм, 1926; вып. 2, 1926; вып. 3, 1928; вып. 4, 1930.

Сибилев Н. В. Микролитические стоянки бассейна р. Донца. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, М.—Л., 1940.

Сибилев Н. В. Эпипалеолит Изюмщины и его отношение к позднейшим культурам СА, т. V, 1940.

Сібільов М. В. Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок бассейну р. Донця. «Наукові записки Ін-ту історії і археології», кн. 2, 1946.

Сибилев Н. В. Отчет о зондажных раскопках в Изюмском округе в 1926 г. Изюм, 1927.

Телегин Д. Я. З глибини віків. Племена кам'яного віку на Україні, Київ, 1962.

Телегин Д. Я. Неолитические стоянки на среднем Донце (автореф. канд. дисс.), Киев, 1953.

Телегин Д. Я. Яремовская неолитическая стоянка. КС ИИМК, вып. 59, 1955.

Телегін Д. Я. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. Археологія, т. IX, 1954.

Телегін Д. Я. Неолітична пам'ятка лісостепового Лівобережжя і Полісся України. Вісник АН УРСР, № 8, 1954.

Телегін Д. Я. Неолітичні пам'ятки лісостепового Лівобережжя і Полісся України. Археологія, т. XI, 1957.

Телегин Д. Я. Неолитические памятники среднего течения Сев. Донца. СА, т. XXIX—XXX, 1959.

Телегин Д. Я. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, № 4, 1961.

Формозов А. А. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, № 1, 1953.

Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, т. XXI, 1954.

Формозов А. А. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века. КС ИИМК, вып. 59, 1955.

VII. Энеолит и бронзовый век

Артамонов М. И. Донская экспедиция ГАИМК (Поселение предскифской эпохи близ хутора Ляпичева на Дону). ПИМК, № 1—2, 1933.

Березанская С. С. Поселения срубной культуры на Осколе. КСИА, 8, 1959.

Березанская С. С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. СА, № 4, 1960.

Борисяк Н. Д. Несколько слов о новейших археологических находках в Харьковской и Екатеринославской губ. Труды III археологического съезда, т. II, Киев, 1878.

Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок с 1886 по 1902 г., издал Н. Печенкин, СПб, 1908.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.—Л., 1952.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. в 1901 г. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. в 1903 г. Труды XIII АС, т. 1, М., 1907.

Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии РАНИОН, т. II, М., 1928.

Готье Ю. В. Доклад о раскопках в 1901 г. в окрестностях Каменки Харьковской губ. Изюмского уезда. «Древности». Труды Московского археологического общества т. XIX, вып. III, М., 1902.

Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону, КС ИИМК, вып. 50, 1953.

Граков Б. Н. Археологические раскопки близ Никополя, ВДИ, № 1, 1931.

Данилевич В. Е. Стоянка и мастерская около с. Кочетка, Волчанского уезда и дер. Масловки, Змиевского уезда по берегам р. Сев. Донца в Харьковской губернии. ЗООИД, т. XXVI, Одесса, 1906.

Замятнин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. Воронеж, 1922.

Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935.

Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА СССР, № 23, М.—Л., 1951.

Иессен А. А. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КС ИИМК, вып. 53, 1954.

Ильинская В. А. О происхождении культур раннежелезного века в лесостепном Левобережье. КСИА, вып. 4, 1955.

Іллінська В. А. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в лівобережному Лісостепу. Археологія, т. X, Київ, 1957.

Ильинская В. А. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье среднего Днепра. КС ИИМК, вып. 70, 1957.

Ильинская В. А. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскола. КСИА, № 8, 1959.

Ковпаненко Г. Т. Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки. Археологія, т. XI, 1957.

Кривцова-Гракова О. А. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1938.

Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА СССР, № 46, 1955.

Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. Известия ГАИМК, вып. 119, М.—Л., 1935.

Лагодовская Е. Ф. Михайловское поселение и его историческое значение. КСИА, вып. 4, 1955.

Латынин Б. А. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КС ИИМК, вып. 70, 1957.

Либеров П. Д. Курганы у с. Черемушны. КС ИИМК, вып. 63, 1956.

Либеров П. Д. К вопросу о времени одомашнения курицы. СА, № 2, 1959.

Либеров П. Д. Археологические памятники р. Береки. КС ИИМК, вып. 77, 1959.

Либеров П. Д. Разведки в пойме р. Оскол. КСИА АН СССР, вып. 83, 1961.

Локтюшев С. А. Среднедонецкие курганные погребения бронзовой эпохи с оригинальной бытовой индустрией северокавказского и средиземноморского влияний. (По данным раскопок на Луганщине в 1919—1927 гг.). Труди Наукового т-ва Донеччини. І. Луганськ, 1928.

Локтюшев С. А. Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе. СА, № 2, 1937.

Локтюшев С. А. Доисторический очерк средней Донеччины. Луганск, 1930.

Махно Е. В. Нові пам'ятки епохи бронзи в Київській та Сумській областях. Археологія, т. X, 1957.

Мельник Е. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 гг. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Мерперт Н. Я. Некоторые проблемы изучения бронзы в Поволжье. Казань, 1957.

Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА СССР, № 61, 1958.

Митрофанова В. И. Янохинское поселение срубной культуры на р. Осколе, КСИА, № 9, 1960.

Морозов Ю. И. Заметки и материалы по археологии. Труды Харьковской комиссии по устройству XIII АС в г. Екатеринославе, Харьков, 1905.

Одинцова С. Н. Клады кремневых изделий из с. Гончаровки. КСИА, вып. 6, Киев, 1956.

Подгаецкий Г. В. Гор. Воронеж. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941.

Попова Т. Б. К вопросу о многоваликовой керамике, СА, № 4, 1960.

Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры .Труды ГИМ, вып. 24, М., 1955.
Потапів О. Опуклоденцевий посуд бронзової доби сточища р. Донця. Записки ВУАК, т. I, Киев, 1931.
Рудинський М. Я. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник № 1, Полтава, 1928.
Сібільов М. В. Старовинності Ізюмщини, вып. III, Ізюм, 1928; вып. IV, 1930.
Синицын И. В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. КСИА, № 7, 1957.
Спицын А. А. Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2. Труды отд. слав. и русск. арх., кн. 4, СПб, 1899.
Спицын А. А. Изюмская керамика. Старовинності Ізюмщини, вып. 3, 1928.
Стефанов А. Т. Раскопки курганов по Сев. Донцу в окрестностях хутора Хрящевского. Записки Северо-кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, кн. I, т. III, вып. 5—6. Ростов-на-Дону, 1929.
Телегин Д. Я. Погребения эпохи бронзы на р. Деркул. КСИА, вып. I, 1952.
Телегін Д. Я. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. АП УРСР, т. 6, 1956.
Телегин Д. Я. Оскольская экспедиция 1955—1956 гг. КСИА, № 8, 1959.
Телегин Д. Я. Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия. КСИА, № 9, 1960.
Тереножкін О. І. Курган Сторожова могила. Археологія, т. V, Киев, 1951.
Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Изд. АН УССР, Киев, 1961.
Федоровский А. С. Археологические раскопки в окрестностях Волчанска. «Волчанский земский листок», № 47—48. Волчанск, 1916.
Федоровский А. С. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне. Воронежский ист. арх. вестник, № 2, Воронеж, 1921.
Федоровский Н. А. Могильник кургана слободы Сеньково Купянского уезда. Сб. ХИФО, т. 12, Харьков, 1900.
Фосс М. Е. Раскопки стоянок на р. Осколе. Труды ГИМ, вып. XII, М., 1941.
Шевченко А. И. Фауна поселения эпохи бронзы в с. Михайловке на Нижнем Днепре. КСИА, № 7, 1957.
Шрамко Б. А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КС ИИМК, вып. 54, 1954.
Шрамко Б. А. Новые памятники предскифского времени на Северном Донце. КС ИИМК, вып. 67, 1957.
Эварницкий Д. И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губ. Труды XIII АС, т. I, М., 1907.

VIII. Железный век

а) Скифы, сарматы и их соседи в раннем железном веке

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949.
Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э., СА, № 1, 1959.
Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, № 2, 1950.
Артамонов М. И. Общественный строй скифов. Ученые записки ЛГУ, № 9, 1947.

Артамонов М. И. О земледелии и земледельческом празднике у скифов. Ученые записки ЛГУ, № 95, сер. ист. наук, вып. 15, 1948.

Артамонов М. И. Этногеография Скифии. Ученые записки ЛГУ, № 85, сер. ист. наук, вып. 13, 1949.

Артамонов М. И. Этнический состав населения Скифии. Доклады VI научн. конференции Ин-та археологии, Киев, 1953.

Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. Археологический сборник № 2. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1961.

Багалей Д. И. Археологические, этнографические и топографические заметки о Харьковской губернии. «Харьковский сборник», вып. 2, Харьков, 1888.

Багалей Д. И. Общий очерк древностей Харьковской губернии. «Харьковский сборник», вып. 4, Харьков, 1890.

Багалей Д. И. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском у. Харьковской губ. летом 1903 г. Труды XIII АС, т. I, М., 1907.

Бранденбург Н. Е. Раскопки в Екатеринославской губ. ОАК за 1892.

Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг, издал Н. Печенкин, СПб, 1908.

Брайчевская А. Т. Железоплавильный горн в Новой Покровке, КСИА, вып. 6, 1956.

Бречка М. Ф. Археологічне дослідження скіфських пам'ятників в околицях Люботина. Наукові записки ХДПІ, т. І, Харків 1939.

Вязьмітіна М. І. Вивчення сарматів на території Української РСР. Археологія, т. VIII. 1953.

Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т. Кургани біля с. Новопилипівки і радгоспу «Аккермень», АП УРСР, т. VIII, 1960.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. 1901. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г. Труды XIII АС, т. I, М., 1907.

Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ, вып. I, М. 1926.

Городцов В. А. Раскопки «Частных курганов» близ Воронежа в 1927 г. СА, т. IX, 1947.

Граков Б. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Труды секции археологии РАНИОН, т. V, М., 1930.

Граков Б. Н. Скіфи. Київ, 1947.

Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № 3, 1947.

Граков Б. Н. Скифский Геракл. КС ИИМК, вып. XXXIV, 1950.

Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. МИА СССР, № 36, 1954.

Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.

Граков Б. Н. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, № 4, 1958.

Данилевич В. Е. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовки Ахтырского у. Труды XII АС, т. I. М., 1905.

Данилевич В. Е. Раскопки курганов около хут. Покровского Валковского у. Харьковской губ. летом 1903 г. Труды московского предварительного комитета по устр. XIV АС, вып. 2, М., 1908.

Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956.

Елагина Н. Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. СА, № 2, 1959.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Сб. статей, М., 1953.
Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, т. VIII, 1946.

Зарецкий И. А. Заметка о древностях Харьковской губ., Богодуховского у. слободы Лихачевки. «Харьковский сборник». вып. 2. Харьков, 1888.

Захаров О. О. Скитські похорони, найдені 1929 р. біля Балаклеї, «Ізюмщина», Збірник Ізюмського краєзнавчого музею, Ізюм. 1930.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. МИА СССР, № 83, М., 1960.

Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953.

Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Сев. Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.

Іллінська В. А. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі. Археологія, т. IV, 1950.

Іллінська В. А. Верхньосульська експедиція 1947 р. АН УРСР, т. IV, Київ, 1952.

Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XXVII, 1957.

Ильинская В. А. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра. КС ИИМК, вып. 70, 1957.

Книпович Т. Н. Танаис. М.—Л., 1949.

Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. Известия ГАИМК, вып. 104, 1934.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, т. XIX, 1954.

Либеров П. Д. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э., сб. «Материалы по истории земледелия СССР», М., 1952.

Либеров П. Д. Курганы у с. Черемушны. КС ИИМК, вып. 63, 1956.

Либеров П. Д. Археологические памятники р. Береки, КС ИИМК, вып. 77, 1959.

Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории Сев. Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА СССР, № 53, 1960.

Либеров П. Д. Новые материалы из курганов у села Черемушна, КСИА АН СССР, вып. 83, 1961.

Ляпушкин И. И. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, 1950.

Макаревич М. Л. Поховання сарматського та салтівського типу на Сіверському Дінці. Археологія, т. X, 1957.

Манцевич А. П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху. ВДИ, № 2, 1949.

Манцевич А. П. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА, № 2, 1958.

Манцевич А. П. Золотой венец из кургана на р. Калитве (к вопросу об агафирсах). Известия на Археологическия институт. Българска Академия на науките, кн. XXII, София, 1959.

Мелюкова А. И. Войско и военное искусство скифов. КС ИИМК, вып. XXXIV, 1950.

Мелюкова А. И. Каменная фигура скифа-воина. КС ИИМК, вып. 48, 1952.

Мельник Е. Н. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 гг. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Миллер А. А. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910.
Москаленко А. Н. Памятники скифского времени на Среднем Дону. КСИА, вып. 4, Киев, 1955.
Москаленко А. Н. Архангельское (Голышевское) городище. КС ИИМК, вып. 48, 1952.
Морозов Ю. И. Заметки и материалы по археологии. Труды Харьковской комиссии по устройству XIII археол. съезда, Харьков, 1905.
Морозов Ю. И. О городищах Харьковской губ. Харьков, 1901.
Оболдуєва Т. Г. Сарматські кургани біля м. Мелітополя, АП УРСР, т. IV, 1952.
Пассек В. В. Курганы и городища в Харьковской губ. ЖМВД, ч. XXV, № 9, 1837.
Пассек В. В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского у. «Русский исторический сборник», т. III, кн. 3, 1839.
Покровская Е. Ф. Мелитопольский скифский курган. ВДИ, ИИМК, вып. XXXIV, 1951.
Покровская Е. Ф. Мелитопольский скифский курган. ВДИ, № 2, 1955.
Попов Г. О древностях окрестностей г. Купянска. Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902.
Пузаков Е. В. Серп из поселения Сердюково II в. Харьковской обл. СА, № 1, 1959.
Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
Рудинський М. Я. Археологічні збірки Полтавського музею. Зб. 1, Полтава, 1928.
Семенов-Зусер С. А. Скіфи-кочовники на території Північного Причорномор'я. Наукові записки ХДПІ, т. I, Харків, 1939.
Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.
Сибилев Н. В. Древности Изюмщины. Вып. I—IV. Изюм, 1926—1930.
Сібільов М. В. Фалари Ізюмщини. Хроніка археології та мистецтва, ч. 2, Київ, 1930.
Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана, МИА СССР, № 78, 1960.
Смирнов К. Ф. Северский курган. Труды ГИМ, вып. XI, М., 1953.
Смирнов А. П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935.
Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан. ВДИ, № 1, 1948.
Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.
Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас, СПб, 1909.
Соломоник Э. И. Сарматские знаки Сев. Причерноморья. Киев, 1959.
Спесивцев В. Находки в Райгородке. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Спицын А. А. Фалары Южной России. ИАК, вып. 29.
Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918.
Трефильев Е. П. Археологическая экскурсия в Купянский уезд. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Трефильев Е. П. Археологическая экскурсия в с. Дергачи, Харьковского у. в августе 1903 г. Труды XIII АС, т. 2, М., 1908.
Тереножкин А. И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955.

Тереножкин А. И. Памятники предскифского периода на Украине. КС ИИМК, вып. 47, 1952.
Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе. КСИА, вып. 5, 1955.
Тереножкин А. И. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, № 2, 1957.
Титенко Г. Т. Памятники скифского времени бассейна р. Ворсклы, КСИА, вып. 4, 1955.
Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губ. Труды Курского губернского стат. комитета, вып. IV, Курск, 1874.
Федоровский А. С. Доисторическое прошлое Харьковской губ. Харьков, 1918.
Фукс М. Про городища скитської доби на Харківщині. Записки ВУАК, т. I, Київ, 1931.
Шоков А. Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952.
Шрамко Б. А. Памятники скифского времени в бассейне Сев. Донца, автореф. канд. дисс., М., 1953.
Шрамко Б. А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Сев. Донца. КС ИИМК, вып. 54, 1954.
Шрамко Б. А. Памятники скифского времени у с. Островерховка, Харьковской обл. КСИА, вып. IV, 1955.
Шрамко Б. А. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Островерхівка. АП УРСР, т. VI, 1956.
Шрамко Б. А. Курган и городище у с. Циркуны. КС ИИМК, вып. 63, 1956.
Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. СА, № I, 1957.
Шрамко Б. А. Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине. КСИА, вып. 7, 1957.
Шрамко Б. А. Досягнення радянських археологів в галузі вивчення племен Скіфії. Наукові записки ХДУ, історичний факультет, т. VI, Харків, 1957.
Шрамко Б. А. Археологічні дослідження курганів раннього залізного віку в околицях м. Люботина. Труди історичного факультету ХДУ, т. 5, Харків, 1957.
Шрамко Б. А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе, СА, № 1, 1961.
Шрамко Б. А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця. Археологія, т. XIV, Київ, 1962.
Яценко И. В. Скифия VII—V веков до нашей эры. Труды ГИМ, вып 36, М., 1959.

б) Поздние сарматы (аланы), болгары и их соседи

Алексеев В. П. Антропология салтовского могильника. КСИЭ, вып. XXXI, 1959.
Арендт В. В. О технике древнего клинкового производства. Архив истории науки и техники, вып. VIII. Труды Института истории науки и техники сер. I, М.—Л., 1936.
Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, Л., 1935.
Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии. СА, т. VI, 1940.
Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях маяцкого городища. СА, т. XIX, 1954.
Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. МИА СССР, № 62, 1958.
Бабенко В. А. Древне-Салтовские придонецкие окраины Южной России. Труды XII АС, т. 1, М., 1905.

Бабенко В. А. Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника 1902 г. Труды Харьковского комитета по устройству XIII АС, Харьков, 1905.

Бабенко В. А. Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника, 1903 г. Труды Харьковского комитета по устр. XIII АС, Харьков, 1905.

Бабенко В. А. Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника 1904 г. Труды Харьковского комитета по устр. XIII АС, Харьков, 1905.

Бабенко В. А. Дневник раскопок в Верхнем Салтове, произведенных в 1905—1906 гг. Труды XIII АС, т. I. М., 1907.

Бабенко В. А. Дневник раскопок 1-го катакомбного могильника в сл. Верхнем Салтове, 1908 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911.

Бабенко В. А. Дневник раскопок, произведенных в 1909 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911.

Бабенко В. А. Дневник раскопок в 1910 г. Труды XIV АС, т. III, М., 1911.

Бабенко В. А. Дневник раскопок в 1911 г. Труды XV АС, т. I, М., 1914.

Бабенко В. А. Дневник раскопок 1912 г. Труды XV АС, т. I, М., 1914.

Бабенко В. А. Археологические исследования памятников древней культуры в сл. Верхнем Салтове. Волчанск, 1913.

Бабенко В. А. Соотношение Салтовских могильников и могильников Сев. Кавказа. Известия XIV АС в Чернигове.

Багалей Д. И., Покровский А. М., Трефильев Е. П. Верхне-Салтовский могильник Волчанского у. Каталог выставки XII АС в г. Харькове. Харьков, 1902.

Гинзбург В. В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения хазарского каганата. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951.

Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского у. Харьковской губ. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? Известия ГАИМК, т. V, Л., 1927.

Дебец Г. Ф. Черепи з Верхнє-Салтівського могильнику. Антропологія, т. 4, Київ, 1931.

Евстропов Н. Т. Городище и селище возле г. Волчанска. СА, № 4, 1958.

Иванов А. И. История монголов (Юань-Ши) об асах-аланах, «Христианский Восток», т. II, вып. 3, СПб., 1914.

Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, т. XIII, М.—Л., 1950.

Кропоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, № 4, 1951.

Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Сев. Кавказа, СА, № 2, 1959.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, т. XIX, 1954.

Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КС ИИМК, вып. 41, 1951.

Кухаренко Ю. В. Ново-Покровський могильник і поселення. Археологія, т. IV, Київ, 1952.

Кухаренко Ю. В. Широкопластинчатые фибулы, КС ИИМК, вып. 74, 1959.

Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

Крупнов Е. И. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов, ВДИ, № 2, 1938.

Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение. МИА СССР, № 62, 1958.
Ляпушкин И. И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. МИА СССР, № 62, 1958.
Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА СССР, № 62, 1958.
Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н. э. днепровского лесостепного Левобережья. СА, т. XIII, 1950.
Луцкевич І. Н. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. Археологія, г. II, 1948.
Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911.
Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. в 1905 г. ИАК, вып. 19, 1906.
Макаревич М. Л. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці. Археологія, т. X. 1957.
Махно Є. В. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань, АП УРСР, т. III, 1952.
Мерперт Н. Я. «Верхнее Салтово» (Салтовская культура), (авторефер. канд. дисс.), М. 1949.
Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры. КС ИИМК, вып. XXXVI, 1951.
Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, т. XXIII, 1955.
Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1947.
Милютин А. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, 1909.
Мольнар Эрик. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Studia Historica Academiae scientarum Hungaricae, № 13, Budapestini, 1955.
Наджимов К. Н. О черепах Зливкинского могильника. Краткие сообщения Института этнографии, вып. XXIV, 1955.
Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца, КС ИИМК, вып. 79, 1960.
Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Рудинський М. Я. Кантемирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, Київ, 1931.
Рыбаков Б. А. Русь и Хазария. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952.
Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, т. XVIII, 1953.
Скалон К. М. Изображения животных на керамике сарматского периода. ТОИПК, т. I, Л., 1941.
Спицын А. А. Историко-археологические розыскания. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, вып. I, 1909.
Семенов-Зусер С. А. Розкопки біля с. Салтова 1946 р. АП УРСР, т. I, Київ, 1949.
Семенов-Зусер С. А. Дослідження салтівського могильника. АП УРСР, т. III, 1952.
Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951.
Станчев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, т. XXVII, 1957.
Телегин Д. Я. Находки раннеславянского времени на Сев. Донце. КС ИИМК, вып. 68. 1957.
Тесленко Г. І. Розкопки Верхньо-Салтівського могильника 1920 року. «Збірник на пошану акад. Д. І. Багалія», Наукові записки Научно-дослідчої кафедри історії укр. культури, № 6, 1927.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК, т. VIII, М., 1900.
Федоровский А. С. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв. Вестник ХИФО, вып. 3, 1913.
Федоровский А. С. Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника., 1911 г. Вестник ХИФО, вып. 5, 1914.
Шрамко Б. А. Кераміка салтівської культури. Учені записки ХДУ, Труди історичного факультету, т. 7, Харків, 1959.
Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, т. XIX, 1954.
Эрдейи И. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX—X вв. (автореф. канд. дисс.). Л., 1959.

в) Раннеславянские памятники

Березовец Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської обл. АП УРСР, т. III, 1952.
Березовец Д. Т. До питання про літописних сіверян. Археологія, т. VIII, Київ, 1953.
Брайчевський М. Ю. Римська монета на території України, Київ, 1959.
Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археол. съезда. Донецкое городище. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Ефименко П. П. Раннеславянское поселение на Среднем Дону. Сообщения ГАИМК, № 2, 1931.
Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, вып. 8, М.—Л., 1948.
Кропоткин В. В. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. СА, № 2, 1958.
Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения днепровского лесостепного Левобережья. СА, т. XIII, 1950.
Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, т. IX, 1947.
Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа, СА, т. XXIX—XXX, 1959.
Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. МИА СССР, № 74, М.—Л., 1958.
Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Ученые записки пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. IX. Л., 1939.
Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. Донецкое городище. ИАК, вып. 19, 1906.
Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907.
Макаренко М. Городище Монастирище. Науковий збірник історичн. секції УАН, т. XIX, 1924.
Махно Є. В. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу, Археологія, т. IV, Київ, 1950.
Морозов Ю. И. О городищах Харьковской губ. Записки Харьковского университета, кн. 3, 1901.
Пассек В. В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Русский исторический сборник, т. III, кн. 2, М., 1840.
Пигулевская Н. В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952.
Попов О. І. До найдавнішої історії слов'янства. Археологія, т. IX, 1954.
Рыбаков Б. А. Поляне и северяне. СЭ, № 6—7, 1947.
Рыбаков Б. А. Древние Русы. СА, т. XVII, 1953.

Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского у., Курской губ. М., 1915.

Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП кн. 8, 1899.

Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, № 4. 1948.

Третьяков П. Н. Восточно-славянские племена. Изд. 2, М., 1953.

Шрамко Б. А. Новые детали устройства раннеславянских жилищ, СА, № 4, 1960.

Якубовский А. Ю. К вопросу о русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Известия АН СССР, серия истор. и философ., № 5, 1946.

г) Поздние кочевники (печенеги, торки, половцы и др.)

Аристов Н. Я. О земле половецкой. Киев, 1877.

Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг., издал Н. Печенкин, СПб, 1908.

Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах». ЗООИИД, т. XXXII, 1915.

Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

Голубовский П. П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XII вв. Киев, 1884.

Голубовский П. П. Об узах и торках. ЖМНП, 1884, кн. 7 (июль).

Городцов В. А. Результаты арх. исследований в Изюмском у. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Городцов В. А. Результаты арх. исследований в Бахмутском у. Труды XIII АС, т. I, М., 1907.

Захаров А. А. Каменные бабы. Старовинності Ізюмщини, вып. 3, Ізюм, 1928.

Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.

Кун В. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии. Ученые записки Ташкентского пединститута, вып. I, 1947.

Ляскоронский В. Г. К вопросу о торках. ЖМНП, № 4, 1905.

Малов С. Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». Известия АН СССР, отд. языка и литературы, V, 2, 1946.

Мец Н. Л. К вопросу о торках. КС ИИМК, вып. 23, 1948.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях МИА СССР, № 62, 1958.

Пономарев А. Куман-половцы. ВДИ, № 3—4, 1940.

Попова А. И. Кипчаки и Русь. Ученые записки ЛГУ, № 14, 1949.

Рыбаков А. И. Русские земли по карте Идриси 1154 года. КС ИИМК, вып. 43, 1952.

Сибилев Н. В. Городища, майданы, валы, каменные бабы и доисторические стоянки в пределах Изюмского уезда. Труды экспедиции для изучения Изюмского края под рук. проф. А. С. Федоровского, вып. I, Изюм, 1923.

Сибилев Н. В. Древности Изюмщины. Вып. I, 1926; вып. 3, 1928.

Спесивцев В. Случайная археологическая находка. Харьковский сборник, вып. 6, Харьков, 1892.

Спицын А. А. Уродливые медные статуэтки. ИАК, вып. 29, СПб, 1909.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб, 1884; т. 2, М.—Л., 1941.

Трефильев Е. П. Археологическая экскурсия в Купянский уезд. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Трефильев Е. П. Курганы с каменными бабами Купянского у. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Трефильев Е. П. Археологическая экспедиция по течению р. Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольской и Екатеринославской губ. летом 1904 г. Труды XIII АС, т. I, 1907.

Федоровский А. С. Две бронзовые статуэтки Харьковского Археологического музея. «Наука на Украине», № 4, Харьков, 1922.

Харламов В. Раскопки по реке Донцу. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Чириков Г. С. Каменные бабы в Харьковской губ. Труды Харьковск. предварительного комитета по устройству XII АС, т. I. Харьков, 1902.

Эварницкий Д. И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губ. Труды XIII АС, т. II, М., 1908.

д) Древнерусское государство IX—XIII вв.

Артамонов М. И. Белая Вежа, СА, т. XVI, 1952.

Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону. Известия ГАИМК, вып. 131, Л., 1935.

Афанасьев В. А. Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 г. «Исторический журнал», № 6, 1939.

Багалей Д. И. История Северской земли до половины XIV столетия, Киев, 1882.

Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882.

Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII АС. Донецкое городище. Труды XII АС, т. I, М., 1905.

Городцов В. А. Определение юго-восточных границ домонгольской Руси начала XIII в. Труды XIII АС, т. II, М., 1908.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.

Гущин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936.

Данилевич В. Е. Донецкое городище и город Донец. Археологическая летопись Южной России, № 4—5, 1904.

Довженок В. Й. Землеробство древньої Русі до середини XIII ст., Київ, 1961.

Дорн Б. А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. Записки АН, т. XXVI, кн. I, 1875.

Знойко Н. О походах Святослава на Восток. ЖМНП, т. XVIII, № 11, 1908.

История культуры древней Руси. Под. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова, т. I, М.—Л., 1948; т. 2, М.—Л., 1951.

Кирпичников А. Н. Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.). СА, № 4, 1961.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА СССР, № 32, 1953.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954.

Кудряшов К. В. Про Игоря Северского, про землю русскую М., 1959.

Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Одесса, 1892.

Любомиров П. Г. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. Ученые записки Саратовского университета. Слав.-истор. отд. педагог. фак-та, т. I, вып. 3, 1923.

Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА СССР, № 6, 1941.

Лясоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1898.
Лясоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. СПб. 1907.
Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940.
Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси, СА, № 2, 1959 г.
Мельник Е. Н. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900—1901 гг. Труды XII АС, т. I, М., 1905.
Морозов Ю. О городищах Харьковской губернии. Записки Харьковского университета, кн. 3, Харьков, 1901.
Москаленко А. Н. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955.
Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века. «Исторические записки», № 6, 1940.
Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. VI, М., 1936.
Орлов А. С. Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, 1946.
Пассек В. В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. «Русский исторический сборник», т. III, кн. 3, М., 1839.
Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. МИА СССР, № 11, 1949.
Рыбаков Б. А. Русь и Хазария. Сб. статей ко дню 70-летия акад. Б. Д. Грекова. М., 1952.
Рыбаков Б. А. Древние славяне в Причерноморье. Журн. «Славяне», № 2, 1954.
Рыбаков Б. А. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». Научные доклады Высшей школы. Исторические науки, № 1, 1958.
Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.
Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908.
Сибилев М. В. Древности Изюмщины. Вып. I, 1926.
Сібільов М. В. Археологічні пам'ятники на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія, т. IV, 1950.
Слюсарський А. Г. Слобідська Україна. Харків, 1954.
Смирнов Я. И. О бронзовом водолее западно-европейской работы, найденном в Харьковской губ. и о других подобных находках в пределах России. Записки Харьковского университета, кн. 3, 1903.
Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, № 8, 1899.
Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, 2 изд., М., 1953.
Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956.
Федоровський О. С. Археологічні розкопки в околицях Харкова. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, Київ, 1930.
Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 1, М., 1852; отд. 2, М., 1857; отд. 3, М., 1857; отд. 4, Харьков, 1857.
Шрамко Б. А., Петриченко О. М., Солнцев Л. О., Фомин Л. Д. Дослідження древньоруських залізних виробів Донецького городища. Нариси з історії техніки, вип. 7, Київ, 1961.
Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 (943—944) году. Византийский временник, т. XXV.
Якубцинер М. М. К истории культуры пшеницы в СССР. Сб. «Материалы по истории земледелия в СССР», т. 2, М.—Л., 1956.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

IX. Краеведение

Авдусин Д. А. Археологические разведки и раскопки. М., 1959.

Амальрик А. С. и Монгайт А. Л. Что такое археология, М., 1957.

Бадер О. Н. Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения. М., 1938.

Баринов Г. Летние путешествия школьников. М., 1952.

Верховых М. Г. Краеведческий материал на уроках отечественной истории как средство идейно-политического воспитания учащихся. Сб. «Доклады, прочитанные на научно-практической конференции Воронежского института усовершенствования учителей», Воронеж, 1951.

Воєводін М. А. Кімнати — музеї Харківщини, Харків, 1959.

Герасимов Т. А. Кабинет истории в школе. М., 1954.

Головин Н. М. Краеведение в начальной школе. М., 1949.

Добкович В. В. и Кравцов В. А. Юный турист. Организация туристских путешествий школьников, М., 1954.

Дяченко М. Організація сільського музею, Київ, 1959.

Из опыта организации краеведческой работы в школах Харьковской области. Вып. I, Киев, 1952.

Изучай свой край. Книга юного краеведа. Под ред. проф. С. В. Обручева. М., 1951.

Карцев В. и Романовская Н. Опыт постановки экскурсионно-туристической работы по истории в пионерском лагере. «Преподавание истории в школе», № 2, 1946.

Коровкин Ф. П. Спутник юного туриста в археологической разведке, М., 1947.

Крайнов Д. А. Археология и краеведение. «Советская археология» № 3, 1957.

Красюк Я. І. Шкільний історичний музей. Київ, 1957.

Кузин Н. П. Воспитательное и образовательное значение применения краеведческого материала в преподавании и истории СССР. «Преподавание истории в школе», № 2, 1954.

Маршруты летних путешествий по Харьковской области. Составл. Харьковской областной экскурсионно-туристской станцией. Харьков, 1956.

Надеждина Н. А. Краеведение в работе школы. М., 1953.

Попова Т. Б. и Раушенбах В. М. Археологические материалы в краеведческих музеях. М., 1954.

Прус І. Т. Краєзнавча робота в піонерській дружині. Київ, 1958.

Родин А. Ф. История родного села. М., 1954.

Романовская Н. В. Изучение истории местного края. М., 1947.

Русаков М. Г. Методика краєзнавчого дослідження населеного пункту та його околиць. Київ, 1958.

Славін Л. М. Археологічні пам'ятки, їх вивчення й охорона. Київ, 1950.

Смирнов А. П. Археологическое изучение края. М., 1946.

Справочник путешественника и краеведа. Под ред. С. В. Обручева, т. I, М., 1949; т. 2, М., 1950.

Ставровский А. Е. Путешествия по родному краю и их значение в коммунистическом воспитании. «Советская педагогика», № 10, 1948.

Ставропольский А. Е. Внеклассная краеведческая работа. М., 1953.

Трущин Н. Наш краеведческий музей. «Советская педагогика», № 7, 1949.

Туристские маршруты по Украине. Составители: Горбунова Н. Н. Никольский В. В. Киев, 1957.

Формозов А. А. О собирании археологических коллекций, «Преподавание истории в школе», № 3, 1960.

Хмелев А. Н. Исторический кружок в школе. М., 1960.
Шитов С. П. Краеведческая работа в сельской школе. «Советская педагогика». № 11, 1948.
Шкаровська І. Там, де стояв княжий терем. Нарис про роботу історичного гуртка 25 середньої школи м. Києва, Київ, 1956.

Литература на иностранных языках

Arendt, W. W. Türkische Säbel aus den VIII—IX Jahrhunderten, Archaeologia Hungarica, XVI, Budapest, 1934.
Černohorský, K. Žernovy v hospodářsko-společenskem vývoji časného středoveku, Památky archeologické, Praha, XLVIII, 2, 1957.
Dienes István. A. perbetei lelet. Mylyen volt a honfoglaló magyarok öve? Archaeologiai Értesítö, Budapest, vol. 86, 2 szám, 1959.
Fettich, N. Bronzeguss und Nomadenkunst, Prague, 1929.
Fettich, N. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn, Archaeologia Hungarica, XXI, Budapest, 1937.
Callus Sándor, Tibor Horvath. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. Dissertationes Pannonicae, II, 9. Budapest, 1939.
Hampel, J. Alterthümer des fruhen Mittelalters in Ungarn, B. I, 1905.
Kudrnáč, J. Rekonstrukce slovanské obilnice z Klučova, Archeologiské roshledy, sešit 5, 1957.
Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum Budapest, 1880.
Makarenko, N. La civilisation des Scythes et Hallstatt, Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki, V, 1930.
Mancevics A. P. A Kalitva folyó melletti kurgán. Archaeologiai Értesitö. Vol. 88, № 1, Budapest, 1961.
Marquart, J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.
Minns Ellis H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
Михайлов Ст. Един старинен некропол при Нови Пазар. Известия на археологическия институт, XX, София, 1955.
Niederle Lubor. Rukovět slovanských starožitností. Praha, 1953.
Pósta Béla. Archaeologische Studien auf russischen Boden, B. 1—2, Budapest—Leipzig, 1905.
Potapov, A. Inkrustierte Keramik von Belsk. Eurasia Septentrionalis Antiqua, IV, Helsinki, 1929.
Rostovtzeff, M. Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922.
Schramko B. A. Denkmäler aus der Skythenzeit bei dem Dorf Ostrowerchowka. Bibliotheca classica orientalis. Heft 6, Berlin, 1959.
Schramko B. A. Spuren des Ackerbauerkults bei den Stämmen der Waldsteppe des nördlichen Schwarzmeergebietes in der frühen Eisenzeit. Bibliotheca classica orientalis. Heft 2, Berlin, 1960.
Tóth Zoltán. Attila's Schwert. Studie über die Herkunft des sog. Säbels Karls des Grossen in Wien. Budapest, 1930.
Zakharov, A. A. Y. A. Saretsky's Exsavations in the Government of Kharkow, Eurasia Septetrionalis Antiqua VII, Helsinki, 1932.
Zakharow, A. A. Beiträge zur Frage der türkischen Kultur der Völkerwanderungszeit, Archaeologia Hungarica, XVI, Budapest, 1934.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Условные сокращения: г. — город, с. — село, дер. — деревня, пос. — поселок, хут. — хутор, ст. — станция, р. — река, оз. — озеро, о. — остров, ур. — урочище, стан. — станица, п-ов — полуостров, обл. — область

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет АН УРСР
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей в Москве
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
ИГАИМК — Известия ГАИМК
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КС ИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТОИПК — Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ХГУ — Харьковский государственный университет
ХИФО — Харьковское историко-филологическое общество
ХДПІ — Харківський державний педагогічний інститут
IPE — Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini

ОГЛАВЛЕНИЕ

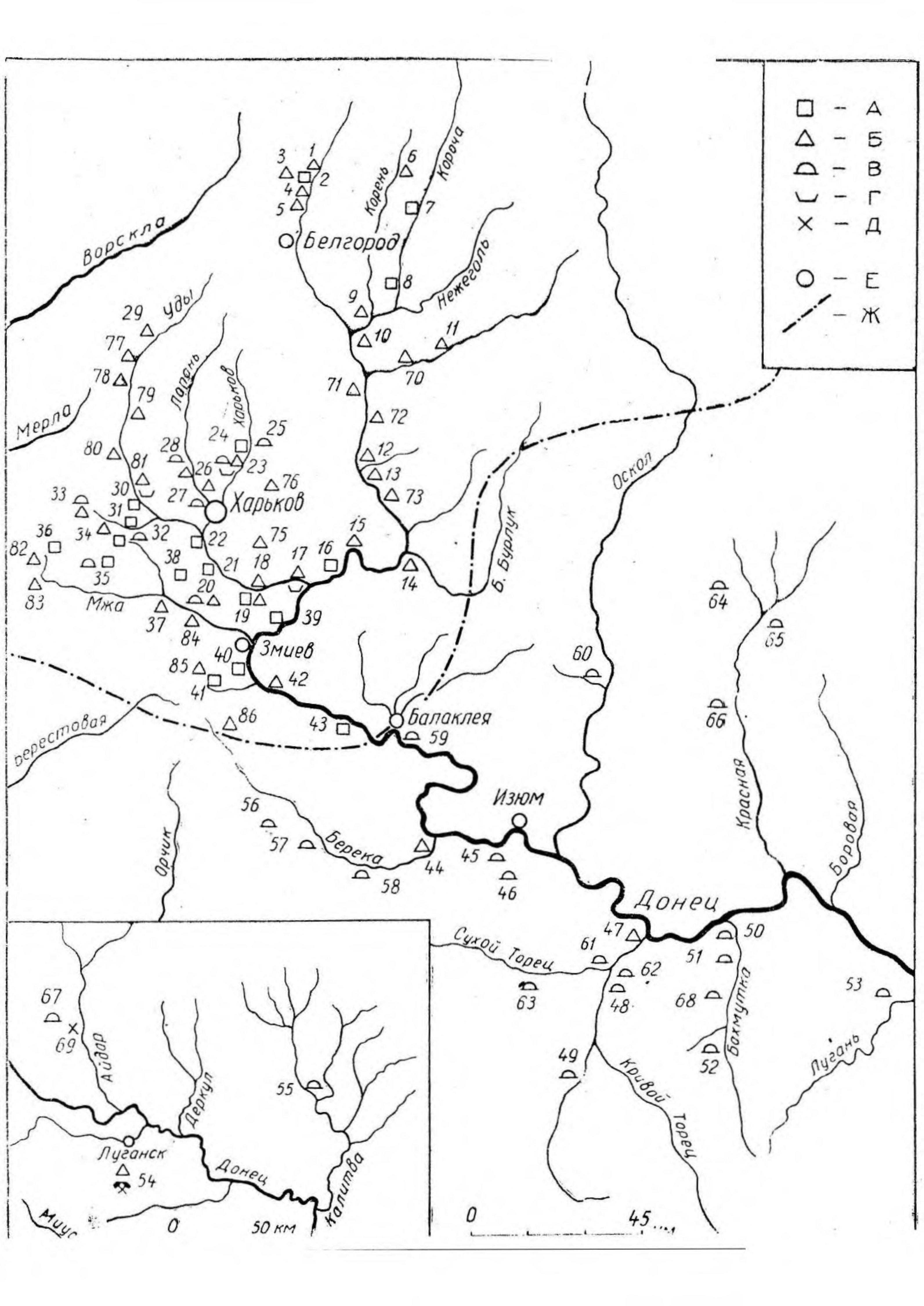
Борис Андреевич Шрамко

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Обложка художника *Е. И. Любимова.*
Редактор *Л. Н. Третьякова.*
Техредактор *А. С. Трофименко.*
Корректоры *Л. Т. Момот, В. А. Селезнева.*

Передано в набор 27/V 1960 г. Подписано к печати 25/VI 1962 г.
БЦ 10145. Формат 60×92 1/16. Объем 12,62 бум. л., 25,25 физ. печ. л., 25,25 усл. печ. л., 26,6 уч.-изд. л. Тираж 2000. Заказ 1095. Цена 1 руб. 70 к[illegible]

Типография Издательства Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького. Харьков, Университетская, 16

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
Ворскла
Белгород
Корень
Короча
Нежеголь
Уды
Мерла
Лопань
Харьков
Харьков
Оскол
Мжа
Змиев
Б. Бурлук
Балаклея
Берестовая
Изюм
Орчик
Берека
Донец
Красная
Боровая
Сухой Торец
Кривой Торец
Бахмутка
Лугань
Айдар
Деркул
Луганск
Донец
Калитва
Миус
0
50 км
0
45

Рис. 67. Карта основных скифских и сарматских памятников в бассейне Донца. *А* — городища, *Б* — селища, *В* — курганы, *Г* — бескурганные могильники, *Д* — случайные находки, *Е* — современные города, *Ж* — южная граница лесостепи.

Памятники скифского времени

1. Селище у с. Сабынино.
2. Городище у с. Сабынино.
3. Селище Песчаный Карьер.
4. Селище у пос. Поляны.
5. Селище у с. Петропавловки
6. Селище Городищенское.
7. Городище у с. Большое Городище.
8. Городище у с. Доброе.
9. Селище у с. Устинка.
10. Селище у с. Новая Таволжанка.
11. Селище Бочково.
12. Селище у с. Хотомля.
13. Селище у с. Комсомольское.
14. Селище у с. Базалеевка.
15. Селище у с. Кочеток.
16. Городище в г. Чугуеве.
17. Селище у с. Ново-Покровка.
18. Селище у с. Шмаровка.
19. Городище и селище у с. Водяное.
20. Селище и курганы у с. Островерховка.
21. Городище у с. Хорошево.
22. Городище Донецкое у ст. Карачевка.
23. Селище и курганы у с. Большая Даниловка.
24. Городище у с. Циркуны.
25. Курганы у с. Циркуны.
26. Селище Саржин Яр.
27. Курганы на Холодной Горе в Харькове.
28. Курганы у с. Дергачи.
29. Селище у с. Уды
30. Закозаровское городище у с. Костенки.
31. Люботинское городище.
32. Курганы у г. Люботина.
33. Селище и курганы у с. Санжары.
34. Городище Караван и селище Шелковая.
35. Городище Куколевского у с. Городище.
36. Городище у с. Барановки.
37. Селище у Мерефы.
38. Городище у с. Яковлевки.
39. Городище у с. Мохначи
40. Городище у с. Коробовы Хутора.
41. Городище у с. Б. Гомольша.
42. Селище у оз. Чайка близ с. Черкасский Бишкинь.
43. Северское городище у с. Меловая.
44. Селище у с. Петровского.
45. Курганы у с. Шпаковка.
46. Курганы у с. Малая Камышеваха.
47. Селище у с. Райгородок.
48. Курганы у хут. Бревин.
49. Курганы у с. Райское.
50. Курганы у хут. Каменка.
51. Курганы у с. Черногоровка.
52. Курганы у ст. Ступки.
53. Курганы в урочище Золотой рудник. (у с. Камышевахи).
54. Селище у с. Городище.
55. Курган у с. Криворожье.

Сарматские погребения

56. Курганы у с. Раздольное и Новоселки.
57. Курганы у с. Бунаковка.
58. Курганы у с. Мечебелово.
59. Курган у г. Балаклея.
60. Курганы у с. Воронцовка.
61. Курганы у г. Славянска.
62. Курганы у с. Черевково.
63. Курганы у с. Прелестное.
64. Курганы у с. Ивановка.
65. Курганы у с. Нижняя Дуванка.
66. Курганы у с. Сватова Лучка.
67. Курганы у с. Нещеретово.
68. Курганы у с. Селимовка.
69. Старобельский клад (разрушенное погребение).

Памятники культуры полей погребальных урн

15. Селище у с. Кочеток.
19. Селище у с. Водяное.
23. Селище и могильник у с. Большая Даниловка.
28. Селище у с. Дергачи.
42. Селище у с. Черкасский Бишкинь.
70. Селище у г. Волчанска.
71. Селища у сел Старица и Бугроватка.
72. Селище у с. В. Писаревка.
73. Селище у с. Мартовая.
74. Могильник у с. Старая Покровка.
75. Селище у с. Терновое.
76. Селище у хут. Прелестный.
77. Селище у с. Россоховатое.
78. Селище у Ореховских хуторов (ок. Золочева).
79. Селище у с. Довжик.
80. Селище у с. М. Рогозянка.
81. Селище и могильник у с. Пересечное и селище у ст. Курортная.
82. Селище у с. Снижки.
83. Селище у с. Замосский Кут.
84. Селище Мерефа-4 (около хут. Колесникова).
85. Селище у с. Первомайское.
86. Селище у с. Западенька.